

63.3(Фр.)52-9Р
568

Луи Бланъ

ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

572394

✓

63.3(44p)52 редкие

783243

9(М)З-Фр

Б 68 Блан Луи

История Французской
революции 1789 года. Т.

2.

1907

783243

4/3

Р.Ф.

63.3(44)52
668

49Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМП. АКАДЕМИИ НАУК

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Двѣ революціи



57239H.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Картина французскаго двора.

Картина французскаго двора передъ революціей.—Портретъ Людовика XVI.—Королевское достоинство, представляемое Маріей-Антуанетой.—Положеніе этой государыни при дворѣ; ея иллюзіи; ея ошибки.—Симпатіи, которыя она внушаетъ графу д'Артуа и герцогу Шартрскому.—Происки графа Прованскаго; онъ стремится къ королевской власти и старается погубить королеву; его притворство.—Людовикъ XVI, окруженный крамолой своего брата.—Тайныя причины, мѣшавшія сближенію Людовика XVI съ королевой.—Марія-Антуанета и графиня Полиньякъ; неосторожныя сцены.—Друзья королевы; ихъ удовольствія.—Иосифъ II во Франціи; Марія-Антуанета прозвана *австріячкой*.—Сѣти, бесполезно разставленныя Людовику XVI его братомъ.—Первоначальный источникъ нападокъ, направленныхъ противъ чести королевы; ея легкомысленныя поступки.—Общее нерасположеніе; угрожающее положеніе столичной думы; постепенное униженіе королевской власти.—Нравы придворныхъ; нравственное отреченіе дворянства.—Графъ де Сень-Жерменъ; какъ онъ изолируетъ тронъ.—Придворная жизнь утрачиваетъ свой блескъ.—Версаль, нечувствительно покидаемый; возрастающая важность Парижа

ГЛАВА II.

Первое министерство Неккера.—Американская война пріучаетъ Францію къ мысли о свободѣ.—Герцогъ Шартрскій и королева послѣ Уассанской битвы.—Планы Неккера.—Удивительный успѣхъ его займовъ.—Война безъ увеличенія налоговъ.—Признаніе власти общественнаго мнѣнія.—Энтузіазмъ женщинъ къ Неккеру.—Провинціальныя со-

ная роль Мирабо.—Суевѣрные страхи Мари-Антуанеты.—Неккеръ въ Марли.—Засѣданіе въ залѣ Jeu de paume.—Почему Мунье предложилъ клятву не расходиться.—Дворянство покидаетъ Людовика XVI и обращается къ Мари-Антуанетѣ.—Партія королевы.—Духовенство присоединяется къ общинамъ.—Проектъ Неккера отвергнутъ.—Засѣданіе 23 іюня; истинный характеръ этого засѣданія.—Сцена безумнаго опьяненія при дворѣ.—Бунтъ въ Версалѣ.—Бретонскій клубъ.—Дворянство отправляется въ Собраніе.—Окончательное торжество буржуазіи. 200

Г Л А В А IX.

Призывъ къ силѣ.

Страхи побѣдоносной буржуазіи.—Странный языкъ Мирабо.—Голодающей Парижъ.—Подозрѣнія Марата.—Национальное Собраніе передъ проблемой голодовки; обвиненіе противъ скупщиковъ хлѣба потушено.—Озабоченность народа.—Солдаты, освобожденные народомъ.—Людовикъ XVI, покинутый дворянствомъ, принятъ буржуазіей.—Король собственниковъ.—Подготавливаемая междоусобная война.—Тайныя собранія въ Монружѣ.—Заговоры двора, обличенные Мирабо.—Буржуазія старается противопоставить Людовика XVI партіи королевы; ослѣпленіе Людовика XVI.—Поле битвы вокругъ Парижа.—Дюмурье въ Канѣ.—Дворъ и Бретонскій клубъ.—Герцогъ Орлеанскій передъ орлеанистами; ночная сцена.—Притворный сонъ Людовика XVI 245

Г Л А В А X.

Возстаніе въ Парижѣ.

Общее безпокойствіе.—Увольненіе Неккера.—Картина возставшаго Парижа.—Аббатъ Грегуаръ.—Декларация Национальнаго Собранія.—Рѣшимость народа, его безкорыстіе.—Странная диктатура, родившаяся изъ событий.—Почему учреждена гражданская милиція.—Хитрыя продѣлки городского головы.—Характеристическое письмо барона Безенваля къ графинѣ Полиньякъ.—Народъ обманываютъ; его негодованіе.—Раздача пороха въ городской ратушѣ.—Ночь 13 іюля 1789 г. 265

Г Л А В А XI.

Взятіе Бастиліи.

Описаніе Бастиліи; ея внутренніе порядки.—Великодушное стремленіе народа.—Лихорадочное состояніе Парижа.—Подвалъ Дома Инвалидовъ.—Предварительные переговоры.—Бастилія въ осадѣ.—Измѣна, должно приписываемая коменданту.—Печальное увлеченіе народа.—Мадмуазель де-Монсиньи.—Мучительныя колебанія коменданта де Лоне.—Капитуляція.—Народъ въ Бастиліи.—Смерть де Лоне, де Персона, де Мире, майора де Ломъ.—Достойная удивленія преданность.—Буржуазія въ городской ратушѣ.—Почему Флесель былъ убитъ.—Великодушіе побѣдителей.—Швейцарцы, чествуемые въ Пале-Роялѣ.—Парижъ вечеромъ 14 іюля.—Подозрѣнія Марата.—Всеобщая экзальтація. 284

ГЛАВА XII.

Людовикъ XVI, король буржуазіи.

Ночь 14 іюля 1789 г. въ Версалѣ.—Засѣданіе 15 іюля.—Секретныя постановленія Собранія.—Сцены на Мраморномъ дворѣ.—Видъ вооруженнаго Парижа.—Поѣздка Людовика XVI въ Парижъ.—Виды главныхъ вождей буржуазіи.—Марія-Антуанета, оставшаяся въ Версалѣ.—Людовикъ XVI въ большомъ залѣ городской думы; онъ коронуется королемъ буржуазіи.—Истинный характеръ дня 17 іюля 1789 г. .

318

ГЛАВА XIII.

Первая эмиграція.

Принцесса Аделаида и королева.—Ночной отъѣздъ семейства Полиньякъ; тайное бѣгство графа д'Артуа.—Одинокство Людовика XVI.—Дѣйствіе, произведенное первой эмиграціей.—Покушеніе на цареубійство.—Несправедливыя обвиненія.—Исторія Дюбуа.—Роль герцога Орлеанскаго послѣ 14 іюля.—Роль графа Прованскаго.

329

ГЛАВА XIV.

Возбужденное состояніе Франціи.

Униженіе всѣхъ прежнихъ властей.—Лалли Толлендаль и Робеспьеръ.—Ужасное положеніе народа.—Депутаты Національнаго Собранія на площади становятся на колѣни передъ народомъ.—Убіство Соваяжа; помилованіе Томасена.—Смерть Фуллона.—Смерть Вертье.—Истинный характеръ этихъ событій.—Произведенное ими впечатлѣніе.—Прокламація, предложенная Лалли Толлендалемъ.—Странная роль Мирабо.—Водвореніе коммуны.—Ужасы дворянъ; эмиграціонное движеніе.—Недовѣріе народа.—Брестскій заговоръ; предложеніе Дюпора; учрежденіе *комитета розысковъ*.—Двѣ доктрины въ Собраніи.—Возвращеніе Неккера; высшая степень и конецъ его популярности.—Таинственное приключеніе Пинэ; компанія скупщиковъ.—Трагическій конецъ майора Вельсюиса.—Революція охватываетъ Францію.

337

ГЛАВА XV.

Разрушеніе феодализма.

Возстаніе деревень.—Поджигатели въ Дофинѣ.—Везульская трагедія.—Паническій страхъ во всей Франціи.—Сцены мщенія.—Крестьяне сжигаютъ замки и дворянскія грамоты.—Буржуазія и крестьянство.—Тайныя собранія въ Парижѣ.—Ночь 4-го августа 1789 года.—Разрушеніе феодализма во Франціи.—Конецъ перваго акта буржуазной революціи

371



Двѣ революціи.

Изъ двухъ революцій, которыя скоро разыграются на исторической сценѣ, одна, отмѣченная печатью Вольтера, легко побѣдитъ и будетъ почти столько же похожа на праздникъ, сколько на битву; другая, происходящая отъ Руссо, будетъ имѣть лишь величественный видъ похоронной процессіи и окончится катастрофой.

И этотъ трагическій контрастъ, казалось, былъ предсказанъ судьбой, столь различной, какъ и судьба Вольтера и Руссо.

Что это былъ за день, когда въ Парижѣ, охваченномъ революціоннымъ духомъ, въ Парижѣ, уже содрогавшемся и готовомъ перейти отъ теоріи къ дѣлу, вдругъ раздался крикъ: «Вольтеръ здѣсь!» Власти были ошеломлены; духовенство смутилось; народъ заволновался; и тотчасъ же поэты, артисты, философы, князья слова или мысли, побѣжали взапуски на поклонъ къ неожиданному гостю. Нѣкоторые, однако, отказались идти на поклонъ; и Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ на вопросъ Руссо отвѣтилъ: «Я былъ бы поставленъ въ крайне неловкое положеніе, не зная, какъ подойти къ человѣку, для котораго народы являются кліентами, а цари—льстецами»¹⁾. Но число тѣхъ, кого удерживала гордость, было невелико: направленіе вѣка приводило къ Вольтеру, ибо поклоненіе людей почти никогда не бываетъ безкорыстнымъ; энтузіазмъ ихъ охотно привѣтствуетъ

¹⁾ Bernardin de Saint-Pierre, *Oeuvres*, t. XII.

въ избранникѣ не столько красоту, сколько своевременность его генія. А Вольтеръ былъ именно тотъ великій человекъ, какой былъ нуженъ тогдашнему обществу.

Извѣстно, что когда Франклинъ представилъ ему своего сына подѣ благословеніе, онъ простеръ руки надъ мальчикомъ и произнесъ слѣдующія слова: «Богъ и свобода!» Слова прекрасныя, если бы все неполное не было обманчивымъ, и если бы тамъ, гдѣ нѣтъ равенства и братства, могла быть свобода! Но истинная формула, формула освободительная, еще не была найдена; и, соблазненный двумя словами, которыя прежній гнетъ заставилъ его полюбить, народъ довѣрчиво отдался ихъ магической сладости. И вотъ толпа тѣснилась подѣ окнами Вольтера, счастливая видѣть его у себя и сгоравшая желаніемъ рукоплескать ему. Рассказывали чудеса объ этой непримѣрной жизни; перечисляли перемѣны, которыя она внесла въ міръ: Римъ, изумленный появленіемъ такого врага; католицизмъ, наполовину побѣжденный; разладъ, введенный между старыми властями; Каласъ реабилитированный; нравы смягченные; парламенты, вынужденные къ отреченію отъ своего фанатизма; и, какъ верховное слѣдствіе права контроля, достоинство человеческого ума, провозглашенное столь же неприкосновеннымъ, какъ Богъ.

Были и такіе, которыхъ прибытіе фернейскаго философа испугало. Но въ своихъ пустѣвшихъ храмахъ, у подножія своихъ поруганныхъ алтарей, духовенство тщетно извергало анаему. Вольтеръ, восьмидесяти-четырехъ-лѣтній старикъ, Вольтеръ, больной и дряхлый, обезоруживалъ ихъ гнѣвъ и торжествовалъ. Прошелъ слухъ, однако, что, пораженный недугомъ, по заключенію врачей, смертельнымъ, онъ, будто бы, призвалъ духовника и просилъ прощенія у церкви¹⁾. Но этого человека, жизнь котораго была не что иное, какъ одинъ долгій сарказмъ, публикѣ нравилось предполагать насмѣшникомъ даже въ предсмертной агоніи. Сама церковь, которую его покорность отмстила, не смѣла вѣрить искренности кающагося Вольтера: такъ что, исходя отъ него, актъ слабости имѣлъ значеніе скандала.

¹⁾ Condorcet, *Vie de Voltaire*, t. I des Oeuvres de Voltaire, édit. Beuchot, p. 294.—*Correspondance de Grimm*, t. X, p. 22, édit. Furne.—Paillet de Warcy, *Histoire de la vie et des Oeuvres de Voltaire*, p. 360.

Онъ оживился, впрочемъ, какъ бы для того, чтобы ничего не утратить изъ счастливой грезы, въ которой угасала его жизнь. Когда онъ поѣхалъ на представленіе своей послѣдней трагедіи, въ Парижѣ была безпримѣрная экзальтація. Тысячи людей наводняли улицы, по которымъ онъ долженъ былъ проѣзжать. Когда вдали показался его экипажъ, всѣ бросились ему на встрѣчу съ радостными криками. Онъ вышелъ изъ кареты, опираясь на дружескія руки. Роскошная соболья шуба, подарокъ русской императрицы, парикъ съ сѣдыми пуклями, длинныя кружевныя манжеты—вотъ въ какомъ видѣ явился онъ удивленнымъ и восхищеннымъ парижанамъ¹⁾. Глаза его горѣли блескомъ, особенно замѣтнымъ при усталости его чертъ и блѣдности его лица; онъ наслаждался своей славой со страстью; онъ былъ взволнованъ, и торжественность минуты прогнала въ этотъ разъ съ его насмѣшливыхъ устъ обычную улыбку. Въ театрѣ, когда онъ вошелъ, вся зала поднялась, какъ одинъ человѣкъ. Стоя въ своихъ ложахъ, дамы протягивали руки къ поэту, какъ къ верховному существу. Многіе проливали слезы умиленія; нѣкоторые стали на колѣни. Онъ, слабый, измѣнившійся въ лицѣ, наклонился надъ этой толпой, поблагодаривъ ее жестомъ и едва не умеревъ отъ опьяненія своего сердца. Они увѣнчали его; они увѣнчали передъ нимъ его бюстъ, дабы онъ присутствовалъ живой на праздникѣ своего безсмертія... Два мѣсяца спустя его не стало²⁾.

Существуетъ легенда, что раненый смертельно въ битвѣ, прежде чѣмъ успѣлъ нанести послѣдніе задуманные имъ удары ненавистному ему христіанству, императоръ Юліанъ Отступникъ собралъ въ пригоршню кровь, струившуюся изъ его раны, и бросилъ ее къ небу, воскликнувъ: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Вольтеръ не былъ осужденъ на изверженіе подобныхъ проклятій: онъ испустилъ духъ въ помпѣ и шумѣ триумфа.

Въ это самое время Жанъ-Жакъ Руссо проводилъ остатокъ своей жизни въ одиночествѣ и скорби. Этому уму, не знавшему покоя, этой растерзанной великой душѣ, нужны были добрые и терпѣливые друзья, а между тѣмъ Руссо имѣлъ только покро-

¹⁾ *Correspondance de Grimm*, t. X, p. 6.

²⁾ Объ этомъ триумфѣ, кромѣ прежде цитирован. сочиненій, см. *Histoire de Voltaire*, par Duvernet.

вителей или судей. Большинство хвалили его гений только для того, чтобы имѣть право не снисходить къ его слабостямъ; считали себя достаточно справедливыми, выражая ему свое удивленіе,—ему, которому нужно было, чтобы его любили! Онъ сталъ печальнымъ до крайности, подозрительнымъ до безумія... Почему? Потому что зрѣлище дѣлъ человѣческихъ не отвѣчало ни возвышенности его желаній, ни героизму его понятій; потому что, вѣря въ природную доброту человѣка, не могъ покориться необходимости находить людей злыми; потому что, будучи апостоломъ ученія о братствѣ, онъ присутствовалъ при процессѣ разложенія, за которымъ предчувствовалъ пропасти; потому что, наконецъ, обладая сокровищами нѣжности и не встрѣчая ни въ комъ силы любить, равной его собственной, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ замкнуть свое сердце. Отсюда его ошибки, искупленные его страданіями. И какими страданіями! Жертва воображаемаго заговора, окруженный врагами, призраками его больного воображенія, онъ тщетно старался уйти отъ самого себя—то, бродя вдали отъ торныхъ стезей, онъ просилъ у природы забвенія людей, то, неподвижный, со взоромъ, устремленнымъ въ даль, терявшимся въ глубинахъ пространства, онъ искалъ себѣ убѣжища въ мірѣ своихъ мыслей. Подъ конецъ онъ былъ подверженъ припадкамъ помѣшательства, которые проявлялись у него знаками, хорошо извѣстными его рѣдкимъ посѣтителямъ. Сколько разъ, напримѣръ, имъ случалось врасплохъ заставать его поворачивающимся на стулѣ, съ рукой, протянутой черезъ спинку, и сообщающимъ этой повисшей рукѣ движеніе, подобное качанію маятника! ¹⁾ Тогда лицо его принимало мрачное выраженіе; его обычная меланхолія переходила въ отчаяніе, и безпорядочность его чувствъ изливалась въ рѣчахъ, полныхъ горечи безумія.

Онъ всегда былъ бѣднякомъ и никогда не жаловался на это, пока могъ гордо носить свою нищету и усиленнымъ трудомъ гарантировать себя отъ ига благодѣяній. Но пришелъ часъ, когда дѣятельность его уступила старости, и онъ увидѣлъ свои ресурсы уменьшавшимися день ото дня; жена его потеряла

¹⁾ *De Jean-Jacques Rousseau*, par Corancez, p. 41. Эта книжка, чрезвычайно любопытная, была напечатана всего только въ 40 или 50 экземплярахъ. Экземпляръ, лежащій передъ нами, одолженъ намъ дочерью Корансе, г-жей Кавеньягъ.

здоровье; въ свою очередь, и онъ заболѣлъ, и съ этого момента онъ считалъ бѣдность въ числѣ своихъ несчастій.

Въ заботѣ о завтрашнемъ днѣ, онъ написалъ на бумагѣ, помѣченной февралемъ 1777 г., слѣдующія раздирающія душу строки:

«Моя жена больна уже давно... Такъ какъ мы должны жить въ совершенномъ одиночествѣ, и тѣмъ не менѣе не можемъ обходиться безъ услугъ другихъ людей, то намъ остается, въ этомъ безпомощномъ состояніи, одно только средство поддерживать наши старые дни: это найти какой-нибудь пріютъ, гдѣ мы могли бы существовать на собственныя средства, но избавленные отъ непосильнаго труда и отъ хлопотъ и заботъ, къ которымъ мы болѣе неспособны. Впрочемъ, какъ бы со мною ни обращались, будутъ ли меня держать въ формальномъ заключеніи или въ кажущейся свободѣ, въ госпиталѣ или въ пустынѣ, съ людьми кроткими или суровыми, фальшивыми или чистосердечными (если такіе еще водятся), я согласенъ на все, лишь бы только оказывали моей женѣ попеченіе, требуемое ея положеніемъ, и давали мнѣ кровъ, одежду самую простую и пищу самую неприхотливую до конца моихъ дней, такъ, чтобы мнѣ не нужно было болѣе ни во что вмѣшиваться...¹⁾»

Въ этихъ-то жестокихъ обстоятельствахъ Станиславъ де-Жирарденъ просилъ Руссо принять у него пріютъ. Предусмотрительное гостепримство ожидало автора «Эмиля» по близости Парижа, въ красиво-живописной сельской мѣстности, многіе виды которой должны были напоминать ему счастливые берега Веве и скалы Мельери. Ему предложили небольшой павильонъ близъ замка Эрменонвиль, пока для него не будетъ приготовлено среди стариннаго фруктоваго сада, въ мѣстахъ, расположенныхъ согласно описанію Кларанскаго Элизіума, жилище, наполненное образами изъ «Новой Элоизы»²⁾. Бѣдный старикъ не устоялъ противъ искушенія видѣть деревья, дышать воздухомъ полей и холмовъ: онъ принялъ предложеніе и поѣхалъ. Но грусть слишкомъ властно овладѣла имъ, чтобы онъ отвыкъ страдать. Брошенный въ вѣкъ, которому онъ чувствовалъ себя чужимъ, онъ долженъ былъ, какъ всѣ предтечи, быть мученикомъ собственной славы. Оттого ничто не могло утолить его муки и спасти

¹⁾ Письмо, приведенное въ сочиненіи Корансе, стр. 56.

²⁾ Письмо къ Софьѣ, графинѣ ***, pag René Girardin.

его отъ упадка духа: ни заботливое попеченіе великодушнаго семейства, ни свободное пребываніе среди лѣсовъ, столь дорогое его дикому безпокойству, ни привязанность къ младшему сыну его хозяина, любезному товарищу его прогулокъ, и котораго онъ называлъ своимъ маленькимъ гувернеромъ¹⁾, ни, наконецъ, спокойствіе часовъ, проводимыхъ въ собираніи цвѣтовъ и растений, въ мечтахъ на берегу тихихъ водъ, въ вопрошаніи Бога въ уединеніи.

2 іюля 1778 г.²⁾ Руссо всталъ очень рано и вышелъ изъ дому. Но вмѣсто того, чтобы отправиться въ замокъ по своему обыкновенію, онъ пошелъ привѣтствовать рожденіе дня. Вернувшись домой, онъ велитъ настоять въ чашкѣ кофе какія-то растенія, принесенныя съ прогулки, и, какъ бы въ предчувствіи близкаго конца, опасаясь оставить послѣ себя несправедливость, онъ проситъ уплатить одному рабочему слѣдующую ему маленькую сумму. Тереза взяла деньги и вышла; но не успѣла она спуститься съ крыльца, какъ услышала стоны. Въ испугѣ, она поднимается наверхъ и находитъ Жанъ-Жака сидящимъ на соломенномъ стулѣ, опершись локтемъ о комодъ, съ чертами лица, отмѣченными роковой печатью. Вскорѣ является мадамъ де-Жирарденъ. Тогда, обращаясь къ ней съ ласковымъ и печальнымъ видомъ, Руссо сказалъ ей: «Сударыня, я жестоко страдаю. Ваша чувствительность не должна быть подвергаема испытанію подобной сцены и катастрофы, которою она окончится». Онъ выразилъ въ умоляющихъ словахъ желаніе остаться наединѣ съ своей женой: мадамъ де-Жирарденъ удалилась. Онъ велѣлъ открыть окна и глубоко изволнованнымъ голосомъ произнесъ: «Какой великолѣпный день! какъ прекрасна зелень! какъ грандіозна природа! Вѣчное Существо, душа, которую Ты сейчасъ примешь въ свое лоно, такъ же чиста, какъ была чиста, когда вышла изъ него. Дай ей наслаждаться тѣмъ счастьемъ, нарушить которое будетъ уже не во власти людей!»

¹⁾ *Lettre à Sophie, comtesse de ****, par René Girardin.

²⁾ Смерть Жанъ-Жака подала поводъ къ оживленной полемикѣ между Мюссе Патэ и Станиславомъ де-Жирарденомъ. Сопоставляя эту полемику съ сочиненіемъ Корансе, съ «Письмами г-жи де-Сталь о Руссо», съ «Персипской Гримма», съ противорѣчивыми показаніями Терезы Левассеръ и съ официальными бумагами, мы и составили разсказъ объ этой кончинѣ Руссо, бывшей предметомъ столькихъ различныхъ утверженій и столь долго окутанной туманомъ.

Затѣмъ, при видѣ Терезы, обливавшейся слезами: «Не плачь, моя дорогая!» сказалъ онъ ей. «Приближается моментъ, котораго я такъ желалъ. Я скоро буду счастливъ». И онъ усадилъ ее подлѣ себя, утѣпая ее нѣжными словами, упрекая себя за то, что призвалъ ее раздѣлять съ нимъ горькое существованіе, и успокаиваясь въ увѣренности, что не оставляетъ ее безъ поддержки и безъ друзей. Онъ говорилъ о своемъ маленькомъ гувернерѣ; о бѣдныхъ ихъ деревни, которые навѣрно томятся за него; о свадебномъ подаркѣ, предназначенномъ имъ молодой четѣ, бракъ которой онъ устроилъ, о томъ что надо передать ей этотъ подарокъ. Однако, боли его становились все рѣзче и мучительнѣе. Вдругъ онъ встаетъ, въ состояніи невыразимой экзальтаціи: «Ни одного облачка на небѣ... Видишь ли этотъ необъятный ослѣпительный свѣтъ?... Вотъ Богъ, да, самъ Богъ... Ахъ! я чувствую въ головѣ страшные, потрясающіе удары... внутренность моя разрывается... Существо существъ!» Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Что произошло затѣмъ? Правда ли,—какъ полагали,— что пистолетъ dokonчилъ начатое ядомъ? Неужели Руссо забылъ свое прекрасное письмо противъ самоубійства? (читалъ ли онъ себя въ одномъ изъ тѣхъ исключительныхъ положеній, когда человѣкъ получаетъ отъ испытываемаго имъ невыносимаго страданія право распоряжаться своей жизнью? Одна Тереза была свидѣтельницей; а она должна была отрицать самоубійство изъ опасенія, чтобы не вмѣнили ей его фатальность. Достоверно то, что когда прибѣжали на ея крики, увидѣли Жанъ-Жака распростертымъ на полу. У него была глубокая рана въ головѣ и Тереза была покрыта кровью, брызнувшей изъ чела ея мужа. Несчастнаго подняли: въ десять часовъ утра онъ скончался.

4 іюля его смертныя останки были перенесены въ полночь на островъ Тополей. Нѣсколько друзей, въ томъ числѣ иностранцевъ, молча слѣдовали за гробомъ. Въ воздухѣ царилъ тишина; луна освѣщала похоронную процессію.

Этотъ Тополевый островъ—меланхолическій и темный уголокъ. Окружающіе холмы скрываютъ маленькое озеро, среди котораго онъ лежитъ, озеро невѣдомое, тихая поверхность котораго никогда не бываетъ волнуема вѣтромъ. На островѣ нѣтъ ничего, кромѣ травы, тополей и розъ. Тамъ Жанъ-Жакъ Руссо и былъ похороненъ вдали отъ людской суеты и среди цвѣтовъ,

которые онъ такъ любилъ; тамъ онъ почилъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ восходящему солнцу.

Такъ угасли, почти одновременно, эти два великіе свѣточа: Вольтеръ и Руссо. Между историческими датами, ихъ двойная смерть—одна изъ самыхъ импонирующихъ, ибо она опредѣляетъ точный моментъ, когда мысль перешла въ дѣло и когда двѣ соперничавшія доктрины вызвали двѣ революціи.

гали вокругъ новаго повелителя, какъ вдругъ, охваченныя какъ бы пророческимъ ужасомъ, Людовикъ XVI и Марія-Антуанета пали на колѣни, и изъ ихъ груди вырвался крикъ: ¹⁾ «Боже, помоги намъ, храни насъ! Мы вступаемъ на царство слишкомъ молодыми».

Людовику XVI было тогда двадцать лѣтъ, а Марія-Антуанета не достигла еще своего девятнадцатаго года, появившись на свѣтъ 2 ноября 1755 г., въ день Лиссабонскаго землетрясенія.

Печальное предзнаменованіе! И сколько другихъ, не менѣе зловѣщихъ, слѣдовало за нимъ! Припомнили, когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, обогранныя кровью праздника по случаю его бракосочетанія, гибель тысячи съ лишнимъ гражданъ, задушенныхъ въ давкѣ толпы, и ихъ отчаянные крики, выдѣлявшіеся, какъ зловѣщее предсказаніе, въ шумѣ народнаго ликованія.

Но скоро безпокойные призраки разсѣялись. Былъ моментъ, когда нація, казалось, ушла въ себя и умолкла. Въ гнѣвѣ и скорби народа было что-то до того глухое, что они походили на тишину: спокойно заснули, въ надеждѣ на мирный завтрашній день, тѣ, которые, стоя на поверхности общества, хотѣли игнорировать его глубины.

Однако, что подѣлывалъ король? Въ то время, какъ графъ Морепа, его менторъ, искалъ пищи для циническихъ насмѣшекъ и посмѣивался при видѣ борьбы, возгорѣвшейся между министрами реформаторами и царедворцами; въ то время, какъ революціонные философы овладѣвали умами, и подземными, но вѣрными путями минеры доводили свои подкопы до подножія монархіи,—король охотился; онъ читалъ литаніи или псалмы; король дѣлалъ замки; онъ чувствовалъ себя счастливымъ, когда слесарь Гаманъ, его мастеръ, строгости котораго онъ сильно боялся, былъ доволенъ его работой, или когда, затерянный въ темныхъ коридорахъ Версальскаго дворца и нагруженный инструментами своего любимаго труда, онъ успѣвалъ пробраться въ слесарную мастерскую, не бывъ замѣченнымъ королевой ²⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, Людовикъ XVI не имѣлъ въ себѣ ничего королевскаго. И достаточно было увидѣть его, чтобы составить о немъ вѣрное сужденіе. Его нерѣшительная походка, его не-

¹⁾ *Memoires de madame Campan*, ch. IV, p. 78. 1822.

²⁾ *Soulavie, Mémoires historiques et politiques*, t. II, p. 47. Paris, 1801.

уклюжестъ, вялость его фізіономіи, его внезапно овладѣвавшая имъ робость,—ибо, подобно императору Клавдію, онъ былъ такъ же скоръ на гнѣвъ, какъ легко захватываемъ врасплохъ,—все это обнаруживало его царствованіе и позволяло читать въ его судьбѣ. Можно было сказать, что какъ бы для того, чтобы поощрить будущихъ избранниковъ публичной площади поднять руку на него, Богъ заранѣе лишилъ его всякаго престижа. Передавая ему свою власть, предки его не оставили ему ничего для его охраны; ничего—ни даже царственного взгляда, ни даже повелительнаго жеста и позы! Въ немъ величавая сдержанность Людовика XIV измѣнилась въ смущеніе, привѣтливость Людовика XV—въ простодушіе. Готовились нанести оскорбленіе его фамиліи въ его лицѣ; и типъ этой фамиліи онъ воспроизводилъ довольно выродившимся, чтобы народъ отвыкъ отъ должнаго уваженія. Какъ король, онъ представлялъ собою ослабленіе своего принципа; какъ человѣкъ, онъ представлялъ собою упадокъ своего рода.

Ни одинъ изъ его предковъ, исключая Генриха IV, не пошелъ бы, какъ онъ, навѣстить бѣдняка въ темной конурѣ, и не воскликнулъ бы, идя на церемонію коронованія: «Не надо шпалеръ! Я не хочу, чтобы что-нибудь мѣшало намъ, народу и мнѣ, видѣть другъ друга»¹⁾; но зато ни одинъ изъ нихъ не унизился бы, въ припадкахъ гнѣва, до грубыхъ угрозъ, или, присутствуя на скачкахъ, не держалъ бы пари на одинъ эю²⁾ и не низвелъ бы до такой мелочности примѣръ экономіи.

Людовикъ XVI былъ государь образованный; онъ обладалъ, въ географіи и исторіи, основательными познаніями; онъ имѣлъ доброе сердце, которое противилось дурнымъ совѣтамъ, внушаемымъ высокимъ положеніемъ... Но когда короли берутъ себѣ точку опоры не въ низости человѣческой, имъ такъ трудно удержаться, что самыя эти достоинства Людовика XVI обратились противъ него. Его слабохарактерность подвергала его презрѣнію народа; чистота его нравовъ навлекала на него презрѣніе знати. Отдѣленный отъ народа своими недостатками, а отъ дворянства своими добродѣтелями, онъ оставался одинокимъ: чуждымъ націи на тронѣ, чуждымъ двору во дворцѣ и какъ бы заблудившимся на вершинѣ государства.

¹⁾ Nougaret, *Regne de Louis XVI*, t. I p. 54. Paris, 1791.

²⁾ M-me de Genlis, *Souvenirs de Felicie*.

Разсказываютъ, что когда, содержащійся плѣнникомъ въ Гамптонкуртъ, Карлъ I старался соблазнить обѣщаніями Айртона и Кромвеля, эти послѣдніе получили секретное извѣщеніе, что въ Гольборнѣ, на постоянный дворъ «Синяго Вепря» зайдетъ мимоходомъ незнакомецъ, несущій на головѣ сѣдло, которое нужно вскрыть. Они отправились въ указанное мѣсто, и какъ только тотъ человѣкъ появился, набросились на него и расправили сѣдло остриемъ шпаги; въ найденномъ тамъ письмѣ, которое царственный бѣглець посылалъ королевѣ Генриетѣ-Маріи, они прочли: «Не безпокойся насчетъ уступокъ... вмѣсто шелковой ленты, я готовлю имъ пеньковую веревку». Тогда Кромвель принялъ рѣшеніе, и нѣсколько времени спустя голова Карла I упала, въ Уайтголѣ, подъ топоромъ замаскированного палача. Это притворство, столь роковое для перваго Стюарта, должно было проявиться въ Людовикѣ XVI. Но это было скорѣе его несчастіе, чѣмъ преступленіе; онъ сдѣлался лживымъ, благодаря своей слабохарактерности.

Оставаться на верху зданія, разбиваемаго столькими таранами, было бы тщетной попыткой для самаго геройскаго изъ смертныхъ. И, однако, если бы отсутствіе генія замѣняла у него душа, возвеличенная опасностью, Людовикъ XVI могъ бы по крайней мѣрѣ приготовить королевской власти славное паденіе; самъ онъ могъ бы умереть облеченный въ поэзію такой катастрофы. Но нѣтъ: для того, чтобы урокъ былъ полнымъ, нужно было, чтобы къ зрѣлищу низверженной монархіи присоединилось зрѣлище монархіи униженной. Оказалось, что Людовикъ XVI не сумѣлъ ни подняться до уровня своего несчастія, ни быть равнымъ своей судьбѣ. Облеченный королевской властью, онъ сообщилъ ей то, что въ немъ было вульгарнаго. Олицетворяя эту власть, онъ погубилъ ее.

Оттого въ началѣ взоры направились только на Марію-Антуанету. Она была тогда во всемъ блескѣ своей красоты, той красоты, неправильной и спорной, но привлекательной, которая ослѣпила Версаль, встревожила мадамъ дю-Бари и плѣнила Людовика XV. Передъ юной королевой открывалась волшебная жизнь. Ни одного облачка на ея челѣ въ ту эпоху; ни одной горькой мысли, которая бы замутила ясность ея голубыхъ глазъ. Бя гибкій станъ, съ граціознымъ покачиваніемъ, не имѣлъ той высокомерной жесткости, которую оскорбленная гордость придала ему впоследствии; и въ ея выступающей губѣ, которая

привыкла потомъ къ презрительной минѣ, замѣчали еще только признакъ австрійскаго и императорскаго происхожденія. Почему стала бы она недовѣрчиво взирать на будущее? Ее осыпали изъявленіями любви и преданности. Для нея живописцы и поэты обновили искусство утонченной лести. Портретъ ея помѣщали въ распутившуюся розу. Одѣтую въ газовое платье, безъ брилліантовъ, ее сравнивали съ Аталантой садовъ Марли. Въ театрѣ ея присутствіе привѣтствовали пожеланіями, которыя она считала вѣчными; и когда съ высоты балкона Тюльерійскаго дворца, указывая на тѣснившуюся толпу, старый маршалъ Бриссакъ говорилъ: «Посмотрите, ваше величество, сколько влюбленныхъ!»¹⁾ она улыбалась въ умиленіи и отдавалась обману счастливыхъ грезъ.

Итакъ она съ наслажденіемъ вступила на путь неосторожныхъ поступковъ и предосудительныхъ капризовъ. Натура пылкая, хотя нѣжная, и болѣе жаждавшая волненій, чѣмъ спокойствія любви, она спѣшила исчерпать сладость жизни. Все, что стѣсняло бы полетъ ея желаній, все, что привело бы ее къ серьезному и осмотрительному счастью,—она отвергла; и ничто не нашло у нея пощады изъ того, что могло бы хотя немного затуманить ея горизонтъ. На публичныхъ приемахъ, передъ пожилыми дамами, она не всегда умѣла скрывать за своимъ вѣромъ насмѣшливыя улыбки, оскорбительность которыхъ не забываютъ. По знаку ея дворъ перешелъ во власть молодежи, т. е. любви къ новизнѣ, увлеченія легкими наслажденіями, легкомыслія. Удалили преданныхъ ворчуновъ, т. е. самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ; нетерпѣливой рукой устранили этикетъ²⁾, этотъ покровъ, закрывавшій слабости королевской власти; шутя измѣнили освященные давностью формы, столь важныя въ монархическомъ государствѣ; то, что было установлено для обозначенія іерархіи ранговъ нечувствительно принесли въ жертву тому, что благопріятствовало свободѣ въ удовольствіяхъ, и, сама того не желая и не зная, Марія-Антуанета переворотомъ, вводимомъ ею въ обычай, служила перевороту, совершавшемуся въ умахъ.

Что наклонности и симпатіи государыни, всецѣло отдавшейся увлеченіямъ жизнерадостныхъ годовъ, что ея удоволь-

¹⁾ *Mémoires de m-me Campan*, p. 60.

²⁾ *Mémoires du conte Tilly*, t. 1, p. 25.—Montjoie, *Hist. de Marie-Antoinette*, p. 56.—M. de Lévis, *Souvenirs et portraits*, p. 137.

ствія, что ея капризы, считаются достойными имѣть мѣсто въ памяти людей, — этому, конечно, позволительно было бы удивляться, если бы важность мелочей не составляла именно того, что характеризуетъ этотъ режимъ неограниченныхъ монархій. Къ тому же обстоятельства не позволяли Маріи-Антуанетѣ имѣть частную жизнь. Есть королевы, которымъ суждено всегда оставаться внѣ контроля исторіи, которая довольствуется простымъ упоминаніемъ ихъ и боится спуститься слишкомъ низко, занимаясь ихъ благоразуміемъ или ихъ ошибками. Такова была Марія Лещинская, безвѣстная дочь низложеннаго монарха; такую не могла быть Марія-Антуанета, ибо ея бракъ былъ освященіемъ австрійской системы герцога Шуазеля, и Европа затрепетала при извѣстіи, что преемникъ Людовика XV женится на эрцгерцогинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это было событіе капитальной важности, это было сближеніе двухъ домовъ, прославившихся своимъ долгимъ соперничествомъ; этотъ союзъ кабинетовъ вѣнскаго и версальскаго сильно противорѣчилъ планамъ Генриха IV, кардинала Ришлье и Людовика XIV. Англія поняла, что, разъ свободная отъ своихъ движеній въ сторону Австріи, Франція не замедлитъ обратиться въ сторону морей; протестантскія державы подозрительно смотрѣли на лигу, образовавшуюся между двумя великими католическими націями; Пруссія съ безпокойствомъ спрашивала себя, какъ ей теперь возвеличиваться въ Германіи, а Савойскій домъ — какъ ему сохранить подъ давленіемъ двухъ колоссовъ свою шаткую независимость. Вотъ какіе интересы, какія заботы, какія ненависти соединялись противъ системы, представляемой Маріей-Антуанетой. Такимъ образомъ она очутилась, помимо ея воли, во главѣ воинствующей партіи, на необъятной исторической сценѣ. И потомъ, какъ свѣточъ, зажженный, чтобы освѣщать ея жизнь, ей сопутствовала слава ея матери.

Такъ высоко поставленная, она должна бы была строго наблюдать за собой, быть крайне осмотрительной въ своихъ дѣйствіяхъ. Но восторженные рукоплесканія окружающихъ вкружили ей голову, и она чувствовала себя пожираемой неукротимымъ огнемъ молодости. Едва успѣвъ поселиться въ Версали, она стала вести образъ жизни, совершенно противный привычкамъ Людовика XVI, охотно посѣщая собранія, фривольность которыхъ онъ осуждалъ, подвергая случайностямъ ночныхъ прогулокъ королевское величіе, дважды скомпрометированное,

и дѣлая неосторожность за неосторожностью. То, чтобы отправиться на вечеръ, куда король не долженъ былъ сопровождать ее, она передвигала стрѣлку часовъ и такимъ образомъ предавала насмѣшкамъ двора достоинство своего обманутаго супруга ¹⁾; то украшала себя перомъ цапли, даннымъ Лозеномъ, и которое онъ носилъ на своей каскѣ ²⁾; или однажды, танцуя съ Дильономъ и не думая, что слова ея могутъ услышать, она сказала своему кавалеру: «Дотроньтесь—какъ бьется у меня сердце!» и навлекла на себя слѣдующее рѣзкое замѣчаніе короля: «Ваше величество, г. Дильонъ повѣритъ вамъ на слово ³⁾». Ея поведение относительно герцога Куаньи и нескромное ухаживанье графа Артуа могли подать поводъ къ пагубнымъ толкованіямъ: это ни мало не смущало ее; и, съ высоко поднятой головой, съ восторженной душой, она быстро шла на встрѣчу своей гибели, которую уже умышляли, прятавшіеся въ тѣни трона, страшные враги. Ибо, въ то время, какъ блестящій графъ Артуа (будущій Карлъ X) называлъ себя кавалеромъ королевы и какъ герцогъ Шартрскій (впослѣдствіи Филиппъ-Эгалитэ) окружалъ ее сердечнымъ попеченіемъ, графъ Прованскій (будущій Людовикъ XVIII) втихомолку готовился къ роли, съ которой нужно познакомиться, если хочешь знать всѣ позорныя тайны, скрывавшіяся въ этой придворной жизни, надъ которой разразилось мщеніе революціи.

Людовикъ XVI родился съ однимъ тѣлеснымъ порокомъ, который, казалось, отнималъ у него надежду имѣть дѣтей. Это было не безызвѣстно въ Версали, и объ этомъ ходили, когда Людовикъ XVI былъ еще только дофиномъ, разные слухи, злостно преувеличенные. Внука Людовика XV видѣли уже покорившимся необходимости безбрачія, — предположеніе, которое не опровергалось ни его набожностью, ни его нравами; говорили шепотомъ о консультаціи врачей; называли докторовъ Леруа и Дессо ⁴⁾; свободно распоряжались будущимъ. Предсказывали,

¹⁾ *Mémoires du comte de Tilly*, t. I, p. 145.—*Mémoires de m-me Campan*, t. I, p. 128.

²⁾ *Mémoires de m-me Campan*, t. I, p. 169.

³⁾ *Revue rétrospective*, № 1, p. 87.

⁴⁾ *Рукописныя замѣтки Сокэра-Суинья*, доставленные намъ самимъ авторомъ, очевидцемъ большинства отмѣченныхъ имъ фактовъ, точность которыхъ мы имѣли возможность провѣрить сопоставленіемъ съ многочисленными письменными свидѣтельствами.

библіотекаръ, получилъ приказъ опускать всё памфлеты, относящіяся къ дѣламъ двора, въ отверстіе шкатулки, ключъ отъ которой былъ у одного только короля¹⁾. Отсюда, отчасти, холодность, которую въ первые годы своего супружества Людовикъ XVI вносилъ въ свои отношенія къ Маріи-Антуанетѣ, — холодность, доходившая до того, что онъ только по обязанности приходилъ почивать на ложѣ королевы и часто засыпалъ, не сказавъ ей ни одного слова²⁾. И неудовольствіе его не всегда замыкалось въ эту молчаливую холодность; иногда оно прорывалось наружу вульгарными и насильственными поступками, въ родѣ отданнаго приказа запереть, по пробитіи одиннадцати часовъ, главный дворъ замка, для того, чтобы при возвращеніи съ ночной прогулки Марія-Антуанета получила унижительный урокъ³⁾. Все обращалось въ смертоносное оружіе противъ власти, часъ которой приближался. Сцены алькова, подробности интимной жизни, которыя въ другое время не были бы замѣчены, теперь приобрѣли серьезную важность. Пренебреженіе короля, его вспышки были поочередно указываемы какъ мщеніе и осуждаемы какъ поступки; они открыли широкое поле жестокихъ догадкамъ и принимались за доказательство обвиненій, которыя заставляли все болѣе и болѣе восходить къ высотамъ общественное презрѣніе.

Между тѣмъ графъ Прованскій, державшійся въ сторонѣ и предававшійся, какъ говорили, исключительно своимъ литературнымъ вкусамъ, соблюдалъ благоразумную осторожность и слѣдовалъ плану, глубину котораго скрывала уже самая его молодость. Возрастъ его брата позволялъ ему питать лишь отдаленную, смутную надежду; но, то ли отъ иллюзіи своего нетерпѣнія, то ли въ предвидѣніи смутъ въ государствѣ, онъ считалъ себя призваннымъ быть королемъ, и заранѣе подготовлялся къ этой роли, упражняясь въ искусствѣ притворства. О политическихъ его видахъ мы скажемъ впоследствии; въ эпоху же, къ которой относится этотъ разсказъ, система принца еще не созрѣла въ его головѣ, и онъ пока думалъ лишь о томъ, чтобы устранить коварно съ своей дороги все, что могло быть ему затрудненіемъ или препятствіемъ. Почтительный и

¹⁾ Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. 1, p. 130.

²⁾ *Mémoires de m-me Campan*, t. I, p. 60.

³⁾ Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XIV p. 155.—Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. I. 326, 327.



вѣжливый въ отношеніи королевы въ ея присутствіи, онъ поздравлялъ ее съ тѣмъ, что она сѣяла радость повсюду кругомъ себя, и поощрялъ ее быть счастливой; онъ адресовалъ ей, посылая вѣркъ, стихи, галантность которыхъ очень хвалили¹⁾, давалъ въ честь ея балы, полные сладостныхъ воспоминаній. Но въ то же время онъ старался оклеветать ее искусно придуманными инсинуаціями и разсчитанными сарказмами. Такъ, напримѣръ, тогда повторяли слѣдующую остроуту его, сказанную графу д'Артуа, когда у послѣдняго родился сынъ: «Теперь, любезный братъ, будьте осторожны въ вашихъ любовныхъ дѣлахъ, чтобы не повредить вашему наслѣднику²⁾».

Вскорѣ одно обстоятельство дало этой глухой враждѣ новое оружіе и союзниковъ. Желая имѣть подругъ, которыхъ бы ей, хотя и королевѣ, можно было любить свободно, Марія-Антуанета сначала почувствовала влеченіе къ княгинѣ Ламбаль, молодой дамѣ съ серьезными привязанностями и рано испытавшей горе; но вотъ при дворѣ появилась графиня Іоланта Габріелла Полиньякъ, и тотчасъ же княгиня Ламбаль была замѣнена въ симпатіяхъ королевы. Миловидное лицо, умѣнье держать себя, много притворства, но отсутствіе честолюбія и безпечность, облагороженная ясностью улыбки, мечтательнымъ выраженіемъ взгляда... Такова была графиня Іоланта. Однако, дружба ея съ Маріей-Антуанетой была источникомъ нападокъ, которыя всего болѣе способствовали къ запятнанію посредствомъ униженія королевскихъ особъ, паденія королевской власти.

Слѣпо подчиняясь наставленіямъ своей свояченицы, Діаны Полиньякъ³⁾, графиня Іоланта служила орудіемъ къ возвышенію своихъ родственниковъ, и, переставъ быть безкорыстнымъ, вліяніе ея сдѣлалось ненавистнымъ. Милость, даруемая новымъ пришельцемъ, устраняла соперничествовавшія претензіи, грозила пріобрѣтенымъ положеніямъ: семья Ноайль осадила королеву своими претензіями, не говоря уже объ очагѣ опасныхъ слуховъ, основаншемся въ обществѣ г-жи де Марсанъ⁴⁾.

Прибавьте къ этому, что королева очутилась между партиями, оспаривавшими другъ у друга выгоду дать ей любов-

1) Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXVII, p. 292.

2) Рукопись Сокэра-Сулинье.

3) Soulavie, *Mémoires historiques du règne de Louis XVI*, t. VI, p. 31.

4) *Mémoires de m-me Campan*, t. I, p. 64.

ника, и подвергалась мщенію побѣжденныхъ въ этомъ постыдномъ антагонизмѣ; что она имѣла противъ себя многихъ изъ особъ королевской крови; что графини Прованская и д'Артуа завистливо наблюдали за ней¹⁾; что принцесса Аделаида, тетка короля, всегда питала сильное предубѣжденіе противъ австрійскихъ принцессъ²⁾, и что другая тетка короля, принцесса Луиза, вела войну изъ глубины монастыря кармелитокъ, гдѣ волновалась ея честолюбивая набожность³⁾. Не изъ этого ли монастыря, не изъ дворца ли парижскаго архіепископа исходили нѣкоторыя изъ сатиръ, давшихъ пищу злословію куртизановъ? Такъ думали и даже не боялись писать объ этомъ,— до того раздоры въ королевской семьѣ стали явными! Такъ что со всѣмъ сторонъ враждебные взоры слѣдили каждый шагъ королевы, высматривали каждую ея ошибку.

А она, неустрашимая и гордая въ своемъ легкомысліи, бравировала неудовольствіями, пренебрегала предостереженіями. По какому праву претендовали регулировать біенія ея сердца? Это высокое положеніе, величіе котораго скрываетъ въ себѣ столь горькое сокровище принужденія и скуки, не думали ли превратить его для нея въ рабство? И она смѣло, безъ оглядки, отдалась дружбѣ женщины, передъ которой могла восклицать: «Слава Богу, я болѣе не королева!»⁴⁾.

Если бы еще она умѣла приберечь себѣ ресурсъ молчанія, полусвѣта! Но нѣтъ: ее соблазняла слава привязанности открытой, гласной. «Сгораю желаніемъ поскорѣ обнять васъ»⁵⁾, писала она своей подругѣ. Дошло до того, что она проводила съ ней и у нея долгіе часы, всегда казавшіеся слишкомъ быстро протекающими; и когда, испугавшаяся счастья, которому грозило столько ненависти, или оскорбленная въ своей черезчуръ щепетильной гордости, графиня Полиньякъ заговаривала о разлукѣ, Марія-Антуанета, бросаясь поредъ ней на колѣни, старалась удержать ее, мѣшая мольбы со слезами⁶⁾. Сцены роковыя, и графъ д'Артуа первый разгласилъ ихъ секретъ, который ему открыла полуотворенная дверь. «Я помѣшалъ двумъ подру-

¹⁾ Soulavie, *ibid.*, t. VI, p. 6.

²⁾ Soulavie, *ibid.*, t. VI, p. 6.

³⁾ *Chronique secrète de Paris*, par l'abbé Baudeau.

⁴⁾ Montjoie, *Hist. de Marie-Antoinette*, p. 105.

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ *Mémoires de Besenval*, t. II, p. 107.

гамъ»¹⁾),—разсказывалъ онъ всѣмъ и каждому, сопровождая эти слова улыбкой.

Кто же, впрочемъ изъ приближенныхъ королевы могъ бы быть ей нравственнымъ оплотомъ? Не баронъ ли Безанваль, развращенная и мелкая душа, швейцарскій офицеръ, болѣе распущенный, подъ наружной прямою военнаго, чѣмъ французы передней *Oeil de Bœuf*? Не Водрейль ли, предполагаемый любовникъ графини Иоланты Полиньякъ²⁾), или не Адемаръ ли, ея честолюбивый наперсникъ³⁾. Не Гюинъ ли, который, гордясь тѣмъ, что ему посчастливилось играть на флейтѣ съ великимъ Фридрихомъ⁴⁾), находилъ удовольствіе въ постоянномъ зубоскальствѣ и такимъ образомъ собиралъ вокругъ себя озлобленныхъ? Не дюкъ-ли Лозенъ, остроумный, эlegantный любимецъ женщинъ, но способный своимъ хвастовствомъ обезчестить свои успѣхи? Единственный изъ друзей королевы, который не способенъ былъ бы скомпрометтировать ее, былъ именно тотъ, кого ей прочили въ фавориты,—Куаньи⁵⁾), человѣкъ солидный, скромный и совсѣмъ не интересанъ.

Она быстро приближалась къ годинѣ мрачныхъ мыслей, къ годинѣ трагической. Но никто не думалъ о надвигавшейся грозѣ, никто изъ тѣхъ, кого эта гроза должна была унести! Разслабляющія нервы праздника, причудливыя потѣхи наполняли послѣдніе досуги, оставленные судьбой столькимъ существованіямъ въ опасности. То устраивались фееріи, гдѣ придворные кавалеры, фиктивные сореовнатели богатырей Карла Великаго, въ пышныхъ садахъ, подъ деревьями, увѣшанными копиями и щитами, оставались погруженными въ волшебный сонъ до тѣхъ поръ, пока не появится королева и не разрушить чары⁶⁾; то послѣ чтенія какой-нибудь страницы, относящейся къ любовной страсти оленей, этимъ дворянамъ приходила фантазія облечься въ олени шкуры и углубиться, такъ переря-

¹⁾ *Fragments inédits des Mémoires du prince de Ligne, publiés par la Revue nouvelle.*

²⁾ См. *Mémoires histor, et politiques*, t. VI, p. 30, и *Mémoires du comte Tilly*, t. I, p. 141.

³⁾ *Mémoires de Besenval*, t. II, p. 90.

⁴⁾ M. de Levis, *Souvenirs et portraits*, p. 159.

⁵⁾ См. по этому предмету признанія, которыя дѣластъ въ своихъ *Mémoires* (т. II, глава XVII) графъ де-Тилли, одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ Маріи-Антуанеты и ея восторженный поклонникъ.

⁶⁾ *Mémoires de m-me Campan.*

женными, въ самыя густыя чащи парка ¹⁾; то, наконецъ, въ суровые зимніе дни, приводящіе бѣдняка въ отчаяніе, Марія-Антуанета и господа ея свиты катались по бульварамъ на быстрыхъ санкахъ, изображавшихъ львовъ, или лебедей, или корзины цвѣтовъ. Часы упадка имѣютъ свои особенныя, имъ свойственныя утѣхи: играть комедію, притомъ играть ее украдкой, сдѣлалось любимой забавой дочери Маріи-Терезіи. Въ тѣ времена, когда дворянство имѣло мужественныя страсти, устраивали турниры, чтобы изображать войну: теперь это были танцоры, которые, смѣшавшись съ дворянами, носили цвѣта дамъ, въ празднествахъ, придуманныхъ какъ подражаніе турнирамъ.

Таковъ былъ видъ двора, когда одно неожиданное событіе породило обвиненія, имѣвшія роковое значеніе.

Съ апрѣля мѣсяца 1777 г. стали замѣчать въ столицѣ одѣтаго въ простой коричневый камзолъ и охотно вмѣшивавшагося въ толпу иностранца, блондина съ рыжеватыми волосами, черты лица котораго изобличали въ немъ брата королевы. Про него рассказывали удивительныя вещи: что, имѣя возможность проживать во дворцахъ, онъ предпочиталъ безвѣстное пребываніе въ гостиницахъ, что онъ спалъ на шкурѣ дикаго животнаго ²⁾; что часто онъ ѣлъ стоя ³⁾; что онъ оказывалъ простолюдинамъ надменное благорасположеніе, а знатымъ—презрѣніе; что онъ одержимъ ненасытнымъ желаніемъ все видѣть, все знать, все хулить, до всего касаться. Онъ титуловалъ себя графомъ и принялъ фамилію Фалькенштейнъ; но настоящій его титулъ былъ — императоръ, а настоящее его имя—Іосифъ II.

Унизить навсегда духовенство и, въ лицѣ монарха-философа, дать своего Григорія VII отщепенной Имперіи; перевернуть вверхъ дномъ обширное государство; передѣлать народъ указомъ; то, для совершенія чего Богу нужны вѣка, окончить въ одинъ день и самому стать на мѣсто исторіи; служить людямъ, но не заботясь объ ихъ желаніи, не любя ихъ, не боясь ихъ и третируя ихъ какъ карты, подчиняющіяся комбинаціямъ игрока,—вотъ о чемъ мечталъ Іосифъ II, государь, котораго чрезмѣрная гордость довела до шумнаго безсилія, но въ кото-

¹⁾ *Mémoires historiques, et politiques*, t. VI, p. 50.

²⁾ *L'Espion anglais*, t. VI, p. 140

³⁾ *Ibid.*

ромъ геній существовалъ по крайней мѣрѣ въ состояніи опьянѣнія и который ошибался только въ геройскихъ размѣрахъ. Деспотъ-революціонеръ, онъ, казалось, угадалъ, что неизбѣжной мастерской міровыхъ революцій отнынѣ будетъ Парижъ, и онъ поспѣшилъ туда, толкаемый своего рода ревнивымъ любопытствомъ.

Уже ранѣе пріѣзжалъ во Францію эрцгерцогъ Максимилианъ и оставилъ тамъ по себѣ непріятныя воспоминанія. Юсифу II не стоило большого труда изгладить ихъ; онъ изумилъ дворъ и очаровалъ городъ. Всѣ восхищались царственнымъ путешественникомъ, поочередно грубымъ и ласковымъ, избѣгавшимъ условныхъ почестей, осмѣивавшимъ Версаль, изучавшимъ народъ среди народа, подобно Петру Великому, и понимавшимъ, что тамъ, гдѣ дрожала толпа, тамъ билось, въ эту эпоху, сердце Франціи. Его видали сидящимъ на тумбѣ передъ общественнымъ садомъ, въ ожиданіи, когда откроютъ ворота¹⁾, и не разъ онъ засиживался по цѣлымъ часамъ въ одной изъ тѣхъ трагическихъ тавернъ, гдѣ уже глухо рокотала жизнь клубовъ. Не желая оплачивать свою славу лестью раздавателямъ репутацій, онъ не захотѣлъ, проѣзжая, по пути во Францію, мимо Фернейскаго замка, сдѣлать визитъ его знаменитому владѣтелю: но въ Парижѣ скоро всему городу стало извѣстно, съ какой любезностью онъ просилъ больного Бюффона, заставъ его въ плафрокѣ, не беспокоиться одѣваться для пріема его²⁾, и съ какимъ чувствомъ глубокаго уваженія онъ привѣтствовалъ скромнаго, безсмертнаго аббата де л'Эпэ. Онъ посѣтилъ Домъ Инвалидовъ, куда Людовикъ XVI ни разу не заглянулъ³⁾. Въ больницѣ Hôtel-Dieu онъ присутствовалъ при перевязкѣ раненыхъ, отвѣдалъ супъ бѣдняка, и негодованіе его вылилось потокомъ крѣпкихъ словъ, когда онъ увидѣлъ лежащихъ бокомъ бокомъ, на одномъ и томъ же одрѣ, выздоравливающаго, горячнаго, умирающаго и умершаго⁴⁾.

Вотъ какими чертами было отмѣчено это путешествіе; и если оно сдѣлалось гибельнымъ для Маріи-Антуанеты, то это потому, что вокругъ нея, и даже на ступеняхъ трона, бодрство-

1) *Annales de Linguet*, t. I, p. 239.

2) *Ibid.*, t. I, p. 235.

3) *L'Espion anglais*, t. VI, p. 149.

4) *Annales de Linguet*, 1, p. 233.

вали внимательные враги. Когда Иосифъ II поѣхалъ наблюдать Францію въ ея главныхъ городахъ, послѣ наблюденія ея жизни въ Парижѣ, эти враги начали сѣять подозрѣніе. Ихъ встревожило ревностное стремленіе иностранца ознакомиться съ нашими портами, верфями, фабриками, арсеналами; изучить наши ресурсы; вывѣдать секретъ нашего величія. Они спрашивали иронически, неужели Иосифъ II просто по капризу путешественника дѣлалъ нѣкоторымъ негоціантамъ Бреста и Гавра предложенія, способныя уменьшить нашу морскую торговлю въ пользу его торговли¹⁾ и точно ли была совершенно безкорыстной досада, выразившаяся въ горечи его взгляда, въ измѣненіи его лица, при видѣ чудесъ ліонской промышленности. Непонятное безразсудство ввѣряться государю, выросшему среди непріязненныхъ чувствъ вѣнскаго двора. Развѣ могъ онъ забыть, какія преграды поставила исторія между домами Бурбоновъ и Габсбурговъ? Развѣ могъ онъ забыть, что его мать еще недавно была преслѣдуема нашимъ оружіемъ и почти доведена до отчаянія? Развѣ самъ онъ былъ не тотъ ребенокъ, котораго Марія-Терезія представила своимъ венгерскимъ воинамъ, когда, заклинаемые ненавидѣть Францію, они воскликнули, обнаживъ свои сабли: «*Moriamur pro rege nostro Maria-Theresia*» (ляжемъ костями за нашего короля Марію-Терезію)? Нужно, значить, остерегаться; нужно опасаться, не привезены ли королевѣ ея братомъ роковыя инструкціи... Нечувствительно, обвиненія насыщались ядомъ, разрастались. Марію-Антуанету обвиняли въ томъ, что будто бы она называетъ Малый Трианонъ Шенбрунномъ, чтѣ была суцая ложь²⁾. Ее обвиняли, и на этотъ разъ не безъ основанія, въ томъ, что она вводила въ наши моды перемѣны, гибельныя для національной промышленности и могущія благоприятствовать, согласно съ видами Иосифа II, полотняннымъ фабрикамъ Нидерландовъ³⁾. Принять, сдѣлать преобладающимъ обычаемъ одѣваться въ бѣлое, не значило ли изгнать шелковыя матеріи, обогатить Брюссель, разорить Ліонъ? Поднялись горькія жалобы; тетокъ короля просили представить памятную записку, гдѣ были изложены жалобы ліонскихъ

1) *Mémoires historiques et politiques*, t. VI, p. 23.

2) *Mémoires de m-me Campan*, t. I, p. 111.

3) *Mémoires historiques et politiques*, t. VI, p. 41.

фабрикантовъ¹⁾; говорили, повторяли на всѣ лады, что Марія-Терезія послала намъ свою дочь въ отпущеніе: королева Франціи получила прозвище *австріячки*. Австріячка! Страшное слово, которое революція подхватила и которое мы услышимъ раздающимся у подножія эшафота!

Что Маріей-Терезіей былъ задуманъ планъ вліять посредствомъ своей дочери на политику Франціи, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. При своемъ отбѣздѣ изъ Вѣны, Марія-Антуанета получила написанный рукою императрицы списокъ лицъ, съ которыми слѣдовало стовориться по водвореніи въ Версали: это были Шуазели, Пралены, братья Монтазе, д'Эстре, д'Обтерръ, монахиня Бово и др... Въ замѣткѣ было сказано: «Совѣтуйся съ Мерси²⁾. Вообще рекомендую тебѣ всѣхъ лотарингцевъ³⁾. Было, слѣдовательно, принято съ самага начала рѣшеніе создать въ средѣ французскаго двора партію, преданную Австріи, и Марія-Терезія не переставала работать надъ укрѣпленіемъ задуманнаго дѣла посредствомъ секретныхъ инструкцій, адресованныхъ прямо къ супругѣ государя, неспособность котораго была извѣстна. Но Марія-Антуанета была еще слишкомъ молода и слишкомъ занята своими удовольствіями, чтобы дать мѣсто въ своемъ существованіи мукамъ политики. Впрочемъ, слѣдую совѣтамъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, Людовикъ XVI держался насторожѣ противъ Австріи, и Марія-Антуанета внушала такъ мало довѣрія, что при жизни Верженна она никогда не проникала въ кабинетъ, помѣщавшійся подъ слесарной мастерской, самой высокой комнатою версальскаго замка⁴⁾. Поэтому обвиненія, вызванныя путешествіемъ Іосифа II, были справедливы относительно Маріи-Антуанеты только въ томъ, что касалось моды или церемоніала. Она заслуживала вполне прозвище австріячки только въ тотъ день, когда поднялась буря, и тогда кара была страшная.

Однако, вѣрный своей роли, графъ Провансекій старался породить между Людовикомъ XVI и королевой дѣйствительныя причины несогласія. Убѣжденный, что отдаленіе, существовавшее между ними, должно имѣть предѣлъ, если королю не будетъ

¹⁾ *Mémoires hist. et pol.*, p. 42.

²⁾ Австрійскій посланникъ.

³⁾ Эта замѣтка приведена *in extenso* у Сулави.

⁴⁾ Soulaire, *Mémoires histor. et polit.*, t. VI, p. 26.

дапа метресса, онъ окружилъ его тысячью западней, скрытыхъ подъ пріятной внѣшностью. Всѣ утонченности, которыя могутъ едѣлать привлекательнымъ господство наслажденія, всѣ искушенія, способныя разбудить уснувшую душу, были соединяемы въ празднествахъ, устраивавшихся въ Брюнуа. Людовикъ XVI находился тамъ среди женщинъ, которыхъ хозяинъ тщательно выбиралъ и которыя были предупреждены, женщинъ распутныхъ, но отличавшихся вызывающей красотой и выдресированныхъ въ искусствѣ обольщенія¹⁾. Гдѣ остановиться на пути зла, когда вѣришь только въ счастье носить корону, когда имѣешь одно только желаніе, одну надежду, одну страсть, одну цѣль царствовать? Графу Прованскому хотѣлось бы проникнуть въ чувства Людовика XVI, водвориться, такъ сказать, въ святилищѣ его мыслей, и для достиженія этой цѣли никакое средство не казалось ему слишкомъ подлымъ. Не зная англійскаго языка и замѣтивъ что, Людовикъ XVI, свободно владѣвшій этимъ языкомъ, часто говорилъ на немъ въ его присутствіи, чтобы скрыть отъ него содержаніе разговора, онъ нанялъ себѣ, подъ видомъ камердинера, учителя англійскаго языка, предписавъ ему строгое храненіе секрета²⁾. Началось прилежное ученье, о которомъ никто не зналъ, и вскорѣ графъ Прованскій въ состояніи былъ понимать, что его братъ говорилъ при немъ въ увѣренности, что словъ его не услышатъ.

Тщетныя хитрости! Набожность Людовика XVI, строгость принциповъ, руководившихъ его воспитаніемъ, природная серьезность его нравовъ, самая робость его, — все способствовало спасенію его отъ скандала тѣхъ прелюбодѣйныхъ связей, примѣръ которыхъ ему оставили Людовикъ XIV и Людовикъ XV. Съ другой стороны, его начинала тяготить праздность его молодости. Онъ не могъ поэтому упорствовать до конца въ принятомъ рѣшеніи хранить равнодушіе. Когда препятствія, которыя сначала считали непреодолимыми, поддались наконецъ искус-

¹⁾ Устные рассказы, собранные въ Лондонѣ, въ 1807 г.—См. въ *Mémoires Vachautmont* относящееся къ этимъ празднествамъ.— Тотъ же фактъ сообщенъ въ *Mémoires de m-elle Bertin*, р. 63 и 64; только графъ Прованскій обозначенъ тамъ слѣдующими словами: «Могущественнѣйшій изъ враговъ королевы».

²⁾ Фактъ этотъ сообщенъ намъ однимъ очень важнымъ и очень ученымъ представителемъ магистратуры, котораго мы можемъ назвать, въ случаѣ надобности.

ству врачей, его отдаленіе отъ королевы уступило мѣсто пылкой страсти, не очень деликатной, но поработившей его. Не замедлил распространиться слухъ, что королева скоро будетъ матерью, и дѣйствительно, 19 декабря 1778 г., она родила дочь. Велико было волненіе, вызванное этимъ событіемъ! Одни видѣли уже Марію-Антуанету достигшей кредита, котораго съ этихъ поръ ничто не уравновѣситъ, и не скрывали своей радости, тогда какъ другіе хранили молчаніе, полное смущенія, или умыслили опорочить, посредствомъ темныхъ происковъ, плодовитость, которая была имъ ненавистна.

Къ этому времени относится одинъ странный фактъ, ясно показывающій, откуда было пущено столько отравленныхъ стрѣлъ. Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ она оправилась отъ родовъ, королева получила отъ одного приходскаго священника изъ Парижа коробочку, содержащую ея вѣнчалное кольцо. Къ коробочкѣ была приложена записка такого содержанія: «Я получилъ, подъ секретомъ исповѣди, кольцо вашего величества, съ признаніемъ, что оно было похищено у васъ въ 1771 г. съ намѣреніемъ употребить его для совершенія колдовства, чтобы помѣшать вамъ имѣть дѣтей»¹⁾.

Во время крестинъ новорожденной королевны, титулуемой *Madame*, случился инцидентъ, не менѣе характеристичный²⁾. Когда начался обрядъ крещенія, великій милостынераздаватель (духовникъ короля), обращаясь къ графу Прованскому, который былъ воспріемникомъ своей племянницы, спросилъ, какимъ именемъ онъ желаетъ, чтобы была наречена новорожденная. «Милостивый государь»,—отвѣчалъ принцъ сардоническимъ тономъ и съ оскорбительной афектаціей,—«этотъ вопросъ не первый, съ которымъ вы должны обратиться ко мнѣ: прежде всего слѣдуетъ освѣдомиться объ отцѣ и матери». Удивленный и сконфуженный, прелатъ замѣтилъ, что такой вопросъ нуженъ только тогда, когда позволительно сомнѣніе. «Но,—прибавилъ онъ,—тутъ этого нѣтъ и всѣмъ извѣстно, что Мадамъ родилась отъ короля и королевы».—«И вы того же мнѣнія?»—спросилъ графъ Прованскій, обернувшись къ настоятелю собора Богоматери и какъ бы съ цѣлью продлить скандалъ этой сцены.

¹⁾ *Mémoires de m-me Campan*, t. 1, p. 208.

²⁾ Рукопись Совера-Сулинье и *Mémoires secrets de Bachaumont*, t. XIII p. 251.

Собрание было многочисленное, обстановка торжественная. Зло-радная улыбка появилась на устах некоторых из присутствующих; наиболее честные возмущались в души, и среди ропота, умышленно вызванного, настоятель отвѣчалъ: «Вообще говоря, ваше высочество правы; но в настоящемъ случаѣ я поступилъ бы точно такъ же, какъ и великій милостынераздаватель».

Съ этого дня памфлеты умножились, и ненависть, диктовавшая ихъ, не засыпала болѣе. Темныя реквизиціи, гдѣ къ основательнымъ обвиненіямъ примѣшивалась грязная клевета, приучили умы къ комментаріямъ, о которыхъ исторія стыдилась бы упоминать, если бы справедливость не требовала указать ихъ истинное происхожденіе въ пасквиляхъ, которые враги французской революціи подобрали въ ея подонкахъ.

И, странная вещь, чѣмъ болѣе нападки становились ожесточенными и опасными, тѣмъ болѣе королева, казалось, находила удовольствіе въ несоблюденіи приличій. Можно было подумать, что она торопится измѣрить свою власть своими капризами. Однажды ее видѣли въ Марли, когда она ѣхала одна, безъ свиты, въ кабриолетѣ и правила своей королевской рукой¹⁾. Весь Парижъ говорилъ о ночной поѣздкѣ королены въ наемной каретѣ и переодѣтой²⁾. Публичныя увеселенія привлекали ее; а что ее могутъ узнать, наполовину спрятавшуюся среди шумнаго веселья,—объ этомъ она мало беспокоилась. Развѣ не видѣли ее искавшей съ упоеніемъ опасности посѣщенія баловъ оперы, чтобы теряться въ ихъ вихрѣ, счастливой или дрожащей подъ маской? А въ эти лѣтнія ночи, которыя она имѣла обыкновеніе проводить на террасѣ парка, предоставленнаго тогда толпѣ гуляющихъ, ночи благоухающія, полныя истомы, очарованіе которыхъ дополняла музыка французской гвардіи,—развѣ ей не случалось пойти сѣсть, въ бѣломъ перкалево-мъ платьѣ и простой соломенной шляпѣ, на незамѣтную въ тѣни скамейку, чтобы выжидать тамъ моментъ какого-нибудь сюрприза и испытать волненіе отъ чего-нибудь неожиданнаго? Поведеніе ея достойно порицанія, но позволительно и пожалѣть ее. Воспитанная аббатомъ де-Вермонъ, этимъ Дюбуа³⁾ меньшаго

¹⁾ *Mém. de Vachautmont*, t. XXVII, p. 231.

²⁾ *Mém. de m-me Campan*, t. I, p. 165.

³⁾ Воспитатель герцога Филиппа Шартбургскаго (впослѣдствіи герцога Орлеанскаго). *Перев.*

размѣра; окруженная соблазнами и западнями; соединенная брачными узами съ принцемъ, самая веселость котораго была тяжеловѣсна, могла ли она не испытывать повременамъ желанія укрыться на минуту отъ деспотизма почтенія, она столь послушная голосу мимолетныхъ фантазій и суетныхъ мыслей?

Но не принадлежать самому себѣ—это законъ высокихъ положеній. По справедливому возврату къ равенству, когда пользуешься величьемъ, надо быть готовымъ въ числѣ первыхъ претерпѣть за него. Марія-Антуанета слишкомъ забывала это, и ее постигло нерасположеніе, столько же тягостное, сколько быстрое. Рожденіе ея дочери было радостно привѣтствовано; напротивъ, рожденіе дофина было встрѣчено, три года спустя, холодно или, вѣрнѣе сказать, оскорбительно. Въ публикѣ распростушили слухъ, будто по наущенію графа Прованскаго, двѣнадцать пэровъ подписали протестъ, въ которомъ формально оспаривалась законность сына королевы ¹⁾. Достоверно то, что городское общественное управленіе выказало равнодушіе, способное заставить повѣрить подозрѣнію. Оно такъ долго медлило съ приказомъ объ устройствѣ обычныхъ увеселеній, что Марія-Антуанета воскликнула въ припадкѣ досады: «Неужели мы должны ждать празднества до тѣхъ поръ, когда новорожденный будетъ въ состояніи самъ присутствовать и танцовать на нихъ?» ²⁾. Ихъ дали, наконецъ, эти желанныя празднества. Но они были молчаливыя и угрюмыя. Всѣ замѣтили разсчитанную скудность фейерверка. Въ городской ратушѣ было сервировано такимъ образомъ, чтобы унижить гостей, и за десертомъ подали фигурки изъ сахара, представлявшія оскорбительные намеки ³⁾. Такъ возвѣщала о себѣ издалека эта грязная ненависть парижской общины!

Монархъ, отброшенный на второй планъ, королева, подвергавшаяся оскорбленіямъ,—вогъ, значитъ, что олицетворяло во Франціи королевскую власть въ эпоху, когда, болѣе, чѣмъ когда-либо, обманы престижа были необходимы. И впереди этого трона, неспособнаго къ самозащитѣ, не было никого, кто бы могъ защищать его, ибо принцы и дворяне, казалось, напере-

¹⁾ Рукопись Сокэра-Сулинье.

²⁾ Montjoie, *Hist. de Marie-Antoinette*, p. 134.

³⁾ *Ibid.*, 136.

рывъ устремились къ безчестию и смерти. Не спрашивайте, что дѣлаютъ на подкапываемой почвѣ монархіи естественные стражи былыхъ учреждений и порядковъ. Въ то время, какъ двое изъ братьевъ короля занимаются, одинъ—часовымъ мастерствомъ, другой—гнусными махинаціями, третій братъ, графъ д'Артуа, бѣгаетъ по маскарадамъ. Герцогъ Орлеанскій утопаетъ въ объятіяхъ мадамъ де-Монтессонъ, своей морганатической супруги, растрчивая остатки существованія, истощеннаго амурами съ оперными актрисами. Сынъ его, герцогъ Шартрскій, дѣлитъ свое время между игрой, грубыми наслажденіями сладострастія и уроками фокусовъ, которые беретъ у Комюса ¹⁾. Дикій, немощный и дряхлый представитель побочнаго потомства Людовика XIV, графъ д'Э, проводитъ свою старость въ поѣздкахъ на охоту въ ново-изобрѣтенномъ экипажѣ. Принцъ Ламбаль... умеръ подъ поцѣлуями нечистыхъ созданій, изъ которыхъ у одной небо было изъѣдено распутствомъ ²⁾.

Въ массѣ дворянства, за исключеніемъ небольшого числа славныхъ примѣровъ, тотъ же упадокъ. Когда аббатъ Терре придумалъ обложить гражданъ налогомъ соразмѣрно ихъ званію, въ податныхъ присутствіяхъ можно было встрѣтить толпу дворянъ, пришедшихъ заявить, что они не дворяне, что они не желаютъ быть дворянами; и это движеніе нравственнаго отреченія съ тѣхъ поръ принимало все болѣе и болѣе постыдный характеръ. На возвышенную сцену, гдѣ гордо расхаживали герцогини и генеральши, многія брачные союзы возводили не плебейскихъ дѣвушекъ, но женщинъ оспариваемыхъ и похищаемыхъ изъ объятий скомороховъ, но куртизанокъ, публично продававшихся иностраннымъ посламъ. Жениться единственно ради обогащенія на дочери какого-нибудь богатаго банкира сдѣлалось обычнымъ у дворянъ средствомъ. Дошло до того, что одинъ разорившійся маркизъ получилъ отъ офицеровъ своего полка унижительное разрѣшеніе поправить свои финансовыя обстоятельства женитьбой на одной изъ воспитанницъ пресловутой сводни Парисъ ³⁾. И они называли это на языкѣ, столь же низкомъ, какъ и самое дѣйствіе: *достать навозу для удобренія своихъ земель*. Бывали процессы о кражѣ, гдѣ фигуриро-

¹⁾ *L'Espion anglais*, t. I, p. 187.

²⁾ *Ibid.*, p. 209.

³⁾ *Ibid.*, p. 226 и 227.

вали знатныя лица; бывали обвиненія въ предумышленномъ убійствѣ, обмѣненныя между вельможами, судебныя преслѣдованія за оскорбленіе чести вмѣсто вызова на поединокъ.

Чтобы сдѣлать вокругъ трона совершенную и смертельную пустыню, чего еще нужно было? Министръ, враждебный привилегіямъ военнаго сословія и систематическій разрушитель королевскаго дома? Такой министръ былъ найденъ, ибо важнымъ положеніямъ свойственно создавать подходящихъ людей.

Когда, въ 1775 г., со смертью дю Мюи сдѣлалось вакантнымъ мѣсто военнаго министра, былъ въ Лаутербахѣ, въ Эльзасѣ, одинъ старый солдатъ, о которомъ мѣстные жители отзывались какъ о человѣкѣ, отличавшемся мистической набожностью, благотворительностью и злословіемъ. Сень-Жерменъ было его имя. Сначала іезуитъ, потомъ драгунскій поручикъ, вынужденный бѣжать изъ Франціи вслѣдствіе кровавой дуэли, онъ скитался на чужбинѣ со своимъ страннымъ характеромъ и не менѣ странной судьбой. Снова призванный во Францію маршаломъ Морицомъ Саксонскимъ, послѣ того, какъ ему пришлось быть сподвижникомъ принца Евгенія, служить Австріи, служить Баваріи, сражаться съ турками, онъ быстро достигъ генеральскаго чина, и, хотя на второстепенныхъ постахъ, умѣлъ лучше чѣмъ другіе командовавшіе, во время семилѣтней войны, замедлять ходъ нашихъ пораженій и затруднять геній Фридриха Великаго. Это было время, когда судьбой нашихъ армій распоряжалась мадамъ де-Помпадуръ. Суровый офицеръ сильно не долюбивалъ принцевъ, льстецовъ, фаворитокъ; и такъ какъ у него было правило *мытитъ такъ высоко, какъ только позволяла его звезда*¹⁾, то ему надоѣло повиноваться генераламъ-куртизанамъ, которые не стоили его. Заслуги его, слишкомъ мало хвалимыя маршаломъ Брольи, обращаются въ ожесточеніе. Онъ жалуется, раздражается упреками, воображаетъ себя окруженнымъ таинственными преслѣдователями, онъ пишетъ въ своемъ оригинальномъ стилѣ: «Меня предали, раздѣтаго до-нага, ужаленію осъ;» и въ одинъ прекрасный день, дезертируя вдругъ изъ своего корпуса, бросая свою красную ленту, покидая свое отечество въ траурѣ, онъ бѣжитъ, съ секретнымъ трактатомъ въ рукахъ, передѣлывать военную организацію Даніи. Его реформы возбудили неудовольствіе своимъ насильственнымъ характеромъ

¹⁾ Soulavie, *Mém. hist. et polit.*, t. III, p. 59.

власть въ изгнаніи ускользнула изъ его рукъ; недобросовѣстный банкиръ сдѣлалъ его нищимъ, и, удалившись въ Лаутербахъ, онъ, однажды, только что принялся садить дерево, какъ вдругъ приходятъ объявить ему, отъ имени Людовика XVI, о назначеніи его на постъ военнаго министра. «Ага, сказалъ онъ торжествующимъ голосомъ, вспомнили обо мнѣ!» Не имѣя прислуги¹⁾, онъ попросилъ одного крестьянина проводить его и отправился въ королевскую резиденцію.

Полагаютъ, что назначеніе это былъ подготовлено нѣмецкими иллюминатами, въ особенности графомъ фонъ-Блеккенъ²⁾. Выманенное у Людовика XVI въ минуту его апатіи, оно понарилось любившему зло посмѣяться графу Морепе, которому любопытно было увидать на дѣлѣ реформатора, слышшаго полусумасшедшимъ, полу-героемъ и нѣсколько напоминавшаго другаго авантюриста-мистика, которымъ забавлялся дворъ Людовика XV.

Вѣрно то, что присутствіе графа Сенъ-Жерменъ въ Фонтенебло было настоящимъ *soup de théâtre*. Дезертиръ, сдѣлавшійся министромъ! Святоша во главѣ распущенныхъ воиновъ Эль де бефа! Человѣкъ лагеря, человѣкъ деревни среди томительной скуки и великолѣпія двора! Знали, впрочемъ, что онъ оказывалъ на пылкіе умы чарующее дѣйствіе; что онъ сдѣлалъ много фанатиковъ въ арміи; что при извѣстіи о банкротствѣ, разорившемъ его въ конецъ, нѣмецкіе полки устроили у себя складчину, чтобы обезпечить ему пенсію въ 16,000 ливровъ; что, уплачивая свою долю добровольной дани, баронъ Вурмзеръ говорилъ какъ бы въ видѣ пророчества: «Никогда не слѣдуетъ ссориться съ несчастливцами»³⁾. Онъ прибылъ; проникнутый страстнымъ желаніемъ отмстить за прошлыя обиды: вѣдь теперь ему представлялась наконецъ возможность раздавить этихъ фаворитовъ, наглость которыхъ нѣкогда тяготѣла надъ нимъ! Случайно возвысившемуся солдату досталась честь уничтожить привилегіи военнаго сословія. И ничто, конечно, не соотвѣтствовало лучше духу графа Сенъ-Жерменъ, духу наблюдательному и спокойному на поляхъ битвы, но вездѣ въ другомъ мѣстѣ, во всякомъ иномъ положеніи, безпокойному, буйному и вспылъ-

¹⁾ Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. III, p. 157.

²⁾ Soulavie, *Mém. histor. et polit.*, t. III, p. 59.

³⁾ Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. III, p. 157.

чивому. Рассказывают¹⁾, что, купивъ имѣніе въ Монфермейлѣ, онъ поспѣшилъ разрушить замокъ, вырубить лѣсъ, испортить сады, сохранивъ только землю да развалины: это былъ образъ его администраціи. Все, что служило къ блеску или къ силѣ двора, онъ уничтожалъ съ тайной радостью и насильственной рукой. Онъ сдѣлалъ свободными дороги, которыя, въ дни 5 и 6 октября, 10 августа, должны были привести къ монарху подъявшійся народъ.

До того времени принципъ неравенства въ составѣ дворцовой стражи былъ представленъ мушкетерами, сѣрыми и черными, конными грендерами, легкой кавалеріей, жандармами: Сентъ-Жерменъ упразднилъ двѣ роты мушкетеровъ, подвергъ грендеровъ реформѣ, и если довольствовался сокращеніемъ до пятидесяти численности легкой кавалеріи и численности жандармеріи, то единственно изъ вниманія къ принцу Субизъ и герцогу Эгильонъ, командовавшимъ этими частями²⁾.

Парижское военное училище было заведеніе существенно монархическое; туда принимались только дѣти дворянъ; ихъ воспитывали на средства короля; ихъ учили, что отдавать свою жизнь, свою душу государю составляетъ долгъ и честь офицера: Сентъ-Жерменъ раздѣлилъ училище, пытался, но безуспѣшно, перевести его изъ Парижа въ провинцію, и кончилъ рѣшеніемъ, что всякій французъ можетъ помѣщать туда своихъ дѣтей въ качествѣ пансіонеровъ, такъ что воспитаніе, за которое платилъ король, замѣнилъ воспитаніемъ, за которое платили королю³⁾.

Домъ Инвалидовъ напоминалъ славу Людовика XIV, онъ свидѣтельствовалъ о заботливости о солдатѣ со стороны королевской власти: Сентъ-Жерменъ выселилъ жившихъ въ этомъ пріютѣ ветерановъ, далъ имъ пенсію и отпустилъ на всѣ четыре стороны.

Вести въ войскѣ духъ независимости и любовь къ равенству — этого, быть можетъ, было бы недостаточно: графъ Сентъ-Жерменъ, извращая характеръ дисциплины, подвергая ар-

¹⁾ Mougaret, *Regne de Louis XVI*, p. III, p. 167.

²⁾ См. *Mémoires du prince de Montbarrey*, преемника Сентъ-Жермена по должности военнаго министра, t. II, p. 160.

³⁾ Soulavie, *Mém. hist. et. polit.*, t. III, p. 66.

жество, вельможами, жертвами его реформъ, канцеляріями, деспотизмъ которыхъ онъ хотѣлъ свергнуть ¹⁾, Сенъ-Жерменъ палъ. Но онъ палъ только послѣ того, какъ разстроилъ армию короля, только послѣ того, какъ исполнилъ свою революціонную миссію. Орудіе разрушенія, приведенное въ дѣйствіе силой, которой онъ служилъ, не зная ее, этотъ министръ былъ какъ бы топоръ, который дровосѣкъ бросаетъ, когда дерево срублено.

Такъ разваливалась эта старая монархія; такъ измѣнялась фізіономія двора; и, къ концу, Людовикъ XIV, если бы онъ воскресъ, навѣрно не узналъ бы своего Версаля. Не то, чтобы дворяне отказались отъ своихъ претензій; только, по справедливому приговору судьбы, даже сохранявшіе гордость своихъ притязаній сами старательно раздирали завѣсу, которая могла закрывать дерзость этихъ притязаній отъ глазъ обманутаго народа. Такъ какъ королева дала сигналъ къ непринужденности въ костюмахъ и нравахъ, такъ какъ старинный этикетъ существовалъ теперь только въ сѣтованіяхъ нѣсколькихъ знатныхъ вдовъ, мнѣніемъ которыхъ пренебрегали, такъ какъ платья съ илейфомъ вышли изъ моды, и герцогиня по одеждѣ не отличалась болѣе отъ актрисы ²⁾, то и мужчины, въ свою очередь, считали долгомъ слѣдовать данному толчку. Между сеньорами, воображавшими себя людьми избранной породы, считалось своего рода щегольствомъ и признакомъ философской простоты быть одѣтымъ въ костюмъ изъ грубаго сукна, покинуть красные каблуки, носить толстые башмаки, теряться въ толпѣ съ сучковатой палкой въ рукѣ ³⁾. И мало-по-малу отказались отъ кортежа лакеевъ, отъ яркаго шитья, отъ знаковъ дворянства, изображаемыхъ на одеждѣ, отъ всего, что составляло видимое и осязаемое величіе, отъ всего, что до того времени давало живущимъ и говорящимъ первенство ранговъ.

Удаляя изъ Парижа королевское величіе и помѣщая его въ Версаль между своими близкими, Людовикъ XIV, безъ сомнѣнія, хотѣлъ создать преграды на пути движенія народной ненависти, такъ чтобы ей трудно было достигнуть до монарха. Но случилось такъ, что, увлекаемая своимъ рокомъ, Марія - Анту-

¹⁾ *Mémoires du prince de Montbarrey*, t. II, p. 154; — *Mémoires du comte de Saint-Germain*, p. 10 и 12.

²⁾ Montjoie, *Hist. de Marie-Antoinette*, p. 100 et 101,

³⁾ *Ibid.*

анета страстно полюбила Парижъ. И жизнь покинула мало-помалу этотъ дворецъ, который избрали поприщемъ для своихъ подвиговъ людскія суетность и низость. Безмолвіе пустыни воцарилось, наконецъ, въ знаменитой передней, гдѣ дежурилъ любимый камердинеръ, котораго отдѣляла отъ великихъ міра простая ширма и голосъ котораго, всегда уважаемый, прогонялъ въ галерею замка тучи графовъ и бароновъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ уменьшалось число тѣхъ, которые, толкаясь вечеромъ у дверей королевскаго кабинета, ожидали съ рабочѣпнымъ и ревнивымъ нетерпѣніемъ, чтобы привѣтствіе, улыбка, взглядъ рѣшили ихъ участь. Долго говорили: «дворъ и городъ»; насталъ моментъ, когда пришлось переставить эти слова въ обратномъ порядкѣ. Покинули Версаль, гдѣ былъ король; поспѣшили въ Парижъ, гдѣ былъ народъ.

ГЛАВА II.

Первое министерство Неккера. — Американская война пріучаетъ Францію къ мысли о свободѣ. — Герцогъ Шартрскій и королева послѣ Уэссанской битвы. — Планы Неккера. — Удивительный успѣхъ его займовъ. — Война безъ увеличенія налоговъ. — Признаніе власти общественнаго мнѣнія. — Энтузіазмъ женщинъ къ Неккеру. — Провинціальныя собранія — прообразъ генеральныхъ штатовъ. — Дальнѣйшія операціи Неккера. — *La chambre aux deniers*: скандалъ по поводу пенсій. — *Отчетъ о состояніи финансовъ*. — Финансовый парадоксъ и ловкая подтасовка цифръ этого знаменитаго отчета. — Чрезвычайное возбужденіе общественнаго мнѣнія. — Придворная интрига паденіе Неккера. — Народное негодованіе.

Однажды, когда лордъ Чатамъ вошелъ въ верхнюю палату, все собраніе, при видѣ его, встало, охваченное почтительнымъ волненіемъ. Онъ шелъ по залѣ шатаясь, поддерживаемый подъ руки своимъ зятемъ и своимъ вторымъ сыномъ. Лицо его было мертвенно блѣдно: онъ носилъ подъ фланелью, въ которую былъ закутанъ, зародышъ смертельный болѣзни. Онъ пришелъ побудить парламентъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ и до послѣдней крайности, противъ Америки, поддерживаемой Франціей, цѣлостность британскихъ владѣній. Кончивъ свою рѣчь, онъ упалъ въ изнеможеніи на свою скамью. И когда герцогъ Ричмондъ спросилъ у него, какими средствами, по его мнѣнію, правительство можетъ вести войну, онъ поднялся, чтобы отвѣтить, но могъ только приложить руку къ сердцу и лишился

чувствъ. Нѣсколько дней спустя онъ умеръ. Его гордость и ненависть продолжали жить въ его второмъ сынѣ, Вильямѣ Питтѣ.

Когда лордъ Чатамъ такъ изливалъ ревнивый пылъ своей кароагенской души, независимость Соединенныхъ Штатовъ была уже признана Людовикомъ XV; только что заключенный трактатъ соединилъ Францію и Америку, двѣ націи, изъ которыхъ одна боролась за свою независимость, а другая собиралась бороться за свою свободу. Какъ совершился этотъ великій актъ? Какими чарами друзья самодержавнаго короля побудили его протянуть руку *инсургентамъ*?

Безъ сомнѣнія, Франція испытала тогда много униженій, требовавшихъ отмщенія. Пора ей было протестовать, на манеръ сильныхъ народовъ, и противъ позорнаго Фонтенеблоскаго трактата, и противъ наглаго злоупотребленія, которое Англія дѣлала изъ своей побѣды, и противъ того постоянного оскорбленія, которое нельзя было болѣе терпѣть,—присутствія англійскаго комиссара въ портѣ Дюнкеркъ. Могъ ли представиться болѣе благопріятный случай? Послѣ неустрашимо выдержанной борьбы, американцы, казалось, были недалеко отъ окончательнаго торжества. Въ октябрѣ 1777 г. генераль Бургоинъ увидѣлъ себя вынужденнымъ, въ Саратогѣ, положить оружіе передъ инсургентами, предводительствуемыми генераломъ Гэтсомъ, и англійская армія, численностью около шести тысячъ человекъ ¹⁾, была отведена плѣнной въ Бостонъ, тогда какъ, окопавшійся въ лагерѣ у Валлей-Форджъ Вашингтонъ показывалъ, какой вѣсь имѣетъ въ ходѣ дѣлъ духъ терпѣнія.

Но, благодаря одной изъ тѣхъ комбинацій судьбы, которыя повторяются слишкомъ часто, чтобы удивлять историка, случилось, что во Франціи чувство національности послужило только къ тому, чтобы ввести въ заблужденіе проницательнаго министра, завѣдывавшаго внѣшними дѣлами государства. Ибо человекъ, подготовившій американскую войну, представлявшій Людовику XVI трехъ американскихъ уполномоченныхъ, Дина, Ли и Франклина, былъ именно графъ Верженнъ, тотъ самый, который писалъ своему государю: «Во Франціи монархъ говоритъ, а народъ повинуется» ²⁾. Въ этой американской войнѣ диплома-

¹⁾ Ch. Botta, *Hist. de la guerre d'Amérique*, t. III, livre VIII, p. 88.

²⁾ *Rapport confidentiel au roi, par M. de Vergennes.*

несена въ Парижъ герцогомъ Шартрскимъ, въ послѣдствіи Филиппомъ Эгалите, восторгамъ парижанъ не было конца. Рассказывали, что принцъ на глазахъ Ламотъ-Шике сражался въ авангардѣ, что, одѣтый въ бѣлый камзолъ, съ голубой лентой черезъ плечо, онъ выказалъ среди опасности ту веселость, которая составляетъ отличительную французскую черту храбрости. Онъ былъ увѣнчанъ лаврами въ Оперѣ, и всю ночь Пале-Рояль, иллюминированный, оглашался радостными кликами народной толпы.

Но на слѣдующій день королева, вмѣсто благодарственнаго молебна по случаю одержанной побѣды, приказала служить молебенъ за ея беременность. Ибо ея отношенія съ герцогомъ Шартрскимъ, въ началѣ дружественныя, въ послѣднее время сдѣлались натянутыми. Враги Маріи-Антуанеты не преминули приписать это охлажденіе глухому гнѣву отвергнутой любви; и увѣряютъ, что принцъ самъ хвасталъ, будто онъ отвергъ представлявшееся ему счастье: обвиненіе важное, если нужно считать его основательнымъ, такъ какъ нѣтъ ничего гнуснѣе въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ ложь, или ничего подлѣе, чѣмъ нескромность. Какъ бы то ни было, отнускались ядовитыя эниграммы, и *Gazette de France*, газета двора, напечатала рассказъ, который изъ вчерашняго героя сдѣлалъ труса. Циркулировали реляціи, гдѣ онъ былъ представленъ какъ не видѣвшій огня, какъ спрятавшійся на днѣ трюма. Возбѣшенный, онъ сказалъ громко и велѣлъ сказать королевѣ: (*Сынъ Куаньи никогда не будетъ моимъ королемъ*¹⁾).

Впрочемъ, американская война привела умы въ возбужденное состояніе. Публика постепенно осваивалась съ идеей возстанія; слово *инсурренты* было повсюду принято, и даже тѣ, кого скандализировала поддержка, оказываемая монархомъ мятежникамъ, радовались при видѣ Англіи, наказанной наконецъ за долгіе эксцессы ея гордости. По прибытіи въ Америку, Лафайетъ писалъ своимъ друзьямъ во Франціи: «Здѣсь не услышишь разговоровъ о королѣ или о министрахъ; здѣсь чтутъ только двухъ владычицъ— славу и свободу»²⁾. Такъ что Франція походила на невольника, который сквозь рѣшетки своей тюрьмы видитъ вдали войско, выступившее въ походъ противъ рабства:

¹⁾ *Mém. hist. et polit. du règne de Louis XVI*, t. VI, p. 55.

²⁾ Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. IV, p. 407.

крики, которые онъ слышитъ, проникаютъ въ его сердце, и онъ сражается мысленно подъ этими знаменами, одинъ видъ которыхъ порождаетъ у него надежду на освобожденіе.

Когда логика исторіи заговорила, факты должны повиноваться: оттого мы видимъ ихъ тогда происходящими въ надлежащемъ порядкѣ и какъ бы въ назначенный часъ. Разматриваемая съ нашихъ береговъ американская война была однимъ изъ тѣхъ явленій, которыя имѣютъ свое, напередъ отмѣченное, мѣсто въ послѣдовательности событій. И, воспламеня сердца, она въ то же время породила дефицитъ.

Между тѣмъ Неккеръ былъ поставленъ во главѣ финансоваго управленія, и никогда, быть можетъ, министръ финансовъ не вступалъ на этотъ постъ въ обстоятельствахъ болѣе трудныхъ и среди столькихъ опасностей. Но это самое подстрекало честолюбіе женева. Ему нравилось мѣряться съ величіемъ положенія, гдѣ онъ будетъ на виду у всѣхъ, и которое позволить ему дѣлать нововведенія. Обвиняемый экономистами въ слишкомъ быстромъ обогащеніи, онъ сторалъ нетерпѣніемъ доказать, что онъ сумѣетъ управлять финансами государства, какъ сумѣлъ нажить себѣ состояніе. Сколько препятствій задерживало его возвышеніе и сколько ихъ еще ожидало его впереди! Сколько подозрѣній возбуждало уже одно то, что онъ былъ иностранецъ и вдобавокъ иностранецъ республиканской національности! Ему надо было добиться того, чтобы ему простили его религію, тогда какъ онъ было убѣжденный и суровый протестантъ, среди католической монархіи и въ кругу маркизовъ - вольнодумцевъ, не считавшихъ себя избавленными отъ обязанности ходить къ обѣднѣ. Ему надо было добиться того, чтобы забыли его плебейское происхожденіе при кичливомъ дворѣ, который воображалъ, что причиняетъ ему большое огорченіе, называя его *господиномъ* Неккеромъ. Когда же онъ устремлялъ свои взоры въ даль, уму его представлялись гораздо болѣе серьезныя затрудненія. Самымъ большимъ изъ нихъ была американская война, и, однако, онъ не только не сопротивлялся, не только не пугался этой войны но, напротивъ, показывалъ передъ Верженномъ и Морепа ясность изворотливаго духа и общалъ поборотъ Англію, исторгнувъ у нея секретъ ея силы—кредитъ.

Впрочемъ, никто не зналъ лучше Неккера плачевное состояніе нашихъ финансовъ. Какъ директоръ королевской казны въ министерство Клюньи, затѣмъ какъ товарищъ государствен-

наго контролера, которымъ въ то время былъ Табуро, онъ управлялъ всеми пружинами администраціи. Ключьи, котораго призывали къ управленію финансами обремененнаго недугами и долгами, уплатилъ свои долги и умеръ. Табуро чувствовалъ себя униженнымъ назначеніемъ ему въ помощники человѣка, явно кичившагося своимъ превосходствомъ, и онъ подалъ въ отставку. Но въ то время, какъ неспособность Табуро, дебоши и хищенія Ключьи¹⁾ выставляли, по контрасту, въ яркомъ свѣтѣ даровитость Неккера, его усердное трудолюбіе, его честность, самъ онъ молча исчислилъ и старый дефицитъ, и огромное возрастаніе расходовъ, которое должны были повлечь за собой отдаленная война, обязательное созданіе военнаго флота, вооруженіе портовъ, содержаніе арміи за океаномъ.

Чтобы ознаменовать свое вступленіе въ должность эффективнымъ примѣромъ безкорыстія, Неккеръ отказался отъ такъ называемыхъ *droits de signature*, исчисляемыхъ въ 300.000 ливровъ, и отъ установленнаго обычаемъ *pot de vin*, простиравшагося до такой же суммы, и вообще отказался отъ всякаго содержанія²⁾.

Послѣднія смѣты, представленныя королю бывшимъ министромъ финансовъ Ключьи, показывали дефицитъ въ 24 милліона³⁾ по отдѣлу обыкновенныхъ расходовъ и въ 15 милліоновъ по рубрикѣ чрезвычайныхъ расходовъ морского вѣдомства. Къ этимъ 39 милліонамъ дефицита слѣдовало прибавить, по мнѣнію Неккера, десять милліоновъ въ видѣ резервнаго фонда, который великая держава должна всегда имѣть въ запасѣ для покрытія непредвидѣнныхъ расходовъ.

Таково было финансовое положеніе Франціи, и въ другія времена министръ имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи три средства поправить его: налогъ, экономію, заемъ.

Но при данныхъ обстоятельствахъ Неккеру нельзя было выбирать. Вовлеченный въ войну, сдѣлавшуюся неизбежной послѣ того, какъ первые пушечные выстрѣлы вышли съ англійскаго корабля, онъ не могъ думать о покрытіи потребующихся на нее расходовъ посредствомъ экономіи или налога.

1) Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. V, p. 126, 128.

2) *L'Observateur anglais*, t. VI, p. 180, 181.

3) *Compte rendu au roi par M. Necker, directeur général des finances au mois de Janvier 1781*, I partie.

Налогъ? Его было бы недостаточно. И притомъ какой безсердечный министръ рѣшился бы потребовать у народа его послѣдній грошъ, когда со всѣхъ сторонъ поднимались крики о тяжелой нуждѣ; когда по всей Франціи раздавался стонъ крестьянъ, стоняемыхъ палкой на дороги; когда земледѣліе во многихъ мѣстахъ было покинуто, и столько несчастныхъ предавались полному отчаянію? Неккеръ зналъ это, онъ зналъ вопіющія несправедливости дѣйствовавшей тогда податной системы, неправильную раскладку, чудовищное распредѣленіе налоговъ; онъ зналъ, что налогъ, пока не будетъ облегчено бремя его для бѣдняка, составляетъ бѣдствіе, задерживающее ростъ населенія, похищающее много жертвъ изъ его среды: онъ не хотѣлъ прибѣгать къ столь убійственному средству.

Бережливость? Она, конечно, была очень желательна, очень нужна; ибо эти дворяне, эти князья церкви, которые считали позоромъ участвовать въ несеніи общественныхъ тягостей, не стыдились дѣлить между собой, подъ тысячью формъ, продуктъ сбора налоговъ. Между прочимъ, они въ совокупности получали изъ казны до 28 милліоновъ въ видѣ пенсій,—сумма огромная, говорилъ министръ финансовъ ¹⁾, и по малой мѣрѣ вдвое большая той, которую всѣ государи Европы, взятыя вмѣстѣ, расходовали на этотъ предметъ. Къ сожалѣнію, трудно было предпринять радикальныя реформы въ этомъ направленіи, такъ какъ злоупотребленія слишкомъ глубоко укоренились.

Неккеръ рѣшилъ поэтому прибѣгнуть къ системѣ займовъ,—рѣшеніе наиболѣе демократическое, во-первыхъ, потому, что основу займовъ составляетъ кредитъ и, слѣдовательно, занимать значило искать себѣ поддержку въ общественномъ довѣріи, въ общественномъ мнѣніи.

Но что означало это новое, странное слово *общественное мнѣніе*, которое впервые разъ прозвучало въ ушахъ самодержавнаго монарха, произнесенное его министромъ? Неужели французскій народъ, осужденный на молчаніе со временъ Людовика XIV, скоро будетъ имѣть голосъ въ совѣтѣ? Опасное нововведеніе, которое вызвало остроты стараго Мореа и значеніе котораго не ускользнуло отъ пронизательнаго глаза Верженна. «Франція,—говоритъ потихоньку Верженнъ Людовику XVI,—есть неограниченная монархія; если бы *общественное мнѣніе* го-

¹⁾ *Compte rendu de Necker, II partie, p. 27.*

снодина Неккера получило преобладающее значеніе, вапе величество могли бы ожидать увидѣть командующими тѣхъ, которые теперь повинуются, и повинующимися тѣхъ, которые теперь командуютъ»¹⁾. Въ этомъ именно и заключалось величіе предпріятій Неккера. И, однако, онъ вовсе не думалъ о ниспроверженіи монархіи. Онъ только желалъ видѣть ее смягченной, уравновѣшиваемой общественнымъ мнѣніемъ, поставленной въ невозможность вредить. Менѣе женевецъ, чѣмъ англичанинъ, онъ не возвысился до республиканской идеи. Бывъ прежде, въ своихъ сочиненіяхъ, защитникомъ народа, онъ былъ у кормила правленія лишь министромъ буржуазіи. Послѣ философствованія со смѣлостью Руссо, онъ не дерзнулъ переступить за предѣлы, начертанные умѣренностью Монтескье.

Тѣмъ не менѣе, планы его были послѣдовательны и дышали любовью къ общественному благу. Исполненный гордости, которая иногда переходила въ тщеславіе, онъ поставилъ себѣ слѣдующую задачу:

Займу, если понадобится, до 500 милліоновъ ливровъ, чтобы быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ; установлю кредитъ Франціи развитіемъ общественнаго мнѣнія; чтобы образовать это мнѣніе, разорву завѣсу, скрывающую состояніе финансовъ; посредствомъ провинціальнаго собранія, которыя будутъ первымъ шагомъ къ созванію генеральныхъ штатовъ, призову націю къ дѣламъ; добьюсь реформы налоговъ, и когда налоги, преобразованные, можно будетъ увеличить безъ варварства, уплачу долги. Тогда королевство, обогащенное и побѣдоносное—будетъ благословлять меня за то, что я спасъ его отъ банкротства и далъ ему возможность побѣдить. Общественное мнѣніе, которое будетъ служить мнѣ орудіемъ, сдѣлается потомъ отголоскомъ моей славы.

Такъ и случилось; одно имя Неккера внушало вначалѣ неограниченное довѣріе. Государственныя процентныя бумаги поднялись во Франціи, тогда какъ, по контрасту, которымъ могъ похвастать новый министръ, англійскіе фонды потерпѣли значительное пониженіе. Втайнѣ польщенные тѣмъ, что одинъ изъ ихъ среды возвысился на степенъ главнаго управленія финансовъ, банкиры помогали ему съ такимъ рвеніемъ, что для

¹⁾ *Rapport confidentiel au roi, publié par Soulavie dans ses Mémoires histor. sur le règne de Louis XVI, p. 208—213.*

покрытія перваго займа въ 24 милліона они не выждали даже зарегистрированія королевскаго повелѣнія. Двери главнаго казначейства открылись, правда, и у входа были поставлены сторожа, но къ концу того же дня подписка на заемъ была закрыта, и публика не могла приобрѣтать облигации его иначе, какъ платя преміи банкирамъ¹⁾. Заемъ этотъ имѣлъ форму лотереи: одна часть его уплачивалась, по жребію, нѣсколькимъ заимодавцамъ, другая конвертировалась въ пожизненные ренты. Въ два года болѣе двухсотъ милліоновъ были заняты такимъ образомъ съ поразительной легкостью. Къ великому изумленію финансовыхъ дѣльцовъ, кредитъ, вмѣсто того, чтобы ослабѣвать, развивался именно въ силу пользованія имъ. Иностранцы усердно подписывались, они участвовали на цѣлую треть подписной суммы въ займахъ Неккера²⁾: золото Европы притекало въ казну французскаго короля. Умы, успокоенные, могли поэтому предаваться чувству радости, которое въ нихъ вызывали новости изъ лагеря въ Родъ-Айлендѣ, и въ Версали многіе изъ придворныхъ кавалеровъ завидовали рапамъ маркиза Лафайета. Сильно интересуюсь битвами, цѣною которыхъ должна была быть независимость Америки, французскій народъ привыкалъ къ мысли, и наиболѣе прозорливые, въ особенности тѣ, кто чувствовалъ революцію рокошующую въ глубинѣ своего сердца, были благодарны министру финансовъ за то, что онъ нашелъ въ кредитѣ средства, позволившія этой старой ройялистской Франціи шествовать подъ знаменами вооруженной республики.

Но успѣхи Неккера навлекли на него столько же нецрїязни, какъ и его реформы; легко догадаться, какой концертъ проклятій раздался противъ человѣка, упразднившаго сборщиковъ вѣдомства удѣловъ, уменьшившаго число откупщиковъ податей и цифру ихъ скандалезныхъ прибылей, убавившаго на три четверти (съ 48 до 12) число главныхъ сборщиковъ, сократившаго штатъ управленія лотереей, расторгнувшаго контрактъ по содержанію почты, обуздавшаго произволь финансовыхъ интендантовъ, невѣдомыхъ судей, рѣшавшихъ безапелляціонно въ своемъ кабинетѣ спорныя дѣла и подававшихъ затѣмъ министру къ подписи свои произвольныя рѣшенія³⁾. Неккеръ имѣлъ также смѣлость распространить

¹⁾ Soulavie, *Mém. histor. et. polit. du règne de Louis XVI*, t. IV, p. 51.

²⁾ Monthyon, *Particularités sur les ministres des finances*, p. 246.

³⁾ *L'Observateur Anglais*, t. VI, p. 183.

налогъ двадцатой доли и на имѣнія членовъ парламента, и эти крупныя землевладѣльцы не могли простить ему низведенія ихъ на уровеньъ мужичья. Что касается финансовыхъ тузовъ, то они были еще гораздо болѣе раздражены, потому что у нихъ къ чувству злобы примѣшивалось чувство ревности. Что станется съ ихъ важною въ государствѣ, если вступятъ на путь расторженія контрактовъ и замѣны откупщиковъ простыми управляющими? Не дойдетъ ли до того, что будутъ обходиться безъ нихъ, предварительно разоривъ ихъ? И вотъ, пострадавшіе отъ реформъ, жертвы упраздненій, стали преслѣдовать Неккера ругательствами. Они говорили, что онъ достигъ власти посредствомъ глухихъ интригъ, что онъ былъ введенъ на антресоли, откуда Морена управлялъ Франціей, нѣкимъ маркизомъ де-Пезе, таинственнымъ корреспондентомъ Людовика XVI и крошателемъ стишковъ во вкусъ Дората. Одинъ изъ этихъ поносителей ¹⁾ изобразилъ въ своемъ пасквилѣ *гордаго Неккера* ожидающимъ въ глубинѣ наемной кареты, закутавшись въ плащъ, возвращенія своего тайнаго покровителя.

Къ этимъ личнымъ нападкамъ присоединились нареканія болѣе серьезныя. Министра-реформатора упрекали, и не безъ основанія, въ томъ, что онъ придалъ своимъ займамъ безнравственную форму учрежденіемъ пожизненныхъ рентъ, что должно было поощрять эгоизмъ и какъ бы приглашать отца семейства заранѣе прожить состояніе своихъ дѣтей. Но враги Неккера, очевидно, заходили слишкомъ далеко, когда вмѣняли ему въ вину то, что онъ не создалъ налоговъ, которые служили бы обезпеченіемъ заимодавцамъ, не установилъ никакого фонда погашенія. Займодавцы, которые, впрочемъ, въ глазахъ всякаго министра должны стоять позади государства, всегда достаточно освѣдомлены насчетъ риска, которому они подвергаются. И доказательствомъ, что имъ предлагались тогда достаточныя гарантіи, служитъ тотъ фактъ, что они ссудили 530 милліоновъ, зная хорошо, что Неккеръ обезпечивалъ реформой уплату процентовъ по каждому изъ своихъ займовъ, преимущество которыхъ заключалось именно въ томъ, что они не обременяли казну вѣчными рентами и находили свое естественное погаше-

¹⁾ Senac de Meilhan, *Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France*, p. 168.

ніе въ послѣдовательномъ вымираніи владѣльцевъ пожизненныхъ рентъ.

Не было, конечно, ничего новаго въ томъ, что министръ былъ осыпаемъ проклятіями со стороны людей, которыхъ онъ приносилъ въ жертву общему благу; но удивительно было то, что Неккеръ возстановилъ противъ себя и людей, должности которыхъ онъ реформировалъ, и писателей, которые до него требовали этихъ реформъ. Экономисты безъ устали травили его. Аббатъ Бодо, суровый Кондорсе, нетерпимый къ чужому мнѣнію, раздражались противъ него пропитанными злобой брошюрами¹⁾. Въ сущности ихъ возмущали его высокомѣріе въ отношеніи секты и то, что онъ позволилъ себѣ, въ своихъ сочиненіяхъ, подвергать сомнѣнію безусловное право собственности. Кавалеръ Тюрго, братъ бывшаго министра, и Кондорсе явно высказывали это въ своихъ нападкахъ: «Несчастливая нація!—восклицалъ кавалеръ Тюрго,—ты никогда не оправившись отъ бѣдствій, приготовленныхъ тебѣ Неккеромъ», и съ негодованіемъ указывалъ на знаменитую заключительную главу книги Неккера *О хлебной торговлѣ и относящемся къ ней законодательствѣ*. «Чего должны мы ожидать,—прибавлялъ онъ,—отъ министра, который съ такой яростью вооружается противъ класса собственниковъ въ пользу неимущаго класса. Будемъ ли мы дожидаться того, чтобы во Франціи повторились сцены, братьевъ Гракховъ?» Нѣкоторые произносили имя Ло (Law) думая тѣмъ нанести оскорбленіе Неккеру.

Не взирая на эти вопли недовольныхъ, министръ финансовъ сохранялъ свою популярность. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ *общественное мнѣніе*, неожиданнаго судью, предъ которымъ онъ поставилъ монархію. Покрыть расходъ по американской войнѣ, не прибѣгая къ налогамъ,—развѣ это не было чудо своего рода? *Безъ налоговъ*²⁾, сказалъ Неккеръ; и эта формула, характеризовавшая положеніе дѣлъ, повторялась во всемъ королевствѣ, народомъ, удивленнымъ, что побѣда ничего ему не стоила. Къ тому же сантиментальный тонъ сочиненій женева и его умѣнье заинтересовать воображеніе самыми сухими финансовыми вопросами снискали ему благосклонность женщинъ, не только

¹⁾ *Mémoires histor.*, t. IV, p. 32.

²⁾ *Ibid.*, t. IV, p. 26.

³⁾ Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. V, p. 251.

между третьимъ сословіемъ, но даже при дворѣ, въ Версали, въ будуарѣ, гдѣ Марія-Антуанета иногда проговаривалась о своихъ симпатіяхъ. Гордая графиня Брионнъ, маркиза Куаньи, г-жа Симіанъ, княгиня Бово, величавая герцогиня Граммонъ пускали въ ходъ въ пользу Неккера чары граціи или власть сердца. Г-жа Тессе, г-жа Бло, графиня Шалонская усердно пропагандировали систему займовъ и расхваливали министра-философа, который хотѣлъ изъ управленія финансами сдѣлать не только рядъ операций, но также и «рядъ мыслей» (собственное выраженіе Неккера). Онѣ собирали новости, распространяли официальные слухи, давали приказанія и толкали въ ряды *общественнаго мнѣнія* поклонниковъ своей красоты. Онѣ указывали на маркиза де-Кастри, попавшаго черезъ Неккера въ министры, и на герцога Шуазеля, надѣявшагося черезъ него же снова сдѣлаться министромъ.

Такое же восхищеніе проявлялось въ другомъ мѣстѣ въ болѣе серьезномъ видѣ. Со времени смерти г-жи Жофренъ философы перекочевали въ салонъ г-жи Неккеръ: ихъ ненависть къ духовнымъ торжествовала вслѣдствіе возвышенія протестанта. И тѣмъ не менѣе извѣстно было, что часть высшаго духовенства примкнула къ нему; что пылкій архіепископъ бомонскій, гроза янсенистовъ и конвульсіонистовъ, часто бывалъ, какъ близкій другъ, на обѣдахъ у кальвиниста Неккера¹⁾. Сельскій людъ могъ только благословлять министра, который не только не увеличивалъ налоговъ, но даже стремился уменьшить ихъ посредствомъ преобразования податной системы. Просвѣщенная часть третьяго сословія внимательно слѣдила за финансовыми нововведеніями и улучшеніями, къ которымъ, между прочимъ, принадлежали упорядоченіе счетоводства посредствомъ сосредоточенія различныхъ кассъ въ главномъ казначействѣ, развитіе кредита, гуманные проекты въ пользу бѣдныхъ, арестантовъ, нищихъ. Враждебнымъ памфлетамъ академикъ Тома, аббатъ Рейналь противопоставили горячія апологіи. Въ нѣкоторыхъ изъ апологій узнали талантливое перо г-жи Неккеръ и ея обидчивый характеръ. Въ этихъ защитительныхъ брошюрахъ энергично отражали упрекъ, сдѣланный министру финансовъ, будто онъ своими займами помогалъ живущимъ на счетъ будущихъ поколѣній. Развѣ, возражали, поколѣнія не солидарны?

¹⁾ *Mémoires histor. et politiques*, t. IV, p. 721.

по причинѣ его бѣдности¹⁾. Казалось естественнымъ испробовать лекарство на самой больной части организма.

Двѣнадцать дворянъ, двѣнадцать членовъ духовенства, двадцать четыре городскихъ и сельскихъ собственника—составляли сорокъ восемь членовъ беррійскаго провинціального собранія. Король не оставилъ за собой права выбора; онъ только назначилъ шестнадцать членовъ, которымъ было поручено самимъ выбрать остальныхъ членовъ. Рѣшено было, чтобы подача голосовъ производилась по-головно, а не по-сословно. Собраніе должно было созываться каждые два года, на одинъ мѣсяць; а въ промежуткѣ между сессіями комиссія, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, имѣла порученіе приводить въ исполненіе принятыя собраніемъ рѣшенія, касавшіяся распредѣленія и сбора налоговъ.

Конечно, эти постановленія были задуманы очень робко; въ нихъ еще обнаруживалось слишкомъ много уваженія къ порядкамъ прошлаго. Но, какъ мы уже сказали, Неккеръ не имѣлъ ни силы, ни мужества своего ума, и смѣлость его осталась въ его книгахъ. Онъ мирился съ поверхностнымъ переворотомъ, онъ, который недавно нападалъ на соціальный порядокъ, докапывался до самыхъ корней. И, однако, нельзя не признать его заслуги. Послѣ долгихъ сатурналій абсолютной власти, и когда нужно было сломить эту пагубную силу, которую зло часто почерпаетъ въ самой продолжительности своей, много значило уже и молчаливое стремленіе преобразовать деспотическую монархію въ монархію смѣшанную. Можно было предвидѣть, что собственники, приглашенные къ распредѣленію налоговъ, временемъ захотятъ и вотировать ихъ; что нація, съ которой будутъ совѣтоваться относительно налоговъ, пожелаетъ давать свое заключеніе и по другимъ вопросамъ. Эта оговорка «въ видѣ опыта» была очень скромная, безъ сомнѣнія; но все-таки она содержала обѣщаніе, приподнимала завѣсу будущаго.

И въ самомъ дѣлѣ, беррійское провинціальное собраніе былъ какъ бы тѣнью, которую рисовало на стѣнѣ прибытіе ожидаемаго предмета. Національный соборъ, неизбѣжный и близкій, оказывался такимъ образомъ возвѣщеннымъ: провинціальныя собранія являлись, въ маломъ масштабѣ, прообразомъ государственныхъ членовъ, или генеральныхъ штатовъ.

¹⁾ *Essai sur les assemblées provinciales*, par le baron de Girardot.

буждалъ богоугодныя заведенія продавать свое недвижимое имущество и вырученныя отъ продажи деньги помѣщать въ процентныя бумаги. Мало обращая вниманія на вызываемый имъ гнѣвъ и находя иногда поддержку въ сочувствіи Людовика XVI, онъ внесъ свѣтъ въ самые темные расходы королевскаго дома и такъ называемой *chambre aux deniers*, гдѣ царилъ невообразимый беспорядокъ. Многіе придворные чины были въ одно и то же время поставщиками провизіи, заготовителями провизіи и гостями, поѣдавшими ее, такъ что они заставляли короля платить за жизненные припасы, которые сами же и потребляли. За спиной простого хлѣбодара нерѣдко скрывался какой-нибудь царедворецъ, продавшій ему свою должность и энергично защищавшій то, что онъ называлъ отчиной. Всякое злоупотребленіе имѣло своего собственника. Неккеръ сократилъ на-половину эти расходы, упразднилъ должность оберъ-гофмейстера, должности генералъ-контролеровъ, мундшенковъ, смотрителей серебряной посуды, казначеевъ мелкихъ расходовъ, италмейстеровъ, казначеевъ королевина двора.

Но имена этихъ куртизановъ, столь щедро оплачиваемыхъ, встрѣчались еще въ темныхъ спискахъ наградъ, подарковъ, милостей. «Что значитъ для короля какая-нибудь тысяча экю?» говорили они.—«Это подушная подать цѣлой деревни», отвѣчалъ Неккеръ.

А какое сокровище скандаловъ заключала въ себѣ рубрика пенсій! Одна только семья Ноайлей получала 1.750.000 ливровъ. Одно лицо изъ дома Полиньякъ пользовалось пенсіей въ 80.000 ливровъ, единственно потому, что королева любила графиню Іоланту. Одному бывшему президенту выдавали заразъ три пенсіи, составлявшія въ совокупности 22.720 лавровъ, и всѣ три, будто бы, за его службу въ должности президента, какъ открылось впоследствии ¹⁾. Пенсія въ 25.000 ливровъ была пожалована одной дамѣ, чтобы облегчить ей вступленіе въ бракъ. Одинъ парикмахеръ получалъ пенсію, какъ убиравшій голову дочери д'Артуа, умершей на третьемъ году отъ рожденія, прежде чѣмъ у нея выросли волосы.

Должно сознаться, что Неккеръ дрожащей рукой откопалъ столько чудовищныхъ злоупотребленій, изъ которыхъ многія, правда, еще не были выяснены. Онъ хотѣлъ было отобрать

¹⁾ *Livre rouge.*

заложенные имѣнія; но, испугавшись могущества фамиліи, съ которыми пришлось бы вступить въ борьбу, онъ отказался отъ своего намѣренія. А между тѣмъ милліоны за милліонами исчезали въ ненасытной пасти войны; необходимы были въ скоромъ времени новые ресурсы; провинціальныя собранія, которыхъ было всего только два, представляли далеко недостаточную поддержку: Неккеръ рѣшился поразить общественное мнѣніе. Мы приходимъ къ его *Отчету* (*Compte rendu*).

Отдать отчетъ уже не только королю, но и французскому народу, не для того, чтобы очистить себя отъ подозрѣнія, какъ нѣкогда генераль-контролеры Демаре и Лепелетье, но чтобы торжественно учредить народный трибуналъ, передъ которымъ можно было бы предстать со словами: «министръ короля, я только слуга націи...»,—это несомнѣнно было большимъ импонирующимъ нововведеніемъ. Монархія исчезала такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на мгновеніе: на сценѣ оставался только министръ передъ народомъ.

По принятіи рѣшенія, представлялись двѣ задачи: узнать состояніе финансовъ и огласить его.

Узнать его въ точности было трудно, огласить—опасно. Вынужденный выдерживать, безъ налоговъ, дорого стоящую войну, Неккеръ могъ, конечно, при помощи экономіи и ловкости, идти вровень съ обстоятельствами, но не побѣдить ихъ. Было невѣроятно, чтобы онъ заполнилъ во время войны дефицитъ констатированный въ мирное время. Ослѣпить общественное мнѣніе—вотъ чего онъ хотѣлъ; но онъ не могъ представить торжествующихъ цифръ, не уклоняясь отъ истины. Ресурсъ преступный и употребленіе котораго не оправдывалось важною положеніемъ! Когда осмѣливаются прибѣгнуть къ опасному правилу: «цѣль оправдываетъ средства», то нужно, по крайней мѣрѣ, чтобы это было въ одной изъ тѣхъ страшныхъ партій, гдѣ государственный дѣятель доказываетъ великостью своей опасности безкорыстіе своихъ страстей и гдѣ онъ ставитъ на карту свою голову.

Вооруженный парадоксомъ, Неккеръ утверждалъ, что есть два способа дать отчетъ о состояніи финансовъ:

«Одинъ, предпочтительный, — говорилъ онъ, — на первый взглядъ, состоитъ въ показаніи совокупности доходовъ и совокупности расходовъ;

«другой, болѣе простой, болѣе наглядный, состоитъ въ составленіи рубрики доходовъ только изъ суммъ, внесенныхъ въ государственное казначейство различными кассами, за вычетомъ собственныхъ расходовъ этихъ кассъ, и въ занесеніи въ столбецъ расходовъ только платежей, произведенныхъ государственнымъ казначействомъ».

Это предложеніе содержало довольно замысловатую ошибку. Невѣрно было, будто указанные два счета могли замѣнять одинъ другой. Первый былъ счетъ *приходный*, второй—счетъ *кассовый*.

Приобрѣвшій съ юныхъ лѣтъ большой навыкъ въ счетоводствѣ, Неккеръ не могъ не знать этого различія. Онъ зналъ, что балансъ счета способенъ варьировать по волѣ того, кто распоряжается кассой; что этотъ послѣдній можетъ увеличить *избытокъ прихода*, откладывая нѣкоторые расходы, но не можетъ увеличить *избытокъ дохода*¹⁾.

Такъ какъ состояніе финансовъ должно явствовать изъ сравненія прихода и расходовъ, произведенныхъ главнымъ казначействомъ, то ловкій финансистъ имѣлъ средство остановиться въ сведеніи счетовъ тамъ, гдѣ ему было желательно. Если избытокъ дохода былъ слишкомъ малъ, ему стоило только перевести на какую-нибудь второстепенную кассу тотъ или другой платежъ, лежавшій до того на обязанности государственнаго казначейства. Если же избытокъ дохода казался слишкомъ большимъ, онъ переводилъ какой-либо предстоящій платежъ съ подвѣдомственныхъ кассъ на главное казначейство.

Отчетъ былъ построенъ на этой базѣ.

Онъ показывалъ доходовъ	264.154.000	ливр.
» » расходовъ	253.954.000	»
и, слѣд., превышеніе доходовъ надъ расходами .	10.200.000	ливр.

Результатъ поразительный, которымъ и сторонники, и противники Неккера были одинаково ошеломлены. Какъ! Неккеръ,

¹⁾ Нѣкто имѣеть, на примѣръ, доходъ въ 6 000 франк. и 5 000 фр. расходовъ. Его избытокъ *дохода* равенъ, слѣдовательно, 1 000 фр. Предположимъ, что однимъ годомъ онъ поручаетъ своимъ арендаторамъ заплатить за него его поставщикамъ 4 000 фр. и внести ему остальную аренду. У него окажется тогда избытокъ *прихода* въ 2 000 фр., т. е. вдвое больше его избытка *дохода*. Слѣдовательно, по состоянію его кассы нельзя судить о состояніи его имуществва, если только онъ не уплатилъ всѣ свои расходы.

вступая въ министерство, нашель, по его собственному показанію, дефицитъ въ 39 милліоновъ: ему пришлось подготовляться къ войнѣ, покрывать въ продолженіе трехъ лѣтъ издержки по веденію ея; онъ не создалъ никакого налога; его экономіи и реформы не могли идти ни въ какое сравненіе съ огромными тягостями, которыя нужно было нести... и, тѣмъ не менѣе, этотъ дефицитъ въ 39 милліоновъ какимъ-то чудомъ превратился въ избытокъ свыше 10 милліоновъ!

Впрочемъ, языкъ *Отчета* отличался приподнятымъ, внушительнымъ тономъ. Неккеръ въ этомъ отчетѣ порицалъ монархію за то, что она до сихъ поръ дѣлала секретъ изъ состоянія финансовъ. Онъ изобличалъ лживость прежнихъ эдиктовъ, относясь насмѣшливо къ ихъ вступленіямъ, *слишкомъ часто повторяемымъ слово въ слово, чтобы быть всегда вѣрными*. Начертавъ важно картину своихъ реформъ, онъ говорилъ о нихъ то съ самодовольствіемъ, то со скромностью, казавшейся простой вѣжливостью его гордости. Порядокъ, введенный имъ въ дѣла финансоваго управленія и господствовавшій въ его сочиненіяхъ, онъ внесъ и въ свой отчетъ, представлявшій нѣчто въ родѣ элементарнаго трактата, очевидно предназначавшагося къ тому, чтобы начать общественное воспитаніе по вопросамъ администраціи. Прибыли казны, пенсіи, государственныя имущества, лѣса, расходы королевскаго двора, налоги, натуральныя повинности, хлѣбная торговля, мѣры и вѣсы, ломбарды, тюрьмы, больницы — все было подвергнуто обсужденію въ отчетѣ; и, указавъ безчисленныя злоупотребленія, устраненныя его реформами, министръ обратилъ общественное вниманіе на пріюты, на положеніе найденышей, нищихъ, исхудалаго населенія богадѣленъ, всѣхъ несчастныхъ. Когда такимъ образомъ мораль примѣшивалась къ его расчетамъ, цифры его становились краснорѣчивыми и патетическими. Ему не трудно было возбудить состраданіе французовъ, когда онъ изобразилъ передъ ихъ глазами страшное зрѣлище госпиталей, гдѣ по нѣсколько умирающихъ были свалены въ кучу на одной кровати¹⁾, и не менѣе ужасное зрѣлище тѣхъ тюремъ, гдѣ преступники, подвергаемые всякимъ мученіямъ жестокими моралистами, не имѣли въ себѣ болѣе ничего человѣческаго кромѣ своей горькой доли. Последняя мысль *Отчета* была мысль личная, но

¹⁾ См. эдиктъ 11 мая 1781 г. и *Compte rendu*.

столько же почтенная, сколько высококомѣрная. «Я не жертвовалъ, — говорилъ Неккеръ въ заключеніе, — ни кредиту, ни силѣ. Я пренебрегалъ наслажденіями тщеславія. Я отказался отъ самаго пріятнаго изъ частныхъ удовольствій — удовольствія служить моимъ друзьямъ. Если кто-нибудь обязанъ моему благоволенію пенсіей, мѣстомъ, должностію, пусть его назовуть».

Отчетъ былъ не только книга, это былъ актъ. Онъ произвелъ глубокую сенсацію. Шестъ тысячъ экземпляровъ было продано въ самый день его появленія¹⁾, и работа двухъ типографій не могла удовлетворить требованій, приходившихъ изъ провинціи и изъ заграницы. Въ Лондонѣ сторонники мира обратили вниманіе парламента на *Отчетъ* и восклицали, что невозможно продолжать войну съ государствомъ, столь цвѣтущимъ, столь хорошо управляемымъ, какъ Франція.

Друзья Неккера воспламенились, а враги его были смущены всеобщимъ энтузіазмомъ. Нація, гордая своей важностію, наконецъ признанной, пожирала страницы, уже переведенныя на всѣ европейскіе языки. Она походила на сильнаго и интеллигентнаго молодого человѣка, который, только что достигнувъ совершеннолѣтія, принимаетъ отчетъ своего опекуна. Геній Англій, отпечатлѣвшійся въ *Отчетѣ*, былъ пріветствуемъ третьимъ сословіемъ, начитавшимся Монтескье. Гравированіе, эта типографія бѣдняковъ и неграмотныхъ, размножала въ честь Неккера эстампы, изображавшіе аллегорію, и народъ толпился вдоль набережныхъ Сены передъ этими картинками, предназначенными воздѣйствовать на общественное мнѣніе, которое ихъ вдохновило²⁾.

Въ Версали партія Неккера была самая сильная, потому что она была самая дѣятельная. Никогда дѣло моды или нарядовъ, никогда вопросъ щегольства не волновали до такой степени умы придворныхъ дамъ, въ особенности дамъ кружка королевы. Онѣ читали и хвалили этотъ *Отчетъ*, наполненный разсужденіями объ администраціи и политикѣ, проповѣдывавшій непріятную доктрину бережливости, поучавшій бухгалтеріи государственнаго хозяйства Франціи. Мореса не побезпокоился бравировать иначе, какъ острымъ словомъ, столь шумное одо-

¹⁾ *Correspondance de Grimm*, t. X, p. 402; février 1781.

²⁾ О первомъ министерствѣ Неккера появилось не менѣе 66 гравюръ, изъ которыхъ 18 относились къ *Отчету*.

брепіе: такова была его манера управлять. Увидавъ, что *Compte rendu* (отчетъ) имѣеть синюю обложку, онъ назвалъ его *conte bleu* (дѣтская сказка); и этотъ каламбуръ съ удовольствіемъ повторялся старыми дворянами, экономистами, мало тронутыми тѣмъ, что Неккеръ раздѣлялъ ихъ мнѣніе по многимъ вопросамъ, и многочисленными дворянами, жившими пенсіей. Что означалъ этотъ обычный шумъ? Фанатики злоупотребленій говорили, что общественное мнѣніе не имѣеть даже права существовать. Но Неккеръ, чувствуя оказываемую ему поддержку, выказывалъ твердость сначала, затѣмъ нетерпимость и раздраженіе. Онъ говорилъ, что слѣдуетъ отправлять въ Бастилію писателей, осмѣливающихся обезславливать книгу, которая вызвала волненіе въ Англіи и изъ которой скоро долженъ выйти миръ. «Нападать на Отчетъ, — восклицалъ онъ, — это значить совершать государственное преступленіе, это значить сжечь брестскій флотъ»¹⁾.

Часто триумфъ оказывается скрытымъ паденіемъ. Морепа смотрѣлъ подозрительно на возрастающую силу, которая казалась ему узурпаціей его собственнаго вліянія. Уже два министра, Сартинъ и Монбаррей, были замѣнены другими безъ него, помимо его; онъ припоминалъ съ горечью, что однажды, въ то время, когда припадокъ падагры удерживалъ его въ Парижѣ, его коллега, допущенный одинъ къ королю, вынесъ изъ королевскаго кабинета рескриптъ о назначеніи де-Кастри на постъ военнаго министра, и вотъ онъ сталъ мстить. Неккеръ представилъ конфиденціально королю докладъ о провинціальныхъ собраніяхъ, въ которомъ не пощадилъ парламентовъ: Морепа, съ разсчитанной нескромностью, огласилъ этотъ докладъ и тѣмъ навлекъ нападки на его автора. Тогда, оскорбленный до глубины души, директоръ финансовъ хотѣлъ, чтобы успѣхъ задуманнаго имъ шага громко засвидѣтельствовалъ о довѣрїи, которымъ онъ пользовался при дворѣ. Не довольствуясь тѣмъ, что на его сторонѣ были княгиня де-Шуа, Ноайли, герцогиня Полиньякъ, друзья Марїи-Антуанеты, онъ желалъ внутрь короля въ свою ссору, — онъ просилъ о дарованіи ему титула государственнаго министра и о включеніи его въ число членовъ совѣта, двери котораго для него, какъ протестанта, были закрыты; онъ прибавилъ, что подастъ въ отставку въ случаѣ

¹⁾ Monthyon, *Particularités sur les ministres des finances*.

ГЛАВА III.*

Революціонеры-мистики.

Революціонеры-мистики.—Алхимики предмѣстья Сень-Марсо.—Историческая важность масонства.— Учрежденіе *высокихъ степеней*; ихъ революціонное дѣйствіе.— Филиппъ Орлеанскій, глава масоновъ.—Заговоръ *иллюминатовъ*; планъ Вейсгаупта; посвященіе въ степень эпопта; глухая пропаганда.—Роль, предназначенная Калиostro; Калиostro въ Парижѣ; сцены въ улицѣ Сень-Клодъ.—Тройное число Сень-Мартена; возникновеніе и распространеніе секты *мартинистовъ*.—Месмеръ; его система, слѣпокъ ученія Сень-Мартена, торжествующій месмеризмъ; принцесса Ламбаль и Марія-Антуанета въ лабораторіи д'Эслона.—Влеченіе умовъ къ мистицизму.—Лафатеръ, обличаемый Мирабо.—Реакція противъ философіи Вольтера и энциклопедистовъ.—Вторая революція, подготовляемая въ тайныхъ обществахъ.—Пророчество Казота.

Волнуемая непреодолимыми желаніями и смутными надеждами, Франція приняла съ нѣкотораго времени странный видъ. Подъ высшими сферами, гдѣ королева предавалась своимъ удовольствіямъ, графъ Прованскій своимъ кознямъ, а Неккеръ своимъ расчетамъ, толпа горячихъ умовъ испытывала пути случайнаго. Осуждать патеровъ и унижать королей казалось недостаточнымъ: хотѣли передѣлывать народы; хотѣли закалить нравственное чувство; посвящали будущее невѣдомому Богу. Въ своемъ энтузіазмѣ, наивномъ и мрачномъ, нѣкоторые задавали себѣ вопросъ, не будетъ ли, наконецъ, дано человѣку приподнять завѣсу, скрывающую начало и конецъ міровъ, и почему существо, одаренное тройной способностью любить, размышлять и хотѣть, не могло бы овладѣть скрытыми силами природы, уловить тайну жизни, побѣдить смерть. Никогда мысль человѣческая не погружалась въ такія глубины, никогда она не создавала себѣ столь фантастическихъ царствъ. Когда въ 1740 г. въ эту Францію, которую собирался просвѣщать здравый смыслъ Вольтера, явился нѣкій графъ Сень-Жерменъ и объявилъ: «Я насчитываю себѣ уже тысячи лѣтъ; я пользовался дружбой Франциска I; я зналъ Иисуса Христа и апостоловъ», слова его вызвали только улыбку. Побочный сынъ короля португальскаго, по одной версіи, плодъ любви еврея и какой-то польской княгини, графъ Сень-Жерменъ обязанъ былъ своими первыми успѣхами любопытства только скептицизму, противъ господства котораго онъ выступилъ съ такой оригинальной смѣлостью. Мадамъ Помпадуръ благоволила къ нему по капризу, Людовикъ XV отъ скуки, герцогъ Шуазель изъ угодливости и предоставляя ду-

мать, что пользовались его услугами въ качествѣ дипломатическаго шпіона. Но насталъ моментъ, когда мистицизмъ получилъ нѣчто лучшее, чѣмъ опасное или насмѣшливое покровительство, и замѣчательно, что моментъ этотъ предшествовалъ величайшей и самой страшной изъ реальностей—революціи.

Дѣло въ томъ, что философы XVIII вѣка злоупотребляли анализомъ; они слишкомъ жертвовали чувствомъ разуму, счастьемъ вѣрить—гордынѣ знанія. Когда умъ бодрствуетъ при молчаніи другихъ способностей, онъ очень скоро устаетъ и пугается; онъ доходитъ до того, что сомнѣвается во всемъ, сомнѣвается въ самомъ себѣ, и ему нужно забыться въ счастливомъ опьянѣніи. Это опьянѣніе умъ находитъ въ воображеніи. Вѣра отдыхаетъ отъ мысли, и этотъ покой мало отличался бы отъ смерти, если бы отдыхающій не почивалъ на ложѣ, полномъ сновидѣній.

Реакціонное движеніе было, слѣдовательно, неизбежно послѣ Вольтера. Заглушенная на мгновеніе, но не подавленная, потребность вѣрить снова проявилась подъ странными формами. Старыя вѣрованія, уже утраченныя, уступили мѣсто, въ глубинѣ безпокойныхъ и страстныхъ душъ, экстагическимъ порывамъ, стремленіямъ, искавшимъ себѣ цѣль въ самомъ отдаленномъ мѣрѣ прездъ. И, какъ все служить въ пользу тѣмъ великимъ событіямъ, которыя отмѣчаютъ прохожденіе Божества черезъ исторію, мистики съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ невѣрующіе, работали на пользу революціи.

Въ самомъ дѣлѣ, тогда начали ходить въ народѣ слухи, волновавшіе его въ разномъ смыслѣ. Рассказывали о людяхъ, связанныхъ между собой страшными клятвами и преслѣдующихъ какіе-то темные замыслы. Говорили, что они обладаютъ секретами, стоящими сокровищъ, и приписывали имъ волшебную силу. Вскорѣ распространился слухъ, что какіе-то неизвѣстные химки поселились въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо. Въ лабораторіяхъ, укрываемыхъ чьими-то бдительными заботами отъ преслѣдованія, какіе-то люди съ проницательнымъ взоромъ, съ непонятной рѣчью, въ запачканной одеждѣ, дѣятельно занимались либо изготовленіемъ золота, либо фиксированіемъ ртути, либо удвоеніемъ величины брилліантовъ, либо составленіемъ эликсировъ. Эти странные труженики охотно оставались безвыходно въ своемъ предмѣстьѣ; они жили въ жалкихъ лачугахъ и, повидимому, вовсе не участвовали въ пользованіи

вали ему, подъ наружностью молодости, опытность долгой жизни. Про него рассказывали, что онъ нашель, наконецъ, философскій камень, что онъ знаетъ будущее, что онъ имѣетъ сношенія съ небесными духами. Въ Базелѣ, представленный Лафатеру, онъ произвелъ на него неопредѣленное впечатлѣніе недовѣрія и удивленія. «Это удивительный человекъ,—писалъ, говоря о Каліостро, *служитель святаго Евангелія въ Цюрихѣ*, благочестивый и добродушный Лафатеръ. «О, если бы онъ былъ кротокъ, какъ дитя! если бы онъ только былъ склоненъ къ евангельской простотѣ, къ достоинству Нашего Господа, кто былъ бы болѣе великъ, чѣмъ онъ?» ¹⁾

Мы скоро скажемъ, какіе мотивы привели Каліостро въ Парижъ и какую роль ему суждено было играть. Но прежде необходимо ввести читателя въ ту мину, которую тогда вели подъ троны и алтари революціонеры, болѣе глубокіе и дѣятельные, чѣмъ энциклопедисты.

Сообщество, составленное изъ людей всякой національности, всякой религіи, всякаго званія, связанныхъ между собой условленными символическими знаками, обязывающихся подъ клятвой хранить нерушимо тайну ихъ внутренняго существованія, подвергаемыхъ печальнымъ испытаніямъ, занимающихся фантастическими церемоніями, но практикующихъ, впрочемъ, благотворительность и считающихъ себя за равныхъ, хотя и раздѣленныхъ на три класса: *учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ*,—въ этомъ состоитъ масонство, мистическое учрежденіе, которое одни писатели связываютъ съ древними таинствами Египта, а другіе относятъ его происхожденіе къ товариществу зодчихъ, образовавшемуся уже въ III столѣтіи.

Наканунѣ французской революціи масонство получило огромное развитіе. Распространенное во всей Европѣ, оно помогло умозрительному гению Германіи, глухо волновало Францію и повсюду представляло образецъ общества, основаннаго на принципахъ, противныхъ началамъ гражданскаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, въ масонскихъ ложахъ претензіи наслѣдственной гордости были изгнаны и привилегіи рожденія устранены. Когда профанъ, желавшій быть посвященнымъ, вступалъ въ комнату, называвшуюся *кабинетомъ размышленія*, онъ чи-

¹⁾ *Lettre du comte de Mirabeau à M... sur Cagliostro et Lavater*, p. 48. Berlin, 1786.

талъ на стѣнахъ, обтянутыхъ чернымъ сукномъ и покрытыхъ похоронными эмблемами, слѣдующую характеристическую надпись: «Если ты привязанъ къ человѣческимъ отличіямъ, уходи; они здѣсь неизвѣстны» ¹⁾). Изъ рѣчи оратора вступающей въ общество узнавалъ, что цѣль масонства изгладить различія расы, званія, отечества; уничтожить фанатизмъ; искоренить національныя ненависти; ²⁾ и это именно выражали подъ аллегоріей невестественнаго храма, воздвигнутаго Великому Строителю вселенной, святаго храма, колонны котораго, символы силы и мудрости, были увѣнчаны *гранатами дружбы* ³⁾). Вѣровать въ Бога было единственнымъ религіознымъ долгомъ вступающаго въ общество. Потому надъ трономъ президента или *почтеннаго* каждой ложи, было изображено лучезарное всевидящее око, въ центрѣ котораго стояло написанное еврейскими буквами имя *Іеіовы* ⁴⁾).

Такимъ образомъ по самымъ основамъ своего существованія масонство стремилось къ дискредитированію учреждений и понятій окружающаго его внѣшняго міра. Правда, что масонскія инструкціи предписывали подчиненіе законамъ, соблюденіе формъ и обычаевъ, принятыхъ внѣшнимъ обществомъ, почтеніе къ государямъ. Правда также, что, собравшіеся за обѣденнымъ столомъ масоны пили за здоровье короля въ монархическихъ государствахъ, за здоровье президента—въ республикахъ. Но подобныя оговорки, предписываемыя благоразуміемъ сообществу, угрожаемому со стороны столькохъ подозрительныхъ правительствъ, были недостаточны, чтобы парализовать вліянія, натурально революціонныя, хотя вообще мирныя, масонства. Принадлежавшіе къ нему, конечно, продолжали быть, въ обществѣ *профановъ*, богатыми или бѣдными, дворянами или плебеями; но въ ложахъ, этихъ храмахъ, открытыхъ для высшей жизни, богатые, бѣдные, аристократы, плебеи, всѣ были равны и называли другъ друга братьями. Это было косвенное, однако дѣйствительное и постоянное обличеніе неправдъ и золъ соціальнаго порядка; это была пропаганда въ дѣйствиіи, живая проповѣдь.

¹⁾ Clavel, *Hist. pittoresque de la franc-maçonnerie*; 1-е partie, introduction, p. 8. Pagnerre, 1844.

²⁾ Clavel, *Hist. de la franc-maçonnerie*, p. 23.

³⁾ Ragon, *Cours interpretatif des initiations anciennes et modernes*. Introduction, p. 18. Édition. sacrée, 6842.

⁴⁾ Clavel, *Hist. de la franc-maçonnerie*, p. 4.

Съ другой стороны, таинственность, произнесение страшной клятвы, секретъ которой можно было узнать только цѣной многихъ мучительныхъ испытаній, мужественно переносимыхъ, секретъ, который должно было хранить подѣ страхомъ проклятiя и смерти, условные знаки, по которымъ братья узнавали другъ друга на двухъ концахъ земного шара, обряды, относившіеся къ исторiи убійства и, повидимому, прикрывавшіе мысли о мщенiи,— все это не образовало ли обстановку, какъ нельзя болѣе пригодную и благопріятную для формироваиія заговорщиковъ. И могло ли подобное учрежденіе, при приближеніи кризиса, желаемого обществомъ, находившимся въ броженіи, не доставлять оружія разсчитанной смѣлости сектантовъ, духу благоразумной свободы?

Извѣстно, на какомъ аллегорическомъ разсказѣ покоится, какъ на священномъ основанiи, все масонство ¹⁾:

Соломонъ поручилъ Адонираму управлять работами по постройкѣ іерусалимскаго храма. Число рабочихъ доходило до трехъ тысячъ. Чтобы избѣжать путаницы при раздачѣ жалованья, Адонирамъ раздѣлилъ ихъ на три разряда—учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Различали и узнавали другъ друга при помощи словъ, знаковъ, прикосновеній, которые должны были оставаться въ секретѣ. И вотъ трое подмастерьевъ, желая имѣть пароль мастера, рѣшили выпытать его у Адонирама или убить послѣдняго. Спрятавшись въ храмѣ, они становятся у разныхъ дверей. Когда Адонирамъ появился у южной двери, первый подмастерье спрашиваетъ у него пароль мастера, и при его отказѣ ударилъ его сильно по головѣ линейкой, которой былъ вооруженъ. Адонирамъ бѣжитъ къ западной двери, гдѣ второй подмастерье наноситъ ему наугольникомъ ударъ въ сердце. Собравъ послѣднія силы, Адонирамъ пытается спастись черезъ восточную дверь, но третій подмастерье останавливаетъ его и, не добившись отъ него спрашиваемаго пароля, поражаетъ его на смерть ударомъ колотушки. Съ наступленіемъ ночи убійцы унесли трупъ и закопали его на горѣ Ливанской, гдѣ онъ и былъ найденъ посланными Соломономъ на поиски девятию мастерами. Когда могилу, на которой выросла акація, разрыли,

¹⁾ См. *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, par l'abbé Barneil, t. II, p. 203;—Clavel, *Hist. de la franc-maçonnerie*, p. 50 et suiv.;—*Testament de Cagliostro*, p. 25—26. Paris, 1791.

прикоснувшіеся къ трупѣ воскликнули «*Макъ-бенакъ!*» — «плоть покидаетъ кости!» И тогда было условлено, что это слово впредь будетъ замѣнять, между мастерами, утеринный пароль.

Такова странная исторія, которую напоминаетъ и изображаетъ, въ масонствѣ, посвященіе въ степень мастера, — обрядъ, совершаемый вокругъ саркофага при свѣтѣ потайного фонаря, сдѣланнаго изъ человѣческаго черепа, въ залѣ, гдѣ на обитыхъ чернымъ сукномъ стѣнахъ были вышиты бѣлые скелеты.

Въ то время, когда томившееся подъ гнетомъ общество сгорало нетерпѣніемъ, но вынуждено было скрывать свой гнѣвъ, какъ много ресурсовъ доставляли обряды этого рода составителямъ заговоровъ! Ибо, наконецъ, кто былъ этотъ мученикъ, убійство котораго требовало отмщенія? Какое это было священное слово, которое нужно было опять завоевать?

Когда, изгнанные изъ своего отечества революціей 1688 г., якобиты пришли искать пріюта во Франціи ¹⁾, принесли съ собою туда правила масонства, они не преминули истолковать его символы сообразно своимъ страстямъ и своимъ надеждамъ. Во многихъ ложахъ, образецъ которыхъ намъ далъ лордъ Дервентъ-Ватеръ, въ *Капитулъ якобитской Шотландіи*, который Карлъ-Эдуардъ Стюартъ самъ основалъ въ Аррасѣ, подъ предѣтельствомъ отца Робеспьера ²⁾, Адонирамъ—это былъ Карлъ I; Кромвель и приверженцы представляли собой убійцъ зодчаго-мученика; утраченное слово—это была *королевская власть*.

Но существенныя данныя масонства были слишкомъ демократическія, чтобы долго соответствовать проискамъ претендента. При постепенномъ расширеніи кадра этого учрежденія, туда проникла и демократія; и на ряду съ многими братьями, которымъ масонская жизнь служила только для удовлетворенія гордости, для заполнения досуговъ, или для совершенія дѣлъ благотворительности, тамъ были члены, питавшіеся дѣятельными мыслями, волнуемые духомъ революцій.

Символическія вещи поддаются самымъ разнообразнымъ толкованіямъ: нѣкоторые не замедлили утверждать, что масонство продолжаетъ собою знаменитый своей трагической судьбой орденъ тамплиеровъ или храмовниковъ; и въ этой системѣ, Адо-

¹⁾ Robison, *Preuves de conspirations contre toutes les religions et tous les gouvernements*, t. 1, p. 34. Londres, 1799.

²⁾ Ragon, *Cours interprétatif*, p. 71.

Кира, въ апартаментѣ, обитомъ зеленой матеріей и освѣщенномъ 70 свѣтильниками, въ воспоминаніе семидесяти лѣтъ вавилонскаго плѣненія. «Кто ты?»—спрашивалъ Киръ.—«Первый между равными, каменщикъ (масонъ) по званію, плѣнникъ по немилости».—«Твое имя?»—«Іеровавель».—«Твой возрастъ?»—«Семьдесятъ лѣтъ».—«Что тебя привело сюда?»—«Слезы и страданія моихъ братьевъ».—«Скажи мнѣ секреты масонства,—тогда получишь свободу».—«Когда Соломонъ преподалъ намъ первыя правила масонства, онъ училъ насъ, что равенство должно быть нашимъ высшимъ закономъ. Но равенства здѣсь не существуетъ. Твой санъ, твои титулы, твое пышное превосходство, твой дворъ—все это несомвѣстимо съ тайнами нашего ордена... Но я взялъ на себя ненарушимыя обязательства. Если нужно нарушить ихъ для того, чтобы вернуть себѣ свободу, то я предпочитаю остаться плѣнникомъ». Тогда царь ударялъ семь разъ и, похваливъ адепта за его добродѣтель, осторожность и твердость, приказывалъ снять съ него цѣпи. Затѣмъ его вооружали шпагой, говоря: «Будь признанъ главою надъ твоими равными». И онъ шелъ возвѣстить своимъ братьямъ, что сонъ народа кончился, что наступилъ, наконецъ, день общаго освобожденія.

Это на подземные школы, въ которыхъ преподавались поповныя ученія и на которыя намекалъ Кондорсе, когда, объявляя о задуманномъ имъ историческомъ очеркѣ прогресса челоѣческаго ума,—трудъ, прерванный его смертью,—онъ обѣщаль разсказать, какіе удары были нанесены монархизму и суевѣрію тайными обществами, происшедшими отъ ордена тамплиеровъ.

Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что масоны внушали смутный страхъ наиболѣе подозрительнымъ нравительствамъ; что они были преданы анаемъ въ Римѣ папой Климентомъ XII, преслѣдуемы въ Испаніи инквизиціей, гонимы въ Неаполѣ; что во Франціи Сорбонна объявила ихъ *достойными вѣчныхъ мукъ*. И однако, благодаря искусному механизму учрежденія, масонство находило въ принцахъ и аристократахъ менѣе враговъ, нежели покровителей. Инымъ государямъ, между прочимъ, Фридриху Великому, нравилось взять въ руки каменщицью лопатку и надѣть фартукъ. Почему нѣтъ? Такъ какъ существованіе высшихъ степеней отъ нихъ тщательно скрывалось, то они знали изъ масонства только то, что могли имъ показать

изъ него безъ опаски; и они не имѣли повода тревожиться, удерживаемые въ низшихъ степеняхъ, гдѣ суть доктринъ лишь смутно проглядывала сквозь аллегорію и гдѣ многіе видѣли лишь случай позабавиться, лишь веселые банкеты, лишь принципы, оставляемые и опять подбираемые на порогѣ межъ, лишь формулы безъ примѣненія къ обыкновенной жизни и, однимъ словомъ, лишь комедію равенства. Но въ этихъ дѣлахъ комедія соприкасается съ драмой; и случилось по справедливому распоряжку Провидѣнія, что самые гордые презиратели народа были доведены до согласія прикрывать своимъ именемъ, слѣпо служить своимъ вліяніемъ тайнымъ предпріятіямъ, направленнымъ противъ нихъ самихъ.

Впрочемъ, между принцами, о которыхъ мы говоримъ, былъ одинъ, въ отношеніи котораго осторожность не была необходима. Это былъ герцогъ Шартрскій, будущій пріятель Дантона, тотъ Филиппъ Эгалите (Равенство), который такъ прославился въ лѣтописяхъ революціи, отправившей его, въ концѣ концовъ, на казнь, когда онъ сталъ казаться ей подозрительнымъ. Хотя молодой еще и предававшійся легкомысленнымъ удовольствіямъ, онъ уже чувствовалъ въ себѣ тотъ духъ оппозиціи, который составляетъ въ младшихъ отрасляхъ королевской фамиліи иногда добродѣтель, часто ихъ преступленіе, всегда ихъ двигатель и мученіе. Масонство привлекало его. Оно давало ему власть, которой можно было пользоваться безъ усилія; оно обѣщало привести его безопасными путями къ господству на форумѣ; оно приготовляло ему тронъ, менѣе видный, но зато менѣе вульгарный и менѣе подверженный нападкамъ, чѣмъ тронъ Людовика XVI; наконецъ, рядомъ съ королевствомъ извѣстнымъ, гдѣ судьба отодвинула его домъ на второй планъ, оно устраивало ему имперію, населенную добровольными подданными и охраняемую мыслящими солдатами. Онъ, поэтому, охотно принялъ предложенное ему гротескостерство; и въ слѣдующемъ году (1772 г.) французское масонство, съ давняго времени раздираемое внутренними соперничествами, сплотилось подъ центральнымъ управленіемъ, которое поспѣшило уничтожить несмѣняемость *почтенныхъ*, организовало орденъ на чисто демократическихъ основахъ и приняло названіе Великаго Востока ¹⁾. Тамъ былъ центральный пунктъ общей корреспонден-

¹⁾ Ragon, *Cours interpretatif*, p. 73 и 74.

крейцовъ. Но ужъ это порокъ и безуміе заговоровъ — толкать къ употребленію всякаго сорта орудій. Калиостро былъ одаренъ могущественными средствами оболъщенія: рѣшено было пользоваться имъ для цѣлей пропаганды.

Посвященіе его происходило недалеко отъ Франкфурта, въ подземельѣ и при обстановкѣ, которую онъ самъ описалъ ¹⁾. Прежде всего открыли желѣзный ящикъ, наполненный бумагами и вынули оттуда рукописную книгу, на первой страницѣ которой было написано: «Мы, гросмейстеры ордена храмовниковъ»; затѣмъ слѣдовала формула присяги, начертанная кровью, и внизу одиннадцать подписей. Въ книгѣ, написанной по-французски, говорилось, что иллюминизмъ есть заговоръ противъ троновъ; что первые удары должны постигнуть Францію; что послѣ паденія французской монархіи нужно будетъ атаковать Римъ. Калиостро узналъ изъ устъ посвящавшихъ, что тайное общество, въ которое онъ вступаетъ, уже пустило глубокіе корни; что оно имѣетъ массу денегъ, лежащихъ въ разныхъ банкахъ—въ Амстердамѣ, въ Роттердамѣ, въ Лондонѣ, въ Генуѣ и Венеціи, и что эти деньги образовались изъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ ²⁾. Что касается его самого, то онъ получилъ крупную сумму на расходы пропаганды, вмѣстѣ съ инструкціями секты, и отправился въ Страсбургъ.

Тамъ онъ жилъ богатымъ и щедрымъ бариномъ, давая много, не принимая ничего ни отъ кого, предлагая богатымъ совѣты, бѣднымъ—совѣты и деньги, помогая нуждающимся съ деликатностью, уважаемый властями, дорогой бѣднякамъ, обожаемый народомъ ³⁾.

Въ то время въ Савернѣ находился одинъ прелатъ, которому его вкусъ ко всему необыкновенному и смѣлость его любовныхъ похожденій готовили безсмертіе скандала. Услыхавъ, что въ сосѣдствѣ живетъ чародѣй-философъ, кардиналъ де Роганъ пожелалъ познакомиться съ Калиостро и поручилъ сво-

¹⁾ Показаніе Иосифа Бальсамо въ его *Vie extraite de la procédure instruite contre lui à Rome en 1790*, ch. III, p. 130, 131.

²⁾ *Vie de Joseph Balsamo*, ch. III, p. 131. *Lettre de Mirabeau sur Cagliostro et Lavater*.

³⁾ См. La Borde, *Lettres sur la Suisse; Lettres du correspondant de m-me Recke въ Mémoire sur le Séjour de Cagliostro à Mitau*; и, наконецъ, *Lettres écrites à M. Gerard, préteur de Strasbourg*, письма, писанныя тремя министрами: Верженномъ, Мироменилемъ и Сегюромъ.

святымъ и къ которому поэтому не слѣдовало присоединять постыдныхъ обмановъ!

Впрочемъ, о Калиостро распространилась молва, походившая на славу. Его осаждали, на ряду съ простолюдинами и простыми рабочими, князья, прелаты, ученые, знать гражданскаго и военнаго сословія. Онъ могъ считать въ числѣ своихъ приверженцевъ высокопоставленныхъ особъ, какъ, наприм., герцога Люксембургскій¹⁾, и людей науки, какъ, наприм., натуралистъ Рамонъ²⁾. Его ученики называли его не иначе какъ *обожаемый отецъ, достойнѣйшій учитель*, и съ величайшей готовностью повиновались ему. Всѣ хотѣли имѣть его портретъ на медальонахъ, на вѣерахъ; изваянный изъ мрамора, вылитый изъ бронзы, бюстъ его красовался во дворцахъ аристократовъ и богачей, съ надписью: *Божественный Калиостро*³⁾. Остановимся. Это имя, присвоенное Іосифомъ Бальзамо, сыномъ палермскаго купца, еще встрѣтится намъ далѣе между именемъ кардинала и именемъ королевы Франціи.

Около этого времени началъ распространяться *мартинизмъ*, доктрина, въ глубинѣ которой глухо рокотала революція, таинственное изложеніе теоріи, которую впослѣдствіи пытался примѣнять на дѣлѣ самый грозный изъ триумвировъ.

Однако, основатель этой секты, маркизъ де Сенъ-Мартенъ, былъ человекъ мягкій и робкій. Онъ началъ свою карьеру въ военной службѣ⁴⁾, но скоро шумъ оружія оглушилъ его, и онъ предался суровымъ соблазнамъ уединенія. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, постоянно погруженный въ свои думы, онъ дѣлилъ свое время между размышленіемъ, благотворительностью и музыкой, презиралъ книги⁵⁾, слушался только своихъ мыслей, разговаривалъ очень мало и то только съ тѣми, кого любилъ, и когда открывалъ немного свою душу, рѣчь его имѣла слабый и мягкій блескъ, свѣтъ угасающихъ лампъ.

Вообразите въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ концертъ хорошо знакомыхъ вамъ голосовъ, но прерываемый фантастическими мелодіями или криками безпокойными, отдаленными, на половину теряющимися въ пространствѣ... вотъ какое впечат-

¹⁾ *Mémoire pour le comte de Cagliostro*, p. 62.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Vie de Ioseph Balsamo*, p. 44.

⁴⁾ *Oeuvres de Cazotte*, t. I, *Notice sur les illuminés*.

⁵⁾ *Le livre des Erreurs et de la Verité*, préface, p. VI; Edingbourg, 1775.

книги и которую легко открыть, когда стараешься угадать ее сердцемъ, причина эта—любовь ¹⁾, въ цѣломудренномъ и социальномъ значеніи слова. Люди не живутъ болѣе по-братски: вотъ почему они живутъ несчастливо. Ихъ учрежденія благопріятствуютъ умственнымъ и чувственнымъ способностямъ въ ущербъ любящимъ способностямъ: вотъ почему въ глубинѣ этихъ учреждений развивается возмущеніе рядомъ съ тираніей. И если политическая наука была до сихъ поръ лишь безформенной кучей противорѣчій и лжи, то это потому, что происхождение верховной власти полагали то въ освященіи силы, то въ химерическомъ согласіи народовъ ²⁾, вмѣсто того чтобы признать, что только тотъ имѣетъ право командовать надъ своими ближними, кто возвышается надъ ними волей сдѣлать ихъ счастливыми и способностью любить ихъ. Слѣдовательно, только ему одному должна принадлежать власть и, если нужно, диктатура ³⁾, до тѣхъ поръ, пока всѣ люди не будутъ реабилитированы въ ихъ принципъ, т. е. не достигнутъ равенства въ пользованіи благами земными, при различіи способностей и должностей, и свободы въ согласіи.

Такимъ образомъ на знаменитый кликъ Лютера: «Всѣ люди—священнослужители», Сень-Мартенъ, три вѣка спустя, отвѣчалъ кликомъ: «Всѣ люди—короли».

А разгадка великой загадки, которую онъ поставилъ передъ французской націей, была: «свобода, равенство, братство»,—формула, которую онъ въ своемъ символическомъ стилѣ, называлъ священнымъ тройнымъ числомъ, и о которой говорилъ не иначе, какъ тономъ торжественнаго энтузіазма ⁴⁾: «Объявляю, что никто больше меня не уважаетъ это священное тройное число... Увѣренъ, что оно существовало искони вѣковъ и будетъ существовать всегда... и осмѣливаюсь сказать моимъ ближнимъ, что, несмотря на все почтеніе, которое они питаютъ къ этому тройному числу, они еще недостаточно высоко цѣнятъ его. Совѣтую имъ быть

¹⁾ «Нашъ принципъ, любовь, наказываетъ людей только любовью... Отнимая у нихъ любовь, онъ не оставляетъ имъ ничего». «*Des Erreurs et de la Verité*, p. 40.

²⁾ *Des Erreurs et de la Verité*, p. 264—272: Incertitude des politiques de l'Association forcée; de l'Association volontaire.

³⁾ *Ibidem*, p. 281 — 283: du Nouvel empire de l'homme; du Pouvoir souverain.

⁴⁾ *Des Erreurs et de la Verité*, p. 137.

слѣдовательно проходить аденты; образовались многочисленныя школы съ единственной цѣлью находить ключъ мистическаго кодекса, комментировать и распространять его ¹⁾. Вотъ какъ изъ книги, считавшейся сначала непонятной, вышла обширная система комбинацій и усилій, которыя способствовали расширенію мины, подводимой подъ устарѣвшія учрежденія.

Но обществу, жаждавшему возбужденій, недостаточно было невидимыхъ агитаторовъ: ему нужны были явныя чудеса, которыя служили бы зрѣлищемъ, вызывали бы шумное удивленіе, и въ то время, какъ мартинизмъ подкапывался молчаливо подъ основы стараго міра нравственнаго, происходили на Вандомской площади сцены, гдѣ всѣ обыкновенныя законы міра физическаго казались ниспровергнутыми.

Посреди большой залы, вокругъ чана, наполненнаго сѣрнистой водой, прикрытаго крышкою и на днѣ котораго лежали бутылки съ водой, однѣ расположенныя въ видѣ сходящихся радіусовъ и обращенныя горлышкомъ къ центру чана, другія въ симметричномъ положеніи и въ противномъ направленіи, вы увидѣли бы сидящими многочисленныхъ больныхъ съ блѣдными отъ боли или волненія лицами. Для того, чтобы между ними легче циркулировала таинственная жидкость, которой приписывали цѣлебную силу, они прикасались другъ къ другу руками, колѣнями, ногами. Длинная веревка, исходившая изъ кольца крышки, обвивала болящія члены; и каждый пациентъ держалъ въ рукѣ, опираясь на болящую часть своего тѣла, желѣзные прутья, выходящія изъ разныхъ дырокъ покрывки. Между тѣмъ воздухъ пропитывался пріятными запахами; слышались пронзительныя мелодіи; невѣдомыя ощущенія сообщались отъ одного больного къ другому, и живой кругъ приходилъ въ содроганіе. Большинство, особенно женщины, испытывали нервныя спазмы, удушье; глаза закрывались; пациенты чувствовали слабость, впадали въ дремоту. Вскорѣ, при протяжныхъ аккордахъ гармоникки, при шумѣ голосовъ, сливавшихся въ нестройный хоръ, подъ властью какой-то неопредѣлимой и могучей чары, томленія уступали мѣсто конвульсіямъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались жалобные звуки, радостные возгласы, громкій смѣхъ, рыданія. Тогда открывалась зала, выложенная матрацами, въ

¹⁾ Barruel, *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, t. II, p. 244. Hambourg, 1803.

которую и уносили наиболѣе буйныхъ пациентовъ: это была зала кризисовъ. Тамъ очень часто экстазъ принималъ характеръ бѣшенства. Тамъ можно было видѣть женщинъ, катавшихся по устланному подушками паркету, или бившихся головой объ стѣны, обитыя ватой. Между этой бѣснующейся толпой какой-то субъектъ въ лиловомъ шелковомъ одѣяніи расхаживалъ съ важнымъ видомъ, то простирая надъ больными якобы волшебный жезлъ, то кладя имъ руку на плечи и проводя ею отъ плеча до оконечности пальцевъ. Доведенные такимъ манеромъ до крайняго предѣла своего развитія, кризисы прекращались, наконецъ, унося съ собой, какъ говорили, и самую болѣзнь ¹⁾.

Человѣкъ, который, казалось, такъ властвовалъ надъ жизнью, прибылъ въ Парижъ изъ Германіи. Онъ былъ медикъ, по прозванію Месмеръ.

Что было истиннаго, что было ложнаго въ его системѣ, и была ли она дѣломъ генія, обмана или заблужденія, здѣсь не мѣсто вдаваться въ изслѣдованіе этого вопроса. Но изъ вниманія къ интересу, какой представляетъ въ исторіи эпопея чело-вѣческаго ума, не бесполезно будетъ показать, въ чемъ месмеризмъ помогалъ дѣятельности тѣхъ революціонеровъ-мистиковъ, слѣдъ которыхъ мы отыскиваемъ.

Месмеръ представлялъ себѣ небесныя сферы, землю и всѣ существа погруженными въ необъятный жидкій океанъ, чрезъ посредство котораго они оказывали другъ на друга постоянное вліяніе ²⁾. Это вліяніе, аналогичное свойствамъ магнита, онъ называлъ животнымъ магнетизмомъ ³⁾. Собрать нѣкоторое количество всемірной жидкости, сконцентрировать его, дать его движенію или току желаемое направленіе, сообщить его своему ближнему, либо непосредственнымъ прикосновеніемъ, либо на нѣкоторомъ разстояніи, простымъ направленіемъ пальца или какого-либо проводника, это значило магнетизировать ⁴⁾; а обладать такой способностью—значило, по Месмеру, обладать силой

¹⁾ *Rapport des médecins choisis dans la faculté de Paris.*—Bailly, *Rapport secret sur le magnétisme animal.*—Virey, *Dictionnaire des sciences médicales*, art. *Magnétisme.*—Burdin et Dubois, *Hist. académique du magnétisme animal*, p. 56.

²⁾ *Premier mémoire de Mesmer*, proposition 1, p. 42 des *Mémoires et aphorismes de Mesmer*, 1842.

³⁾ *Ibidem*, p. 115, aphor. 80.

⁴⁾ *Rapport de la société royale de médecine*, I partie, § 1.

исцѣленія. Здоровье,—говорилъ онъ,—состоитъ въ правильномъ дѣйствии природы. Если вдругъ встрѣтятся препятствія, природа дѣлаетъ усиліе преодолѣть ихъ. Отсюда кризисы, иногда спасительные, иногда гибельные, но неизбѣжные, и такіе, что одинъ только магнетизмъ можетъ безопасно вызывать или ускорять ихъ ¹⁾. «Есть только одно здоровье, только одна болѣзнь, только одно лекарство» ²⁾.

Что касается способовъ и приѣмовъ магнетизированія, при которомъ употребленіе магнетическаго чана составляло не болѣе какъ театральную обстановку и впослѣдствіи было признано излишнимъ, то они представляли образъ сообщенія, самаго привлекательнаго, самаго необыкновеннаго, какое когда-либо придумано. Это была въ нѣкоторомъ родѣ жизнь одного человѣка, переходившая видимымъ образомъ въ жизнь другого. Человѣческое тѣло разсматривалось какъ имѣющее два полюса: сѣверный и южный. Люди становились магнитными полюсами ³⁾

Такимъ образомъ, теорія и практика, все въ месмеризмѣ содѣйствовало выясненію закона взаимной зависимости, закона союза; и по встрѣчѣ, столь же замѣчательной, какъ и неожиданной, опыты Месмера соединились съ тайной философіей Сенъ-Мартена.

Сенъ-Мартенъ утверждалъ единство нравственнаго міра, подъ именемъ дѣятельной и разумной причины: Месмеръ—единство міра физическаго, подъ именемъ всемірной жидкости.

Сенъ-Мартенъ прославлялъ притяженіе душъ, любовь; Месмеръ—притяженіе тѣлъ, магнетизмъ.

Изъ дѣйствія повелительнаго, рѣшительнаго, но симпатическаго высшихъ натуръ на менѣе сильныя природы, Сенъ-Мартенъ выводилъ спасеніе государствъ: аналогичному дѣйствію Месмеръ приписывалъ исцѣленіе болѣзней.

Оба вмѣстѣ они провозглашали, подѣливъ между собой два великіе вида жизни, догматы солидарности.

Инстинктъ сближаетъ одушевленные существа, тогда какъ разумъ разъединяетъ ихъ. Потому Месмеръ не побоялся написать: «Инстинктъ есть слѣдствіе гармоніи ⁴⁾»; разумъ есть нѣчто

¹⁾ *Mémoires et aphorismes de Mesmer*, p. 172.—Kurt-Sprengel, *Hist. de la médecine* (trad. de Jourdan), t. VI, p. 101—102. Paris, 1815.

²⁾ *Mém. et aphorismes de Mesmer*, p. 172.

³⁾ *Procédés de d'Esston*, à la suite des *Mémoires et aphorismes*, p. 208—209.

⁴⁾ *Mémoires et aphorismes*, p. 132, aphor. 194.

зумы по магнетической методѣ, а остальные 12 по обыкновенному способу; публика будетъ судьей. Отказъ и угроза вычеркнуть д'Эслона изъ списка членовъ, если онъ будетъ упорствовать, — таковъ былъ отвѣтъ факультета ¹⁾.

Но подавить магнетизмъ презрѣніемъ было уже невозможно. Месмеръ и д'Эслонъ находили энергичную поддержку и въ тайныхъ обществахъ, къ которымъ они принадлежали ²⁾, и въ сектѣ мартинистовъ, съ которой ихъ система составляла какъ бы слѣпокъ, и въ томъ революціонномъ безпокойствѣ, которому всякая смѣлая новинка служила пищей.

Съ другой стороны, Ласонъ, лейбъ-медикъ короля, познакомилъ съ Месмеромъ и его методомъ леченія придворныя сферы ³⁾; и, всегда готовая страстно увлекаться неожиданнымъ, Марія-Антуанета благоволила къ нѣмецкому доктору. Разъ любопытство публики было возбуждено, сопротивленія только раздражали его. Весь Парижъ волновался по поводу месмеровской доктрины; увлеченіе сдѣлалось до того всеобщимъ, до того повелительнымъ, что, когда Месмеръ заговорилъ о своемъ намѣреніи покинуть Францію, правительство встревожилось. Пришлось вести переговоры съ счастливымъ иностранцемъ, какъ держава съ державой. Его упрасиваютъ остаться, за нимъ ухаживаютъ; ему предлагаютъ, какъ плату за сообщеніе его знаній медикамъ по выбору правительства, 20.000 ливровъ пожизненной ренты и 10.000 ливровъ аренды ⁴⁾. Въ опынѣннн въ своей гордости и успѣха, онъ отказался и уѣхалъ; но скоро триумфы д'Эслона заставили его вернуться: его ученикъ сталъ его соперникомъ.

Тогда проявились съ безпримѣрной силой жажда чего-либо необычнаго, смутныя и, однако, жгучія стремленія, потребность душевнаго волненія, муки общества, носившаго въ своемъ чревѣ величайшую изъ революцій и уже чувствовавшаго ея трепетаніе. Богатые и бѣдные, аристократы и плебеи, всѣ хотѣли испытать на себѣ дѣйствіе волшебнаго магнитнаго чана. Съ жаждущимъ сердцемъ и разгоряченнымъ воображеніемъ, женщины сбѣ-

¹⁾ Burdin jeune et Dubois, *Hist. académique du magnetisme animal*, p. 13—15.—Foissac, *Rapports et discussions de l'Académie royale de médecine sur le magn. animal*, p. 221.

²⁾ Kurt-Sprengel, *Hist. de la médecine*, t. IV, p. 104.

³⁾ *Hist. de la médecine*, p. 103.

⁴⁾ *Rapports et discussions etc.*, p. 222.

гались толпой садиться около драмы обновленнаго человѣческаго существованія. Однажды застали у чана д'Эслона княгиню Ламбаль¹⁾. Говорили, будто разъ узнали тамъ самое королеву. переодѣтою²⁾. Чтобы обогатить Месмера, его сторонники пригласили сотню подписчиковъ купить у него, за плату, по 100 луидоровъ съ cadaго, его секретъ; цифра эта была далеко превзойдена. Энтузіазмъ охватилъ д'Эпремениля, знаменитаго адвоката Бергасса, Сервана, Дюпора, многихъ извѣстныхъ литераторовъ, ученыхъ, духовныхъ особъ. Такъ что въ Бордо знаменитый проповѣдникъ, отецъ Эрвье, однажды останавливается въ серединѣ проповѣди, сходитъ съ кафедры и принимается магнетизировать, тутъ же въ церкви, особу, лишившуюся чувствъ³⁾. Только и слышны были, что ожесточенныя нападки и фанатическіе отвѣты. «Чародѣи фараона,—говорилъ Куръ де Жебеленъ, въ брошюрѣ, гдѣ онъ возвѣщалъ о своемъ исцѣленіи Месмеромъ,—были не что иное, какъ магнетизеры; но, не зная теоріи магнитической системы, они не могли проникнуть въ глубины тайнъ, до пониманія которыхъ люди возвысились въ новѣйшее время, образуя пророковъ, сивиллъ, которыхъ никакая человѣческая сила не можетъ поставить въ тупикъ...» Куръ де Жебеленъ умеръ въ тотъ самый моментъ, когда онъ объявлялъ о своемъ исцѣленіи, и общественное мнѣніе почти не обратило вниманія на это трагическое опроверженіе⁴⁾. Тщетно приемы магнетизированія были изучены у д'Эслона и торжественно осуждены двумя комиссіями, назначенными—одна отъ королевскаго медицинскаго общества, другая отъ медицинскаго факультета и Академіи Наукъ. Замѣтили, что Жюсье отдѣлился отъ своихъ собратьевъ; его безпристрастный и умѣренный отчетъ противопоставляли отчетамъ, подписаннымъ Бальи, Лавуазье, Гильотеномъ, д'Арсетомъ, Пуасонье-Денерьеромъ, Франклиномъ; говорили, что если дѣйствіе магнетизма должно быть приписано единственно воображенію, то и это уже большое и дѣйствительное чудо—эта сила снова зажигать въ воображеніи свѣточъ жизни. Число учениковъ возрастало съ неимовѣрной быстротой. Месмеровская метода вышла изъ Парижа, распространилась въ про-

¹⁾ Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXV, p. 252—253.

²⁾ Burdin jeune et Dubois, *Hist. académique du magnétisme animal*, p. 23.

³⁾ Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXV, p. 221.

⁴⁾ Burdin et Dubois, *Hist. académique du magnétisme animal*, p. 20.—Kurt-Sprengel, *Hist. de la médecine*, p. 105.

И такова была горячка, охватившая тогда умы, что сомнамбулизм имѣлъ, въ свою очередь, большой успѣхъ. Объясняли магнетическими секретами жизнь Аполлонія Тианскаго и Апулея, знаменитыхъ маговъ, которые при помощи своихъ чародѣйствъ пытались защищать умиравшее язычество. Считали себя обладающими той силой, которую такъ образно обрисовалъ бессмертный кодексъ, гдѣ сказано, что вѣра передвигаетъ горы. *Захотите твердо, идите и исцѣлитесь*—стало секраментальной формулой ¹⁾ многочисленной дѣятельной секты, во главѣ которой нужно помѣстить Лафатера ²⁾, того Лафатера, о вліяніи котораго Мирабо, его хулитель, такъ писалъ: «Онъ пользуется властью, какой никогда не пользовался ни Сократъ, ни Платонъ... Я видѣлъ его сторонниковъ, оказывавшихъ ему божеское почитаніе. Я видѣлъ другихъ людей въ нерѣшительности насчетъ мнѣнія, какое они должны составить о немъ. Я видѣлъ философовъ, пугавшихся его популярности» ³⁾).

Между тѣмъ секта иллюминатовъ получила страшный ударъ. Между Вейсгауптомъ и барономъ Книнге, его полезнѣйшимъ союзникомъ, неожиданно возникло какое-то недоразумѣніе, и четверо недовольныхъ адептовъ сдѣлали курфюрсту Баварскому важныя откровенія. Приказано было произвести розыски; бумаги, найденныя при обыскѣ въ Ландегутѣ, обнаружили часть плана иллюминизма, и Вейсгауптъ вынужденъ былъ искать себѣ уѣжища у романтическаго принца, герцога Эрнета Готскаго. Начались преслѣдованія, и много видныхъ гражданъ были смѣщены, изгнаны или заключены въ тюрьму.

Секта распалась, но вліяніе ея пережило ее. Депутація иллюминатовъ, въ составъ которой входили Буше, извѣстный въ иллюминизмѣ подъ именемъ *Баира*, и Боде, по прозванію *Дорелій*, была призвана въ Парижъ для того, чтобы тамъ сговориться съ нѣкоторыми масонскими ложами ⁴⁾. Въ то же время мартинисты дѣлали свое дѣло. Жизнь клубовъ питалась общимъ броженіемъ. Ученики Месмера, выведенные въ комедіи «Новѣйшіе доктора», защищались краснорѣчивымъ перомъ д'Эпреме-

¹⁾ Kurt-Sprengel, *Hist. de la médecine*, t. VI, p. 117.

²⁾ См. въ цитиров. выше брошюрѣ Мирабо: *Lettre de M. le diacre Lavater au médecin de la cour de Hanovre*. Zurich, 10 sept. 1785.

³⁾ *Lettre de Mirabeau à M... sur Cagliostro et Lavater*, p. 43.

⁴⁾ Robison, *Preuves de conspirations*, t. II, p. 153.

служивающими довѣрія свидѣтелями ¹⁾. На пыльномъ обѣдѣ, предложенномъ однимъ академикомъ многимъ придворнымъ и философамъ, находился между гостями одинъ писатель, которому суждено было бороться противъ революціи и погибнуть въ ней и который въ то время считался въ числѣ иллюминатовъ-мартинистовъ ²⁾. Это былъ Жакъ Казотъ. Обѣдъ шелъ очень весело. Говорили объ успѣхахъ человѣческаго ума, о наступающихъ событіяхъ; и каждый изъ присутствующихъ привѣтствовалъ близкое царство освобожденнаго разума. Одинъ только Казотъ хранилъ молчаніе. Спрошенный о причинѣ, онъ отвѣтилъ, что видитъ въ будущемъ страшныя вещи; и когда Кондорсе началъ разспрашивать его насмѣшливымъ тономъ, то онъ сказалъ: «Вы, г. Кондорсе,—вы отравитесь, чтобы избѣгнуть смерти отъ руки палача». Общій хохотъ. Казотъ продолжалъ: онъ предсказалъ Шанфору, что его заставятъ перерѣзать себѣ жилы; Вальи, Мальзербу, Рушеру,—что они умрутъ на эшафотѣ.—«Но нашъ полъ по крайней мѣрѣ будетъ пощаженъ?»—воскликнула, смѣясь, герцегиня Грамонъ.—«Вашъ полъ?... Вы, сударыня, и много другихъ дамъ вмѣстѣ съ вами, вы будете отвезены въ телѣгѣ на площадь казни, со связанными назади руками». Говоря такъ, Казотъ измѣнился въ лицѣ; его голубые глаза выражали глубокую грусть, и его шестьдесятъ восемь лѣтъ, его убѣленная сѣдинами голова, его фізіономія патриарха придавали его словамъ печальную важность; гости содрогнулись. «Вы увидите, — промолвила г-жа Грамонъ,—что онъ не позволитъ мнѣ исповѣдаться передъ казнію».—«Нѣтъ, сударыня. Послѣдній казимый, которому сдѣлаютъ это снисхожденіе,—будетъ»... онъ запнулся на мгновеніе:—«это будетъ... король Франціи». Охваченные непреодолимымъ волненіемъ, всѣ гости встали изъ-за стола. Что касается Казота, то онъ собирался уходить, когда герцогиня Грамонъ, подойдя къ нему и желая вызвать менѣе мрачныя предсказанія, спросила: «А вы, господинъ пророкъ, какая участь ожидаетъ васъ самихъ». Онъ стоялъ нѣсколько времени съ поникшей головой, съ задумчивымъ взоромъ, затѣмъ отвѣтилъ: «Во время осады Іерусалима одинъ человѣкъ семь дней подрядъ ходилъ вокругъ городскихъ стѣнъ, крича зловѣщимъ голосомъ: *Горе Іерусалиму!* На седьмой день онъ вскричалъ: *Горе мнѣ!* И въ

¹⁾ Лараръ, очевидецъ. См. *Les Oeuvres de Jacques Cazotte*, t. I, p. XXI.

²⁾ *Notice historique sur Cazotte*, p. VII.

этотъ моментъ огромный камень, пущенный непріятельскими осадными машинами, попалъ въ него и убилъ наповалъ». Съ этими словами Казотъ поклонился и вышелъ.

ГЛАВА IV.

Процессъ объ ожерельѣ.

Дѣло объ ожерельѣ.—Кардиналь Роганъ и графиня Ла Моттъ.—Передача писемъ.—Сцена въ паркѣ.—Что происходило во дворцѣ во время переговоровъ о покупкѣ ожерелья.—Странная интерпелляція Маріи-Антуанеты португальскому послу; новыя объясненія.—Письмо ювелира Бемера, сожженное королевой.—Ла Моттъ, принятая Роганомъ.—Ла Моттъ у герцога Пантьевръ.—Арестъ Рогана.—Арестъ Ла Моттъ въ аббатствѣ Клерво; оставленіе на свободѣ ея мужа.—Созывъ парламента.—Протесты высшаго духовенства.—Тайные допросы.—Публичное разбирательство.—Огромный скандалъ во Франціи и въ Европѣ.—Мемуаръ Калиостро; памфлетъ Мирабо противъ Калиостро и Лафатера.—Французскій посоль и графъ Ла Моттъ въ Лондонѣ.—Слухи объ убійствѣ.—Оправданіе кардинала; энтузіазмъ публики; отчаяніе королевы.—Осужденіе Ла Моттъ; ея ярость.—Визитъ принцессы Ламбалъ въ Сальпетріеръ.—Бѣгство Ла Моттъ.—Герцогиня Полиньякъ на водахъ въ Батѣ.—Купленное и не сохраненное молчаніе.

«Свадьба Фигаро» только что была представлена на парижской сценѣ, и вызванное этой комедіей возбужденіе умовъ еще продолжалось, когда драма, гораздо болѣе глубокая и на этотъ разъ реальная, овладѣла общественнымъ вниманіемъ.

Королева Франціи, прелатъ, авантюристка королевской крови, куртизанка, сомнительный дворянинъ, жандармъ, таинственный иностранецъ, нѣчто среднее между шарлатаномъ и заговорщикомъ,—вотъ персонажи этой драмы. Дѣйствіе происходитъ въ залѣ уголовного суда. Публика—вся Европа.

Не удивляйтесь, что мы заходимъ нѣсколько впередъ въ этомъ дѣлѣ объ ожерельѣ, столь темномъ и столь знаменитомъ. Что могло скорѣе и легче разсѣять престижъ условной славы, разрушить, въ пользу индивидуализма, старый принципъ власти, чѣмъ зрѣлище короны, вдругъ упавшей въ грязь скандальнаго судебного процесса? Когда исторія беретъ сочинять драмы, она обыкновенно придаетъ имъ серьезный характеръ; драма же, о которой идетъ рѣчь, была страшная. Въ ней фигурируютъ: принцъ изъ дома Роганъ, обвиняемый въ кражѣ, кардиналь, поставленный на очную ставку съ куртизанкой,

она подавала прошеніе, королева будто бы обратила на нее вниманіе, пожелала ее снова видѣть, приняла ее благосклонно и обѣщала ей свою интимную дружбу. Услыхавъ эту новость, кардиналъ Роганъ пришелъ въ восторгъ. Онъ возлагалъ большія надежды на начинавшійся кредитъ графини и сталъ просить ее ходатайствовать передъ королевой, со всевозможною осторожностью, о примиреніи, столь горячо имъ желаемомъ. Г-жа де Ла Моттъ безъ труда согласилась; хлопоты начались, по крайней мѣрѣ по ея рассказамъ, и первымъ результатомъ ихъ было будто бы данное кардиналу позволеніе оправдаться. Онъ написалъ письмо, получилъ отвѣтъ, написалъ второе, и такимъ образомъ, чрезъ посредство г-жи де Ла Моттъ, установилась дѣятельная переписка между нимъ и королевой.

Дѣйствительно ли де Ла Моттъ удостоилась интимной дружбы Маріи-Антуанеты, и письма, которыя она передавала кардиналу, были ли подлинныя, или поддѣльныя. Нужно замѣтить, что въ началѣ холодныя и сдержанныя, письма, якобы отъ королевы, стали постепенно принимать другой тонъ, который далеко не походилъ на ненависть или презрѣніе; что они поощряли къ смѣлости кардинала, который считалъ ихъ подлинными, что они пробудили въ его сердцѣ чувства, которыми онъ не умѣлъ управлять, ни умѣрять ихъ проявленіе¹⁾; что, однимъ словомъ, онъ вообразилъ себя любимымъ. Въ качествѣ великаго милостынераздавателя, онъ имѣлъ много случаевъ видѣть королеву, хотя бы мимоходомъ; нетерпѣніе его не позволяло ему ждать случайныхъ встрѣчъ, и уже съ самаго начала переписки онъ просилъ черезъ г-жу де Ла Моттъ частной ауденціи. Вотъ что изъ этого вышло.

Въ концѣ августа 1784 г., въ садахъ версальскаго дворца произошла странная сцена²⁾. Между 11 и 12 часами ночи, въ глубинѣ роши появился переодѣтый мужчина: то былъ кардиналъ де Роганъ. Онъ шелъ на свиданіе съ королевой. Ночь была очень темная. Какая-то женщина въ бѣлой мантильѣ и въ бѣломъ покрывалѣ на головѣ ожидала его въ назначенномъ мѣстѣ. Сильно взволнованный, кардиналъ подходитъ ближе и слышитъ слѣдующія

¹⁾ Самъ аббатъ Жоржель, ярый защитникъ кардинала, вынужденъ сознаться въ этомъ; см. его *Мемуары*, т. II, стр. 122.

²⁾ Аббатъ Жоржель, въ своемъ рассказѣ, помѣщаетъ эту сцену *послѣ* покупки ожерелья: это—грубая ошибка, какими, впрочемъ, изобилуютъ его мемуары.

слова: «Вы знаете, что это означаетъ»; при этомъ ему подають розу. Онъ беретъ цвѣтокъ, прижимаетъ его къ сердцу, собирается отвѣчать, но вдругъ знакомый голосъ шепчетъ ему на ухо: «Уходите, уходите! Принцесса Елизавета и графиня д'Артуа идутъ сюда». Кардиналь поспѣшилъ присоединиться къ барону де-Планта, одному изъ своихъ закадычныхъ друзей, и къ де Ла Моттъ, которая шла за нимъ слѣдомъ. И всѣ исчезли во мракѣ ночи¹⁾.

Между тѣмъ обстоятельства г-жи де Ла Моттъ совершеннозмѣнились. До 1784 г. она жила крайне бѣдно, частію на небольшія вспомошествованія изъ королевской казны, на разныя пособія, выдававшіяся по ея просьбамъ, или во вниманіе къ ея происхожденію, и на пенсію, увеличенную до 1500 ливровъ²⁾. Правда, ей случалось иногда окружать себя нѣкоторымъ внѣшнимъ блескомъ³⁾; но это былъ лишь обманъ ея гордости или расчетъ ея смѣлой предприимчивости, судя по ея словамъ, часто высказываемымъ:

«Есть только два способа выпрашивать милостыню: на паперти церковей, или развѣзжая въ каретѣ»⁴⁾. Въ 1784 г. все измѣнилось. Она завела себѣ экипажи, рысаковъ и стала жить открыто; она принимала за своимъ столомъ важныхъ особъ: маркиза Сессеваль, аббата Кабръ, совѣтника въ парламентѣ, Рулье-д'Орфейля, интенданта Шампаньи, графа д'Эстенъ, главнаго сборщика Дорси; вообще въ ея домѣ господствовалъ тонъ порядочнаго общества. Что касается ея отношеній къ королевѣ, о которыхъ, она, казалось бы, не должна была никому рассказывать, если бы имѣла причины опасаться быть уличенной въ обманѣ, то она не только не скрывала ихъ, но даже хвасталась своею близостью къ королевѣ, и вѣра въ ея тайное вліяніе на Марію-Антуанету доставляла ей новыхъ друзей и почитателей⁵⁾. Около этого времени она совершила поѣздку въ Баръ-сюръ-Объ; тамъ ее знали ранѣе очень бѣдной, и теперь всѣ были поражены ея богатствомъ и роскошью. Она любезно раскладывала передъ гостями драгоцѣнныя брилліантовыя украшенія. Это

¹⁾ *Mémoire pour la demoiselle Le Gay d'Oliva*, par maître Blondel, p. 26.

²⁾ *Mémoire pour Louis de Rohan*, par m. Target, pp. 10, 16.

³⁾ *Ibidem*, p. 13.

⁴⁾ *Mémoires inédits de M. le comte Beugnot*.

⁵⁾ Это констатируетъ мѣтръ Тарже.

было за девять мѣсяцевъ до покупки ожерелья¹⁾; у нея были платья изъ лiонскаго бархата, вышитыя шелками; ея новомодный столовый сервизъ изъ серебра отличался полнотою и изящнымъ рисункомъ; она расплатилась съ долгами, вспомнила даже тѣхъ кредиторовъ, которые забыли о ея существованiи, расточала благодѣянiя, такъ что мать графа Бенъ составила о ней такое благопрiятное мнѣнiе, что впоследствии ни за что не хотѣла вѣрить, чтобы она была виновна²⁾).

Откуда появилось у нея вдругъ такое богатство? Лица, знавшiя объ ея отношенiяхъ съ принцемъ Роганомъ, были не столько удивлены, сколько скандализированы. Кардиналъ былъ чрезвычайно богатъ; одно только аббатство Сентъ-Вастъ давало ему доходъ въ 300 тысячъ ливромъ; кромѣ того, онъ получалъ 30 тысячъ аренды за свою землю въ Курре и имѣлъ въ Савернѣ, въ Эльзасѣ, великолѣпный замокъ. Но расточительность его превосходила его богатства, что доказываетъ цифра его долговъ, которая простиралась тогда до 2.000.000 ливровъ³⁾. Поэтому обогащенiе г-жи де Ла Мотъ приписывали ея господству надъ принцемъ, отличавшимся щедростью, безопасностью и сладострастiемъ. Да и могъ ли онъ, впрочемъ, оставить въ нищетѣ женщину, которая согласилась служить двойному интересу его честолюбiя и его любви? Тѣмъ болѣе не могъ, что повидимому, успѣхъ соответствовалъ его желанiямъ. Никогда не имѣлъ онъ болѣе счастливаго вида. Онъ не зналъ, что скоро надъ нимъ разразится страшная катастрофа.

Уже давно придворные ювелиры Вемеръ и Бассанжъ имѣли ожерелье, за которое просили 1.600.000 ливровъ и которое они усердно старались продать. Вемеръ неоднократно обращался къ королевѣ, но каждый разъ безуспѣшно. Въ 1778 г., когда Марiя-Антуанета только что разрѣшилась отъ бремени своимъ первымъ ребенкомъ, Людовикъ XVI однажды входитъ къ ней, улыбающiйся и радостный: «У меня для васъ есть подарокъ», сказалъ король, и при этомъ открылъ великолѣпную шкатулку, въ которой заключалось ожерелье Вемера. Королева бросила на это украшенiе презрительный взглядъ и отказалась отъ него⁴⁾, не безъ аффектацiи.

¹⁾ *Mémoires du comte Beugnot.*

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Mémoires de l'abbé Georgel*, t. II, p. 143—144.

⁴⁾ *Mémoires de m-elle Bertin*, p. 91.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Бемеръ пробовалъ предлагать свое ожерелье всѣмъ государямъ Европы. Въ октябрѣ 1781 г., въ тотъ день, когда появился на свѣтъ первый дофинъ, Людовикъ XVI, въ порывѣ радости, что родился наследникъ престола, снова преподнесъ королевѣ это ожерелье.

На этотъ разъ отказъ Маріи-Антуанеты имѣлъ въ себѣ нѣчто неожиданное и непонятное. «Ужъ не для того ли, чтобы Бемеръ водилъ въ оперу дѣвицъ, украшенныхъ брилліантами, вы хотите заплатить ему за глупость, которую онъ сдѣлалъ, собирая это ожерелье изъ камней, которые онъ могъ бы продавать отдѣльно». Произнося эти слова, королева была въ сильно возбужденномъ состояніи. Ея сидѣлка пощупала у нея пульсъ, и, найдя его усиленнымъ¹⁾, стала умолять короля не настаивать болѣе. Людовикъ XVI удалился, крайне озадаченный. Что означалъ этотъ гнѣвъ, столь странный и даже оскорбительный для короля? Происходилъ ли онъ отъ сильнаго и тайнаго желанія, отъ исполненія котораго приходилось отказаться по необходимости, или изъ приличія, въ такое время, когда казна была обременена долгами и когда общественное мнѣніе негодовало на расточительность двора?

Бемеръ не унывалъ. Въ концѣ декабря 1784 г., услыжавъ о довѣріи, которымъ пользуется г-жа де ла Моттъ у королевы, онъ прибѣгъ къ ея содѣйствію, предложивъ ей за услуги цѣнныя подарки, чтобы заинтересовать ее въ этихъ переговорахъ. Она отвергла предложеніе ювелира, и такимъ образомъ дѣло остановилось. Тѣмъ временемъ посланнику де Суза было поручено вступить въ переговоры о покупкѣ этого ожерелья для королевы португальской. Что касается кардинала Рогана, то онъ въ это время — въ декабрѣ, находился въ Савернѣ и вернулся въ Парижъ только 5 января 1785 года.

24-го числа того же мѣсяца г-жа де ла Моттъ, которая въ первое свое свиданіе съ ювелирами выразила полное нежеланіе вмѣшиваться въ какіе-либо дѣловые переговоры²⁾, сама пріѣхала къ ювелирамъ и объявила имъ, что къ нимъ скоро явится кардиналъ, которому поручено купить это ожерелье для Маріи-Антуанеты, и при этомъ—обстоятельство, которое не слѣ-

¹⁾ *Mémoire de m-lle Bertin*, p. 92.

²⁾ *Mémoires pour Louis de Rohan*, par M-o Target, p. 34.

дуетъ забывать—она приглашала ихъ принять всевозможныя предосторожности¹⁾.

Возвѣщенное посѣщеніе дѣйствительно состоялось. Кардиналь пріѣхалъ къ ювелирамъ и просилъ показать ему разныя драгоценности; между прочимъ, они выложили передъ нимъ большое брилліантовое ожерелье. Тогда кардиналь сказалъ, что ему поручено узнать крайнюю цѣну этого украшенія. «1.600.000 ливровъ,—отвѣтили ювелиры и прибавили, что они долго питали надежду продать это ожерелье Маріи-Антуанетѣ, но, видя, что эта лестная надежда исчезаетъ, они рѣшили послать рисунокъ ожерелья принцессѣ Астурійской. Принцъ Роганъ объявилъ имъ, что намѣренъ пріобрѣсти это ожерелье, но не для себя, а для покупателя, котораго онъ не можетъ назвать, и что, кромѣ того, его инструкціи предписываютъ ему вести переговоры объ этомъ исключительно съ однимъ Бемеромъ—единственный изъ двухъ ювелировъ, съ которымъ Марія-Антуанета имѣла сношенія. Бемеръ замѣтилъ на это, что онъ не можетъ вести переговоры о такомъ важномъ дѣлѣ безъ участія своего компаньона. Тогда кардиналь сказалъ, что ему нужны новыя инструкціи, чтобы узнать, уполномоченъ ли онъ договариваться съ обоими ювелирами.

Вотъ разсказъ, какъ онъ изложенъ въ запискѣ, поданный въ послѣдствіи королевѣ Бемеромъ и Бассанжемъ, о томъ, что происходило на первомъ свиданіи ихъ съ кардиналомъ²⁾.

Черезъ два дня ювелиры получили собственноручно писанное письмо отъ кардинала, въ которомъ онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ и проситъ принести *известное имъ украшеніе*³⁾. На этомъ свиданіи Роганъ сообщилъ имъ свои условія, на которыя они и согласились. Условія эти состояли въ покупкѣ ожерелья за 1.600.000 ливровъ, съ уплатою по частямъ, черезъ каждые шесть мѣсяцевъ. 1-го февраля получается новое письмо отъ Рогана. Ювелиры явились къ нему съ ожерельемъ, и только тогда кардиналь сообщилъ имъ, подъ величайшимъ секретомъ, то, что они и раньше знали отъ ла Моттъ, т. е. что ожерелье покупаетъ собственно королева. Затѣмъ, показывая имъ усло-

¹⁾ *Mémoire pour L. de Rohan*, par M-e Target, p. 35.—Показаніе Ашета и Лапорта, въ *отчетн о процессѣ*, p. 69.

²⁾ *Pièces justificatives*, à la suite du *Compte rendu*, p. 18 et 19.

³⁾ *Mémoire remis à la reine le 12 août 1785, Pièces justificatives*, p. 21.

вія, принятыя ими, онъ обращаетъ ихъ вниманіе на слѣдующія слова, написанныя на полѣ: „Одобрено, *Марія-Антуанета Французская*“¹⁾). Предостереженные г-жей де ла Моттъ, они выразили опасенія на счетъ уплаты денегъ, и, чтобы успокоить ихъ, пришлось прибѣгнуть къ подписи королевы.

Въ то самое время, когда велись эти переговоры, вотъ что происходило во дворцѣ. Въ одинъ прекрасный день, когда Марія-Антуанета совершала свой туалетъ, входитъ дѣвица Бертенъ, ея модистка, и рассказываетъ, что знаменитое бриллиантовое ожерелье нашло наконецъ свое назначеніе, что де-Суза покупаетъ его для королевы Португальской²⁾). «Ахъ, какъ я рада!—воскликнула Марія-Антуанета, — я велю позвать Бемера и поблагодарю г. Суза за то, что онъ избавилъ меня отъ этого проклятаго ожерелья». Слова эти были, безъ сомнѣнія, ироническимъ выраженіемъ горькаго чувства, потому что, увидѣвъ входящаго Бемера, королева поспѣшно взяла книгу и прочла нѣсколько словъ, прежде чѣмъ заговорила (такъ обыкновенно выражала она свое неудовольствіе). Былъ ли это необъяснимый капризь, или женская зависть и тайная досада, что достанется иностранной принцессѣ это ожерелье, которому поѣздки и предложенія Бемера придали европейскую знаменитость и которое надѣлало столько шуму между королевами и знатными дамами? Наконецъ, положивъ книгу на столъ, она подняла на Бемера строгій взглядъ и произнесла: «Я очень рада, сударь, что вы продали ваше ожерелье. — Мое ожерелье, государыня! — Да, ваше ожерелье, которое г-нъ Суза посылаетъ сегодня въ Лиссабонъ». Бемеръ сталъ отрицать продажу ожерелья; тогда королева бросила молніеносный взглядъ на свою модистку³⁾), какъ бы упрекая ее за то, что она напрасно встревожила ее. У нея въ этотъ день былъ назначенъ приѣмъ до обѣдни нѣсколькимъ дамамъ и посламъ. Когда появился Суза, она подошла прямо къ нему, вопреки этикету, и сказала ему съ живою: «Знайте, г-нъ Суза, что вы не получите ожерелья, оно уже продано». Суза казался удивленнымъ. — «Вы не получите его, сударь», — повторила она торжествующимъ тономъ: — «Я очень этимъ огорчена». И затѣмъ она вернулась къ дамамъ⁴⁾).

¹⁾ *Mémoire remis à la reine le 12 août 1785.*

²⁾ *Mémoires de m-elle Bertin*, p. 102.—Въ этой книгѣ г-жа Бертенъ доводитъ свою привязанность къ Марія-Антуанетѣ до своего рода культа.

³⁾ *Mémoires de m-elle Bertin*, p. 103.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 105.

письма, переданнаго ему г-жей де ла Моттъ, королева находить чрезмѣрно дорогою цѣну, назначенную за ожерелье, и просила сбавить 200,000 ливровъ, прибавивъ, что въ противномъ случаѣ ожерелье будетъ имъ возвращено ¹⁾). Ювелиры, неприятно пораженные, согласились, однако, и на это условіе. Тогда кардиналъ заставилъ ихъ написать подъ его диктовку и какъ бы для того, чтобы сложить въ себя всякую отвѣтственность, слѣдующее письмо, адресованное къ королевѣ ²⁾): «Ваше величество! Мы счастливы думать, что полученныя условія, которыя намъ были предложены и которымъ мы почтительно подчинились, служить новымъ доказательствомъ нашей преданности и покорности приказаніямъ вашего величества, и мы несказанно радуемся при мысли, что красивѣйшее во всемъ мірѣ брилліантовое ожерелье будетъ украшать величайшую и лучшую изъ королевъ» ³⁾).

Письмо это отъ 12-го іюля 1785 года было подано королевѣ, когда она входила въ свою бібліотеку. Это происходило въ присутствіи г-жи Кампанъ. Королева прочитала письмо и вмѣсто того, чтобы выразить удивленіе и постараться выяснитъ подобную тайну, она подошла къ горѣвшей свѣчѣ и небрежно сожгла бумагу, сказавъ: «Это не стоитъ хранить» ⁴⁾).

Роковой срокъ приближался; скоро долженъ былъ наступить часъ, когда ювелиры обратятся къ королевѣ, ссылаясь на ея подпись. Виновная ла Моттъ должна была дрожать отъ страха и думать о бѣгствѣ въ чужіе края; а между тѣмъ она спокойно жила въ Парижѣ, въ полной безопасности, задавала балы и строила планы о новыхъ пріобрѣтеніяхъ въ Варъ-скюръ-Объ и болѣе, чѣмъ когда-либо, хвалилась своею дружбою съ королевою и оставалась въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ кардиналомъ.

Въ свою очередь не обнаруживалъ ни малѣйшаго безпокойства и Роганъ. Онъ объявилъ однажды Сентъ-Джемсу, что *видѣлъ* въ рукахъ королевы сумму въ 700.000 ливровъ, предназначенную для перваго платежа ⁵⁾; и когда Бассанжъ спросилъ у него, велъ ли онъ переговоры *непосредственно* съ королевою

¹⁾ *Mémoire de Boemer et Bassange*, du 12 août 1785.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Pièces justificatives à la suite du Compte rendu*, p. 25.

⁴⁾ *Mémoires de m-me Campan*, t. II, ch. XII, p. 7.

⁵⁾ Показаніе Сентъ-Джемса, *Compte rendu*, p. 72.

онъ отвѣтилъ «Да», ни на минуту не задумавшись¹⁾. Ювелиры поэтому считали себя вполне обеспеченными; но вдругъ, при наступленіи условеннаго срока, ихъ призываетъ къ себѣ Роганъ и сообщаетъ имъ, что королева теперь не можетъ уплатить имъ слѣдующую сумму, но заплатитъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, а пока предлагаетъ имъ 30.000 ливровъ процентовъ²⁾. Ювелиры были очень опечалены, сильно протестовали; и на этотъ разъ опять кардиналъ, чтобы устранить отъ себя отвѣтственность въ отношеніи ихъ, потребовалъ, чтобы росписка въ получении 30.000 ливровъ носила имя королевы.

Съ другой стороны, въ разговорѣ, который происходилъ въ началѣ августа, г-жа Кампанъ спросила у Бемера, въ какой формѣ ему были переданы приказанія королевы.—«Посредствомъ записокъ съ собственноручной ея подписью, отвѣтилъ онъ, «и съ нѣкотораго времени я вынужденъ показывать эти записки моимъ кредиторамъ, чтобы успокоить ихъ.—Развѣ ничего не получили?—Какъ же, я получилъ при передачѣ ожерелья 30.000 ливровъ, въ билетахъ учетной кассы, которые были переданы мнѣ, по приказанію ея величества, кардиналомъ; и можете быть увѣрены, что онъ лично видится съ ея величествомъ, такъ какъ, передавая эту сумму, онъ сказалъ мнѣ, что королева достала билеты, въ его присутствіи, изъ портфеля, лежавшаго въ бюро севрскаго фарфора, которое стоитъ въ ея будуарѣ».

Такимъ образомъ кардиналъ говорилъ Сентъ-Джемсу, Бассанжу, Бемеру, что онъ видится съ Маріей-Антуанетой. И это увѣреніе не могло быть въ его устахъ ложью, такъ какъ лица, которымъ онъ далъ его, имѣли полную возможность и огромный интересъ провѣрить его слова. Но вотъ вдругъ распространились угрожающіе слухи и дошли до ушей кардинала: что баронъ де Бретейль, его смертельный врагъ, узнавъ о покупкѣ ожерелья, явился къ Маріи-Антуанетѣ доложить объ этомъ; говорилъ ей рѣзко объ имени королевы, скомпрометированномъ преступнымъ злоупотребленіемъ; и королева, удивленная и сильно взволнованная, объявила, что она не при чемъ въ этомъ происшествіи. Если бы кардиналъ дѣйствительно былъ жертвою ин-

¹⁾ Показаніе Бассанжа.—См. *Réflexions rapides pour le cardinal de Rohan*, par Target, p. 106.

²⁾ Заявленіе Бемера и Бассанжа, отъ 12 авг. 1785 г.

триги, приписываемой ла Моттъ, то теперь по крайней мѣрѣ онъ понялъ бы, что былъ одураченъ! Однако вмѣсто того, чтобы броситься къ ней и въ порывѣ бѣшенства осыпать ее упреками, потребовать объясненія ея продѣлокъ, Роганъ, напротивъ, пріютилъ и скрывалъ ее у себя ¹⁾, и, вѣроятно, опасаясь, чтобы она, арестованная, не открыла тайну его переписки, онъ торопиль ее бѣжать за Рейнъ. Очевидно, она отказалась послѣдовать его совѣту, потому что нѣсколько дней спустя прибыла съ мужемъ въ Баръ, не проѣздомъ, а съ намѣреніемъ прожить тамъ долгое время. И попрежнему она не проявляла ни малѣйшаго безпокойства и не принимала никакихъ предосторожностей. Она снова показываетъ всемъ свои драгоценныя украшенія и держитъ открытый, гостепріимный домъ.

Узнавъ, что герцогъ Пантєвръ находится въ Шатовиленѣ, г-жа де ла Моттъ ѣдетъ къ нему съ визитомъ; ее приглашаютъ остаться къ обѣду и оказываютъ ей пріемъ, удивившій всѣхъ. Самъ герцогъ провожаетъ ее до дверей второго салона,—честь, которой онъ не удостоивалъ даже герцогинь и которую оказывалъ только принцессамъ крови ²⁾. Въ Клерво, куда ла Моттъ поѣхала затѣмъ, ей былъ оказанъ такой же почетъ со стороны аббата. Она ужинала съ нимъ и съ Беньо (въ мемуарахъ котораго и сохранились для насъ эти подробности), какъ вдругъ дверь отворяется и входитъ аббатъ Мори, только что пріѣхавшій изъ Парижа. На вопросъ, что новаго, онъ отвѣчаетъ: «Какъ! Вы ничего не знаете? Кардиналъ Людовикъ Роганъ арестованъ». Всѣ присутствующіе поражены, ла Моттъ блѣднѣетъ, бросается изъ зала, за нею слѣдуетъ Беньо, и оба спѣшатъ въ Баръ.

Зная отношенія ла Моттъ съ кардиналомъ и опасаясь, что и она замѣшана, Беньо посовѣтовалъ ей бѣжать, и предложилъ средства къ этому. Но она отвѣтила, съ досадою и какъ бы встревоженная только опасностью, угрожающею кардиналу, что она не при чемъ въ этомъ дѣлѣ ³⁾. Что касается ея супруга, то онъ былъ такъ спокоенъ, что при возвращеніи графини его не оказалось дома. Онъ съ утра еще уѣхалъ съ пріятелями на охоту.

¹⁾ *Sommaire pour m-me de la Motte*, par M-e Doillot, p. 66.—*Mémoire pour L. de Rohan*, par M-e Target, p. 99.

²⁾ *Mémoires inédit de M. Beugnot*.

³⁾ *Mémoires de Beugnot*.

чувствія, не тревожиться по поводу процесса, который введетъ въ альковъ королевы воображеніе народа? Поэтому они порицали Людовика XVI, обвиняли его въ неосторожности. Но онъ подчинился закону, не зависящему отъ расчетовъ человѣческаго благоразумія, ибо революція уже началась.

Если что можно было предупредить, такъ это скандальный арестъ 15-го августа. Почему же не сдѣлали этого? Почему королева подвергала себя риску довести до крайности человѣка, разоблаченій котораго она должна была такъ опасаться? Это кажется удивительнымъ на первый взглядъ, но когда примешь въ соображеніе всѣ обстоятельства, то перестаешь удивляться. Баронъ де Бретейль, стоявшій во главѣ полиціи, питалъ къ Рогану, своему счастливому преемнику на посту французскаго посла въ Вѣнѣ, ненависть, доходившую до изступленія. Это онъ-то и хотѣлъ обставить арестъ наибольшимъ скандаломъ. Въ положеніи, менѣе скомпрометированномъ, Марія-Антуанета, безъ сомнѣнія, могла бы предупредить все происшедшее. Но чѣмъ болѣе была она замѣшана въ дѣлѣ, тѣмъ менѣе было ей позволительно заглушить поднятый имъ шумъ, подъ опасеніемъ возбуждать страшныя подозрѣнія. Что касается отчаянія обвиняемаго, то его нечего было бояться. Его собственный интересъ ручался за его молчаніе, ибо скажи онъ одно только слово о своихъ тайныхъ отношеніяхъ съ женою короля, и ему угрожала бы смерть. Прибавимъ также, что подъ конецъ кардиналъ позволялъ себѣ новыя преступныя хвастовства. Марія-Антуанета узнала объ этомъ, безъ сомнѣнія, и почувствовала, что старыя раны снова открываются.

18-го августа 1785 года ла Моттъ была арестована въ Барѣ; она успѣла сжечь свои бумаги, между которыми было много писемъ кардинала, наполненныхъ сладострастными вольностями и въ которыхъ увлеченія честолюбія соединялись съ любовнымъ бредомъ ¹⁾). Каліостро тоже былъ арестованъ по оговору ла Моттъ, которая подозрѣвала его въ попыткахъ повредить ей въ мнѣніи Рогана и отомстила ему за это клеветой, которую несправедливый приговоръ могъ обратить въ смертную казнь. Замѣчательно, что графа ла Моттъ, который самъ отдался въ руки агентовъ полиціи, оставили на свободѣ ²⁾). Зная его рѣ-

¹⁾ *Mémoires de Beugnot.*

²⁾ *Mémoire justificatif de m-me de la Motte*, p. 127.

шительный характеръ, опасались, что онъ будетъ предохранять свою жену отъ тѣхъ вліяній, которымъ намѣревались ея подвергнуть.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только она была заключена въ Бастилію, баронъ де Бретейль тотчасъ же окружилъ ее цѣлою системою коварныхъ совѣтовъ, рассчитанныхъ на то, чтобы прикрыть королеву и погубить Рогана. Узницѣ дали понять, черезъ комиссара Шенона ¹⁾, что она поплатится жизнью, если назоветъ одну особу... неприкосновенную; что есть одно только средство—это свалить все на кардинала, который не заслуживаетъ пощады съ ея стороны, такъ какъ выдалъ ее. «Развѣ не видите, прибавилъ комиссаръ, что онъ долженъ воздерживаться отъ обвиненія королевы? Такъ что остается выбирать одно изъ двухъ: обвинять его, или дозволить ему обвинять васъ».

Такимъ образомъ заставили ла Моттъ давать ложныя показанія на кардинала, который, въ свою очередь, считалъ себя погибшимъ, если не будетъ лгать въ ущербъ графини. Вотъ гдѣ ключъ процесса. Дѣло осталось покрытымъ непроницаемымъ мракомъ, такъ какъ, чтобы разсѣять этотъ мракъ, нужно бы было произнести одно имя, которое не могло быть произнесено передъ судьями.

Начались розыски, которые привели къ тремъ важнымъ открытіямъ.

Одна молодая дѣвушка, по имени Олива, была арестована въ Брюсселѣ и показала, что это она, по наущенію ла Моттъ, разыграла, во время сцены въ паркѣ, роль королевы.

Съ другой стороны, нѣкій Рето де Вильетъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что, по внушенію ла Моттъ и на ея глазахъ поддѣлалъ подпись королевы и написалъ на полѣ письменнаго условія, предложеннаго ювелирамъ, слѣдующія слова: «*Одобрено, Марія-Антуанета Французская*».

Наконецъ, узнали отъ ирландскаго капуцина Макъ-Дермота, что графъ де ла Моттъ, въ Лондонѣ, продалъ ювелиру Грею брилліантовъ на 10.000 фунт. стерл., что и было подтверждено показаніемъ Грея, допрошеннаго черезъ посредство французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ ²⁾. Эти три обстоятельства казались по-

¹⁾ *Vie de m-me de la Motte.*

²⁾ *Показаніе ювелира Грея, засвидѣтельствованное нотариусомъ Дюбургомъ.*

давяющими для г-жи ла Моттъ. Вотъ какъ она объясняла ихъ сначала на секретныхъ допросахъ въ Бастилинъ, затѣмъ въ брошюрахъ, которыя появились уже послѣ суда.

Относительно сцены въ паркѣ она призналась, что Олива дѣйствительно играла тамъ роль королевы, но что таково было желаніе самой королевы, которая сама присутствовала на свиданіи, спрятавшись за деревьями; что королева сама придумала эту мистификацію, оригинальность которой ей очень нравилась и цѣлью которой было—испытать скромность кардинала. «Какъ можно повѣрить, восклицала ла Моттъ, чтобы безъ приказанія королевы я осмѣлилась задумать интригу, которую такъ легко было обнаружить? чтобы я выбрала, для совершенія преступленія оскорбленія величества полночный часъ и садъ Версальскаго дворца въ то время, когда ночныя прогулки, дозволявшіяся въ 1778 году, были уже запрещены, и когда королевскія резиденціи, напротивъ, строго охранялись. Если бы былъ одинъ только вымыселъ съ моей стороны въ этой любви королевы, лестной для души кардинала, то мнѣ былъ бы прямой расчетъ продлить его заблужденіе, усыплять его, вмѣсто того, чтобы устроить ему обманное свиданіе, которое должно было воспламенить его надежду и внушить ему увѣренность, что онъ можетъ завтра же приблизиться къ королевѣ, говорить ей о своей любви, продолжать, наконецъ, столь счастливыя авантюры. Первое рандеву вызывало второе, третье; и свиданіе съ лже-королевой ускоряло часъ словеснаго объясненія съ настоящей королевой, часъ рѣшительный, когда достаточно было бы одного слова, чтобы обнаружить обманъ и ввергнуть меня въ бездну!»

Что касается словъ: «одобрено, *Марія-Антуанета Французская*», то ла Моттъ признавала формально, что они были написаны Рето-де-Вильетомъ, но прибавила, что это было сдѣлано съ согласія королевы и кардинала. Придумали сообща этотъ способъ, считая его полезнымъ и мало опаснымъ, такъ какъ подпись «*Марія-Антуанета Французская*», не будучи личной, не представляла подлога; она была необходима только для того, чтобы побудить Бемера выдать ожерелье, и не компрометировала ни королеву, ни избраннаго секретаря. Въ подкрѣпленіе этого объясненія, ла Моттъ замѣтила, что было бы очень странно, что бывшій посолъ-царедворецъ не зналъ, какъ подписывается королева, отъ которой онъ такъ часто получалъ писанные приказы, состоя главнымъ милостынераздавателемъ Франціи? Какъ

могъ онъ не быть шокированнымъ словами: «*Французская*», прибавленными къ подписи *австрійской* принцессы? Невозможно предположить слишкомъ быстрое чтеніе или минутную разсѣянность, такъ какъ условіе это осталось въ рукахъ кардинала, и онъ имѣлъ много разъ случай перечитывать его, онъ даже показывалъ это условіе казначею Сентъ-Джемсу.

Что касается брилліантовъ, проданныхъ въ Лондонѣ ея мужемъ, то ла Моттъ объявила, что получила ихъ въ подарокъ отъ королевы. Такъ какъ супруга Людовика XVI не могла носить въ его первоначальномъ видѣ это знаменитое ожерелье не принятое ею отъ короля, то она, очевидно, не имѣла другого, средства пользоваться этимъ украшеніемъ, какъ разобрать его, для того, чтобы составить другое по новому рисунку и такимъ образомъ сдѣлать его неузнаваемымъ. При этой передѣлкѣ оказались лишніе брилліанты, и нужно было дарить ихъ кому-нибудь; естественно, что ихъ подарили той, которая была посвящена въ секретъ.

Само собою разумѣется, что эти показанія г-жи ла Моттъ не были допущены фигурировать въ бумагахъ процесса, но тѣмъ не менѣе они всплыли наружу и приобрѣли важное значеніе, такъ какъ находили невозможнымъ, отвергая ихъ, понять многіе достовѣрные факты, которые записки адвокатовъ и официальные документы предали публичному обсужденію.

Поэтому общественное мнѣніе раздѣлилось: сторонники Маріи-Антуанеты съ негодованіемъ обвиняли ла Моттъ, въ томъ, что она, клевеца на свою государыню, злоупотребляла легковѣріемъ кардинала. Кредитъ г-жи ла Моттъ при дворѣ?—Ложь. Письма королевы переданныя ею принцу Роганъ?—Поддѣльныя. Покупка ожерелья?—Давно обдуманная кража. Затѣмъ указывали, что она въ первый разъ обманула кардинала въ сценѣ, разыгранной въ паркѣ; что она приобрѣла къ продажному искусству поддѣльвателя подписи; что она поручила своему мужу продавать въ Лондонѣ брилліанты, вынутые изъ ожерелья, и что она вдругъ перешла отъ крайней бѣдности къ поразительному богатству. Они напоминали также, что Марія-Антуанета постоянно выказывала отвращеніе къ принцу Рогану, которое невозможно согласить съ секретными и интимными отношеніями, и что это ожерелье, въ тайныхъ переговорахъ о покупке котораго осмѣливались подозрѣвать королеву Франціи, было ей дважды предложено, и она оба раза отказалась отъ него.

Противъ этихъ соображеній люди противной партіи выставляли другія, которыя они считали болѣе убѣдительными.

Во-первыхъ, говорили они, возможно ли допустить, чтобы, получая любовныя письма, настоящія или подложныя; чтобы, получивъ во время сцены въ паркѣ залогъ любви, какъ онъ думалъ, отъ самой королевы; чтобы, однимъ словомъ, считал себя любимымъ,—кардиналъ не постарался увеличить свой успѣхъ, или по крайней мѣрѣ провѣрить его? Мыслимо ли, чтобы онъ, имѣя доступъ во дворецъ, часто встрѣчаясь съ Маріей-Антуанетой, никогда ни однимъ знакомъ, ни единымъ словомъ не намекнулъ ей о письмахъ, о сувенирѣ, о томъ, чѣмъ постоянно была занята его мысль и что составляло очарованье его жизни! Но одного знака, одного слова достаточно было, чтобы обнаружить интригу, приписываемую графинѣ ла Моттъ.

Подъ впечатлѣніемъ полученныхъ писемъ, кардиналъ долженъ былъ имѣть разговоръ съ королевой, и онъ, конечно, его имѣлъ; и такъ какъ секретная переписка, тѣмъ не менѣе, продолжалась въ теченіе цѣлаго года, то изъ этого заключали, что ла Моттъ говорила правду.

Затѣмъ—что подумать о молчаніи, которое хранила королева, когда 12-го іюля она получила письмо ювелировъ, гдѣ шла рѣчь объ ожерельѣ, проданномъ по ея приказанію, о согласіи на новыя условія, объ исполненіи ея воли, о признательности?

Если бы все это было для нея новостью, развѣ она не потребовала бы къ себѣ тотчасъ же Бемера, съ которымъ уже давно имѣла дѣла, чтобы допросить его объ этой наглой загадкѣ?

Другое обстоятельство, которымъ вооружались противъ королевы,—это сбавка въ 200.000 ливровъ съ назначенной цѣны, потребованная отъ ювелировъ незадолго до перваго срока платежа, письмомъ, переданнымъ черезъ ту же посредницу¹⁾.

Если бы это была правда, что ла Моттъ обманывала кардинала и что она присвоила себѣ брилліанты, то, спрашивается, съ какою цѣлью возбудила бы она, посредствомъ поддѣльнаго письма, вопросъ о сбавкѣ, который, если бы привелъ къ расторженію договора, могъ бы заставить ее возвратитъ предметъ своей кражи, изобличить ее и погубить навѣки?

¹⁾ *Mémoire de Boehmer et Bassange*, du 13 août 1785.

Слѣдовательно, письмо, которое, какъ увѣрялъ кардиналъ, было получено имъ отъ королевы, не могло быть поддѣланнымъ графиней ла Моттъ; а между тѣмъ оно составляло продолженіе къ предшествующимъ письмамъ и было написано той же рукой.

Такъ разсуждали враги Маріи-Антуанеты, и на всякое возраженіе они искали отвѣта либо въ процессѣ, либо въ характерѣ и привычкахъ королевы.

Безъ сомнѣнія, говорили они, трудно вообразить себѣ супругу короля Франціи спрятавшеюся за деревьями и принимающею участіе въ безумной авантюрѣ; но развѣ не извѣстно было, что жизнь Маріи-Антуанеты была полна неосторожныхъ капризовъ; а роль Розины въ «Севильскомъ цирюльникѣ», которую она такъ любила играть въ своихъ спектакляхъ въ Маломъ Трианонѣ¹⁾, развѣ не могла освоить ее со сценами, подобными той, которая произошла въ версальскомъ паркѣ? Она была очень раздражена противъ кардинала; но этотъ гнѣвъ, вспыхнувшій по поводу одного частнаго факта и легко объяснимый, развѣ не могъ угаснуть передъ любовью и раскаяніемъ принца Людовика? Она два раза отказывалась отъ ожерелья; но она была вынуждена къ этому тогдашнимъ состояніемъ финансовъ; и тѣ, кто знаетъ женское сердце, не должны удивляться, что впоследствии она была охвачена сильнымъ желаніемъ приобрести это ожерелье въ тотъ день, когда узнала, что оно предназначается принцессѣ ниже ея рангомъ²⁾. Что же касается ла Моттъ, то ея богатство, обязанное своимъ происхожденіемъ щедротамъ кардинала и выставлявшееся на показъ за 9 мѣсяцевъ до переговоровъ о покупкѣ ожерелья; недовѣріе которое она внушила ювелирамъ, объявивъ имъ о намѣреніи принца Рогана; ея хвастовство о близкихъ отношеніяхъ съ королевой; ея полное спокойствіе до послѣдней минуты; ея безусловный отказъ бѣжать, когда ей предлагали къ тому средства; увѣренность, которую она ни на минуту не переставала выказывать,—развѣ всего этого не достаточно было, чтобы опровергнуть предположеніе о кражѣ.

¹⁾ *Mémoires de Campan, aux Eclairisements histortques*, t. II, p. 279.

²⁾ *Mémoire des joaillers; Pièces justificatives à la suite du Compte rendu*, p. 18.

Горе власти, когда ненависть, которую она вызываетъ противъ себя, поощряется начинающимся ея упадкомъ! Процессъ объ ожерельѣ выставилъ королевскую власть ударамъ не только ея естественныхъ противниковъ, но и многихъ роялистовъ, озлобленныхъ по причинѣ обманутаго честолюбія или какой-нибудь недавней обиды. Напрасно старались окутать это дѣло туманомъ, намѣренно осложнить его мошенническую продѣлку, въ которой нѣкому Бетъ д'Этиенвилю было поручено сбить съ толку общественное любопытство,—взоры были пристально устремлены на тронъ и на версальскій дворецъ.

Изгнанное изъ судебного процесса, королевское величество было влачимо на днѣ грязныхъ пасквилей, гдѣ легко было узнать озлобленіе царедворцевъ и гдѣ недоставало только ихъ имени. Скандалъ былъ огромный—не только во Франціи, но и во всей Европѣ; процессъ объ ожерельѣ сдѣлался какъ бы рамкою, въ которой были собраны тысячи обвиненій, направленныхъ противъ Маріи-Антуанеты; и многіе радовались тому, что они называли безчестіемъ короля, въ ожиданіи паденія королевства. Фатально было для королевы также и то, что вопросъ былъ поставленъ между ею и самой знатной фамиліей королевства.

Доказывать непричастность Рогана къ дѣлу было совершенно невозможно, и потому Тарже, его адвокатъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ защищать его, приписывая ему легко-вѣріе, которое едва ли было правдоподобно даже у малаго ребенка. Даже и это не послужило ни къ чему, ибо оставалось объяснить и то, что кардиналъ говорилъ Бемеру, Бассанжу, Сентъ-Джемсу о своихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ королевой, и убѣжище, которое онъ далъ у себя г-жѣ ла Моттъ въ минуту рокового открытія, и, наконецъ слѣдующую записку, второпяхъ продиктованную имъ своему камердинеру и попавшую въ руки барона Бретейля:

«Пошлите опять за Б. (Бемеромъ)... Думаю, что затѣмъ, чтобы еще поговорить съ нимъ о томъ же, о чемъ было говорено въ первый разъ насчетъ извѣстнаго проекта... У него голова идетъ кругомъ съ тѣхъ поръ, какъ А. (королева) сказала: «Что хотятъ сказать эти люди? Кажется, они потеряли голову». Боюсь, какъ бы и у меня не закружилась голова».

Роганъ обладалъ живымъ и развитымъ умомъ, онъ велъ дипломатическія дѣла съ рѣдкимъ искусствомъ, и его посоль-

привлечена репутація королевы, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и монархія.

Между тѣмъ начались очныя ставки. Г-жа де ла Моттъ проявляла на нихъ смѣлость и буйность, не свойственныя ей полу, но свидѣтельствовавшія объ ея твердой увѣренности, что не могутъ и не посмѣютъ нанести ей ударъ. Кардиналъ не могъ выдерживать ея взгляда; она заставила покраснѣть отца Лота, одного изъ свидѣтелей, запугала Вильета и своими бурными выходками испугала судей. Вѣрная, впрочемъ, начертанному ей плану защиты, она видимо старалась устранить въ своихъ отвѣтахъ имя королевы. Тщетныя усилія! Ежеминутно фатальное имя готово было сорваться съ ея устъ, и тогда, вынужденная замѣнить басней, часто нелѣпой, истинное объясненіе, она запутывалась въ своихъ противорѣчивыхъ и ложныхъ показаніяхъ. Не разъ, раздраженная такимъ стѣсненіемъ и необходимостью выпутываться, она разражалась криками, которые приводили въ ужасъ весь трибуналъ: «Пусть остерегаются! Если доведутъ меня до крайности, я заговорю»...

Однажды у нея даже сорвалось съ языка имя королевы: по поводу одного письма, она сказала кардиналу, что это письмо было отъ Маріи-Антуанеты и начиналось словами: «*Посылаю тебѣ!*»...

Такъ какъ въ это время обвиняемые публиковали мемуары за мемуарами, то и Каліостро выпустилъ свои записки изъ глубины Бастиліи. Онъ сообщаетъ въ нихъ о своемъ воспитаніи, о своей жизни, своихъ путешествіяхъ тысячу романическихъ подробностей, очевидно, выдуманныхъ съ цѣлью сохранить власть, которую онъ имѣлъ надъ воображеніемъ людей. Онъ рассказываетъ, что провелъ свое дѣтство въ Мединѣ, подъ именемъ Ахарага, во дворцѣ Муфтія Салагима, его наставникъ назывался Алтотасъ; его рожденіе было загадкою для него самого, и т. д.... Затѣмъ слѣдовалъ списокъ знатныхъ особъ, съ которыми онъ былъ близко знакомъ въ разныхъ странахъ Европы: въ Испаніи—герцогъ Альба и сынъ его, герцогъ Вескардъ, графъ Прелата, герцогъ Медина-Сели; въ Португаліи—графъ де Санъ-Виценти; въ Голландіи—герцогъ Брауншвейгскій; въ Петербургѣ—князь Потемкинъ, Нарышкинъ, казачій генераль Мелесино; въ Польшѣ—графиня Комцеская, принцесса Нассауская; въ Римѣ—кавалеръ Аквино; на о. Мальтѣ—гросмейстеръ ордена. Въ той же запискѣ Каліостро сообщаетъ,

что въ разныхъ городахъ Европы есть банкиры, которымъ поручено снабжать его средствами какъ для жизни, такъ и для щедрой благотворительности; онъ называетъ нѣсколько такихъ банкировъ (которые не опровергали его указанія на нихъ): Саразень въ Базелѣ, Санкостаръ въ Лионѣ, Ансельмо Ла Крузъ въ Лиссабонѣ. Опровергнувъ съ пренебрежительнымъ спокойствіемъ клеветы госпожи ла Моттъ, насколько онъ его касались, и доказавъ свою невиновность въ дѣлѣ объ ожерельѣ, онъ сказалъ въ заключеніе: «Я написалъ то, что достаточно для закона, и то, что достаточно для всякаго другого чувства, кромѣ чувства празднаго любопытства. Развѣ вы будете добиваться узнать точнѣе отечество, имя, мотивы, ресурсы незнакомца? Какое вамъ дѣло до этого, французы? Мое отечество для васъ,—это первое мѣсто вашего королевства, гдѣ я подчинился вашимъ законамъ; мое имя есть то, которое я прославилъ среди васъ; мой мотивъ—Богъ; мои ресурсы—это мой секретъ».

Эта записка, гдѣ къ грубымъ хитросплетеніямъ примѣшивается нѣкоторое величіе, умножила число приверженцевъ, которыхъ насчитывало во Франціи философское масонство, представляемое графомъ Калиостро. Изъ Берлина Мирабо направилъ на него въ рѣзкомъ памфлетѣ, гдѣ, однако, констатировалась популяриность этого чудотворца. «Общественное состраданіе», говорилъ Мирабо¹⁾, взяло на себя задачу защищать его или, по крайней мѣрѣ, возвеличить его. Это—человѣкъ необыкновенный, благодѣтель рода человѣческаго, философъ, мудрецъ, который возобновитъ ужасную драму Сократа, выпивающаго цикуту. Раздается тысяча криковъ, среди которыхъ можно разобрать слова: *«Что онъ едѣлалъ?.. Что едѣлала его жена?.. Что они едѣлали?..»*

Вдругъ распространяется слухъ, нашедшій себѣ подтвержденіе въ мемуарѣ адвоката Дуало¹⁾, что графъ де ла Моттъ находится въ Англии, что онъ знаетъ всю правду, рѣшилъ ее сказать, что онъ горитъ нетерпѣніемъ пріѣхать въ Парижъ, но что этому противятся. Къ этому прибавляли смутный рассказъ о неудавшейся попыткѣ убійства и разные другія предположенія, тайно распространяемые ненавистью. Тогда поднялся ропотъ,

¹⁾ *Lettre de Mirabeau sur Cagliostro et Lavater*, p. 3.

²⁾ *Sommaire pour la comtesse de Valois la Motte*, par. M-e Doillot, p. 56

почему не поспѣшили призвать, быть можетъ, единственнаго человѣка, который могъ бы разсѣять столько тайнъ? Вѣдь Верженнѣ сумѣлъ же добиться въ чужихъ краяхъ ареста дѣвицы Олива и Вильета, свидѣтелей, благопріятныхъ кардиналу; почему онъ выказалъ такое усердіе въ этомъ случаѣ и полное безсиліе относительно графа де ла Моттъ,—свидѣтеля, котораго кардиналъ боится? Эти разговоры не тронули Верженна, твердо рѣшившагося поддерживать Рогановъ изъ дружбы къ нимъ, а также изъ чувства ненависти къ королевѣ. Онъ ссылаясь на уваженіе къ международному праву, уваженіе, которое, однако, не могло удержать его ни въ Брюсселѣ, ни въ Женевѣ. Онъ просилъ только для формы англійское правительство о выдачѣ графа де ла Моттъ и затѣмъ до конца слѣдовалъ своей системѣ, которая заставила его отвергнуть слѣдующія предложенія ле Мерсье, французскаго шпіона въ Англии: «Если для ареста извѣстной особы одной ловкости будетъ недостаточно, то можно употребить силу, чтобы привезти эту особу на беремъ Темзы въ какое-нибудь уединенное мѣсто, гдѣ долженъ стоять на-готовѣ, хотя бы и двѣ недѣли, если понадобится, одинъ изъ тѣхъ кораблей, которые привозятъ каменный уголь въ Лондонъ; на этихъ судахъ стѣнки и палуба такой толщины, что невозможно было бы услышать крики человѣка, запертаго въ трюмъ»¹⁾.

Что касается королевы, то въ ея интересахъ было бы, чтобы графъ де ла Моттъ, появился предъ судомъ, если только онъ обяжется присоединиться, противъ кардинала, къ плану защиты, внушенному г-жѣ де ла Моттъ. Согласится ли онъ взять на себя подобное обязательство? Удостовериться въ этомъ поручено было Адемару, французскому послу въ Англии, ибо хотя Верженнѣ, его начальникъ, былъ изъ *партии Рогановъ*, какъ тогда называли, но Адемаръ принадлежалъ къ *партии королевы*. Онъ, поэтому, призвалъ къ себѣ графа де ла Моттъ, далъ ему нужныя наставленія²⁾ и уже собирался отправить его во Францію, какъ произошла развязка, ускоренная друзьями кардинала.

Давно уже противоположныя вліянія дѣйствовали на парламентъ, отъ котораго зависѣло рѣшеніе дѣла. Къ лысымъ со-

¹⁾ Донесеніе, найденное въ архивѣ полиціи и помѣченное сентябремъ 1785.

²⁾ *Mémoire justificatif de la comtesse de Valois la Motte*, p. 156. Источникъ, которымъ можно пользоваться лишь съ большою осторожностью, такъ какъ онъ полонъ лжи и клеветы, хотя содержитъ и нѣкоторыя вѣрныя утвержденія.

вѣтникамъ обращались съ ходатайствами, прелесть которыхъ угадывается, но не обнаруживается ¹⁾. Честолюбивыя души склонялись въ сторону милости. Нетерпѣннѣ публики дошло до крайнихъ предѣловъ.

Генераль-прокуроръ далъ свое заключеніе въ томъ смыслѣ что Вильета и графа де ла Моттъ слѣдуетъ приговорить къ безсрочной каторгѣ; графиню де ла Моттъ—къ наказанію плетьюми, клейменію и пожизненному заключенію въ Сальпетрьерѣ; кардинала — къ удаленію отъ двора, лишенію духовнаго сана и всѣхъ должностей ²⁾. Дѣвицу Олива должно освободить отъ суда, а графа Калиостро—оправдать отъ взведеннаго на него обвиненія.

Мнѣніе генераль-прокурора было поддержано обоими докладчиками и д'Амекуромъ, принято четырнадцатью совѣтниками и энергично оспариваемо въ томъ, что касалось кардинала, Миньеромъ, Фрето, Робертомъ де Сень-Венсанъ, Бретиньеромъ, Барильономъ, Жуанвилемъ. Ормессонъ полагалъ относительно де Рогана, что его слѣдуетъ освободить отъ суда, не объявляя оправданнымъ отъ обвиненія.

Обвиняемые, до произнесенія приговора, должны были подвергнуться послѣднему допросу. Вильетъ появился первый на скамьѣ подсудимыхъ и, со слезами на глазахъ, заявилъ о своемъ раскаяніи. Затѣмъ была введена графиня де ла Моттъ. Она была просто одѣта, въ прическѣ безъ пудры, и шла твердою поступью; но при видѣ позорнаго сѣдалища, которое было ей предназначено, лицо ея исказилось и колѣни задрожали; однако, она скоро оправилась, отвѣчала съ увѣренностью, и когда она выходила изъ залы засѣданія, замѣтили улыбку на ея устахъ. Что касается кардинала, то онъ держалъ себя совсѣмъ иначе. Хотя къ его появленію скамья подсудимыхъ была унесена, лицо его было чрезвычайно блѣдно и въ глазахъ его рисовалось уныніе ³⁾. Онъ былъ въ длинномъ парадномъ одѣянніи. Приглашенный единогласно сѣсть, онъ принялъ видъ угнетеннаго просителя и оставилъ въ сердцахъ своихъ судей глубокое впечатлѣніе жалости. Въ день, назначенный для произнесенія приговора, 31-го мая 1786 года, члены фамилии Роганъ и члены дома Лотарингскаго съ 4¹/₂ часовъ утра выстроились на мѣстѣ прохода судей. Всѣ

¹⁾ *Mémoire de m-me Campan*, t. II, p. 291.

²⁾ *Compte rendu*, p. 112.

³⁾ *Ibid*, p. 117.

они, какъ мужчины, такъ и женщины, были въ траурѣ, и когда парламентъ проходилъ, они выразили свою просьбу о помилованіи только своимъ мрачнымъ видомъ и строгимъ молчаніемъ.

Наконецъ, давно ожидаемый часъ насталъ: принцъ Луи де Роганъ былъ объявленъ оправданнымъ отъ обвиненія.

При этой вѣсти въ Парижѣ настало настоящее ликование. Такъ какъ кардиналъ оправданъ, то значитъ—такъ разсуждали,— королева заклемена, дворъ осужденъ, монархическій принципъ свободно контролированъ высшею буржуазіей, революціонный духъ удовлетворенъ. Луи де Роганъ, который до того времени не имѣлъ даже популярности своихъ пороковъ, сталъ вдругъ идоломъ народа. Зданіе суда было переполнено публикой; одни наводняли дорогу, по которой должны были проходить судьи; другіе, толкая другъ друга, толпились около канцеляріи.

При выходѣ изъ суда президента и совѣтниковъ тысячи голосовъ огласили воздухъ крикомъ: «Да здравствуетъ парламентъ! Да здравствуетъ кардиналъ!» Рыночныя торговки бросались на встрѣчу судьямъ, со словами благодарности на устахъ и руками, полными цвѣтовъ. Никто не интересовался ни Вильетомъ, приговореннымъ къ вѣчному изгнанію, ни графомъ де ла Моттъ, осужденнымъ заочно на галеры, ни, наконецъ, графиней де ла Моттъ, которой назначено было наказаніе хуже смертной казни. Всѣ мысли были обращены на кардинала. Когда онъ входилъ въ карету, которая должна была отвезти его, на-время, обратно въ Бастилію, то нѣкоторые изъ близъ стоявшихъ оспаривали другъ у друга честь поцѣловать полу его одежды. Калиостро тоже былъ предметомъ народныхъ овацій. И самыя знатныя фамиліи рукоплескали такому зрѣлищу, какъ триумфу. Это было торжество духа революціи.

Королева была крайне огорчена. Людовикъ XVI во всеуслышаніе выражалъ мнѣніе, что Роганъ совершилъ кражу, и произвольнымъ актомъ, запоздалый эффектъ котораго переполнилъ мѣру ошибокъ, онъ подвергъ его изгнанію. Хотя невиновный и оправданный по суду, Калиостро также былъ высланъ изъ королевства.

Что касается г-жи де ла Моттъ, то, узнавъ свою участь, она пришла въ невыразимую ярость. Во время чтенія приговора, принуждены были держать ее на воздухѣ, такъ какъ никто не могъ силой поставить ее на колѣни. Связанная веревками и та-

щимая во дворъ судебнаго зданія, она испускала крики не ужаса, а бѣшенства. Обращаясь къ народу, она кричала: «Если такъ третируютъ потомковъ Валуа, какая же участь ожидаетъ кровь Бурбоновъ?» И среди изступленныхъ криковъ услышали слѣдующія характеристическія слова: «Это по собственной винѣ я подвергаюсь такому позору: мнѣ стоило сказать одно слово — и я была бы повѣшена!» Тогда ей, такъ же какъ и Лалли-Толлендалю, заткнули ротъ, и такъ какъ она отчаянно вырывалась изъ рукъ палача, то желѣзо, которое должно было заклеить ее въ плечо, попало на грудь. Ее отвезли въ Сальпетрьеръ растрепанную, съ окровавленнымъ лицомъ, полунагую, собравшую остатокъ силъ, чтобы излить въ проклятіяхъ свое бѣшенство.

Нѣсколько времени спустя принцессу Ламбаль, по секрету, попросили съѣздить въ Сальпетрьеръ, подъ предлогомъ любовничества, но на самомъ дѣлѣ, чтобы освѣдомиться о ла Моттѣ и дать для нея денегъ начальницѣ ¹⁾.

Въ концѣ ноября 1786 г., часовой ночью въ одномъ изъ дворовъ Сальпетрьера передалъ жениницѣ, прислуживавшей г-жѣ де ла Моттѣ, записку безъ подписи. Въ этой запискѣ увѣщевали узницу не терять мужества и собраться съ силами для долгаго путешествія: «Обдумываютъ средства, — было прибавлено, — измѣнить къ лучшему вашу участь». Во второмъ письмѣ, переданномъ опять-таки часовымъ, просили чертежъ ключа, нужный для облегченія бѣгства. Чертежъ былъ доставленъ, и нѣсколько времени спустя неизвѣстный солдатъ принесъ ключъ-освободитель, а также мужскую одежду, которую легко удалось передать заключенной, такъ какъ пароль, безъ сомнѣнія, былъ данъ секретно начальницѣ. Отпущенная такимъ образомъ на свободу, ла Моттѣ уѣхала въ Лондонъ, гдѣ ее ожидалъ ея мужъ.

Она не сомнѣвалась, что обязана своимъ освобожденіемъ изъ тюрьмы королевѣ, но это убѣжденіе далеко не заглушило въ ней чувства злобы и жажды мести, какъ видно изъ того, что въ одной англійской газетѣ, въ началѣ 1787 года, была напечатана слѣдующая замѣтка: «Въ лондонскихъ салонахъ только и разговора, что о скоромъ появленіи интересной брошюры, которая прольетъ новый свѣтъ на дѣло объ ожерельѣ».

Повторенное вскорѣ парижскими газетами, это извѣстіе проникаетъ въ Версальскій дворецъ и вызываетъ тамъ смущеніе.

¹⁾ *Mémoires de mademoiselle Bertin*, p. 135.

Марія-Антуанета встревожена. Начинаются переговоры съ графомъ ла Моттъ объ уничтоженіи возвѣщенной брошюры; дѣло шло о чести. ла Моттъ согласился, подѣ условіемъ денежнаго вознагражденія; и по настоятельной просьбѣ королевы, безъ вѣдома короля, герцогиня Полиньякъ поѣхала въ Батъ, гдѣ и запла тила 200.000 ливровъ за молчаніе, которое не было сохранено!

Таково было это знаменитое событіе, такъ долго остававшееся темнымъ. Оно произвело въ различныхъ дворахъ Европы впечатлѣніе, невыгодное для Маріи-Антуанеты, до такой степени невыгодное, что императоръ Францъ II, ея племянникъ, считалъ ее наполовину виновной ¹⁾.

Разсказываютъ, что послѣ произнесенія приговора 31-го мая 1786 г., генераль-прокуроръ сказалъ Роберту де Сенъ-Венсанъ, одному изъ самыхъ горячихъ защитниковъ кардинала: «Сами того не желая, вы поколебали основы монархіи». Это, конечно, было преувеличеніе. Основы монархіи, солидно-построенной, не могутъ быть поколеблены такимъ образомъ; для этого нужна работа вѣковъ и подтачивающая волна идей. Однако, между второстепенными причинами революціи эта причина, конечно, была самая дѣятельная. Распущенность двора, ничтожество величія, счастье царедворцевъ, подтачиваемое чрезмѣрностью ихъ эгоизма и ихъ низости, безпорядокъ въ ходѣ правительственной машины, принесеніе правъ истины въ жертву интересамъ силы, озлобленіе, медленно накопившееся въ сердцѣ народа, безсиліе приходившей въ упадокъ королевской власти снова подняться справедливостью, или удерживаться произволомъ, словомъ,—все, что обличало порокъ стараго режима, дѣло объ ожерельѣ все это собрало, резюмировало, представило въ рельефѣ. И какимъ наказаніемъ, наложеннымъ на гордость властелиновъ земли, было это зрѣлище трона, гдѣ возсѣдалъ Людовикъ XVI, скомпромети рованный и вовлеченный въ запутанную интригу комедіи!

¹⁾ *Mémoires de mademoiselle Bertin*, p. 137.

ГЛАВА V.

Появленіе дефицита.

Калоннъ; его портретъ и его планы.—Особенность и систематичность его сумасбродствъ.—Почему онъ сталъ сообщникомъ царедворцевъ.—Странныя иллюзіи двора.—Разсчитанная щедрость Калонна, его операціи; переплавка золотой монеты.—Внезапный созывъ нотаблей.—Появленіе дефицита.—Положеніе, занятое нотаблями, и ихъ происки.—Калоннъ, подвергающійся нападкамъ со всѣхъ сторонъ, послѣ того какъ онъ ополчился противъ злоупотребленій.—Что было великаго въ этой кажущейся непослѣдовательности общественнаго мнѣнія.—Паденіе и отъѣздъ Калонна.—Изгнаніе Неккера.

Въ то время, какъ дѣло объ ожерельѣ принимало скандальный оборотъ, готовился другой сюрпризъ, не менѣе фатальный для монархіи: появленіе дефицита.

Дипломатія одной метрессы поставила во главѣ финансовъ Калонна, человѣка любезнаго и опаснаго, который подъ кажущейся фривольностью скрывалъ пронизательный умъ государственнаго дѣятеля. Обманутые, безъ сомнѣнія, внѣшностью, историки его времени, какъ и нашего, видѣли въ Калоннѣ только смѣлаго игрока, вертопраха, способнаго третировать финансы, какъ тогдашніе маркизы третировали женщинъ и добродѣтель, съ легкостью счастливаго волокиты, съ галантностью жантильома и невѣріемъ вольнодумца¹⁾. Они не подозрѣвали, что поведеніе его не только не диктовалось случаемъ но, напротивъ, было результатомъ живого и быстрого расчета. Отъ нихъ ускользнуло то обстоятельство, что безразсудства его были систематичны и сцѣплялись одно съ другимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ ему было желательно.

Калоннъ ясно видѣлъ, что монархія поражена смертельнымъ недугомъ, что она поддерживалась при помощи своего рода фокуса²⁾ и что для того, чтобы спасти ее, если спасеніе было еще возможно, представлялось одно только средство: все преобразовать, все передѣлать, перестроить все зданіе, по его собственному выраженію³⁾.

Но какъ этого достигнуть? Вотъ тутъ-то Калоннъ и выказалъ оригинальный умъ и находчивость.

¹⁾ Monthyon, *Particularités sur les ministres des finances*, p. 277.

²⁾ *Mémoires remis au roi par M. de Calonne*, dans Soulavie, t. VI, chap. II.

³⁾ *Rapport de M. Calonne au roi*.

Такъ какъ реформа монархіи была необходима, то нужно было добиться того, чтобы высшія государственныя учрежденія согласились на нее, почти пожелали ее, а для этого нужно было сдѣлаться ихъ сообщникомъ, щедро раздѣлить между ними остатки казны, обольстить ихъ, и такимъ образомъ незамѣтно привести ихъ на край пропасти, которая вдругъ открылась бы ихъ взорамъ—такая страшная, такая глубокая, что король, дворянство и духовенство должны были бы сами своими криками ужаса вызвать спасительныя нововведенія.

Когда суровый разночинецъ, женеvскій гражданинъ Неккеръ, сталъ говорить высокоумнымъ дворянамъ о необходимости снизить до уровня третьяго сословія, покориться уравненію съ этимъ сословіемъ въ платежѣ налоговъ, сокращенію пенсій и тому подобное, онъ, очевидно, долженъ былъ оттолкнуть отъ себя дворянство и раздражить привилегію, угрожая ей во имя общаго права. Но если онъ, Калоннъ, бонвиванъ, любитель баловъ и увеселеній, человѣкъ придворный, элегантнѣйшій, чуждый суровости или спеси и столь же порочнѣйшій, какъ и всякій другой изъ его класса, потребуетъ въ одинъ прекрасный день полнаго преобразованія государства, къ нему, конечно, не отнесутся подозрительно, и онъ можетъ сказать привилегированнымъ сословіямъ, послѣ того, какъ доставилъ имъ счастливую грезу: теперь финансы истощились; пиръ конченъ; надо платить или погибнуть.

Таковы были комбинаціи Калонна. Дѣйствуя подобно тѣмъ врачамъ, которые, чтобы вылечить больного, переводятъ болѣзнь изъ хроническаго состоянія въ острое, Калоннъ, вмѣсто того чтобы вооружаться противъ эгоизма высшихъ классовъ, хотѣлъ поощрять его, довести его до бреда, будучи увѣренъ, что настанетъ моментъ, когда эти классы сами подчинятся общему праву по необходимости, ради собственной выгоды, изъ страха.

Не то, чтобы ему дороги были принципы, не то, чтобы онъ обладалъ патріотизмомъ Кольбера или нравственностью Сюлли: нѣтъ, столько добродѣтели не входило въ эту неглубокую душу. Онъ былъ смѣтливъ: вотъ и все. Нужно прибавить, что характеръ его какъ нельзя болѣе подходилъ къ свойству его проектовъ. Занять, имѣть миллионы, расточать ихъ, ослѣплять—ничто лучше не гармонировало съ темпераментомъ пріятнаго жуира. Итакъ, Калоннъ приступилъ къ дѣлу: онъ пошелъ прямо къ своей цѣли, которая состояла не въ томъ, чтобы,

какъ думали, доставить вельможамъ минуту счастья, а въ томъ, чтобы привести ихъ въ состояніе опьянѣнія и тогда подчинить ихъ себѣ¹⁾.

Да и какимъ другимъ путемъ могъ онъ слѣдовать? Экономничать? Открывая королевскую казну, гдѣ онъ нашель, по его словамъ, только два мѣшка въ 1200 ливровъ²⁾, онъ не могъ ошибиться насчетъ бухгалтерскихъ фокусовъ неккеровскаго Отчета. Не только Неккеръ не могъ превратить дефицитъ, оставленный его предмѣстникомъ Ключьи въ избытокъ доходовъ, достигавшій якобы десяти милліоновъ, но ему невозможно было даже заполнить прежнюю пустоту казны при тѣхъ огромныхъ расходахъ, которыхъ требовала американская война. Что касается преемниковъ Неккера, Флѣри и д'Ормессона, то они прибавили новые займы къ 530 милліонамъ³⁾, занятымъ Неккеромъ. Флѣри извлекъ всего только 25 милліоновъ изъ налога новыхъ су съ ливра, а третья двадцатая доля доставила д'Ормессону только 21 милліонъ.

Слѣдовательно, за вычетомъ сейчасъ упомянутыхъ 46 милліоновъ, дефицитъ во время министерствъ Флѣри и д'Ормессона неизбѣжно увеличился.

Калоннъ долженъ былъ смотрѣть на экономію какъ на затасканное средство. Ему не оставалось ничего болѣе, какъ увеличить, такъ сказать, опасность, чтобы поставить окружающихъ его въ необходимость принятія крайнихъ рѣшеній.

Онъ дебутируетъ займомъ въ 100 милліоновъ⁴⁾. И вотъ милости, щедроты начинаютъ сыпаться золотымъ дождемъ на изумленныхъ и восхищенныхъ царедворцевъ. Возстанавлиютъ *croupes*, доли участія въ откупахъ и казенныхъ монополіяхъ. Даютъ пожизненные пенсіи не имѣвшимъ ихъ ранѣе и вѣчныя пенсіи имѣвшимъ прежде только пожизненные. Генералъ-контролеръ государственнаго казначейства (министръ финансовъ) принималъ просителей съ распростертыми объятіями и отпускалъ ихъ съ полными руками; а нѣкоторые даже были упреждаемы въ своихъ желаніяхъ. Весь Парижъ зналъ, что Калоннъ

¹⁾ Стоитъ только вдуматься въ смыслъ докладной записки Калонна королю.

²⁾ *Memoire de Calonne au roi.*

³⁾ Въ брошюрѣ, написанной въ отвѣтъ Калонну, Неккеръ исчисляетъ общую цифру своихъ займовъ въ 530 милліоновъ.

⁴⁾ Monthyon, *Particularités sur les ministres des finances*, p. 277.

однажды послалъ нѣкоторымъ дамамъ фисташки, завернутыя въ билеты учетной кассы. Угодливость была возведена въ систему, и послѣднимъ средствомъ управленія, примѣнявшимся французской монархіей, было сумасбродство.

Впрочемъ, обаяніе личности соединялось у Калонна съ могуществомъ человѣка, занимающаго высокій постъ. Его высокій ростъ, изящество манеръ, подвижность пріятнаго, отличавшагося тонкими чертами, лица ¹⁾ привлекли къ нему симпатіи большого свѣта. Царедворцы повторяли его остроты, находя его тѣмъ болѣе умнымъ, что онъ смѣялся надъ экономіей и издѣвался надъ кредиторами государства почти такъ же, какъ и надъ своими собственными. Онъ, однако, сумѣлъ уплатить свои долги изъ собственныхъ средствъ Людовика XVI, которому въ первый же день небрежно признался, что его личный пассивъ простирается до 220.000 ливровъ. Король, не говоря ни слова, досталъ изъ своей шкатулки эту сумму въ билетахъ водопроводнаго предпріятія и вручилъ ее новому министру: вѣрный образъ системы, по которой собирались управлять финансами государства.

Черта, рисующая духъ двора: двусмысленная репутація Калонна послужила ему почти лучше, чѣмъ это могли бы сдѣлать его заманчивыя обѣщанія и обширность его предполагаемыхъ талантовъ. Флѣри и д'Ормессонъ вышли изъ министерства, особенно послѣдній, съ репутаціей неспособности и вмѣстѣ съ тѣмъ честности. И вотъ, видя неспособность, соединенную съ честностью, привыкли смѣшивать ихъ, считали ихъ неразлучными, по крайней мѣрѣ между царедворцами; и въ глазахъ тѣхъ, которые говорили, съ улыбкой на устахъ: *избави насъ Боже отъ честныхъ людей*, администраторъ съ податливой совѣстью казался выше его честныхъ предшественниковъ.

Вѣрно то, что расточительность Калонна и его непоколебимое спокойствіе импонировали капиталистамъ, которыхъ къ тому же прельщали растовщическіе проценты; и довѣріе, которое Неккеръ заслужилъ своей бережливостью, Калоннъ пріобрѣлъ своей расточительностью. А послѣдствія? Онъ не заботился объ этомъ, такъ какъ предвидѣлъ ихъ. Оттого онъ пользовался займами безпоощадно, неосмотрительно, и какъ будто этотъ ресурсъ

¹⁾ Отрывокъ изъ рукописнаго письма о собраніи нотаблей въ *Correspondance de Grimm*. Nov. 1788.

ничего не стоилъ. Неккеръ занималъ во время войны,—Калоннъ занималъ несмотря на миръ.

Вступивъ въ министерство въ ноябрѣ 1783 г., онъ уже въ декабрѣ открылъ первый заемъ въ 100.000.000 ливр.

Въ слѣдующемъ году онъ занялъ 125.000.000 »

А въ 1785 г. занялъ еще 80.000.000 »

Къ этому нужно прибавить сдѣланные по его почину, за счетъ короля, займы Лангедока, Приморской Фландріи и города Парижа, въ общей суммѣ 49.000.000 »

Посредствомъ расширенія укладкой прежнихъ займовъ, заключенныхъ въ 1781, въ 1782 и даже въ 1770 гг., онъ добылъ . . . 122.900.000 »

Онъ увеличилъ залоги по огкупамъ въ казенныхъ монополіяхъ на сумму 14.000.000 »

Онъ создалъ новыхъ сборовъ на сумму . . . 10.000.000 »

Онъ секретно принудилъ учетную кассу предложить самой залогъ въ 80 милліоновъ, относительно котораго затѣмъ публично выказалъ умѣренность, убавивъ его до 70.000.000 »

Онъ увеличилъ антиципаціи на сумму . . . 79.000.000 »

Итогъ займовъ и чрезвычайныхъ ресурсовъ 650.500.000 ливр.

Эта сумма требовала платежа процентовъ ежегодно ¹⁾ 45.420.000 ливр

Съ этими ресурсами Калоннъ уплатилъ неотложные долги и далъ ходъ своему проекту—прежде всего успокоить націю. Каждый новый эдиктъ принималъ форму объщанія. «Затрудненія казны приближаются къ концу», говорилось во вступленіяхъ къ этимъ эдиктамъ; «свѣтъ и порядокъ скоро водворятся въ нашихъ финансахъ» ²⁾. И какъ было этому не повѣрить? Вѣдь объ этомъ, казалось, говорилъ самъ Людовигъ XVI; это онъ

¹⁾ *Eclaircissements et pièces justificatives pour servir de suite à la requête présentée au roi par M. de Calonne*, p. 63.

²⁾ Эдиктъ 1784 г.: «Мы съ удовольствіемъ признали, что этотъ долгъ легко погашается вѣрными средствами, съ надлежащей постепенностью...» и т. д. Эдиктъ 1785 г.: «Мы имѣемъ удовольствіе быть увѣренными, что съ помощью новаго займа будемъ въ состояніи произвести это полное погашеніе...» и т. д.

показывалъ Франціи счастливыя перспективы. Наконецъ, эта казна, на которую такъ клеветаютъ, развѣ не совершала чудесъ? 136 милліоновъ такъ называемыхъ *acquits de comptant* были израсходованы въ одномъ только 1785 г.¹⁾ Только что купили Рамбуле для короля за 14 милліоновъ, какъ уже спѣшили приобрести Сень-Клу для королевы за 15 милліоновъ²⁾. Калоннъ истратилъ такимъ образомъ 70 милліоновъ, стараясь удовлетворить фантазіи и позолотить общественную нищету. Домъ Божона, Грезиньскій лѣсъ, Шантлу, герцогство Амбуазъ, сеньорія острова Рэ, Иль-Дѣё, отель Буленвилье, отель Парижскаго интендантства, отель управленія казенныхъ монополій и т. д.—таковы были бесполезныя, дорого стоившія приобретения, которыми Калоннъ поддерживалъ иллюзію. Когда онъ не зналъ болѣе, какъ расточать общественное достояніе, онъ принимался обмѣнивать государственныя имущества; и, какъ честный игрокъ, онъ, казалось, считалъ долгомъ вести игру такъ, чтобы государство благородно проигрывало. Аббатъ д'Эспаньякъ получилъ, въ обмѣнъ графства Сансеръ множество имѣній, въ томъ числѣ имѣніе Гаттонъ-Шатель, которое граничило съ помѣстьемъ Ганонвиль, принадлежавшимъ министру и вскорѣ послѣ того присоединеннымъ къ этому помѣстью. Отсюда весьма естественное подозрѣніе въ сообщничествѣ; отсюда ропотъ общественнаго мнѣнія, склоннаго думать, что Калоннъ, щедро одѣляя другихъ, не забывалъ и себя. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ была простая неосторожность; но честность министра должна быть какъ жена Цезаря: недостаточно, чтобы она была безупречна, нужно еще, чтобы она и казалась такой.

Между многочисленными тратами были и полезныя, какъ, наприм., расходы на обустройство Шербургскаго порта; были и смѣшныя; были, наконецъ, и раздражающія. Народъ съ гнѣвомъ смотрѣлъ на воздвигавшіяся стѣны городской огады Парижа и на великолѣпныя заставы, построенныя Калонномъ для помѣщенія при нихъ слишкомъ большого числа сборщиковъ ненавистной пошлыны (*octroi*) съ ввозимыхъ въ городъ жизненныхъ припасовъ³⁾. Одна брошюра, приписываемая гр. Ми-

¹⁾ Bailly, *Hist. financière*, t. II, p. 292.

²⁾ *Mémoires polit. et. historiques*, t. VI, p. 114.—Цѣна Сень-Клу замаскирована въ отчетахъ Калонна и показана только въ 6 милліоновъ.

³⁾ *Mémoires histor. et politiques*, t. VI.

рабо¹⁾, указывала на неприличіе такихъ стѣнъ, памятниковъ рабства, роскошь которыхъ была оскорбленіемъ²⁾. Авторъ заключилъ словами маршала Ноайль: «Я того мнѣнія, что автора проекта слѣдуетъ повѣсить».

Но что всего болѣе возбудило ропотъ противъ Калонна, такъ это переплавка золотой монеты,—операція, однако, безспорно разумная и очень хорошо выполненная, но которая послужила предлогомъ къ ненависти³⁾ и которую историки нашихъ дней, по недостаточному знакомству съ дѣломъ, объявили позорной для памяти Калонна. Нужно выяснитъ этотъ историческій пунктъ нашихъ финансовыхъ лѣтописей.

Со времени открытія золотыхъ рудниковъ въ Америкѣ относительная цѣнность золота стала постепенно превышать цѣнность серебра. До 1726 г. марка (8 унцій) золота стоила 10 марокъ серебра. Въ 1726 г., къ которому относится послѣдняя переплавка во Франціи, цѣнность марки золота поднялась до 14 марокъ 5 унцій серебра. Это повышеніе въ сравнительной цѣнности золотыхъ монетъ было значительнѣе въ Португаліи, въ Англіи и особенно въ Испаніи, гдѣ въ 1779 г. цѣнность марки золота приравняли 15 маркамъ 7 унціямъ серебра.

Исправленіе, сдѣланное Испаніей, наносило ущербъ Франціи, поощряя въ ней безмѣрно вывозъ золота. Въ самомъ дѣлѣ, марка золота, стоившая во Франціи только 14 марокъ 5 унцій серебра, будучи перевезена въ Испанію, доставляла экспортеру 15 марокъ 7 унцій. Чтобы остановить этотъ вывозъ и въ то же время дать государству возможность пользоваться выгодами торговаго повышенія золота въ Европѣ, Калоннъ рѣшилъ приравнять цѣнность нашей марки золота 15 маркамъ 4 унціямъ серебра, т. е. увеличить ее на одну пятнадцатую. Вслѣдствіе этого, эдиктомъ, изданнымъ въ октябрѣ 1785 г., повелѣно было произвести переплавку золотой монеты; всѣ находящіеся въ обращеніи луидоры велѣно было представить на монетный дворъ

1) Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXXIV, p. 198.

2) *Réclamation d'un citoyen contre la nouvelle enceinte de Paris, élevée par les fermiers généraux*. См. предисловіе.

3) Большая часть обвиненій, направленныхъ противъ этого министра, были почерпнуты въ брошюрѣ, напечатанной въ 1788 г. подъ заглавіемъ *M. de Calonne tout entier*. Но авторъ этой брошюры, Карра, самъ объясняетъ мотивы своей ненависти къ Калонну: «Докладъ о наградахъ состоялся 31 іюля 1786 г., и я не былъ въ него включенъ». Глава II, стр. 18.

для перечеки, которая дала изъ марки золота 32 луидора, тогда какъ прежде ихъ получалось только 30. Это значило выигрывать два луидора на тридцать, или одну пятнадцатую ¹⁾. Такимъ образомъ на каждомъ изъ прежнихъ луидоровъ въ 24 ливра получалось барыша 1 ливръ 12 су.

При прежнихъ перечекикахъ король присвоивалъ себѣ весь барышъ: этимъ разомъ публика была допущена къ дѣлежу. Получили луидоры по курсу 25 ливровъ, и въ пользу короля предоставили только 12 су съ луидора, изъ которыхъ еще нужно было вычесть издержки выдѣлки и неизбѣжный при ней угаръ металла. Но въ то время, какъ получалась значительная выгода на вѣсѣ, пришлось понести небольшую потерю на пробѣ, обозначающей степень чистоты монетъ. И вотъ какимъ образомъ:

Законная проба нашей монеты была опредѣлена въ 22 карата. Но такъ какъ золото, совершенно очищенное, было въ 24 карата, то законъ, значитъ, разрѣшалъ примѣсь 2 каратовъ лигатуры; другими словами—онъ дозволялъ только приплавъ двухъ частей мѣди на 22 части чистаго золота. Однако, такъ какъ очень трудно сдѣлать такой сплавъ съ совершенной точностью, то допустили, подъ именемъ *remediu*, терпимости, которая была опредѣлена, въ среднемъ, въ $11/32$, т. е. что чеканъ считался хорошимъ, когда проба луидоровъ разнилась не болѣе, какъ на $11/32$ отъ предписаннаго закономъ содержанія чистаго золота ²⁾. Луидоръ, слѣдовательно, долженъ былъ имѣть пробу въ $21^{21/32}$ карата.

Согласно обычаю, хотѣли и должны были узнать истинную пробу предназначенныхъ къ переплавкѣ луидоровъ. Съ этой цѣлью соединили извѣстное количество золотыхъ монетъ, отчеканенныхъ на разныхъ монетныхъ дворахъ королевства, и сплавили изъ нихъ слитки, проба которыхъ была тщательно опредѣлена ³⁾. Оказалось, что проба прежнихъ луидоровъ была слишкомъ мала, что въ ней недоставало четырехъ тридцать вторыхъ чистаго золота, и потому приказано было прибавить

¹⁾ Карра говоритъ «одну шестнадцатую», въ *Colonne tout entier*; и это не единственная ошибка въ этомъ памфлетѣ. См. chap. X, p. 219.

²⁾ Necker, *Administration des finances*, t. III, p. 45 et suiv.—Неккеръ указываетъ только самую малую терпимость. Она была отъ $10/32$ до $12/32$, или $11/32$, въ среднемъ.

³⁾ *Requête au roi par M. de Calonne*, p. 33.

эти недостающіе $\frac{4}{32}$ къ каждой перечеканкѣ, чтобы привести всю новую монету къ общей и однообразной нормѣ $21^{\frac{21}{32}}$ каратовъ.

Прибавка этой части чистаго золота въ перечеканенную монету стоила около трехъ милліоновъ, которые взяли изъ предоставленной королю прибыли въ 12 су съ луидора, что было вполнѣ справедливо, такъ какъ эта недостача пробы существовала лишь по винѣ прежнихъ чеканщиковъ. Точно также изъ 20 су, назначенныхъ въ пользу владѣльцевъ луидоровъ, вычитали за потерю въ вѣсѣ, которую переканиваемая монета испытала отъ тренія или вслѣдствіе злоумышленной порчи, такъ что выгода владѣльца свелась въ среднемъ къ 15 су.

Всего было представлено на монетные дворы около 900.000 марокъ золота. Это была только половина общаго количества луидоровъ, отчеканеннаго съ 1726 г., изъ чего слѣдовало, что другая половина исчезла изъ обращенія, благодаря выгодѣ вывоза золотой монеты за границу.

Такова была операція перечековки. Она доставила частнымъ лицамъ 20 милліоновъ, а казнѣ 7 милліоновъ прибыли; кромѣ того, она исправила пробу золотой монеты и оградила Францію въ будущемъ отъ убытковъ, которые она несла въ международномъ торговомъ обмѣнѣ.

Однако, враги Калонна и тутъ нашли поводъ къ скандалу. Они начали съ того, что стали отрицать существованіе низшей пробы въ старой монетѣ, а слѣдовательно, и необходимость прибавки чистаго золота при переплавкѣ; и они обвиняли министра въ обманномъ присвоеніи показанной стоимости этой прибавки, не имѣвшей мѣста. Обвиненіе это трудно было поддерживать, ибо для этого нужно было или отрицать достовѣрные акты, или распространить сообщничество въ обманѣ и кражѣ на главнаго прокурора монетнаго суда, на главнаго пробирнаго инспектора, наконецъ, на всѣхъ пробиреровъ. Къ несчастію, одно случайное обстоятельство придало вѣроятіе подозрѣнію. Директоръ страсбургскаго монетнаго двора Бажерле былъ старъ и съ давняго времени хворалъ. Его помощникъ не сдѣлалъ предписанной прибавки чистаго золота для доведенія пробы до законной нормы, но цѣнность прибавки помѣстилъ въ счетахъ, и обманъ былъ открытъ. Тѣмъ временемъ Бажерле умеръ, и распространился слухъ, что совершенная его помощникомъ

кража была разрѣшена конфиденціальнымъ письмомъ министра. Тщетно Калоннъ выказалъ величайшую строгость противъ проворовавшагося пробирера, тщетно требовалъ отъ своихъ обвинителей доказательствъ, противопоставляя ихъ клеветѣ свидѣтельство сына Бажерле, совѣтника въ нансійскомъ парламентѣ, челоуѣка, достойнаго уваженія¹⁾,—общественное мнѣніе не было обезоружено: Калоннъ несъ кару за свою дурную репутацію.

Между тѣмъ насталъ день, предвидѣнный министромъ, день рѣшительный, когда монархія, разоренная въ конецъ, должна была считать себя почти счастливой найти, какъ послѣдній шансъ спасенія, свое собственное дѣло подлежащимъ разрушенію.

Въ запискѣ, поданной Людовику XVI въ концѣ 1785 г., Калоннъ изложилъ свои планы. И каково должно было быть удивленіе короля! Вчерашній безстыдный расточитель вдругъ заговорилъ языкомъ Тюрго, превзошелъ въ суровости Неккера. Очаровательный сумасбродъ, бросавшій золото пригориньями, внезапно исправился и предлагалъ уже не пальятивныя средства, а радикальныя рѣшенія²⁾. Онъ представилъ Людовику XVI внушительную картину его королевства, требующаго коренной передѣлки. Гдѣ существуетъ раздѣленіе, тамъ нужно ввести единство. Провинціи слѣдуютъ различнымъ законамъ: нужно привести ихъ къ однообразному принципу. Онѣ раздѣлены таможняи: нужно снять эти внутреннія заставы и отодвинуть ихъ до границы королевства. Государственныя области имѣютъ привилегію представительства: нужно уничтожить эту привилегію и примѣнить ко всей Франціи *форму національныхъ совѣщаній*³⁾. Поземельный налогъ взимается только съ недворянскихъ земель: нужно распространить его безъ всякаго исключенія на всѣ земли короля, дворянъ, духовенства, и платежъ деньгами замѣнить платежомъ натурой. Народъ обремененъ налогами: нужно уменьшить подушную подать, убавить цѣну соли, отмѣнить навсегда натуральную повинность... Однимъ словомъ—не должно быть никакихъ привилегій, никакихъ отличій, никакого раздробленія: пусть будетъ повсюду справедливость,

¹⁾ См. *Pièces justificatives, publiées à la suite de la requête au roi.*

²⁾ См. *Mémoire de M. Calonne au roi* о необходимости созыва нотаблей.

³⁾ *Mémoire de M. de Calonne au roi*, § 1.

повсюду единство. Это было какъ бы резюме идей Вобана взглядовъ Тюрго и проектовъ Неккера.

Такое преобразование монархіи не могло быть представлено на одобрение парламента. При одномъ словѣ о равномѣрномъ распредѣленіи общественныхъ тягостей высшіе судебныя чины, *les nobles de robe*, какъ ихъ называли, пришли бы въ ярость. Къ тому же Калоннъ обмѣнялся къ первымъ президентомъ столь рѣзкими и оскорбительными рѣчами, что отношенія министра и магистратуры непоправимо испортились, такъ какъ эта личная распря обратилась въ дѣло правительства¹⁾. Такимъ образомъ возникалъ горячій, неизбѣжный вопросъ о генеральныхъ штатахъ или государственныхъ чинахъ. Пока ограничались созывомъ собранія нотаблей.

Списокъ былъ составленъ втихомолку и составленъ искусно. Въ собраніи должны были участвовать представители дворянства, парламента, духовенства и третьяго сословія. Но числа были скомбинированы такъ, чтобы каждое изъ предвидѣнныхъ сопротивленій было обречено, взятое отдѣльно, на численную слабость. Такъ, напримѣръ, духовенству, привилегіи котораго собирались отмѣнить, предоставлено было прислать, въ качествѣ представителей, только 14 епископовъ и 4 священниковъ, тогда какъ отъ третьяго сословія назначены были представителями мэры 25 главныхъ городовъ королевства: Парижа, Ліона, Марселя, Бордо, Руана, Тулузы, Страсбурга, Лилля, Нанта, Меца, Нанси, Реймса, Буржа, Лиможа, Орлеана, Тура, Монпелье, Монтобана, Кана, Амьена, Байоны, Шалона, Валансьена, Клермона, Труа.

Секретъ былъ хорошо сохраненъ; сама королева испытала униженіе быть исключенной изъ числа посвященныхъ въ тайну. Объявленіе о созывѣ нотаблей было сюрпризомъ для всѣхъ. Калоннъ думалъ, что всеобщее удивленіе въ этомъ случаѣ будетъ шансомъ успѣха, такъ какъ придастъ неожиданной мѣрѣ значеніе рѣшительнаго шага, важность государственнаго переворота. Настала пора испытать, желаетъ ли монархія и можетъ ли быть спасенной.

Прибывшіе въ Версаль наканунѣ 29 января 1787 г. нотабли не были собраны въ день, назначенный королевскими грамотами. Безъ объясненія причины, безъ извиненія, имъ предоставили

¹⁾ Monthyon, *Particularités sur les ministres des finances.*

бродить по городу, въ самый разгаръ зимы, и уже молва извѣщала ихъ о послѣдовательныхъ отсрочкахъ—сначала до 7 февраля, затѣмъ до 14 и, наконецъ, до 22. Знали смутно, что министры больны, что Верженнъ лежитъ при смерти, и что, ведя жизнь такъ же, какъ онъ управлялъ финансами, Калоннъ растратилъ свое здоровье въ удовольствіяхъ. Слухи эти были основательны. Калоннъ, такъ же истощенный, какъ и казна, не былъ готовъ ни 29 января, ни 7, ни 14 февраля, такъ какъ не могъ кончить ни къ одному изъ этихъ сроковъ многочисленныхъ записокъ, гдѣ, подъ именемъ реформъ, онъ развивалъ планъ переворота, который долженъ быть пущенъ на голоса.

Въ ночь на 12 февраля Верженнъ скончался, и смерть этого вѣрнаго и способнаго министра глубоко опечалила Людовика XVI, который, едва имѣя столько силъ, сколько нужно было для мирнаго царствованія, смотрѣлъ не безъ страха на предстоящую королевской власти борьбу. Приѣхавъ на кладбище, гдѣ только что похоронили Верженна, онъ растрогался, и окружающіе слышали, какъ онъ пробормоталъ слѣдующія слова: «Какъ былъ бы я счастливъ покоиться рядомъ съ тобой!»¹⁾

22 февраля 1787 г., въ залѣ des Menus, той самой, гдѣ два года спустя происходили засѣданія государственныхъ чиновъ, Людовикъ XVI открылъ незначашей рѣчью собраніе нотаблей. Что касается Калонна, то онъ былъ въ своей рѣчи колокъ, остроумень, смѣлъ и развязенъ. Онъ сдѣлалъ собранію какъ бы общую исповѣдь о положеніи дѣлъ; онъ сказалъ, что, вступая въ управленіе министерствомъ финансовъ, онъ нашелъ кассы пустыми, довѣріе исчезнувшимъ, нашелъ 604 милліона долговъ и ежегодный дефицитъ въ 80 милліоновъ¹⁾. Онъ не жалѣлъ похвалъ самому себѣ и увѣрялъ, что имъ все исправлено: деньги въ изобиліи, кредитъ вернулся, долги, вызванные войной, заплачены и даже уплата рентъ, съ давняго времени запаздывавшая, снова приведена къ самому дню сроковъ. За яркимъ изображеніемъ этихъ контрастовъ слѣдовали смѣлые парадоксы, и, подъ прозрачной тканью намека, Калоннъ провелъ между собой и Неккеромъ параллель, гдѣ претензія администратора была, впрочемъ, только нахальствомъ дворянина. Онъ различалъ два рода экономіи: одна—мелочная, отгалкивающая, отгоняющая просителей своимъ суровымъ видомъ;

¹⁾ *Mémoires hist. et politiques*, t. VI, p. 132.

другая—изобрѣтеніе которой онъ, кажется, приписывалъ себѣ—благородная, великая, любезная даже въ своихъ строгостяхъ, позволяющая считать скорѣе ея отказы, чѣмъ ея милости, и клеветущая сама на себя кажущейся доступностью, которую злонамѣренные люди ославили расточительностью.

О точной цифрѣ дефицита и о важномъ вопросѣ, нужно ли къ констатированнымъ уже 80 милліонамъ прибавить проценты по огромнымъ займамъ, заключеннымъ во время министерствъ Неккера, Флѣри, д'Ормессона и его собственнаго, Калоннѣ избѣгалъ объясниться. Дефицитъ? Онъ существовалъ искони вѣковъ; онъ возрасталъ изъ года въ годъ: одно только управленіе Неккера увеличило его на 40 милліоновъ; и ему, Калонну, предстояло заполнить ужасающую пустоту... И, начертавъ такимъ образомъ генеалогію дефицита, онъ прибавилъ, чтобы освѣтить все однимъ словомъ, что *съ 1776 до конца 1786 года, въ десять лѣтъ, было занято милліардъ двести пятьдесятъ тысячъ.*

Завѣса была поднята; иллюзія, произведенная въ Европѣ неkkerовскимъ *Отчетомъ*, сразу исчезала; министръ, подписавшій этотъ знаменитый отчетъ, государь, дозволившій его напечатать, хранитель государственныхъ печатей Миромениль и графъ Верженнъ, удостовѣрившіе его точность, оказывались заподозренными въ незнаніи или въ обманѣ. Скандаль подобнаго опроверженія былъ, однако, не такъ великъ, какъ изумленіе нотаблей въ виду появленія дефицита, глубину котораго едва осмѣливались измѣрять; тревога собранія удвоилась, когда, переходя къ средствамъ остановить это не опредѣленное точно зло, Калоннѣ объявилъ, что бережливость совершенно недостаточна и что невозможно постоянно занимать или увеличивать налоги. Какое же было радикальное лѣкарство? Чтобы заполнить пропасть, чтобы возстановить финансы, чтобы оживить монархію, чтобы продолжать жить, наконецъ, что остается?.. **Злоупотребленія.** Да, злоупотребленія; и, поясняя вѣрную мысль, облеченную въ форму остроты, Калоннѣ воскликнулъ, какъ могъ бы это сдѣлать народный трибунъ:

«Злоупотребленія имѣютъ защитниками личную выгоду, кредитъ, богатство и старинные предрасудки, освященные временемъ; но что можетъ пустое уваженіе, которымъ они пользуются, противъ общей пользы и нуждъ государства?.. Злоупотребленія, которыя теперь необходимо уничтожить,—это злоупотребленія самыя значительныя, наиболѣе покровительствуемыя:

такія, существованіе которыхъ ложится бременемъ на производительный и трудящійся классъ; злоупотребленія денежныхъ привилегій, *исключенія изъ общаго закона* и столько несправедливыхъ изъятій, которыя не могутъ освобождать часть плательщиковъ иначе, какъ отягчая другихъ»¹⁾).

Никогда еще подобныя слова не отдавались въ ушахъ короля Франціи, и здѣсь Калоннъ произнесъ ихъ лишь послѣ того, какъ заявилъ, что «эти взгляды вполне усвоены королемъ»²⁾).

Легко угадать, какое положеніе должны были занять нотабли, когда они увидѣли передъ собой возстающими два образа, одинаково несносные: съ одной стороны—дефицитъ, съ другой—реформы. Дефицитъ—онъ былъ неизвѣстенъ; ибо сознавались только въ цифрѣ 80 милліоновъ и не договаривали послѣдняго слова. Реформы—онѣ внушали страхъ; ибо это значило разорвать древній пергаментъ привилегій при этомъ преобразованіи монархіи, въ которомъ вдругъ будутъ смѣшаны плебеи съ аристократами, міряне съ духовными. Калоннъ укрылся за волю короля; но это именно и задѣло за живое нотаблей, особенно духовенство, которому грозила главная атака. «Не значитъ ли это издѣваться надъ націей,—рѣзко воскликнулъ архіепископъ нарбонскій,—не значитъ ли это принимать ея представителей за барановъ, когда собираютъ ихъ для того, чтобы получить ихъ санкцію для дѣла, уже окончательно рѣшеннаго?»³⁾

Это была прелюдія грозъ, собиравшихся противъ Калонна. Въ собраніи, куда дворяне принесли съ собой только опытность въ военномъ дѣлѣ, а члены парламента—только знаніе судебной процедуры, вліяніе, даваемое умѣньемъ владѣть словомъ, принадлежало естественно Буажеленамъ, Сисе, Ломени-де-Бриенамъ, краснорѣчивымъ прелатамъ, которые, поучая слову Божію, приобрѣли навѣкъ въ обсужденіи своихъ собственныхъ дѣлъ.

Первая записка, касавшаяся провинціальныхъ собраній, была принята хорошо; но когда дѣло дошло до второй записки, министръ могъ замѣтить, что она задѣла большое мѣсто. Примѣнить поземельный налогъ ко всѣмъ землевладѣльцамъ безъ различія! Нотабли встревожились и поспѣшили перенести вопросъ

¹⁾ Рѣчь Каллона, въ *Procès-verbal de l'Assemblée des notables* (1787), p. 72.

²⁾ *Procès-verbal de l'Assemblée des notables*, p. 56.

³⁾ *Mémoires secrets de Bachaumont*, t. XXXIV, p. 196.

на почву дефицита, пожелавъ узнать, прежде чѣмъ приступить къ совѣщанію, статьи прихода и расхода.

Калоннъ былъ пораженъ столь дерзкимъ требованіемъ. Однако, скрывая свою досаду, онъ согласился *сообщить* свѣдѣнія о состояніи финансовъ комиссіи изъ 42 членовъ. Это умолчаніе показалось оскорбительнымъ; рѣчи обострились, разгорѣлась ссора. Тщетно Калоннъ выказалъ много хладнокровія и тонкаго краснорѣчія,—пришлось придти къ цифрамъ, пришлось сознаться, что дефицитъ составляетъ не 80, а 112 милліоновъ ¹⁾.

Такъ, маневромъ, болѣе ловкимъ, чѣмъ лояльнымъ, нотабли отодвинули въ тѣнь вопросъ о реформахъ и обратили взоры на призракъ дефицита.

Справедливость требуетъ прибавить, что, если нотабли боялись наступленія свободы, то по крайней мѣрѣ они говорили ея языкомъ; что если они заботливо устраняли пугавшія ихъ задачи, то по крайней мѣрѣ они признавали и привѣтствовали въ томъ, что онъ имѣлъ неопредѣленнаго и смутнаго, принципъ равенства. Впрочемъ, было вполне естественно, что, прежде чѣмъ дать новые ресурсы всепожирающей администраціи, у нея потребовали ея балансъ.

Вотъ что, повидимому, поразило общественное мнѣніе, и вмѣсто того, чтобы порицать оппозицію нотаблей, оно старалось поощрять ее. Чтобы лучше возбудить ихъ самолюбіе и подстрекнуть ихъ къ сопротивленію, ихъ стали называть *notés* ²⁾ (отмѣченные), — ироническій намекъ на пассивную роль, которую имъ предназначалъ министръ; прозвище *френадеры нотаблей* было дано членамъ бюро или отдѣленія, въ которомъ председательствовалъ принцъ Коити ³⁾, за ихъ энергическую оппозицію планамъ Калонна; а податливыхъ сравнивали съ тѣми китайскими куклами, единственная функція которыхъ—кивать головой въ знакъ согласія ⁴⁾.

Что касается Калонна, то, не взирая на смѣлый и популярный оборотъ его инициативы, онъ былъ преслѣдуемъ насмѣш-

¹⁾ *Mémoires secrets de Bachaumont*, t. XXXIV, p. 221.—Калоннъ впоследствии опредѣлялъ этотъ дефицитъ въ 115 милліоновъ. См. его отвѣтъ Некеру, стр. 90.

²⁾ *Mémoires de Fleury*.

³⁾ Собраніе нотаблей было раздѣлено на семь бюро, председательствуемыхъ каждое принцемъ крови.

⁴⁾ *Mémoires secrets de Bachaumont*, t. XXXIV.

ками. Парижская публика, всегда готовая посмѣяться, даже надъ собственной бѣдой, любила повторять придуманныя шутниками показанія тогдашняго политическаго барометра: «король—*лсно*; министерство—*перемьно*; Калоннѣ—*бурл*; нація—*великая сушь*» ¹⁾. Королева, которую предполагали участвующей въ извѣстной расточительности, тоже подвергалась ѣдкимъ сарказмамъ: когда она ѣхала въ оперу, народъ громко говорилъ: «Вотъ ѣдетъ мадамъ *Дефшицтѣ*» ²⁾.

Но это былъ лишь одинъ изъ видовъ агитаціи. Разсыпанная мириадами блестящая французская остроумія, собраніе нотаблей давало пищу и болѣе серьезнымъ мыслямъ. Духъ оппозиціи закалялся въ этихъ дебатахъ, шумъ которыхъ продолжалось и увеличивало эхо салоновъ. Книжки Неккера, отличавшіяся основательнымъ знаніемъ предмета, ясностью изложенія и трезвостью взглядовъ, ввели въ моду разсужденія о важныхъ матеріяхъ, такъ что говорить о финансахъ было тогда вѣрнымъ средствомъ прослыть умникомъ. Случай представлялся прекрасный, соблазнительный; и въ саду Пале-Рояля раздавалось больше рѣчей, чѣмъ сколько ихъ когда-либо слышало лондонское Сити.

Король, между тѣмъ, удивлялся, что встрѣтилось неожиданно столько препятствій, и давалъ волю грубымъ вспышкамъ своего гнѣва или стenanіямъ своей слабости. То ходилъ слухъ, что онъ проливалъ слезы, то, что онъ подписалъ 33 бланка опальныхъ грамотъ (*lettres de cachet*), чтобы избавиться отъ самыхъ неугомонныхъ членовъ собранія ³⁾. Вѣрно то, что, переходя отъ раздраженія къ вялости, онъ попеременно то горячился, то смягчался. Когда нотабли доложили ему о точной, провѣренной ими, цифрѣ дефицита, онъ пришелъ въ ярость, схватилъ стулъ и со всею силой ударилъ имъ объ полъ, вскричавъ: «*Этотъ плутъ Калоннѣ! Онъ заслуживалъ бы того, чтобы я велѣлъ его повѣсить!*» ⁴⁾. И, однако, въ глубинѣ души король любилъ его, этого Калонна, и гнѣвъ его въ этомъ случаѣ служилъ только къ тому, чтобы замаскировать его негодованіе на несговорчивость нотаблей. Онъ созвалъ ихъ въ качествѣ, такъ сказать, семейнаго совѣта монархія: могъ ли онъ ожидать, что встрѣтитъ повелительный

¹⁾ Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXXIV, p. 196.

²⁾ *Mémoires histor. et politiques du règne de Louis XVI*, t. VI, p. 171.

³⁾ Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXXV, p. 13.

⁴⁾ *Mémoires histor. et politiques*, t. VI, p. 169.

тонъ и почти угрозы выговора тамъ, гдѣ онъ надѣялся найти только почтительное согласіе?

Калоннѣ сдѣлалъ тогда расчетъ, который въ другое время былъ бы вѣренъ. Чувствуя, что въ глазахъ народа онъ олицетворяетъ потерянные милліоны, онъ пытался вернуть къ вопросу о реформахъ общественное вниманіе, отвлеченное преслѣдованіемъ дефицита; онъ напечаталъ всѣ записки, представленныя имъ нотаблямъ, и присоединилъ предисловіе, гдѣ говорилъ: «Привилегіи приносятся въ жертву?.. Да: этого требуютъ справедливость и нужды государства. Безъ сомнѣнія, платить будутъ больше, но кто? Тѣ, кто платитъ теперь меньше, чѣмъ слѣдуетъ». Это изданіе было выпущено въ огромномъ количествѣ экземпляровъ; Калоннѣ наводнилъ имъ Парижъ и провинцію. Чтобы лучше распространить его, онъ разослалъ его приходскимъ священникамъ ¹⁾ и, отклоняя такимъ образомъ на злоупотребленія бурю, грозившую ему самому, онъ, казалось, доносилъ публикѣ на сопротивленіе, мѣшавшее королю сдѣлать полезное для блага государства. Это была настоящая апелляція къ народу.

Но по одной изъ тѣхъ непослѣдовательностей общественнаго мнѣнія, странность которыхъ только кажущаяся и относится къ глубокимъ причинамъ, случилось такъ, что Калоннѣ имѣлъ противъ себя въ особенности тѣхъ, чье дѣло онъ защищалъ. Предаваясь расточительности, ненавистной народу, онъ былъ менѣе непопуляренъ, чѣмъ тогда, когда настаивалъ на необходимости реформъ, страстно желаемыхъ народомъ. Яркій признакъ величія подготовлявшихся событій! Поразительное доказательство того, что, въ умахъ, нравственная сторона требуемыхъ улучшеній преобладала надъ стороною матеріальной и вульгарной! Чтобы революція вспыхнула по сигналу, данному скептикомъ, расточителемъ, слишкомъ податливымъ казначеемъ графа д'Артуа, циничнымъ данникомъ будуаровъ Трианона, — это было бы уже чѣмъ-то страннымъ; но чтобы перерожденіе Франціи было сведено къ дѣлу финансоваго управленія; чтобы почтеніе, должное идеѣ справедливости, явилось въ формѣ административнаго мѣропріятія, — это было историческимъ скандаломъ. И нація благородно отказалась подписаться подъ этимъ. Она не желала ни почина Калонна, ни его штемпеля, ни поддѣльной смѣси, кото-

¹⁾ *Mémoires de Besenval*, t. II, p. 218.

рая, въ его планахъ, уничтожала величіе выставляемыхъ принциповъ.

Что же оставалось министру, чтобы удержаться на своемъ посту? Отъ усталости Людовикъ XVI покинулъ его; нотабли питали къ нему ненависть, которую недавній доносъ, направленный противъ нихъ, измѣнился въ ярость; общественное мнѣніе наконецъ требовало новаго министерства.

8 апрѣля, въ первый день Пасхи, *клубъ политиковъ* получилъ запечатанный пакетъ съ надписью не вскрывать его до одиннадцати часовъ вечера ¹⁾. Когда пробилъ указанный часъ, пакетъ вскрыли и нашли тамъ сочиненіе безъ заглавія, служащее отвѣтомъ на утвержденія Калонна о неточности неккероваго *отчета*. Зная, что въ десять часовъ Калоннъ долженъ подать въ отставку, и опасаясь, чтобы его, автора, не заподозрили въ содѣйствіи паденію соперника, Неккеръ хотѣлъ назначить опредѣленную дату появленію своей книги.

На слѣдующій день узнали въ Парижѣ, что Калоннъ низвергнуть, и съ жадностью набросились на книгу Неккера. Какъ ни искусна была защита бывшаго министра финансовъ, она не могла быть и не была доказательной. Но достоинство его рѣчи, искусственная ясность его расчетовъ, гдѣ милліоны, казалось, повиновались его волѣ и строились въ убѣдительныя колонны, смотря по надобности, все это ослѣпило парижанъ, и они поспѣшили найти Неккера правымъ, стораая нетерпѣніемъ признать Калонна неправымъ. Людовикъ XVI, недовольный шумомъ, который надѣлала даже въ Версали популярность Неккера, послалъ ему *lettre de cachet*, изгонявшее его за сорокъ лье отъ столицы ²⁾; но король испыталъ униженіе видѣть, какъ весь Парижъ окружалъ почетомъ автора *отчета*, такъ что между поспѣтителями, приходившими засвидѣтельствовать свое почтеніе изгнаннику, замѣтили самаго вліятельнаго изъ нотаблей, кандидата на вакантный постъ министра финансовъ, Ломени-де-Бриенна ³⁾.

Тогда какъ Неккеръ удалялся медленно изъ столицы, гордый преслѣдованіемъ, довершавшимъ его славу, Калоннъ, въ

¹⁾ Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXXIV, p. 344.

²⁾ M-me de Staël, *Considérations sur la Révolution française*.—Дочь Неккера, впрочемъ, ошиблась, относя изгнаніе ея отца ко времени, предшествовавшему паденію Калонна. См. ея книгу, т. I, стр. 116 и 117.

³⁾ *Ibidem*.

свою очередь, проѣзжалъ королевство, преслѣдуемый изъ дорога въ городъ и шиканьемъ толпы ¹⁾ и королевскими lettres de cachet, изгонявшими сначала въ Берни, затѣмъ во Фландрію затѣмъ въ Лотарингію, не унывающей и бравирующей превратности судьбы, всегда тотъ же, всегда такой же шутникъ, и повторяющій потихоньку, что онъ согласенъ быть повѣшеннымъ, *если августейшіе сообщники составятъ ему компанію* ¹⁾.

ГЛАВА VI.

Предшествованіе генеральныхъ штатовъ.

Ломени-де-Бриеннъ.—Онъ распускаетъ собраніе нотаблей.—Физиономія принцевъ въ этомъ собраніи.—Планы графа Прованскаго.—Требуютъ созыва генеральныхъ штатовъ.—Королевская власть въ борьбѣ съ парламентами.—Реформа различныхъ отдѣловъ королевской охоты.—Насмѣшки націи.—Бурная сцена между герцогомъ Куавьи и Людовикомъ XVI.—Королевское засѣданіе (Lit de justice) парламента 6 августа 1787 г.—Глашатаи.—Робертъ де Сепъ-Венсанъ.—Парламентъ въ Труа.—Переговоры.—Памятное засѣданіе 19 ноября 1787 г.—Король обѣщаетъ созвать генеральные штаты.—Д'Эпремениль.—Ссылка герцога Орлеанскаго.—Ночь 4 мая.—Королевское засѣданіе 8 мая.—Смуты.—Паденіе Бриенна и вторичный призывъ Неккера.—Судьба Людовика XVI.

Ничто не удавалось монархіи: расточительность Калонна такъ же мало имѣла успѣха, какъ и бережливость Неккера. Король видѣлъ обратившимися противъ него не только тѣ реформы, которыхъ онъ боялся, но даже и тѣ, которыя онъ самъ предлагалъ. Непобѣдимая фатальность событій не позволила ему ни противиться революціи, ни примириться съ нею. Судьба обрекла этого государя быть нерѣшительнымъ противникомъ, раздраженнымъ зрителемъ и жертвой переворота.

Оставалось одно средство, которымъ еще не пользовались и которое теперь испробовали: насиліе.

Преемникомъ Калонна былъ назначенъ Ломени-де-Бриеннъ, съ титуломъ начальника совѣта финансовъ и государственнаго министра, послѣ временнаго управленія этимъ вѣдомствомъ Буваромъ де-Фурке, семидесятилѣтнимъ государственнымъ совѣтникомъ, чедовѣкомъ скромнымъ и малоизвѣстнымъ. Фурке чувствовалъ себя ниже должности министра; Ломени-де-Бриеннъ,

¹⁾ *Mémoires histor. et politiques*, t. VI, p. 169.

напротивъ, считалъ себя выше этого поста. Онъ уже пятнадцать лѣтъ стучался въ дверь совѣта; но Людовикъ XVI былъ о немъ невысокаго мнѣнія, такъ какъ нашелъ въ бумагахъ покойнаго дофина, своего отца, замѣтку, что аббатъ Ломени слыветъ атеистомъ и философомъ ¹⁾. Говорятъ даже, что по поводу кандидатуры Бриенна на парижскую архіерейскую кафедру король воскликнулъ: «Надо бы по крайней мѣрѣ, чтобы парижскій архіепископъ вѣрилъ въ Бога» ²⁾. Свое политическое воспитаніе Бриеннъ продѣлалъ въ частомъ общеніи съ энциклопедистами и усерднымъ чтеніемъ мемуаровъ кардинала Ретца. Послѣдователь экономистовъ, онъ усвоилъ себѣ родъ нетерпимаго либерализма, свойственнаго этой знаменитой школѣ. Другъ Тюрго, онъ соединялъ, какъ и этотъ послѣдній, съ теоріями свободы своенравіе великаго визиря. Остроумный, съ видомъ глубокомыслія, и болѣе галантный, чѣмъ подобало, даже въ то время, прелату, онъ имѣлъ вліяніе повсюду: въ собраніяхъ духовенства, гдѣ онъ выказывалъ навыкъ въ веденіи дѣлъ, и между великосвѣтскими дамами, которыя не разъ дѣлали его третьей-скимъ судьей въ своихъ ссорахъ съ любовниками, невѣрными или подозрѣваемыми въ измѣнѣ ³⁾. Хотя онъ рѣдко показывался въ своей тулузской епархіи, онъ и тамъ занималъ умы своей личностью, не забывая никогда ознаменовать свое пребываніе какимъ-нибудь изъ тѣхъ кричащихъ актовъ благотворительности, которыми овладѣваетъ стоустая молва, и которые исходили у него не изъ милосердія христіанина, а изъ филантропіи философа. Однако, истинной причиной его возвышенія была настойчивость, съ которою аббатъ Вермонъ расхваливалъ его въ кругу королевы. Это Марія-Антуанета, побѣдивъ отвращеніе Людовика XVI, заставила назначить тулузскаго архіепископа начальникомъ совѣта финансовъ, потомъ государственнымъ министромъ; и какъ бы въ поясненіе того, что онъ поставленъ наравнѣ съ Ришлье и Мазарини, королева сказала громко, при всемъ дворѣ: «Не надо ошибаться, господа: *это первый министръ.*»

Собраніе нотаблей послѣ короткаго перерыва продолжало свои работы. Обладая смѣтами финансовъ, которыя Калоннъ не

¹⁾ *Mémoires histor. et politiques*, t. VI, p. 36.

²⁾ M. de Lévis, *Souvenirs et portraits*, p. 103.

³⁾ Senac de Meilhan, *Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France.*

приказъ о срытіи или продажѣ замковъ Шуази, Мюеть, Мадридскаго, Венсенскаго, Блуа. Министръ-архіепископъ не побоялся отнять у герцога Полиньяка завѣдываніе почтовой гоньбой, которую Калоннъ, изъ угожденія такому другу, отдѣлилъ отъ почты для пересылки писемъ; онъ осмѣлился также потребовать у герцога Куаньи, чтобы тотъ подалъ въ отставку отъ должности оберъ-шталмейстера, сдѣлавшейся бесполезною въ виду соединенія большого и малаго конюшенныхъ дворовъ.

Но какъ непреложны приговоры, постановляемые этимъ невидимымъ судомъ — силой вещей! вмѣсто того, чтобы усмирить парламентъ, какъ надѣялся Врѣннъ, эти реформы вызвали тамъ только насмѣшки. Одни видѣли въ нихъ лишь уступку, вырванную у страха, притомъ обнаружившую неизвѣстные до толѣ расходы и злоупотребленія. Другіе говорили, что эти реформы, въ сущности незначительныя, способны были только уменьшить блескъ трона. Какая надобность была реформировать сокольничество, изъ всѣхъ придворныхъ учреждений, самое блестящее и наименѣе требовавшее расходовъ? Развѣ не знали, что начальники, или, какъ ихъ называли, капитаны различныхъ соколиныхъ дворовъ покупали свою должность, и что сокольники, разсѣянные въ провинціи, прїѣзжали въ Парижъ только разъ въ годъ, весной, на собственныя средства и со своими птицами? Слѣдовало ли упразднить, вмѣстѣ съ волчьей командой егерей, охоту на вреднаго хищнаго звѣря, и это ради мизерной экономіи въ 30 тысячъ?

Эти реформы, порицаемыя общественнымъ мнѣніемъ, и во дворцѣ сдѣлались предметомъ сильнѣйшихъ протестовъ. «Ужасно,—говорили придворные,—жить въ странѣ, гдѣ не увѣренъ, что завтра будешь владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ вчера: такъ бываетъ только въ Турціи»¹⁾. Герцогъ Полиньякъ, заставивъ архіепископа тулузскаго пробормотать извиненія передъ королевой, соблаговолилъ, *изъ великодушія*, подать въ отставку, которой отъ него ожидали. Что касается герцога Куаньи, то онъ пошелъ прямо къ Людовику XVI, и между ними произошла бурная сцена, о которой король самъ рассказывалъ въ такихъ выраженіяхъ: «Мы съ герцогомъ Куаньи взаправду поссорились; но думаю, что если бы даже онъ побилъ меня, я простилъ бы ему это»²⁾.

¹⁾ *Mémoires du Baron de Besenval*, t. II, p. 256.

²⁾ *Ibidem*.

За сдѣланное властью вынужденно народы не бываютъ благодарны. Несмотря на недавнія уступки, парламентъ принялъ, 18 апрѣля, большинствомъ 81 голоса противъ 36, рѣшеніе, отказывавшее эдиктамъ, исходившимъ изъ *lit de justice*, во власти разрѣшить взиманіе вводимыхъ ими налоговъ и лишить націю ея правъ.

При этомъ извѣстїи Бриеннъ и Ламуаньонъ рѣшились нанести задуманный ударъ, и 15 августа, утромъ, каждый членъ парламента получилъ *lettre de cachet*, подписанное за недѣлю передъ тѣмъ и гласившее: «М. г., повелѣваю вамъ выѣхать изъ моего добраго города Парижа и отправиться въ городъ Труа, въ четырехдневный срокъ, чтобы ожидать тамъ моихъ приказаній; при чемъ вамъ запрещается выходить изъ дому до вашего отъѣзда».

То былъ день Успенія. Многіе изъ парламентаріевъ были охвачены сугубой набожностью и отправились къ обѣднѣ, несмотря на запрещеніе. Старый совѣтникъ Робертъ де Сенъ Венсанъ сказалъ гвардейскому офицеру, подателю опальной грамоты: «Я долженъ сегодня служить болѣе великому Властителю, чѣмъ король: объявляю вамъ, что я иду въ церковь»¹⁾.

На слѣдующій день братья короля отнесли эдикты, для регистраціи, въ счетную палату и въ судъ, вѣдавшій спорныя дѣла о налогахъ: и тогда можно было видѣть дѣйствіе продолжительныхъ происковъ графа Прованскаго. Хотя онъ являлся здѣсь какъ миссіонеръ деспотизма, толпа встрѣтила его рукоплесканіями, тѣмъ болѣе, что онъ сумѣлъ придать притворно своему лицу приличествовавшее случаю печальное выраженіе. Графъ д'Артуа, болѣе откровенный въ своей заносчивости, былъ, напротивъ, принятъ оскорбительными возгласами²⁾.

Вскорѣ общественный гнѣвъ нашелъ отголосокъ и въ провинціи. Узнавъ объ изгнаніи парижскаго парламента, всѣ суды королевства запротестовали. Парламенты руанскій, реннскій, гренобльскій, безансонскій также потребовали преданія Калонна суду и созыва генеральныхъ штатовъ. Бордоскій парламентъ высказалъ это требованіе до того гордымъ тономъ, что его перевели въ Либурнъ.

¹⁾ Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. II, p. 295.

²⁾ Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXXVI, p. 25.

Что касается представителей магистратуры, сосланных въ Труа, то они выказывали большую твердость и радовались втайнѣ, что пріостановка въ производствѣ процессовъ вооружить противъ министерства безпокойную, страстную толпу тяжущихся. Знали, притомъ, что Бриеннъ, не имѣя фондовъ, чтобы окончить годъ, будетъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе своимъ триумфомъ и найдетъ, что платить труднѣе, чѣмъ побѣдить. Пришлось вступить въ переговоры. Бриеннъ обратился подъ рукой къ первому президенту, и было условлено, что, по взятіи обратно двухъ эдиктовъ, они будутъ замѣнены декредитированіемъ второй двадцатой части, которая должна быть взимаема, безъ всякихъ привилегій и различій, до 1792 г. ¹⁾.

Въ этихъ условіяхъ, благодаря скукѣ, которая начала овладѣвать молодыми совѣтниками слѣдственной палаты, внезапно удаленными изъ центра удовольствій, отъ столичнаго шума и отъ любви, парламентъ, призванный обратно, вернулся въ Парижъ и снова водворился во Дворцѣ Правосудія, привѣтствуемый радостными криками, иллюминаціями, фейерверками, тогда какъ народъ сжигалъ на площади манекенъ, представлявшій экс-министра Калонна ²⁾.

Вакаціонное время и прекрасные осенніе дни, привлекавшіе въ деревню парижскихъ буржуа, представителей магистратуры, богачей, мыслителей, привели мало-по-малу къ успокоенію умовъ. Сельскія удовольствія сдѣлали диверсію чувству недуговъ королевства, и кризисъ казался минувшимъ, потому что о немъ болѣе не говорили. Оттого, со времени своего возвращенія изъ Труа, парламентаріи держали себя тихо, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ чувствовали, что не слѣдуетъ играть народными волненіями, и что пустить въ ходъ страсти толпы значитъ рисковать, по выраженію Монтэня, *мутить воду для другихъ рыбаковъ*.

Одинъ изъ самыхъ пылкихъ совѣтниковъ, Дюваль д'Эпремениль, даже посѣтилъ секретно хранителя государственной печати Ламуаньона и держалъ къ нему рѣчь, составлявшую полный контрастъ съ недавними бурными спорами. Онъ предлагалъ

¹⁾ Письмо Бриенна къ президенту парижскаго парламента, въ Труа, найденное въ бумагахъ Людовика XVI.

²⁾ *Annales françaises*, p. 105.

соглашеніе, которое можно бы было обратить на пользу общественнаго мира. «Генеральные штаты,—сказалъ онъ, неизбежны. Заботьтесь, чтобы они не сдѣлались источникомъ смуты. Пусть король обѣщаетъ созвать ихъ въ двухъ или трехлѣтній срокъ—это возстановитъ довѣріе. Пусть правительство представитъ разомъ и напередъ всѣ займы, въ которыхъ казна будетъ нуждаться до открытія государственнаго сейма; парламентъ поддержитъ министерство, и если искусно управлять выборомъ депутатовъ, то изъ совѣщаній сейма выйдутъ могущество монарха и спокойствіе королевства, сила и миръ. Ламуаньонъ, казалось, былъ пораженъ этими взглядами; онъ хвалилъ ихъ разуміе, согласился съ ними и притворился растроганнымъ до слезъ¹⁾; но по уходѣ д'Эпремениля онъ тотчасъ же побѣждалъ къ главному министру—таковъ былъ титулъ Бриенна—разсказать ему объ этой бесѣдѣ и посмѣяться вмѣстѣ съ нимъ надъ этими столь неожиданными авансами. Первой заботой ихъ было разгласить о визитѣ д'Эпремениля и придать его комментаріямъ злословія²⁾, давая понять, что такое превращеніе произведено обѣщаніемъ интендантства. Имъ предлагали миръ; они хотѣли войны. Подогрѣвать ссору, готовую уже было угаснуть,—это было непостижимое безуміе со стороны этихъ министровъ. Они не предвидѣли, что въ этой борьбѣ, которая ихъ привлекала, монархія погибнетъ насильственной смертью, и сами они погибнутъ добровольной смертью³⁾.

Былъ ноябрь мѣсяцъ 1787 г., и многіе совѣтники замѣшались въ деревнѣ, какъ вдругъ было объявлено о назначеніи на 19 число королевскаго засѣданія. Принцы крови, пэры, большинство министровъ должны были присутствовать на этомъ засѣданіи. Король строго говорилъ членамъ парламента и о прошлыхъ проступкахъ и о своемъ неограниченномъ правѣ. Затѣмъ слѣдовало представленіе двухъ эдиктовъ, изъ которыхъ одинъ создавалъ постепенные и послѣдовательные займы въ теченіе пяти лѣтъ, на общую сумму 420 милліоновъ, а другой

¹⁾ Салье слышалъ объ этомъ изъ устъ д'Эпремениля.

²⁾ Мы находимъ этотъ фактъ въ рукописи о д'Эпременилѣ, доставленной намъ его родственниками и согласной въ данномъ случаѣ съ *Анналами* Салье.

³⁾ Бриеннъ и Ламуаньонъ оба кончили самоубійствомъ. Ламуаньонъ лишилъ себя жизни въ 1789 г.; Бриеннъ, въ 1793 г., предупредилъ казнь на эшафотѣ, выпивъ ядъ. См. *Essai historique et critique de Paganel*, t. I, p. 26, 1815.

обезпечивалъ не-католикамъ права гражданскаго состоянія. Въ предисловіи перваго эдикта обѣщалось созваніе генеральныхъ штатовъ до истеченія пяти лѣтъ.

Такимъ образомъ избранникъ случая взывалъ, наконецъ, къ избранникамъ ума. Людовику XIV, говорившему: «государство—это я», Франція уже цѣлое столѣтіе отвѣчала: государство—это мы всѣ. Пора было понять этотъ отвѣтъ: сила обѣщала право.

Но Людовикъ XVI сказалъ: *черезъ пять лѣтъ*. Зачѣмъ такая медленность? Развѣ безпорядокъ не довольно великъ? Нужно ли ждать, чтобы явились болѣе серьезныя опасности и чтобы понадобилась сумма, превосходящая 420 милліоновъ? Вотъ что различные подававшіе свое мнѣніе совѣтники представляли королю съ большой смѣлостью. Аббать Сабатье подалъ примѣръ сопротивленія, облеченнаго въ почтительныя формы. Но вотъ всталъ одинъ старый совѣтникъ: это былъ Робертъ де Сенъ Венсанъ, суровый янсенистъ, которому строгость его правилъ и нравовъ, его уединенная жизнь, позволяли рѣзкую рѣчь и внушали дикое краснорѣчіе. Онъ принадлежалъ къ той сильной породѣ парламентаріевъ, которая, начиная съ Сенъ Сирана, имѣла привычку не бояться иезуитовъ, королей и папы. «Четыреста двадцать милліоновъ! — воскликнулъ онъ, — какъ можно надѣяться, что парламентъ одобритъ подобный актъ, который навѣрно былъ бы уничтоженъ всякимъ судомъ, если бы его совершилъ сынъ семейства?» Обращаясь къ Людовику XVI, онъ сравнивалъ королевство съ непредусмотрительнымъ несовершеннолѣтнимъ мотомъ, который, съ легкимъ сердцемъ, отдавалъ себя въ жертву ростовщикамъ. Занимать для того, чтобы жить, это значитъ идти на вѣрную смерть. И онъ совѣтовалъ королю, почти требовалъ созвать генеральные штаты, созвать не черезъ пять лѣтъ, а безотлагательно, не дожидаясь, пока недуги королевства сдѣлаются неизлечимыми. Присоединяя угрозу къ выговору, онъ прибавилъ: «Ваши министры хотятъ избѣгнуть созыва генеральныхъ штатовъ, опасаясь ихъ контроля; но надежда ихъ тщетна; нужды государства заставятъ васъ созвать сеймъ не позднѣе 1789 г... Да, эти нужды заставятъ васъ... Государь, созовите сеймъ и создайте, если это нужно, заемъ; но вычеркните эти призрачныя обѣщанія представить собранію націи порядокъ возстановленнымъ, государство расплатившимся; или, лучше, вычеркните все

это вступленіе въ эдиктъ: оно недостойно королевскаго величества, оно неприлично»...

Неподвижный и уставившій на оратора большіе внимательные глаза, Людовикъ XVI выслушалъ до конца это мужественное обращеніе, которое нисколько не оскорбило его, хотя рѣзкость рѣчи увеличивалась еще новышненнымъ тономъ произношенія и грубостью жеста. Сенъ Венсанъ импонировалъ королю: д'Эпремениль плѣнилъ его и чуть было не увлекъ. Онъ заклиналъ Людовика XVI созвать генеральные штаты на 1789 г.: 1789 годъ—дата, предопредѣленная рокомъ, которая уже представлялась многимъ прозорливымъ умамъ, какъ будто быстрая и свѣтлая интуиція позволила имъ точно измѣрить время, которое еще оставалось жить монархіи! Д'Эпремениль имѣлъ тогда моментъ истиннаго краснорѣчія. Онъ едва не одержалъ, говорить Салье, одинъ изъ самыхъ блестящихъ триумфовъ, какіе только можетъ получить слово. Замѣтивъ волненіе короля, онъ удвоилъ настоянія: «Государь, одно ваше слово исполнитъ всѣ желанія. Всеобщій энтузіазмъ въ мгновеніе ока перейдетъ изъ этой залы въ столицу, изъ столицы распространится во всемъ королевствѣ. Предчувствіе, которое не обманетъ меня, даетъ мнѣ въ томъ увѣренность,—я читаю его въ глазахъ вашего величества: намѣреніе это въ вашемъ сердцѣ, слово это на вашихъ устахъ. Произнесите его, государь; даруйте его любви французъ»... Ораторъ остановился, и собраніе имѣло передъ глазами нѣмую картину, не менѣе краснорѣчивую, чѣмъ слово д'Эпремениля. Взглядъ этого члена парламента, казалось, очаровалъ Людовика XVI, который, будучи готовъ сказать желанное слово и храня молчаніе, скорѣе отъ смущенія, чѣмъ по нерѣшительности, казался, однако, растроганнымъ и убѣжденнымъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона, Ламуаньонъ, блѣдный отъ гнѣва и угадывавшій пораженіе монарха, сгоралъ желаніемъ поддержать ободряющимъ знакомъ эту побѣжденную волю, но онъ не осмѣливался повернуть голову, боясь аффишировать такимъ образомъ власть слуги и униженіе господина.

Волненіе продолжалось недолго: когда голоса были собраны первымъ президентомъ, Ламуаньонъ не сталъ ждать, чтобы ихъ сосчитали, по обычаю; онъ приблизился къ трону съ озабоченнымъ челомъ, съ чертами лица, искаженными сдерживаемой досадою, и послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ потихоньку королю, Людовикъ XVI произнесъ слѣдующія краткія

формулы, диссонансъ которыхъ, безъ сомнѣнія, ускользнулъ отъ него, и которыя повергли собраніе въ уныніе: «Я нахожу, что необходимо установить займы, указанные въ моемъ эдиктѣ. Я общалъ созвать генеральные штаты до 1792 г.; моего слова должно быть достаточно для васъ. Приказываю зарегистрировать мой эдиктъ».

Въ то время, какъ главный регистраторъ писалъ отмѣтку на полѣ эдикта, вдругъ, среди легкаго шума, пробѣгавшаго по скамьямъ принцевъ, послышался голосъ герцога Орлеанскаго, протестовавшаго противъ законности засѣданія и требовавшаго, чтобы къ отмѣткѣ о записи въ реестръ было прибавлено: *учинено по нарочитому приказанію его величества*. Король, смущенный, отвѣчалъ, бормоча: «Это мнѣ все равно... это въ вашей волѣ... Напротивъ... это законно... потому что я такъ хочу» ¹⁾. И, приказавъ приступить къ чтенію эдикта относительно протестантовъ, онъ удалился.

Тогда, по предложенію д'Эпремениля, было принято постановленіе, предназначенное остаться секретнымъ въ реестрахъ. Парламентъ объявлялъ въ немъ, что онъ не участвовалъ въ приказанной записи эдикта; но этотъ робкій и скрытный протестъ измѣнился на слѣдующій день въ шумную ярость, когда узнали, что король сослалъ герцога Орлеанскаго въ Вилье-Котере; что совѣтники Фрето и Сабатье, заподозрѣнные въ продиктованіи принцу его протеста, арестованы и отвезены, одинъ—въ Дурланскій замокъ, другой—на гору Сенъ-Мишель.

Парижъ заволновался. Герцогъ Орлеанскій, который, при выходѣ изъ дворца, увидѣлъ себя провожаемымъ съ триумфомъ до кареты и окруженнымъ внезапной популярностью, былъ осыпаямъ похвалами. Хвалили его мужество такъ же, какъ твердость двухъ совѣтниковъ, и находили удовольствіе рассказывать, что, когда баронъ Бретейль, которому было поручено произвести этотъ арестъ, хотѣлъ войти въ карету принца, чтобы лучше стеречь его, согласно приказаніямъ короля, герцогъ отвѣтилъ тономъ гордаго презрѣнія: «Ну, такъ станьте на запятки» ²⁾.

Съ своей стороны, члены парламента придавали заключенію въ тюрьму двухъ совѣтниковъ важность государственнаго дѣла, указывая на скандальное злоупотребленіе *lettres de cachet*, пред-

¹⁾ *Annales françaises*, p. 129.

²⁾ *Vauchant, Mémoires secrets*, t. XXXVI, p. 291.

ставлявшими варварскую мѣру, орудіе деспотизма, о которомъ они слишкомъ долго хранили молчаніе, но которое показалось имъ невыносимымъ, когда опала постигла двухъ изъ ихъ коллегъ. Поэтому они отказываются зарегистрировать эдиктъ о протестантахъ, пока не выпустятъ на волю Фрето и Сабатье. Но на этотъ разъ дворъ намѣренъ былъ противостоять общественному мнѣнію. Тщетно парламентъ посылалъ депутацію въ Версаль ходатайствовать о возвращеніи герцога Орлеанскаго и освобожденіи двухъ узниковъ,—король отослалъ депутатовъ съ холоднымъ лаконизмомъ султана.

Въ это время, изнуряемый лихорадкой, ослабляемый повторными кровохарканіями, снѣдаемый болѣзнями, какихъ никакъ не ожидали встрѣтить у прелата, архіепископъ тулузскій боролся противъ мученія своего утраченнаго здоровья. Онъ, однако, съ немалой смѣлостью преслѣдовалъ свои деспотическіе планы. Знаменитый врачъ Барте тщетно предписывалъ ему, подъ страхомъ смерти, полный покой и удаленіе отъ дѣлъ ¹⁾.—честолюбивый прелатъ, находя въ Ламуаньонѣ коллегу, охотно готоваго возобновить политику Мопу, мечталъ, въ своей постели, о насильственномъ упраздненіи парламентовъ. Онъ жаждалъ для короля—деспотизма, для себя—архіепископства санскаго, взаимѣнъ тулузскаго. По этому послѣднему пункту сдѣлано было согласно его желанію; и такъ какъ у него оставались личные долги, то ему дали рубку лѣса въ 900.000 ливровъ ²⁾.

И вотъ вдругъ распространяются смутные слухи и мало-помалу находятъ вѣру. Увѣряютъ, что командующіе войсками и интенданты провинцій получили приказъ отправиться къ своему посту. Видѣли уѣзжавшихъ изъ Версаля курьеровъ съ секретными депешами, которыя не должны быть распечатаны вездѣ въ одинъ и тотъ же день. Узнали, наконецъ, что, подъ строгимъ присмотромъ, въ типографіи, окруженной тройнымъ рядомъ штыковъ ³⁾, типографскіе рабочіе трудились безъ отдыха надъ печатаніемъ текста грозныхъ указовъ.

¹⁾ *Mémoires de baron de Besenval*, t. II, p. 299.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Journal des évènements du mois de mai 1788*, напечатанный въ I томѣ *Chefs-d'oeuvres politiques et littéraires.—Mémoires histor. et politiques*, t. VI, p. 185.

Д'Эпремениль успѣлъ тѣмъ временемъ подкупить жену одного изъ рабочихъ королевской типографіи, и послѣднему удалось выбросить черезъ окно корректурный листъ эдиктовъ, завернутый въ шарикъ изъ глины; и такимъ образомъ парламентъ узналъ, что собираются запереть мѣсто его засѣданій, разогнать всѣхъ его членовъ и создать, взаменъ его, другое учреждение, функціи котораго состояли бы въ слѣдномъ повиновеніи.

Легко догадаться, какъ велики были, при этой вѣсти, уныніе однихъ, гнѣвъ другихъ. Экзальтированные опасностью, всѣ поклялись оставаться вмѣстѣ, и въ засѣданіи, на которомъ присутствовали пэры королевства, герцоги д'Юзесъ, де Ла Рошфуко, де Праленъ, Фицъ-Джемсъ и др., постановили, въ формѣ торжественной деклараціи, что неприкосновенность парламента не менѣе священна, чѣмъ неприкосновенность короля.

Тогда былъ подписанъ приказъ арестовать Гуалара де Монсаберъ и д'Эпремениля. Приказъ этотъ долженъ былъ быть исполненъ въ ночь съ 4 на 5 мая, но, секретно предупрежденные однимъ изъ членовъ совѣта, опальные совѣтники на разсвѣтѣ потихоньку ушли изъ дому и укрылись во Дворцѣ Правосудія.

При открытіи палатъ члены парламента выслушиваютъ рассказъ о бѣгствѣ двухъ коллегъ, ставятъ Гуалара и д'Эпремениля подъ покровительство короля, который занесъ надъ ними разящую руку, и закона, о которомъ онъ забылъ; они посылаютъ въ Версаль депутацію и ожидаютъ ея возвращенія, въ непрерываемомъ засѣданіи. Около полуночи послышался конскій топоть... То былъ полкъ кавалеріи, прибывшій съ цѣлью оцѣпить зданіе судебныхъ мѣстъ ¹⁾. Съ другой стороны, извѣщаютъ, что дворы наполняются часовыми, что саперы выстроились передъ воротами зданія. И тотчасъ же члены, разбѣянные въ коридорахъ, соединяются въ большой палатѣ, гдѣ находилось, благодаря безпорядочности этого дня, много постороннихъ лицъ. Эта случайная публика должна была удалиться въ палату, называвшуюся Турнель, которая въ тотъ же мигъ была оцѣплена солдатами.

Парламентъ, безмолвный и раздраженный, ожидалъ, когда появился маркизъ д'Агу, майоръ королевской гвардіи. Нужно

¹⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, chap. II.

прочестъ эту памятную сцену, какъ она изложена въ разсказѣ, написанномъ подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ однимъ изъ членовъ высшаго судилища ¹⁾). Была ночь, большая палата была слабо освѣщена; глубочайшее молчаніе царило въ ней, и тишина этого ночного часа увеличивала страшное величіе обстоятельства. При видѣ этого собранія, гдѣ засѣдали сто двадцать судей въ красныхъ мантияхъ, маршалы Франціи, герцоги и пэры, князья церкви, майоръ смутился, и взволнованнымъ голосомъ прочиталъ приказъ объ арестованіи Гуалара и д'Эпремениля. «Судъ будетъ совѣщаться объ этомъ», сказалъ президентъ; и когда маркизь д'Агу сталъ настаивать на выдачѣ двухъ названныхъ совѣтниковъ, онъ отвѣтилъ жестомъ презрѣнія.—«Гдѣ господа Монсаберъ и д'Эпремениль?» спросилъ майоръ, не знавшій ихъ въ лицо.—«Мы всѣ здѣсь д'Эпременили и Монсаберы», вскричалъ одинъ изъ членовъ собранія, и все собраніе повторило этотъ возгласъ. Смущенный, майоръ удаляется за новыми приказаніями. Вскорѣ послѣ того вернушіеся изъ Версаля депутаты парламента сообщаютъ своимъ коллегамъ, что Людовикъ XVI отказался ихъ принять, что письменный отвѣтъ Ламуаньона объ этомъ отказѣ заставилъ ждать себя до полуночи, хотя король вернулся съ охоты въ восемь часовъ вечера.

Члены парламента провели ночь въ святилищѣ правосудія, принявшемъ видъ осажденной крѣпости.

Въ 11 часовъ утра маркизь д'Агу снова явился, въ сопровожденіи офицера, которому онъ приказалъ, именемъ короля, указать д'Эпремениля и Монсабера. Офицеръ, обведя взглядомъ собраніе, объявилъ, что онъ не видитъ ихъ среди присутствующихъ.—«Берегитесь,—возразилъ д'Агу,—приказъ короля требуетъ, чтобы вы указали ихъ мнѣ».—«Клянусь честью, господинъ майоръ, я не вижу ихъ здѣсь» ²⁾).—Маркизь д'Агу собирався уйти, когда д'Эпремениль остановилъ его: «Это я д'Эпремениль. Моя совѣсть запрещаетъ мнѣ повиноваться произвольнымъ приказамъ. Если я окажу сопротивленіе, ваши солдаты прибѣгнутъ ли къ принужденію?» На утвердительный отвѣтъ майора и во избѣжаніе скандала быть взятымъ вооруженной рукой, д'Эпремениль объявилъ, что уступаетъ насилію. Но,

¹⁾ Sallier, *Annales françaises*, liv. VI.

²⁾ *Mémoires histor. et politiques du règne de Louis XVI*, t. VI, p. 190.

прежде чѣмъ послѣдовать за маркизомъ д'Агу, онъ обратился къ парламенту съ слѣдующими словами: «Я жертва, которую пришли заклать на самомъ алтарѣ... Прошу собраніе сохранить память о привязанности, которую я къ нему питалъ. Какая бы участь ни ожидала меня, я всегда буду достойнымъ его». Онъ обнялъ ближе стоявшихъ къ нему коллегъ, просилъ ихъ позаботиться объ его семействѣ, низко поклонился этому собранію, котораго сила не уважала болѣе, и твердымъ шагомъ отправился къ каретѣ, которая должна была отвезти его узникомъ на острова св. Маргариты. Гуаларъ де Монсаберъ, мужественно послѣдовавшій примѣру д'Эпремениля, былъ заключенъ въ замокъ Пьеръ-Ансизъ.

Парламентъ засѣдалъ уже тридцать часовъ. Прежде чѣмъ разойтись, онъ постановилъ обратиться съ представленіями къ королю, въ которыхъ хвалили благородную гордость арестованныхъ совѣтниковъ и просилъ объ освобожденіи ихъ изъ заключенія. Затѣмъ онъ вышелъ между двумя рядами солдатъ. Майоръ замкнулъ двери зданія и унесъ ключи съ собой¹⁾.

Послѣ подобнаго посягательства на личность отдѣльныхъ членовъ парламента, и чтобы воспользоваться смущеніемъ, которое оно должно было произвести, Бриеннъ и Ламуаньонъ успѣли нанести рѣшительный ударъ. 8 мая открылось, въ Версали, торжественное *lit de justice*. Всѣ сердца были ожесточены, а рѣчь монарха только еще болѣе раздражила ихъ. Людовикъ XVI говорилъ рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ; онъ строго порицалъ уклоненія, примѣры которыхъ парижскій парламентъ подалъ другимъ судамъ. Въ свою очередь Ламуаньонъ заговорилъ, чтобы оправдать представляемые имъ эдикты, изъ которыхъ три приобрѣли громкую извѣстность.

Первый отнималъ у парламента подсудность уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ замѣшаны духовныя лица или дворяне, и гражданскихъ дѣлъ, гдѣ цѣна иска меньше 20.000 ливровъ, каковыя дѣла должны были впредь рѣшаться безапелляціонно и въ послѣдней инстанціи окружными судами (*grands bailliages*), которые учреждались въ главныхъ городахъ, въ числѣ 47, съ цѣлью сдѣлать, такимъ образомъ, правосудіе болѣе скорымъ и менѣе дорогимъ.

¹⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, p. 210.

или судъ, на который возлагалась регистрація налоговъ и законовъ¹⁾. Большая палата парламента была допущена въ этомъ совѣтѣ, съ исключеніемъ слѣдственной камеры; въ составъ его входили принцы крови, пэры королевства, канцлеръ, высшіе чины двора, два маршала, прелаты, губернаторы провинцій, десять государственныхъ совѣтниковъ (*conseillers d'Etat*) или рекетмейстеровъ (*maîtres des requêtes*), четыре знатныя особы, по выбору государя. Провинціальныя парламенты были представлены въ верховномъ совѣтѣ,—каждый только однимъ изъ своихъ членовъ. Такимъ образомъ, подчиненный вліянію министровъ и поставленный подъ властную руку короля, *comptroller en chef* имѣлъ видъ бюро царедворцевъ, функція котораго состояла въ томъ, чтобы прикрывать лицемѣриемъ контроля скандалъ слишкомъ угодливаго согласія.

Въ тотъ же день парламентъ былъ распущенъ на вакаціи и зданіе его заперто. Большой палатѣ, впрочемъ, велѣно было остаться въ Версали, и она, не зная, гдѣ собраться, бродила нѣсколько времени по городу и, наконецъ, собралась въ гостиницѣ²⁾. Нужно сказать, что эта палата склонялась къ тому, чтобы подчиниться. За нѣсколько дней до королевскаго засѣданія Ламуаньонъ уже зондировалъ самыхъ вліятельныхъ членовъ, во время пышнаго обѣда, на которомъ присутствовалъ и Робертъ де Сенъ Венсанъ. Президента д'Алигръ удалось уговорить, и ожидали мнѣнія суроваго янсениста, когда вдругъ Сенъ-Венсанъ, ударивъ себя по лбу, какъ бы для того, чтобы извлечь оттуда свѣтъ своей совѣсти, высказался противъ новшествъ министра²⁾.

Какъ бы то ни было, связанные клятвой 3-го мая, старые члены большой палаты стоворились никогда не принимать никакой должности въ «новомъ *судѣ*, именуемомъ *полнымъ*». Тщетно Людовикъ XVI попробовалъ устроить королевское засѣданіе въ своихъ апартаментяхъ, чтобы подтвердить на немъ свою вчерашнюю волю, — большая палата упорствовала; и, утверждая энергію своихъ рѣшеній, король только обнаружилъ ихъ слабость. Пришлось уволить этихъ несговорчивыхъ парламента-

¹⁾ Законъ этотъ былъ озаглавленъ: *Édit portant rétablissement de la cour plénière*.

²⁾ *Histoire monarchique et constitutionnelle de la Révolution française*, par E. Labaume, t. II, p. 234.

ривѣ, которые не хотѣли ни сдѣлаться господами въ государствѣ, ни подчиниться господству другихъ.

Эдиктъ о *сору пленière* вызвалъ ропотъ во всемъ Парижѣ. Шутки посыпались по обыкновенію, но на этотъ разъ онѣ были горькія, и въ общественномъ смѣхѣ слышался гнѣвъ. Нечего сказать, хороши будутъ порядки, когда королевскіе эдикты будетъ регистрировать оберъ-шталмейстеръ! когда умѣстность налоговъ будетъ обсуждать начальникъ конвоя! Пробѣгая списокъ членовъ новаго суда, кто-то воскликнулъ: «Да вѣдь это будетъ большой выходъ короля!»¹⁾ и слово это охотно повторялось, потому что оно было вполнѣ вѣрно. Не сомнѣвались, что намѣреніе короля было избѣгнуть созыва генеральныхъ штатовъ, и что *сору пленière* учрежденъ именно съ цѣлью замѣнить ихъ. Но что такое было это представительство Франціи, назначаемое потихоньку въ будуарахъ Трианона?

Провинціи заволновались; и тогда можно было судить, какъ неизбежна была большая революція, которая принесла бы Франціи блага единства. Ибо если буржуазія, если народъ предавали анаѣмѣ *сору пленière*, потому что онъ былъ опытомъ министерскаго деспотизма, сопротивленіе дворянства и парламентовъ имѣло совсѣмъ иной характеръ: люди меча и люди тоги возставали противъ *сору пленière* по духу федерализма и потому, что учрежденіе этого верховнаго совѣта означало стремленіе къ единству. Такъ, безансонскій парламентъ позволилъ себѣ высказать такое святотатственное утвержденіе: «Законы обширнаго королевства не должны быть *однообразны*»²⁾. Съ своей стороны, и съ высоты своихъ Пиренеевъ, дворянство Беарна, взывая къ памяти Генриха IV, осмѣлилось сказать: «Мы требуемъ соблюденія *нашего договора* и клятвенныхъ обѣщаній короля, котораго мы любимъ»³⁾. Дворянство Бретани выразилось еще болѣе смѣло. Черезъ посредство графа Ботерея, генеральнаго прокурора синдика бретонскихъ штатовъ, оно объявило, что требуетъ формальнаго исполненія брачнаго договора короля Людовика XII и герцогини Анны, относительно вольностей и обычаевъ этой провинціи»⁴⁾. Нападать на парла-

¹⁾ *Journal des évènements du moi de mai 1788.*

²⁾ *Introduction aux fastes de la Revolution, par Marrast et Dupont, p. XII.*

³⁾ *Mémoires histor. et politiques, t. VI, p. 205.*

⁴⁾ *Protestation du procureur général syndic des états de Bretagne.*—Этотъ документъ и всѣ тѣ, которые мы будемъ имѣть случай цитировать относи-

управленіе водъ, общество прокуроровъ, юридическій факультетъ, капитулъ реннского собора, офицеры гражданской милиціи, ассоціація студентовъ, комиссія штатовъ по дѣламъ судоходства, консульство. И общій крикъ былъ крикъ, вырвавшійся изъ груди старшины адвокатовъ, Ле-Шапелле, того самаго, который позднѣе, въ національномъ собраніи, такъ строго обрушился на прошлое: «Да будетъ наша старая конституція гарантирована отъ всякаго посягательства!..»¹⁾. Оттого, когда, 10 мая 1788 г., командующій войсками и интендантъ Бретани, графъ Тіаръ и Бертранъ де Моллевиля явились въ зданіе парламента, чтобы силою заставить зарегистрировать эдикты, во всемъ городѣ поднялось яростное движеніе. Разставивъ стражу подъ сводами и около подѣзда, комиссары короля пошли въ палаты, но у дверей должны были вынести всевозможныя оскорбленія. Толпа, вошедшая вмѣстѣ съ ними, грубо толкала ихъ, преслѣдовала ихъ ругательствами²⁾. Прежде чѣмъ принять ихъ, судьи потребовали, чрезъ секретаря, ихъ вѣрительныя грамоты, и они принуждены были бродить нѣкоторое время въ большой залѣ и въ коридорахъ, подвергаясь насмѣшкамъ приказныхъ³⁾. Допущенные, наконецъ, да и то лишь послѣ угрозы съ ихъ стороны, они имѣли униженіе увидѣть судъ покрывающимся, въ тотъ моментъ, когда открывали дверь, и судей удаляющимися отъ мѣста, гдѣ они должны были возсѣсть. Народное негодованіе ожидало ихъ при выходѣ, и необузданно разразилось противъ нихъ, по крайней мѣрѣ противъ Бертрана де Моллевиля, такъ какъ графъ Тіаръ всегда выказывалъ, столько же умѣренности, сколько военной твердости⁴⁾. Едва успѣлъ интендантъ выступить за цѣпь войска, окружавшаго зданіе парламента, какъ раздались страшныя проклятія. На него нѣсколько разъ метали веревку съ глухими петлями, и одинъ изъ брошенныхъ камней попалъ ему въ голову⁵⁾. Толпа все росла; прибѣжала учащаяся молодежь; нѣкоторые выхватили у солдатъ штыки, и началась борьба, когда одинъ великодушный офицеръ изъ полка Рогана, кавалеръ Блондель де-Нуэнвиль,

¹⁾ Рѣчь Ле-Шапелле, въ коллекціи, сообщенной генераломъ Тіаръ.

²⁾ *Précis de ce qui s'est passé au palais à Rennes, le 10 mai 1788, chambres assemblées à Rennes. 1788.*

³⁾ *Ibidem et Mémoires de Weber, t. I, p. 222.*

⁴⁾ *Précis de ce qui s'est passé au palais Ac., см. выше.*

⁵⁾ *Ibidem.*

кинулся къ толпѣ, отбросилъ далеко свою шпагу и воскликнулъ: «Друзья, не будемъ рѣзаться! Я такой же гражданинъ, какъ и вы... Солдаты... стой!» Этотъ порывъ разомъ измѣнилъ настроеніе толпы. Офицера окружаютъ, обнимаютъ; простолыдины поднимаютъ его на своихъ плечахъ. Но солдаты, не понявъ смысла этой демонстраціи, беспокоятся и завязываютъ битву. Среди свалки Нуэнвилъ былъ раненъ въ щеку. Онъ тотчасъ же вскричалъ, показывая свою рану: «Это только моя кровь», и второй разъ усмирилъ бунтъ. Но смуты не замедлили возобновиться, и дворянство Бретани сочинило, подъ формой протеста, настоящій обвинительный актъ противъ министровъ Бриенна и Ламуаньона:

«Первое преступленіе палатныхъ мэровъ, — говорилось въ этомъ протестѣ, — состояло въ ниспроверженіи законовъ, второе—въ узурпаціи трона. Въ эпохи, менѣе отдаленныя, кардиналъ де ла Балю, этотъ образецъ неблагодарности, не побоялся измѣнить своему государю и благодѣтелю. Кардиналъ Ришелье пролилъ знаменитѣйшую кровь и заковалъ въ цѣпи націю только для того, чтобы поработить монарха своей волѣ. Кардиналъ Мазарини поднялъ народъ, лишилъ Францію помощи героя единственно для того, чтобы расхитить государственную казну. Эти преступления доказываютъ, какъ мудра конституція, которая противопоставляетъ имъ магистратуру, слишкомъ бдительную, чтобы можно было скрыть отъ нея истину, и слишкомъ многочисленную, чтобы можно было подкупить ея членовъ¹⁾).

Нельзя не признать, что записка эта была составлена очень искусно. Вопросъ о федерализмѣ въ ней тщательно замаскированъ, и выдвинутъ единственно вопросъ о министерскомъ деспотизмѣ.

Впрочемъ, дворянство Бретани не ограничилось письменными протестами. Оно отправило къ королю депутацію, въ составъ которой вошли графы Ла Фрюгле, Геръ, Нетюмберъ, Бекъ Ле Льевръ, маркизы Монлюкъ, Тремерга, Карне, Бедэ, Ла Руари, Ла Феронберъ и виконтъ Сисе. Бриеннъ велѣлъ засадить этихъ депутатовъ въ Бастилію.

¹⁾ *Mémoire de la noblesse de Bretagne au roi*, переданная графу Тіаръ 26 мая 1788 г.

Въ Дофине, какъ и въ Бретани, парламенты имѣли за собой гнѣвъ народа. Но сопротивленіе, начавшееся бунтомъ, окончилось, въ Греноблѣ, кровавыми сценами.

Когда герцогъ Клермонъ-Тоннеръ, командовавшій войсками въ Дофине, получилъ приказъ сослать парламентъ, ударили въ набатъ, звонъ котораго, передаваясь отъ колокольни къ колокольнѣ, принесъ тревогу на вершину сосѣднихъ горъ, откуда, на призывъ его, прибѣжали въ городъ, въ большомъ числѣ, здоровенные и неустрашимые горцы. Стража командующаго была разсыяна, и вскорѣ толпа ворвалась въ его отель. Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ схватили герцога за шиворотъ и грозили повѣсить его на люстрѣ его салона. Надъ головой его былъ поднятъ топоръ, и, отклоненный близъ стоявшимъ офицеромъ, оставался висящимъ до тѣхъ поръ, пока не подписали приказъ, отмѣнявшій распоряженіе объ изгнаніи парламента. Но парламентъ отвергъ эти авансы мятежа, испугавшаго его, и отправился въ ссылку.

Тогда выступилъ на сцену Мунье, другъ Неккера, систематическій поклонникъ английскихъ учреждений и одинъ изъ тѣхъ людей, которые хотятъ немногого, но хотятъ сильно и упорно. Обезпокоенный смутами и убѣжденный въ необходимости урегулировать ихъ дѣйствіе, онъ образовалъ у себя комитетъ, составленный изъ вліятельнѣйшихъ членовъ трехъ сословій провинціи; въ засѣданіи этого комитета было условлено устроить 21 іюля 1788 г. въ Визилѣ, въ замкѣ Ледигьеровъ, расположенномъ недалеко отъ могилы Баярда, торжественное собраніе для утвержденія договора о союзѣ между тремя сословіями. Маршалъ де Во, грубый солдатъ, назначенный, благодаря его суровости, преемникомъ герцога Клермонъ-Тоннера, поспѣшилъ наводнить войсками аллеи передъ замкомъ. Но это не смутило дофинуаскихъ депутатовъ, и, окруженные штыками, они провозгласили, со всеѣмъ величіемъ, со всеѣмъ спокойствіемъ права, наконецъ, побѣдоноснаго, принципы, которые отчасти сдѣлались принципами французской революціи. Уже въ деклараціи, редактированной Мунье, *согласіе народовъ, соединенныхъ въ національное собраніе*, было объявлено существеннымъ условіемъ соціальнаго порядка. Въ Визилѣ постановили, что парламентъ Дофине долженъ быть призванъ обратно; что всякій налогъ долженъ быть встрѣченъ отказомъ, если не будутъ созваны безотлагательно генеральные штаты; что особенныя при-

вилегіи этой провинціи должны быть припесены въ жертву великому закону французскаго единства; что духовенство и дворянство въ Дофине вмѣстѣ составятъ одну палату, а представительство третьяго сословія будетъ состоять изъ числа членовъ, равнаго числу членовъ двухъ другихъ соединенныхъ сословій.

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ возставали противъ Бріенна. Духовенство относилось къ нему не болѣе благосклонно, чѣмъ парламенты и общественное мнѣніе. Въ созванномъ имъ чрезвычайномъ собраніи, князья церкви, руководимые Теминомъ, епископомъ блуаскимъ, высказали наставленія, гдѣ ихъ эгоизмъ прикрывался заботами объ общественной пользѣ. Принимая сторону федерализма, они излагали его печальныя доктрины въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Весьма существенно, чтобы всѣ страны соблюдали законы; не существенно, чтобы всѣ страны имѣли одни и тѣ же законы. Единство суда во Франціи представляетъ выгоду лишь постольку, поскольку могло бы быть выгоднымъ однообразіе законовъ¹⁾. Позвоительно думать, что это неодобреніе вновь учреждаемаго высшаго суда было, со стороны духовенства, лишь средствомъ сохранить свои финансовыя привилегіи, когда оно отказало даже въ ничтожной суммѣ 1.800.000 ливровъ, которую у него просилъ Бріеннъ. Такъ какъ имѣнія духовенства принадлежатъ небу, то облагать ихъ налогомъ—это значило, по мнѣнію епископовъ, совершать святотатство, облагать налогомъ Господа Бога.

Между тѣмъ займы не удавались, кредитъ исчезъ, капиталы не циркулировали болѣе, и главный министръ, не будучи въ состояніи покрывать текущіе расходы иначе, какъ путемъ налоговъ, постоянно возрастающихъ и дальнѣйшее возобновленіе которыхъ становилось уже невозможнымъ, чувствовалъ приближавшееся быстрыми шагами банкротство. Но въ то время, какъ его повелитель проводилъ цѣлые дни на охотѣ и, казалось, боялся, чтобы его не заподозрили въ управленіи государствомъ, онъ, министръ, съ самоувѣреннымъ и улыбающимся видомъ, разыгрывалъ разомъ роль энергичнаго политика, какъ Ришелье, и роль тонкаго политика, какъ Мазарини, говоря, съ тщеславной аффектаціей глубокомыслія: «я все предвидѣлъ, даже междоусобную войну»²⁾).

¹⁾ *Memoires histor. et politiques*, t. VI, p. 196.

²⁾ Sallier, *Annales françaises*, p. 195.

Нужно было, однако, успокоить націю и удовлетворить кредиторовъ государства. Бриеннъ обѣщалъ созвать генеральные штаты на 1 мая 1789 г.¹⁾; что же касается кредиторовъ, то имъ было объявлено эдиктомъ, что послѣ шестинедѣльной пріостановки платежа они получаютъ три пятыхъ деньгами и двѣ пятыхъ билетами, имѣющими хожденіе въ торговлѣ²⁾. Испугъ тотчасъ же овладѣваетъ мнительной арміей капиталистовъ; каждый бѣжитъ въ учетную кассу обмѣнять свои билеты на экю. Но такъ какъ касса имѣла въ звонкой монетѣ лишь весьма незначительную часть своего фонда, то на помощь ей пришло новое постановленіе, разрѣшавшее оплачивать билеты векселями, а векселя билетами. Бриеннъ въ этомъ случаѣ попробовалъ дѣйствовать страшнымъ орудіемъ, которымъ вооружился геній Ло (Law) въ своей борьбѣ съ ростовщичествомъ; но, не обладая ни искусствомъ безсмертнаго шотландца, ни его широтой взглядовъ, ни его великой душой, могъ ли архіепископъ тулузскій найти спасеніе тамъ, гдѣ погибъ величайшій изъ финансистовъ?

Министръ финансовъ, который къ винѣ закрытія рубрики щедротъ присоединялъ вину безденежья, естественно долженъ былъ вооружить противъ себя царедворцевъ, привыкшихъ имѣть общій кошелекъ съ государственной казной³⁾. Графъ д'Артуа первый высказалъ свое неудовольствіе⁴⁾: Бриеннъ палъ.

Марія-Антуанета лишь со слезами на глазахъ согласилась на увольненіе архіепископа; она выхлопотала для него кардинальскую шапку и осыпала его благодареніями.

Между тѣмъ извѣстіе о паденіи министра было встрѣчено парижанами съ восторгомъ. Радость ихъ удвоилась, когда нѣсколько дней спустя узнали объ отставкѣ Ламуаньона и обратномъ призывѣ парламентовъ. Бретонскіе узники нашли средство иллюминировать платформу Бастиліи. Торжество общественнаго мнѣнія праздновали фейерверками. Но два министра,

¹⁾ Постановленіе совѣта отъ 8 августа 1788 г.

²⁾ *Arrêt concernant la forme des payements*: такъ былъ озаглавленъ этотъ фактъ. Ривароль, съ которымъ министръ совѣтовался, находилъ забавнымъ такое названіе для этой финансовой мѣры.

³⁾ По этому предмету въ *Mémoires manuscrits de Brienne* сказано, что Калоннъ выпросилъ у короля 900.000 ливровъ для уплаты долговъ де-Водреилла.

⁴⁾ *Mémoires de Besenval*, t. II, p. 328.

сожженные въ портретахъ; грубое вмѣшательство солдатъ, ружейная пальба; кровопролитіе на улицахъ Меле и св. Доминика, на Новомъ мосту и на Гревской площади; много ни въ чемъ не повинныхъ гражданъ, какъ напримѣръ романистъ Флоріанъ, получившихъ удары или раненыхъ во вспышкахъ слѣпота гнѣва,—все это говорило достаточно ясно, что впредь паденіе дурныхъ властей будетъ, прежде чѣмъ сдѣлаться случаемъ для праздника, призомъ битвы.

Неккеръ былъ снова призванъ на постъ министра финансовъ, и удивительнымъ престижемъ своего имени быстро возстановилъ кредитъ¹⁾. Но въ то время, какъ вся Франція рукоплескала, Людовикъ XVI говорилъ печально: «Меня заставили, противъ моего желанія, опять призвать Неккера: скоро раскоются въ этомъ».

Невольно задаешь себѣ вопросъ—гдѣ найти въ исторіи государя, который былъ бы полиѣе, чѣмъ Людовикъ XVI, игрушкой судьбы? Онъ долженъ погибнуть жертвой революціи, и задолго до того времени, когда она занесетъ руку на него, эта революція привлекаетъ его, мучитъ и чаруетъ его. Ничто, впрочемъ, не можетъ отвратить опасности: ни уступки, ни просьбы, ни угрозы. Прибѣгаютъ къ нотаблямъ: они только прибавляютъ къ общему возбужденію шумъ своихъ преній. Обращаются къ парламентамъ: они возстаютъ и воспламеняютъ общественное мнѣніе. Умоляютъ духовенство: оно отвращается съ гордостью и презрѣніемъ. Когда дворъ удовлетворенъ, нація сердится; когда нація на минуту успокоена, дворъ рошчетъ. Насмѣхаются надъ экономіями Людовика XVI, негодуютъ на расточительность его министровъ. Если онъ употребляетъ хитрость,—она роняетъ его въ мнѣніи общества; если онъ употребляетъ силу,—она дѣлаетъ его ненавистнымъ; если онъ рѣшается предложить реформы,—его инициатива ославляется какъ узурпація. Подчиняющійся совѣтамъ повелительной женщины, дрожащій отъ голоса пробуждающагося великаго народа, онъ переходитъ отъ слабости къ гнѣву, и отдыхаетъ отъ гнѣва безпечною. Что же дѣлать? Такъ какъ нація не могла быть болѣе управляема, то пришлось призвать ее самое къ кормилу правленія; и генеральные штаты были обѣщаны.

¹⁾ См. картину второго министерства Неккера у Монтиона.

Это потому, что революція приближалась, сильная всѣмъ законнымъ озлобленіемъ и всѣми страстями, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ накоплялись въ сердцахъ людей. Остановить ее? Для этого нужно бы было уничтожить исторію.

ГЛАВА VII.

Выборное движеніе.

Всеобщая агитація.—Духъ дворянства, духовенства, третьяго сословія.—Публичные споры.—Пале-Рояль.—Совѣтники Неккера.—Второе собраніе нотаблей.—Роль парламента кончена.—Королевское повелѣніе отъ 1 января; годовые подарки народу.—Регламентъ 24 января.—Выборы.—Борьба дворянства и буржуазіи въ Реннѣ.—Мирабо въ Провансѣ, его портретъ.—Робеспьеръ въ Аррасѣ; неизданное письмо Робеспьера.—Избраніе герцога Орлеанскаго.—Картина Парижа во время его выборовъ; празднества, пищета и голодь.—Истинный характеръ перваго мятежа революціи.—Соціальная проблема, заключающаяся въ возстаніи рабочихъ.

Съ 8-го августа 1788 г., со дня, когда Бріеннъ, истощивъ всѣ средства, возвѣстилъ созывъ генеральныхъ штатовъ, до 5-го мая 1789 г., дня, когда это собраніе открылось въ Версали, Франція представляетъ поразительное зрѣлище: зрѣлище народа, который послѣ вѣковъ безмолвной монархіи, вдругъ пробуждается въ оглушительномъ шумѣ выборовъ. Когда, позднѣе, собраніе открылось, все притихло, чтобы слушать его; когда оно было объявлено, все заволновалось, чтобы создать его. Идеи, страсти, которыя вносилъдствіи, сосредоточенныя въ національномъ представительствѣ, проявились въ грандіозной борьбѣ, охватившей всю Францію, теперь наполняли ее тѣмъ неустрашимымъ безпокойствомъ, которое волнуетъ арміи наканунѣ великихъ дней. Миръ царствовалъ на всѣхъ границахъ. Извнѣ никакого боевого клича: Франціи пришлось волноваться только по поводу своихъ внутреннихъ битвъ.

Какъ описать безпокойство, овладѣвшее дворянствомъ? Тогда увидѣли, какую цѣну имѣло то тщеславное покровительство, то элегантное сообщничество, которымъ вельможи, при жизни Вольтера и Руссо, любили окружать философію. Въ то время знать находила удовольствіе устраивать въ своихъ паркахъ эрмитажи, которые милостиво предлагала мыслителямъ, какъ вдохновляющія

убѣжища; рука придворныхъ дамъ помогала украшать рабочій кабинетъ. Любезность тщеславія! Ибо какъ только потребовалось итти далѣе хорошаго вкуса моды; какъ только увидѣли, изъ торжественнаго декрета, что эти книги, сожженію которыхъ рукой палача такъ пріятно было аплодировать, становятся собраніями и скоро должны сдѣлаться законами,—дворянство забило тревогу, и отъ его громкой благосклонности осталась только гордость. Между дворянами лишь незначительное меньшинство показало себя великодушнымъ и сохранило спокойствіе; среди остальныхъ царили недовольство и смущеніе.

Вокругъ графа д'Артуа, принца Конде, герцога Бурбонскаго, герцога Ангіенскаго образовался штабъ разгнѣванныхъ дворянъ, ободряемый улыбками королевы; и, позднѣе, Людовикъ XVI получилъ *письмо князей*, сочиненное Монтіономъ. Въ этомъ посланіи королевство объявлялось въ опасности; показывали впереди величество трона преданнымъ случайностямъ публичнаго обсужденія, права двухъ первыхъ сословій оскорбительно оспариваемыми, мину, подводимую подъ богатство, нападки на неравенство имущества, послѣ нападокъ на неравенство состояній; намекали на возможность вооруженнаго протеста дворянъ, возстанія провинцій... «Неужели король—воскликали въ заключеніе соединившіеся князья,—рѣшится принести въ жертву, подвергнуть униженію это храброе, старинное и почтенное дворянство, которое пролило такъ много крови за отечество и за королей?» ¹⁾ Изъ толпы отвѣтили на это: «А кровь народа развѣ вода?»

Неблагоразумнымъ демонстраціямъ главарей аристократіи группа болѣе серьезныхъ синьоровъ пыталась противопоставить примѣръ театральнаго великодушія: тридцать герцоговъ и пэровъ отправились торжественно въ Лувръ подать королю заявленіе о готовности ихъ отказать отъ своихъ денежныхъ привилегій. Но вынужденныя необходимостью полюбовныя сдѣлки обыкновенно возбуждаютъ подозрѣнія. Въ этой демонстративной выходкѣ народъ увидѣлъ хитрость, дворянство—измѣну. Къ этому примѣшалась французская веселость. «Читали письмо дураковъ (*dupes* вмѣсто *ducs*) и пэровъ?» сдѣлалось ходячей остроотой по поводу этого инцидента.

¹⁾ *Lettre des princes* въ *Histoire parlementaire* de Buchez et Roux, t. I. p. 256.

Но чтобы ознакомиться съ истиннымъ настроеніемъ большинства этого сословія, нужно обратиться къ инструкціямъ (*cahiers*), которыя дворянство дало своимъ депутатамъ ¹⁾.

Чего требовало большинство этихъ инструкцій? Гарантій противъ короля, противъ духовенства, противъ третьяго сословія:

Противъ короля—упраздненіе Бастиліи, страшной многимъ дворянамъ, періодическій созывъ генеральныхъ штатовъ, недѣйствительность всякаго налога, не одобреннаго этимъ собраніемъ. Противъ духовенства—отмѣна десятины, продажа части церковныхъ имѣній для уплаты долга, упраздненіе монашескихъ орденовъ. Противъ третьяго сословія—созданіе *крестьянскаго сословія*, освященіе этикета въ средѣ собраній, учрежденіе геральдическаго трибунала для повѣрки дворянскихъ титуловъ и присвоеніе исключительно дворянамъ права носить шпагу.

Что касается его доли преданности, то вотъ на что дворянство изъявляло готовность: участіе въ несеніи налоговъ, но лишь временно, и съ тѣмъ, чтобы отличали *дворянскую подать*; отмѣна феодальныхъ правъ, но отмѣна путемъ выкупа по высокой цѣнѣ, уплачиваемаго въ десятилѣтній срокъ.

Таковы были чувства дворянскаго сословія; и великодушіе нѣкоторыхъ изъ его членовъ только раздражало гордость большинства, гордость, которая, въ борьбѣ страстей, распространялась въ безчисленныхъ брошюрахъ, въ шумныхъ собраніяхъ, въ кровавыхъ столкновеніяхъ, которыя приводили цѣлыя провинціи, какъ, наприм., Бретань, на наклонную плоскость междоусобій.

Духовенство старалось казаться спокойнымъ,—вѣдь призваніе его предписывало ему миръ и самоотверженіе. Однако, его тайное безпокойство обнаруживала беспорядочность и противорѣчивость его желаній. Такъ, въ своихъ инструкціяхъ патеры признаются смиренно въ скандалахъ церкви и въ ослабленіи дисциплины. Но они принисываютъ деморализацію вѣка вліянію философіи, и чтобы помочь горю, предлагаютъ отдать въ ихъ руки дѣло общественнаго воспитанія. Впрочемъ, внѣ заботъ чисто церковнаго характера, духовенство выказывало истинно

¹⁾ Чтобы узнать, насколько были различны, въ двухъ первыхъ сословіяхъ—дворянства и духовенства, желанія, высказанныя въ инструкціяхъ, можно справиться въ *Tableau comparatif de Grille*, Paris, 1825. Легко понять, что мы могли здѣсь дать только господствующую окраску выраженныхъ мыслей.

либеральныя тенденціи. Оно отказывалось отъ своихъ привилегій, соглашалось на равномерное распредѣленіе налоговъ, требовало устраненія препятствій, мѣшающихъ правильному развитію торговли и промышленности, высказалось за допущеніе лицъ средняго сословія къ занятію всякихъ должностей въ гражданской и военной службѣ, составлявшихъ до того времени исключительную монополію дворянства. Въ нѣкоторыхъ инструкціяхъ выражалось трогательное желаніе—чтобы орудія бѣдняка никогда не были конфискуемы у него, и чтобы поденщикъ, въ видѣ единственнаго исключенія во Франціи, былъ освобожденъ отъ налога. Не забудемъ, что духовенство имѣло въ своихъ рядахъ высшихъ сановниковъ церкви и простыхъ священнослужителей—аристократію и народъ.

Среди третьяго сословія царилъ неописанный энтузіазмъ. Тамъ господствовали дѣятельность ума и смѣлость; отсюда восходили къ высшимъ сословіямъ смущеніе и великодушныя вдохновенія; тамъ только былъ вопросъ о побѣдѣ: другіе классы ожидали только иоразженія; тамъ приготовлялись къ смерти.

Когда въ постановленіи, обѣщавшемъ созывъ государственныхъ чиновъ, Бриеннъ сказалъ: «Всѣ ученые, всѣ образованные люди королевства, особенно члены академіи надписей и изящной словесности добраго города Парижа, приглашаются присылать хранителю государственныхъ печатей свѣдѣнія и записки по предметамъ, указаннымъ въ настоящемъ постановленіи»¹⁾, министръ навѣрно не ожидалъ такого наплыва изслѣдованій и мыслей. Онъ вопрошалъ знаніе,—а отвѣчала страсть. Но въ этомъ именно и заключалось значеніе тѣхъ дней: знаніе было страстью.

Керсенъ въ «Bon sens»; Бриссо, Клавьеръ, Кондорсе, Тарже, Черутти, Антонель, Вольней въ «Moniteur»; Туре и Серванъ, одинъ въ Руанѣ, другой на югѣ Франціи; Мунье въ Провансѣ—горячо ратовали за права третьяго сословія, съ большимъ краснорѣчіемъ говорили о справедливости, правѣ, разумѣ. Въ страстномъ памфлетѣ «l'Orateur pour les états généraux», имѣвшемъ огромный успѣхъ, Карра возмущался по поводу названія *подданные*, даннаго членамъ генеральныхъ штатовъ, и напоминалъ, что державная власть принадлежитъ націи, а король есть лишь ея уполномоченный. Краткія энергическія брошюры, живописныя

¹⁾ Collection des lois, par Duvergier, t. I, p. 2.

прокламаціи переходили изъ лавки въ лавку, изъ улицы въ улицу, достигали деревень и, несмотря на бдительность властей, проникали въ лачугу бѣдняка; таковы: — «Avis aux Parisiens»;—Avis au public»;—«Avis aux bonnes gens»;—«Manière de s'assembler»¹⁾. Всѣ эти брошюры и прокламаціи комментировались подъ открытымъ небомъ и сообщали толпѣ возбужденіе образованнаго класса. Адвокаты давали, въ формѣ заисокъ, совѣты въ защиту дѣла третьяго сословія²⁾. Врачъ Гильотенъ, именемъ котораго впоследствии окрестили орудіе казни, составилъ «*Pétition des citoyens de Paris*», подписанную шестью корпораціями купцовъ и выставленную у нотариусовъ для собиранія подписей. Парламентъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ для объясненій какъ редактора петнціи, такъ и нотариусовъ, которымъ было поручено собирать подъ ней подписи; но народное увлеченіе имѣло въ себѣ нѣчто до того повелительное, что магистратура не посмѣла прибѣгнуть къ строгости и даже пробормотала похвалы. Загѣмъ чуть не каждый день то тотъ, то другой писатель уѣзжалъ изъ Парижа, чтобы распространять въ провинціяхъ эту возбужденную жизнь столицы. Вольней поселился въ Реннѣ, какъ часовой. Мангури издавалъ газету «*Le Héraut de la nation*» («Герольдъ націи») и возбуждалъ Бретань. Черутти писалъ: «Народъ — единственное сословіе, которое не живетъ злоупотребленіями и которое иногда умираетъ отъ нихъ»³⁾.

Скоро мы увидимъ Пале-Рояль обратившимся въ главный фокусъ этой горячки; его три длинныя галереи, построенныя герцогомъ Орлеанскимъ, его аллеи молодыхъ липъ, замѣннвіиі темныя аллеи каштановъ, едѣлаются постояннымъ сборнымъ мѣстомъ толпы. Въ княжескомъ саду, лагерьъ и форумъ въ одно и то же время неизвѣстныя трибуны придуть читать, стоя на стульяхъ, народу эфемерныя брошюры, которыя будутъ вызывать рукоплесканія или шиканье. Но своей бурной славы Пале-Рояль пока еще не приобрѣлъ. Тѣмъ не менѣе уже многочисленныя книжныя лавки, снабженныя всѣми новыми памфлетами, составляли его бібліотеку страстей; уже онъ обѣщалъ театральное представленіе съ двумя ораторами, которое повторятъ передъ нашими глазами народныя сцены: ораторы эти—маркизь де Сенъ-

¹⁾ Sallier, *Annales françaises*, p. 237 et suiv.

²⁾ *Ibidem*, p. 235.

³⁾ *Mémoire pour le peuple français*.

Изъ этихъ препирательствъ вышла страшная книга: Шанфоръ отдалъ на обсужденіе салоновъ слѣдующій выразительный діалогъ: «Что такое третье сословіе?—Все и ничто». Отсюда знаменитая брошюра аббата Сійеса. «Привилегированныя сословія? Бесплодная вѣтвь, которая слѣдуетъ обрѣзать. Третье сословіе—*все*, оно было до сихъ поръ *ничто*, оно желаетъ быть *кое-чѣмъ*». И въ трактатѣ, краткомъ, догматическомъ, сентенціозномъ, эти три фатальныя выраженія повторялись безпрестанно, какъ слова текста Священнаго Писанія въ горячей проповѣди. Политическій священнослужитель разбиралъ сухо, властно вызвавшіе споръ вопросы и рѣшалъ ихъ высококомѣрно, именемъ церкви... разума. «Вы обязаны вашимъ дворянствомъ завоеванію, говорите вы,—прекрасно! третье сословіе сдѣлается благороднымъ, завоевывая, въ свою очередь» ¹⁾.

Другое приобрѣвшее громкую извѣстность изданіе было «Mémoire sur les états généraux» Авенеля, графа д'Антрегъ, дворянина изъ Виваре. «Мы, равные вамъ по достоинству, обѣщаемъ повиноваться вамъ, но лишь въ томъ случаѣ, если вы сохраните наши права». Таковъ былъ эпиграфъ, заимствованный авторомъ въ традиціяхъ аррагонской свободы.

Третье сословіе имѣло за себя эти книги, дворянство имѣло парламентъ. Призванный зарегистрировать декларацію короля, возвѣщавшую близкій созывъ генеральныхъ штатовъ, парламентъ прибавилъ: *по формѣ, соблюдавшейся въ 1614 г.* Неосторожная оговорка, разоблачившая, наконецъ, тайныя стремленія парламентаріевъ и обнаружившая лживость ихъ патріотизма. Ихъ недавняя популяриность мигомъ исчезла, и отъ поддержки, оказанной ему магистратурой, дворянское сословіе не получило ничего, кромѣ усугубленія сараказмовъ и нападокъ. Въ самомъ дѣлѣ, эрудиція тотчасъ же сдѣлалась оружіемъ. Стали усердно разыскивать, что происходило въ 1614 г., и нашли въ исторіи примѣры, послужившіе новыми аргументами. Въ 1614 г. третье сословіе говорило королю, стоя на колѣняхъ: нужно ли также становиться на колѣни въ 1789 г? Въ 1614 г., когда ораторъ третьяго сословія позволилъ себѣ сравнить три сословія съ тремя братьями, де-Сенесей, президентъ дворянскаго сословія, пошелъ жаловаться королю на это дерзкое сравненіе, какъ на

¹⁾ *Qu'est-ce que le tiers état?* Ch. II, p. 13. 2-е изд., 1789 г. Эта брошюра теперь составляетъ большую рѣдкость.

кровную обиду ¹⁾: какой-нибудь другой баронъ де-Сенесей будетъ ли въ предстоящемъ собраніи генеральныхъ штатовъ протестовать противъ всякаго слова о братствѣ? Въ 1614 г. дворянство требовало, чтобы различные классы націи различались одеждой; чтобы разночинцамъ воспрещено было имѣть огнестрѣльное оружіе и собакъ съ неподрѣзанными поджилками: предполагаютъ ли возобновить эти нахальныя петиціи?

Такимъ образомъ повсюду шла борьба.

И въ то время, какъ съ этой пылкостью и стремительностью, Франція, казалось, приготавливала арену будущимъ собраніямъ, правительство выказывало нерѣшительность и смущеніе. Должно ли отдаться спокойно на волю теченія идей и вещей? Можно ли отступить? На столько противорѣчащихъ одно другому желаній что отвѣчать? И когда появится, наконецъ, предъ трономъ собраніе, несущее въ себѣ всѣ грозы общественнаго мнѣнія, можно ли оставить это собраніе его собственнымъ порывамъ?

Люди, подчинявшіеся внушеніямъ мелкой осторожности, Малюэ, Мунье, архіепископъ бордоскій (де Сисе), епископъ лангрскій (де ла Люзернь), осаждали Неккера своими опасеніями и наставленіями. Въѣрять завтрашній день случаю, сдѣлать изъ революціи авантюру! нѣтъ, нѣтъ: нужно предупредить захваты, установить рамку желаемыхъ реформъ; нужно, чтобы на мраморѣ этой трибуны, которую собираются отдать смѣлости новаго духа, министръ въ первый же день положилъ, отъ имени короля, программу либеральную, но ограниченную и неизблемую, объявивъ собранію, что ему приносятъ рѣшенія, а не задачи, и что не должно заходить далѣе начертанной программы. Правительство должно проявить инициативу и волю! Иначе мятежъ сдѣлается самъ правительствомъ, и тогда всѣ двери будутъ открыты неизвѣстности.

Странные совѣтники, рекомендовавшіе силу истощенію! Въѣдъ видѣли, сколько средствъ испробовала монархія, то мудрыхъ по видимому, то крайнихъ и насильственныхъ. Если бы она не чувствовала своего безсилія, она не звала бы на помощь. Ея непредусмотрительность въ этомъ случаѣ была лишь результатомъ ея слабости. Не одна только неизвѣстность страшила ее, но также, и въ особенности, ея безпомощность.

¹⁾ *Procès-verbal de la noblesse aux états de 1614*, cité par Siéyes à la suite de la brochure sur les privilèges.

Оттого королевская власть шла съ возраставшей тревогой на торжественное свиданіе. Неккеръ, имѣвшій рѣшительную склонность къ формамъ англійской конституціи, испытывалъ, однако, смутное безпокойство. Что касается Людовика XVI, то страхъ его былъ очевиденъ. Открытіе штатовъ было сначала назначено на 1 мая 1789 г., затѣмъ на январь мѣсяцъ, потомъ на апрѣль и наконецъ на 4 мая: колебались въ выборѣ момента потому, что колебались насчетъ самаго дѣла, и финансистъ Неккеръ слишкомъ ясно позволялъ видѣть, что онъ смотритъ на этотъ день, какъ на срокъ для расплаты.

Совершенно неожиданный указъ окончательно выдалъ секретъ этихъ тревогъ власти: узнали, что въ ноябрѣ 1788 г. будетъ второй созывъ нотаблей. Къ чему это малое собраніе накануне большого? Не смѣя рѣшить важные вопросы, Неккеръ радъ былъ уменьшить по возможности свою долю отвѣтственности въ провозвѣщавшихся событіяхъ. Нотабли должны были служить ему средствомъ испытать въ послѣдній разъ возможные вспышки гнѣва общественнаго мнѣнія. Испытаніе было рѣшающимъ въ пользу революціи, именно вслѣдствіе сопротивленія нотаблей. Ибо какъ только узнали, что нотабли, за исключеніемъ бюро, предсѣдательствуемаго братомъ короля, отвергли удвоеніе числа депутатовъ отъ третьяго сословія, вся Франція огласилась бѣшенными криками негодованія. Отъ всѣхъ провинціальныхъ муниципалитетовъ, отъ всѣхъ корпорацій полетѣли адреса къ королю. Какъ было не уступить этому общему и настойчивому движенію? Людовикъ XVI, боявшійся его, не могъ, однако, минутами, не подчиняться ему; и когда ему доложили, что между нотаблями одинъ только голосъ высказался въ пользу двойного числа депутатовъ отъ третьяго сословія, онъ сказалъ съ похвальной, хотя, можетъ быть, невольной живостью: «Пусть прибавятъ мой голосъ» ¹⁾!

Тогда парламентъ попытался вновь завоевать себѣ утраченную популярность и вдругъ принялъ резолюцію, относительно которой онъ надѣлся, что недавнія рѣшенія нотаблей выставятъ въ яркомъ свѣтѣ выраженные въ ней либеральныя намѣренія. Въ этомъ постановленіи магистратура высказывала сожалѣніе, что ее не поняли, напоминала о заявленныхъ ею пожеланіяхъ

¹⁾ Beauchamp, *Vie de Louis XVI*, cité par Labaume, *Histoire de la Révolution française*, t. II, p. 325.

равномѣрнаго распредѣленія бремени налоговъ, установленія отвѣтственности министровъ, освященія индивидуальной свободы, и т. д. Но было ужъ слишкомъ поздно. Привилегированныя сословія вознегодовали, буржуазія посмѣялась надъ парламентомъ, а король принялъ его въ Версалѣ такъ, что онъ долженъ былъ почувствовать, что роль его кончена.

Между тѣмъ 27 декабря 1788 г., по представленію Неккера, состоялось собраніе членовъ королевскаго совѣта. Королева, противъ обыкновенія, была приглашена участвовать въ совѣщаніи ¹⁾. Министръ доказывалъ, что дѣло третьяго сословія всегда будетъ имѣть за собой общественное мнѣніе, будучи связано съ великодушными стремленіями, единственными, которыя позволительно громко высказывать. Онъ прибавилъ, что есть множество вещей, знаніемъ которыхъ обладаетъ исключительно третье сословіе, какъ, напримѣръ, торговыя сдѣлки, фабричная промышленность, наиболѣе дѣйствительныя средства къ ихъ поощренію, общественный кредитъ, денежное обращеніе, злоупотребленія при взиманіи налоговъ и т. п. Неккеръ просилъ прислушаться «къ тому глухому шуму всей Европы, который благопріятствуетъ всѣмъ идеямъ общей справедливости» ²⁾. Онъ предложилъ популярныя мѣры, и нужно отдать справедливость Маріи-Антуанетѣ, что ея согласіе на этотъ разъ принадлежало рѣшеніямъ, требуемымъ общественнымъ благомъ.

1 января 1789 г. появился королевскій указъ, который, «принимая во вниманіе заключеніе меньшинства нотаблей, мнѣніе многихъ принцевъ крови, желаніе собранія провинціи Дофине, просьбу многихъ провинціальныхъ собраній и депутацій, мнѣніе различныхъ публицистовъ и желаніе, выраженное въ многочисленныхъ адресахъ, повелѣвалъ, чтобы число депутатовъ было не менѣе тысячи; чтобы оно было составлено соразмѣрно съ цифрой населенія и съ суммой налоговъ, платимой каждымъ округомъ, и чтобы число депутатовъ третьяго сословія было равно числу депутатовъ двухъ первыхъ сословій, взятыхъ вмѣстѣ».

Энтузіазмъ достигъ небывалыхъ размѣровъ; въ Парижѣ зажгли иллюминацію, какъ послѣ побѣды. Намекая на дату, 1 января 1789 г., Бареръ, въ своихъ мемуарахъ, говоритъ: «Это

¹⁾ De Barante, *Notice sur M. de Saint-Priest*, p. 91.

²⁾ Rapport de Necker.

былъ новогодній подарокъ народу»¹⁾. Памфлеты дворянства, его крики были заглушены шумными кликами радости.

Вопросъ о вотированіи по-сословно или по-головно не былъ рѣшенъ; но удвоеніе числа депутатовъ третьяго сословія позволяло предчувствовать исходъ и обнаруживало взгляды министра, такъ какъ по-сословное вотированіе сдѣлало бы это удвоеніе совершенно призрачнымъ. Тутъ Неккеръ выказалъ недостатокъ откровенности и мужества. Его убѣжденія должны бы были запретить ему, полагая предпосылки, оставить будущему собранію опасности заключенія.

Только 24 января былъ опубликованъ регламентъ, опредѣлявшій порядокъ выборовъ въ генеральные штаты. Регламентъ этотъ былъ очень запутанный, и въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражался хаосъ старой Франціи. Здѣсь выборы были прямые, тамъ дву-степенные, въ другихъ мѣстахъ трехъ и даже четырехъ-степенные. Въ силу нѣкоторыхъ отличій, еще уважаемыхъ остатковъ феодальнаго права, дворяне, владѣвшіе леномъ, имѣли привилегію, какою не пользовались простые дворяне: привилегію личнаго представительства чрезъ своего уполномоченнаго (ст. 16 и 17 регламента 24 января). Съ своей стороны, духовныя особы, имѣвшія бенефицію, пользовались лично избирательнымъ правомъ, тогда какъ другіе клирики, собравшись у настоятеля приходской церкви, избирали по одному выборщику на двадцать подающихъ голосъ (ст. 12 и 14 регламента). Впрочемъ, не было сдѣлано никакого исключенія кромѣ какъ въ отношеніи прислуги и въ интересахъ независимости подачи голосовъ. Право участвовать въ выборахъ, либо непосредственно, либо косвенно, было признано за каждымъ французомъ, достигшимъ 25-ти-лѣтняго возраста, имѣющимъ постоянное жительство въ данной общинѣ и значащимся въ списокѣ плательщиковъ прямыхъ налоговъ (ст. 25). Что касается избираемости, то не было никакихъ ограничительныхъ условій, и третьему сословію предоставлялось право выбирать своихъ представителей въ любомъ сословіи. Это не было *прямое* всеобщее избирательное право, но во всякомъ случаѣ это было всеобщее избирательное право.

Франція, которой недоставало избирательнаго опыта, горячо принялась изучать механизмъ выборовъ, какъ его опредѣлялъ регламентъ 24 января.

¹⁾ *Mémoires de Barère*, t. I, p. 380.

Созваніе избирательныхъ съѣздовъ и сходовъ не было ни однообразно, ни одновременно во всемъ королевствѣ. Каждый округъ (bailliage) былъ собираемъ, для производства выборовъ, специальными грамотами. Первая изъ этихъ грамотъ помѣчена 7 февраля и адресована Эльзасу; послѣдняя, адресованная области Четырехъ Долинъ, датирована 3 мая 1789 г. ¹⁾ Парижъ приступилъ къ своимъ выборамъ послѣ всѣхъ провинцій и не закончилъ ихъ еще, когда открылись засѣданія генеральныхъ штатовъ.

Итакъ, выборное движеніе началось по всей Франціи. Часы, полные опьяненія, тревоги, надежды! Неккеръ ожидалъ, съ безстрастнымъ лицомъ, но съ взволнованнымъ сердцемъ. Онъ хотѣлъ предоставить выборамъ полную свободу ²⁾ и не прикасаться къ этимъ страшнымъ урнамъ. Однако, королевская власть, которую онъ толкалъ впередъ, но надъ которой не господствовалъ безусловно, приняла свои предосторожности; губернаторы получили приказъ отправиться къ своимъ постамъ; подчиненныя власти удвоили бдительность, и на дорогѣ этой толпы, приглашенной къ завоеванію гражданскаго верховенства, виднѣлись солдатскіе мундиры.

Дворянство прибыло, крайне раздраженное противъ министра. Кандидаты выставляли свою ненависть, какъ рекомендацію для избранія ихъ въ депутаты. Отсюда безчинства и скандалы въ феодальныхъ собраніяхъ, по свидѣтельству одного писателя дворянской партіи ³⁾. Прибавимъ, что повсюду провинціальныя дворяне были въ оппозиціи съ придворными дворянами, отвергая съ ужасомъ кандидатуру вельможъ: «они стали бы торговать интересами дворянства» ⁴⁾, говорили провинціалы.

Выборы духовенства также обнаружили раздѣленіе его на двѣ партіи: епископовъ и священниковъ; но между этими двумя сословіями замѣчалась та разнища, что въ дворянствѣ подозрительными въ отношеніи патріотизма и философіи были грансеньеры, тогда какъ въ духовенствѣ подозрѣніе внушали скромные кюре, простые патеры.

Графъ Клермонъ-Галлерандъ сознается, что, въ отношеніи спокойствія и достоинства, избирательныя собранія третьяго

¹⁾ Buchez et Roux, *Hist. parlementaire*, t. I, p. 297.

²⁾ *Mémoires de Clermont-Gallerande*, t. I, p. 52.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. I, p. 3.

ную роль въ сеймѣ, будучи представлено всего 47 членами, изъ которыхъ 5 не пользовались совѣщательнымъ голосомъ, имѣющимъ вліяніе на рѣшеніе дѣлъ; да и эти представители третьяго сословія не были выборные, а присутствовали тамъ лишь въ качествѣ мэровъ и должностныхъ лицъ муниципальнаго управленія, тогда какъ попрежнему «всеѣ улицы преобразились въ дворянъ», которымъ достаточно было имѣть двадцать пять лѣтъ отъ роду, чтобы явиться на сеймъ.

Декретъ 27 декабря, выразившій желаніе, чтобы въ избирательныхъ собраніяхъ третье сословіе было представлено въ числѣ, равномъ числу представителей двухъ сословіи, взятыхъ вмѣстѣ, еще не дошелъ въ Бретань, но мысль королевскаго совѣта въ этомъ отношеніи была извѣстна. Поэтому городское сословіе Ренна домогалось равенства представительства. Оно требовало, кромѣ того, поголовнаго вотированія и равномернаго распредѣленія налоговъ, согласно, говорили, секретнымъ инструкціямъ Неккера ¹⁾, объявивъ рѣшительно, что оно не приметъ участія ни въ какихъ совѣщаніяхъ, пока не получитъ справедливаго удовлетворенія по этимъ пунктамъ. Дворянство горячится, буржуазія твердо стоитъ на своемъ, сосѣдніе города внимательно прислушиваются; съ той и другой стороны готовятся къ битвѣ. Тѣмъ временемъ появилось постановленіе королевскаго совѣта, которое, чтобы прекратить раздоры, переносило собраніе на 3 февраля и повелѣвало депутатамъ третьяго сословія достать въ своихъ муниципалитетахъ новыя и болѣе широкія полномочія. Но дворянство рѣшило не уступать: оно протестуетъ, клянется, что воздержится отъ участія въ собраніи, если не будетъ соблюдена прежняя форма; оно обращается къ сельскому населенію съ возмутительными воззваніями, объявляетъ измѣнникомъ провинціи всякаго, кто не будетъ стоять за сохраненіе привилегій. Третье сословіе, съ своимъ президентомъ во главѣ, удалилось изъ собранія ²⁾.

Между тѣмъ дворянство продолжало, шумно и безпорядочно, свои совѣщанія; вскорѣ, ободренное поддержкой парламента, оно сочло себя достаточно сильнымъ, чтобы попытаться счастья въ возбужденіи мятежа, и пустило по городу толпу лакеевъ, носи-

¹⁾ *L'ami du roi* etc., par Montjoie, chap. VIII, p. 89.

²⁾ *Précis exact et historique des faits arrivés à Rennes les 26 et 27 janvier 1789*, p. 13.

лочниковъ, празднующихся, велѣвъ имъ кричать, что хлѣбъ слишкомъ дорогъ и что въ этомъ виноваты буржуа. Нападая на встрѣчавшихся по дорогѣ мирныхъ гражданъ, эта толпа, съ криками, побѣждала требовать правды у магистратуры. Члены парламента, засѣдающіе въ своихъ судейскихъ мантияхъ, слушаютъ бунтовщиковъ и отказываются выслушать ихъ. Тогда реннская молодежь беретъ за оружіе. Среди мятежниковъ узнали переодѣтыхъ дворянъ; это вызываетъ негодованіе, и вооруженные граждане располагаются лагеремъ на площадяхъ ¹⁾. Вдругъ прибѣгаетъ, вызывая о помощи, окровавленный рабочій, котораго избилъ люди дворянъ. Всѣ бѣгутъ къ мѣсту засѣданія штатовъ. Дворяне выходили въ этотъ моментъ изъ собранія: атакованные, они обнажаютъ шпаги, и кровь полилась. Двое изъ дворянъ были убиты, въ томъ числѣ восемнадцатилѣтній юноша, который упалъ къ ногамъ своего отца. Это уже настоящая междусобная война. Набатный колокомъ звонитъ, появляются женщины въ свалкѣ; графъ Тіаръ, комендантъ провинціи, прибывшій на мѣсто сраженія, лишь съ большимъ трудомъ добивается пріостановки вооруженной борьбы. Но шестьсотъ дворянъ, въ ожиданіи нападенія, собрались въ францисканскомъ монастырѣ. Толпа устремляется въ эту сторону и окружаетъ монастырь. Одни предлагали поджечь монастырскія постройки для того, чтобы принудить дворянъ къ битвѣ на улицѣ; другіе совѣтовали прибѣгнуть только къ вызывающему оскорбленію бранными словами. Осада продолжалась трое сутокъ, и исходъ грозилъ быть ужаснымъ, когда графу Тіаръ удалось, наконецъ, утишить раздраженіе враждующихъ сторонъ. Согласились на родъ военной капитуляціи; толпа разступилась, и дворяне, выходя безъ всякаго оружія, кромѣ своей шпаги, вернулись въ свои отели, откуда не замедлили разбѣжаться по деревнямъ.

Все, казалось, оконченнымъ этой эмиграціей въ помѣстья; но такъ какъ вѣсти о происходящемъ въ Реннѣ распространились далеко, то туда поспѣшно пришли отряды вооруженныхъ молодыхъ людей изъ Нанта, Сенъ-Мало, Сенъ-Бріекъ, Анжера, съ телѣгами, нагруженными провизіей и боевыми припасами. Восемьсотъ нантскихъ жителей заняли по-военному городъ Реннъ; въ то же время были выпущены прокламаціи молодежью бретонскихъ городовъ. Протестъ горожанъ Нанта содержалъ

¹⁾ *Mot d'un cosmopolite*, p. 16.

клятву скорѣе умереть, нежели подписаться, въ случаѣ арестовъ, подъ приговорами неправого суда. Въ Анжерѣ появился манифестъ «отъ имени матерей, сестеръ, женъ и певѣсть молодыхъ гражданъ», объявлявшій, что онѣ будутъ сопровождать ихъ всюду, будутъ присматривать за багажемъ, посвящать себя заботамъ, какія могутъ оказывать женщины идущимъ на бой. Въ числѣ возставшихъ молодыхъ людей находился одинъ студентъ-юристъ, ставшій впоследствии генераломъ Моро.

Дворянство Бретани должно было признать себя побѣжденнымъ: оно думало, что отмститъ, отказавшись отъ посылки депутатовъ въ генеральные штаты: пустая демонстрація, которой нигдѣ не подражали и которая послужила только къ тому, что ослабила представительство сословія на двадцать одинъ голосъ.

Это стремительное возстаніе третьяго сословія, которое отъ идей перешло къ оружію, потушило по всей Франціи воинственный пылъ дворянства, и мечты о союзѣ между провинціями не осуществились.

Незначительныя смуты произошли и въ Франшъ-Конте. Тамъ, какъ и въ Бретани, третье сословіе требовало равенства представительства, дворянство отказывало въ этомъ, и парламентъ сталъ на сторону дворянъ. Относящееся сюда постановленіе безансонскаго парламента содержитъ курьезную мотивировку: «Принимая во вниманіе, что новшества опасны, потому что новаторскій духъ не останавливается...; что палата не можетъ одобрить претензій, стремящихся къ смѣшенію различныхъ сословія; что неравенство въ распредѣленіи имуществъ установлено Провидѣніемъ; что большая часть классовъ третьяго сословія живетъ и всегда будетъ жить лишь на средства, доставляемыя землями дворянства и духовенства, и т. д.»¹⁾ Народъ осыпалъ оскорбленіями членовъ магистратуры, король кассировалъ ихъ ностановленіе, и побѣда осталась за третьимъ сословіемъ. Такъ же было въ Бургони²⁾. Въ Ировансѣ одно имя резюмировало смуты, и невозможно, чтобы, встрѣчая это имя въ первый разъ, исторія не остановилась на немъ.

Поразительное безобразіе, поблекшее багровое лицо, съ рѣзкими чертами, безстыдство губъ, соединенное съ блескомъ глазъ, таковъ былъ Мирабо. И онъ имѣлъ душу, гармонирующую съ

¹⁾ Buchez et Roux, *Hist. parlementaire*.

²⁾ *Annales françaises*, p. 294.

его лицомъ. Въ немъ, казалось, соединились и сталкивались всѣ хорошія качества и всѣ пороки «бурнаго рода» Рикетти, къ которому онъ принадлежалъ. Какія страсти двигали имъ, и какія у него были намѣренія? Скоро мы увидимъ его, натуру дубличную и сильную, увлекающимъ за собой народъ, который онъ презиралъ. Пылкій и лукавый, съ жестами и голосомъ трибуна, онъ будетъ восхвалять королей; онъ осмѣлится призвать къ себѣ мятежъ, будетъ пользоваться имъ, затѣмъ клеветать на него. Революціонная смѣлость была у Мирабо не болѣе, какъ вспышка гордости и эгоизма. Счастливымъ, когда представлялся случай напомнить о своемъ патриціанскомъ происхожденіи и о родствѣ съ адмираломъ Колини, онъ не имѣлъ ни нравственной силы, ни добродѣтелей, изъ которыхъ слагается любовь къ братству, и суровый образъ республикъ пугаль издали испорченность его нравовъ. Главное честолюбіе этого челоуѣка съ холодной головой и горячимъ темпераментомъ заключалось въ томъ, чтобы играть роль главы государства, сохраняя для своей частной жизни выгоды безпорядочности; ибо народныя движенія были ему непріятны, и онъ питалъ отвращеніе къ шуму, не имъ произведенному. Онъ явился, однако, на выборы въ Провансъ какъ противникъ дворянства, какъ агитаторъ, что можно объяснить только его воспитаніемъ и вліяніями его юности.

Въ отношеніи его, какъ извѣстно, отецъ его поступалъ почти какъ сумасшедшій: онъ былъ одержимъ мономаніей ненависти. Поэтому существованіе Мирабо было уже съ ранняго возраста отравлено. Ребенкомъ онъ за его уродство былъ нелюбимъ и преслѣдуемъ въ семьѣ, которая спѣшила отречься отъ него. Первые видѣнныя имъ зрѣлища были сцены супружеской невѣрности и ревности; первый языкъ, которому его обучали, былъ языкъ ругани; въ семьѣ ему въ насмѣшку было дано прозвище М-г Pierre Buffle. И по мѣрѣ того, какъ онъ росъ, отцовскія преслѣдованія все болѣе и болѣе разжигали возмущеніе въ его крови.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ не далъ уже поводовъ къ дурной о себѣ славѣ. Въ городѣ Э мѣстное преданіе говорило, что, задумавъ жениться на дѣвицѣ де Мариньянъ, несмотря на сопротивленіе ея родителей, онъ прибѣгъ къ хитрости, которая была клеветой: однажды, въ 10 часовъ утра, онъ показался на балконѣ отеля Мариньяновъ въ шлафрокѣ, въ туфляхъ, съ растрепанными волосами. Его хищныя желанія, его

амуры, показывавшіе его набрасывающимся на наслаждение какъ на добычу; боязнь матерей въ Маноскѣ и его округѣ, прятавшихъ своихъ дочекъ при его приближеніи; оболъчение и тайный увозъ имъ маркизы Софіи Монье — все это, казалось, давало его врагамъ достаточное оружіе. Но нѣтъ: какъ будто судьба хотѣла, чтобы такой человѣкъ былъ лично заинтересованъ въ паденіи тогдашнихъ деспотическихъ учреждений; доброе въ немъ карали такъ же строго, какъ и дурное; не задумались вмѣнить ему въ преступленіе то, что онъ отмстилъ за репутацію своей сестры; заслугами его, гнусно перетолкованными, увеличивали списокъ его прегрѣшеній. Таскаемый изъ тюрьмы въ тюрьму, изъ Маноска въ замокъ Ифъ, изъ замка Ифъ въ фортъ Жуи, принужденный скрываться, бѣжать между ужасами нищеты и трагедіями любви, онъ былъ преслѣдуемъ даже въ изгнаніи, насильно возвращенъ во Францію и заключенъ въ Венсенскій замокъ. Такимъ-то образомъ онъ научился проклинать необузданный произволь. Преслѣдованіе создало ему роль.

Послѣ трехъ съ половиной лѣтъ заточенія, онъ былъ выпущенъ на волю, т. е. отданъ революціи. И было пора: на узникѣ изнасилась послѣдняя одежда. Покрывъ снѣгомъ садикъ, служившій ему мѣстомъ прогулокъ, зима заперла въ тѣсную келью, площадью въ десять квадратныхъ футовъ, дѣятельнѣйшаго человѣка, и желаніе забыться толкало его на чрезмѣрные труды, достойные удивленія или унижительные. То углубляясь въ изображеніе разврата, то возвышаясь до нѣжности и начертывая свои письма къ Софіи Монье перомъ, которымъ только что писались грязныя страницы книжки «Erotica Biblion», онъ выработывалъ себѣ сердце, одинаково расположенное къ великимъ дѣламъ и къ подлостямъ. Ученье, впрочемъ, и болѣзнь заволокли его глаза облакомъ, которое сгущалось со дня на день, съ часу на часъ; и, думая о томъ горькомъ сокровищѣ мщеній, которое ему нужно было разсыпать, онъ ревѣлъ въ отчаяніи, какъ дикій звѣрь. Ибо насколько ужаснѣе участи Оссіана и Мильтона была бы участь ослѣпшаго Мирабо! Для того, чтобы настроить лиру, нужно только чувствовать; для того, чтобы сложить поэму, нужно только мыслить; но для того, чтобы наносить удары, нужно видѣть, нужно имѣть зрячіе глаза.

Наносить удары! Вотъ въ чемъ должна была заключаться отнынѣ цѣль жизни Мирабо; и онъ подготовлялся къ борьбѣ

съ трибуны тысячью декламацій, гдѣ сказывался боець, и процессами, которые обнаруживали въ немъ несравненнаго оратора.

Но оказывать неуваженіе къ своему собственному генію — это величайшая наглость. Этого не понималъ Мирабо. Сочинитель пасквилей ради заработка, ожесточенный хулителъ Неккера, обличитель Лафатера, противникъ Бомарше, хвалитель подозрительныхъ цифръ Клавьера и Паншо, адвокатъ Калонна, онъ сдѣлалъ себѣ игру изъ продажи рукописей, уже оплаченныхъ, онъ состоялъ на жалованьи у нѣсколькихъ пошлыхъ честолюбцевъ, онъ сталъ поборникомъ чужихъ мыслей, онъ заслужилъ обидную кличку, данную ему его отцомъ: «Мой сынъ торговецъ словами...» Только его гордая поза и самонадѣянный видъ не покидали его ни на минуту. Онъ способенъ былъ придавать героическіе размѣры даже низости.

Вотъ какъ объясняется революціонная кандидатура Мирабо. Наскучивъ своей дурной славой и сознавая свой геній, онъ желалъ, чтобы въ отношеніи его уваженіе было замѣнено удивленіемъ и страхомъ. Шумъ потрясаемаго королевства нравился ему, какъ могущій заглушить молву объ его безпутствахъ, и онъ имѣлъ непостижимую гордость думать, что ему остается только заставить революцію служить его планамъ, съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ нея, когда онъ не будетъ болѣе въ ней нуждаться.

Съ этой-то смѣлой мыслью онъ и отправился въ Провансъ. Заранѣ рѣшившись вступить въ борьбу съ людьми своей касты, онъ уже угадывалъ ихъ образъ дѣйствій и бравировалъ ихъ сопротивленіемъ. «Если дворянство хочетъ помѣшать моему пріѣзду, — писалъ онъ, — нужно, чтобы оно убило меня, какъ Гракха» ¹⁾. Онъ прибылъ на югъ Франціи, предшествуемый скандаломъ: онъ только что передъ тѣмъ предалъ гласности частныя письма своего друга Черутти и далъ согласіе на опубликованіе, почти дословно, секретной дипломатической переписки изъ Берлина ²⁾. Однако, едва появившись на сценѣ, куда

¹⁾ Письмо Мирабо къ де-Конъ, цитированное въ *Mémoires de Mirabeau* t. V, p. 234.

²⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. V, p. 212, 238.—Мирабо былъ посланъ французскимъ правительствомъ въ Берлинъ, съ порученіемъ вывѣдать, какія перемѣны внесетъ въ политику германскихъ дворовъ предвидѣвшаяся въ то время близкая кончина Фридриха II.

его призывалъ его геній, онъ могъ уже писать: «Третье сословіе преслѣдуетъ меня знаками довѣрія и энтузіазма, очень неблагоразумными для его собственнаго дѣла, ибо оно этимъ доводитъ до послѣдней крайности бѣшенство дворянъ, которые уже корчатся въ судорогахъ умирающаго Турнуса» ¹⁾).

Мѣстные штаты Прованса собрались въ городѣ Э (Aix) и дворянство тотчасъ же энергически запротестовало противъ королевскаго регламента, относившагося къ созыву генеральныхъ штатовъ. Мирабо, имѣвшій право засѣдать въ палатѣ дворянъ, смѣло явился туда, и первой его заботой было выступить противъ претензій своего сословія. Ему отвѣчали оскорбительнымъ рѣшеніемъ, закрывавшимъ доступъ въ собраніе *не владѣльцамъ леновъ*. Ударъ этотъ долженъ былъ постигнуть Мирабо, и онъ старался отвратить его въ рѣчи, произнесенной 30 января 1789 г. и представлявшей образецъ силы, умѣренности и краснорѣчія. Но потерявшее голову дворянство, казалось, поставило себѣ задачей раздражить до ярости этого могущественнаго противника. Онъ разразился, наконецъ, 5 февраля заклинаніемъ, которое цитируютъ безпрестанно, которое будутъ цитировать всегда: «Во всѣхъ странахъ, во всѣ вѣка, аристократы безпощадно преслѣдовали друзей народа, и если, по какой-нибудь комбинаціи судьбы, кто-нибудь изъ друзей народа попадалъ въ ихъ среду, на него въ особенности обращали они свои удары, желая внушить страхъ выборомъ жертвы. Такъ погибъ послѣдній изъ Гракховъ отъ руки патриціевъ; но, пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ бросилъ горсть праха къ небу, взывая къ мщенію боговъ; и изъ этого праха родился Марій,—Марій, стяжавшій славу не столько истребленіемъ кимвровъ, сколько пораженіемъ въ Римѣ аристократіи дворянства» ²⁾).

Жребій брошенъ: диктатура Мирабо надъ третьимъ сословіемъ завоевана; одобрительныя восклицанія народа привѣтствуютъ его какъ трибуна; и, удаляя его изъ своихъ собраній, дворянство даетъ преемника Марію.

Оттого, когда, послѣ кратковременной поѣздки въ Парижъ, Мирабо снова появился въ Провансѣ, восторгамъ не было конца. Въ Ламбескѣ онъ нашелъ представителей эскаго муниципалитета, посланныхъ на встрѣчу ему съ изъявленіями почтенія отъ

¹⁾ *Lbid.*, t. V, p. 236.

²⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. V, p. 256.

имени края. Звонили въ колокола, сбѣжался весь городъ. Всякому хотѣлось приблизиться къ нему, слышать его, по крайней мѣрѣ видѣть его. Ибо все въ немъ обличало неукротимаго борца: его огромная шевелюра, его подвижная фигура, его повелительный жестъ, его лицо, истощенное страстями, но грозное. Въ немъ любили даже то, что въ другомъ было бы ненавистно: его происхожденіе; и плебеи кричали при видѣ его: *да здравствуетъ господинъ графъ!* Собирались распрягать его экипажъ; но онъ энергично отклонилъ этотъ порывъ энтузіазма, воскликнувъ: «Теперь понимаю, какъ люди сдѣлались рабами, тиранія воздвиглась на признательности» ¹⁾, и прибавилъ слѣдующія слова, которыхъ не долженъ бы былъ никогда забывать: «люди созданы не для того, чтобы носить чловѣка, и вы уже носите ихъ слишкомъ много на своихъ плечахъ» ²⁾. Городъ Э ждалъ его; но когда онъ пріѣхалъ, толпа, стоявшая на пути его слѣдованія, скучивалась до того безпорядочно и шумно, что онъ принужденъ былъ пустить лошадей въ галопъ, придавая видъ бѣгства своему триумфу. Повсюду звукъ музыки и тамбуриновъ смѣшивался съ радостными кликами. Когда Мирабо подѣхалъ къ своей квартирѣ, раздалась пальба изъ сотни мортирокъ и онъ былъ вынесенъ изъ экипажа на рукахъ народа.

Въ Э Мирабо получилъ изъ Марсели слѣдующее письмо: «У насъ вспыхнулъ бунтъ. Народъ направился къ дому главнаго откупщика. Вооруженные топорами, они взломали ворота. Готовился полный разгромъ, когда появился какой-то чловѣкъ и общалъ, что цѣна хлѣба и мяса будетъ уменьшена. Вѣстовщики тотчасъ же разнесли по всему городу эту новость, приятную, но недостаточную, чтобы немедленно остановить столь стремительный потокъ... Нѣсколько булочныхъ были разграблены... Вотъ въ какомъ мы положеніи, графъ... Уменьшеніе цѣны хлѣба и мяса не преминетъ вызвать голодовку въ Марсели. Булочники попрячутъ свою муку, если имъ не возмѣстятъ убытки. Все погибло, если надо уступить; все разорено, если употребятъ силу. Ваше присутствіе, можетъ быть, успокоило бы волненіе... Когда не ожидаешь ничего болѣе отъ людей, нужно прибѣгнуть къ богамъ!» ³⁾ Мирабо тотчасъ же ѣдетъ въ Мар-

¹⁾ Разказы, сообщенный г-жей дю-Саллянь автору *Mémoires de Mirabeau*, t. V, p. 274.

²⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. V, p. 275.

³⁾ Письмо Бремонтъ-Жюльена, въ *Mémoires de Mirabeau*, t. V, p. 286, 288.

сель. Онъ велитъ отпечатать, расклеить и раздать *воззваніе къ марсельскому народу*, просвѣщаетъ его по вопросу о жизненныхъ припасахъ и, не вызывая ропота голодающихъ, заставляетъ повысить до цифры, указывавшейся благоразуміемъ, цѣну печенаго хлѣба, необдуманно сбавленную ниже его дѣйствительной стоимости.

Но едва успѣлъ онъ усмирить Марсель, какъ вѣсти, еще болѣе тревожныя, призываютъ его обратно въ Э. Маркизь де ла Фаръ, консулъ этого города, приказалъ стрѣлять по возставшему народу, и броженіе достигло крайней степени. Мирабо пріѣзжаетъ, объѣхавъ передъ тѣмъ все посты въ Марсели. Онъ велитъ отозвать солдатъ, поручаетъ гражданской милиціи охраненіе порядка на улицахъ, держитъ рѣчь къ толпѣ и возстановляетъ спокойствіе, *взявъ честное слово народа*¹⁾. Въ Маноскѣ онъ спасаетъ отъ народной ярости епископа Систерона. Въ Тулонѣ онъ заставляетъ уменьшить цѣну печенаго хлѣба и тѣмъ погашаетъ бунтъ. Губернаторы умоляютъ его о содѣйствіи, города называютъ его своимъ спасителемъ, возмущенія повинуются ему. Онъ болѣе, чѣмъ король, онъ почти божество.

Мѣсто Мирабо въ генеральныхъ штатахъ было, слѣдовательно, отмѣчено напередъ. Города Э и Марсель одновременно назначили его своимъ депутатомъ.

Въ то время, какъ на югѣ Франціи революція, казалось, отдавалась Мирабо, на сѣверѣ избрали человѣка, который относился къ ней съ такимъ уваженіемъ, что сдѣлался ея вождемъ, — Максимилиана де Робеспьера. Въ противоположность карьерѣ Мирабо, первые годы Робеспьера не отличались ни блескомъ, ни безславіемъ. Его сограждане выбрали его за его прилежаніе въ наукахъ, доставившее ему награды, за успѣхи его на адвокатскомъ поприщѣ, за его искренній патріотизмъ, за честность и пріятность его нрава. Мы имѣемъ въ рукахъ драгоценную коллекцію неизданныхъ писемъ Робеспьера, изъ которыхъ многія относятся къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей его публичной жизни²⁾; и письма эти полны сердечности, наивной веселости и непринужденности. Потребность излиться, все сказать, — вотъ что составляетъ ихъ главную отличительную черту. Какая-нибудь поѣздка за десятокъ

¹⁾ Письмо Мирабо въ его мемуарахъ, стр. 304.

²⁾ Мы обязаны этимъ любезнымъ сообщеніемъ нашему почтенному другу, Фредерику Дежоржу, главному редактору газеты «*Progress d'Aggas*».

лѣ даетъ въ нихъ матеріаль для тысячи шуточныхъ разсказовъ, для описаній въ стилѣ Жиль-Блаза. Когда Робеспьеръ говоритъ тамъ о самомъ себѣ, онъ обыкновенно говоритъ въ слегка насмѣшливомъ тонѣ, на манеръ Жанъ-Жака, вспоминающаго объ удивленіи, которое ему внушалъ Вантюрь. Въ иныхъ изъ этихъ писемъ вѣжливость доходитъ до изысканности ¹⁾, но между ними нѣтъ ни одного, которое бы обличало суровый нравъ или привычку сильнаго мышленія. И, однако, какъ только Робеспьеръ сталъ человѣкомъ судьбы, на челѣ его отразились заботы и душа его сдѣлалась мрачной... Но еще не пришелъ моментъ нарисовать эту фигуру, которая возвеличилась только потому, что революція создала ее по своему образу и подобию.

И сколько другихъ именъ вышло изъ публичнаго спора, которыя впослѣдствіи прославились своимъ краснорѣчіемъ или смертью на эшафотѣ: Рабо Сентъ-Этьенъ, Барнавъ, аббатъ Грегуаръ, Казалесъ, Камюсъ, Дюбуа-Крансе, Александръ и Шарль Ламетты, Бареръ, д'Эпремениль, Ле Шапелье! Изъ двухъ послѣднихъ, д'Эпремениль былъ самымъ горячимъ бойцомъ дворянства, а Ле Шапелье—однимъ изъ самыхъ энергичныхъ пред-

¹⁾ Вотъ одно изъ этихъ писемъ; исходящее отъ Робеспьера, оно, безъ сомнѣнія, покажется любопытнымъ нашимъ читателямъ: «Мадмуазель, имѣю честь послать вамъ интересный мемуаръ. Можно засвидѣтельствовать подобное почтеніе самимъ Граціямъ, когда ко всѣмъ своимъ прелестямъ онѣ умѣютъ присоединять даръ мыслить и чувствовать, и когда онѣ одинаково достойны оплакивать несчастіе и давать счастье.

«По поводу столь серьезнаго предмета позволительно ли мнѣ говорить о чижикахъ?... Они очень хорошенькіе, и мы ожидали, что, будучи воспитаны вами, они окажутся самыми кроткими и самыми общительными изъ чижиковъ. Каково же было наше удивленіе, когда, при нашемъ приближеніи къ ихъ клѣткѣ, они пришли въ такое сильное безпокойство и бросились къ рѣшеткамъ съ такой стремительностью, что мы опасались за ихъ жизнь. И это они предѣлываютъ всякій разъ, когда увидятъ руку, приносящую имъ кормъ... Какой планъ воспитанія вы приняли для нихъ? и откуда у нихъ такой дикій нравъ? Развѣ голуби, которыхъ Граціи воспитываютъ для колесницы Венеры, выказываютъ такой дикій характеръ? Развѣ лицо, какъ ваше, не должно было освоить ихъ съ человѣческими лицами? или послѣ того, какъ видѣли ваше лицо, они уже не могутъ выносить никакого другого лица? Объясните мнѣ, пожалуйста, это явленіе. Въ ожиданіи, мы всегда будемъ находить ихъ достойными любви со всѣми ихъ недостатками. Моя сестра поручила мнѣ въ особенности засвидѣтельствовать вамъ ея признательность за вашъ любезный подарокъ. Съ истиннымъ почтеніемъ, и пр.. де-Робеспьеръ» (Письмо помѣчено 1788 г.).

ставителей третьяго сословія; и нѣсколько лѣтъ спустя оба они были осуждены одновременно: одинъ за борьбу съ революціей, другой за дезертированіе изъ ея лагеря. Они встрѣтились у позорной телѣги, которая должна была отвезти ихъ на мѣсто казни. «Намъ задають,—сказалъ Ле Шапелье,—въ эти послѣднія минуты нашей жизни, страшную проблему для рѣшенія.—Какую проблему?—Узнать, когда мы будемъ на телѣгѣ, къ кому изъ насъ будетъ относиться гиканье толпы. — Къ обоимъ», отвѣчалъ д'Эпремениль¹⁾. Такъ логиченъ и неумолимъ въ своей справедливости законъ, управляющій революціями!

Въ числѣ кандидатовъ встрѣчаемъ одного принца — герцога Орлеанскаго. Въ *инструкціяхъ* своимъ уполномоченнымъ онъ требовалъ гарантіи индивидуальной свободы, неограниченной свободы печати, неприкосновенности писемъ, періодическаго, черезъ короткіе промежутки, созыва генеральныхъ штатовъ, установленія развода, отвѣтственности *кого-либо* въ случаѣ нарушенія законовъ королевства. Слѣдовало, подъ заглавіемъ «*Délibérations à prendre dans les assemblées de bailliages*», изложеніе принциповъ, проведеніе которыхъ герцогъ настоятельно рекомендовалъ всѣмъ своимъ уполномоченнымъ. Авторомъ «*Délibérations à prendre*» былъ аббатъ Сійесъ, а сочинителемъ «Инструкцій» — маркизь де Лимонъ, тотъ самый, который впоследствии эмигрировалъ и былъ редакторомъ знаменитаго манифеста герцога Брауншвейгскаго.

Profession de foi герцога Орлеанскаго вызвала живѣйшій энтузіазмъ. Выбранный въ Парижѣ, въ Вилье-Котере, въ Крепи (въ провинціи Валуа), онъ отдалъ предпочтеніе округу Крепи, потому что въ инструкціяхъ избирателей этого края всего сильнѣе выразились новыя тенденціи.

По окончаніи выборовъ, естественно, долженъ былъ представиться важный вопросъ: гдѣ будутъ засѣдать генеральные штаты? Созванъ былъ королевскій совѣтъ. Министры, въ безпокойствѣ, указывали послѣдовательно на разные города — Туръ, Блуа, Орлеанъ, Камбре. Никто не называлъ Парижа, потому что слишкомъ много думали о немъ. Неккеръ, собравшись съ духомъ, указалъ, наконецъ, на столицу. Взоры присутствующихъ были устремлены на короля, сидѣвшаго неподвижно въ

¹⁾ *Biographie universelle et portative*, par Rabbe, Vieilh de Boisjolin et Sainte-Preuve, Art. *Le-Chapelier*.

своёмъ креслѣ и, казалось, погруженнаго въ дремоту, которая, какъ мы увидимъ, составляла дипломатію его нерѣшительности. Думали, что большое перемѣщеніе будетъ неприятно Людовику XVI, вообще не любившему дальнихъ путешествій: робко предложили Компьень. То же молчаніе со стороны короля. Сентъ-При указалъ на Сентъ-Жерменъ. Тогда, вставая, король сказалъ: «Нѣтъ, это можетъ быть только въ Версали, по причинѣ охоты ¹⁾». Итакъ, Версаль былъ выбранъ сценой для собранія государственныхъ чиновъ, во вниманіе къ королевской охотѣ!

Парижъ, городъ, внушавшій страхъ, былъ преданъ, въ эту минуту, тревогамъ свободы и тревогамъ продовольственной нужды. Тотъ годъ, столь благоприятный буржуазіи, былъ тяжелымъ для народа. Градъ уничтожилъ хлѣбъ на поляхъ, отъ необычайной засухи изсякли колодцы и родники, деньги были рѣдки, кредита никакого. Легко угадать, какова должна была быть жизнь бѣдняка! Къ столькимъ причинамъ бѣдствія прибавились еще чрезмѣрные холода. Въ концѣ декабря 1788 г. термометръ Реомюра показывалъ въ Парижѣ $18^{3/4}$ градусовъ ниже нуля. Отъ Парижа до Гавра Сена представляла сплошной ледяной мостъ. Письмо настоятеля церкви св. Маргариты, напечатанное въ газетахъ, сообщало общественному милосердію тревожныя цифры. Въ одномъ только Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ насчитывали тридцать тысячъ бѣдныхъ ²⁾, т. е. втрое больше обычнаго числа. Многіе приходскіе священники открыли архивы нищеты и составляли похоронные каталоги.

По счастію, духъ Евангелія пробудился вокругъ церквей; притомъ и благоразуміе заставило многихъ сдѣлаться христіанами. Раздавали съѣстные припасы и одежду; организовались благотворительныя общества; архіепископъ парижскій де Жюинье вошелъ въ долги на сумму 400.000 ливровъ, для раздачи милостыни. Герцогъ Орлеанскій выказывалъ царскую щедрость; и его заботливость въ отношеніи бѣдствующаго класса проявлялась даже въ его удовольствіяхъ. Онъ приобрѣлъ въ Англии вкусъ къ пари, и теперь держалъ пари на значительныя суммы,

¹⁾ *Notice sur M. de Saint-Priest, par M. de Barante, p. 93.*

²⁾ *Journal de Paris, du 2 janvier 1789.*

обычая этого города, три сословія были созданы въ отдѣльныя избирательныя собранія. Священники-избиратели собирались, вообще, въ церквахъ. Дворянство было раздѣлено на двадцать отдѣловъ, а третье сословіе на шестьдесятъ округовъ или кварталовъ (регламентъ 13 апрѣля, ст. 12).

Всѣ жители Парижа,—природные французы или натурализованные,—достигшіе двадцати-пяти-лѣтняго возраста и находящіеся тамъ на постоянномъ жительствѣ, имѣли право присутствовать въ избирательномъ собраніи, по предъявленіи документовъ о званіи, профессіи, ученой степени, ремеслѣ или занятіи, или, наконецъ, квитанціи объ уплатѣ подушной подати въ суммѣ не менѣе шести ливровъ. Согласно постановленію городской управы отъ 15 апрѣля, въ большомъ залѣ ратуши былъ выставленъ запертый ящикъ, куда можно было опускать всякія заявленія о желаніяхъ гражданъ. Это былъ призывъ къ свободному обращенію идей.

Рѣшено было, что три сословія назначатъ шестьсотъ представителей: духовенство—150, дворянство—150, третье сословіе—300, и что эти представители, собравшись подъ предѣтельствомъ парижскаго прево (городскаго головы), приступятъ, отдѣльно или сообща, къ редактированію своихъ инструкцій (*cahiers*) и къ выбору своихъ депутатовъ, въ числѣ сорока: 10 отъ духовенства, 10 отъ дворянства и 20 отъ третьяго сословія.

Итакъ Парижъ сдѣлался очагомъ выборной горячки. Большая часть избраній въ провинціи были уже извѣстны, и «*Journal de Paris*» давалъ ежедневно жадному любопытству столицы имена новоизбранныхъ. Собирали справки объ этихъ людяхъ, старались въ ихъ именахъ угадать судьбы отечества. Въ публикѣ циркулировали списки кандидатовъ; указывали на аббата Сійеса, на де Кондорсе, рекомендуемаго, *хотя и благороднаго*, на Тарже, Тронше, Гильотена, де Шенье, Пасторе, Бернардена де Сенъ Пьера, Черутти, Шанфора, Ласепада, Лакретеля, Сервана, Ревельона. Парижъ представлялъ необыкновенно оживленное зрѣлище: церкви, залы городской ратуши, меріи, переполненные избирателями; вѣстовички, снующіе повсюду съ пачками брошюръ въ рукахъ; публичныя глашатаи, выкрикивающіе послѣднія новости изъ провинціи; патеры и дворяне, спѣшашіе на выборы, первые въ каретѣ, вторые верхомъ на конѣ; солдаты,

¹⁾ *L'ami du roi* etc., chap. XII, p. 80.

наводняющіе площади; ожиданіе на всѣхъ лицахъ; и всѣ сердца, открытыя этому великому шуму свободы, который находитъ столько отзвука подъ небомъ Парижа.

Общественное вниманіе было такъ поглощено общими дѣлами, что прошелъ почти незамѣченнымъ случай, едва не стоившій жизни королю. Осматривая однажды работы по ремонту части крыши своего замка, находившейся надъ мраморнымъ дворомъ, король сдѣлалъ невѣрный шагъ, поскользнулся и покатился къ рампѣ, которою оканчивалась крыша, и не случись у этого края крыши кровельщика, успѣвшаго удержать Людовика XVI отъ паденія, послѣдній расшибся бы на смерть¹⁾. Но судьба хотѣла низвергнуть его съ трона!

Первымъ дѣйствіемъ большинства собраній было кассировать предсѣдателей, назначенныхъ думой, и затѣмъ самимъ снова избрать ихъ; такимъ образомъ съ самаго начала проявился духъ независимости. По составленіи бюро, приступили къ выбору комиссаровъ для редактированія инструкцій, затѣмъ къ назначенію избирателей, которые и собрались, въ воскресенье 26 апрѣля, въ большой залѣ архіепископскаго дворца, для выбора сорока депутатовъ.

По принесеніи сообща присяги, дворянство и духовенство удалились въ отдѣльныя залы. Третье же сословіе, по обычаю, «весьма знаменательному», какъ замѣчаетъ Бальи¹⁾, осталось въ залѣ общихъ собраній.

Между избирателями былъ одинъ богатый фабрикантъ обоевъ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, бывший рабочій, достигшій богатства сорока-восьми-лѣтнимъ смышленнымъ трудомъ, и фабрика котораго давала занятіе четыремъ стамъ рабочихъ. И вотъ вдругъ разнесся слухъ въ томъ предмѣстьѣ, будто въ архіепископскомъ дворцѣ, гдѣ избиратели собрались для совѣщанія объ общемъ благѣ, несчастные имѣютъ врага. Увѣряютъ, что одинъ человекъ говорилъ объ уменьшеніи заработной платы, что онъ скавалъ: «Рабочіе могутъ жить при платѣ пятнадцать су въ день». Называютъ Ревельона.

Откуда вышелъ этотъ слухъ? Замѣтили перебѣжавшаго отъ одной группы избирателей къ другой и что-то говорившаго имъ съ таинственнымъ видомъ нѣкоего аббата Руа, королевскаго цензора, какъ утверждали, члена разныхъ академій, секретаря

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 18.

Толпа, при этомъ видѣ, испускаетъ зловѣщіе крики, и блестящая карусель разсѣвается въ испугѣ. Одинъ только герцогъ Орлеанскій остановился. Онъ выходитъ изъ коляски, привѣтствуемый радостными кликами, увѣщаетъ толпу успокоиться¹⁾ и продолжаетъ свою прогулку, встревоженный, но счастливый своей популярностью.

Стража, пѣшая и конная, полкъ Ройяль-Краватъ, отряды гвардіи, французской и швейцарской, появились только тогда, когда уже ничего не оставалось, кромѣ какъ пустить въ ходъ оружіе. Послѣ бесполезныхъ требованій разойтись, послышался приказъ объ атакѣ, и народъ отвѣчалъ лишь бѣшенными криками. Тогда началась страшная сцена. Когда французская гвардія открыла бѣглый огонь на четыре стороны²⁾, увидѣли несчастныхъ, падавшихъ съ высоты крышъ, кровь, струящуюся по стѣнамъ, и, на окнахъ объятаго пламенемъ дома мужчинъ, даже женщинъ, опрокидываемыхъ внутрь зданія при каждомъ залпѣ³⁾. Но сопротивленіе возрастало съ увеличеніемъ опасности, раненыхъ уносили, и убравшіе такимъ образомъ изъ свалки своихъ умирающихъ товарищей поспѣшно возвращались сражаться и умирать. Пораженный пулей въ животъ, одинъ изъ этихъ неустрашимыхъ людей вскричалъ, лежа на мостовой: «ну, вотъ и кончено!», затѣмъ пропѣлъ куплетъ изъ Фигаро: «сильные новелѣваютъ»... и отдалъ Богу душу⁴⁾. Одинъ крикъ господствовалъ надъ шумомъ битвы: *Свобода!* Слышались также дикія слова: «Надо все сжечь, все разрушить!» Но между буйнымъ желаніемъ довершить свое мщеніе и необходимостью отражать смерть, эти бунтовщики, которыхъ до сихъ поръ изображали какъ наемныхъ разбойниковъ, выказали, напротивъ, рѣдкое безкорыстіе. Деньги, часы, драгоценности,— все это они бросали въ огонь, восклицая: «Мы не хотимъ ничего уносить»⁵⁾! Ихъ перебили на развалинахъ.

И вдоль предмѣстья рабочіе таскали трупы на носилкахъ, приговаривая: «Вотъ защитники отечества; граждане, дайте на погребеніе ихъ»⁶⁾!

¹⁾ *L'ami du roi* etc., chap. XIV, p. 93.

²⁾ *Nlbid*, chap. XIV, p. 93.

³⁾ Toulougeon, *Discours préliminaire*, p. 35.

⁴⁾ *L'ami du roi* etc., chap. XIV, p. 93.

⁵⁾ Ссылаемся, въ этомъ отношеніи, на свидѣтельство Тулонжона, бывшаго очевидцемъ описываемыхъ событій. См. его *Discours préliminaire*, p. 35.

⁶⁾ *L'ami du roi* Ac., см. выше.

ГЛАВА VIII.

Національное собраніе.

Открытіе генеральныхъ штатовъ.—Внѣшній видъ Версаля.—Собраніе.—Положеніе, занятое Неккеромъ.—Трагическіе инциденты.—Марія-Антуанета и Барнавъ.—Борьба по поводу провѣрки полномочій сообща; роли дворянства, духовенства и общинъ.—Партія Малуэ.—Робеспьеръ, его недовѣріе.—Сійесь и Бальи въ залѣ штатовъ.—Деревенскіе дворяне при дворѣ.—Послѣдовательные побѣды общинъ.—Зловѣщее зрѣлище въ Парижѣ.—Общины образуютъ изъ себя собраніе.—Мирабо у Неккера.—Приходскіе священники присоединяются къ общинамъ.—Общины принимаютъ названіе Національнаго Собранія.—Двойственная и странная роль Мирабо.—Суевѣрныя страхи Маріи-Антуанеты.—Неккеръ въ Марли.—Засѣданіе въ залѣ Jeu de paume. Почему Мунье предложилъ клятву не расходиться.—Дворянство покидаетъ Людовика XVI и обращается къ Маріи-Антуанетѣ.—Партія королевы.—Духовенство присоединяется къ общинамъ.—Проектъ Неккера отвергнуть.—Засѣданіе 23 іюня; истинный характеръ этого засѣданія.—Сцена безумнаго опьяненія при дворѣ.—Бунтъ въ Версали.—Бретонскій клубъ.—Дворянство отправляется въ Собраніе.—Окончательное торжество буржуазіи.

Въ день 4 мая 1789 г. солнце взошло въ полномъ блескѣ надъ городомъ Людовика XIV. Франція была въ Парижѣ, Парижъ былъ въ Версали. Завтра должны были открыться генеральные штаты и было рѣшено приготовить къ этому торжественному событію національнымъ и религіознымъ праздникомъ, общими молитвами. Погода была великолѣпная, обстановка торжества блестящая. Но что составляло величіе зрѣлища,—это не улицы, кишѣвшія народомъ и облитыя свѣтомъ, ни сверкавшіе шпалеры штыковъ, ни женскія головки, тѣснившіяся въ окнахъ, ни богатыя драпри, развѣвавшіяся на балконахъ, ни важный голосъ священника и звонъ колоколовъ, возносившійся къ небу черезъ звуки фанфаръ, раскаты барабановъ и команду капитановъ... нѣтъ: истинная, импонирующая новость,—это были рѣчи, раздававшіяся во всемъ городѣ; это былъ смыслъ словъ, которыми обмѣнивались при встрѣчѣ друзья и знакомые; это были оживленное выраженіе лицъ, гордость взглядовъ, необычная смѣлость позъ; это было мужественное и мощное безпокойство народа, встрѣчавшаго свободу.

Впрочемъ, въ глубинѣ всеобщаго душевнаго волненія скрывались самыя разнообразныя чувства: надежды, сожалѣнія, справедливый гнѣвъ, честолюбіе, страхи, героическія и пылкія стремленія. Одни привѣтствовали своими кликами образъ спасеннаго отечества. Сегодня праздникъ, а завтра битва, говорили другіе.

Въ назначенный часъ депутаты трехъ сословій вышли изъ приходской церкви Богоматери, чтобы отправиться процессіей въ церковь св. Людовика; и толпа устремила къ мѣстамъ прохода кортежа. Въ эту минуту двѣ дамы, г-жа Сталь и г-жа Монморенъ, разговаривали, стоя у окна. Когда дочь Неккера стала выражать свою радость, «напрасно радуетесь,— сказала ей г-жа Монморенъ, изъ этого выйдутъ большія бѣды Франціи и намъ»¹⁾. Г-жа Сталь невольно вздрогнула, и впоследствии она должна была вспомнить объ этомъ обстоятельствѣ, когда узнала, что г-жа Монморенъ погибла на эшафотѣ. Процессія прошла мимо. Шествіе открывали францисканскіе монахи и версальское духовенство, соупутствуемые музыкой королевскаго хора. За ними слѣдовали депутаты *общинъ*²⁾. Они были одѣты въ простые черные плащи; но по ихъ твердой поступи, по ихъ спокойному и смѣлому виду можно было угадать, что они несутъ счастье буржуазіи. Между ними выдѣлялся депутатъ Жераръ, энергичная фигура, съ загорѣлымъ лицомъ, съ сердцемъ свободнаго человѣка подъ камзоломъ бретонскаго крестьянина³⁾: повидимому онъ явился сюда, чтобы представлять болѣе спеціально интересы народа. За общинами шли депутаты дворянства, щеголявшіе роскошью своихъ костюмовъ, своими кружевами и бѣлыми перьями на шляпахъ; затѣмъ слѣдовали, оскорбительно отдѣленные отъ епископовъ въ мантияхъ, плебеи церкви, приходскіе священники. Король и королева сопровождали Святые Дары, блестящіе въ рукахъ архіепископа парижскаго, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, кисти котораго держали графы Прованскій и д'Артуа, герцоги Ангулемскій и Беррійскій⁴⁾.

Продолжительными и ободряющими кликами были встрѣчены: депутаты общинъ, потому что этотъ классъ являлъ собою революцію; герцогъ Орлеанскій, потому что онъ демонстративно держался поодаль отъ дворянства, присоединяясь къ послѣднимъ рядомъ третьяго сословія; трибуны, извѣстные или намѣченные, потому что они были побѣдители; король, потому что онъ былъ побѣжденный. Что касается королевы, то появ-

¹⁾ M-me Staël, *Considerations sur la Révolution française*, ch. XVI, p. 187.

²⁾ «Ибо слово «третье сословіе» здѣсь изгнано, какъ памятникъ бывшаго рабства». Письмо Робеспьера, отъ 24 мая 1789 г.

³⁾ *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. I, p. 189.

⁴⁾ Nougaret, *Histoire du règne de Louis XVI*, t. VI, p. 133.

леніе ея не было возвѣщено никакимъ народнымъ привѣтствіемъ. Взволнованная, но скрывавшая свое огорченіе, она старалась бравировать презрительными взглядами это нѣмое оскорбленіе, какъ вдругъ увидѣли ее поблѣднѣвшей и запатавшейся ¹⁾). Княгиня Ламбаль успѣшила поддержать ее. Марія-Антуанета услышала возгласъ: «*Орлеаны навсегда!*» ²⁾) и уловила, говорятъ, къ глазамъ герцогини Орлеанской торжествующій взглядъ ³⁾).

Однако, къ какимъ высямъ или къ какой пропасти были увлекаемы эти важныя персоны? Какое употребленіе сдѣлали бы изъ силы, разъ завоеванной, и докуда нужно бы было довести эту великую авантюру? Самъ Мирабо не зналъ этого, онъ, который былъ примѣтенъ отовсюду и наполнялъ своей особой все празднество, онъ, который шелъ въ этой процессіи, вдыхая полной грудью воздухъ, содержащій грозу, неся съ нахальствомъ свою дурную славу, внушая удивленіе и страхъ. Для людей, которые въ большинствѣ были такъ же, какъ Мунье и Малузэ, по выраженію г-жи Сталь, «страстно разсудительными», не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы покрыть почву развалинами. Одинъ только человѣкъ, въ этомъ кортежѣ, предчувствовалъ тогда ⁴⁾) крайнія послѣдствія. Но человѣкъ этотъ былъ въ числѣ самыхъ безвѣстныхъ; онъ шелъ молча, погруженный въ свои мысли.

Но прибытіи въ церковь св. Людовика, три сословія помѣстились въ среднемъ пространствѣ храма. Король и королева возсѣли подъ балдахиномъ изъ фіолетоваго бархата, усѣянномъ золотыми лиліями; и когда хоръ мелодичныхъ голосовъ пропѣлъ гимнъ *O salutaris hostia*, на каедрѣ появился епископъ нансіійскій. Ожидали живого слова, — услышали проповѣдь, распространявшуюся на тему: «Религія составляетъ силу государства» ⁵⁾). Одна черта, тѣмъ не менѣе, произвела сенсацію. Когда ораторъ, нарисовавъ яркую картину насилій фіскальнаго режима и бѣдственнаго положенія сельскаго населенія, восклик-

¹⁾ Mongaillard, t. II, chap. IV.—M-me Campan, t. II, ch. XIII, p. 37.

²⁾ *Mémoires relatifs à la famille royal de France pendant la Révolution* (publiés d'après le journal, les lettres et les entretiens de la princesse de Lamballe), t. I, p. 341.

³⁾ Mongaillard, t. II, chap. IV.

⁴⁾ Первые рукописныя письма Робеспьера.

⁵⁾ Mirabeau, *Journal des états-généraux*, № 1.

нулъ: «И это именемъ добраго короля, справедливаго, чувствительнаго монарха, эти презрѣнные вымогатели совершаютъ свои варварства!» раздался громъ рукоплесканій ¹⁾, вопреки этикету, не позволявшему аплодировать въ присутствіи короля, даже въ театрѣ ²⁾. Но прошло уже время пустыхъ обычаевъ и безусловнаго почтенія.

5 мая 1789 г. открылись двери залы des Menus, обширной четырехугольной палаты, украшенной двумя рядами іоническихъ колонъ и вмѣщавшей болѣе двухъ тысячъ зрителей ³⁾. Потолокъ пропускалъ свѣтъ сквозь занавѣсъ изъ бѣлой тафты. Въ глубинѣ залы, на эстрадѣ, роскошно украшенной подъ балдахиномъ съ золотой бахромой, стояли тронъ, кресло королевы и табуреты принцессы. Внизу эстрады—скамья для государственныхъ секретарей, и передъ ней столъ, покрытый фіолетовымъ бархатомъ. По правую сторону были расположены рядами скамьи, предназначенныя для духовенства; по лѣвую—скамьи для дворянства, противъ трона—скамьи для общинъ Людовикъ XVI принималъ дѣятельное участіе въ этомъ убранствѣ залы засѣданій. Онъ лично давалъ указанія при размѣщеніи ковровъ и обоевъ, долженствовавшихъ умѣрить яркость дневнаго свѣта. Наканунѣ такихъ событій мысль этого короля была сосредоточена на декораціяхъ ⁴⁾, или же онъ повторялъ вслухъ тронную рѣчь, изучая интонаціи своего голоса ⁵⁾.

Первое собраніе революціи было отмѣчено грубымъ оскорбленіемъ по адресу третьяго сословія. Введенные черезъ заднюю дверь ⁶⁾, депутаты общинъ были задержаны у входа въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; и въ то время, какъ, заставивъ себя долго ждать, королевская власть, церковь, дворянство, проходили черезъ главную дверь, эти депутаты, скученные въ тѣсномъ пространствѣ, представляли зрѣлище купеческой биржи ⁷⁾.

Между девятью и десятью часами, маркизъ де Бресе и два церемоніймейстера начали разсаживать депутатовъ по порядку

¹⁾ Mirabeau, *Journal des états-généraux*, № 1.

²⁾ Toulangeon, t. I, p. 40.

³⁾ *Correspondance de Grimm*, mai 1789.

⁴⁾ Toulangeon, t. I, p. 37.

⁵⁾ M-me Campan, t. II, ch. XIII, p. 37.

⁶⁾ Rabaut-Saint-Etienne, *Précis historique*, p. 72.—Mongaiillard, t. II, p. 6.

⁷⁾ Mirabeau, *Journal des états-généraux*, № 2.

ихъ округовъ. Два часа были потрачены на формальности церемоніала.

Боковыя, расположенныя амфитеатромъ, скамьи были предоставлены почетнымъ зрителямъ, разряженнымъ дамамъ, избранной публикѣ, которую вскорѣ должна будетъ замѣнить публика горлающаяся и самовластная. Между тѣмъ, члены государственнаго совѣта, губернаторы, намѣстники провинцій послѣдовательно занимали свои мѣста посреди огороженнаго пространства залы. Рядомъ съ служителями правосудія и служителями меча замѣтили господина Неккера, единственнаго между всѣми этими персонами, одѣтаго въ штатское платье¹⁾. Ему горячо рукоплескали. Герцогу Орлеанскому апплодировали дважды: въ первый разъ — когда онъ вошелъ, замѣшанный въ группѣ депутатовъ изъ Крепи въ Валуа; во второй разъ — когда его увидѣли настойчиво просившимъ священника ихъ депутации пройти прежде него²⁾. Но при появленіи графа де Мирабо поднялся ропотъ³⁾. Графъ, съ презрительной миной, съ высоко поднятой головой, прошелъ черезъ залу, какъ человѣкъ, знающій силу своихъ пороковъ. Когда появился король, въ сопровожденіи королевы, принцевъ и принцессъ, все собраніе встало и привѣтствовало его радостными кликами. Людовикъ XVI имѣлъ на плечахъ большую королевскую мантию; на головѣ у него была шляпа съ перьями, петлица которой сверкала алмазами, а пуговицей служилъ знаменитый брилліантъ Регентъ или Питтъ⁴⁾. Сначала король былъ тронутъ оказаннымъ ему пріемомъ; но когда воцарилось молчаніе, и онъ увидѣлъ напротивъ суровыя лица депутатовъ общинъ⁵⁾, онъ смутился. Слышали, какъ Мирабо говорилъ своимъ сосѣдямъ, указывая на короля, окруженнаго такимъ блескомъ: «Вотъ жертва»⁶⁾. Королева была блѣдная и трепещущая.

Снявъ шляпу и снова надѣвъ ее, Людовикъ XVI сказалъ: «Господа, этотъ день, давно ожидаемый моимъ сердцемъ, насталъ, и я вижу себя окруженнымъ представителями націи, повелѣ-

¹⁾ *Correspondance de Grimm*, mai 1789.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ M-me de Staël, *Considérations sur la Révolution française*, t. I, p. 188.—*Correspondance de Grimm*, mai 1789.

⁴⁾ *Correspondance de Grimm*.

⁵⁾ M-me de Staël, *Considérations sur la Révolution française*, t. I, 189.

⁶⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, p. 335.—Веберъ присутствовалъ на засѣданіи.

вать которою вмѣняю себѣ въ честь. Долгій промежутокъ прошелъ со времени послѣднихъ засѣданій генеральныхъ штатовъ, и хотя созывъ этихъ собраній, казалось, вышелъ изъ употребленія, я не поколебался возстановить обычай, изъ котораго королевство можетъ извлечь новую силу и который можетъ открыть націи новый источникъ счастья».

Требовать отъ короля, чтобы онъ самъ толкалъ къ тѣмъ потрясеніямъ, отъ которыхъ погибають государства, значило бы требовать слишкомъ многого отъ человѣческой природы: выражая нѣкоторое опасеніе по поводу «общаго безпокойства умовъ и преувеличеннаго желанія нововведеній», Людовикъ XVI былъ въ своей роли. Вина его могла быть только виною его положенія и его принципа. Онъ прибавилъ, впрочемъ, что должно надѣяться отъ его чувствъ всего, что только можетъ внушить живѣйшій интересъ къ общему благу, всего, чего позволительно ожидать отъ государя, «перваго друга своихъ народовъ». Замѣтили, что во время рѣчи Людовика XVI королева, одѣтая очень просто въ этотъ день, стояла взволнованная, въ почти-тельной позѣ¹⁾.

Когда король кончилъ, депутаты духовенства и дворянства надѣли шляпы. Депутаты общинъ тотчасъ же послѣдовали ихъ примѣру—обстоятельство, показывавшее, какъ далеко ушли отъ того времени, когда представители третьяго сословія становились на колѣни передъ государемъ²⁾. Чтобы успокоить ажитацию, вызванную этимъ законнымъ и угрожающимъ новшествомъ, Людовикъ XVI долженъ былъ самъ снять шляпу.

Затѣмъ поднялся хранитель государственныхъ печатей, Барантенъ, и въ рѣчи, первая часть которой была посвящена недостойной лести, напомнилъ обстоятельства, побудившія къ созванію генеральныхъ штатовъ. Онъ говорилъ такъ тихо, что почти ничего не было слышно, да и рѣчь его была не такова, чтобы могла вызвать одобреніе собранія. Однако нѣкоторыя слова ея должны быть отмѣчены исторіей, потому что они свидѣтельствуютъ о вліяніи, которое оказывала на всѣхъ филофія XVIII столѣтія. «Только пороки и праздность,—говорилъ онъ,—заслуживаютъ презрѣнія людей, всѣ же полезныя профессіи почтенны, будь то исполненіе священныхъ функцій слу-

¹⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, ch. III, p. 326. Collection Barville et Barrière.

²⁾ M-me de Staël, *Considérations sur la Révolution française*, t. I, p. 188.

дѣтъ въ нихъ только собраніе, призванное для совѣщаній относительно финансовъ, кредита, денежныхъ интересовъ... Хочется думать, что они должны служить всему; они должны принадлежать какъ настоящему, такъ и будущему времени». И, поднимаясь постепенно до тѣхъ высей, гдѣ геній Франціи, казалось ему, сливается съ геніемъ человѣчества, министръ воскликнулъ: «Быть можетъ, милостивые государи, придетъ день, когда вы распространите далѣе вашу заботливость; придетъ, можетъ быть, день, когда, приобщивъ къ вашимъ совѣщаніямъ депутатовъ колоній, вы бросите взглядъ состраданія на тотъ несчастный народъ, которымъ спокойно ведутъ варварскую торговлю; на тѣхъ людей, подобныхъ намъ мыслію и въ особенности способностью страдать; на людей, которыхъ мы, однако, безжалостно нагружаемъ биткомъ на дно корабля, чтобы затѣмъ идти на вѣхъ парусахъ предать ихъ цѣпямъ, которыя ожидаютъ ихъ на далекой чужбинѣ» ¹⁾. Что касается столь важнаго тогда вопроса, вотировать ли посословно или поголовно, то Неккеръ коснулся его боязливо и, казалось, болѣе заботился о томъ чтобы обойти, чѣмъ о томъ, чтобы разрѣшить его. Не слѣдуетъ ли по крайней мѣрѣ предоставить двумъ первымъ сословіямъ рѣшить порознь объ отказѣ отъ своихъ податныхъ привилегій? Зачѣмъ лишать ихъ чести этого добровольнаго и великодушнаго отреченія? Наконецъ, вѣдь «подобные акты справедливости — явленіе необыкновенное, безпримѣрное въ исторіи» ²⁾. Разъ эта жертва совершена, подозрѣнія однихъ разсѣяны, жалобы другихъ устранены, придутъ, безъ сомнѣнія, къ пониманію того, что нѣкоторые предметы требуютъ совѣщанія порознь, и что есть, напротивъ, дѣла, относительно которыхъ лучше совѣщаться сообща. Такъ говорилъ Неккеръ.

Ожидали программы революціи, а онъ представилъ докладъ. Надѣялись, что онъ смѣло, энергически, именемъ народа, именемъ короля, предпишетъ совмѣстныя совѣщанія; а онъ предлагаетъ отнестись сначала къ доброй волѣ двухъ первыхъ сословій. Депутаты общинъ были удивлены, почти раздражены. Они упрекали министра за догматизмъ его рѣчи и робость его взглядовъ, за то, что онъ оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ, который нужно было рѣшить смѣло и опредѣленно, и за то, что

¹⁾ *Moniteur*, séance du 5 mai 1789.

²⁾ *Ibidem*.

онъ не поставилъ основъ новой конституціи. Мирабо сдѣлалъ свою газету эхомъ сильнѣйшаго гнѣва. Онъ отрицалъ финансовый геній министра, говоря: «Вотъ наши ресурсы, заложенные на *вѣру и надежду*, съ условіемъ, чтобы мы давали *милостыню*» ¹⁾. И, усиливая бранью вульгарный оборотъ своихъ сарказмовъ, инкриминируя вѣру Неккера въ великодушіе дворянства и духовенства, онъ воскликнулъ: «Нѣтъ никакого великодушія въ томъ, чтобы быть справедливымъ!» и слова эти нашли отголосокъ въ Версали и въ Парижѣ.

Что было основательнаго въ этихъ упрекахъ?

Сочинить конституцію—Неккеръ, безъ сомнѣнія, долженъ бы былъ, если бы, поставленный въ уединеніе всемогущества, онъ одинъ былъ отвѣтственнымъ за будущее. Но вѣдь теперь выступала на сцену нація: ей и надлежало впредь самой заботиться о своей судьбѣ. Тутъ, слѣдовательно, не было никакой вины со стороны Неккера.

Въ чемъ онъ дѣйствительно былъ виноватъ, такъ это въ томъ, что не рѣшилъ собственной инициативой, чтобы три сословія приступили сообща къ провѣркѣ депутатскихъ полномочій и составляли съ самага начала одно нераздѣльное собраніе. Чего онъ боялся? Общественное мнѣніе поддерживало его. Несомнѣнный естественнымъ теченіемъ идей и вещей, онъ легко восторжествовалъ бы надъ сопротивленіемъ двора и такимъ образомъ предупредилъ бы разрывъ между тремя сословіями, который всѣ предвидѣли. Но у него не хватило рѣшимости, какъ разъ въ то время, когда она была всего нужнѣе. Его друзья убѣждали его декретировать единеніе, вмѣсто того, чтобы вымалывать его: онъ отказался, указывая на дворъ; его коллеги Сенъ-При и Нивернэ предлагали предварительную провѣрку депутатскихъ полномочій хранителемъ государственныхъ печатей ²⁾: онъ не согласился и на это, указывая на народъ. Тщеславіе запрещало ему смѣлость; и онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ, потому что слишкомъ желалъ казаться таковымъ.

Конечно, если бы дворянство и духовенство не были ослѣплены до того, что хотѣли преобразовать въ права зло-

¹⁾ Mirabeau, *Journal des états-généraux*, № 2.

²⁾ *Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest*, p. XCV de la *Notice sur le comte de de Saint-Priest*, par M. de Barante. Paris, 1845.

употребленія, которыми они пользовались, то было бы довольно ловкимъ и не лишеннымъ величія маневромъ возложить уничтоженіе привилегій на самихъ привилегированныхъ, заинтересовать ихъ морально въ успѣхъ ихъ собственныхъ противниковъ, поставить ихъ, наконецъ, въ такое положеніе, чтобы они могли выбирать между пораженіемъ почетнымъ и пораженіемъ унизительнымъ. Но, со стороны двухъ первыхъ сословій, пожертвованіе злоупотребленіями въ ожиданіи господства справедливости, могло быть, — какъ увидимъ впослѣдствіи, — лишь результатомъ скоропреходящаго увлеченія.

Странныя случайности исторіи! Рѣшено было, при дворѣ, приготовить четыре залы: три—для трехъ сословій и одну—для торжественныхъ общихъ собраній. «Позаботимся,—говорили себѣ министры,—чтобы общины не водворились въ помѣщеніи, гдѣ происходило первое засѣданіе, посвященное открытію собранія. Гдѣ находился бы видимый центръ національнаго представительства, тамъ скоро были бы, въ глазахъ народа, его сердце и жизнь. Не допустимъ общинамъ занять помѣщеніе штатовъ и сдѣлаться ихъ прообразомъ!» Сень-При взялъ на себя заботы о присканіи подходящихъ помѣщеній. Залы были намѣчены; но одна изъ нихъ была манежемъ, а управленіе королевскихъ конюшенъ не хотѣло его уступить ¹⁾, и придуманная комбинація не удалась.

Рано утромъ 6 мая на улицахъ Версаля былъ расклеенъ слѣдующій плакатъ: «*Именемъ короля*. Такъ какъ его величество далъ знать депутатамъ о своей волѣ, чтобы они собрались сегодня, 6 мая, то депутаты симъ извѣщаются, что предназначенное для нихъ *помѣщеніе* будетъ готово къ девяти часамъ утра».

Приказъ этотъ будетъ ли исполненъ? Привилегированные согласятся ли присоединиться къ общинамъ, чтобы приступить вмѣстѣ съ ними къ предварительной операціи—провѣркѣ полномочій? Вопросъ громадной важности, вопросъ, который считали рѣшающимъ! Ибо провѣрка полномочій неизбѣжно привела бы къ вотированію поголовно, а такой способъ вотированія, благо-

¹⁾ *Notice sur M. de Saint-Priest, par M. de Barante, p. XCIV des Lettres et instructions de Louis XVIII, etc.*

даря удвоенному числу депутатовъ третьяго сословія, былъ бы несомнѣннымъ торжествомъ революціи.

Члены общинъ отправляются въ указанное мѣсто. Они ждутъ. Духовенство и дворянство не появляются. Тогда, въ этомъ собраніи людей, съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ, еще незнакомыхъ другъ съ другомъ, людей свободныхъ и равныхъ, одинаково угрожаемыхъ, обнаруживается сильнѣйшее волненіе. Крики смѣшиваются, предложенія скрещиваются ¹⁾. Самые горячіе объявляютъ, что, не обращая вниманія на святотатственный расколъ, слѣдуетъ конституироваться въ *Національное собраніе*. Нѣкоторые предлагаютъ испробовать пути примиренія. Но конституироваться въ Національное собраніе,—значило бы ускорить ходъ событій. Назначить депутацію—значило бы признать различіе сословій. Между тѣмъ поднялись серьезные голоса; они рекомендуютъ терпѣніе, добродѣтель сильныхъ. Мало-по-малу возбужденіе ослабѣваетъ, шумъ утихаетъ. Рѣшаютъ, что такъ какъ провѣрка полномочій не сдѣлана, то общины будутъ смотрѣть на себя, какъ на «простое скопленіе лицъ, представляемыхъ генеральными штатами»; и уваженіе къ принципу доводятъ до того, что отказываются вскрыть поданныя въ залу письма, адресованныя къ третьему сословію ²⁾. Въ половинѣ третьяго пополудни разнеслась вѣсть, что духовенство и дворянство высказались за отдѣльную, по сословіямъ, провѣрку полномочій, первое—большинствомъ 133 голосовъ противъ 114, второе—большинствомъ 188 голосовъ противъ 47 ³⁾. Это значило, что борьба началась. Каковъ будетъ ея исходъ? Твердо рѣшившись на поддаваться, собраніе общинъ отсрочило свое засѣданіе до слѣдующаго дня, когда дѣйствительно вернулось на свой постъ, непоколебимое въ своемъ правѣ, исполненное спокойствія, силы, величія.

Во дворцѣ переходили попеременно отъ безпокойства къ гнѣву, и отъ гнѣва къ безпокойству. Вечеромъ въ день открытія генеральныхъ штатовъ Марія-Антуанета вернулась съ вы-

¹⁾ *Seconde lettre du comte de Mirabeau à ses commettans, post-scriptum.*

²⁾ *Hist. de la Révolution par deux amis de la liberté. — Première lettre du comte de Mirabeau à ses commettans.*

³⁾ *Extrait des registres des délibérations de MM. les députés composant la noblesse aux états généraux.*

раженіемъ отчаянія на лицѣ, и ея горесть, слишкомъ долго сдерживаемая, разразилась такими порывами, что браслеты лопались на ея рукахъ ¹⁾). Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ она корчилась въ конвульсіяхъ и, чтобы облегчить ей дыханіе, дежурныя фрейлины принуждены были разрѣзать ея платье. Въ этотъ же вечеръ, одинъ молодой депутатъ третьяго сословія, Барнавъ, который былъ тронутъ граціей королевы, предлагалъ ей, чрезъ посредство княгини Ламбаль, свои услуги, обѣщая преданную поддержку, если согласны примириться съ мыслью о конституціонной монархіи. Марія-Антуанета прервала княгиню, сильно разгнѣванная. Ей все еще мерещились мрачныя лица, видѣнныя на торжествѣ открытія штатовъ, а въ ушахъ ея все еще раздавался возгласъ *Орлеаны навсегда!* Неужели допустятъ опасность увеличиться, угрозу осуществиться? У графини Полиньякъ происходили бурныя собранія, на которыхъ вожди дворянства и вожди духовенства ободряли другъ друга на сопротивленіе. Духовная связь, которую органы печати завязали и поддерживали между Версалемъ и Парижемъ, была первымъ препятствіемъ, которое нужно было устранить; и вотъ постановленіемъ королевскаго совѣта запрещено было дальнѣйшее изданіе листка *Генеральныхъ Штатовъ*, котораго вышелъ только одинъ номеръ. Запоздалое насиліе! Смѣлость Мирабо удвоилась; подъ заглавіемъ «Письма къ моимъ довѣрителямъ» онъ продолжалъ начатое дѣло; парижская дума протестовала ²⁾); общественное мнѣніе защищало то, что было его царствомъ: дворъ отступилъ въ страхѣ. Къ тому же было много другихъ «мониторовъ», кромѣ публичныхъ листовъ! Каждое слово, исходившее изъ залы штатовъ, было повторяемо и распространяемо эхомъ Пале-Рояля, клубовъ предмѣстій; и дороги изъ Версаля въ Парижъ покрылись добровольными вѣстовщиками, которые безпрестанно сновали туда и сюда, служа быстрыми проводниками революціоннаго электричества.

Положеніе, занятое членами общинъ, запрещало имъ дѣйствія, могущія констатировать раздоръ сословій. Поэтому они

¹⁾ *Mémoires relatifs à la famille royale de France pendant la Révolution*, t. I, p. 341.

²⁾ *Ibid* t. I, p. 343.

³⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 39.

старательно воздерживались отъ всего, что могло бы придать ихъ собранію характеръ *конституированной палаты*. Тѣмъ не менѣе, они уполномочили двѣнадцать челоѣкъ изъ своей среды отправиться къ дворянамъ и духовнымъ особамъ, но только въ качествѣ добровольныхъ посредниковъ, а не въ качествѣ депутатовъ¹⁾.

Несмотря на неопредѣленность этихъ мирныхъ предложеній, духовенство съ радостью приняло ихъ. Встревоженные тайными симпатіями, которыя заставляли многихъ честныхъ священниковъ склоняться къ народному дѣлу, князья церкви боялись остаться безъ арміи, если бы рискнули вступить въ борьбу. Такъ что роль посредниковъ оказывалась соотвѣтствующей какъ ихъ обязанностямъ служителей алтаря, такъ и ихъ искусству. Поэтому духовенство не ограничило назначеніемъ комиссаровъ-примирителей,—оно убѣждало и дворянство послѣдовать его примѣру, и, вслѣдствіе этихъ настояній, 13 мая явилась въ собраніе общинъ депутація отъ дворянъ²⁾. Но каково было удивленіе этого собранія, каково его негодованіе, когда, послѣ вступительныхъ словъ: «Милостивые государи, имѣемъ честь сообщить вамъ принятыя дворянскимъ сословіемъ рѣшенія, въ которыхъ вы увидите его желаніе поддерживать братскій союзъ»³⁾, герцогъ де Праленъ прочелъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ рядъ постановленій, гласившихъ, что дворянство признало умѣстнымъ сдѣлать отдѣльно провѣрку своихъ полномочій; что оно конституировалось въ отдѣльную палату; что если оно согласилось избрать комиссаровъ-примирителей, то сдѣлало это по приглашенію духовенства и просто по уступчивости. Со всѣхъ сторонъ раздались протесты противъ оскорбительности подобнаго сообщенія. Какъ! дворянство, казалось, дѣлало милость другимъ сословіямъ, благоволивъ снизойти къ соглашенію съ ними! Оно какъ бы въ насмѣшку говорило о *братскомъ союзѣ*, когда само же перечисляло акты, клонящіеся къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ такой союзъ! Мирабо излилъ свой гнѣвъ въ горькихъ насмѣшкахъ. Если

¹⁾ *Séances des députés des communes*, p. 11, à la suite du *Procès-verbal des conférences pour la vérification des pouvoirs*.

²⁾ *Séances des députés des communes*, p. 21.

³⁾ *Ibidem*.

дворяне,—говорилъ онъ,—имѣли право провѣрять свои полномочія отдѣльно отъ другихъ сословій, то кто или что мѣшаетъ имъ идти далѣе, сочинить конституцію, урегулировать финансы, издавать законы? Двадцать четыре милліона людей стоятъ ли того, чтобы принимать ихъ въ расчетъ? Дворяне не составляютъ ли всей Франціи? ¹⁾ И въ этомъ случаѣ Мирабо только выразилъ чувства, овладѣвшія собраніемъ общинъ при чтеніи постановленій дворянства. Однако, собраніе сдержалось, и старшина его отвѣтилъ важнымъ тономъ депутаціи дворянства ²⁾: «Мы не конституированы. Мы займемся разсмотрѣніемъ предлагаемыхъ намъ средствъ примиренія».

Всякая революція находитъ, при своемъ началѣ, людей, которые служатъ ей, когда она еще немощна, но которые стараются тормозить ее, какъ только она окрѣпнетъ и выростетъ. Изъ числа такихъ людей были Мунье и Малуэ. Первый уже тревожно задавалъ себѣ вопросъ о послѣдствіяхъ. Второй пытался охладить движеніе. Испуганный непоколебимымъ спокойствіемъ общинъ и высокоуміемъ дворянства, Малуэ приглашалъ силу принять умоляющую позу слабости. Онъ составилъ проектъ деклараціи, гдѣ говорилось: «...Мы горячо желаемъ присоединиться къ нашимъ товарищамъ, депутатамъ духовенства и дворянства... Мы ожидаемъ отъ ихъ патріотизма и всѣхъ обязательствъ, которыя имъ общи съ нами, что они не будутъ долѣе мѣшкать съ приведеніемъ въ дѣйствіе національнаго собранія... Мы тѣмъ болѣе сгораемъ нетерпѣніемъ... что скорбимъ о томъ, что не могли еще принести королю, черезъ депутацію отъ генеральныхъ штатовъ, почтительную благодарность, засвидѣтельствовать пожеланія и вѣрноподданическія чувства націи. Объявляемъ формально, что намѣрены уважать собственность и почетныя прерогативы духовенства и дворянства»... ³⁾ Какъ примутъ общины проектъ, гдѣ уровень чувствъ и языка такъ пониженъ? Малуэ имѣлъ нѣкоторое сомнѣніе на этотъ счетъ, такъ какъ, прежде чѣмъ рискнуть внести свое предло-

¹⁾ *Troisième lettre du comte de Mirabeau à ses commettans.*

²⁾ *Séances des députés des communes*, p. 24.

³⁾ Проектъ этотъ приведенъ цѣликомъ въ 4-мъ письмѣ Мирабо къ его избирателямъ.

женіе, онъ нашелъ нужнымъ посовѣтоваться съ однимъ чело-
вѣкомъ, который тогда еще не принадлежалъ къ національному
представительству, но который имѣлъ руку въ событіяхъ и
котораго дикая меланхолія, сосредоточенная энергія, сентенціоз-
ное и трезвое слово вели къ роли глубокомыслия. Человѣкъ
этотъ былъ знаменитый аббать Сійесь. Онъ одобрилъ уваженіе
Малуэ къ собственности двухъ первыхъ сословій, но совѣтовалъ
ему умолчать о *почетныхъ прерогативахъ*. «Развѣ вы намѣрены,
вскричалъ удивленный Малуэ, уничтожить дворянство?—Да,
конечно.—А ваши средства?—Мы найдемъ ихъ. Надо по крайней
мѣрѣ поставить вѣхи. Чего мы не сможемъ сдѣлать, то испол-
нять наши преемники»¹⁾. Такимъ образомъ уничтожить дво-
рянство представлялось будущему поколѣнію; такъ думалъ и
говорилъ тогда Сійесь, человѣкъ вѣрныхъ комбинацій. Малуэ
представилъ свое предложеніе общинамъ, которыя его отвергли.

Нужно было, однако, принять какое-нибудь рѣшеніе. Духо-
венство и дворянство избрали комиссаровъ-примирителей: нужно
было знать, назначать ли общины, въ свою очередь, такихъ
комиссаровъ. Это и предложилъ, 14 мая, Рабо Сентъ-Этьенъ,
протестантскій пасторъ въ Нимѣ, съ условіемъ, тѣмъ не менѣ,
«чтобы не отступали отъ принциповъ вотированія по-головно
и нераздѣльности генеральныхъ штатовъ»²⁾. Но такая осторож-
ность показалась унижительной или опасной Ле Шапелъе, депу-
тату изъ Ренна. По его мнѣнію, ничего не оставалось болѣе,
какъ сдѣлать энергически, рѣшительно, слѣдующее заявленіе:
«Депутаты общинъ признаютъ за законныхъ представителей
только тѣхъ, полномочія которыхъ будутъ провѣрены комисса-
рами, назначенными въ общемъ собраніи... и каждый депутатъ
можетъ получить только отъ этого собранія санкцію, утверждаю-
щую его членомъ генеральныхъ штатовъ»³⁾. Это значило поло-
жить конецъ нерѣшительности и, если призывъ къ единенію
не будетъ услышанъ, бросить перчатку, какъ вызовъ на бой.
Собраніе волнуется, голоса раздѣляются. Небольшое число де-
путатовъ пристають къ мнѣнію Ле Шапелъе; большинство

¹⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 139.

²⁾ *Séances des députés des communes*, p. 26, 27.

³⁾ *Ibid.* p. 28.

высказывается за предложеніе Рабо Сентъ-Этьена. Депутатъ изъ Арраса, Робеспьеръ, поднимается тогда и, не надѣясь на принятіе энергическаго предложенія своего реннского коллеги, закликаетъ собраніе воздержаться по крайней мѣрѣ въ отношеніи дворянъ отъ шага, который доставилъ бы торжество ихъ гордости, и обратиться только къ тому сословію, гдѣ находятся, рядомъ съ горделивыми прелатами, скромные и популярныя исповѣдники Евангелія¹⁾. Робеспьеръ внесъ свой проектъ, но вліяніе его было такъ ограничено, голосъ его имѣлъ такъ мало власти, что не удостоили даже обсуждать его мнѣніе²⁾. Предложеніе его было оставлено безъ вниманія, когда Мирабо ухватился за него и сдѣлалъ его текстомъ пламенной рѣчи, которая резюмировалась въ слѣдующихъ словахъ: «Поплите къ духовенству и не посылайте къ дворянству, потому что дворянство приказываетъ, а духовенство ведетъ переговоры»³⁾. 18 мая, послѣ четырехъ дней дебатовъ мнѣніе Рабо Сентъ-Этьена одержало верхъ⁴⁾. Тотчасъ же была назначена коммиссія, въ составъ которой вошли, между прочимъ, Рабо Сентъ-Этьенъ и Барнавъ, но въ которую Мирабо не былъ избранъ.

Итакъ, переговоры начались. И депутаты дворянства выбрали этотъ моментъ, чтобы возвѣстить, что они отказываются отъ своихъ привиллегій. Но, съ ихъ стороны, это былъ не столько порывъ, сколько расчетъ. Твердо рѣшившись не дѣлать никакихъ уступокъ по рѣшающему вопросу о вотированіи сообщца, они хотѣли прикрыть блескомъ патріотическаго самопожертвованія то, что было опаснаго въ ихъ упорной обособленности. Справедливость требуетъ прибавить, что эта жертва приписывалась многимъ изъ нихъ самыми инструкціями (*cahiers*), и что она отвѣчала великодушнымъ чувствамъ меньшинства дворянъ⁵⁾. Совѣщанія конференціи были непродолжительны: комиссары не могли прійти къ соглашенію, и 26 мая, по предложенію герцога де Виллекье⁶⁾, палата дворянства прервала переговоры. Борьба обострялась.

1) *Lettre manuscrite de Robespierre, du 24 mai 1789.*

2) *Ibidem.*

3) См. эту рѣчь въ *Quatrième lettre de Mirabeau à ses commettans.*

4) *Séances des communes, p. 33.*

5) Beaulieu, *Essais historiques, t. I, p. 127.*

6) *Ibidem, p. 52.*

Съ своей стороны, общины чувствовали въ своей средѣ какъ бы глухое колебаніе противоположныхъ страстей. Еще безвѣстный наблюдатель людей и вещей, Робеспьеръ уже старался угадать перебѣжчиковъ и молча отмѣчалъ ихъ въ глубинѣ своего сердца. Въ письмахъ къ своимъ близкимъ друзьямъ онъ указывалъ уже планы Малуэ, опаснаго поборника исключительнаго торжества буржуазіи, и радовался упадку репутацій, которыя не были силой для народа: репутацій Тарже и Мунье, напримѣръ. Мирабо онъ мало боялся, зная его характеръ, способный къ припадкамъ слабости, когда гений теряетъ всякій авторитетъ, если не всякій блескъ. Будутъ, конечно, раздоры, можетъ быть, измѣны. Но Робеспьеръ успокоивался, видя вокругъ себя «болѣе сотни гражданъ, готовыхъ умереть за отечество»¹⁾.

Впрочемъ, разногласія въ средѣ общинъ не имѣли тогда ничего опредѣленнаго и не мѣшали третьему сословію расти, относительно дворянства, въ увѣренности и гордости. Къ тому же все благопріятствовало общинамъ. Любовь къ согласію давала имъ, въ палатѣ духовенства, союзниковъ въ лицѣ такихъ членовъ, какъ священники Балларъ, Жалле, Диллонъ, Грегуаръ. Чувство справедливости, соединенное съ желаніемъ популярности, доставляло имъ, въ палатѣ дворянства, поддержку меньшинства, гдѣ фигурировали герцогъ Орлеанскій, Александръ и Шарль Ламеты, Лафайетъ, маркизъ Каstellянъ, графъ Крильонъ, графъ Монморанси. Между придворными дамами многія, притомъ изъ самыхъ умныхъ и вліятельныхъ, вдохновлялись патриотизмомъ; г-жи де Сталь, де Куаньи, де Каstellянъ, д'Эгильонъ, де Люинъ присутствовали на засѣданіяхъ общинъ, давали политическіе обѣды, говорили о конституціи, вдохновляли брошюры, поддерживали плебейскій пылъ²⁾. Наконецъ, Парижъ заканчивалъ выборы своихъ представителей: помощь, нетерпѣливо ожидавшаяся. И дѣйствительно, 25 мая³⁾, увидѣли входящихъ въ залу штатовъ двадцать новыхъ депутатовъ, присланныхъ столицей. Между ними особенно выдѣлялись аббатъ

¹⁾ *Lettre manuscrite de Robespierre, du 24 mai 1789.*

²⁾ *Mémoires de Ferrières, t. I, p. 40.*

³⁾ *Mémoires de Bailly, t. I, p. 71.*

Сійесъ и Балби. Первый имѣлъ мрачный и рѣшительный видъ. Второй былъ охваченъ, при входѣ въ залу, душевнымъ волненіемъ, смѣшаннымъ съ почтеніемъ и смущеніемъ. Одѣтый въ черный плащъ, съ длинной шевелорой, съ высокимъ галстукомъ,—парадный костюмъ, начинавшій уже выходить изъ моды,—Балби шелъ по залѣ робкими шагами, сожалѣя немного о своей важности въ городской ратушѣ, и подобный, какъ онъ самъ наивно сознавался¹⁾, молодому человѣку знатной фамилии, которой изъ родительскаго дома, гдѣ онъ былъ предметомъ самаго заботливаго попеченія, вдругъ переходитъ въ большой свѣтъ, гдѣ никто не заботится о немъ. Но онъ имѣлъ добродѣтели, которыя скоро будутъ привѣтствуемы въ его лицѣ: умѣренность, твердость характера.

Общины не могли, слѣдовательно, преклониться. Но ихъ терпѣливой, непреклонной волѣ дворянство противопоставало насилія раздраженной гордости. Оно съ надменнымъ увлеченіемъ шло дорогой, которую начертали ему вдоль пропастей д'Эпремениль, Лакейль, Бутилье и одинъ молодой кавалерійскій капитанъ, новопожалованный дворянинъ²⁾, пылкій Казалесъ. Самые упрямые были именно сельскіе дворяне, потому что ржавчина ихъ природныхъ предразсудковъ не очистилась отъ прикосновенія большихъ городовъ и потому что дворъ держалъ въ запасѣ, чтобы соблазнить ихъ неопытность, множество приманокъ, способныхъ польстить ихъ тщеславію, каковы фамилярная улыбка графа д'Артуа, притворная откровенность, честь явиться на вечернюю аудіенцію короля, милость быть допущенной къ игрѣ королевы³⁾. «Вамъ будетъ принадлежать слава спасенія монархіи», говорили имъ, и осыпаяли ихъ обѣщаніями.

Такимъ образомъ только въ отношеніи духовенства возможна была послѣдняя попытка примиренія. Ибо сановники церкви тщетно усиливались призывать Бога на помощь въ своемъ спорѣ; многіе изъ священниковъ помнили, что Христосъ былъ сыномъ плотника, они сознавали себя дѣтьми народа.

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 72.

²⁾ M-me de Staël, *Considérations sur la Révolution française*, t. I, chap. XVII, p. 199.

³⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. I, p. 35.

Поэтому общины рѣшили, прежде чѣмъ прибѣгать къ ресурсамъ силы, обратиться къ духовенству съ братскимъ приглашеніемъ. И это было поистинѣ прекрасное зрѣлище, когда, 27 мая, Тарже, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ коллегъ, пошелъ сказать собравшимся духовнымъ особамъ: «Заклинаемъ васъ, именемъ Бога мира, присоединиться къ намъ». И на этотъ разъ уже не въ подкрѣпленіе кастоваго тщеславія ссылались на Господа: теперь брали въ свидѣтели Верховное Существо, въ коемъ пребываетъ единеніе человѣческаго рода. Смиранные сельскіе священнослужители пришли въ умиленіе, прослезились; послышался возгласъ: «Идемъ сейчасъ же!» Но придворные прелаты возражали, указывая на необходимость дѣйствовать обдуманно; и, подъ внушеніемъ обманчивой мудрости, сословіе отвѣтило: «Предложеніе гг. депутатовъ общинъ требуетъ серьезнаго обсужденія, которымъ духовенство и займется» ¹⁾. Общины ждали до вечера, и ждали напрасно.

Тогда была задумана преступнѣйшая интрига. Чтобы предупредить союзъ общинъ и духовенства, вожаки контръ-революціонной партіи убѣждаютъ Людовика XVI вмѣшаться въ дѣло, совѣтуютъ ему дать приказъ о возобновленіи совѣщаній между комиссарами трехъ сословій, но въ присутствіи хранителя печатей и комиссаровъ, назначенныхъ правительствомъ. Это значило снова сдѣлать опытъ, который уже разъ привелъ только къ раздраженію умовъ; это значило, подъ видомъ примиренія, оживить раздоръ ²⁾. Людовикъ XVI сдался, по сообщничеству или по слабости характера, и письмо, въ которомъ онъ выражалъ свое желаніе, было передано тремъ сословіямъ.

Повиновеніе духовенства было быстрое и безусловное. Но, чтобы возобновляемые совѣщанія неизбѣжно оказались безплодными, агитаторы дворянства постарались достигнуть этого непреложнымъ рѣшеніемъ ³⁾. Взаимное *veto* трехъ сословій одно надъ другимъ не есть ли палладіумъ свободы, гарантія мира, охрана трона? Вотъ что развивали съ страстной настойчивостью д'Антрегъ, Бутилье, Казалесъ; и они убѣждали дворянъ при-

¹⁾ *Séances des députés des communes*, p. 56.

²⁾ Роялистскій писатель Болье самъ признаетъ это,—см. *Essais historiques*, t. I, p. 155.

³⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 158.

нять энергичное рѣшеніе. Большинство послѣдовало за ними, и объявили, что «совѣщаніе посословно и право *veto*, принадлежащее каждому изъ сословій въ отдѣльности, составляютъ существенныя условія монархіи» ¹⁾. Но тотчасъ же многіе изъ дворянъ запротестовали. Графъ Монморанси, кавалеръ Мантель, баронъ д'Аранбюръ, герцогъ Люинъ, маркизъ Ланкомъ возстали противъ постановленія, противнаго, говорили они, примирительнымъ чувствамъ, выраженнымъ въ письмѣ короля. Сипьеръ и Синети ссылались на свое полномочіе, предписывавшее имъ голосованіе поголовно. Маркизъ Каstellянъ объявилъ, что всѣ его пожеланія за соединеніе. Графъ Крильонъ сказалъ, что онъ думалъ, что посланъ депутатомъ въ генеральныя штаты, съ цѣлью дать конституцію Франціи—вещь невозможная, если допустить *veto* одного изъ сословій надъ другимъ. Герцогъ Орлеанскій, графъ де-Круа, графъ Шарль де Ламетъ выразили удивленіе по поводу постановленія, обрекавшаго комиссаровъ-примирителей на бесплодную попытку примиренія ²⁾. Тщетные протесты! Большинство оставило ихъ безъ вниманія.

Постановленіе дворянства, очевидно, дѣлало напередъ призрачными новыя совѣщанія. Однако, общины согласились возобновить ихъ, *изъ уваженія къ желанію его величества* ³⁾. Онѣ избрали Бальи президентомъ подъ именемъ старшины и рѣшили отправить къ королю торжественную депутацію «съ изъявленіемъ почтительной подданнической преданности его вѣрныхъ общинъ, увѣренія въ ихъ рвеніи, въ ихъ любви къ его священной особѣ и королевской фамиліи, и чувства живѣйшей признательности, которымъ онѣ проникнуты за отеческую заботливость его величества о нуждахъ его народа» ⁴⁾. Такъ выражались общины 29 мая 1789 г., за три года и восемь мѣсяцевъ до трагедіи 21 января.

Но въ то время, какъ онѣ облакали свою мысль въ формулы стараго раболѣпства, дворъ думалъ только о томъ, чтобы унижить ихъ. Когда Бальи попросилъ хранителя печатей Барантена допустить депутацію общинъ къ королю, министръ отвѣ-

¹⁾ *Séances des députés des communes*, p. 62.

²⁾ *Beaulieu*, t. I, p. 161.

³⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 85.

⁴⁾ *Séances des députés des communes*, p. 69.

тиль, что къ этому встрѣчается важное препятствіе. Можно ли потерпѣть, чтобы ораторъ третьяго сословія говорилъ королю, не преклоняя колѣна? По крайней мѣрѣ нужно, чтобы болѣе покорная поза служила къ обозначенію того, что, въ отношеніи двухъ первыхъ сословій, третья занимаетъ низшую степень. «Это не значить,—прибавилъ министръ,—что хотятъ настаивать на соблюденіи стараго обычая, оскорбляющаго третье сословіе, и что король намѣренъ требовать исполненія этого обычая. Однако, если бы король захотѣлъ этого?..» «А если двадцать пять милліоновъ людей не хотятъ этого?» холодно прервалъ его Балъи ¹⁾. Балъи вторично просилъ объ аудіенціи, и наканунѣ того дня, когда произошла эта сцена, Людовикъ XVI потерялъ своего старшаго сына. Отсюда тысяча лживыхъ слуховъ, распускавшихся ненавистью придворныхъ. Рассказывали, будто Балъи хотѣлъ насильно ворваться въ кабинетъ короля; будто онъ своимъ жестокимъ упрямствомъ обезпокоилъ самую священную изъ горестей; будто Людовикъ XVI, выведенный изъ себя, вскричалъ: «Нѣтъ, видно, отцовъ въ этой палатѣ третьяго сословія!» ²⁾ Скончавшійся дофинъ былъ хилый и печальный не по лѣтамъ ребенокъ. Золотые дни Трианона прошли безвозвратно. Пораженная горемъ, какъ мать, угрожаемая, какъ королева, Марія-Антуанета впала въ глубокую меланхолію, и волосы ея побѣлѣли ³⁾.

Положеніе дѣлъ продолжалось, повидимому, безъ всякой перемѣны, безъ дальнѣйшаго развитія. Возобновеніе совѣщаній имѣло предвидѣнный результатъ: бесплодные дебаты, усугубленіе натянутости отношеній, раздраженіе, таившее въ себѣ зародышъ войны. Неккеръ предложилъ тремъ сословіямъ провѣрить порознь полномочія и сообщить взаимно о результатѣ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ разногласія прибѣгнуть къ рѣшенію короля. Но въ этомъ мнимомъ планѣ примиренія одни увидѣли лишь посягательство на ихъ гордость, другіе лишь западню. Принимая предложеніе министра, дворянство объявило, что остается при своихъ предыдущихъ постановленіяхъ; и общины восполь-

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, p. 104.

²⁾ *Ibid.*, t. I, p. 102—103, и *Mémoires de Weber*, t. I, p. 342—343.

³⁾ *Mémoires de Weber*, p. 341.

объ устранинїи общественнаго бѣдствїя. Общины поняли лукавую заднюю мысль этой выходки: онѣ отвѣтили, что подумать о средствахъ къ облегченїю страданїй народа есть долгъ, но что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ *общей залѣ*.

Еще одинъ подобный обмѣнъ хитростей, и, граница, существующая между благоразумїемъ и достоинствомъ, оказалась перейденной. Сїесть нанесъ рѣшительный ударъ. 10 іюня собранїе, заранѣе увѣдомленное, пребывало въ торжественномъ ожиданїи. Сїесть встаетъ среди глубокаго молчанїя и предлагаетъ послать двумъ другимъ сословіямъ послѣднїй *вызовъ* съ предупрежденїемъ, что *перекличка депутатовъ по округамъ будетъ происходить черезъ часъ и что неявившіеся будутъ исключены изъ числа депутатовъ*. Предложенїе пускаютъ на голоса, смягчивъ рѣзкость формулировки ¹⁾, и собранїе принимаетъ его. Это была сама революція.

Вечеромъ этого чреватаго событїями дня Мирабо таинственно поднимался по лѣстницѣ дома Неккера ²⁾, волнуемый странными мыслями. Помѣшаетъ ли онъ рѣкѣ выйти изъ береговъ, онъ, возбуждаемый демономъ Кая Гракха? Допуститъ ли онъ королевскую власть погибнуть, онъ, которому существующїй порядокъ позволяетъ погрязать въ пороки? Если онъ нуждается въ площади для своего генїя, то онъ нуждается въ монархіи для испорченности своего сердца. Такъ, терзаемый внутренней борьбой, полный буйности и страха, изнемогающїй подъ тяжестью противорѣчїей своей натуры, могучей и жалкой, онъ унизился до ходатайства о секретной аудїенціи у того самаго министра, котораго онъ еще наканунѣ осыпалъ проклятїями, словами ненависти и презрѣнїя. Неккеръ принялъ съ обидной холодностью ³⁾ челоуѣка, котораго при дворѣ называли *плебейскимъ графомъ*. «Посмотримъ, — сказалъ онъ ему рѣзкимъ, повелительнымъ голосомъ, — какїя ваши предложенїя?» У Мирабо удивленїе всегда выражалось гнѣвомъ: онъ вспылить и ушелъ, обѣщая себѣ заманить Неккера на трибуну и тамъ уничтожить его.

¹⁾ *Séances des députés des communes*, p. 144 et suiv.

²⁾ Beaulieu, t. I, p. 140—141; рассказъ Малуэ, извлеченный изъ 3 тома собранїя его мѣтїей.

³⁾ По разсказу Малуэ, къ которому Мирабо обращался съ просьбой получить аудїенцію.

13 іюня собраніе занималось провѣркою полномочій, когда на вызовъ депутатовъ сенешальства Пуату выходятъ три приходскихъ священника: Лесевъ, Балларъ, Жалле ¹⁾). Появленіе ихъ вызвало шумный восторгъ. Ихъ окружають, благодарять именемъ народа,жимають имъ руки, обнимають ихъ. «Но вѣдь въ палатѣ духовенство еще совѣщается», послышался чей-то голосъ. «Моя совѣсть не позволяетъ мнѣ принимать участіе въ совѣщаніи», сказалъ Балларъ ²⁾). Въ слѣдующіе дни, общины принимали среди живѣйшихъ восторговъ другихъ патеровъ, которыхъ приводила къ нимъ революція. Появился въ числѣ другихъ и аббатъ Грегуаръ. Аббатъ Мароль сказалъ, входя: «Вотъ и я, милостивые государи; но съ самаго открытія генеральныхъ штатовъ мое сердце было среди васъ» ³⁾). Это сознаніе въ дезертирствѣ было встрѣчено единодушными рукоплесканіями; нѣкоторые плакали отъ умиленія.

Въ предыдущемъ засѣданіи ⁴⁾), когда Малузъ выразилъ опасеніе относительно присутствія толпы, Вольней воскликнулъ: «Здѣсь нѣтъ чужихъ, здѣсь только братья!» 15 іюня зала штатовъ наполнилась зрителями; начались дни форума; и на глазахъ, подъ наблюденіемъ, при рукоплесканіяхъ многочисленной публики, общины приступили къ окончательному образованію собранія. Но прежде всего представился вопросъ: какое имя дать ему? Сійесъ предложилъ назвать его *собраніемъ извѣстныхъ и снабженныхъ правильнымъ полномочіемъ представителей націи*. Мирабо потребовалъ слова. Онъ началъ съ заявленія, что страдаетъ лихорадкой; и дѣйствительно, глаза его блестѣли лихорадочнымъ блескомъ. Дрожаніе его тѣла, его впалыя щеки, болѣе обыкновеннаго приподнятая губа обличали въ немъ страданія, произведенныя продолжительнымъ душевнымъ волненіемъ. Рѣчь его была вызывающая, поражающая противорѣчіями, запальчивая, дерзкая, возвышенная. Онъ опровергалъ предложеніе Сійеса, объявляя его слишкомъ смѣлымъ, находя его почти мятежнымъ, и требовалъ, чтобы приняли названіе: *представители народа*. Никогда еще человѣческое слово не выдавало столь ярко борьбу

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 141.

²⁾ *Hist. de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. I, chap. X.

³⁾ *Moniteur*, séance du 15 juin.

⁴⁾ Въ засѣданіи 28 мая.

мятущейся души. Этот ораторъ королевей, этотъ ораторъ толпы, попеременно оскорблялъ и прославлялъ народъ. Онъ началъ оскорбленіемъ. Если онъ хотѣлъ, чтобы назывались *народомъ*, то это потому, что нужно быть самимъ собой и не отрицать духовенства, не отрицать дворянства, не наталкиваться неблаго-разумно на королевское *veto*,—*veto*, необходимое и священное. Затѣмъ, отвѣчая тѣмъ, кто почерпалъ свою смѣлость въ под-держкѣ, обѣщанной или предложенной, союзниковъ снизу, онъ показывалъ народъ незнающимъ своихъ правъ, не вѣдающимъ свободы, тратящимъ свои силы на страданіе и *готовымъ продать конституцію за хлѣбъ* ¹⁾. Эта рѣчь, столь оскорбительная и не-справедливая, ясно обнаруживала цѣль Мирабо. Замѣнить на-званіе *общины* лукавымъ варіантомъ, остановить поглощеніе дво-рянства и духовенства большинствомъ французскаго общества, сохранить наполовину различіе сословій— вотъ къ чему стре-мятся, предлагая эти слова *представители народа!* «Будемъ счита-ть гражданъ,—воскликнулъ благородно Тарже,— а не состоя-нія!» ²⁾ Туре указалъ на опасность наименованія, которое, бу-дучи истолковано въ самомъ ограниченномъ смыслѣ, покажется освящающимъ несправедливыя различія, которыя нужно уни-чтожить ³⁾. Тогда, раздраженный, устыдившійся своей роли ца-редворца и возвращенный гнѣвомъ къ истинной роли своего генія, Мирабо возражаетъ, съ рискомъ героической непослѣдо-вательности: «Да, если бы это имя *народъ* не было нашимъ име-немъ, его слѣдовало бы выбрать предпочтительно передъ вся-кимъ другимъ, смотрѣть на него какъ на драгоцѣннѣйшій слу-чай служить этому народу, который существуетъ, который есть все, этому народу, который мы представляемъ, котораго права мы защищаемъ, отъ котораго мы получили наши права, и заим-ствовать названіе котораго, повидимому, стыдятся... Друзья сво-боды будутъ называться *ремонтрантами* въ Америкѣ, *пасту-хами* въ Швейцаріи, *мицими* (гѣзами) въ Нидерландахъ. Они будутъ гордиться оскорбленіями, наносимыми имъ врагами» ⁴⁾. Презиратель толпы исчезъ; теперь говорилъ трибунъ. Но, однимъ

¹⁾ *Moniteur*, séance du 15 juin 1789.

²⁾ *Ibidem*, séance du 15 juin, au soir.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*, séance du 16 juin au soir.

по срединѣ длинный столъ, раздѣляющій эти двѣ группы ¹⁾). Поставленные такимъ образомъ лицомъ къ лицу, противники обмѣниваются горькими рѣчами, угрожаютъ другъ другу жестами. Это не была уже спокойная, правильная энергія предыдущихъ дней. Мирабо и Бареръ только что открыли бурныя перспективы: первый, заставляя думать о народѣ, второй, произнеся эти глубокія слова: «вы призваны снова начинать исторію» ²⁾). Единомысленники Мунье и Малуэ, всѣ тѣ, кто не думалъ идти далѣе торжества буржуазіи, должны были, слѣдовательно, волноваться въ противоположномъ смыслѣ. Передъ ними были дворянство, духовенство, дворецъ, но позади ихъ шумящій Парижъ съ его предмѣстьями. Тогда раздалось обвиненіе противъ всякаго, кто останавливается среди идущаго впередъ общества. Было произнесено слово измѣна ³⁾). Кто-то бросился съ кулаками на Малуэ ⁴⁾). Партія умѣренныхъ удвоила крики и насилія. Усталость, наконецъ, прекратила этотъ разгулъ страстей. Но многіе изъ членовъ уже ранѣе удалились; была ночь: пришлось отложить рѣшеніе до слѣдующаго дня.

17 іюня, собраніе большинствомъ 491 голоса противъ 90, приняло титулъ *Національнаго собранія*, и 19 іюня, оно разумно установило основы своей державной власти. Чтобы приберечь себѣ оружіе противъ двора, оно объявило незаконными собираемые тогда налоги, рѣшивъ, тѣмъ не менѣе, что они будутъ взимаемы, пока продолжается собраніе, но что сборъ ихъ долженъ прекратиться, если оно будетъ распущено. Чтобы успокоить кредиторовъ государства, оно поставило ихъ «подъ защиту чести французской націи». Чтобы расположить въ свою пользу народъ, оно обѣщало посвятить свои первые моменты изслѣдованію причинъ нужды ⁵⁾).

При этомъ извѣстіи, между народомъ шумная радость, повсюду—сильное возбужденіе умовъ. Въ палатѣ дворянства, гдѣ д'Эпремениль требовалъ распущенія генеральныхъ штатовъ, герцогъ Орлеанскій предложилъ соединеніе; но, подавленный важностью обстоятельствъ, онъ почувствовалъ слабость и упалъ

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 153.

²⁾ *Le Point du jour*, journal de Barère, № 1.

³⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 152.

⁴⁾ Droz, t. II, liv. VIII, p. 213.

⁵⁾ *Le Point du jour*, № 1.—*Mémoires de Bailly*, t. I, p. 108 et suiv.

зіямъ несправедливаго тщеславія обличали у Неккера замысли, которыхъ не одобряеть духъ демократіи, и иллюзіи, которыя онъ осуждаетъ. Но нужно принять во вниманіе, что Неккеръ былъ министромъ короля, до того времени неограниченнаго; что его окружалъ възбъшеннй дворъ; что ему приходилось считаться съ упорнымъ противодръствіемъ и съ безчисленными препятствіями; что его роль въ совѣтѣ состояла въ томъ, чтобы подготовить преобразование монархіи, а не уничтоженіе ея; и что онъ естественно долженъ былъ бояться, что обрушится все зданіе, если пошатнуть слишкомъ сильно два главные столпа: дворянство и духовенство. Единственно въ чемъ можно упрекнуть его—это въ сохраненіи власти при условіяхъ, не позволявшихъ ему сдрълать благое дръло. Но авансы общественнаго мдрънія вскружили ему голову. Онъ безразсудно считалъ себя способнымъ примирить противоположности, склонить дворъ на жертвы, внушить духовенству скромность, дворянству самоотверженіе, волнуемому народу робкое движеніе. Буря, которую нужно бы было самому спустить съ цдръпи, наполнила бы его ужасомъ; буря же которую можно было направлять и сдерживать, не обезкураживала его гордости.

Людовикъ XVI былъ въ Марли. Неккеръ подръхалъ туда, въ общество дръухъ министровъ: Сентъ-При и Ла-Люзерна; и только въ каретѣ, по дорогѣ, онъ сообщилъ имъ проектъ, который собирался предложить на обсужденіе совѣта: такъ велика была поспдръшность въ эти часы смятенія ¹⁾. По плану Неккера, король, въ королевскомъ засдръданіи, прикажетъ тремъ сословіямъ собраться вмдръстѣ и, давъ ихъ работамъ королевскій починъ за исходную точку, самъ установитъ основы ожидаемаго преобразования: совдръстное совдръщаніе трехъ сословій по всякому вопросу общаго интереса; признаніе за генеральными штатами права измдрънять конституцію королевства, съ тдръмъ, чтобы законодательное собраніе оставалось состоящимъ по крайней мдрърть изъ дръухъ палатъ; отмдръна денежныхъ привелегій въ дрълвдръ налоговъ; допущеніе всдръхъ гражданъ къ занятію должностей военныхъ и гражданскихъ ²⁾. Скромная программа, отмдръченна печатью генія Англіи! И, однако, при дворѣ ее нашли ужасно смдрълой. Неккеръ сообщилъ ее графамъ Прованскому и д'Артуа,

¹⁾ *Notice sur M. le comte de Saint-Priest*, p. XCVI, въ *Lettres et instructions de Louis XVIII*.

²⁾ Necker, *De la Révolution française*, t. I, p. 195.

которые, въ свою очередь, рассказали о ней Маріи-Антуанетѣ. Какъ только Неккеръ прибылъ въ Марли, королева пригласила его къ себѣ. Онъ нашелъ Марію-Антуанету въ сильной ажитациіи и двухъ братьевъ короля, ободрившихъ ее своими совѣтами. Его заклинали отказаться отъ своего замысла, уничтожить свой планъ: онъ остался непоколебимъ ¹⁾. Поэтому засѣданіе совѣта открывається. Идеи перваго министра обсуждаются. Людовикъ XVI сдается, уже планъ Неккера принимаютъ... Но вдругъ появляется дежурный офицеръ, подходитъ къ королю, тихо говорить ему что-то. Король выходитъ. «Это, вѣроятно королева прислала за нимъ, сказалъ Монморенъ Неккеру, и не ошибся ²⁾. Совѣщаніе было отложено. Однако, такъ какъ образъ пышнаго проявленія силы улыбался царедворцамъ, то рѣшили, что королевское засѣданіе состоится, и оно было назначено на 22 іюня. Затѣмъ, подъ предлогомъ необходимыхъ приготовленій, но въ дѣйствительности для того, чтобы прервать работы, которыхъ она боялась, крамола велѣла запереть залу штатовъ.

20 іюня 1789 г.—вѣчно памятный день—въ Версалѣ, въ дождливую погоду, можно было видѣть группу людей, бродившихъ по городу, повидимому, въ поискахъ пристанища. Ихъ имя? Національно собраніе. Ихъ цѣль? Сдѣлать народъ свободнымъ. Слабые численно, простые по наружности и поступи, они имѣли, однако, властное чело, гордый взглядъ. Странствуя по улицамъ города, они бесѣдовали между собой о дворѣ, о его пустой заносчивости; о запертомъ храмѣ закона; о солдатахъ, которыхъ они только что встрѣтили расхаживающими около неприкосновенной палаты, о королевскомъ засѣданіи, объявленномъ представителямъ народа обыкновенными афишами, приказомъ глашатаевъ, народной молвой, какъ будто дѣло шло о спектаклѣ; они говорили о возобновеніи работъ, о возобновеніи сію же минуту, съ рискомъ страшной борьбы, цѣною жизни, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, а если не найдется помѣщенія для этого, то... какъ Лютеръ послѣ Вормса,—подъ открытымъ небомъ. Но одна зала открылась наконецъ; и это была лишь зала для игры въ мячъ (*Jeu de paume*). Въ этомъ помѣщеніи не было никакихъ суетныхъ украшеній,—голыя стѣны, стулья, столъ, скамьи. Ничего такого, что слу-

¹⁾ De Barante, *Notice sur M. le comte de Saint-Priest*, p. XCVI.

²⁾ *Ibid*, p. XCVII;—Necker, *De la Révolution française*, sect. IV, p. 209.

живые. Тотъ, который, стоя на столѣ, доминируетъ надъ собраніемъ, столь же спокойный, столь же безстрастный, какъ законъ, это—Бальи. Другой, небрежно одѣтый, держащій перо въ рукѣ и собирающіяся писать, это—редакторъ «Разсвѣта» (*Le Point du jour*), Вертранъ Бареръ. Робеспьеръ крѣпко прижалъ обѣ руки къ груди, какъ будто у него два сердца для свободы ¹⁾. Общая экзальтація сказывается, хотя различно выразившаяся, въ позахъ Петіона, Гара, Ле Шапелле, Туре, Гильотена, пылкаго Дюбуа-Крансе, изыщнаго Барнава. Мирабо, гордо выпрямившійся, съ высоко поднятой головой, ударяетъ ногой о полъ. Сійесъ, уединенный среди толпы своихъ коллегъ, сидящій въ центрѣ ихъ движенія, не дѣлаетъ никакого жеста, не смотритъ ни на кого: онъ произноситъ клятву про себя. Можетъ быть, онъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ. И кто знаетъ, въ самомъ дѣлѣ,—эти соединившіеся здѣсь люди не раздѣлятся ли скоро на судей и осужденныхъ? Кто знаетъ—въ глубинѣ формулы клятвы, произносимой председателемъ собранія Бальи, не таится ли его смертный приговоръ? Пока что, ихъ души испытываютъ взаимное влеченіе, ихъ надежды сливаются; и картезіанецъ донъ-Жерле, протестантъ Рабо Сентъ-Этьенъ, священникъ философъ д'Амбермилль стоятъ обнявшись.

Одинъ только депутатъ протестовалъ, чѣмъ еще болѣе усилилъ величіе зрѣлища. Ибо бравировать одному негодованіемъ всего собранія, защищать противъ столь могучаго общаго энтузіазма свои безнадежныя убѣжденія,—для этого нужно было большое мужество. Впослѣдствіи самъ Мунье, предложившій эту такъ охотно принятую клятву, сдѣлался апологистомъ Мартина д'Ошь ²⁾, отказавшагося произнести ее. Имя послѣдняго было занесено въ протоколъ совѣщанія, съ отмѣткой «остался въ оппозиціи». Такимъ образомъ этотъ день закончился долгомъ, возданнмъ правамъ человѣческой совѣсти, и местию, по истинѣ достойною свободы.

Столько мудрости и силы, казалось бы, должно было побудить дворъ внести нѣкоторую серьезность въ свой гнѣвъ: ничуть не бывало; и, какъ будто достаточно было надругаться надъ опасностью, чтобы избѣгнуть ея, находили удовольствіе въ высокоуміи. Съ нѣкотораго времени образовалась вокругъ

¹⁾ Слово Давида, объясняющаго свою картину.

²⁾ Mounier, *De l'influence etc.*, p. 100.

королевы партія, возлагавшая на нее всѣ надежды дворянства и видѣвшая въ ней спасеніе рыцарской Франціи. Партія эта состояла изъ молодой военной аристократіи и опиралась на нѣкоторыхъ фанатическихъ прелатовъ. Она обнимала помѣщицьи замки, архирейскіе дворцы, монастыри, каѳедры, исповѣдальни. Она называла Марію-Антуанету не иначе, какъ неустрашимой дочерью Маріи-Терезин; и на своего рода алтаряхъ, которые воздвигали внутри своихъ домовъ, вы нашли бы бюстъ королевы и тщетно искали бы бюстъ короля¹⁾. Нѣкоторые, съ едва скрываемымъ презрѣніемъ, обвиняли мягкую снисходительность Людовика XVI, его нерѣшительность, его склонность прислушиваться къ крикамъ улицы, его привычку отступать. Развѣ это король-жантильомъ? Пусть бы онъ шелъ въ Рамбулье заниматься часовымъ мастерствомъ, оставивъ въ болѣе мужественныхъ рукахъ королевы и скипетръ, и мечъ. Потому что ужъ слишкомъ много выказано терпѣнія: надо, наконецъ, разсѣять это революціонное сборище. А если народъ зашевелится, то для усмиренія есть солдаты, и если бы французскіе полки вздумали не повиноваться, то имѣются иностранные полки: тѣ, которые уже служатъ, и тѣ, которые, въ случаѣ надобности, можно будетъ призвать изъ Германіи. Смѣшно было бы думать, что сбродъ бунтовщиковъ въ лохмотьяхъ устоитъ противъ имперцевъ, противъ драгунъ, противъ венгерской кавалеріи, противъ тирольскихъ стрѣлковъ, а не дрогнетъ при одномъ только видѣ ихъ длинныхъ, напомаженныхъ саломъ усовъ! Къ этимъ вздорнымъ толкамъ²⁾ феодальная крамола присоединяла бравады въ дѣйствиіи, огорчавшія и заставлявшія краснѣть серьезную часть дворянства. Тогда накоплялся запасъ дерзкихъ униженій, предназначавшихся герцогу Орлеанскому; тогда приготавлилась противъ Мирабо война, состоявшая изъ ряда вызововъ на поединокъ, которые онъ только отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ³⁾, откладывая мелкія битвы до кануна большаго сраженія, и слишкомъ гордый, слишкомъ увѣренный въ себѣ, чтобы считать себя обязаннымъ дать доказательство своего мужества.

¹⁾ *Manuscrit de M. Sauquaire-Souliné.*

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ M-me de Staël, *Considération sur la Révolution française*, t. I, p. 263.

шійся Балъи воскликнулъ: «Надо отпечатать его золотыми буквами».

Море вздымалось все выше и выше; непобѣдимая революція добиралась до высотъ. А на узкой вершинѣ, къ которой подступала ревущая волна, дворъ улыбался и грозилъ въ одно и то же время! Неккеръ, еще недавно такой самонадѣянный, вдругъ упалъ духомъ. Одного дня достаточно было, чтобы доказать ему, что, одаренное огромной внутренней силой, движеніе можетъ поглотить всякаго, кто вздумалъ бы управлять имъ. Слабость человѣческой натуры! Неккеръ былъ авторомъ едва ли не самой смѣлой книги, какую только породило XVIII столѣтіе; онъ такъ же глубоко, какъ Жанъ-Жакъ, пслѣдовалъ причины бѣдственнаго положенія страны, происхожденіе соціальной неправды: и вотъ при видѣ этого общества, которое заволновалось, душа его начала наполняться печалью. Конечно, онъ старался сохранить ясное выраженіе лица, и его привычная сдержанность помогала ему скрывать угнетающія его мысли¹⁾. Но въ интимномъ кругу онъ оплакивалъ предвидимыя бѣды, онъ оплакивалъ мечту своей гордости, столь быстро разсѣившуюся.

И, съ другой стороны, исказить его идеи, умалить ихъ такъ, чтобы составить изъ нихъ *декларацию* королевскаго засѣданія, почти засѣданія *lit de justice*,—таково было тогда занятіе этого совѣта, котораго онъ одинъ мигъ мнилъ себя дыханіемъ и жизнью. Первоначальный проектъ Неккера содержалъ формальное повелѣніе тремъ сословіямъ собраться вмѣстѣ для совѣщанія сообща объ общихъ дѣлахъ: это категорическое приказаніе замѣнили почти просьбой, обращенной къ дворянству и духовенству, постановивъ, чтобы, въ прочемъ, различіе трехъ сословіи было сохранено. Первоначальный проектъ Неккера присвоивалъ собранію право вести дѣло преобразования до установленія хартіи, по образцу англійской: поспѣшили изъять изъ совмѣстнаго обсужденія вопросъ объ *устройствахъ, которое имплетъ быть дано предстоющимъ генеральнымъ штатамъ*. Первоначальный проектъ Неккера категорически отмѣнялъ всѣ податныя привилегіи: рѣшили положиться по этому пункту на добрую волю дворянства и духовенства, съ тѣмъ, чтобы ихъ великодушіе

¹⁾ См. въ *Lettres et instructions de Louis XVIII, Notice sur le comte de Saint-Priest*, p. C.

получило королевскую санкцію. Безразсудныя и опасныя измѣненія первоначальнаго проекта, стремившіяся замѣнить опытъ инициативы вызовомъ на бой по адресу новаго духа! Но, чтобы опровергнуть ихъ, Монморенъ, Фурке, Ла Люзернъ, Сенъ-Прищетно присоединились къ Неккеру: они имѣли противъ себя хранителя печатей Барантена, военнаго министра Шюи-Сегюра, министра внутреннихъ дѣлъ Вилледейля, четырехъ государственныхъ совѣтниковъ, призванныхъ на помощь, и наконецъ принцевъ. Одна черта покажетъ, что способенъ былъ произвести совѣтъ при такомъ его составѣ. Когда перешли къ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли допустить всѣхъ гражданъ къ военнымъ должностямъ по степени заслугъ, графъ д'Артуа энергически запротестовалъ, говоря: «король воленъ въ своихъ милостяхъ»¹⁾. Языкъ Людовика XIV пережилъ его могущество; и для того, чтобы продолжать говорить этимъ языкомъ, слабымъ преемникамъ Короля-Солнца нужно было игнорировать сто лѣтъ исторіи. Неккеръ, конечно, предвидѣлъ послѣдствія²⁾. Но каково будетъ его дальнѣйшее поведеніе? Воздержится ли онъ отъ участія въ королевскомъ засѣданіи? Или, напротивъ, рискуя своей популярностью, придетъ прикрыть своимъ присутвіемъ монарха, подчинившагося пагубнымъ совѣтамъ?

Въ ночь съ 22 на 23 іюня Балльи былъ разбуженъ крикомъ съ улицы. Удивленный, онъ встаетъ: оказывается, что это его вызываютъ. Какіе-то три незнакомца, называющіе себя депутатами, просятъ впустить ихъ и сообщаютъ старшинѣ общины, что Неккеръ не одобряетъ принятыхъ мѣръ, что онъ не будетъ присутствовать на завтрашнемъ засѣданіи; и что его увольненіе кажется неизбѣжнымъ³⁾. Незнакомцы, которые съ такой поспѣшностью и въ этотъ подозрительный часъ прибѣжали засвидѣтельствовать свою заботливость о третьемъ сословіи, были знатные дворяне: герцогъ д'Эгильонъ, графъ Матье де-Монморанси и будущій преемникъ Клебера, баронъ де Мену.

23 іюня Версаль покрылся щетиной штыковъ. Городъ принялъ зловѣщій видъ. Распространились слухи, еще очень смутныя, но поэтому очень тревожныя. Тамъ и сямъ встрѣчались безпокойныя группы; грубо разсѣяныя солдатами въ

¹⁾ De Barante, *Notice sur le comte de Saint-Priest*, p. XCVIII.

²⁾ Necker, *De la Révolution française*, p. 223.

³⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 205.

одномъ мѣстѣ, онѣ снова сходились въ другомъ пунктѣ и увеличивались съ минуты на минуту. Никакихъ бесполезныхъ криковъ; повсюду грозное молчаніе. Небо было покрыто тучами. Какъ и 5 мая, члены Національнаго собранія опять были обречены на унижительное ожиданіе; и въ то время, какъ дворянство и духовенство пышно входили въ залу штатовъ черезъ главную дверь, въ то время, какъ, предшествуемая и сопровождаемая сокольниками, пажами, конюшими, четырьмя ротами лейбъ-гвардіи, карета короля катилась по версальской мостовой,—въ это самое время тѣ, которыхъ царедворцы въ насмѣшку называли *Messieurs du tiers*, стояли передъ боковой дверью и тѣснились, чтобы укрыться отъ дождя, подъ узкой галереей, наполовину наполненной посторонними лицами, въ короткихъ плащахъ, похожихъ на костюмъ депутатовъ¹⁾. Общины вошли, наконецъ, но, найдя два другія сословія уже размѣстившимися, онѣ сѣли, молчаливыя и раздраженные. Кресло, предназначенное Некеру, стояло пустымъ.

Людовикъ XVI началъ словами: «Господа, я полагалъ, что сдѣлалъ все, что было въ моей власти, для блага моихъ народовъ, когда принялъ рѣшеніе собрать васъ»; и онъ горько жаловался на возникшія несогласія. Затѣмъ, когда хранитель печатей подошелъ къ трону и преклонилъ колѣна, король далъ приказъ собранію накрыться. Одни только дворяне не повиновались²⁾ и, сохраняя въ обратномъ смыслѣ суетныя сословныя различія, за которыя крѣпко держалась ихъ гордыня, они оставались съ голой головой передъ плебеями, надѣвшими шляпы.

Хранитель печатей прочелъ первую декларацию, которую кассировались постановленія общинъ, воспрещались повелительныя инструкціи депутатамъ (*mandats impératifs*) и удерживался порядокъ совѣщаній по-сословно. Вторая декларация, составлявшая краткій перечень благодѣяній, *которыя король соизволилъ даровать своему народу*, возвѣщала вотированіе налоговъ; отиѣну натуральной повинности (*corvée*), «мертвой руки», леннаго права (*droit de franc-fief*); ограниченіе права охоты; замѣну жеребьевки милиціи правильнымъ наборомъ; упраздненіе слова *подушная подать*; организацію провинціаль-

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. II, p. 207.

²⁾ *Ibidem*, t. I, p. 210.

ныхъ штатовъ. Ни слова, впрочемъ, объ органическомъ обновленіи государственнаго устройства королевства, о призывѣ генеральныхъ штатовъ къ законодательной власти. Позволяли штатамъ изыскать средства къ согласованію свободы печати съ уваженіемъ къ нравственности, къ религіи, къ чести гражданъ, и личной свободы съ интересами семей или безопасностью государства. Показывали готовность санкціонировать уничтоженіе податныхъ привилегій, если привилегированные пожелаютъ отказаться отъ нихъ. Къ числу собственности, безусловно и навсегда неприкосновенныхъ, были отнесены *десятины, чинши (cens), ренты, права и обязанности сеньориальныя и феодалныя*¹⁾. При чтеніи этой послѣдней статьи пѣкоторые изъ дворянъ не постыдились разразиться эгоистическими восторгами, доказывая тѣмъ, что «имѣли слишкомъ много гордости для своей скудости или слишкомъ много скудости для своей гордости»²⁾.

Общины оставались неподвижными, безмолвными: Людовикъ XVI казался озадаченнымъ. Собравшись, тѣмъ не менѣе, съ силами, съ преувеличенной искусственной энергіей и обманывая самого себя, онъ повторилъ рѣзко слѣдующія рѣзкія и неосторожныя выраженія, изъ которыхъ была составлена его роль: «Это я до сихъ поръ дѣлаю все для счастья моихъ народовъ, и рѣдко, можетъ быть, бываетъ, чтобы единственное честолюбіе государя заключалось въ томъ, чтобы добиться отъ своихъ подданныхъ, чтобы они сговорились, наконецъ, принять его благодѣянія». Онъ приказалъ сухимъ тономъ собранію разойтись и вышелъ изъ залы, сопровождаемый дворянствомъ и нѣсколькими прелатами.

Тогда произошла сцена, которая живетъ въ глубинѣ всѣхъ воспоминаній, но къ которой иные изъ новѣйшихъ историковъ прибавили черты, искажающія ея фізіономію и значеніе. До сихъ поръ общины имѣли дѣло непосредственно только съ аристократіей священства и съ аристократіей шпаги: теперь же, повидимому, королевская власть сама лично нисходитъ на арену. Буржуазія, правда, хотѣла ниспровергнуть дворянство, укротить духовенство; но режимъ королевской власти безъ деспотизма былъ ей по нраву; она чувствовала, какъ мы скоро увидимъ, что будетъ нуждаться въ тронѣ... противъ народа.

¹⁾ *Moniteur*, séance du 23 juin 1789.

²⁾ *Treizième lettre du comte de Mirabeau à ses commettans.*

Оттого, когда, по уходѣ короля, оберъ-церемоніймейстеръ Брезе сказалъ старшинѣ общинъ, которыя остались на своемъ мѣстѣ: «Вы слышали, сударь, приказъ короля», была минута нерѣшимости, угрюмага оцѣненія¹⁾; и, не смѣя противиться въ лицо посланнику монарха, Балли сказалъ своимъ сосѣдямъ: «*Полагаю, собравшаяся нація не можетъ получать приказовъ*»²⁾. Но въ этотъ рѣшительный моментъ выступаетъ Мирабо; онъ смѣло узурпируетъ функціи Балли, къ удивленію и огорченію послѣдняго, и безъ аффектированнаго презрѣнія, безъ наглости, напротивъ, съ спокойствіемъ и обдуманной твердостью, обращается къ оберъ-церемоніймейстеру съ слѣдующими гордыми словами: «Объявляю вамъ, что если вамъ поручено заставить насъ уйти отсюда, то вы должны спросить приказаній объ употребленіи силы, потому что мы не покинемъ нашихъ мѣстъ иначе, какъ подъ угрозой штыковъ»³⁾. Раздался крикъ: «Таково желаніе собранія!» Маркизь де Брезе пошелъ доложить королю о результатахъ своей миссіи. И, укрѣпленное въ сознаніи своего права, собраніе приступило къ совѣщаніямъ. Янсенистъ Камюсъ потребовалъ утвержденія предыдущихъ постановленій. «Прибавьте,—сказали священники, вѣрные дѣлу общинъ,—что совѣщаніе происходило въ нашемъ присутствіи»⁴⁾. И Сійесъ обронилъ эти, получившія столь громкую извѣстность, слова: «Вы сегодня то же, чѣмъ были вчера». Дворъ хотѣлъ во что бы то ни стало прервать засѣданіе, и вотъ въ залу входятъ рабочіе⁵⁾,

¹⁾ «За что Мирабо упрекали третье сословіе», прибавляетъ Монтиньи. *Mémoires de Mirabeau*, t. VI, p. 88, 1835.

²⁾ «Говорили и повторяютъ, будто я такъ отвѣтилъ г. Брезе. Я слишкомъ уважалъ короля, чтобы дать такой отвѣтъ г-ну Брезе». *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 214.

³⁾ Таковъ истинный отвѣтъ Мирабо; и такъ онъ самъ передаетъ его въ своемъ журналѣ (*Treizième lettre du comte de Mirabeau à ses commettans*), Рѣчь: *Гдѣ враніи націи? Катиліна стоитъ ли у нашихъ дверей?* и т. д.; знаменитая фраза: *Подите спросите у вашего господина; сопоставленіе могущества народа и могущества штыковъ*—все это должно быть отнесено къ числу историческихъ ошибокъ. Этихъ фразъ нѣтъ ни въ «Мемуарахъ Балли», существовавшего на засѣданіи, ни въ «Разсвѣтѣ» Барера, тоже очевидца, ни, наконецъ, въ отчетѣ о засѣданіи, очень подробномъ, который составилъ самъ Мирабо. А между тѣмъ подобныя искаженія даютъ ложное понятіе о настроеніи буржуазіи и въ особенности о настроеніи Мирабо.

⁴⁾ *Le Point du jour*, № 7.

⁵⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. I, p. 59.

съ молотками въ рукахъ, чтобы снять обои и балдахинъ съ золотой бахрамой, чтобы убрать тронъ. Зрѣлище неожиданное, въ которомъ тогда никто еще не видѣлъ живого пророчества. А между тѣмъ это дѣйствительно былъ образъ народа, появляющагося, въ свою очередь, на сценѣ и сносящаго монархію! Пробовали также запугиваніе. Лейбъ-гвардейцы, которые, проводивъ короля до его дворца, отправились въ Сень-Жерменъ, получили въ Роканкурѣ приказъ вернуться и прискакали обратно въ Версаль. Но въ тотъ моментъ, когда они достигли дверей залы, собраніе, по предложенію Мирабо, обезпечило свою побѣду, объявивъ себя неприкосновеннымъ.

Между тѣмъ ослѣпленіе дворянъ было такъ велико, что они въ это время бѣжали въ замокъ благодарить своихъ мнимыхъ спасителей. Первый визитъ былъ къ графу д'Артуа, который принялъ ихъ очень любезно. Хотѣли также выразить благодарность графу Прованскому, но этотъ принцъ, въ своемъ притворствѣ, не имѣлъ желанія выслушивать изъясненія почтенія, внушенныя ошибочной самонадѣянностью ¹⁾. Послѣ королевскаго засѣданія, Людовикъ XVI снова впалъ въ мрачную апатію, и когда пришли доложить ему о сопротивленіи собранія, у него вырвались слова, свидѣтельствовавшія объ усталости его души. Дворяне пропустили его въ своихъ визитахъ, но не пропустили королеву. Она была въ салонѣ, предназначенномъ для игры. Дворяне представились ей. И, съ улыбкой на устахъ, съ сверкающимъ взоромъ, королева протягиваетъ къ нимъ своего сына, говоря: «Отдаю его дворянству» ²⁾. Увы! она отдавала его смерти.

Впрочемъ, иллюзія очень скоро разсѣялась. Еще не кончилась эта сцена безумнаго опьяненія, какъ уже народный кликъ донесъ до ушей Маріи-Антуанеты имя, приведшее ее въ трепетъ. Неккеръ смертельно оскорбилъ ее, осуждая своимъ отсутствіемъ королевское засѣданіе ³⁾, и къ этому самому Неккеру неслись теперь громкія, единодушныя благожеланія толпы. Послѣдняя наводнила дворы замка, и вскорѣ раздались шумные крики, угрозы, оскорбленія. Пущено было слово *аристократъ*, выраженіе, въ одно и то же время шутовское и злобщее, которое, на языкѣ народной ненависти, указывало на аристократи-

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. I, p. 60.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Mémoires de m-me Campan*, chap. XIV, p. 46.

ческія убѣжденія графа д'Артуа и на его оцѣненную голову ¹⁾. Дворъ, еще не привыкшій къ возмущеніямъ, перепугался. Пришлось послать за Неккеромъ, который, послѣ подачи въ отставку, былъ окруженъ толпой посѣтителей, или взбѣшенныхъ, или опечаленныхъ. Чтобы удержать министра, королева должна была прибѣгнуть къ просьбѣ ²⁾. Онъ обѣщалъ не покидать этой умолявшей монархіи, и когда онъ возвращался домой, проходя черезъ дворы замка, какой-то мужчина упалъ на колѣни передъ нимъ, въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ раздавались крики: «Остаетесь ли?» ³⁾. Растроганный, приведенный въ умиленіе, онъ отвѣтилъ рыданіями. Вечеромъ была зажжена иллюминація, и буяны бѣгали по городу, размахивая факелами.

Старая Франція была рѣшительно побѣждена; но она не хотѣла сознаться въ своемъ пораженіи. Когда графъ Клермонъ-Тоннеръ и Лалли Толлендаль предложили въ палатѣ дворянства присоединиться къ третьему сословію, предложеніе это вызвало среди собравшихся дворянъ сильный и продолжительный ропотъ. Тѣмъ не менѣе послышались и патріотическія слова. «Я имѣю тринадцать тысячъ ливровъ годового дохода, сказалъ Монкальмъ: охотно пожертвовалъ бы половину этой суммы, чтобы достигнуть этого столь желаннаго соединенія; и увѣренъ, что мои шестеро дѣтей одобряютъ мое рѣшеніе» ⁴⁾. Но эти чувства далеко не раздѣлялись большинствомъ палаты. Д'Эпремениль заклиналъ своихъ коллегъ сплотиться вокругъ монархіи, которую крамольники стремились испровергнуть; возгорѣлся споръ, и герцогъ Кайлюсъ вскочилъ съ своего мѣста, держа руку на эфесѣ своей шпаги ⁵⁾. Казалось кричалъ меньшинству: «Какъ! вы хотите присоединиться къ третьему сословію? вы не посмѣете сдѣлать это!» Они отвѣтили тѣмъ, что отправились, 25 іюня, въ залу штатовъ, среди несмѣтнаго стеченія народа. Ихъ было сорокъ семь: графы Монморанси, Клермонъ Тоннеръ, Лалли Толлендаль, Люзиньянъ, Кастеллянъ, Крильонъ, виконтъ Тулонжонъ, маркизъ де Ла Туръ-Мобуръ, герцоги Ла Рошфюко, де Люинъ, и другіе... Герцогъ Орлеанскій ѣхалъ во главѣ ихъ. При его приближеніи толпа, окружавшая залу, огласила воз-

¹⁾ Challamel, *Histoire-musée de la République*, p. 26.

²⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, p. 363.

³⁾ *Moniteur*, du 24 au 27 juin.

⁴⁾ *Le Point du jour*, № 9.

⁵⁾ Droz, *Hist. du règne de Louis XVI*, p. 251.

духъ радостными криками. А онъ, высунувшись изъ окна кареты, сказалъ: «Не надо шумѣть теперь, друзья мои. Я желаю вашего счастья; я сейчасъ же займусь этимъ; вы можете аплодировать сегодня вечеромъ, если хотите» ¹⁾). Собраніе предоставило ему предсѣдательствованіе послѣ Бальи: онъ отказался.

Итакъ, каждый день, каждый часъ новый проблескъ освѣщаль глубины пропасти, развершейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ королевскаго замка. Но у нѣкоторыхъ дворянъ ослѣпленіе было до того упорное, что могли цитировать слѣдующее характеристическое слово одного придворнаго: «Какъ мнѣ жаль этихъ сорока семи! Вотъ обезчещенныя фамиліи, съ которыми никто не захочетъ породниться» ²⁾).

Между тѣмъ Парижъ волновался. Депутація принесла Національному Собранію поздравленія и поощренія городской ратуши; изъ Пале-Рояля получили адресъ, покрытый подписями и дышавшій войной; узнали, что французская гвардія сдѣлала шагъ къ бунту, и Ле Шанелье, Глезанъ, депутаты Бретани, Мирабо, Сійесъ, Петіонъ, Барнавъ основали тотъ *Бретонскій клубъ*, который, переведенный въ Парижъ, вскорѣ превратился въ *клубъ якобинцевъ* ³⁾). Все, слѣдовательно, содѣйствовало увеличенію энергіи движенія, и нѣтъ надобности прибѣгать къ гипотезѣ заговора, чтобы объяснить происхожденіе мятежа, во время котораго едва не погибъ де Жюинье, архіепископъ парижскій. Прелать этотъ съ фанатическимъ упорствомъ старался замедлить присоединеніе духовенства къ общинамъ, чѣмъ вызвалъ противъ себя взрывъ негодованія. Однажды, когда онъ проѣзжалъ черезъ городъ, толпа узнаетъ его карету и съ угрожающимъ крикомъ бросается къ ней. Архіепископъ успѣлъ укрыться въ отелъ Мисси. Раздраженный народъ ломится въ ворота; начинается осада. Въ эту минуту появляется Кольберъ, епископъ родезскій, одинъ изъ пяти прелатовъ, которые передъ тѣмъ уже присоединялись къ Національному Собранію. Тотчасъ самыя буйныя утихаютъ, окружаютъ епископа, осыпаютъ его благословеніями и, поднявъ его на плечи ⁴⁾), называя его своимъ другомъ, устраиваютъ ему триумфъ, импровизированный

¹⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 257.

²⁾ Rabaut Saint-Etienne, *Précis historique*, p. 92.

³⁾ Barruel, *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, t. V, p. 100.

⁴⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 277.

ихъ признательностью. Жюинье не осмѣлился болѣе сопротивляться: 26 іюня онъ подчинился. Тѣ же самые люди, которые наканунѣ оскорбляли его, ожидали его на проходѣ и привѣтствовали шумными рукоплесканіями. Онъ вошелъ въ Собраніе, предшествуемый архіепископомъ бордоскимъ, который служилъ ему вводителемъ или, вѣрнѣе, порукой. Оставалось сломить сопротивление большинства дворянства.

Вдругъ королевскій замокъ наполняется тревогой. Рассказываютъ, повторяютъ—и источникъ этихъ слуховъ остается неизвѣстнымъ,—что задуманъ планъ обширной рѣзни; что сто тысячъ мятежниковъ идутъ къ Версалю. Спрошенный объ этомъ, Неккеръ воздержался отъ разсѣянія страховъ, которые считалъ полезными; былъ поспѣшно вызванъ во дворецъ герцога Люксембургскій, президентъ дворянскаго сословія. Онъ нашелъ королевскую семью собравшейся вокругъ Людовика XVI; на лицѣ принцевъ былъ написанъ ужасъ; королева плакала ¹⁾. «Господинъ Люксембургъ, сказалъ ему король, прошу дворянство присоединиться къ двумъ другимъ сословіямъ; если просьбы недостаточно,—приказываю». И онъ вручилъ герцогу письмо къ несогласнымъ.

Какъ мы уже замѣтили и какъ это подтвердитъ дальнѣйшее изложеніе этого разсказа, страстная часть дворянства дошла до того, что не смотрѣла уже на Людовика XVI какъ на своего истиннаго короля. Съ отчаянія, что судьба феодальной партіи находится въ такихъ дрожащихъ рукахъ, она стремительно бросалась и къ графу д'Артуа, который, по недостатку познаній, склоненъ былъ все ввѣрить случайностямъ смѣлости, и къ королевѣ, которую знали подверженной припадкамъ меланхоліи и внезапнымъ страхамъ, но зато способной одобрить крайнія рѣшенія. Оттого приказанія Людовика XVI не имѣли ничего рѣшительнаго для палаты дворянства. Должно ли терпѣть, чтобы королевство оставалось преданнымъ на волю короля? Почему не защищать, если это необходимо, противъ монарха.... монархію? Вотъ что пылкій Казалесъ не побоялся дать понять палатѣ. Но собраніе получило новое посланіе, сообщавшее, что жизнь короля въ опасности. Всѣ встали, и присоединеніе было рѣшено. Только письмо, заставившее этотъ разъ дворянство повиноваться, было отъ графа д'Артуа, а не отъ Людовика XVI.

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. I, p. 86.

Были послѣдующіе протесты. Многіе изъ депутатовъ дворянства просили выдать имъ удостовѣреніе объ ихъ усиліяхъ добиться, согласно полученнымъ ими инструкціямъ, принятія порядка совѣщаній по-сословно. Замѣчательно, что подъ составленнымъ въ этомъ смыслѣ протестомъ была, между прочимъ, подпись маркиза Лафайэта ¹⁾. Но что значили въ этомъ случаѣ оговорки и особыя мнѣнія?

Такъ состоялось, 27 іюня, примиреніе дворянъ съ общинами, примиреніе, въ глубинѣ котораго таилось чувство злобы и мести за испытанное пораженіе и неискренность котораго слишкомъ ясно замѣтна была по принужденности позы послѣднепришедшихъ, по ихъ нахмуренному челу и по ихъ угрюмому молчанію.

Какъ бы то ни было, едва только разнеслась счастливая новость, какъ народная радость выразилась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Но всѣ взоры обращались теперь къ новой власти. Королевская власть была уже не во дворцѣ Людовика XVI, она была въ залѣ штатовъ. Даже солдаты такъ думали, и въ то время, какъ королевская стража отказывалась ходить обычнымъ дозоромъ во дворахъ версальскаго замка ²⁾, двое гвардейцевъ пошли, переодѣтые, въ Національное Собраніе подать его президенту, какъ истинному монарху, жалобу на своего полковника. Они были узнаны и арестованы; но сбѣжавшая толпа защищала ихъ своими криками, такъ что принуждены были отпустить ихъ ³⁾. Впрочемъ, народъ какъ будто старался смягчить бывшимъ властителямъ горечь ихъ пораженія; ибо его радостные клики искали, этотъ разъ, не только Людовика XVI, но также королеву и самого графа д'Артуа. Шумныя и нѣсколько разъ повторенныя приглашенія вызвали Марію-Антуанету на балконъ, и если ея сердце было тронуту этими незаслуженными изъявленіями вѣрноподданнической преданности, то это душевное волненіе было ея наказаніемъ. Вечеромъ въ Версалѣ была зажжена иллюминація.

Въ Парижѣ было не меньшее возбужденіе умовъ. Плакаты, эстампы, гравюры, аллегоріи—все служило средствомъ для выраженія радости, вызванный соединеніемъ трехъ сословій. Тре-

¹⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 247.

²⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet*; Paris, 25 juillet 1789.

³⁾ *Ibidem*.

угольникъ изображалъ это соединеніе на каждой площади, на каждой улицѣ; въ витринахъ часовыхъ магазиновъ можно было видѣть часы съ изображеніями на циферблатѣ шпаги, архіерейскаго посоха и граблей; и такъ какъ $IV + XII = XVI$, то говорили, что Людовикъ XVI, если онъ выкажетъ самоотверженіе, одинъ стоитъ Генриха IV и Людовика XII ¹⁾. Остроты, свойственныя французскому уму и которыя не мѣшали буйнымъ манифестаціямъ. Военныя власти до того испугались этихъ манифестацій, что четыремъ ротамъ французской гвардіи данъ былъ приказъ зарядить ружья боевыми патронами. Онѣ не послушались, самовольно покинули свои караулы и расхаживали по городу, съ криками: *Да здравствуетъ третье сословіе! Мы—солдаты нации!* и, сопровождаемые несмѣтной толпой, человекъ сто гвардейцевъ пришли въ Пале-Рояль, предлагая брататься съ народомъ и неся большіе кубки, наполненные виномъ ²⁾. Версаль воспламенилъ Парижъ, Парижъ воспламенилъ Францію.

Итакъ, оно стояло, торжествующее, на вершинахъ государства, это собраніе плебеевъ, недавно еще темныхъ, безвѣстныхъ. 10 июня оно утвердилось; 17-го оно приняло названіе *Национальнаго Собранія*; 20-го оно произнесло клятву Жедепома; 22-го оно завоевало духовенство; 23-го оно объявило себя державнымъ; 27-го оно покорило дворянство. А теперь, увы! пойдутъ недоразумѣнія. Теперь мы должны будемъ рассказать, что между буржуазіей и народомъ... Но отдохнемъ минуту подъ впечатлѣніемъ импонирующаго триумфа, и пусть горькія слова, слишкомъ скоро произнесенныя, не смущаютъ этого праздника нашихъ воспоминаній. Да, мы можемъ сказать это безъ оговорки и съ гордостью: до этого дня, по крайней мѣрѣ, буржуазія воплощала революцію, она олицетворяла народъ.

¹⁾ Challamel, *Histoire-musée de la République française*, p. 26.

²⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet*.

ГЛАВА IX.

Призывъ къ силѣ.

Страхи побѣдоносной буржуазіи. — Странный языкъ Мирабо. — Голодающій Парижъ. — Подозрѣнія Марата. — Національное Собраніе передъ проблемой голодовки; обвиненіе противъ скупщиковъ хлѣба потушено. — Озабоченность народа. — Солдаты, освобожденные народомъ. — Людовикъ XVI, покинутый дворянствомъ, принятъ буржуазіей. — Король собственниковъ. — Подготавливаемая междоусобная война. — Тайныя сборища въ Монружѣ. — Заговоры двора, обличенные Мирабо. — Буржуазія старается противопоставить Людовика XVI партіи королевы; ослѣпленіе Людовика XVI. — Поле битвы вокругъ Парижа. — Дюмурье въ Канѣ. — Дворъ и Бретонскій клубъ. — Герцогъ Орлеанскій передъ орлеанистами; ночная сцена. — Притворный сонъ Людовика XVI.

Здѣсь начинается историческая эволюція, характеръ которой нужно ясно обозначить и фазы которой мы должны будемъ внимательно прослѣдить.

«Я говорилъ себѣ, — рассказываетъ Балли, — что вездѣ, гдѣ народъ въ большомъ числѣ, онъ становится господиномъ положенія» ¹⁾). Коноводы не могли безъ ужаса видѣть этотъ народъ присутствующимъ на засѣданіяхъ и приходящимъ засѣдать въ залѣ публичныхъ дебатовъ, какъ бы для того, чтобы и ему также имѣть тамъ свои генеральные штаты. Слѣдуетъ ли допустить, чтобы державная власть безъ имени и безъ черной мантии стояла лицомъ къ лицу съ державной властью Національнаго Собранія? Можно ли позволить, чтобы при видѣ трибунъ, захваченныхъ повелительной толпой, роялисть сказалъ, какъ древній царь: «Вижу двое Оивъ и два солнца»? ²⁾). Ошибки или двусмысленности языка не могутъ измѣнить природу вещей. Сіиесь напрасно смѣшивалъ подъ общимъ именемъ третьяго сословія буржуазію и народъ: въ дѣйствительности были богатые и бѣдные, были плебеи большого свѣта и плебеи улицы. Между людьми, которые вмѣстѣ требовали свободы, одни обладали всѣмъ, что позволяетъ пользоваться ею: воспитаніемъ, кредитомъ и богатствомъ; другіе, напротивъ, рисковали уподобиться паралитику, за которымъ признали бы право ходить; и эти другіе, слѣдовательно, должны были желать, чтобы свобода не была для нихъ призрачнымъ завоеваніемъ, пустымъ зву-

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 225.

²⁾ *Mémoires de Rivarol*, t. I, p. 75.

комъ. Это и предчувствовало побѣдоносное Собраніе. Оно боялось, чтобы требованія рабовъ заработной платы не превзошли претензій побѣжденнаго дворянства, покореннаго духовенства, униженной монархіи. Оно содрогалось отъ своего торжества.

Особенно одному человѣку народъ внушалъ опасенія: это былъ Мирабо; пока не было увѣренности въ успѣхъ, онъ усердно толкалъ его на путь уличныхъ волненій. Тотчасъ послѣ засѣданія 23 іюня, о которомъ онъ напечаталъ дерзкій и вызывающій рассказъ, онъ привлекъ къ себѣ толпу. «Зачѣмъ лишать народъ, — воскликнулъ онъ, — возможности знакомиться съ нашими совѣщаніями? Что значать эти слова—*примѣіе, порядокъ*? Здѣсь неприличіе было бы въ тайнѣ и безпорядокъ — въ секретѣ» ¹⁾. Но когда окончательное соединеніе сословій, уныніе Людовика XVI, униженіе дворянства, кажущаяся безропотность королевы дали Мирабо поводъ думать, что теперь нечего болѣе бояться старыхъ враговъ, языкъ его вдругъ рѣзкозмѣнился, и вчерашній агитаторъ потребовалъ, чтобы на знамени шествующей революціи была написана эта формула обществъ, находящихся въ состояніи покоя: Сохраненіе общественнаго порядка.

«Господа,—говорилъ онъ 27 іюня,—день 23 іюня произвелъ на этотъ безпокойный и несчастный народъ впечатлѣніе, послѣдствій котораго я боюсь. Гдѣ представители націи увидѣли лишь ошибку власти, тамъ народъ усмотрѣлъ формальное намѣреніе оспаривать ихъ права и полномочія. Онъ не имѣлъ еще случая узнать всю твердость своихъ уполномоченныхъ. Его довѣріе къ нимъ еще не имѣетъ достаточно глубокихъ корней» ²⁾. И, не довольствуясь установленіемъ такимъ образомъ между *представителями націи* и *народомъ* раздѣльной черты; не довольствуясь сѣяніемъ недоувѣрія, — Мирабо старался нарисовать мрачную картину народныхъ волненій. Эти страсти, которыя онъ самъ же возбуждалъ, онъ охуждалъ ихъ теперь и настоятельно совѣтовалъ остерегаться *мятежныхъ союзниковъ* ³⁾. Ссылаясь на засѣданіе 23 іюня, онъ сказалъ похвальное слово Людовику XVI, гдѣ, къ удивленію, примѣшивалось нѣчто въ родѣ жалости, нѣжной и почтительной. Когда случалось королю поступить худо, это потому, что его обманывали; самъ же онъ

¹⁾ *Treizième lettre du comte de Mirabeau à ses commettans.*

²⁾ *Moniteur, séance du 27 juin 1789.*

³⁾ *Ibidem.*

всегда поступаетъ хорошо ¹⁾). И Мирабо предлагалъ адресъ къ избирателямъ, который бы рекомендовалъ имъ *содѣйствовать сохраненію порядка, общественной тишины, власти законовъ и ихъ служителямъ* ²⁾).

При другихъ обстоятельствахъ такая рѣчь, можетъ быть, была бы мудрой. Но объявить гнѣвъ угнетаемаго подозрительнымъ, не потрудившись надъ устраненіемъ причины всякаго угнетенія—крайней бѣдности; но охудать шумную жизнь фюрма, потому что считаешь, что извлечь уже достаточно выгоды для себя изъ его увлеченій; но кричать революціи «остановись!» когда она была еще такъ далека отъ своей истинной цѣли.... это значило показать слишкомъ большое недовѣріе къ народу.

Впрочемъ, Мирабо хорошо зналъ тѣхъ, къ кому адресовалась его рѣчь. Онъ помнилъ, что въ засѣданіи 16 іюня испугалъ ихъ, предаваясь вдохновеніямъ трибуна. Онъ зналъ, что формула клятвы, произнесенной въ залѣ Жедепомъ, освящала сохраненіе принциповъ монархіи ³⁾. Онъ припоминалъ, наконецъ, съ какимъ жаромъ, въ церкви св. Людовика, во время присоединенія духовенства къ общинамъ, аплодировали слѣдующимъ словамъ Тарже: «Нѣтъ такого счастливаго событія, о которомъ не надлежало бы тотчасъ же сообщить лучшему изъ королей» ⁴⁾. Вѣрно то, что буржуазія не только не стремилась къ ниспроверженію трона, но, напротивъ, старалась уже сдѣлать его своей защитой. Покинутый дворянствомъ, Людовикъ XVI именно въ средѣ этихъ общинъ, въ началѣ столь упрямыхъ, насчитывалъ своихъ самыхъ вѣрныхъ и наиболѣе встревоженныхъ слугъ. Онъ переставалъ быть королемъ дворянъ, онъ становился королемъ собственниковъ.

Въ это время тысячи несчастныхъ, едва прикрытыхъ лохмотьями, съ исхудалымъ отъ поста лицомъ, толпились въ Парижѣ передъ дверьми хлѣбопекарепъ и проводили тамъ половину дней въ страшномъ нетерпѣніи. Нужда достигла крайней степени, цѣна хлѣба колебалась между четырьмя съ половиной су за ливръ (около поллукилограмма),—цифры убійственныя по тому

¹⁾ *Moniteur*, séance du 27 juin 1789.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibid.*, du 20 au 24 juin.

⁴⁾ *Ibidem*.

времени ¹⁾. Къ этому присоединялась безработица; и между столькими блѣдными, отощавшими поденщиками очень мало было такихъ, у которыхъ бы не остались дома кричащія отъ голода дѣти. Да и этотъ хлѣбъ, котораго съ такимъ трудомъ можно было получить кусокъ, былъ землистый, горькій, причинявшій воспаленіе горла и разстройство желудка. Ручныя мельницы, установленныя въ военномъ училищѣ, давали муку кислую, желтаго цвѣта, затхлую и образовавшую до того твердую массу, что приходилось рубить ее топоромъ ²⁾. Вотъ какова была единственная пища народа; и такъ какъ недостаткомъ продовольствія страдала вся Франція, то столица видѣла ежедневно входящія въ ея стѣны кучки незнакомцевъ въ рубищахъ, съ длинными посохами въ рукахъ, едва волочащихъ ноги и согбенныхъ подъ тяжестью своей пустой сумы ³⁾, видѣла толпу безъ пріюта и безъ завтрашняго дня, которую бѣдствующая провинція извергала въ голодающій Парижъ. Такимъ образомъ нужда принимала ужасающіе размѣры; вдоль Сены солдаты образовали шпалеры на пути обозовъ, но всеобщее безпокойство останавливало транспорты въ пунктѣ отправленія; парламенты Бургундіи, Франшъ-Конте, Нанси издали постановленія, воспрещавшія циркуляцію зерна ⁴⁾; вмѣсто ожидаемаго хлѣба, прибывали неудержимымъ потокомъ новыя бѣдоки; и каждый вечеръ, въ трагическихъ собраніяхъ, происходившихъ у начальника полиціи ⁵⁾, обсуждался вопросъ: какъ прокормить Парижъ?

Но чего не замѣтили, и что, однако, достойно памяти, это то, что крикъ, испускаемый тогда простолюдинами, не былъ

¹⁾ *Marat Criminelle Neckerologie*, p. 22—23, Genève, 1790.—Эта брошюра, гдѣ Неккеръ подвергается жестокому, но несправедливому нападенію, содержитъ, рядомъ съ бездоказательными, внушенными ненавистью, обвиненіями, нѣкоторые любопытные факты, точность которыхъ нами проверена.—О голодовкѣ и дороговизнѣ хлѣба см. *Le premier pas à faire ou le cri de l'indigence*, p. 6, съ эпиграфомъ изъ Саллюстія: *Ma me cupido exercet ut quocumque modo et quamprimum respublica adjuvetur* («испытываю страстное желаніе каемъ-либо способомъ и какъ можно скорѣе помочь республикѣ»).

²⁾ *L'Ami du roi*, chap. XXXIX, p. 344.

³⁾ *Mémoires de Besenval*, t. II, p. 344.

⁴⁾ См. въ № 191 газеты *Journal de Paris* (приложеніе)—*Mémoire instructif remis de la part du roi au comité des subsistances par le directeur général des finances*.

⁵⁾ *Mémoires de Besenval*, t. II, p. 344.

крикомъ бѣдности. На самомъ порогѣ пекаренъ, гдѣ имъ готовляли лишь скудную и смертоносную пищу, эти люди бесѣдовали о конституціи, которую нужно создать, и о Національномъ Собраніи, которое нужно защищать. Они требовали духовной свободы, эти рабы голода!

И подобное самоотверженіе было тѣмъ болѣе ясно, что бѣдствіе не могло быть приписано исключительно суровостямъ неба, неблагоприятнымъ метеорологическимъ условіямъ. Въ отвѣтъ на просьбу продовольственнаго комитета о сообщеніи свѣдѣній по этому предмету, Неккеръ опубликовалъ объяснительную записку въ которой было изложено, что съ самаго своего вступленія въ должность, въ августѣ 1788 г., министръ употреблялъ всѣ усилія къ предотвращенію кризиса, тогда уже предвидѣннаго; что вывозъ хлѣба былъ строго запрещенъ, ввозъ же его былъ поощряемъ огромными преміями; что на средства изъ своей собственной казны, на свой рискъ и страхъ, король поспѣшно выписалъ изъ чужихъ странъ риса, ржи, ячменя, пшеницы, муки одинъ миллиардъ четыреста милліоновъ квинталовъ; что внутренняя циркуляція хлѣбнаго товара была благопріятствуема; что такъ какъ, прошлой зимой, мельницы, водяныя и вѣтряныя, вокругъ Парижа оставались въ бездѣйствіи, — первыя по причинѣ морозовъ, вторыя — по причинѣ господствовавшего безвѣтрія, то поспѣшили построить, съ большими издержками, ручныя мельницы; что, однимъ словомъ, было сдѣлано все, что предписывается человѣческой мудростью ¹⁾. Но какъ объяснить, что мѣры, столь дѣйствительныя, были до такой степени безплодными? Въ какой мѣрѣ общественныя бѣдствія должны быть вмѣнены въ вину преступному барышничеству въ хлѣбной торговлѣ? Неккеръ робко замѣтилъ, что *мало впрямь*, чтобы значительные запасы хлѣба посредствомъ скупки его могли быть сдѣланы въ пору, близкую къ новому урожаю, и когда обильныя житницы не были бы въ безопасности. Однако онъ формально признавалъ, что «часто бывалъ поводъ жаловаться на жадность спекулянтовъ ²⁾, и даже далъ понять, что правительство обречено на соблюденіе большой осторожности, такъ какъ государственный дѣятель долженъ остерегаться, во время кризиса, возбуждать тревогу и выдавать секретъ своего безпокойства ³⁾.

¹⁾ См. *Mémoire instructif*, въ *Journal de Paris*, № 191.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

родъ не подвергался недостатку хлѣба и работы? Великій вопросъ, содержащій въ себѣ все, что пылѣ насъ волнуетъ и раздѣляетъ на партіи, роковая проблема которой, будь она затронута раньше, избавила бы Европу отъ страшныхъ раздоровъ, и которую современныя общества должны будутъ скоро разрѣшить, подѣ страхомъ смерти! Но торжествующей доктриной въ XVIII вѣкѣ была доктрина индивидуализма¹⁾, доктрина невмѣшательства государства въ дѣлѣ промышленности, какъ это слишкомъ ясно показывалъ и докладъ продовольственнаго комитета. Право на трудъ, пороки, присущіе режиму заработной платы, опасности конкуренціи, средства эмансипировать пролетарія, ничто изъ того, что въ особенности интересовало народъ, не было указано, даже какъ могущее сдѣлаться предметомъ послѣдующаго изслѣдованія. Ограничились, въ виду неотложной снѣжности дѣла, предложеніемъ слѣдующихъ мѣръ: открыть добровольную подписку, уполномочить правительство, провинціальныя штаты и муниципалитеты выдавать заимообразно, подѣ гарантіей націи и подѣ надзоромъ Національнаго Собранія, суммы, какія потребуются для оказанія помощи нуждающимся; разрѣшить въ провинціяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, особый сборъ въ размѣрѣ двадцати или десяти су съ человѣка; воспретить до ноября мѣсяца 1790 г. вывозъ зерна²⁾.

Это значило свести почти на нѣтъ вмѣшательство возродителей, обѣщанныхъ Франціи; а между тѣмъ большинство бюро, или отдѣленій Собранія, считало, что и такое вмѣшательство заходило бы слишкомъ далеко. По мнѣнію Лалли Толлендаля, слѣдовало довольствоваться принесеніемъ благодарности королю, воспрещеніемъ вывоза до ноября мѣсяца и содѣйствіемъ внутреннему обращенію хлѣбнаго товара³⁾. Мунье утверждалъ, что предложенныя на обсужденіе проекты не входятъ въ кругъ вѣдѣнія Національнаго Собранія⁴⁾; что добровольная подписка съ благотворительной цѣлью не нуждается въ декретированіи ея Собраніемъ; что спеціальныи поголовныи налогъ былъ бы оскорбительнымъ для націи, какъ имѣющій видъ принудительной

1) См. первый томъ этого сочиненія, кн. III, гл. III.

2) *Moniteur*, séance du 4 juillet.

3) *Ibid*, séance du 6 juillet.

4) Въ наши дни Сове, президентъ палаты депутатовъ, сказалъ: «Не дѣло палаты давать работу рабочимъ!»

мѣры къ проявленію великодушія съ ея стороны; что, оставляя на обязанности комитета заботу о продолженіи его изысканій, собраніе должно, прежде всего и исключительно, заняться вопросомъ о конституціи ¹⁾. Тщетно Петіонъ предлагалъ заемъ, отъ имени двадцать перваго бюро ²⁾; ему отвѣтили, что депутатскія полномочія не позволяли вотировать ни налоговъ, ни займовъ, пока не будетъ закончено обсужденіе вопроса о конституціи. Наконецъ, Мирабо попросилъ отложить совѣщаніе по этому предмету до собранія имъ нѣкоторыхъ свѣдѣній капитальной важности,—послѣ чего священный вопросъ о прокормленіи народа былъ потерянъ изъ вида, и вышло, по характеристическому выраженію Дюпонъ де Немура, то, что *собравшаяся нація могла только пожалѣть націю* ³⁾.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ, по великодушному самозабвенію, народъ, лишенный работы и голодающій, думалъ и заботился всего болѣе о завоеваніи политическихъ правъ, Національное Собраніе спокойно переходило, такъ сказать, къ очереднымъ дѣламъ отъ жгучаго вопроса объ общественной нуждѣ, о народномъ голодѣ.

Негодовать на это прискорбное равнодушіе собранія едва ли было бы справедливо. Вѣдь, въ ту эпоху лишь очень рѣдкіе проблески пронизывали мракъ, которымъ была покрыта соціальная наука; воспитаніе умовъ посредствомъ любви еще не было начато; тогда еще не знали, что бѣдность — всегда рабство; и буржуазные законодатели не замѣчали, до чего они были неслѣдовательны, вѣря въ фатальность нужды,—они, которые не вѣрили въ роковую неизбѣжность деспотизма. Нужно было, однако, поставить эту великую проблему объ уничтоженіи современнаго рабства, и она дѣйствительно была поставлена. Но, увы! понуждаемая изучать, въ самый разгаръ своихъ битвъ, революція могла только читать, подъ ружьемъ, книгу, раскрытую въ потокахъ крови.

Не скроемъ ничего: есть умолчанія или пропуски, составляющіе лицемѣріе исторіи. Послѣ засѣданія 4 іюля одинъ депутатъ горько жаловался, что, повидимому, хотятъ замаять гнусное дѣло о барышнической скупкѣ хлѣба, прибавивъ, что утромъ того дня

¹⁾ *Moniteur*, séance du 6 juillet.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibid.*, séance du 4 juillet.

онъ указаль на нѣсколькихъ хлѣбныхъ барышниковъ, и былъ крайне удивленъ тѣмъ пріемомъ, который оказали его предостереженіямъ ¹⁾. Въ засѣданіи 6 іюля, когда Бушъ объявилъ, что знаютъ виновныхъ, что имѣются доказательства, и что завтра послѣдуетъ формальный доносъ, все Собраніе, по словамъ Горзà, было охвачено ужасомъ. На слѣдующій день ожидали грозныхъ разоблаченій; вмѣсто того — полное молчаніе. Истина была заглушена въ промежуткѣ между двумя засѣданіями, изъ боязни, безъ сомнѣнія, чтобы преслѣдованіе скуишниковъ въ виду голодной толпы не сдѣлалось сигналомъ къ рѣзнѣ.

Такъ какъ преступленіе спекулировавшихъ на голодъ оказалось, такимъ образомъ, защищеннымъ самой его громадностью, то страданія народа увеличились до такой степени, что ихъ можно было сравнить только съ героизмомъ его покорности судьбѣ. Въ наставленіяхъ, данныхъ продовольственному комитету, особенное вниманіе обратило на себя слѣдующее мѣсто: «Король сказалъ, что если обстоятельства заставятъ довольствоваться хлѣбомъ, испеченнымъ изъ смѣси пшеничной и ржаной муки, то хлѣбъ будетъ приготовляемъ только одного сорта для богатыхъ и бѣдныхъ, и что такой же хлѣбъ будетъ подаваться и къ королевскому столу» ²⁾. Это трогательное обѣщаніе не осуществилось. Хлѣбъ, фигурировавшій на столѣ короля, депутатовъ, министровъ, придворныхъ, былъ высшаго качества, подавался въ изобиліи и доставлялся лично булочниками. Это всѣ знали; знали также, что одинъ жестокосердый мытарь сказалъ несчастнымъ, жаловавшимся на безхлѣбицу: «Ну, такъ что жъ! Ыщите булыжники!» ³⁾ и, тѣмъ не менѣе, площадь, улица, переулокъ, попрежнему были заняты единственно мыслью о величій нашихъ новыхъ судебъ: такъ много было энергіи, которую революція приносила народу!

И не только народъ фабрики и мастерской, но также и народъ казармы и лагеря проникался этимъ энтузіазмомъ. Стеня подъ игомъ той суровой и унижительной дисциплины, которую графъ Сень-Жерменъ заимствовалъ изъ военныхъ нравовъ Германіи; возмущаясь невозможностью, даже цѣной своей крови, пробить себѣ дорогу къ высшимъ степенямъ, — солдаты желали

¹⁾ *Le Courrier de Versailles à Paris*, № 2.

²⁾ Прилож. къ № 191 газеты *Journal de Paris*.

³⁾ *Le premier pas à faire*, p. 14.

другого знамени. Одинъ фактъ, встревожившій дворъ, обнаружилъ, 30 іюня, это настроеніе арміи. Въ этотъ день, около семи часовъ вечера, главные агитаторы Пале-Рояля собрались въ кофейнѣ Фуа, обычномъ мѣстѣ своихъ тайныхъ сходокъ, какъ вдругъ въ середину ихъ группы было брошено письмо какимъ-то незнакомцемъ. Письмо тотчасъ же вскрыли и прочли вслухъ: въ немъ сообщалось, что одиннадцать человѣкъ гвардейцевъ за отказъ зарядить ружья боевыми патронами были заключены въ Аббатство, и что сегодня ночью ихъ собираются перевести въ Бисетръ — тюрьму, предназначенную для самыхъ отчаянныхъ злодѣевъ. При этомъ извѣстіи одинъ смѣлый молодой человѣкъ, Лустало, редакторъ газеты «*Révolution de Paris*», бросается въ садъ Пале-Рояля, вскакиваетъ на стулъ и призываетъ къ себѣ толпу, крича: «Въ Аббатство, въ Аббатство!» Толпа аплодируетъ, воспаляется гнѣвомъ, устремляется къ Аббатству. Буйный cortege увеличивается по дорогѣ мастеровыми, возвращающимися съ работы, и вскорѣ консьержъ тюрьмы услышалъ раздававшіеся у воротъ упорные крики четырехъ тысячъ осаждающихъ, изъ которыхъ многіе были вооружены топорами и желѣзными брусками. Спротивленіе было бы бесполезно, и ключи были выданы ¹⁾. Но въ этотъ моментъ прискакали драгуны, съ саблями на-голо. Народъ, ни мало не испугавшись, хватается лошадей подъ уздцы и кричитъ солдатамъ, что онъ пришелъ спасти ихъ товарищей по оружію, ихъ братьевъ. Растроганные драгуны вкладываютъ саблю въ ножны и снимаютъ каски въ знакъ мира. Гвардейцы, освобожденные, были отведены съ триумфомъ въ Пале-Рояль, гдѣ и провели ночь въ театральной залѣ, въ то время, какъ народъ стоялъ на часахъ, оберегая ихъ сонъ. На слѣдующій день они были помѣщены въ отелѣ «Женева»; сумки и корзинки, вывѣшенные для нихъ съ оконъ и разукрашенные лентами, наполнялись патріотическими приношеніями, а Пале-Рояль прислалъ просить, въ ихъ пользу, заступничества Національнаго Собранія.

Тогда вполне обнаружился страхъ, который внушали Собранію его собственныя побѣды. Одни изъ его членовъ удивляются и негодуютъ по поводу этого союза, заключеннаго между мас-

¹⁾ «Нѣкоторые писатели говорили, будто ворота тюрьмы были взломаны и всѣ арестанты выпущены на волю. Этотъ рассказъ лишенъ всякаго основанія». Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 287.

теровымъ и солдатомъ на улицахъ Парижа, столицы бунтовъ; другіе энергически протестуютъ противъ опыта, который повелъ бы къ превращенію представителей націи въ *трибуновъ необузданнаго народа* ¹⁾. Слову, менѣе робкому, Рубелля и Ле Шапелье противопоставляютъ, со всѣхъ сторонъ, уваженіе, должное исполнительной власти. Мирабо, хотя больной и едва держащійся на ногахъ, поднимается съ усиленіемъ и предлагаетъ осудить торжественно народную агитацію ²⁾. Адресъ, составленный въ этомъ смыслѣ, былъ уже ранѣе представленъ имъ: онъ пытается вторично прочесть его, но силы покидаютъ его, голосъ его угасаетъ. Наконецъ, приняли резолюцію слѣдующаго содержанія: «Национальное собраніе глубоко сожалеетъ о смутахъ, волнующихъ въ эту минуту Парижъ... Будетъ послана депутація къ королю, чтобы просить его величество употребить, для восстановленія порядка, вѣрныя средства милосердія и доброты, которыя столь свойственны его сердцу, и довѣрія, которое его добрый народъ всегда будетъ заслуживать». Въ заключеніе Собраніе заявляло о своей глубокой привязанности къ королевской власти, *отъ которой зависитъ безопасность государства* ³⁾.

Депутація, состоявшая изъ шестнадцати членовъ, представила это постановленіе Собранія Людовику XVI, который отвѣтилъ: «Пока нація будетъ полагаться на меня, все будетъ идти хорошо». Онъ только потребовалъ, какъ условіе своего милосердія, чтобы гвардейцы вернулись въ тюрьму, что они и сдѣлали, и приказъ объ освобожденіи ихъ только что былъ данъ, какъ прибыли въ Версаль нѣсколько избирателей, имѣвшіе порученіе отъ своихъ коллегъ не возвращаться иначе, какъ съ помилованіемъ арестованныхъ солдатъ.

Изъ этого видно, что по мѣрѣ того, какъ революція подвигалась впередъ, испуганная буржуазія все тѣснѣе и тѣснѣе сплачивалась вокругъ трона и искала себѣ въ Людовикѣ XVI неприкосновеннаго главу. Но именно поэтому представители старой Франціи слѣзили перетянуть къ себѣ королевскую власть. Такъ что, ввѣренная судьбой государю, который не умѣлъ ни

¹⁾ *Quinzième lettre du comte de Mirabeau à ses commettans.*

²⁾ См. отчетъ объ этомъ засѣданіи, изложенный Мирабо въ его 15-мъ письмѣ къ довѣрителямъ.

³⁾ *Quinzième lettre de Mirabeau.*

носить, ни защитить ее, королевская порфира была раздирасма руками двухъ противныхъ партій. Онѣ разорвали ее въ клочки, и, въ послѣдствіи, когда пробилъ роковой часъ, оказалось, что, играя властью несчастнаго Людовика XVI, играли также и его головой.

Между тѣмъ Версаль съ нѣкотораго времени принималъ особенную, зловѣщую фізіономію; на улицахъ на каждомъ шагу попадались подозрительные мундиры и неизвѣстныя фигуры. Люди, которыхъ еще недавно замѣчали только по блѣдности ихъ лица, теперь расхаживали съ гордымъ видомъ, съ загадочной улыбкой на устахъ, съ вызывающимъ взглядомъ. Въ средѣ Собранія нѣкоторые депутаты изъ дворянъ, намѣренно оставляя пустыми свои мѣста законодателей ¹⁾, садились въ толпѣ, въ качествѣ просто любопытныхъ, съ ироніей на устахъ. Передавали другъ другу странныя рѣчи, сорвавшіяся съ языка у аббата де Вермонъ, въ чаду винныхъ паровъ ²⁾; эхо Эль де Бефа повторяло угрозы, произнесенныя, какъ говорили, княземъ д'Эненъ и герцогомъ де ла Тремуиль; рассказывали не безъ тревоги о секретныхъ комитетахъ графа де Флаго въ Луврѣ ³⁾. Что же такое происходило?

Въ Монружѣ тогда часто собирались на тайныя совѣщанія приближенные герцога Орлеанскаго, темные вдохновители его патріотизма или поборники его честолюбія. Тамъ фигурировали и графъ де Жанли, маркизъ де Сильери и де Латушъ. Тамъ скрытно господствовалъ Шодерло де Лакло, умъ дѣятельный и пылкій подъ спокойной наружностью, фатальный геній, который своимъ романомъ «*Les Liaisons dangereuses*» («Опасныя связи»), самой циничной изъ грязныхъ книгъ, обезпечилъ себѣ мѣсто между удивленіемъ и презрѣніемъ, между восхищеніемъ и ужасомъ. Про него говорили, что онъ былъ для своихъ друзей *самой опасной изъ связей*. Но это было безуміемъ, это было несчастіемъ герцога Орлеанскаго находить удовольствіе только въ подозрительныхъ знакомствахъ и позволить смѣлымъ авантюристамъ работать его именемъ надъ доставленіемъ торжества претензіямъ, которыхъ онъ не имѣлъ. Вотъ чѣмъ усердно занимались конспираторы тайнаго совѣта въ Монружѣ; и такъ

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 226.

²⁾ *Réponse de M... à son ami*, приведенный въ *Hist. parlementaire*, t. II, 3 livraison, p. 71.

³⁾ *Hist. parlementaire*, t. II, p. 71.

какъ у нихъ были соумышленники во дворцѣ, то они скоро узнали въ подробности замышляемый тамъ заговоръ. Съ другой стороны, секретныя извѣщенія доходили и до Бретонскаго клуба, къ числу завсегдатаевъ котораго, въ то время, принадлежали Бюзю, Ланжюинне, аббатъ Грегуаръ, Робеспьеръ, и который соприкасался съ народомъ.

Господство революціи простиралось уже такъ далеко, что она сторожила, неумолимая и невидимая, даже въ аппаратахъ графа д'Артуа, даже въ альковѣ королевы. Ни одного шага, о которомъ бы не было донесено, ни одного сказаннаго слова, которое не было бы передано бдительной ненависти виѣшняго міра. Служители королевскаго дома распечатывали ¹⁾ передаваемые имъ письма, списывали ихъ содержаніе и доставляли копію либо въ тайное собраніе Монружа, либо въ Бретонскій клубъ. Такимъ образомъ были обнаружены, съ перваго же дня, заговоры дворянства. Узнали, что дворъ собирается вернуться къ деспотизму, распустить генеральные штаты, подавить Парижъ; что королева была душой этого плана кампаніи и что принцы работали надъ нимъ заодно съ ней ²⁾; что Людовикъ XVI былъ отставленъ; что войска, иностранныя войска прибывали форсированнымъ маршемъ; что, для покрытія непредвидимыхъ расходовъ, данъ былъ приказъ сфабриковать сто милліоновъ кредитныхъ билетовъ; что составленъ списокъ, обрекавшій на смерть не только горцога Орлеанскаго и главарей экзальтированной революціонной партіи, но также и тѣхъ, которые хотѣли сгруппироваться вокругъ Людовика XVI, сдѣлавшагося конституціоннымъ монархомъ, какъ, напримѣръ, Мирабо, Мунье, Лалли Толлендаль ³⁾. Вскорѣ факты заговорили. 6 іюля, королевско-нѣмецкій полкъ, командуемый княземъ де Ламбескъ, расположился въ саду замка Ла Мюэтъ ⁴⁾; восемь орудій были поставлены въ Севрѣ, гдѣ прохожіе были принимаемы ночью, какъ враги ⁵⁾; въ Версалѣ появился полкъ гусаръ, которые, ненавистныя французской гвардіи, ненавистныя народу, обагрятъ

¹⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 302.

²⁾ См. замѣтку Баранта, сдѣланную на основаніи бумагъ тогдашняго министра де Сень-При.

³⁾ «Эти подробности узнали отъ барона де-Бретейель», говоритъ аббатъ Монгальяръ, t. II, 62.

⁴⁾ Buchez et Roux, *Hist. parlementaire*, t. II, p. 69.

⁵⁾ *Lettre de M... à son ami*, въ *Hist. parlementaire*, t. II, p. 71.

кровью городъ, волнуемый ихъ ссорами ¹⁾); уже, говорили, тридцать тысячъ солдатъ были разставлены между Парижемъ и Версалемъ; ожидали еще двадцать тысячъ войска, за которымъ должны слѣдовать артиллерійскіе обозы; проходы были преграждаемы; дороги, мосты, парки послѣдовательно обращались въ военные посты ²⁾); повсюду картина и какъ бы призракъ непріятельскаго нашествія.

Въ этой крайней опасности поведеніе Національнаго Собранія заслуживаетъ особеннаго вниманія. Изъ боязни, чтобы не пришлось защищаться при содѣйствіи народа, и не желая быть обязаннымъ кому бы то ни было, кромѣ короля, оно простирало руки къ Людовику XVI, умоляло его, и снизошло въ своей просьбѣ до языка идолопоклонства. Мирабо вызвалъ взрывъ рукоплесканій, когда, въ засѣданіи 8 іюля, воскликнулъ: «Предвидѣли ли они, совѣтчики этихъ мѣръ, послѣдствія, которыя онѣ повлекутъ за собой даже для безопасности трона?.. Наблюдали ли они, какимъ гибельнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ самые мудрые умы выводятся изъ предѣловъ умѣренности и какимъ страшнымъ импульсомъ опьяненный народъ устремляется къ эксцессамъ, первая мысль о которыхъ привела бы его въ трепетъ? Читали ли они въ сердцѣ нашего добраго короля?..» ³⁾. Мирабо предложилъ подать челобитную Людовику XVI: ему почтили составить проектъ ея, и на слѣдующій день о нѣ представилъ на обсужденіе Собранія адресъ, который заставлялъ представителей націи говорить въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Движенія вашего сердца, государь,—вотъ единственное спасеніе французовъ. Когда войска стягиваются со всѣхъ сторонъ, когда лагеря образуются вокругъ насъ, когда столица обложена, мы съ удивленіемъ спрашиваемъ себя: «Неужели король не довѣряетъ своимъ вѣрнымъ народамъ? Если бы онъ могъ усомниться въ ихъ вѣрности, неужели онъ не излилъ бы въ наше сердце свои отеческія скорби? Что значать эти угрожающія приготовленія? Гдѣ враги государства и короля, которыхъ нужно покорить? Гдѣ мятежники, заговорщики, которыхъ нужно усмирить? Единодушный голосъ отвѣчаетъ въ столицѣ: *«Мы обожаемъ нашего короля; мы благословляемъ небо за даръ, который*

¹⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 293.

²⁾ *Dix-huitième lettre de Mirabeau à ses commettans.*

³⁾ *Ibidem.*

оно сдѣлало намъ въ своей любви... Государь, заклинаемъ васъ именемъ отечества, именемъ вашего счастья и вашей славы, отошлите вашихъ солдатъ обратно на тѣ посты, откуда ваши совѣтники вызвали ихъ... Государь, среди вашихъ дѣтей, будьте хранимы ихъ любовью» ¹⁾).

Никогда, навѣрно, смиреніе монархическаго энтузіазма не встрѣчало подобныхъ формулъ; но надѣялись такимъ способомъ привлечь на свою сторону Людовика XVI и отдѣлать дѣло дворянъ отъ дѣла трона. Лъстивый адресъ Мирабо былъ поэтому вотированъ съ восторгомъ, «Собраніе, казалось, имѣло одну душу и одну мысль» ²⁾).

Тщетные расчеты! Непобѣдимый духъ революціи призвалъ на сцену народъ. Депутаціи, посланной собраніемъ, Людовикъ XVI далъ отвѣтъ сухой, суровый и, казалось, заключавшій въ себѣ угрозу. Онъ объявилъ, что одна изъ его обязанностей состоитъ въ томъ, чтобы пещись о сохраненіи порядка, что только злонамѣренные люди могли ввести въ заблужденіе его народы насчетъ истинныхъ мотивовъ принятыхъ мѣръ предосторожности. Онъ предлагалъ, впрочемъ, перевести генеральные штаты въ Нойонъ или въ Суассонъ, прибавивъ, что онъ тогда переѣдетъ въ Компьень, чтобы поддерживать сообщеніе, которое должно существовать между нимъ и собраніемъ ³⁾).

Такимъ образомъ этотъ союзъ, который буржуазія сгорала желаніемъ заключить съ королевской властью, съ двойкой цѣлью—побѣдить окончательно аристократію и избѣгнуть поддержки народа, былъ отвергнутъ этой властью съ оскорбительнымъ высокоуміемъ, столь же безразсуднымъ, какъ и оскорбительнымъ. До такой степени королева и принцы сумѣли ослѣпить Людовика XVI.

Хотя, проникнутое горькимъ чувствомъ, Національное Собраніе не осмѣлилось ни сопротивляться, ни протестовать, ни жаловаться, и графъ Крильонъ могъ сказать, не вызывая ропота, что должно положиться на обѣщаніе короля, какъ на честнаго человѣка, но Мирабо, котораго раздражила безуспѣшность его лъстиваго адреса, стремительно всходитъ на трибуну и, переходя

¹⁾ *Dix-huitième lettre de Mirabeau.*

²⁾ Фраза Мирабо въ его отчетѣ о засѣданіи 9 іюля, въ *Treizième lettre.*

³⁾ *Dix-neuvième lettre de Mirabeau.*

вдругъ отъ своего вчерашняго языка къ языку противоположному, рѣзко обрушивается на монархическія увлеченія графа Крильона. Чистое безразсудство—это довѣріе, которымъ чванились какъ добродѣтелю! Оно было порокомъ націи и привело ее, черезъ рядъ ошибокъ, къ теперешнему кризису. Пора понять, пора открыть глаза, если не хотятъ «походить на тѣхъ дѣтей, которыя всегда упрямятся и всегда покоряются»¹⁾.

Между тѣмъ дворъ съ жаромъ продолжалъ свои военныя приготовленія. Для руководительства ими явились два человѣка: баронъ Бретейль и старый маршалъ Брольи. Первый, особа надменная, съ суровымъ лицомъ, съ грубыми манерами, способная дойти въ своемъ рвеніи до безумія, былъ государственнымъ мужемъ задуманнаго предпріятія²⁾; второй былъ его воиномъ: и ни тотъ, ни другой не давали себѣ труда скрывать свои проекты. «Если нужно сжечь Парижъ,—говорилъ баронъ Бретейль:—мы сожжемъ его»³⁾. Что касается маршала Брольи, то вотъ что онъ писалъ принцу Конде⁴⁾: «Залпъ изъ пушекъ или ружей разомъ разсѣялъ бы этихъ аргументаторовъ и снова поставилъ бы неограниченную власть, которая угасаетъ, на мѣсто республиканскаго духа, который образуется». Этотъ маршалъ далеко не обладалъ способностями своего брата, таинственнаго дипломата, секретнаго корреспондента Людовика XV, къ тому же онъ слылъ человѣкомъ дѣтски суевѣрнымъ, и въ народѣ ходилъ слухъ, что онъ носитъ на пальцѣ перстень съ изображеніемъ св. Іоанна Непомука, которому и приписываетъ всѣ свои подвиги⁵⁾. Но это былъ солдатъ рѣшительный, готовый наносить удары, удобный двору. Странное зрѣлище! Обширное поле сраженія простиралось вокругъ столицы интеллигентнаго міра, Парижа. Здѣсь полки прованскій и винтимильскій, тамъ королевско-хорватскій, Helmstadt, Royal-Pologne; въ другихъ мѣстахъ—Salis-Samadé, Chateau-Vieux, Diesbach, Berchiny, Esterhazy. Хотѣли было поставить пушку въ сосѣднемъ съ заломъ штатовъ саду, и только

1) *Dix-neuvième lettre de Mirabeau.*

2) *Notice sur le comte de Saint-Priest*, p. CII.

3) «Повторяютъ слово въ слово то, что говорилъ баронъ Бретейль въ 1794 г.» Mongaillard, t. II, p. 63.

4) Письмо, напечатанное въ газетахъ Парижа и Лондона въ 1789 г. и которое не было опровергнуто.

5) *Annales parisiennes*, № 1, p. 11.

опасеніе доноса со стороны владѣльца сада заставило отказаться отъ этого проекта ¹⁾).

И какъ будто мало было угрозы,—къ ней прибавили еще оскорбленіе. Появились пасквилы, возвѣщавшіе надежды двора въ обидно шутивныхъ выраженіяхъ. Въ одномъ изъ этихъ пасквилей, написанномъ въ формѣ литаній, говорилось: «Д'Артуа, услышите наши мольбы; королева франдузовъ, не покидайте вашего супруга; Барнавъ, повѣсьтесь; Лафайетъ, покажитесь; Кайлюсъ, продолжайте; герцогъ Орлеанскій, страшитесь; духовенство, соединитесь; дворянство, отмстите; отъ нашихъ враговъ, отъ Неккеровъ, Мирабо, Таржетовъ, Ле Шпельеровъ, архіепископовъ бордоскихъ, чудовищъ Собранія, избавьте насъ, нашъ добрый король!.. ²⁾»

Къ 10 іюля все было готово для междоусобной войны не только въ Версалѣ и въ Парижѣ, но и въ провинціяхъ. Такъ какъ ожидали бунтовъ, то каждый командиръ получилъ приказъ быть на своемъ посту. Четыре роты гренадеръ и егерей вступили въ Канъ, гдѣ толпа начинала волноваться. Дюмурье отправился туда. Онъ находился у герцога де Бевронъ, коменданта провинціи, когда, въ присутствіи десятковъ шести дворянъ, которые всѣ имѣли сіяющія лица, торжествующій видъ, герцогиня прямо подошла къ нему: «Ну, Дюмурье, вы не знаете великую новость? Вашъ другъ Неккеръ прогнанъ; король снова всходитъ на свой тронъ; Собраніе низвергнуто; ваши пріятели сорокъ-семь ³⁾, можетъ быть, въ эту минуту сидятъ въ Кастиліи, съ Мирабо, Тарже и сотней этихъ наглецовъ третьяго сословія; и, навѣрно, маршалъ Брольи теперь уже въ Парижѣ, съ тридцати-тысячнымъ войскомъ».—«Тѣмъ хуже, сударыня», холодно отвѣтилъ Дюмурье ⁴⁾.

А что дѣлало въ это время Національное Собраніе? Оно слушало докладъ комитета по вопросу о конституціи, представленный Мунье, и проектъ «Декларации правъ человѣка», представленный Лафайетомъ! Но Парижъ бодрствовалъ, и съ своей стороны самые смѣллые вожаки Бретонскаго клуба тоже не дре-

¹⁾ Вольтъ, *роялистскій писатель*, сообщаетъ этотъ фактъ въ своихъ *Essais historiques*, t. I, p. 38.

²⁾ *Litanies des saints contre les diables*.

³⁾ 47 дворянъ, которые 25 іюня присоединились къ депутатамъ третьяго сословія.

⁴⁾ *Mémoires de Dumouriez*, t. II, p. 35.

мали. Одному изъ нихъ, Адриену Дюпортъ ¹⁾, пришла мысль вооружить Францію посредствомъ наническаго страха, и были посланы эмиссары на всѣ дороги, съ порученіемъ кричать, проходя черезъ города и деревни: «Разбойники идутъ!» Стратегема эта имѣла полный успѣхъ: каждый побѣждалъ за своимъ ружьемъ, вся Франція была поставлена на ноги.

Въ свою очередь, орлеанисты окружили герцога Орлеанскаго, побуждая его быть наконецъ вождемъ своей арміи, представляя ему самую опасность какъ нѣчто въ родѣ провиденціальнаго указанія его роли, какъ доказательство того, что ему скоро придется выбирать одно изъ двухъ: или овладѣть эшафотомъ или умереть на немъ. Мало того: не безъизвѣстно было, что герцогъ подобно своему дѣду, регенту, вѣрилъ въ чародѣйство, и потому прибѣгли къ чародѣйству. Какой-то человѣкъ страннаго вида, одинъ изъ тѣхъ революціонеровъ-мистиковъ, о которыхъ разсказано выше, является къ принцу и предлагаетъ свои услуги доставить ему, поставивъ его въ сношеніе съ адскими духами ²⁾, точное знаніе будущиxъ событій. «Хватить ли у васъ мужества,—сказалъ ему таинственный незнакомецъ,—сопровождать меня, одному, въ полночь въ какую-нибудь равнину безъ дорогъ, напримѣръ, въ равнину Вильнѣвъ-Сень-Жоржъ?» Герцогъ соглашается, и, оставивъ свою свиту въ Вильнѣвѣ, слѣдуетъ за своимъ проводникомъ. Была глухая, темная ночь. Встрѣчаютъ привидѣнія; и, побуждая чувство ужаса, принцъ вопрошаетъ ихъ. Они, разумѣется, сдѣлали ему предсказанія, способныя экзальтировать его сердце; и, въ заключеніе, онъ получилъ кольцо, которое долженствовало, пока онъ сумѣетъ сохранить его, приносить ему счастье. Вотъ какія средства пускали въ ходъ тѣ, кто хотѣлъ во что бы то ни стало подѣйствовать на герцога Орлеанскаго, указать ему на корону, какъ на цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться. Но этотъ принцъ такъ рано износилъ въ себѣ пружины жизни, что дошелъ до того рода безкорыстія, которое есть не что иное, какъ равнодушіе ко всему. Королевское достоинство казалось ему не стоящимъ того, чтобы обречь себя, для пріобрѣтенія его, на усилія честолюбія и на утомительность лицемѣрія.

¹⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 306.

²⁾ *Mémoires historiques et politiques*, t. VI, p. 61.

Положеніе дѣлъ, такимъ образомъ, страшно упрощалось. Такъ какъ буржуазія была доведена до необходимости прибѣгнуть къ содѣйствію *мятежныхъ союзниковъ*, къ которымъ Мирабо внушилъ ей страхъ; такъ какъ Людовикъ XVI исчезалъ за графомъ д'Артуа; такъ какъ герцогъ Орлеанскій стушевывался,— то кровавая партія могла разыгрываться только между дворомъ и народомъ.

А Парижъ между тѣмъ волновался и кипятился. Тысяча тревожныхъ слуховъ, тысяча разсказовъ, представлявшихъ смѣсь правды съ ложью, держали въ возбужденномъ состояніи столичное населеніе, переходившее отъ безпокойства къ гнѣву, отъ гнѣва къ ярости: разнесся слухъ, будто король, бѣжавшій изъ Версаля, водворился въ Саблонской равнинѣ и поставилъ тронъ подъ шатромъ, среди лагеря; то разсказывали, будто цѣлая армія головорѣзовъ призвана изъ глубины Италіи; то говорили, что собираются отнять у народа послѣднія крохи того отравленнаго хлѣба, который ему оставила голодовка ¹⁾. Пользовались для возбужденія и поддержанія агитаціи самыми маловажными обстоятельствами, самыми пустяжными происшествіями или новостями. Дуэль между французскими гвардейцами и гусарами, кучеръ герцога Куаньи, избитый фухтелями за то, что не посторонился передъ княземъ Ламбекъ... становились событіями ²⁾. Броженіе было такъ велико, страсти были такъ сильно возбуждены, что отъ истощенія одинъ народный ораторъ упалъ мертвымъ ³⁾. Пойманному въ Пале-Роялѣ шпиону обрѣзали волосы, нѣсколько разъ окунули его въ бассейнъ и таскали окровавленнаго по улицамъ ⁴⁾, въ то время, какъ въ другихъ кварталахъ народъ кричалъ: «Троихъ новѣсили за то, что они убили сторожа королевской заповѣдной рощи!» Повсюду возгласы и пронзительный голосъ случайныхъ ораторовъ, повсюду движенія толпы. Въ Тюльери остановили двухъ офицеровъ и, съ поднятымъ кинжаломъ, принудили ихъ кричать: «Да здравствуетъ третье сословіе!» Въ Пале-Роялѣ Полиньякъ и Сомбрейль вынуждены были открыть себѣ проходъ со шпагой въ рукѣ. Затѣмъ, рядомъ съ этими сценами насилія происходили

¹⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet.*

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ *Le cousin Jacques, Hist. de France pendant trois mois, p. 22.*

сцены шумной радости и энтузіазма. Среди улицы, при рукоплесканіяхъ голодной толпы, производился сборъ денегъ на празднованіе мятежа, на устройство въ честь его банкетовъ. Въ саду герцога Орлеанскаго предложили пышный обѣдъ канонирамъ, открыто нарушившимъ запрещеніе отлучаться изъ казармы, а восьмидесяти взбунтовавшимся солдатамъ полковъ прованскаго и винтимильскаго торговки, «дамы рынка», дали патріотическій балъ въ Елисейскихъ поляхъ ¹⁾.

Итакъ, вотъ Парижъ, предоставленный своимъ пылкимъ чувствамъ и увлеченіямъ. Правда, конница маршала Брюльи покрываетъ Гренельскую равнину, а его тяжелая артилерія занимаетъ (сентъ-Дени ²⁾); правда, Безенваль стоитъ на Марсовомъ полѣ со своимъ нѣмецкимъ войскомъ, а съ высоты Бастиліи заряженные пушки господствуютъ надъ предмѣстьемъ св. Антонія; но угроза внезапно приняла видъ боязни. Ни одной частной попытки укрощенія: въ мѣстахъ, гдѣ бушуетъ толпа, ни одной преторіанской фигуры. Власть молчитъ; она прячется въ центрѣ неподвижныхъ штыковъ, и эта монархія, которая вчера такъ шумно вооружалась, сегодня кажется мертвой въ своихъ доспѣхахъ.

Въ Версалѣ—то же наружное спокойствіе. Не знали, что происходило въ замкѣ! 10 іюля, когда Неккеръ подходилъ къ двери совѣтской комнаты, прибѣжалъ графъ д'Артуа и, показывая ему кулакъ, закричалъ: «Куда идешь, измѣнникъ чужеземецъ? Вернись въ свой городокъ, а нето погибнешь отъ моей руки!» Неккеръ сдѣлалъ шагъ назадъ, выпрямился во весь ростъ и, не отвѣтивъ ни слова, пошелъ занять свое мѣсто ³⁾. На слѣдующій день, въ засѣданіи совѣта, министры замѣгли на лицѣ Людовика XVI слѣды необычнаго душевнаго волненія. Вскорѣ онъ склонилъ голову, закрылъ глаза, повидимому, заснулъ ⁴⁾. Но это была одна изъ обычныхъ хитростей этого слабохарактернаго государя—прикидываться уснувшимъ всякій разъ, когда онъ хотѣлъ скрыть, передъ совѣтомъ, свое тайное безпокойство или затрудненіе своей совѣсти. Это знали, и тѣ изъ министровъ, судьба которыхъ была связана съ судьбой Неккера, испугались этого притворнаго сна.

¹⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet.*

²⁾ *Mémoires de Dumouriez*, t. II, p. 37.

³⁾ См. *Mémoires de Ferrières*, писателя роялистскаго и врага Неккера.

⁴⁾ *Lettres et instructions de Louis XVIII: Notice sur le comte de Saint-Priest*, p. CII.

ГЛАВА X.

Возстаніе въ Парижѣ.

Общее безпокойствіе.—Увольненіе Неккера.—Картина возставшаго Парижа.—Аббатъ Грегуаръ.—Декларация Національнаго Собранія.—Рѣшимость народа, его безкорыстіе.—Страшная диктатура, родившаяся изъ событій.—Почему учреждена гражданская милиція.—Хитрыя продѣлки городского головы.—Характеристическое письмо барона Безенвала къ графинѣ Полиньякъ.—Народъ обманываютъ; его негодованіе.—Раздача пороха въ городской ратушѣ.—
Ночь 13 іюля 1789 г.

Въ воскресенье, 12 іюля 1789 г., съ ранняго утра Парижъ услыхалъ выкрикиваемое на улицахъ воззваніе герцога Орлеанскаго, въ которомъ предлагалась, подѣ именемъ *налога чести*, *impôt d'honneur*, добровольная складчина для оказанія помощи бѣднымъ. Во главѣ списка стояло имя герцога Орлеанскаго, подписавшаго триста тысячъ лавровъ ¹⁾.

Но въ этотъ день умы были заняты другими мыслями: сами бѣдные, казалось, были равнодушны къ своей нуждѣ.

«Неккеръ уволенъ ли?» Таковъ былъ вопросъ, съ которымъ обращались другъ къ другу, при встрѣчѣ, обыватели, военные, рабочіе и даже несчастные нищіе, которые, не имѣя пріюта, искали отечества. «Неккеръ уволенъ ли?» И передавали изъ рукъ въ руки вчерашній нумеръ газеты ²⁾, набранной въ полночь, гдѣ было напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ министерствѣ финансовъ все казалось спокойнымъ; эта тишина подала мнѣ надежду. Я отправился въ галереи замка,—вѣрьте, господа, не затѣмъ, чтобы узнать тамъ подтвержденіе новости, которая пугала меня, а скорѣе затѣмъ, чтобы получить тамъ увѣренность въ ея безосновательности. Я замѣтилъ нѣкоторое движеніе въ сторонѣ аппартаментовъ г-жи ***; оттуда вышелъ герцогъ ***, а за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ туда вошли г-нъ *** и герцогъ ***; лица ихъ, какъ мнѣ показалось, выражали озабоченность. Было уже поздно: я рѣшилъ удалиться. Проходя черезъ дворъ министровъ, я увидалъ курьеровъ, готовыхъ къ отъѣзду, что увеличило мое безпокойство. Мой путь въ Круа-Бланшъ лежалъ мимо отеля г. Неккера. У

¹⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet.*

²⁾ *Le Courrier de Versailles à Paris*, № 8.

подъѣзда стояла карета, запряженная почтовыми лошадыми. Я спросилъ дрожащимъ голосомъ одного изъ его людей: г-жа Неккеръ,—сказалъ онъ мнѣ,—сейчасъ ѣдетъ присоединиться къ г-ну Неккеру въ Сентъ-Уанъ». Спокойная увѣренность этого человѣка возстановила спокойствіе въ моей душѣ, и надѣюсь, что при моемъ пробужденіи буду имѣть возможность сообщить вамъ, господа, только счастливыя вѣсти».

Какія будутъ эти вѣсти? Въ ожиданіи ихъ, публика предавалась мрачнымъ догадкамъ, знакомые обмѣнивались горькими рѣчами. Жаловались на королеву, обвиняемую въ томъ, что она, будто бы, передала нѣсколько милліоновъ императору ¹⁾; на графа д'Артуа, подозрѣваемаго въ преступной смѣлости; на маршала Брольи, который осмѣлился сказать: «я отвѣчаю за Парижъ» ²⁾. Около девяти часовъ замѣтили въ разныхъ мѣстахъ людей съ унылымъ видомъ, съ опечаленнымъ лицомъ. Они разговаривали между собой потихоньку, таинственно ³⁾. Нѣтъ болѣе сомнѣній! Часъ дѣйствій долженъ скоро пробить, такъ какъ улицы наполнялись пѣхотой и конницей, подъ обозами артиллеріи дрожала мостовая. Тогда толпа заколыхалась, и со всѣхъ сторонъ потоки ея устремились къ Пале-Роялю, уже намѣченному какъ главная квартира будущихъ мятежей.

Пале-Рояль имѣлъ въ ту эпоху совѣтъ иной видъ, чѣмъ въ наше время. По срединѣ сада герцогъ Орлеанскій велѣлъ, около 1788 г., устроить огороженное пространство, обнесенное трельяжемъ и увѣнчанное террасой, съ цвѣтниками и фонтанами. Туда проходили изъ апартаментовъ принца узкой ажурной галереей, а изъ нижнихъ частей дворца—подземнымъ коридоромъ, «отъ котораго еще уцѣлѣли кое-какіе слѣды» ⁴⁾. Это огороженное пространство, которое издали походило на обширную рощу, украшенную цвѣтами, первоначально предназначалось для упражненій въ верховой ѣздѣ и получило названіе цирка, а потомъ служило мѣстомъ для танцевъ и концертовъ. На одномъ концѣ его находился прудъ съ четырьмя повильонами по угламъ. Кругомъ тянулись веселыя аллеи, обрамленныя галереями. Вотъ въ какомъ роскошномъ уголкѣ возстаніе пред-

¹⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet.*

²⁾ *Annales parisiennes*, № 1, p. 15.

³⁾ *L'Ami du roi etc.*, chap. XL, p. 53.

⁴⁾ *Vatout, Hist. du Palais-Royal*, p. 185.

почтительно располагало свой станъ. И этотъ странный форумъ сдѣлался столь страшнымъ врагамъ революціи, что одинъ изъ нихъ рисовалъ его въ такихъ выраженіяхъ¹⁾: «Это образъ Химеры, у которой голова красивой проститутки, языкъ змѣи, руки гарпін; глаза которой мечутъ пламя, сердце которой пусто или волнуемо лишь похотливыми мыслями, ротъ которой испускаетъ то ядъ, то геронческія слова».

Туда-то и отправился, 12 іюля 1789 г., весь революціонный Парижъ. Стеченіе народа было такъ велико, что многіе принуждены были вскарабкаться на деревья и держаться тамъ повисшими на вѣтвяхъ²⁾. Пока еще все пребывало въ состояніи ожиданія; но уже поднимался къ небу гулъ безпокойной толпы, столь похожій на шумъ моря.

Въ двѣнадцатомъ часу вѣстникъ, прибывшій изъ Версаля, возгласилъ страшную новость. Всѣ были приготовлены къ ней, и однако она бросила на положеніе столь печальный свѣтъ, что первымъ движеніемъ толпы была яростная недовѣрчивость. Вѣстовщика схватили, поволокли по саду до бассейна цирка; онъ подвергался опасности быть брошеннымъ въ прудъ. Но вскорѣ подробныя, неопровержимыя свѣдѣнія распространили то убѣжденіе, которое тщетно старались отогнать отъ себя.

Неккеръ получилъ наканунѣ королевскую грамоту, воззвѣстившую ему увольненіе отъ должности министра и изгнаніе. Онъ былъ за столомъ въ этотъ моментъ. Онъ прочелъ посланіе съ безстрастнымъ видомъ, продолжалъ свободно разговаривать съ своими гостями, и, въ концѣ обѣда, сославшись на головную боль, попросилъ г-жу Неккеръ сопутствовать ему въ прогулкѣ за городъ. Они тотчасъ же сѣли въ карету и пріѣхали въ Брюссель, когда баронесса де Сталь еще ничего не знала объ обстоятельствахъ паденія и бѣгства своего отца³⁾,—такъ заботился опальный министръ о томъ, чтобы не сдѣлаться причиной смуты! Вѣдь Лафайетъ велѣлъ сказать ему: «Если васъ уволятъ, тридцать тысячъ парижанъ приведутъ васъ обратно въ Версаль»⁴⁾.

Бываютъ моменты въ исторіи, когда одинъ человекъ опредѣляетъ собою положеніе дѣлъ. Какъ только вѣсть объ уволь-

1) Retif de la Bretonne, *La semaine nocturne*, cinquième nuit, p. 91.

2) *L'Ami du roi* etc., chap. XI, p. 53.

3) *Hist. de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. I, p. 311.

4) *Mémoires du général Lafayette, publiés par sa famille*, t. IV, p. 58.

неніи Неккера подтвердилась, Пале-Рояль принялъ грозную фізіономію. Все утро въ тотъ день погода была пасмурная¹⁾; но въ этотъ моментъ, по странному совпаденію, небо прояснилось, и солнце засіяло надъ этими тысячами головъ, которыя оно жгло своимъ зноемъ. Достигнувъ середины своего пути по небесному своду, оно бросило свои лучи на зажигательное зеркало, помѣщенное на меридіанѣ Пале-Рояля; отразившись, они воспламенили запаль пушки,—раздался выстрѣлъ²⁾: это само солнце, казалось, подавало сигналъ къ революціи, и, въ порывѣ своего рода суевѣрія, народъ испускаетъ громовой крикъ.

Тогда одинъ молодой человекъ выходитъ изъ кофейни Фуа, вскакиваетъ на стулъ, и, держа пистолетъ въ одной рукѣ, шшагу въ другой, кричитъ: «*Kъ оружію!*» Сорвавъ затѣмъ листъ съ дерева, онъ прикалываетъ его къ шляпѣ, въ видѣ кокарды. Въ одно мгновеніе ока деревья были ошипаны до-чиста. Молодой трибунъ назывался Камилль Демуленъ для исторіи; для большинства же тѣхъ, которые послѣдовали за нимъ въ безпорядкѣ, это былъ еще только отважный незнакомецъ.

Въ Пале-Роялѣ—приливъ и отливъ толпы; улицы—то покрыты людьми, бѣгущими группами и въ молчаніи, то пустынно, здѣсь—лавки, поспѣшно запираемыя; тамъ—женщины съ цѣлыми корзинами зеленыхъ лентъ, которыя онѣ раздаютъ проходимъ; ружейные выстрѣлы, раздающіеся то тутъ, то тамъ; во всѣхъ окнахъ лица, на которыхъ написано трагическое любопытство: такова картина, которую представлялъ Парижъ. Въ четыре часа пополудни несмѣтная толпа явилась къ дому скульптора Гильома Курціуса, на бульварѣ Тампль, и потребовала бюсты герцога Орлеанскаго и Неккера³⁾. Когда требованіе это было исполнено, грозный кортежъ двинулся вдоль бульваровъ, въ порядкѣ шествія, въ одно и то же время торжествующемъ и похоронномъ. Впрочемъ, картежъ этотъ состоялъ не изъ одного только простонародья: всѣ состоянія были въ немъ перемѣшаны. Рядомъ съ трубочистомъ, который, въ черномъ колпакѣ на головѣ⁴⁾, держалъ изображеніе герцога Орлеанскаго;

¹⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet.*

²⁾ *L'Ami du roi* etc., chap. XL, p. 53.

³⁾ Показаніе Курціуса въ *Procédure criminelle instruite au Châtelet de Paris*; XCV, p. 150, chez Baudouin. 1790.

⁴⁾ *Ibidem.*

бюстъ Неккера несъ изящный молодой человекъ, имѣвшій двое часовъ въ жилетѣ и одѣтый въ щегольской костюмъ изъ полосатой шелковой матеріи¹⁾. Развѣвались знамена, въ знакъ побѣды, но также и въ знакъ печали и траура²⁾; и по дорогѣ кричали: «Нѣтъ болѣе радости! Закройте театры!»³⁾. Колонна прошла черезъ Пале-Рояль и, улицей Ришлье, направилась къ площади Людовика XV. На Вандомской площади были разставлены конные посты. Тамъ молодой человекъ въ шелковомъ костюмѣ выстрѣломъ изъ ружья былъ положенъ на мѣстѣ⁴⁾, Но бюстъ, который онъ несъ, былъ въ ту же минуту поднятъ смѣшавшимся съ войскомъ, которое получило приказъ отступить; кортежъ дошелъ, вмѣстѣ съ нимъ, до входа на площадь Людовика XV. Тамъ, среди страшнаго безпорядка, трубочистъ былъ пораженъ пулей въ лѣвую ногу и ударомъ сабли въ грудь. Его окружаютъ; одинъ изъ его товарищей взваливаетъ его себѣ на плечи, вырываетъ его изъ свалки и относитъ въ Пале-Рояль, гдѣ онъ оставался, весь окровавленный, выставленнымъ на показъ народу.

Между тѣмъ баронъ Безанваль былъ на площади Людовика XV съ сильнымъ отрядомъ швейцарцевъ, съ гусарами Бершини, съ драгунами Шуазеля, съ полкомъ Салисъ-Самада; и толпа скоплялась вокругъ солдатъ. Безанваль сначала казался неподвижнымъ; но вскорѣ, потерявъ терпѣніе, онъ рѣшается употребить силу; и, вмѣсто того, чтобы расположить свои полки такимъ образомъ, чтобы различныя группы могли расходиться черезъ Елисейскія поля, черезъ улицы-аллеи, ведущія къ набережной, или черезъ широкіе выходы на улицу Сентъ-Оноре, онъ принимаетъ маневръ, неминуемымъ слѣдствіемъ котораго должно было быть скопленіе на одномъ пунктѣ тысячъ людей могущихъ бѣжать только въ одну сторону—къ саду Тюльерійскаго дворца, черезъ узкій проходъ Разводнаго моста⁵⁾. Подоб-

¹⁾ Показаніе Франсуа Пепена, въ *Procédure criminelle instruite au Châtelet de Paris*. СХХІV, р. 185.

²⁾ *Le cousin Jacques*, р. 24.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ Разказы объ убитомъ, будто бы, часовомъ и разбитомъ, ударомъ сабли, бюстѣ Неккера, не точны. См. показанія Курціуса и трубочиста. Оба бюста были возвращены въ цѣлости Курціусу.

⁵⁾ Это замѣчаніе сдѣлано однимъ роялистскимъ писателемъ, Монжуа. См. *L'Ami du roi* etc., chap. XL, р. 56.

ная эволюція была до того необычайна, она предвѣщала такія страшныя несчастія, что князь Ламбекъ, которому было приказано идти прямо къ Тюльери, заставилъ дважды повторить ему этотъ приказъ¹⁾. Принужденный повиноваться, онъ двинулся, во главѣ своихъ нѣмецкихъ драгунъ, гоня передъ собою толпу. Одинъ старикъ былъ смятъ лошадьми; сшибали съ ногъ матерей, тащившихъ за собой своихъ дѣтей; воздухъ оглашался жалобными столами. Драгуны переходятъ шагомъ Разводный мостъ, наталкиваются на баррикаду, наскоро сложенную изъ кучъ стульевъ, перебираются черезъ нее и приходятъ въ Тюльерійскій садъ, къ статуѣ Меркурія. Замѣшательство было невообразимое, и въ то время, какъ смиренные гуляющіе убѣгали въ испугѣ, толкая другъ друга, нѣсколько негодовавшихъ молодыхъ людей бросали въ драгунъ, съ террасъ, камни, стулья, обломки бутылокъ. Вдругъ кто-то крикнулъ: «Разведите мостъ!» и въ опасеніи, чтобы имъ не отрѣзали отступленіе, кавалеристы поварачиваютъ коней, стрѣляя изъ пистолетовъ. Пришедшій въ ярость, князь Ламбекъ бѣжитъ къ кучкѣ людей, собиравшихся разводить мостъ, и наноситъ одному изъ нихъ ударъ саблей. Тогда ему принесли приказъ идти расположиться у королевской мебелиной кладовой; и войска, покрывавшія площадь Людовика XV, возвратились въ свою зловѣщую неподвижность.

Въ одинъ мигъ вѣсть объ этомъ разнеслась по всему Парижу, но, по обыкновенію, съ преувеличеніями. Рассказывали, будто драгуны стрѣляли въ прохожихъ; говорили, будто князь Ламбекъ закололъ старика, упавшаго на колѣни и просившаго пощады²⁾; нѣкоторые утверждали, что собираются поджечь столицу. Выстрѣлъ изъ пушки, раздавшійся въ это время³⁾, увеличилъ тревогу и гнѣвъ. Въ каждомъ кварталѣ образуются взводы вооруженныхъ людей; оружейныя лавки расхищаются, но при этомъ грабители не берутъ ни золота, ни серебра: имъ нужно только желѣзо⁴⁾. Было девять часовъ вечера, когда фузелеры роты Вожирара, имѣя во главѣ капрала Гардъ и впереди барабанщика, напали у отеля Монмаранси на

1) *L'Ami du roi* etc. chap. XL, p. 56.

2) *Le cousin Jacques*, p. 27.

3) *Beaulieu, Essais historiques*, t. I, p. 311.

4) *Le cousin Jacques*, p. 30.—*L'Ami du roi*, etc., chap. XL, p. 62.

по имени Летръ, вскричалъ: «Вы помните, господа, что 13 іюля 1788 г. сильный градъ опустошилъ половину Франціи: если вы не примете мѣръ предосторожности, день 13 іюля 1789 г. будетъ въ сто разъ болѣе бѣдственнымъ, нежели день 13 іюля 1788 г.»¹⁾ Это печальное пророчество исполнится ли?—вотъ вопросъ, который уже задавали себѣ представители буржуазіи. Между тѣмъ волненіе усиливалось съ минуты на минуту въ большой думской залѣ. Барьеръ отдѣлявшій избирателей отъ толпы гражданъ, былъ перейденъ: «Оружія! Намъ нужно оружіе!» Избиратели велѣли сторожу выдать оружіе, какое окажется. Но народъ не ждетъ. Кладовая оружія городской стражи открыта; двери ея падаютъ подъ могучимъ напоромъ; каждый вооружается, и какой-то субъектъ становится на часы у порога большой думской залы, въ рубашкѣ, съ голыми ногами, безъ сапогъ, съ ружьемъ на плечѣ²⁾.

Вечеръ былъ страшный. Приставали ко всѣмъ и каждому съ требованіемъ денегъ на покупку пороха; на улицахъ оставались прохожихъ, спрашивая: «Вы третьяго сословія?» Въ нѣкоторыхъ кварталахъ группы любопытныхъ читали при свѣтѣ факеловъ плакаты, гдѣ самая шутка была угрожающей,—плакаты въ такомъ родѣ: «Должность оберъ-церемоніймейстера продается,—обратиться за подробностями къ г-жѣ де Брезе»; или: «Герцогъ Бурбонскій, увлеченный страстью охотника, долго преслѣдовалъ оленя, и лицамъ, владѣніямъ которыхъ причиненъ былъ вредъ этой погоней, обѣщается возмѣщеніе убытковъ». Заставы горѣли. По мѣрѣ того какъ мракъ сгущался, шумъ, стихая, казалось, увеличивалъ ужасъ. Около полуночи начали быть въ набатъ—на думской башнѣ, на колокольнѣ собора Богоматери, во всѣхъ приходахъ; каждый забаррикадировался у себя; и въ эту ночь сонъ смеживалъ только вѣки дѣтей³⁾.

Въ Версалѣ день 12 іюля прошелъ въ молчаливомъ безпокойствѣ. Такъ какъ сообщенія съ столицей были прерваны то ни почтовые курьеры, ни пѣшеходы не могли переходить черезъ заставы, что дало Мирабо поводъ сказать, обращаясь къ Людовику XVI: «Король, глубоко несчастный среди горячо

¹⁾ *Annales parisiennes*, № 1, p. 14.

²⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet*.

³⁾ См. Beaulieu, t. I, p. 514.—*Lettre au marquis de Luchet*;—*Hist. de la Révolution par deux amis de la liberté* t. I, chap. XV;—*L'Ami du roi* etc., ch. XLI.

ственной надеждой были генеральные штаты; въ перспективѣ видѣлся голодъ. Истина поразила ухо короля; его сердце стонало при видѣ общественныхъ бѣдствій, и онъ снова призвалъ вѣрнаго министра, который, въ болѣе благополучныя времена, далъ ему доказательства своей преданности. Правосудіе тотчасъ же возобновляетъ свой ходъ; государственная казна наполняется, позорное слово «банкротство» не произносится болѣе; тюрьмы открываются и выпускаютъ на волю несчастныхъ, которые въ нихъ томились... Генеральные штаты были возвыщены, и никто болѣе не сомнѣвался въ этомъ, когда созваніе ихъ гарантировалъ добродѣтельный министръ, и имя короля было осыпано благословеніями. Наступила нужда, голодовка; на вскорѣ моря покрылись кораблями, нагруженными хлѣбомъ,—оба свѣта, Старый и Новый, доставляли намъ продукты, нужные для нашего продовольствія; свыше милліона четырехъ тысячъ квинталовъ муки и зерна были ввезены въ страну; и отеческія попеченія короля, руководимаго своимъ министромъ, восторжествовали. Наконецъ, несмотря на препятствія, несмотря на интриги, генеральные штаты открылись... Генеральные штаты открылись! Какъ много заключалось въ этихъ словахъ!.. Каждый день видѣлъ расцвѣтъ принциповъ конституціи. Мы шли впередъ; Франція вздохнула свободно. И въ этотъ-то моментъ злонамѣренныя совѣты лишаютъ короля вѣрнаго слуги, націю добродѣтельнаго министра! Мало того—у насъ отнимаютъ трехъ другихъ министровъ, добродѣтели которыхъ заслуживаютъ нашего уваженія. И это еще не все: Неккеръ высланъ, изгнанъ, принужденъ бѣжать, какъ преступникъ. Но кто же могъ выступить противъ него обвинителемъ? Не парламенты ли, которые были снова призваны имъ къ отправленію своихъ функцій? Не кредиторы ли, которымъ онъ заплатилъ? За отсутствіемъ обвинителей, ищутъ клеветниковъ... Слышалъ, что его называли крамольникомъ: удаленіе его походило ли на удаленіе крамольника?.. Онъ скрылся отъ проявленія общественной горести. Всю ночь провели въ тревогѣ, въ исканіи его. Онъ предпочелъ лучше лишиться всякаго утѣшенія, чѣмъ вызвать смуты своей отставкой, и его послѣднее желаніе было желаніе счастья Франціи. Если это не священные признаки добродѣтели, то невозможно вѣрить въ добродѣтель»¹⁾).

¹⁾ Рѣчь Лалли Толлендаля, приведенная почти цѣликомъ въ девятнадцатомъ письмѣ *Мирабо*. См. также *Moniteur*, гдѣ эта рѣчь изложена еще полнѣе.

Слова эти были встрѣчены рукоплесканіями ¹⁾, смѣшанными со слезами. Среди всеобщаго возбужденія графъ де Вирье, депутатъ отъ дворянства, требуетъ повторить сообща клятву же де пома. «Клятвы вѣчны, отвѣчаетъ Клермонъ Тоннеръ; бесполезно возобновлять ихъ. Конституція будетъ, или насъ не будетъ болѣе». Однако, что встрѣтили бы въ концѣ пылкого поприща, на которое увлекаются? Что сдѣлалъ бы народъ? Такъ какъ заговорили объ *учрежденіи гражданской милиціи*, то Сень-Фаржо воскликнулъ: «Когда никто не представляетъ народа, онъ самъ себя представляетъ» ²⁾. Въ этотъ моментъ прибывшій отъ парижскаго коменданта курьеръ подаетъ президенту письмо слѣдующаго содержанія: «Огромная толпа въ Пале-Рояль;... заставы на сѣверной сторонѣ разрушены; Тронная застава въ огнѣ. Каждый прицѣпляетъ себѣ зеленую кокарду... Они говорятъ, что идутъ отпереть тюрьмы. Въ Версалѣ были худо освѣдомлены: хотятъ наказать бандитовъ и держать ихъ въ тюрьмахъ» ³⁾. Эти вѣсти, ихъ зловѣщій лаконизмъ, беспорядочность ихъ редакціи перепугали Собраніе. Оно остается нѣкоторое время безмолвнымъ отъ испуга; но мало-помалу энергія душъ пробудилась, и къ королю была послана депутація.

Въ замкѣ господствовало большое возбужденіе, выражавшее радость и гордость, а не страхъ ⁴⁾. Возстаніе въ Парижѣ представлялось воображенію царедворцовъ въ видѣ вспышки черни, съ которою, какъ имъ казалось, легко будетъ справиться. Баронъ Бретейль, «у котораго былъ зычный голосъ и который ходилъ съ большимъ шумомъ, ударяя ногой объ полъ, какъ будто хотѣлъ вызвать изъ-подъ земли армію» ⁵⁾, никогда не проявлялъ болѣе надменной самонадѣянности. Людовикъ XVI былъ обманутъ этой самоувѣренностью своего новаго министра. Онъ принялъ депутацію какъ человѣкъ, считающій себя хозяиномъ положенія,—онъ отвѣтилъ ей: «Я уже ознакомилъ васъ съ моими намѣреніями относительно мѣръ, которыя беспорядки въ Парижѣ вынудили меня принять; мнѣ одному судить о не-

1) См. *L'Ami du roi*, гдѣ, впрочемъ, рѣчь Лалли Толлендала названа *романической*, 3 cahier, chap. XLII, p. 75.

2) *Moniteur*, séance du 13 juillet 1789.

3) *Ibidem*.

4) *L'Ami du roi* etc., 3 cahier, chap. XLII, p. 79.

5) M-me Staël, *Considérations sur la Révolution française*, t. I, p. 212.

вызываютъ старшину купечества (*prévôt des marchands*) Флеселя и эшевенонъ. Безчисленная толпа тѣспилась вокругъ городской ратуши; увиди прибывшаго Флеселя, который имѣлъ самоувѣренный видъ, она огласила воздухъ радостными восклицаніями. Она не подозрѣвала, что противъ нея замышляютъ рѣшительныя мѣры, и что именно для того, чтобы придать этимъ мѣрамъ видъ законности, и призвали старшину купечества. Въ самомъ дѣлѣ, едва успѣлъ онъ войти въ большую думскую залу, какъ избиратели успѣшили назначить его предѣдательствующимъ. Затѣмъ, послѣ краткаго совѣщанія, постановили, что граждане, собравшіеся въ думѣ, разойдутся по своимъ округамъ; что будетъ назначенъ *постоянный комитетъ*; что каждый округъ—всѣхъ ихъ было шестьдесятъ—будетъ призванъ поставить двѣсти человѣкъ для сформированія гражданской милиціи; что *постоянному комитету* будетъ принадлежать право пешихъ объ общественной безопасности, заботиться объ организациіи парижской милиціи; что всякій частный человѣкъ, имѣющій саблю, ружье, пистолеть или шпагу, будетъ обязанъ носить ихъ въ своемъ округѣ; что скопища должны прекратиться¹⁾. Тотчасъ же были избраны члены *постояннаго комитета*, но исключительно изъ среды избирателей и эшевенонъ. Это была явная узурпація: одинъ гражданинъ, по имени Греле, смѣло обличилъ ее, и, чтобы устранить его оппозицію, его въ ту же минуту присоединили къ составу комитета²⁾.

Такимъ образомъ буржуазія создала себѣ преторіанскую гвардію въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Съ рискомъ подвергнуться преслѣдованію со стороны двора, хотѣли обезоружить народъ!

А между тѣмъ поведеніе этого народа, къ которому относились съ такимъ недоустріемъ, было вполне безупречно. Это его честь охраняла городъ. Въ то время, какъ наверху совѣщались о средствахъ сдѣлать его безсильнымъ, онъ, по собственному побужденію, раздѣлился на охранительныя группы, прилагая неусыпную, иногда, правда, проявлявшуюся въ жестокой формѣ, заботу о томъ, чтобы не подать повода къ опозоренію его гнѣва. Такъ, на примѣръ, въ саду Монмартрскаго аббатства кучка рабо-

¹⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 187.

²⁾ *Протоколъ собранія избирателей*, хотя составленный съ изложеніемъ мельчайшихъ подробностей, умалчиваетъ объ этомъ фактѣ. Дюзо сообщаетъ о немъ безъ всякихъ комментариевъ. См. *L'Oeuvre des sept jours*, p. 278.

чихъ повѣсила на деревѣ одного изъ своихъ товарищей за то, что онъ укралъ курицу ¹⁾). Другіе притащили на Гревскую площадь, для сожженія, экипажъ князя Ламбеска; но его сундукъ и всѣ находившіяся тамъ вещи были добросовѣстно переданы въ городскую ратушу ²⁾).

Вслѣдъ затѣмъ народъ двинулся въ долговую тюрьму. Въ этой тюрьмѣ ростовщичество томились несчастные, изъ которыхъ многіе были ввергнуты туда молодыми и тамъ посядѣли ³⁾, виновные лишь въ бѣдности... Оттого зрѣлище было трогательное, когда они, освобожденные, проходили по улицамъ Парижа, держась за руки, плача отъ радости и благословляя своихъ избавителей. Но тотъ же самый народъ, который возвратилъ свободу узникамъ долгового смирительнаго дома, помогаль укрощать бунтъ арестантовъ тюрьмы Шателэ, чтобы показать, что онъ беретъ подъ свое покровительство несчастныхъ, но не воровъ и убійць ⁴⁾).

Однако, сцены прискорбнаго насилія, хотя и легко понятныя, имѣли мѣсто въ монастырѣ лазаристовъ. Говорили, что этотъ монастырь заключаетъ въ себѣ огромные запасы хлѣба, и это былъ страшный доносъ въ тотъ моментъ, когда Парижъ такъ страдалъ отъ голода. Слухъ былъ основателенъ, но чего не знали,—это того, что лазаристы давали обильныя милостыни. Обитель ихъ была атакована, и народная ярость проявилась во всей силѣ: вспышка, впрочемъ, безкорыстная, такъ какъ деньги, предложенныя нападавшимъ, были отвергнуты съ презрѣніемъ ⁵⁾, и пятьдесятъ двѣ фуры, нагруженныя мукой ⁶⁾, были честно отвезены на рынокъ людьми, терпѣвшими недостатокъ въ хлѣбѣ.

Между тѣмъ Парижъ пришелъ въ состояніе какъ бы безумнаго опьянѣнія. Люди, незнакомые между собой, бросались другъ къ другу, чтобы подѣлиться братскимъ восторгомъ. Повсюду раздавали зеленыя кокарды; женщины бросали ихъ изъ оконъ

¹⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet.*

²⁾ *Dusaulx, Oeuvres des sept jours*, p. 282.

³⁾ *L'Ami du roi* etc., 3 cahier, chap. XLI, p. 66.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 67.—Можжа, сообщающій эти факты, не постыдился называть *разбойниками* людей, о которыхъ онъ говоритъ.

⁵⁾ Фактъ, дѣйствительность котораго признаеть даже кузень Жакъ въ своемъ, полномъ досады, разсказѣ. См. стр. 34.

⁶⁾ *Prud'homme, Révolutions de Paris*, t. I, p. 7. 1790.

проходимъ; и если кто-нибудь спрашивалъ, почему приняли зеленый цвѣтъ, цвѣтъ графа д'Артуа, голоса отвѣчали: «Это — цвѣтъ надежды» ¹⁾. Выпрашивали у женщинъ ихъ ленты, которыми украшали ружья ²⁾. Предводители бандъ приказывали бить сборъ, или, за неимѣніемъ барабановъ, собирали звонкомъ свое войско ³⁾. Послѣ захвата стариннаго оружія, хранившагося въ королевской мебельной кладовой, на улицахъ заблестѣли каски, копья и щиты, носимые какъ во времена лиги, воинами въ рубищахъ. Наконецъ, таковы были слѣдствія, часто странныя, этого безпорядка, что въ церквахъ, гдѣ происходили собранія, на каедрѣ появлялись любимые толпой комедіанты и вызывали громъ рукоплесканій въ качествѣ трибуновъ ⁴⁾.

Впрочемъ, все было проникнуто патриотизмомъ, энтузіазмомъ новыхъ идей. Алармисты, правда, ходили по городу, говоря: «Бурбонскій дворецъ въ огнѣ; идутъ поджечь Багатель, въ Булонскомъ лѣсу». Ложныя вѣсти, умышленно распространяемыя вѣроломными устами! Ибо въ дѣйствительности не было ни одного факта, который бы подтверждалъ ихъ, и это только по фальшивой тревогѣ графиня де-Бріоннъ, велѣвъ поспѣшно, при помощи переодѣтыхъ людей, вынести мебель изъ своего отеля, сама бѣжала въ наемной каретѣ ⁵⁾.

Но этого не хотѣлъ понять буржуазный муниципалитетъ, сгоравшій нетерпѣніемъ положить конецъ этимъ проявленіямъ. Не задавая себѣ вопроса, не были ли относительно народа ихъ опасенія клеветой, и не опасно ли благоразуміе, когда оно заключаетъ въ себѣ несправедливость, избиратели, засѣдавшіе въ думѣ, въ качествѣ *постояннаго комитета*, приняли окончательное рѣшеніе, требовавшее:

«чтобы численность парижской милиціи была увеличена съ двѣнадцати до сорока восьми тысячъ человекъ;

«чтобы шестьдесятъ округовъ, соединенные въ шестнадцать кварталовъ, сформировали шестнадцать легионовъ;

«чтобы каждый гражданинъ, входящій въ составъ парижской милиціи, носилъ кокарду красную съ синимъ;

¹⁾ *L'Ami du roi etc.*, 3 cahier, chap. XLI, p. 67.

²⁾ *Lettre au marquis de Luchet.*

³⁾ *L'Ami du roi etc.*, ubi supra.

⁴⁾ *Le cousin Jacques*, p. 43.

⁵⁾ *Lettre au marquis de Luchet.*

даренныя Людовику XIV сіамскимъ королемъ, и которыя, 13 іюля, какимъ-то образомъ очутились въ обозѣ мятежниковъ. Экипажи, останавливаемые у воротъ столицы, фуры, нагруженные хлѣбомъ въ зернѣ, мебель, посуда, провізія всякаго рода—все было направляемо на Гревскую площадь, сдѣлавшуюся, по выраженію одного современника, однимъ изъ богатѣйшихъ, но въ то же время самымъ шумнымъ и наименѣе доступнымъ изъ складовъ Европы.

Предмѣстья хотѣли быть вооруженными; и нетерпѣніе ихъ въ этомъ отношеніи было такъ велико, что пятьдесятъ тысячъ пикъ были сфабрикованы въ тридцать шесть часовъ ¹⁾. Но пикъ были недостаточны,—все сторали желаніемъ имѣть ружья. Тогда начались, со стороны Флеселя, купеческаго головы, тайныя маневры, о которыхъ слѣдуетъ рассказать.

Въ одномъ изданіи, гдѣ были опубликованы, подъ покровомъ нѣкоторыхъ таинственныхъ формъ, чрезвычайно интересныя письма, приписываемыя различнымъ виднымъ персонажамъ революціи ²⁾, находимъ:

Письмо барона Несба (Безанваль) къ г-жѣ Юліусъ (женѣ графа Жюля Полиньяка). Іюль, 1789 г.

«Милостивая государыня!

«Никакая человѣческая комбинація не устоитъ противъ потока; потому невозможно было остановить взрывъ... Собственно говоря, мы должны бояться не народа, а тѣхъ, вышедшихъ изъ этого класса, лицъ, которыя имѣютъ на него достаточно вліянія, чтобы возбуждать его... Желательно было бы, чтобы Ирла (королева) сблизилась съ герцогиней Аніусъ (Орлеанской). Она мало имѣетъ власти надъ умомъ своего супруга, но она можетъ помѣшать тому, чтобы ея дѣти послѣдовали склонности,

¹⁾ *Correspondance secrète de plusieurs grands personnages à la fin du XVIII siècle*, p. 93; Paris, 1802.—Книга эта содержитъ письма, подлинность которыхъ мы не можемъ гарантировать матеріально; но мы имѣли возможность провѣрить точность большинства констатируемыхъ въ нихъ фактовъ. Они, впрочемъ, были опубликованы А. Русселемъ, секретаремъ комиссіи, которой былъ порученъ разборъ бумагъ, найденныхъ, послѣ 10 августа, въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Руссель имѣлъ полный сундукъ драгоцѣнныхъ документовъ. Послѣ его смерти, послѣдовавшей при имперіи, начальникъ полиціи Демаре велѣлъ конфисковать все его бумаги.

²⁾ Dusaulx, *Oeuvre des sept jours*, p. 279.

ГЛАВА XI.

Взятіе Бастиліи ¹⁾.

Описаніе Бастиліи; ея внутренніе порядки.—Великодушное стремленіе народа.—Лихорадочное состояніе Парижа.—Подвалъ Дома Инвалидовъ.—Предварительныя переговоры.—Бастилія въ осадѣ.—Иамѣна, ложно приписываемая коменданту.—Печальное увлеченіе народа.—Мадмуазель де-Монсиньи.—Мучительныя колебанія коменданта де Лоне.—Капитуляція.—Народъ въ Бастиліи.—Смерть де Лоне, де Персона, де Мире, майора де Ломъ.—Достойная удивленія преданность.—Буржуазія въ городской ратушѣ.—Почему Флесель былъ убитъ.—Великодушіе побѣдителей.—Швейцарцы, чествуемые въ Пале-Роялѣ.—Парижъ вечеромъ 14 іюля.—Подозрѣнія Марата.—Всеобщая экзальтація.

Бастилія стояла на оконечности Сентъ-Антуанской улицы и бульвара. Крѣпость, тюрьма, могила,—она состояла изъ восьми большихъ башенъ, соединенныхъ между собой толстыми каменными стѣнами и окруженныхъ широкимъ рвомъ. Она была начата постройкой въ 1369 г.²⁾, при Карлѣ V. По игрѣ судьбы,

¹⁾ Въ слѣдующіе за взятіемъ Бастиліи дни было опубликовано множество различныхъ и противорѣчивыхъ реляцій, среди которыхъ сначала кажется очень трудно разобраться. А между тѣмъ никогда точность не была болѣе необходима, даже относительно мельчайшихъ подробностей. Поэтому нашей первой работой было собрать всѣ разбросанные въ разныхъ изданіяхъ документы; мы подвергли ихъ затѣмъ тщательной провѣркѣ и увѣрены, что нашъ рассказъ ни въ чемъ не уклоняется отъ истины относительно фактовъ, отъ справедливости относительно лицъ.

Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы поблагодарить библіофиловъ, гг. Іеннъ, Дюфе, Лабедольеръ, любезно предоставившихъ въ наше распоряженіе имѣвшіеся у нихъ документы.

Считаемъ долгомъ въ особенности засвидѣтельствовать нашу живѣйшую признательность:

Ученому автору книги *Les femmes célèbres de la Révolution*, г. Лертюлье, который довелъ свою любезность до того, что прислалъ намъ цѣлую бібліотеку, составленную изъ періодическихъ изданій и брошюръ, чрезвычайно рѣдкихъ и любопытныхъ;

Почтенному полковнику Морену, который, какъ извѣстно, обладаетъ неоцѣненной коллекціей книгъ, газетъ, брошюръ, эстамповъ, плакатовъ, портретовъ, медалей, относящихся къ нашей революціонной эпохѣ, и который съ величайшей готовностью открылъ намъ свои сокровища;

Г-ну П. Менетрье, наконецъ, который спеціально изучилъ бібліографическую часть революціи, такъ что его можно назвать ходячей бібліотекой по этой части.

²⁾ *Remarques historiques et anecdotes sur la Bastille*, p. 2. Paris, 1789.

подобной судьбѣ Ангеррана де Мариньи, изобрѣтателя монфоконской висѣлицы (*fourches patibulaires*), который иллюстрировалъ это изобрѣтеніе своимъ трупомъ, Гюгу Обрію, основателю Бастилии, пришлось одному изъ первыхъ стонать въ ней.

Видъ этихъ мѣстъ былъ ужасенъ, и духъ зла, казалось, истощилъ всю свою изобрѣтательность въ затрудненіи подступа къ нимъ. *Губернаторскій дворъ* (*la cour du gouvernement*), названный такъ потому, что тамъ былъ отель губернатора или коменданта, находился внѣ крѣпости, снаружи главнаго рва; однако даже чтобы дойти до этого внѣшняго двора, нужно было прорвать двѣ линіи часовыхъ, пройти мимо двухъ гауптвахтъ, перейти подъемный мостъ. Изъ губернаторскаго двора длинная аллея вела ко рву Бастилии. Тамъ — второй подъемный мостъ; за нимъ — третья гауптвахта, затѣмъ — шлагбаумъ изъ толстыхъ бревенъ, обитыхъ желѣзомъ¹⁾. Тогда появлялся *внутренній дворъ*, обставленный башнями, тотъ дворъ, гдѣ люди задыхались между высокими стѣнами. Нагота и безмолвіе были тамъ ужасныя. Только тюремные башенные часы медленно отсчитывали часы на циферблатѣ, украшенномъ двумя фигурами въ цѣпяхъ. Въ эту-то мрачную ограду спускался, всегда въ одиночку, узникъ, которому позволяли приходить туда на нѣсколько мгновеній созерцать движеніе облаковъ или клочокъ небесной лазури.

Говорять, Калигула наказывалъ своимъ палачамъ: «Нанесите ударъ такъ, чтобы чувствовалось, что умираешь»; въ Бастиліи человекъ чувствовалъ, что онъ умираетъ. Отдушина, пробитая въ стѣнахъ десяти- или двѣнадцати-футовой толщины, пропускала въ большинство камеръ лишь столько свѣта, сколько нужно для того, чтобы сожалѣть объ его отсутствіи. Тамъ были камеры съ желѣзными клѣтками, напоминавшія замокъ Плесси ле Туръ и пытки кардинала де ла Балю. Но ни съ чѣмъ несравнимы были подвальные помѣщенія, страшныя убѣжища жабъ, ящерицъ, чудовищныхъ крысъ и пауковъ²⁾. Изъ этихъ темницъ, вся мебелировка которыхъ состояла изъ огромнаго камня, прикрытаго тонкой постилкой изъ соломы, и которыя были углублены на девятнадцать футовъ ниже уровня двора, многія не имѣли другого отверстія, кромѣ амбразуры, выходив-

¹⁾ *Remarques historiques et anecdotes sur la Bastille*, p. 4.

²⁾ Нужно сказать, что этотъ фактъ, сообщаемый авторомъ книги *Remarques historiques*, отрицается Монжуа и считается сомнительнымъ авторами книги *la Bastille dévoilée*.

шей въ ровъ, куда впадала главная водосточная канава Сентъ-Антуанской улицы ¹⁾). Такимъ образомъ, узникъ, жившій тамъ въ обществѣ отвратительныхъ животныхъ, среди полного мрака, дышалъ, вдобавокъ, зараженнымъ воздухомъ.

Тамъ былъ преданъ мучителямъ Мазеръ де Латюдъ, который искупилъ тридцати-пяти-лѣтнимъ заключеніемъ свое преступленіе, состоявшее въ томъ, что, въ пору своей легкомысленной юности, сдѣлалъ доносъ г-жѣ Помпадуръ о мнимомъ заговорѣ. Кто не знаетъ удивительной исторіи этого узника? Вся Европа знала, какъ послѣ перваго побѣга, успѣхомъ котораго онъ не могъ воспользоваться по винѣ своей слишкомъ большой довѣрчивости, ему удалось сплести изъ нитей, выдернутыхъ изъ рубашекъ и носовыхъ платковъ, веревочную лѣстницу длиной въ 180 французскихъ футовъ; какъ въ темную ночь онъ, въ сопровожденіи своего товарища Алегра, спустился съ высоты башни; какъ, затѣмъ, идя по поясъ въ водѣ и имѣя часовыхъ въ четырехъ туазахъ отъ себя, онъ пробрался за стѣну, отдѣлявшую ровъ Бастиліи отъ рва Сентъ-Антуанскихъ воротъ; какъ, наконецъ, преслѣдуемый за предѣлами Франціи, снова схваченный въ Амстердамѣ, онъ опять потерялъ свою свободу, отвоеванную такой изумительной смѣлостью, настойчивостью, геніальной изобрѣтательностью. Приведенный обратно въ Бастилію, онъ долженъ былъ провести суровую зиму 1757 г. въ темницѣ, закованный въ цѣпи на рукахъ и ногахъ, корчившійся отъ холода, лежа на голой соломѣ. Въ то время, когда онъ спалъ, черезъ двѣ бойницы, шириной въ два съ половиной дюйма, дулъ ему въ лицо ледяный вѣтеръ, почти совершенно лишившій его зрѣнія; морозъ отрѣзалъ у него верхнюю губу, обнаженные зубы потрескались; корни волосъ на его бородѣ были выжжены; онъ совершенно облысѣлъ ²⁾).

Но что значили эти физическія страданія заключенныхъ въ сравненіи съ ихъ нравственными муками, съ той агоніей безъ назначеннаго предѣла, безъ указанной мѣры, подавляющее однообразіе которой ничто не прерывало? Ибо, разъ подъемный мостъ внутренняго двора былъ перейденъ, для арестанта все было кончено. Окутанный зловѣщимъ мракомъ тайны, обреченный на

¹⁾ Linguet, *Mémoires sur la Bastille*, p. 63.

²⁾ Свидѣтельство врача Гранжана въ *Mémoires de Latude*, t. I, p. 106. Paris, 1793.

полное, страшное невѣдѣніе и преступленія, вмѣняемаго ему, и казни, ожидающей его, онъ переставалъ принадлежать землѣ. Нѣтъ болѣе ни семьи, ни друзей, ни отечества, ни любви. Для него съ этой поры весь міръ будетъ заключаться въ свирѣпыхъ тюремщикахъ, которые будутъ приносить ему пищу, или въ такихъ же, какъ онъ, несчастныхъ, о присутствіи которыхъ онъ будетъ догадываться по скрипу дверей, поворачивающихся на своихъ петляхъ, да по стуку засововъ, продолжаемому гулкой пустотой башенъ. Что не имѣло здѣсь отзвука, это — голосъ мольбы; что не отдавалось подъ толстыми сводами, это — звукъ дружескихъ словъ! Случалось, что дѣти носили трауръ по отцѣ, не подозрѣвая, что онъ живетъ надъ ними.

Если бы еще хоть можно было, въ припадкѣ отчаянія, самому свершить свою судьбу и покончить съ собой! Но нѣтъ: жестокая предусмотрительность заранѣе отнимала у арестанта всякое средство къ самоубійству. «Узнику не оставляютъ,—говоритъ Ленге,—ни ножей, ни ножницъ, ни бритвъ. Когда ему подаютъ пищу, которую онъ орошаетъ своими слезами, нужно, чтобы тюремщикъ отрѣзывалъ ему каждый кусокъ»¹⁾. Уморить себя голодомъ—даже и этого невозможно было сдѣлать. Когда Латюдъ оставался сто тридцать три часа безъ ѣды и питья, его палачи открыли ему ротъ ключами и насильно заставили его проглотить пищу²⁾: жизнь каждой жертвы, вѣроятно, считалась собственностью преслѣдователей, ихъ неотъемлемой добычей. Такимъ образомъ, если не избавлялъ капризъ милости, нужно было жить въ вѣчно снѣдающей сердце тоскѣ. Несчастные! они были совершенно вычеркнуты изъ числа людей, такъ что часто угнетаемый продолжалъ взывать о милосердіи, когда угнетатель давно уже лежалъ въ могилѣ. Были между ними такіе, которые, доведенные горемъ до бѣшеннаго безумія, кончали тѣмъ, что оставляли свой прахъ въ Бастиліи, хотя у нихъ не оставалось болѣе никакого врага и они томились въ заточеніи единственно потому, что объ нихъ позабыли... Что дѣлали съ умершими арестантами? Какимъ образомъ, по прекрасному выраженію Ленге, «мстили тѣлу за побѣгъ души?»³⁾. Достоверно только то, что трупъ не отдавали роднымъ. Даже для мертвыхъ была

¹⁾ Linguet, *Mémoires sur la Bastille*, p. 77.

²⁾ *Mémoires de Latude*, p. 107.

³⁾ *Mémoires sur la Bastille*, p. 111.

своя Бастилія, именно кладбище св. Павла, гдѣ такіе покойники зареєстровывались въ книгѣ обозначеніемъ только начальныхъ буквъ имени, какъ бы для того, чтобы обречь жертвы на болѣе глубокое забвеніе, чѣмъ забвеніе могилы¹⁾.

Однако, между обитателями Бастиліи были и такіе, которые не только не были задушены ею, но, напротивъ, прославили ее своими именами. Допускаемымъ по особому благоволенію тюремнаго начальства посѣтителемъ, приходившимъ въ эту проклятую крѣпость искать сюжетовъ для размышленія, воспоминаній, тюремщики могли показывать площадку, служившую мѣстомъ печальныхъ, одинокихъ прогулокъ кардинала де Рогана; темницу, гдѣ, по приказанію Пакье, графу де Лалли затыкали ротъ тряпкой, чтобы заглушить его крики; дверь, черезъ которую, послѣ жестокаго трехлѣтняго заточенія, выпелъ ла Бурдоннэ⁴ реабилитированный, но неутѣшный и умирающій. Въ одной изъ башенъ маршалъ Басомпьеръ долгіе годы искупалъ свою вину, состоявшую въ томъ, что онъ внушалъ опасеніе кардиналу Ришелье. Другая башня приняла въ свои стѣны челоуѣка съ желѣзной маской и скрыла въ нихъ навѣки страшную тайну его судьбы. Двери третьей башни закрылись за Бомономъ, провинившимся тѣмъ, что онъ *зналъ* о святотатственномъ договорѣ, обрекавшемъ народъ на голоданіе. Въ глубинѣ задняго двора, носившаго характерное названіе «*дворъ колодець*», былъ казненъ маршалъ Биронъ, и еще видны были крюки, которыми прикрѣпили къ стѣнѣ его эшафотъ.

Биронъ, Басомпьеръ, Лалли, Роганъ,—подобныя имена ясно говорятъ, какое угрожающее значеніе имѣло существованіе Бастиліи для высшаго класса. Оттого инструкціи дворянскаго сословія требовали ея уничтоженія²⁾. Дѣйствительно, предназначенная спеціально для придворныхъ, для знатныхъ или литераторовъ, Бастилія представляла изъ себя тюрьму аристократическую. Часто выпущенные оттуда на свободу хвастались своимъ пребываніемъ въ ней. Бѣдняки не попадали туда³⁾: ихъ отправляли въ Бисетръ.

14 іюля, на разсвѣтѣ, какой-то незнакомецъ явился къ Безанвалю: «Господинъ баронъ, — сказалъ онъ ему отрывистымъ

¹⁾ *L'Ami du roi* etc., 3-я тетрадь, гл. XLIV стр. 99.

²⁾ См. выше, въ главѣ «Выборное движеніе».

³⁾ *L'Ami du roi* etc., 3 тетр., гл. XLIV стр. 101.

голосомъ:—сегодня будутъ сожжены заставы... Не пытайтесь помѣшать этому. Вы принесете въ жертву людей, не погасивъ свѣточа». У этого незнакомца было благородное лицо, взглядъ, полный огня, и смѣлость въ движеніяхъ. Безанваль растерялся, пролепеталъ какой-то отвѣтъ, не оставшійся у него въ памяти ¹⁾). Незнакомецъ исчезъ. Что было дѣлать? Безанваль стоялъ какъ пригвожденный къ мѣсту. Недавно онъ выстроилъ великолѣпныя бани, сдѣлавшіяся одной изъ достопримѣчательностей столицы, и его единомышленники подозрѣвали, что онъ въ возстаніи Парижа больше всего боялся за возможное разграбленіе его собственнаго дома ²⁾).

Итакъ, весь Парижъ, отъ одного конца до другого, готовился къ бою. «Въ Бастилю!» — таковъ былъ пароль. Не было ни одного человѣка, который бы не имѣлъ на шапкѣ красной съ синимъ кокарды. Изъ Сентъ-Дени убѣжало множество солдатъ, которые присоединились къ группамъ народа, раздавали патроны или учили гражданъ владѣть ружьемъ. Нагруженные мукою телѣги народъ встрѣчалъ полнымъ равнодушіемъ; но извѣстіе о томъ, что наканунѣ возставшимъ удалось захватить судно съ порохомъ ³⁾, вызвало ликованіе толпы. Изъ оконъ домовъ женщины рукоплескали проходившимъ мимо вооруженнымъ гражданамъ ⁴⁾).

Вооружены были еще не всѣ, но всѣ сгорали желаніемъ поскорѣе добыть оружіе. Когда аббатъ Лефевръ, въ два часа утра, велѣлъ замкнуть въ городской думѣ первую дверь порохового магазина, нетерпѣливая толпа выломала ее топорами, и надъ самою головою неустрашимаго священника пролетѣла пуля ⁵⁾. Находившійся въ погребѣ порохъ былъ раздаваемъ рожками, но запасъ его не соотвѣтствовалъ ни количеству прибывшихъ, ни ихъ воинственной алчности, все болѣе и болѣе разгоравшейся, благодаря появлявшимся ежеминутно ложнымъ извѣстіямъ въ такомъ родѣ: «Королевско-нѣмецкій полкъ вступилъ въ битву у Тронной заставы.—Полкъ Ройяль-Краватъ избиваетъ всѣхъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ.—Улица Шароннъ вся залита кровью.—

¹⁾ *Mémoires de Besenval*, t. II, p. 365.

²⁾ *Mémoires de Rivarol*, p. 46.—*Mémoires de Weber*, t. I, p. 373.

³⁾ *La semaine mémorable*, p. 12; 24 juillet 1789.

⁴⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet*.

⁵⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 268.

человѣкъ остались бездыханные лежать въ подземельѣ. Находившихся только въ обморокъ добрые люди отнесли къ собору, положили на траву¹⁾, сами же поспѣшили къ Бастиліи.

Въ то время въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ, въ улицѣ Бушери, былъ ресторанъ Дювала, гдѣ обыкновенно обѣдали главные агитаторы Пале-Рояля. Вдругъ дверь залы, гдѣ были накрыты обѣденные столы, съ шумомъ распахнулась, и въ комнату стремительно вошелъ молодой человѣкъ. Со лба его струился потъ, шляпа у него была надѣта ухарски на-бекрень, одежда изорвана въ клочья. Это былъ, Камилль Демуленъ, вернувшійся изъ Дома Инвалидовъ²⁾. Ударивъ прикладомъ ружья объ полъ, онъ радостно воскликнулъ: «Мы свободны!» и быстро рассказалъ о только что видѣнномъ имъ, послѣ чего все они бѣгутъ къ своимъ пале-рояльскимъ друзьямъ, чтобы побудить ихъ идти на Бастилію.

Комендантъ этой крѣпости уже нѣсколько дней дѣятельно приготавлился къ оборонѣ. Онъ велѣлъ втащить на верхъ башенъ цѣлыя фуры булыжника и приготовить ломы для разрушенія печныхъ трубъ, обломки которыхъ должны были раздавить осаждающихъ³⁾. Кромѣ того, онъ велѣлъ высѣчь въ стѣнѣ полутора-футовые амбразуры, устроить бойницы, заколотить одно окно дубовыми досками съ выемками, достать изъ оружейнаго магазина дюжину маленькихъ ручныхъ пушекъ, которые называли *игрушками графа Саксонскаго*. Пятнадцать пушекъ по краямъ башенъ, три полевые орудія, поставленныя во внутреннемъ дворѣ, противъ входныхъ воротъ, четыреста мушкетовъ, четырнадцать ящиковъ пушечныхъ ядеръ, три тысячи патроновъ⁴⁾, таковъ былъ матеріалъ защиты. Правда, гарнизонъ не имѣлъ достаточнаго запаса ни провіанта, ни воды⁵⁾; но восторжествовалъ ли бы народъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ осада, очевидно, не могла быть продолжительной. Правда также, что гарнизонъ состоялъ всего изъ ста четырнадцати человѣкъ, изъ

¹⁾ *Journée de Jean Baptiste-Humbert.*

²⁾ *L'ami du roi* etc., 3-e cahier, chap. XLIII, p. 93.

³⁾ *Relation de la prise de la Bastille par un de ses défenseurs*, въ *Revue rétrospective*, t. IV, p. 284.

⁴⁾ А не тысяча пять сотъ, какъ утверждаетъ *L'ami du roi*. См. реляцію цитированную выше и составленную швейцарскимъ офицеромъ, который командовалъ дѣятельной частью гарнизона.

⁵⁾ *Тамъ же*, стр. 286.—*L'ami du roi* etc., 3 cahier, t., XLIV, p. 103.

Бастилія еще не была окружена вплотную, когда Белонъ, Вильфодъ и Шатонъ прибыли туда. Оттого они были приняты не только безпрепятственно, но даже очень любезно. Де Лонэ имѣлъ совершенно спокойный видъ. «Хотя заставы сожгли, — сказалъ онъ, — но я надѣюсь, что не придутъ сжигать мои мосты». Онъ собирался сѣсть за столъ, пригласилъ къ обѣду и депутатовъ ратуши, дружески разговаривалъ съ ними, и при нихъ же отдалъ приказаніе отодвинуть пушки отъ бойницъ, что и было немедленно исполнено ¹⁾).

Въ тотъ моментъ, когда посланные постояннаго комитета удалялись, у передняго подъемнаго моста появился одинъ адвокатъ при парижскомъ парламентѣ, пришедшій въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ гражданъ, Тулуза и Бурлье, и потребовалъ коменданта отъ имени округа Сень-Луи де ла Кюльтюръ. Это былъ тотъ самый Тюрьо де ла Розьеръ, который впоследствии, будучи президентомъ конвента, старался заглушить своимъ предсѣдательскимъ звонкомъ голоса побѣжденных въ революціи 9-го термидора и по адресу котораго вырвалось слѣдующее страшное восклицаніе у ихъ вождя: «Въ послѣдній разъ прошу у тебя слова, президентъ убійца!»

Хотя уже началось обложеніе Бастиліи со всѣхъ сторонъ, Тюрьо не встрѣтилъ отказа или колебаній въ пропускѣ. Онъ стучить, и его сейчасъ же впускаютъ ²⁾). Введенный къ коменданту, онъ говоритъ ему: «Я пришелъ отъ имени націи заявить вамъ, что наведенныя пушки на башняхъ вызываютъ тревогу во всемъ Парижѣ. Умоляю васъ, велите снять ихъ оттуда. Эти пушки всегда были на башняхъ, — отвѣтилъ де Лонэ; — я не могу распорядиться о снятіи ихъ иначе, какъ по приказанію короля. Узнавъ о тревогѣ, которую онѣ причиняютъ, я велѣлъ оттащить ихъ и вывести изъ амбразуръ ³⁾). Тюрьо проситъ провести его во *внутренній дворъ*. Де Лонэ отказывается ему, но, по просьбѣ майора де Лома, рѣшается, наконецъ, велѣть поднять второй подъемный мостъ и открыть желѣзную рѣшетку. Внутренній дворъ имѣлъ грозный видъ: защитники Бастиліи стояли тамъ подъ ружьемъ, въ ожиданіи нападенія, и три пушки были

¹⁾ Докладъ Вильфода и Шатона въ *Procès-verbal*, t. I, p. 312.

²⁾ *Récit de la conduite de M. Thuriot de La Rosière pendant sa députation à la Bastille. — Déclaration des assiégés, въ la Bastille dévoilée*, t. I, p. 89.

³⁾ *Déclaration des assiégés, въ la Bastille dévoilée*, t. I, p. 91.

онъ вышелъ изъ крѣпости, тысячи проклятій посыпались на него со всѣхъ сторонъ. Два фузелера, сопровождавшіе его до перваго подъемнаго моста, были уже передъ тѣмъ унесены приливомъ и отливомъ толпы. «Насъ измѣннически обманули!» кричали самые горячіе изъ толпы. Они окружили Тюрбо и, держа топоръ надъ его головою, отвели его обратно въ округъ Сень-Луи ¹⁾).

Осада началась. Толпа была громадная и страшно возбужденная. Круговая дорога, окружающія улицы, дворы, составлявшіе продолженіе казармъ, предмѣстье св. Антонія были переполнены вооруженнымъ народомъ. Грозный крикъ многихъ тысячъ голосовъ: «Хотимъ взять Бастилію!» ²⁾ неся къ небу, сквозь шумъ выстрѣловъ. Но, огражденная двойнымъ рвомъ, Бастилія казалась неприступной. Два отважныхъ гражданина, Даванъ и Дассенъ, спускаются по крышѣ парфюмерной лавки на стѣну, примыкавшую къ гауптвахтѣ, которая помѣщалась за первымъ подъемнымъ мостомъ. Достигнувъ этого зданія, они спрыгиваютъ во дворъ; двое бывшихъ солдатъ, Обенъ Бонмеръ и Луи Турнэ, слѣдуютъ ихъ примѣру, и вчетверомъ они перерубаютъ топоромъ цѣпи, на которыхъ держался мостъ. Послѣдній упалъ съ такой силой, что подпрыгнулъ на нѣсколько футовъ вверхъ. Одинъ человекъ былъ раздавленъ, другой изувѣченъ. Народъ ринулся съ крикомъ торжества. Но осаждающіе проникли еще только въ наружный или *комендантскій* дворъ. Для того, чтобы добраться до Бастиліи, оставалось перейти второй подъемный мостъ. Народъ устремляется къ этому мосту, но, встрѣченный залпомъ изъ мушкетовъ, отступаетъ вдоль аллеи, окрашенной его кровью ³⁾. Замѣшательство было такъ велико, что большинство осаждающихъ не знали, подъ какимъ усиленіемъ порвались цѣпи перваго моста; они думали, что комендантъ самъ приказалъ опустить его, для того, чтобы привлечь толпу въ такое мѣсто, гдѣ легче можно было расправиться съ ней. Это предположеніе вызвало невыразимую вспышку ярости. Въ то время какъ одни выстраиваются вдоль стѣны или подъ воротами, готовые возобновить атаку, другіе бѣгутъ обратно че-

¹⁾ *L'ami du roi* ест., 3-ème cahier, t. XLV, p. 108.

²⁾ *Déclaration des assiégés* въ *la Bastille dévoilée*, t. I, p. 92.

³⁾ *L'ami du roi* говоритъ, что этотъ первый залпъ не убилъ никого, но это не вѣрно, какъ увидимъ ниже.

резъ первый мостъ, чтобы разнести по всему городу страшную вѣсть о совершенной измѣнѣ. Де Лонэ былъ виновенъ въ томъ, что далъ приказъ стрѣлять, но онъ не совершилъ того вѣроломства, которое ему приписывали, и справедливость требуетъ, чтобы это пятно было смыто съ его памяти; однако, легкость, съ которой приняли это ошибочное обвиненіе ¹⁾, показываетъ, на какую низость Парижъ считалъ его способнымъ.

Человѣкъ пятнадцать или двадцать раненныхъ были положены въ различныхъ домахъ улицы Серизе; изъ нихъ выбрали одного, котораго не было никакой возможности спасти, положили на койку и носили умирающаго по городу, для того, чтобы возбудить чувство мести. Это былъ гвардейскій солдатъ. Такое зрѣлище, вмѣстѣ съ распространившимся слухомъ объ измѣнѣ коменданта, сдѣлало то, что и колебавшіеся взяли за оружіе. Одинъ стражникъ податного вѣдомства, котораго по его синему мундиру приняли сначала за унтеръ-офицера гарнизона, пробрался на конѣ до середины Гревской площади и, обратившись къ народу, взволнованнымъ голосомъ кликнулъ кличъ: «Идемъ, друзья, спасать Парижъ!» За нимъ послѣдовали толпой. Съ своей стороны, и французскіе гвардейцы поддались общему увлеченію. Отрядъ гренадеръ изъ роты Рюффевиля, стрѣлки изъ роты Люберсака, быстро двинулись къ Бастиліи, подъ командой сержантовъ Варнье и Ла Барта ²⁾. Рядомъ съ ними шли по тому же направленію двѣ тысячи солдатъ безъ формы, солдатъ минуты, которыхъ велъ въ огонь директоръ королевской прачешной, Гулленъ. Людямъ, провозгласившимъ его своимъ начальникомъ, онъ сказалъ: «Или я приведу васъ домой побѣдителями, или вы принесете меня мертвымъ» ³⁾. Взяли двѣ пушки съ Гревской площади и потащили ихъ къ осажденной Бастиліи.

Въ тотъ моментъ, когда французскіе гвардейцы входили на *комендантскій дворъ*, густое облако дыма заволакивало крѣпость; съ передней гауптвахты, съ казармъ, съ дома коменданта поднимались столбы пламени; передъ вторымъ подъемнымъ мостомъ

¹⁾ Эта ошибка встрѣчается въ большинствѣ реляцій того времени: въ *Révolutions de Paris*, pag M. D..., p. 13; въ «Письмѣ къ маркизу Люше»; въ *Semaine mémorable*, p. 13; въ *Histoire des évènements des mois d'avril etc.*, p. 24; въ *Prise et démolition de la Bastille*, продолж. книги *Remarques et anecdotes*, p. 68; въ *Bastille au diable*, p. 7, и т. д.

²⁾ Le cousin Jacques, *Précis exact de la prise de la Bastille*, p. 2.

³⁾ *L'Ami du roi etc.*, 3-е cahier, t. XLV, p. 111.

горѣли нѣсколько навозныхъ телѣгъ, подожженныхъ Сантеромъ ¹⁾. Но эти горящія телѣги не только не помогли осаждающимъ, а, напротивъ, затрудняли осаду. Нужно было во что бы ни стало прекратить этотъ подвижный пожаръ, а это можно было сдѣлать только съ огромнымъ рискомъ, такъ какъ осажденные устроили на подъемномъ мосту двѣ бойницы, гдѣ были помѣщены двѣ маленькія пушки, заряженныя картечью ²⁾.

Эли, офицеръ нѣхотнаго полка королевы, и одинъ купецъ, по имени Реоль, отважно бросаются впередъ. Два гражданина, имена которыхъ остались неизвѣстными, попробовали присоединиться къ нимъ, но тутъ же пали мертвыми ³⁾. Болѣе счастливые, Эли и Реоль успѣли благополучно убрать горящія телѣги. Тотчасъ же на подъемный мостъ у котораго осаждающіе надѣялись разорвать цѣпи, была наведена пушка. Мрачный энтузіазмъ овладѣлъ нападающими: атака сдѣлалась ожесточенной. Всѣ прилегающія улицы были полны народа. Стрѣляли съ каждой крыши, изъ cadaго окна сосѣднихъ домовъ. Изъ крѣпости было сдѣлано нѣсколько нушечныхъ выстрѣловъ ⁴⁾, одинъ разъ картечью; но пылъ осаждающихъ возрасталъ вмѣстѣ съ опасностью. У подножія крѣпости толпились, соединенные въ одномъ порывѣ, рабочіе, кушцы, солдаты, иногородніе, пріѣхавшіе лишь наканунѣ, священники, женщины. Была ранена одна молодая женщина, которая, не будучи въ состояніи удержать своего жениха, сама пришла сражаться рядомъ съ нимъ ⁵⁾. Одинъ гражданинъ, смертельно раненый, сказалъ, склонивъ голову на руки поддерживавшихъ его: «Я умираю, друзья, но вы боритесь: вы возьмете ее» ⁶⁾. И все время не умолкаетъ крикъ: «Хотимъ взять Бастилію!»

Въ самый разгаръ этого изступленія появился, легко узнаваемый по красотѣ его смуглаго лица и по его высокому росту,

¹⁾ *Vie politique et privée de Santerre*, p. 44.

²⁾ Разсказъ швейцарскаго офицера, по приказу котораго онѣ были тамъ поставлены. См. *Revue rétrospective*, t. IV, p. 289.

³⁾ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. II, p. 24.

⁴⁾ А не одинъ, какъ говорится въ «Декларациі осажденныхъ». См. по этому проекту признаніе швейцарскаго офицера, командовавшаго частью гарнизона, t. IV, стр. 290, *Revue rétrospective*.

⁵⁾ Michel Cubières, *Voyage à la Bastille*, p. 84. См. также Dusaulx *Discours historique*, 1-е partie.

⁶⁾ *Discours historique de Dusaulx*, 1-е partie.

теровъ швейцарцы, занимавшіе *внутренній дворъ*. Тогда негодованіе народа приняло характеръ изступленія. Воображая себя окруженнымъ измѣнниками, онъ одинаково предаетъ проклятію и городскую ратушу и Бастилію. Этисъ де Корни едва не заплатился жизнью; у одного изъ уполномоченныхъ, который старался прикрыть его своимъ тѣломъ, вырвали пистолеты и шпагу ¹⁾). Если нельзя побѣдить, то развѣ нельзя умереть? Всѣ повторяли сказанное кѣмъ-то слово: «Наши трупы наполняютъ рвы» ²⁾).

Тѣмъ временемъ къ подножію крѣпости привели молодую, красивую особу, какъ увѣряли, дочь коменданта. Разъяренная толпа окружаетъ ее съ крикомъ: «Надо сжечь ее живьемъ, если комендантъ не сдастся». Отецъ ея, бывшій въ числѣ осажденныхъ, слышитъ страшную угрозу; онъ видитъ, съ высоты башни, свою дочь, лежащую безъ чувствъ на соломѣ, которую толпа собирается поджечь; охваченный ужасомъ, потерявшій голову, онъ бросается впередъ и падаетъ, сраженный двумя ружейными выстрѣлами... но въ то время, какъ его товарищи хлопчутъ около него, одинъ изъ сражающихся, великодушный Бонмеръ, бросается къ намѣченной жертвѣ, хватается ее въ охапку, уноситъ и, положивъ въ безопасное мѣсто, возвращается на поле битвы ³⁾).

Удастся ли взять Бастилію, или, по крайней мѣрѣ, заставить ее сдаться на капитуляцію? Ничто, повидимому, не предвѣщало такого успѣха. Вынужденные сражаться безъ прикрытія противъ неприступнаго врага, засѣвшаго за толстыми стѣнами; лишенные всякихъ ресурсовъ, которыми осадное искусство подкрѣпляетъ стойкость или отвагу, осаждающіе, кромѣ того, подвергались тысячѣ неблагопріятныхъ случайностей, вслѣдствіе своей неопытности, суетливости, безпорядка. Здѣсь усердно качаютъ насосы въ химерической надеждѣ подмочить порохъ крѣпостныхъ пушекъ, не замѣчая того, что струя воды едва

¹⁾ *Relation exacte de ce qui s'est passé dans la députation en parlementaire à la Bastille*, p. 5. Paris, 15 juillet.

²⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 340.

³⁾ Beaulieu, *Essai historiques*, t. I, p. 330.—Dusaulx, *Oeuvre des sept jours*, p. 296.—Спаситель мидмуазель де Монсини—такъ называлась спасенная имъ дѣвица—былъ торжественно увѣнчанъ въ ратушѣ, 3 февраля 1790 г., въ присутствіи Бальи, рукою самой 1-жи де Монсини.

достигала вершины башенъ, въ видѣ легкаго тумана ¹⁾. Тамъ какого-то бойца одинъ изъ его товарищей тузитъ ружейнымъ прикладомъ, чтобы помѣшать ему поджечь селитряный магазинъ ²⁾. Неустрашимость народа была удивительна, но болѣе блестяща, чѣмъ рѣшительна. Никакого общаго плана атаки, никакого руководительства. Одни только солдаты французской гвардіи соблюдали кое-какую дисциплину; толпа же слѣдовала только внушеніямъ своего мужества. Оттого, послѣ пятичасоваго боя ³⁾, гарнизонъ потерялъ всего только одного изъ своихъ защитниковъ, тогда какъ между нападающими было восемьдесятъ восемь раненыхъ и восемьдесятъ три убитыхъ ⁴⁾.

Но надъ Бастиліей тяготѣла сила высшая, чѣмъ сила армій. Голосъ пушекъ производилъ на де Лонэ подавляющее впечатлѣніе и повергъ его съ высоты гордой самоувѣренности въ состояніе невыразимо мучительнаго безпокойства и колебанія. «Нужно сдаться», говорили ему инвалиды; «нужно сопротивляться», говорили швейцарцы. И онъ, то мрачный, то экзальтированный до бѣшенства, быстро шагая назадъ и впередъ въ сильнѣйшемъ волненіи, или останавливаясь, чтобы прислушаться къ реву толпы, не рѣшался ни упорствовать, ни преклониться ⁵⁾. Сдаться! Но развѣ тамъ внизу нѣтъ никого, ожидающаго добычи? Сопротивляться! Но эти потоки крови? Противъ героевъ, которые безстрашно выставляли свою обнаженную грудь подъ удары его пушекъ, онъ могъ все, можетъ быть: но что могъ онъ противъ труповъ, лежащихъ вокругъ его крѣпости, которые вставали передъ нимъ, какъ кровавые призраки? Между его врагами, эти призраки были самыя непобѣдимые. Единственный выходъ онъ видѣлъ въ смерти, которая такъ мало пугала его въ эту минуту, что онъ дѣйствительно рѣшился покончить съ собою, но не иначе, какъ взорвавъ на воздухъ Бастилію и скрывъ

¹⁾ *Vie politique et privée de Santerre*, p. 40.

²⁾ Имя человека, спасающаго складъ съ селитрой, было Гюмберъ. Онъ самъ разсказалъ объ этомъ фактѣ въ брошюрѣ, озаглавленной *Journée de Jean Baptiste Humbert*, къ которой приложено удостовѣреніе, подписанное четырьмя сражавшимися: Дюкастелемъ, Мальяромъ, Ришаромъ Дюпенъ, Жорже.

³⁾ «Декларация осажденныхъ» въ *Bastille dévoilée*, t. I, p. 113.—*Relation de la prise de la Bastille, par un de ses défenseurs, Revue rétrospective*, t. IV, p. 291.

⁴⁾ Списокъ, составленный коммуной въ началѣ августа 1789 г.

⁵⁾ См. *Relation de la prise de la Bastille, par un de ses défenseurs*, p. 291.

свое самоубійство въ разрушеніи цѣлаго предмѣстья. Полный безграничнаго отчаянія, онъ схватилъ фитиль отъ пушки и подошелъ къ пороховымъ ящикамъ, съ неподвижнымъ взоромъ, съ протянутой рукой... Еще одинъ мигъ—и все погибло бы, если бы два офицера не успѣли во-время подбѣжать къ нему. Они приставили ему штыкъ къ груди и заставили его отступить ¹⁾. На что рѣшиться? Сквозь усилившійся шумъ стрѣльбы поднимался все громче и громче яростный крикъ: «Долой мосты! Долой мосты!» Въ то время какъ инвалиды все настойчивѣе повторяли: «Надо сдать!» все болѣе и болѣе волнуясь, де Лонэ спускается въ залу совѣта и быстро принимается писать ²⁾. Въ эту минуту Луи де Флю, командовавший швейцарцами, открываетъ дверь въ залу. Пушка осаждающихъ угрожала второму подъемному мосту: не командовать ли, чтобы швейцарцы приготовились очистить аллею отъ мятежниковъ? Комендантъ рѣшился ли? Пришли за приказаніемъ къ нему. Въмѣсто отвѣта де Лоне протянулъ офицеру записку, заключающую въ себѣ слѣдующія слова: «У насъ двадцать тысячъ фунтовъ пороху; мы взорвемъ на воздухъ гарнизонъ и весь кварталъ, если вы не примете капитуляціи». Офицеръ швейцарецъ началъ горячо возражать. Зачѣмъ такъ скоро сдаваться? Вѣдь ворота еще цѣлы и крѣпость не потеряла никакого поврежденія. Какъ! гарнизонъ имѣетъ только одного убитаго и двухъ или трехъ раненыхъ и вдругъ ему капитулировать ³⁾. На этотъ разъ де Лонэ былъ непреклоненъ: швейцарскій офицеръ долженъ былъ повиноваться. Онъ отправляется къ подъемному мосту, и въ одно изъ отверстій, сдѣланныхъ по его же недавнему распоряженію, просовываетъ записку—смертный приговоръ Бастилии. Въ то же время извнутри раздаются крики: «Не убивайте насъ! мы согласны сдать!».

Теперь нужно было дастать эту записку, отъ которой нападающіе были отдѣлены широкимъ рвомъ. Приносятъ откуда-то доску, кладутъ ее на паранетъ; нѣсколько человѣкъ становятся

¹⁾ Они назывались Ферранъ и Бекаръ. См. *Déclaration des assiégés*, въ *Bastille dévoilée*, t. I, p. 104.

²⁾ Во всѣхъ релиціяхъ говорится, что капитуляцію писалъ швейцарскій офицеръ; но это опровергается показаніемъ самого этого офицера. См. *Relation de la prise de la Bastille par un de ses défenseurs*, t. IV, p. 290, *Revue étrospective*.

³⁾ *Revue rétrospective*, t. IV, p. 291.

на нее для уравнивошиванія, и какой-то смѣльчакъ идетъ твердымъ шагомъ по этому колеблющемуся мостику. Но въ ту минуту, какъ онъ дошелъ до конца доски и протянулъ руку за бумагой, раздался выстрѣлъ, и несчастный упалъ мертвымъ въ ровъ¹⁾. Мальяръ, шедшій вслѣдъ за нимъ, беретъ записку и передаетъ ее Эли; послѣдній, прочитавъ вслухъ ея содержаніе, прицѣпляетъ ее на конецъ своей шпаги. Французскіе гвардейцы крикнули осажденнымъ: «Честное слово воиновъ, мы не сдѣлаемъ вамъ ничего худого: опустите мосты!»²⁾ Мосты были опущены. Тогда, вслѣдъ за Эли, Гюлленомъ, Арнэ, Мальяромъ, Реолемъ, Франсуа, Турнэ, Гюмберомъ, Луи Мореномъ, народъ ринулся въ крѣпость стремительнымъ потокомъ. Гарнизонъ былъ выстроенъ шпалеромъ на дворѣ: инвалиды на правой сторонѣ, швейцарцы на лѣвой. Всѣ они приставили къ стѣнѣ свои ружья и при видѣ народа, сняли кивера³⁾. Инвалиды сдѣлали еще лучше: они стали аплодировать; но такъ какъ мундиръ бросался въ глаза разъяренной толпѣ, то они подвергались величайшей опасности. Швейцарцы, одѣтые въ полотняные балахоны, были приняты сначала за арестантовъ; поэтому ихъ окружили съ умиленіемъ, трогательно выражая имъ свое сочувствіе, называли ихъ братьями, радостно обнимали⁴⁾. Только одинъ изъ нихъ погибъ, выдавъ себя своимъ страхомъ. Это былъ тотъ самый, который наводилъ маленькія пушки. Онъ уже перешелъ мостъ и достигъ аллеи, какъ вдругъ ударъ сабли раскрылъ ему черепъ и уложилъ его среди лужъ пролитой имъ крови.

Одѣтый въ свѣтло-сѣрый фракъ, съ обнаженной головой, опершись рукою о палку съ золотымъ набалдашникомъ, скрывавшую внутри кинжалъ, комендантъ молча ждалъ своей участи. Одинъ купецъ изъ улицы Нойе Сенъ-Жакъ, по имени Шола, узнаетъ его и арестуетъ⁵⁾. Комендантъ хотѣлъ заколотъ себя, но его удержали и увели. Не знали, что онъ уже своими душевными муками искупилъ свою вину передъ народомъ! Былъ задержанъ также Мирэ, секундъ-майоръ, служившій пресжде во французской гвардіи. Чувствуя себя на краю гибели, онъ за-

¹⁾ *Journée de Jean Baptiste Humbert*, p. 12.

²⁾ *Declaration des assiégés въ la Bastille dévoilée*, t. I, p. 107.—*Hist. de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. I, p. 31.

³⁾ *L'Ami du roi etc.*, 3-e cahier, ch. XLV, p. 115.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *La Bastille dévoilée*, t. I, p. 117.

кричалъ глухимъ голосомъ: «Товарищи, ко мнѣ! неужели вы дадите такъ позорно погибнуть честному человѣку?» Гвардейцы прибѣжали, и пятеро изъ нихъ предложили свои услуги отвести его домой¹⁾, охраняя его своимъ мундиромъ, любимымъ народомъ. Что касается поручика дю Пюже, то онъ догадался вывернуть на изнанку свой мундиръ²⁾; вооруженный большой палкой, съ растрепанными волосами, онъ затерялся въ толпѣ и скрылся.

Беспорядокъ былъ невообразимый. Всѣ лица были одушевлены лихорадочнымъ любопытствомъ, изъ всѣхъ устъ слышался одинъ вопросъ: «Гдѣ жертвы? Теперь онѣ свободны». Одни углубляются подъ своды, заглядываютъ во всѣ таинственные закоулки крѣпости, ломятся въ двери казематовъ; другіе взбѣгаютъ на башни—надругаться надъ пушками³⁾.

Одинъ солдатъ, стремительно спускаясь съ площадки, гдѣ его позабыли, встрѣчаетъ на темной лѣстницѣ неустрашимого Луи Морена. вмѣсто того, чтобы попытаться убѣждать, онъ съ плачемъ бросается ему на шею: «Ахъ, братъ! сжался надъ нѣсколькими бѣдными солдатами, которые принуждены были повиноваться; поклянись, что попросишь помиловать ихъ». «Клянусь», отвѣчалъ молодой человѣкъ и сдержалъ свое слово⁴⁾. Но на ряду съ трогательными эпизодами были и печальныя ошибки, гибельныя случайности. Одинъ десятилѣтній мальчикъ, взобравшись на вершину башни, былъ убитъ наповаль пулей, пущенной изъ Сентъ-Антуанской улицы⁵⁾. На офицера Бекаръ, того самаго, который помѣшалъ коменданту взорвать Бастилію, кто-то указалъ какъ на одного изъ тюремныхъ ключниковъ; ударомъ сабли ему отрубили кисть руки и эту руку, только что спасающую Сентъ-Антуанское предмѣстье, торжественно носили на-показъ по всему Парижу⁶⁾. Бекаръ не сражался; однако его убили, и эта роковая ошибка была открыта только тогда, когда уже поздно было ее исправить. Оттого смерть его была оплакиваема въ особенности побѣдителями, и имя его соединялось, въ изъявленіяхъ общественной признательности, съ именами мучениковъ того дня.

¹⁾ *L'ami du roi* etc., 3-e cahier, chap. XLVI, p. 118.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Discours historique* de Dusaulx, I partie, p. 343.

⁴⁾ *Le cousin Jacques*, p. 77.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 73.

⁶⁾ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. II, p. 33.

Между тѣмъ двери темницъ раскрылись подѣ единодушнымъ напоромъ, и арестанты выпущены на волю. Увы! для трехъ изъ нихъ освобожденіе наступило слишкомъ поздно! Жертва необъяснимой мести своего неумолимаго отца, первый узникъ, графъ де-Солажъ, просидѣвшій въ Бастиліи семь лѣтъ, не нашелъ уже ни родныхъ, которые согласились бы признать его, ни своихъ имѣній, сдѣлавшихся добычей жадныхъ родственниковъ по боковой линіи¹⁾. Фамилія второго была Витъ или Уайтъ (Whyte). Какое преступленіе онъ совершилъ, въ чемъ обвинялся, или по крайней мѣрѣ подозрѣвался?—такъ и осталось навсегда неизвѣстнымъ. Самого его спрашивали объ этомъ, но безуспѣшно: въ Бастиліи онъ лишился разсудка. Третій, Тавернье, при видѣ своихъ спасителей, подумалъ, что это идутъ палачи, и сталъ въ оборонительное положеніе²⁾: дружелюбныя объятія пришедшихъ разубѣдили его; но на другой день его встрѣчали по городу и произносящимъ безсвязныя слова: онъ сошелъ съ ума.

Ни одинъ уголокъ Бастиліи не ускользнулъ отъ ревностныхъ изслѣдованій толпы. Крѣпость зондировали до самыхъ темныхъ ея глубинъ, и вынесли оттуда страшные трофеи: цѣпи, сковывавшія руки многихъ, быть можетъ, невинно пострадавшихъ людей; оружія странной формы; машины, назначенія которыхъ никто не могъ угадать; старый желѣзный корсетъ, изобрѣтенный, повидимому, для того, чтобы можно было выпрямить человѣка во всѣхъ его сочлененіяхъ и обречь его такимъ образомъ на вѣчную неподвижность³⁾; картину, украшавшую часовню Бастиліи и изображавшую св. Петра въ оковахъ⁴⁾. Очевидно, хотѣли, чтобы образъ неволи преслѣдовалъ заключенныхъ даже у подножія алтаря!

Въ залѣ совѣта нашли архивы Бастиліи; но народная ярость частью разбросала, частью совѣтъ уничтожила хранившіяся тамъ бумаги⁵⁾. Однако, нѣкоторые документы, отмѣченные траурною печатью, сохранились для суда исторіи, какъ, на примѣръ, письмо Латюда къ г-жѣ Помпадуръ,—письмо, надрывающее душу, въ которомъ, между прочимъ, есть такая фраза: «24 числа этого мѣсяца (сентябрь 1760 года) въ четыре часа пополудни,

¹⁾ *Vie politique et privée de Santerre*, p. 44.

²⁾ *La Bastille dévoilée*, 2-ème livraison.

³⁾ *Discours historique* de Dusaulx, p. 346.

⁴⁾ Эта картина 15-го іюля была передана собранію избирателей.

⁵⁾ *Vie politique et privée de Santerre*, p. 46.

будетъ ровно сто тысячъ часовъ, какъ я страдаю». Несчастному, когда онъ писалъ эти строки, предстояло насчитать еще двѣсти тысячъ такихъ же мучительныхъ часовъ!

Въ этотъ моментъ, когда побѣдители выходили изъ Бастиліи, они замѣтили женщину, наклонившуюся надъ полемъ битвы и разыскивавшую между трупами знакомое лицо. Оказалось, что сынъ этой женщины исчезъ нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ материнскаго дома, велъ безпутную жизнь, и вотъ несчастная мать льстила себя надеждой, что по крайней мѣрѣ онъ искупилъ свои грѣхи смертью. Обреченная оплакивать его живого, она хотѣла бы оплакивать его какъ мученика. Не найдя его въ числѣ убитыхъ, она удалилась, глубоко разочарованная¹⁾.

Было рѣшено отвести коменданта въ городскую ратушу. Шествіе открывалъ Эли, неся на концѣ шпаги капитуляцію; за нимъ слѣдовали Легри и Мальяръ; затѣмъ—комендантъ, котораго прикрывали собою, словно щитомъ, Гюлленъ и Арнэ; затѣмъ—Лепинъ, молодой прокурорскій клеркъ, полный мужества и преданности²⁾. Шествіе это походило на триумфъ, но триумфъ, наполовину облеченный въ казнь. Мемуары Ленгэ создали коменданту очень дурную славу: когда онъ проходилъ, народу казалось, что онъ видитъ проходящую Бастилію. Теперь пришла его очередь, говорили въ толпѣ, стонать и дрожать отъ страха! Онъ злоупотреблялъ силой,—пусть теперь испытаетъ ее на себѣ! Просили сжалиться надъ нимъ! Но развѣ онъ жалѣлъ несчастныхъ узниковъ, когда сдавалъ въ наемъ садикъ, предназначенный для ихъ прогулокъ, когда, по своей жадности, отнималъ у нихъ тотъ единственный часъ, который они могли проводить на свѣжемъ воздухѣ и солнцѣ? Къ дѣйствию этихъ рѣчей прибавлялось еще озлобленіе противъ него за недавнюю измѣну, въ которой его считали виновнымъ, и увѣренность, что если онъ избѣгнетъ народнаго мщенія, то останется безнаказаннымъ. Оттого, по мѣрѣ приближенія къ думѣ, оскорбленія, грубая брань, угрозы, все больше и больше сыпались на его голову. Нѣкоторые вырывали у него клоки волосъ на головѣ; другіе угрожающе подносили ему шпагу къ лицу³⁾. Такъ дошли до Гревской площади. Здѣсь гнѣвные крики усиливаются, кортежъ

1) *Le voyage à la Bastille*, par Michel Cubières, p. 34.

2) *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. II, p. 35.

3) *Ibidem*, p. 36.

группа вооруженныхъ людей, узнала его и убила ¹⁾. Но особенно достойна сожалѣнія смерть майора де Ломъ, утѣшителя арестантовъ, ихъ опоры, ихъ ангела-хранителя. Толпа, которая, къ несчастію, знала о немъ только то, что онъ офицеръ, окружила его недалеко отъ арки Сень-Жанъ. Бывшій бастильскій узникъ, по имени Пельпоръ, увидя эту сцену, бросается къ толпѣ съ крикомъ: «Остановитесь! это мой благодѣтель». Но никто не слушаетъ его. Онъ выхватываетъ у одного изъ нападавшихъ оружіе, и то нанося имъ удары направо и налево, то осыпая проклятіями разъяренную толпу, старается привлечь на себя ярость убійць, чтобы отклонить ее отъ своего друга. «Влагодородный молодой человекъ,—сказалъ ему несчастный майоръ:— что вы дѣлаете? Вы пожертвуете собою, а меня не спасете». Де Ломъ дѣйствительно былъ убитъ ²⁾, а его самоотверженнаго защитника подняли окровавленнаго на ступеняхъ ратуши ³⁾.

Тѣла де Лома, Мирэ, Персона были перенесены въ моргъ, а трупъ де Лонэ не былъ найденъ. Только полгода спустя какой-то солдатъ принесъ семейству коменданта его драгоценныя вещи и часы, на которыхъ висѣла печать съ его гербомъ, не объяснивъ, какимъ образомъ эти вещи попали къ нему ⁴⁾.

Что же происходило за все это время въ ратушѣ, куда собирались вступить побѣдители? Постоянный комитетъ съ самаго утра того дня возбуждалъ противъ себя подозрѣніе и вызывалъ угрозы. Отказъ его декретировать взятіе Бастиліи былъ вмѣняемъ ему въ измѣну. Толпа, потоки которой, безпрестанно обновлявшіеся, наводняли большую залу и, казалось, приносили туда шумъ бури, толпа удивлялась и возмущалась, находя закрытыми передъ нею двери отдѣльной комнаты, гдѣ заперся постоянный комитетъ. Что они тамъ умышляютъ, эти невидимые повелители, управляющіе на манеръ заговорщиковъ? Къ чему такая таинственность. Пусть придутъ совѣщаться въ большую залу, въ присутствіи народа! Ежеминутно приводили задерживаемыхъ курьеровъ. Избиратель Бушеронъ потребовалъ, чтобы пакеты были вскрыты: въ нихъ оказались два письма, которыя тутъ же были прочитаны во всеуслышаніе.

¹⁾ *L'ami du roi* etc., 3-e cahier, chap. XLVI, p. 118.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Ibid.* и p. 119.—Michel Cubières, *Voyage à la Bastille* (récit du chevalier de Manville), p. 32 и 33.

⁴⁾ *Biographie universelle*, article de Launey, rédigé d'après les renseignements du comte d'Agay, un des gendres de M. de Launey.

Пока Флеселю смерть не глядѣла прямо въ глаза, онъ оставался спокойнымъ, улыбающимся и даже повелительнымъ. На неожиданный вопросъ одного изъ избирателей, по имени Франкотэ, почему онъ такъ упорно отказывается раздать гражданамъ порохъ и оружіе, Флесель, имѣлъ смѣлость рѣзко отвѣтить: «Молчите!»¹⁾ Но когда онъ увидѣлъ появившійся въ нѣкоторомъ родѣ призракъ коменданта, его обуялъ страхъ. Въ поднявшемся кругомъ ропотѣ слышались слова: «Измѣна, безчестные маневры!» Въ сильномъ смущеніи, онъ всталъ и, проговоривъ: «Такъ какъ я кажусь подозрительнымъ моимъ согражданамъ, то мнѣ необходимо удалиться», хотѣлъ сойти съ эстрады; но окружающіе удержали его. Тогда одинъ избиратель, по имени Делапуазъ, угрожающимъ голосомъ сказалъ ему: «Милостивый государь, вы понесете отвѣтственность за тѣ несчастія, которыя произойдутъ по вашей винѣ. Вы не дали еще ключей отъ городского склада, гдѣ хранятся оружіе и пушки». Флесель, не отвѣчая ни слова, вынулъ ключи изъ кармана и передалъ ихъ избирателю²⁾. Что старшина купечества былъ страшно испуганъ—объ этомъ свидѣтельствовала блѣдность его лица; но, кромѣ того, онъ былъ видимо чѣмъ-то сильно озабоченъ. Мы уже цитировали отрывокъ изъ письма, приписываемаго барону Безанваль и адресованнаго графинѣ Подиньякъ; въ этомъ письмѣ была еще слѣдующая фраза: «Мнѣ удалось добыть тайнымъ образомъ нѣкоторыя важныя бумаги. Я могъ бы спасти ему жизнь, но тогда скомпрометировалъ бы Ирлу (королеву) и потому предпочелъ принести его въ жертву»³⁾. Были ли у Флеселя дѣйствительно бумаги, могущія скомпрометировать высокопоставленныя особы? Боялся ли онъ обыска въ своей квартирѣ? Достоверно то, что, когда зашла рѣчь объ отводѣ его въ Пале-Рояль, лицо его сейчасъ же прояснилось⁴⁾. «Хорошо, господа,—сказалъ онъ съ живостью, — пойдемте въ Пале-Рояль», и, не ожидая возвращенія аббата Фоше, ушедшаго успокоить округъ Сень-Рошъ, исходный пунктъ обвиненія, Флесель сошелъ съ эстрады. Слѣдуетъ замѣтить, что во время прохода его черезъ залу народъ не сдѣ-

¹⁾ *Mémoires tirés des archives de la police*, t. IV, chap. LVII, p. 111.

²⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 360 et 364.

³⁾ *Ibidem*, p. 360 et 361.

⁴⁾ «Мемуары, извлеченные изъ полицейскихъ архивовъ», т. IV, стр. 114.—

Авторъ былъ очевидцемъ, да и рассказъ его почти совершенно согласуется съ изложеннымъ въ *Procès-verbal*.

Бастилии были тутъ же, блѣдные, молчаливые, ожидавшіе рокового приговора... Вдругъ Эли обращается къ нимъ со словами: «Присягните на вѣрность націи!» Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднявъ вверхъ руку, они приносятъ гражданскую присягу; ихъ обнимаютъ, со слезами радости: они спасены ¹⁾!

Приведенные въ Пале-Рояль швейцарцы нашли тамъ, вмѣсто неумолимыхъ враговъ, защитниковъ, столь же горячихъ, какъ и остроумныхъ. Ихъ выдали, передъ собравшимся въ саду народомъ, за узниковъ, вырванныхъ изъ казематовъ Бастилии, за солдатъ, которые отказались стрѣлять въ своихъ согражданъ и были жестоко наказаны за это патріотическое непослушаніе ²⁾. Тотчасъ же послали сдѣлать добровольный сборъ пожертвованій въ ихъ пользу ³⁾, и толпа окружила ихъ съ изліяніями братскихъ чувствъ.

Между тѣмъ ночь спустилась надъ городомъ, не принеся однако обычнаго успокоенія. Счастливый законъ судьбы! Потому что въ такія минуты сонъ Парижа былъ бы сномъ самой революціи. Какіе-то таинственные эмиссары обходили различные кварталы, повсюду распространяя тревожные слухи. По ихъ словамъ, Парижъ собираются бомбардировать; на Монмартрскомъ холмѣ, будто бы, видѣли пушки, бомбы, жаровни для накаливанія ядеръ; называли по именамъ начальниковъ, якобы участвующихъ въ осуществленіи этого гнуснаго предпріятія: принцъ Конде, маршалъ Брольи, Безанваль, князь Ламбекъ, князь Нарбонъ-Фритцаръ, баронъ Салькенаймъ ⁴⁾. Затѣмъ, какъ въ вечеръ, предшествовавшій Варооломеевской ночи, какіе-то неизвѣстные люди ходили по городу и чертили на дверяхъ обывательскихъ домовъ гдѣ кругъ, гдѣ крестъ ⁵⁾. Такъ какъ всѣ окна были снабжены лампіонами, то самозванные караульные, стоявшіе на углу каждой улицы, кричали, съ выраженіемъ язвительной ироніи: «Присматривайте за вашими лампіонами! намъ нужно, чтобы было очень свѣтло этой ночью ⁶⁾». На набережной Пельтье, комедіантъ Граммонъ, взобравшись на тумбу, говорилъ прохожимъ: «Подъ Парижемъ есть каменоломни.

¹⁾ *Discours historique de Dusaulx*, p. 371 et 372.

²⁾ *Relation de la prise de la Bastille par unde ses défenseurs*, p. 293.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet*.

⁵⁾ *L'ami du roi etc.*, 3-e cahier, chap. XLVIII, p. 142.

⁶⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet*.

Берегитесь пороха! Осмотрите подземелья! Но настоящимъ героемъ этой свирѣпой бдительности былъ Маратъ. Ему пріятно было видѣть столицу въ такомъ тревожномъ, полномъ недо-вѣрія, настроеніи, и его революціонная роль началась проявленіемъ подозрительности. Когда отрядъ гусаръ подошелъ къ Новому мосту и офицеръ заявилъ, что онъ идетъ брататься съ народомъ, Маратъ рѣзко сказалъ ему: «Если это правда, отдайте намъ ваше оружіе». Офицеръ отказался. Ставъ тогда во главѣ толпы, которую воспламенили его рѣчи, онъ заставилъ гусаръ слѣдовать за нимъ въ ратушу, откуда ихъ отослали подѣ конвоемъ ¹⁾.

Все содѣйствовало тому, чтобы поддерживать и усиливать, среди гражданъ, тревогу, энтузіазмъ, мужество, ярость. А до какого изтупленія дошла бы народная злоба, еслибы знали, что въ эти тяжелые часы дворъ, предвкушая радости своего близкаго торжества, предавался забавамъ; что въ присутствіи и при аплодисментахъ королевы, графа д'Артуа, Полиньяковъ въ Версалѣ, въ Оранжереѣ, праздновали одержанную надъ отечествомъ побѣду; что тамъ происходили танцы и пѣніе и въ изобиліи раздавалось вино чужестраннымъ солдатамъ ²⁾; что тамъ, наконецъ, въ безчеловѣчномъ нахальствѣ, сравнивались съ тѣми римскими императорами, которые въ числѣ своихъ удовольствій считали бѣдствія Рима!

Вотъ чего еще не знали въ Парижѣ; но высокомеріе царедворцевъ было слишкомъ хорошо извѣстно. И поэтому, не теряя времени, принялись за изготовленіе пикъ и за отливку пуль. Какъ въ лагерѣ, были установлены пароли: въ предмѣстьѣ Сень-Марсо—*Libertas* (свобода); въ другихъ мѣстахъ—*Вашингтонъ*. Чтобы задержать кавалерію, передъ заставами вырыты были ямы въ четыре фута глубины. Чтобы раздавить нападающихъ, на крыши домовъ взгромоздили не только кучи булыжника съ мостовой, но также дорогую мебель, статуи, бронзовыя украшенія, даже книги ³⁾. Дѣти помогали строить баррикады женщины принимали горячее участіе въ приготовленіяхъ къ вооруженной борьбѣ. Многіе милліоны людей, были воздущены страстнымъ желаніемъ свободы. Исторія никогда не предста-

¹⁾ *Ami du roi* etc., 3-е cahier, XLVIII, p. 141.

²⁾ См. «*Мемуары Феррьера*», писателя роялистскаго, т. I, стр. 132.

³⁾ «Мои женщины и дѣти перетаскивали мою бібліотеку на крышу», и т. д. *Le cousin Jacques*, p. 97.

вляла болѣе бурнаго зрѣлища! Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ, революція проявила свою силу, и тѣ, которыхъ она вдохновляла, могли уже теперь сказать это великое слово, которое произнесъ одинъ представитель народа, позднѣе, въ самое бурное время: «Престолъ Божій—и тотъ пошатнулся бы, если бы наши декреты дошли до него».

ГЛАВА XII.

Людовикъ XVI король буржуазіи.

Ночь 14 іюля 1789 г. въ Версалѣ.—Засѣданіе 15 іюля.—Секретныя постановленія Собранія.—Сцены на мраморномъ дворѣ.—Видъ вооруженнаго Парижа.—Поѣздка Людовика XVI въ Парижъ.—Виды главныхъ вождей буржуазіи.—Марія-Антуанета, оставшаяся въ Версалѣ.—Людовикъ XVI въ большомъ залѣ городской думы; онъ коронуется королемъ буржуазіи.—Истинный характеръ дня 17 іюля 1789 г.

Въ Версалѣ вечеръ 14 іюля 1789 г. былъ очень тревожный. Вѣсти, пока смутныя, но оттого еще болѣе страшныя, повергли въ уныніе представителей буржуазіи, которые, боясь двора, боясь народа, считали себя накануне непоправимой катастрофы. Они знали, что лейбъ-гвардейцы уже нѣсколько дней не разувались, и что царедворцамъ удалось, наконецъ толкнуть слабохарактернаго короля на скользкій путь насильственныхъ мѣръ; они слышали въ этотъ самый день варварское пѣніе, доносившееся съ террасы Оранжереи. Съ другой стороны, что можно было вообразить болѣе грозное, чѣмъ отчаяніе возставшаго Парижа? Послышалась пушечная пальба вдали; приложивъ ухо къ землѣ, стали прислушиваться. Вдругъ появляется виконтъ де Ноайль, только что пріѣхавшій изъ Парижа. Всѣ встаютъ, стараясь не проронить ни слова. Взволнованный до глубины души, онъ рассказываетъ, что столица вооружилась, что Домъ Инвалидовъ подвергся нападенію, что благородныя фамиліи превращаютъ въ крѣпости свои дома, что народъ окружилъ Бастилію, что Бастилія взята ¹⁾). Прекративъ сейчасъ же всякія

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 14 іюля, въ пять часовъ вечера.

пренія, Собрание рѣшило отправить депутацію къ королю ¹⁾: буржуазія всегда пряталась за королевскую власть, когда народъ бушевалъ.

Людовикъ XVI принялъ депутацію въ приемной залѣ, смежной съ его кабинетомъ. Было около девяти часовъ вечера. Такъ какъ архіепископъ вѣнскій не могъ читать при свѣчахъ, то адресъ Національнаго Собранія прочелъ графъ Клермонъ Тоннеръ. Во время этого чтенія король пристально смотрѣлъ на Мирабо ²⁾. Всѣ министры были на лицо. Когда Клермонъ Тоннеръ окончилъ чтеніе, Людовикъ XVI холодно отвѣтилъ, что онъ готовъ исполнить желаніе жителей Парижа, прибавивъ, что обсудитъ это дѣло со своимъ совѣтомъ, и ушелъ въ свой кабинетъ. Не плотно прикрывавшія занавѣсы позволяли депутатамъ, сквозь большія богемскія стекла оконъ, видѣть пантомиму принцевъ и министровъ: игра фizioномій, какъ имъ покалось, выдавала злобѣщія намѣренія ³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ получасоваго ожиданія, депутаты получили отъ короля лишь двусмысленное увѣреніе въ участіи, которое онъ принимаетъ въ тревогахъ Собранія. «Узнавъ о сформированіи гражданской гвардіи,—сказалъ онъ,—я далъ приказъ генераламъ стать во главѣ этой гвардіи, чтобѣ помогать своею опытностью и поощрять рвеніе добрыхъ гражданъ; я приказалъ также, чтобы войско, стоящее на Марсовомъ полѣ, удалилось изъ Парижа ⁴⁾.

Подобныя слова не могли успокоить умы. Кромѣ того, явившіеся, въ промежуткѣ, двое посланныхъ отъ городской ратуши, Банкаль-Дезиссаръ и Ганиль, еще больше напугали Собрание, рассказавъ о несчастіяхъ, происшедшихъ въ окрестностяхъ Бастиліи, о бесполезности переговоровъ, о смерти многихъ гражданъ, убитыхъ выстрѣлами изъ крѣпости, о требованіи толпы декретировать осаду ⁵⁾: было рѣшено послать вторую депутацію.

¹⁾ *Le Point du jour*, № 25, p. 200.

²⁾ *Mémoires de Barère*, publiés par Hippolyte Carnot et David (d'Angers), p. 222. Bruxelles, 1842.

³⁾ *Ibid.*, p. 222.

⁴⁾ *Девятнадцатое письмо графа Мирабо къ своимъ доверителямъ.*

⁵⁾ *Moniteur*, вечернее засѣданіе 14-го іюля.

Людовикъ XVI отвѣтилъ: «Вы все болѣе и болѣе надрываете мнѣ душу своими разказами о несчастіяхъ Парижа. Нельзя думать, чтобы мой приказъ войскамъ былъ причиною этихъ бѣдствій. Я ничего не могу измѣнить въ данномъ уже мною вамъ отвѣтѣ ¹⁾».

Невозможно описать огорченіе и ужасъ Собранія, особенно послѣ того, какъ пріѣхавшій изъ Парижа баронъ Вимпфенъ сказалъ, что онъ видѣлъ на Гревской площади трупъ обезглавленнаго человѣка ²⁾, какъ увѣряли, коменданта Бастиліи! Какой удивительный контрастъ! въ то время, какъ парижскій народъ праздновалъ свою побѣду иллюминаціей ³⁾, представители буржуазіи въ Версалѣ пребывали въ самомъ грустномъ настроеніи ⁴⁾. Они не могли подумать о взятой Бастиліи безъ того, чтобы не представлять себѣ горящія заставы, потоки крови, заливающіе мостовую Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, войска, расположившіяся лагеремъ подъ деревьями Елисейскихъ полей, раздраженный народъ, бѣгущій черезъ объятый пламенемъ Парижъ. До сихъ поръ самымъ страшнымъ ихъ противникомъ былъ дворъ, теперь же больше всего ихъ пугалъ народъ: они направили свои опасенія въ другую сторону. Не переставая обращать взоры къ королевской власти, они рѣшили было послать во дворецъ третью депутацію; тогда-то Клермонъ Тоннеръ сказалъ знаменитыя слова: «Нѣтъ, оставимъ имъ ночь для размышленія; надо, чтобы короли, какъ и другіе люди, пріобрѣтали опытъ не даромъ».

Впрочемъ, планы правительства оставались тайной только наполовину. Въ то время, какъ, волнуемый сильнымъ безпокойствомъ, народъ въ молчаніи окружалъ залу генеральныхъ штатовъ, плацпарадъ и дворы замка наполнялись эскадронами гусаръ, угрожающее положеніе которыхъ заставляло опасаться насильственныхъ мѣръ и проскрипцій. Такъ какъ засѣданіе должно было продолжаться всю ночь, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Лафайэта, то нѣкоторые старики, не выдержавъ усталости, разостлали ковры на столахъ и легли на ча-

¹⁾ Тамъ же. — *Девятнадцатое письмо графа Мурабо къ своимъ товарищамъ.*

²⁾ *Moniteur*, засѣданіе 14 іюля.

³⁾ *Prud'homme, Revolutions de Paris*, № 1, p. 19.

⁴⁾ «*Разсвѣтъ*», № 25.

сокъ отдохнуть ¹⁾; но большинство членовъ, хотя тоже сильно утомленные, бодрствовали, въ тревожномъ ожиданіи, что скажетъ завтрашній день.

Людовикъ XVI заснулъ. Каковы были его сновѣднія? Дворъ хотя и былъ хорошо освѣдомленъ обо всемъ, позаботился однако опровергнуть извѣстія, принесенныя королю депутаціями Собранія ²⁾, и Людовикъ XVI удалился въ свои апартаменты, ничего не зная. Но герцогъ де Ліанкуръ, имѣвшій по своей должности право входить къ монарху во всякій часъ, разбудилъ его, чтобы сообщить ему о событіяхъ того дня. Извѣстны первыя слова, которыми они обмѣнялись «Это бунтъ?» «Нѣтъ, ваше величество, это революція». Какъ искренній другъ, герцогъ де-Ліанкуръ нарисовалъ Людовику XVI опасности, грозящія ему и его, семейству; онъ говорилъ королю о сомнительной вѣрности войскъ, объ огромномъ прогрессѣ общественнаго мнѣнія, о необходимости сдѣлать шагъ навстрѣчу націи. Въ эту минуту вошли братья короля. Подойдя къ графу д'Артуа, герцогъ сказалъ ему: «Принцъ, ваша голова въ опасности; я сегодня читалъ объявленіе объ осужденіи васъ на смерть» ³⁾. Графы д'Артуа и Прованскій присоединили свои настоянія къ увѣщаніямъ герцога де Ліанкура, и Людовикъ XVI обѣщалъ отправиться въ Собраніе.

Засѣданіе, вновь открытое съ восьми часовъ утра, нашло своихъ членовъ одушевленными однимъ желаніемъ—сговориться съ королемъ. Кюстинъ, Сильери, Пизонъ дю Галанъ, де-Маргеритъ читали проекты адреса, произносили рѣчи, гдѣ разнообразно выражалось чувство преданности, съ которымъ средній классъ связывалъ, въ ту эпоху, какъ и нынѣ, плохо скрываемую надежду достигнуть господства; такъ, на примѣръ, въ одномъ проектѣ (въ проектѣ Сильери) была слѣдующая замѣчательная фраза: «Французы обожаютъ своего короля, при условіи, чтобы не было причины бояться его». Такимъ образомъ тронъ былъ уже для третьяго сословія не болѣе, какъ покровъ, и монархія—не болѣе, какъ щитъ. Любопытенъ фактъ, о которомъ стоитъ упомянуть: Балли по секрету просили сочинить

¹⁾ *Девятнадцатое письмо графа Мирабо къ своимъ доверителямъ.*

²⁾ Вторая депутація представила королю протоколъ осады Бастиліи. *Mémoires de Ferrières.*

³⁾ *Ibid.* t. I, p. 133.

рѣчь, которую Собрание желало бы услышать изъ устъ Людовика XVI. Балли не отказался отъ этой чести, довольно странной въ данномъ случаѣ; онъ приготовилъ королевскую рѣчь, но его трудъ не былъ принятъ ¹⁾.

Было рѣшено, что третья депутація пойдетъ къ Людовику XVI ходатайствовать объ удаленіи войскъ и объ отставкѣ министровъ. Встаютъ Мирабо и, вдохновляемый демономъ своего краснорѣчія, диктуетъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ рѣчь, которую должно держать къ королю ²⁾:

«Скажите ему, что иностранныя орды, которыми мы окружены, словно осажденные, удостоились вчера визита принцевъ, принцессъ, фаворитовъ и фаворитокъ, и принимали ихъ увѣщанія, ихъ ласки, ихъ подарки; скажите ему, что всю ночь эти иноземные тѣлохранители, пресыщенные золотомъ и виномъ, предсказывали въ своихъ нечестивыхъ пѣсняхъ поработеніе Франціи и зывали объ уничтоженіи Національнаго Собранія; скажите ему, что въ самомъ его дворцѣ придворные его танцевали подъ звуки этой варварской музыки, и что такова была прелюдія Варооломеевской ночи; скажите ему, что тотъ Генрихъ, память котораго благословляетъ весь міръ, тотъ изъ его предковъ, котораго онъ хотѣлъ взять себѣ за образецъ, велѣлъ пропускать жизненные припасы въ возмущившійся въ Парижъ, который онъ лично осаждалъ, а что теперь жестокосердные королевскіе совѣтники возвращаютъ съ дороги муку, которую хлѣботорговцы везутъ въ вѣрный и голодающій Парижъ».

Депутація собиралась уже идти во дворецъ, когда появился герцогъ де Лянкуръ и объявилъ, что его величество сейчасъ придетъ въ Собрание. Возникъ вопросъ: какъ встрѣтить короля? Слѣдуетъ ли привѣтствовать его радостными кликами, не зная еще, каковы его истинныя чувства... когда кровь льется въ Парижъ? Предпочли встрѣтить съ его достоинствомъ молчанія.

Въ тотъ моментъ, когда епископъ шартрскій ³⁾ произносилъ пришедшее ему на память изреченіе епископа сенезскаго: «Молчаніе народовъ—урокъ королямъ», двери растворились, и появился Людовикъ XVI. Онъ былъ безъ стражи, въ сопрово-

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, т. II, р. 5.

²⁾ *Девятнадцатое письмо графа Мирабо къ своимъ доверителямъ*.

³⁾ По Феррьеру, т. I, стр. 140; по свидѣтельству же Балли, эти слова были произнесены графомъ Мирабо. См. *Мемуары Балли*, т. II, стр. 4.

жденіи только двухъ своихъ братьевъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ остановился, снялъ шляпу и сказалъ взволнованнымъ голосомъ ¹⁾:

«Господа, я собралъ васъ, чтобы посовѣтоваться съ вами о государственныхъ дѣлахъ. Самое неотложное и больше всего беспокоящее меня дѣло — это безпорядки, царящіе въ столицѣ. Я знаю, что высказывали несправедливыя предубѣжденія; знаю, что осмѣлились напечатать, будто ваша личность находится въ опасности: нужно ли увѣрять въ неосновательности этихъ злонамеренныхъ слуховъ, когда мой характеръ, самъ по себѣ, заранѣе служить имъ опроверженіямъ... Я не отдѣляю себя отъ народа, и вполне полагаюсь на васъ». При этомъ онъ прибавилъ, что далъ приказъ войскамъ удалиться изъ Парижа и Версаля.

Въ одно мгновеніе настроеніе Собранія совершенно измѣнилось; зала огласилась радостными возгласами, которые послужили какъ бы сигналомъ для несмѣтной толпы народа, собравшейся на улицѣ. На рѣчь короля отвѣчалъ архіепископъ вѣнскій, и въ своей рѣчи, гдѣ твердость искусно смѣшивалась съ уваженіемъ къ королю, онъ сумѣлъ облечь въ почтительную форму настоятельное требованіе о призваніи Неккера.

Выходъ изъ Собранія короля былъ отмѣченъ характеристическимъ движеніемъ. Депутаты, взявшись за руки, образовали цѣпь, чтобы отстранять отъ короля напоръ толпы. При видѣ этого, народъ снова привѣтствовалъ короля восторженными криками. Но это былъ послѣдній свѣтлый день Людовика XVI. При блескѣ полуденнаго солнца, подъ взглядами толпы, которая, чтобы видѣть короля, взбиралась на рѣшетки ограды, группировалась на пьедесталахъ статуй, онъ медленнымъ шагомъ, при звукѣ фанфаръ, совершилъ длинный переходъ отъ зала засѣданій Національнаго Собранія до мраморнаго двора ²⁾.

Однако, въ глубинѣ толпы слышался глухой ропотъ, и крики «*да здравствуетъ король!*» были, даже въ этотъ день, только увлеченіемъ минуты. Одна женщина, версальская жительница, грубо отстранивъ графа д'Артуа и приблизившись къ Людовику XVI, смѣло сказала ему: «О, мой король, исполни ли вы искренни? Не заставятъ ли васъ опять перемѣнить ваши намѣ-

¹⁾ Деятнадцатое письмо графа Мирабо къ своимъ доверителямъ.

²⁾ *Point du jour*, № 25.

восьмидесяти тысячъ вооруженнаго народа ¹⁾ и расхаживаніе подозрительно наблюдающихъ патрулей—все это придавало столицѣ мрачный и въ то же время внушительный видъ. Ожидали скорого возвращенія войскъ Безанваля, которыя, наканунѣ вечеромъ, ушли по направленію къ Севру; припоминали, что въ пяти миляхъ отъ Парижа дворъ располагаетъ цѣлой арміей; парижане не боялись этой арміи, и приготовлялись встрѣтить ее. А въ это время въ ратушѣ собраніе, почти случайное, купцовъ, адвокатовъ, врачей, писателей, смѣло захвативъ въ свои руки власть, пользовалось ею неограниченно,—сдерживало горячность Гревской площади, заботилось о доставкѣ хлѣба, старалось водворить дисциплину на мѣсто безпорядка, повидимому, совершенно забывъ объ отсутствующей монархіи, о безмолствующихъ судахъ, объ исчезнувшемъ интендантѣ, обо всѣхъ старыхъ властяхъ, пораженныхъ столбнякомъ или смертью.

При вѣздѣ въ Парижъ, депутаты были поражены неожиданностью предоставившагося имъ зрѣлища. Тысячи гражданъ встрѣтили ихъ, размахивая пиками,—оружіе новое, давно неизвѣстное во Франціи, оружіе, легко приготовляемое и особенно пригодное во время революцій, когда нужно импровизировать войну. Этотъ волнующійся лѣсъ пикъ представлялъ какъ бы воспоминаніе античныхъ битвъ за свободу и напоминалъ, передъ королевскимъ дворцомъ, страшный пукъ прутьевъ,—символическій знакъ консульскаго достоинства въ древнемъ Римѣ. Удивительный контрастъ представляли эти сто тысячъ вооруженныхъ горожанъ соединеніемъ недовѣрія съ пылкимъ энтузіазмомъ и пестроты цвѣтовъ только что сформированнаго ополченія съ субординаціей дисциплинированнаго войска ²⁾. Они носили странный костюмъ, суровый костюмъ гражданскихъ войнъ, но у каждого изъ нихъ, подъ рекрутской одеждой билось мужественное сердце гражданина. Прибывъ на площадь Людовика XV, депутаты вышли изъ экипажей, прошли черезъ Тюльерійскій садъ и были встрѣчены въ вестибюлѣ дворца четырьмя очень небрежно одѣтыми особами: аббатомъ Фоше, Леграномъ де Сень-Рене, Летромъ и Дюверье. Это были посланные постоянного комитета ратуши, явившіеся въ запыленной одеждѣ принять, отъ имени возстанія, гостей изъ Національнаго Собранія. Избранники

¹⁾ *Annales parisiennes*, № I, p. 40.

²⁾ *Le Point du jour*, № 25.

который, будучи побѣжденъ, долженъ былъ помогать исполненію рѣшеній, принятыхъ послѣ побѣды!

По возвращеніи въ Версаль, депутаты Національнаго Собранія не приминули утверждать, что столица жаждетъ видѣть короля. Балли сказалъ объ этомъ 16 іюля лейбъ-медику королевы, Викъ д'Азиру, и около восьми часовъ вечера былъ потребованъ въ Эль де Бефъ. Новый мэръ Парижа нашелъ замокъ полнымъ публики, придворныхъ въ большой тревогѣ, короля, любопытствовавшаго узнать о состояніи Парижа и выразившаго готовность отправиться туда, когда Балли доложилъ ему о желаніи столицы видѣть его. По поводу разсказа о смерти коменданта Бастилии, Людовикъ XVI воскликнулъ: «Ну, что жъ! онъ вполне заслужилъ свою участь!»¹⁾ Это значило вторично осудить на смерть несчастнаго де Лоне. На королевской службѣ человѣкъ пріобрѣталъ ненависть народа, если дѣйствовалъ успѣшно, ненависть повелителя, если дѣйствовалъ неудачно, а часто и то и другое.

Въ Національномъ Собраніи увольненіе министровъ, соединенное съ призваніемъ Неккера²⁾, было предметомъ совѣщаній, которыя поминутно прерывались послѣдовательными посланіями, возвѣщавшими объ отставкѣ Барантена, объ отставкѣ маршала Брольи, объ отставкѣ Вильдейля, когда, наконецъ, король, предупреждая совѣты Собранія, велѣлъ показать ему письмо, вновь призывающее Неккера на министерскій постъ. Письмо было не запечатано, какъ будто монархъ боялся, что одного его королевскаго слова будетъ недостаточно. Тронутые оказаннымъ имъ уваженіемъ, члены Собранія послали депутацію благодарить Людовика XVI и рѣшили, въ свою очередь, написать Неккеру. Письмо было тотчасъ же составлено; оно заключало въ себѣ слѣдующія слова, по которымъ легко было узнать льстивое перо Лалли Толлендаля, и которыя повергали къ ногамъ одного человѣка достоинство всего народа:

«Милостивый государь, Національное Собраніе убѣдительно проситъ васъ исполнить желаніе его величества. Ваши таланты и ваши достоинства не могли получить ни болѣе славной награды, ни болѣе сильнаго поощренія. Мы увѣрены, что вы

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. II, p. 42.

²⁾ *Le Point du jour*, № 26.

оправдаете наше довѣріе, что вы не захотите предпочесть личное спокойствіе спокойствію общественному... Каждая минута дорога. Нація, ея король и ея представители ждутъ васъ»¹⁾.

Затѣмъ Національное Собраніе было извѣщено королевскимъ посланіемъ, что Людовикъ XVI завтра поѣдетъ въ Парижъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, полный опасностей, и который, по выраженію Неккера, былъ какъ бы торжественнымъ ознаменованіемъ паденія или по крайней мѣрѣ ослабленія королевской власти²⁾, Людовикъ XVI собралъ совѣтъ. Одни заклинали его покинуть Версаль, идти во главѣ своихъ войскъ, въ какое-нибудь другое мѣсто государства; другіе совѣтовали ему внести успокоеніе въ Парижъ. Марія-Антуанета съ необыкновенной живостью высказалась противъ этого послѣдняго рѣшенія. Когда она увидѣла, что его все-таки приняли, она собрала всѣ свои брилліантовыя украшенія и уложила ихъ въ маленькій сундукъ, который можно было увезти съ собою въ каретѣ³⁾; затѣмъ, съ помощью г-жи Кампанъ, сожгла много бумагъ. Что касается Людовика XVI, то онъ сходилъ къ обѣднѣ, причастился и, какъ будто идя на смерть, передалъ своему брату, графу Прованскому, рескриптъ о назначеніи его намѣстникомъ королевства⁴⁾.

Людовикъ XVI выѣхалъ 17-го іюля утромъ, въ сопровожденіи маршала Бово, герцоговъ Вильруа и Виллекье. Онъ взялъ также въ свою коляску двухъ популярныхъ вельможъ, графа д'Эстенъ и маркиза де Нель. Собраніе рѣшило наканунѣ, что двѣсти сорокъ его членовъ присоединятся къ королю, не столько для почета, сколько для того, чтобы служить ему оплотомъ⁵⁾. Но Людовикъ XVI, не догадываясь, какъ сильно буржуазія желала, чтобы онъ остался въ живыхъ, и не понимая того, что онъ—необходимый призракъ, ѣхалъ въ Парижъ въ глубокомъ смущеніи. Хотя по наружности онъ казался спокойнымъ, но взоръ его обличалъ сильную внутреннюю тревогу. Такъ какъ лошади шли шагомъ, то путешествіе совершалось съ зловѣщей медленностью. Крестьяне сосѣднихъ деревень сбѣгались

¹⁾ *Moniteur*, séance du 16 juillet 1789.

²⁾ Necker, *de la Révolution française*, t. I, 2-e partie.

³⁾ *Mémoires de madame Campan*, t. II, p. 54.

⁴⁾ Beauchamp, *Vie de Louis XVI*; cité par Labaume, t. III, p. 45.

⁵⁾ *Mémoires de Bailly*, t. II, p. 45.

со всѣхъ сторонъ, вооруженные косами или вилами, и присоединялись къ конвою, состоявшему, до Севра, изъ версальской милиціи, а отъ Севра—изъ милиціи парижской, ибо король долженъ былъ удалить свою лейбъ-гвардію, чтобы не показать вида, что онъ боится, и тѣмъ не оскорбить парижанъ.

Въ это время, запершись въ своемъ дворцѣ, который ея испуганное воображеніе населяло страшными образами, Марія-Антуанета предавалась отчаянію. Она видѣла короля уже схваченнымъ, взятымъ подъ стражу, быть можетъ, убитымъ. Дрожавшей рукой она написала рѣчь, которую затѣмъ принялась читать вслухъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, въ судоржной ажитаци. Если король не вернется, она пойдетъ прямо въ генеральные штаты, она покажетъ имъ своихъ дѣтей, какъ некогда Марія-Терезія показала венгерцамъ своего сына, и обратится къ нимъ съ этою рѣчью, первую фразу которой она все повторяла сквозь рыданія: «Господа, вѣрю вамъ жену и семью вашего государя; не потерпите, чтобы разъединили то, что было соединено на небѣ»¹⁾. Версальскій замокъ былъ пустъ и безмолвенъ; придворные убѣжали; когда королева послала за состоявшими при ея дворѣ особами, вчерашними друзьями, двери ихъ оказались запертыми на замокъ²⁾.

Между тѣмъ, предупрежденный съ вечера о предстоящемъ прибытіи короля въ ратушу, постоянный комитетъ выборныхъ разослалъ свои распоряженія по всѣмъ округамъ, и съ восьми часовъ утра полтораста тысячъ вооруженныхъ людей³⁾ расположились двумя рядами вдоль линіи, тянувшейся отъ Гревской площади къ заставѣ Пасси. Король подѣхалъ къ воротамъ Парижа только въ три часа, при хмуромъ небѣ⁴⁾. Не покидавшее его все время печальное настроеніе еще болѣе усилилось, когда онъ увидѣлъ этотъ длинный двойной рядъ новыхъ солдатъ, называющихъ себя гражданами; когда онъ замѣтилъ эти впервые развѣвающіяся⁵⁾ знамена синяго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ; когда онъ приблизился къ этой несмѣтной толпѣ народа, украшеннаго какими-то невѣдомыми кокардами, и кото-

¹⁾ *Mémoires de madame Campan*, t. II, p. 57.

²⁾ *Ibidem*, t. II, p. 57.

³⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet*.

⁴⁾ *L'Ami du roi*, etc., 4-e cahier, chap. LIV, p. 36.

⁵⁾ *Lettre à M. le marquis de Luchet*.

рый при видѣ государя не оглашалъ воздухъ обычными привѣтственными кликами.

Балли, подавая Людовику XVI на позолоченномъ серебряномъ блюдѣ ключи отъ города, обратился къ нему съ короткою рѣчью, которая ярко характеризовала положеніе дѣлъ: «Государь,—сказалъ мэръ,—подношу вашему величеству ключи отъ вашего добраго города Парижа. Это тѣ самые ключи, которые были представлены Генриху IV. Онъ вновь завоевалъ свой народъ вновь завоевалъ своего короля»¹⁾. Жесткія слова, которыя, впрочемъ, вполне оправдывались этимъ шествіемъ Людовика XVI черезъ вооруженную столицу. Опершись о спинку кареты, онъ поводилъ удивленными глазами направо и налево; онъ прислушивался къ молчанію народа, прерываемому время отъ времени единственнымъ возгласомъ: «Да здравствуетъ нація!»²⁾. Передъ нимъ катились пушки, взятые изъ Бастилии и изъ Дома Инвалидовъ³⁾. Люди, которые тащили ихъ, были французскіе гвардейцы, обратившіеся въ народную гвардію. Предшествуемый этими дезертирами, защита со стороны которыхъ была для него оскорбленіемъ; окруженный членами Национальнаго Собранія и милиціонерами буржуазіи,—Людовикъ XVI походилъ на тѣхъ плѣнныхъ азіатскихъ царей, которыми римскіе полководцы украшали свои триумфы.

Проѣзжая мимо Новаго моста, король долженъ былъ немного успокоиться при видѣ букетовъ, которые женщины изъ народа вложили въ дула и запалы пушекъ⁴⁾—прелестная идея, превратившая угрозу войны въ символъ любви. Но на Гревской площади королю пришлось увидѣть странную церемонію. Большинство революціонеровъ, какъ мы говорили выше, были членами тайныхъ масонскихъ обществъ. По обычаю масонства, когда посторонній братъ приходитъ, въ качествѣ гостя, въ ложу, то, если онъ состоитъ въ высокихъ степеняхъ, члены ложи становятся на его проходѣ и, скрестивъ свои шпаги у него надъ головой, образуютъ такъ называемый *стальной сводъ*. Эта курьезная честь была оказана и Людовику XVI въ тотъ моментъ, когда онъ вышелъ изъ кареты, у подъязда ратуши.

¹⁾ См. въ «*Мемуарахъ Балли*» исторію этой знаменитой фразы, т. II, p. 60.

²⁾ *L'Ami du roi* etc., 4-e cahier, chap. LIV, p. 39.

³⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, p. 398.

⁴⁾ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. II, p. 436.

Твердымъ шагомъ онъ поднялся по лѣстницѣ, подъ этою бесѣдкой изъ скрещенныхъ шпагъ и, при громкихъ аплодисментахъ, вошелъ въ большой думскій залъ. Тамъ, воссѣдая на тронѣ, онъ долженъ былъ выслушать протоколъ работъ коммуны; тамъ онъ долженъ былъ молчаливо одобрить сформированіе гражданской милиціи, приказъ о разрушеніи Бастиліи, назначеніе Лафайета и Бальи; тамъ же, наконецъ, Моро де Сень-Мери обратился къ нему, въ льстивой рѣчи, съ слѣдующими словами¹⁾: «Вы были обязаны вашей короной рожденію; теперь же вы обязаны ею только вашимъ добродѣтелямъ».

Цѣль главныхъ вожаковъ буржуазіи, Мунье, Лалли Толлендаля, не была еще достигнута. У нихъ явилась смѣлая мысль: поднести въ даръ монархическому принципу самые успѣхи демократіи. Этисъ де Корни, бывший соратникъ Лафайета въ Америкѣ, предложилъ воздвигнуть монументъ *Людовику XVI, возстановителю французской свободы*²⁾, воздвигнуть на мѣстѣ разрушенной Бастиліи. Несправедливый апофеозъ, смѣшная дань признательности, отнимавшіе у побѣдителей, для украшенія ея побѣжденнаго, всю заслугу побѣды. Два раза Людовикъ XVI хотѣлъ говорить, два раза слова останавливались у него на устахъ,—потому ли, что онъ чувствовалъ себя униженнымъ этимъ восторженнымъ приемомъ, похожимъ скорѣе на комедію, чѣмъ на дѣйствительное выраженіе чувствъ, или, можетъ быть, потому, что испытанныя имъ въ этотъ день душевныя волненія и впечатлѣнія настолько утомили его, что у него изсякъ всякій источникъ мысли. Но Лалли Толлендаль вывелъ монарха изъ этого затруднительнаго положенія. Онъ сказалъ народу, указывая на Людовика XVI: «Вотъ король, котораго вы такъ страстно желали видѣть среди васъ»; затѣмъ, указывая на народъ, онъ сказалъ королю: «Вотъ тотъ народъ, который оклеветали передъ вами и который любитъ васъ»³⁾. Послѣ того Бальи поднесъ королю кокарду⁴⁾; Людовикъ XVI взялъ ее, прикрѣпилъ къ

¹⁾ Письмо Робеспьера, составляющее часть доставленной намъ коллекціи. Это письмо, безъ даты очевидно, писано 23-го іюля, потому что Робеспьеръ упоминаетъ о смерти Фуллона, какъ о послѣдовавшей наканунѣ, 22 іюля 1789 г.

²⁾ *Mémoires de Lally Tollendal*, p. 75.

³⁾ *L'Ami du roi*, 4-е cahier, chap. LIV, p. 42.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 43.

своей шляпѣ, затѣмъ подошелъ къ окну ратуши. Нетерпѣливая толпа сплошной массой покрывала Гревскую площадь. Увидя на шляпѣ, которою Людовикъ XVI махалъ въ воздухѣ, кокарду, какую никогда еще не носилъ король Франціи, народъ разразился восторженными восклицаніями; но онъ привѣтствовалъ не олицетвореніе королевской власти, а революціонные цвѣта.

Таковъ былъ день 17 іюля 1789 г. Въ этотъ день было совершенно коронованіе, затмившее собою коронованіе въ Реймсѣ. Феодальный государь исчезъ: во Франціи остался только монархъ—глава буржуазіи. Нѣкоторые думали, что революція кончилась... Кончилась! когда весь Парижъ былъ въ лихорадочномъ волненіи! когда экзальтація до такой степени охватила всѣхъ, что кокарды блестѣли даже на епитрахильяхъ! когда монахи ходили съ ружьями ¹⁾; когда молодыя дѣвушки брались за мечи! Нѣтъ, нѣтъ, разъ море разбушевалось,—не такъ легко его успокоить! Тайное предчувствіе, безъ сомнѣнія, подсказало это Людовику XVI, потому что его лицо просіяло только тогда, когда, вырвавшись изъ овацій столицы и прибывъ въ Севръ, онъ увидалъ свою лейбъ-гвардію, стоявшую на горѣ.

Услыхавъ объ этомъ неожиданномъ возвращеніи короля, Марія-Антуанета прибѣжала броситься ему въ объятія, но, увидя на его шляпѣ революціонную кокарду, она отступила, пораженная и оскорбленная, и гордо сказала ²⁾: «Я не думала, что выхожу замужъ за мѣщанина».

¹⁾ Собственноручное письмо Робеспьера, цитированное выше. Онъ вошелъ въ составъ депутаціи, сопровождавшей короля.

²⁾ Mercier, *Nouveau Paris*, t. II, chap. LXVIII p. 489.

ГЛАВА XIII.

Первая эмиграція.

Принцесса Аделаида и королева.—Ночной отъѣздъ семейства Полиньякъ; тайное бѣгство графа д'Артуа.—Одинокство Людовика XVI.—Дѣйствіе, произведенное первой эмиграціей.—Покушеніе на царубійство.—Несправедливыя обвиненія.—Исторія Дюбуа.—Роль герцога Орлеанскаго послѣ 14 іюля.—Роль графа Прованскаго.

Взятіе Бастали имѣло слѣдствіемъ то, что Людовикъ XVI сдѣлался королемъ буржуазіи: одно обстоятельство сильно способствовало этому результату, именно—первая эмиграція.

Въ ночь съ 16 на 17 іюля герцогиня Полиньякъ, переходѣтая горничной, влѣзала на передокъ кареты, которая должна была увезти ее далеко за предѣлы Франціи. Что за причина такого поспѣшнаго отъѣзда? Почему эти таинственныя приготовленія? Мы говорили, какая нѣжная дружба соединяла королеву съ герцогиней Полиньякъ. Эта дружба, хотя и не всегда была безоблачная, укрѣпилась однако долгими общими страданіями; но общественное мнѣніе было слишкомъ раздражено, чтобы королева не была вынуждена рано или поздно разстаться съ этой подругой ея жизни, самой пріятной и самой горькой въ одно и то же время. Послѣ 14 іюля принцесса Аделаида, старшая изъ тетокъ Людовика XVI, сблизившись съ королевой¹⁾, представляла ей, что насталь часъ жертвъ; что присутствіе герцогини въ замкѣ теперъ будетъ опасно; что наступають мрачныя дни, когда большимъ привязанностямъ нужно будетъ большое мужество. Опираясь на барона Безанваль²⁾, не считавшаго необходимымъ добровольное удаленіе фаворитки изъ отечества, Марія-Антуанета сначала отвергла эту мысль о разлукѣ, къ которой ея душа не была подготовлена; но затѣмъ безъ труда успѣли внушить ей опасенія за участь дорогого ей существа, и тогда она сама стала торопить минуту отъѣзда. Надзоръ за семьей короля былъ тогда уже настолько дѣятельный,

¹⁾ *Correspondance secrète de plusieurs grands personnages illustres à la fin du XVIII siècle*, p. 107.

²⁾ *Ibidem*, p. 102.

настолько неусыпный, что Марія-Антуанета не посмѣла присутствовать при отъѣздѣ своей подруги ¹⁾. Она написала ей только слѣдующія строки, гдѣ высказалась глубокая печаль растерзаннаго сердца: «Прощайте, мой самый нѣжный другъ! Какъ ужасно это слово! Но оно необходимо. Прощайте! У меня едва хватаетъ силы обнять васъ» ²⁾. Удивительное несчастье высокихъ общественныхъ положеній! Эта королева, которая еще наканунѣ находила Францію слишкомъ малой для ея честолюбія, монархію съ законами слишкомъ ограниченной для ея желаній, теперь принуждена втайнѣ переносить свое отчаяніе и унижительно скрывать свои слезы!

Герцогъ и герцогиня Полиньяки, ихъ дочь, герцогиня де-Гюшъ, графиня Діана, аббатъ Баливьеръ, уѣхали всѣ вмѣстѣ, направлялась въ Швейцарію и дрожа отъ страха, какъ бы ихъ не узнали. Они избѣгли этой опасности, но крикъ ненависти, которую они возбудили противъ себя, преслѣдовалъ ихъ, несмотря на ихъ инкогнито, до самой границы. Вокругъ экипажа, увозившаго ихъ на чужбину, часто слышались голоса, спрашивавшіе: «Неужели Полиньяки все еще при королевѣ?» ³⁾.

И нѣкоторыя другія особы, болѣе высокопоставленныя, если не болѣе непопулярныя, покидали, въ то же время, Версаль и Францію. Это были, кромѣ министровъ неудавшагося государственнаго переворота, принцъ Конде, герцогъ Бурбонскій, герцогъ Энгьенскій, принцъ Конти и, наконецъ, родной братъ Людовика XVI, графъ д'Артуа. Этотъ послѣдній, жизнь котораго считали въ опасности, бѣжалъ изъ дворца Людовика XVI на манеръ преступника, скрывающагося отъ руки правосудія. Онъ уѣхалъ на разсвѣтѣ ⁴⁾, чтобы лучше обмануть бдительность народа. Проѣхавъ черезъ спавшій городъ, онъ догналъ полкъ, который долженъ былъ охранять его въ бѣгствѣ. Озлобленіе противъ него считали до того сильнымъ, что велѣно было конвоировать его экипажи, до нѣкотораго разстоянія, двумя пушками ⁵⁾. Онъ отправился въ Туринъ.

Такимъ образомъ сигналъ къ эмиграціи дворянъ былъ поданъ со ступеней трона. Принцы крови первые повѣдали Европѣ.

¹⁾ *Mémoires de madame Campan*, t. II, chap. XIV, p. 53.

²⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, chap. IV, p. 397.

³⁾ *Mémoires de madame Campan*, t. II, chap. XIV, p. 55.

⁴⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, chap. IV, p. 394.

⁵⁾ *Ibidem*, t. I, chap. IV, p. 395.

что возрожденіе Франціи было для нихъ гибелью, и что, въ ихъ глазахъ, не можетъ быть отечества тамъ, гдѣ появляется свобода.

Людовикъ XVI остался, слѣдовательно, одинъ въ своемъ опустѣвшемъ дворцѣ; и, чтобы обрисовать положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ этимъ одиночествомъ, достаточно привести одну черту. Когда придворные служители увидѣли короля покинутымъ всѣми, они потеряли всякое уваженіе къ нему, до такой степени, что однажды Безанваль замѣтилъ, какъ одинъ изъ лакеевъ читалъ, черезъ плечо Людовика XVI, то, что писалъ его господинъ¹⁾. Такимъ образомъ не было больше ни смѣлыхъ заговоровъ, ни угрожающихъ празднествъ; вмѣсто всего этого—навсегда закрытые апартаменты, нѣмые залы, сомнительной вѣрности солдаты у дверей, переговаривающіеся между собою, королева, стонущая въ отдаленіи, и лакеи, сдѣлавшіеся нахальными около покинутого монарха. О поведеніи принцевъ роялисты судили различно. Нѣкоторые одобряли ихъ,— это тѣ, которые, возмущаясь уступками Людовика XVI, начинали обращать взоры къ королямъ Европы, въ надеждѣ на ихъ помощь. Но, на ряду съ этими одобрителями эмиграціи, были и другіе, которые смотрѣли на нее, какъ на измѣну. Какъ! въ такое время, когда тронъ больше, чѣмъ когда-либо, нуждается въ защитникахъ, его оставляютъ подъ ударами враговъ! Какой же преданности требовать отъ подчиненныхъ, если члены королевской фамилии, главы дворянства, не задумываясь, подаютъ примѣръ бѣгства? Если и правда, что буря неизбежна, то во всякомъ случаѣ честь требовала—не увѣрять себя въ этомъ слишкомъ рано. Да и убѣгать отъ бури развѣ менѣе опасно, чѣмъ бороться съ ней?

Дѣло не ограничилось этими рѣчами—вскорѣ къ нимъ присоединились необыкновенныя подозрѣнія, обвиненіе огромной, страшной важности. Какъ обыкновенно бываетъ, сначала говорили объ этомъ шопотомъ, по секрету; потомъ стали меньше стѣсняться; наконецъ, тогдашнее своеволие, въ соединеніи съ дерзостью озлобленныхъ, сдѣлали то, что никто больше не находилъ нужнымъ сдерживаться. Между обвиненіями, которыя порождаются общественными раздорами, многія заранѣе обречены на забвенія, но то обвиненіе, о которомъ мы говоримъ, нашло

¹⁾ *Memoires de Besenval*, t. II, p. 368.

слишкомъ много довѣрчивыхъ умовъ: оно слишкомъ хорошо характеризуетъ то крайнее недовѣріе, которое внушала приверженцамъ Людовика XVI партія несговорчивыхъ роялистовъ; однимъ словомъ, оно слишкомъ твердо запечатлѣлось въ памяти нѣкоторыхъ фамилій, чтобы можно было пройти его молчаніемъ.

Вотъ этотъ фактъ, какъ его согласно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вариантовъ въ мелочахъ, изображаютъ многія роялистскія описанія ¹⁾ и одинъ манускриптъ, авторъ котораго слыпалъ сообщаемыя имъ подробности отъ одного друга графа д'Эстенъ, съ которымъ они вмѣстѣ сидѣли въ тюрьмѣ Консьержери ²⁾. Въ число главныхъ своихъ затрудненій фанатики контръ-революціи ставили самого короля. Все въ немъ было для нихъ помѣхой и казалось имъ пагубнымъ: его отвращеніе къ крайнимъ средствамъ, его постоянныя сомнѣнія, его внезапныя переменны, вульгарный отпечатокъ, который онъ придавалъ королевскому величію, его склонность издали прислушиваться къ народной молвѣ, его неспособность быть настоящимъ главою высшаго дворянства. Однако въ душѣ многихъ неудовольствіе боролось еще съ остаткомъ почтенія, плодомъ монархическаго воспитанія. Но нѣкоторые не знали границъ въ своей неприязни къ королю, потому что не знали границъ своимъ опасеніямъ.

И вотъ, когда эти плохо скрываемыя опасенія достигли высшей степени, графъ д'Эстенъ провѣдалъ объ ужасномъ заговорѣ. Было рѣшено, что ночью, въ условленный часъ, Людовикъ XVI будетъ убитъ, и убійство это должно было совершиться подъ руководствомъ одного очень высокопоставленнаго лица. Сначала графъ д'Эстенъ не повѣрилъ этому слуху, но его настойчиво увѣряли въ существованіи заговора: тогда онъ не счелъ себя въ правѣ ни молчать, ни выжидать. Онъ отправляется къ Людовику XVI, передаетъ ему дошедшій до него слухъ, и настоятельно проситъ позволить ему провести ночь въ первой прихожей дворца. Людовикъ XVI согласился на это, не повѣривъ однако дѣйствительности опасностей, которыя такъ безпокоили преданнаго ему воина.

¹⁾ Брошюрка въ 8 страницъ, изданная въ 1789 г., повидимому, орлеанской партіей, такъ какъ она оканчивается словами: «Когда намъ можно будетъ хвалить только государей, достойныхъ нашей любви, нашего уваженія, нашихъ похвалъ, словомъ, такихъ, какъ нашъ августѣйшій монархъ и ого знаменитый родственникъ, его высочество герцогъ Орлеанскій?»

²⁾ *Manuscrit de M. Sauquaire-Souligné.*

Между тѣмъ замокъ погрузился во мракъ и тишину; Людовикъ XVI легъ спать въ обычный часъ, а графъ д'Эстенъ, расположившись на своемъ посту, грустно размышлялъ о послѣдствіяхъ, какъ вдругъ послышался шумъ шаговъ и сдержанныхъ голосовъ. Людовикъ XVI спалъ глубокимъ сномъ. Разбуженный внезапно своимъ вѣрнымъ стражемъ, онъ какъ бы остолбенѣлъ въ первый моментъ; но затѣмъ, взбѣшенный, поблѣднѣвшій отъ гнѣва, онъ быстро вскакиваетъ съ постели, отстраняетъ графа, который тщетно пытается удержать его, бѣжитъ къ двери и сильнымъ толчкомъ распахиваетъ ее настежь.

Это внезапное появленіе короля, этотъ неожиданный гнѣвъ его, присутствіе графа д'Эстенъ сдѣлали то, что заговоръ не удался. Прибавляютъ, что во дворцѣ былъ схваченъ какой-то неизвѣстный человекъ, вооруженный кинжаломъ; что онъ сознался въ задуманномъ преступленіи, и что отъ него отдѣлались тайно, либо изъ опасенія слишкомъ важныхъ разоблаченій, либо во избѣжаніе скандала, послѣдствія котораго трудно было предвидѣть.

Чтобы считать совершенно неправдоподобнымъ, несмотря на серьезныя свидѣтельства, на которомъ онъ основанъ, рассказъ объ этомъ гнусномъ покушеніи, нужно было бы забыть, что лѣтописи дворовъ полны подобныхъ злодѣяній; нужно было бы не знать, что не существуетъ ничего невозможнаго для безграничнаго честолюбія, безумной гордости, озлобленія встревоженныхъ интересовъ, въ тѣхъ высшихъ сферахъ, гдѣ преступления такъ легко принимаютъ названіе государственныхъ переворотовъ! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Людовикъ XVI имѣлъ вокругъ себя людей, считавшихъ его существованіе пагубнымъ для монархіи. Развѣ не имъ созвано Національное Собраніе? Развѣ онъ не колебался распустить его? Что его слабость можно было измѣнить въ буйность,—въ этомъ они не сомнѣвались, но чего ожидать отъ ума, безпрестанно колеблющагося между рѣшеніями вчерашняго дня и вліяніемъ завтрашняго? А между тѣмъ дѣло шло о защитѣ или, вѣрнѣе сказать, о спасеніи во что бы то ни стало немаловажныхъ интересовъ. Можно ли было судьбы высшаго дворянства, участь столькихъ именитыхъ фамилій оставить на волю непослѣдовательности, какого-нибудь новаго совѣта, каприза, слабости или раскаянія?

Такъ говорили нѣкоторые фанатики, и не подлежить сомнѣнію, что между преданными Людовику XVI роялистами многіе

вленной рѣчи, произнесъ только слѣдующія слова: «Государь, въ случаѣ, если обстоятельства ухудшатся, умоляю ваше величество позволить мнѣ удалиться въ Англию» ¹⁾. Глубокія страсти не знаютъ ни такой робости, ни такой скромности.

Принцъ, у котораго жажда царствовать была гораздо сильнѣе,—это былъ графъ Прованскій. Если его честолюбію недоставало мужества, то оно по крайней мѣрѣ обладало предусмотрительностью и выдержкой. Не упуская случая извлекать выгоду изъ ошибокъ своихъ близкихъ, онъ предоставилъ принцамъ Конде, графу д'Артуа, подвергать себя риску первой эмиграціи, а самъ выжидалъ. Это значило—благоразумно создать себѣ особое и благопріятное положеніе въ средѣ королевской фамилии; это значило—дѣлать дѣло, не двигаясь съ мѣста, стать замѣтнымъ, не выходя изъ тѣни.

Что касается иностранныхъ дворовъ, то они были охвачены какъ бы пророческимъ ужасомъ, при видѣ покинутого трона Франціи. Однако они еще не составили того обширнаго заговора, который послужилъ революціи средствомъ для ея триумфовъ. Но, подобно тому, какъ прислушиваются къ отдаленнымъ раскатамъ приближающагося грома, монархи прислушивались уже, изъ глубины своихъ дворцовъ, къ шуму нашей великой распри. Они, повидимому, предчувствовали, что съ этого времени Франція окончательно возьметъ на себя заботу объ общихъ дѣлахъ человѣчества.

Предчувствіе лестное для насъ, и которое судьба не обманула! Потому что даже теперь вліяніе Франціи такъ могущественно, что, зашевелившись, она потрясаетъ Европу и внушаетъ ей безпокойство, даже когда остается неподвижной.

¹⁾ См. различныя показанія, особенно показанія *de Virieu* и *Bergasse'a* въ *Procédure criminelle, relative au 5 et 6 Octobre*.

ГЛАВА XIV.

Возбужденное состояніе Франціи.

Униженіе всѣхъ прежнихъ властей.—Лалли Толлендаль и Робеспьеръ.—Ужасное положеніе народа.—Депутаты Національнаго Собранія на площади становятся на колѣни передъ народомъ.—Убійство Соважа; помилованіе Томасева.—Смерть Фуллона.—Смерть Бертъе.—Истинный характеръ этихъ событій.—Произведенное ими впечатлѣніе.—Прокламація, предложенная Лалли Толлендалемъ.—Странная роль Мирабо.—Водвореніе коммуны.—Ужасы дворянъ; эмиграціонное движеніе.—Недовѣріе народа.—Врестскій заговоръ; предложеніе Дюпора; учрежденіе *комитета розысковъ*.—Двѣ доктрины въ Собраніи.—Возвращеніе Некерра; высшая степень и конецъ его популярности.—Таинственное приключеніе Пинз; компанія скупщиковъ.—Трагическій конецъ майора Бельсконса.—Революція охватываетъ Францію.

Удары молота, разрушившіе Бастилію, были услышаны на всемъ пространствѣ Франціи и вызвали огромное волненіе во всѣхъ провинціяхъ. Но прежде чѣмъ говорить, въ какихъ различныхъ формахъ проявилось это волненіе, прежде чѣмъ рассказывать, какъ вездѣ, даже въ самыхъ глухихъ деревняхъ, населеніе было охвачено энтузіазмомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, нужно докончить картину Парижа въ послѣдніе дни мѣсяца іюля, столь страшнаго въ то время.

Когда королевская власть подала примѣръ подчиненія, всѣ старыя государственныя учрежденія стали подражать ей. Новое величество, Національное Собраніе, имѣло, какъ и всѣ величества, своихъ куртизановъ и поклонниковъ. Къ нему поочередно приходили на поклонъ: Высшій совѣтъ, Счетная палата, Монетная палата. Даже парламентъ долженъ былъ преклониться. Недавно онъ хотѣлъ было поднять голову, но Національное Собраніе однимъ словомъ уничтожило его: онъ понялъ, что дни его величія прошли безвозвратно; что, пытаясь оживить остатки своего разбитаго авторитета, онъ только подвергся бы еще большому сраму,—и онъ покорился своей судьбѣ. Объ этомъ можно судить по слѣдующему постановленію, принятому имъ по случаю поѣздки Людовика XVI въ Парижъ.

«Парламентъ постановилъ, что господинъ первый президентъ отправится къ королю, чтобы почтительнѣйше принести его величеству благодарность за довѣріе, оказанное представителямъ націи, и за водвореніе, своимъ присутствіемъ въ столицѣ,

тишины и порядка. Равнымъ образомъ постановилъ онъ, что господинъ первый президентъ отправится въ Національное Собраніе, чтобы поблагодарить его за то, что оно своимъ посредничествомъ и ходатайствомъ передъ королемъ содѣйствовало возстановленію мира въ столицѣ.

Это далеко уже не тотъ гордый языкъ, которымъ говорила высшая магистратура, когда она являлась единственнымъ и живымъ образомъ отечества. Теперь уже приходилось представляться не только королю, но и Національному Собранію, сонму королей. Прежде парламентъ былъ на виду, стоя рядомъ съ трономъ; теперь онъ исчезалъ въ тѣни Собранія.

Достигнувъ такимъ образомъ вершины, представители буржуазіи должны были поддерживать свой духъ на высотѣ своего положенія. Нѣкоторые вышли изъ этого испытанія съ честью, другіе не выдержали его.

Мы должны прибавить, ради справедливости, что если Собраніе было всемогущимъ въ отношеніи старыхъ властей, то оно не было таковымъ въ отношеніи народа, который съ 14-го іюля чувствовалъ себя самодержавнымъ, и поведеніе котораго было довольно буйное.—Къ тому же начинали уже возникать недоразумѣнія. «Уваженіе къ покоренной королевской власти!»,—говорила буржуазія, потому что она искала гарантій. «Что такое королевская власть, если не самая большая изъ привилегій?»—спрашивалъ народъ, потому что онъ искалъ равенства. Отсюда у большинства членовъ Собранія—непреодолимое расположеніе тревожиться по поводу мельчайшихъ подробностей народной жизни. Вычеркнуть слово *королевскій* на каждой вывѣскѣ ¹⁾; пить за здоровье націи, не вспоминая о королѣ; преслѣдовать угрозами всякую надменную ливрею; аплодировать актеру Дюгазону, когда онъ на сценѣ сравнивалъ мадамъ Полиньякъ, подругу королевы, съ пресловутой фавориткой Маріи Медичи ²⁾...—все это было для народа не болѣе, какъ забава; для буржуазіи это было нѣчто ужасное.

Въ засѣданіи 20 іюля Лалли Толлендаль поднялся съ печатью грусти на лицѣ. Онъ заклиналъ своихъ товарищей остерегаться народныхъ волненій. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ залы Же де помъ, такъ смѣло захваченной въ нѣсколькихъ миляхъ

¹⁾ *L'Ami du roi* etc., 4-e cahier, chap. LVI, p. 55.

²⁾ *Mémoires de Weber*, t. I, chap. IV, p. 396.

отъ только что разрушенной Бастилии, въ присутствіи враговъ¹ не вложившихъ еще мечъ въ ножны, онъ говорилъ, что главная опасность данной минуты—это мятежный духъ, что представители народа должны составлять одно цѣлое съ королемъ, отцомъ своего народа и истиннымъ основателемъ свободы; что всякій гражданинъ долженъ трепетать при одномъ словѣ смута, что всякій, кто выкажетъ недовѣріе къ Собранію или недостатокъ вѣрности королю, долженъ считаться отнынѣ дурнымъ гражданиномъ; что всякаго человѣка, подозрѣваемаго, обвиняемаго, арестованнаго, должно передавать въ руки его естественнаго судьи; что муниципалитеты должны исключать изъ состава гражданской милиціи—людей, способныхъ вредить отечеству¹). И Лалли Толлендаль требовалъ, чтобы торжественная прокламація обратила эти принципы въ нравственный законъ для французскаго народа.

Провинціи, между тѣмъ, волновались; одинъ мельникъ, по имени Соважъ, былъ убитъ въ Шуасси, какъ скупщикъ хлѣба; въ городѣ Сентъ-Жерменъ происходили беспорядки, вызванные голодовкой: въ виду всего этого, Лалли Толлендаль былъ въ глазахъ многихъ изъ его коллегъ ораторомъ общественнаго спасенія, и рѣчь его была покрыта бурными аплодисментами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, проектъ его былъ бы принятъ, «встрѣтивъ почти всеобщее одобреніе»²), если бы наиболѣе энергичные изъ членовъ Бретонскаго клуба, Глезэнь, Блезо, Бюзю и въ особенности Робеспьеръ, не стали горячо возражать противъ него. Робеспьеръ былъ еще мало извѣстенъ³), но въ этотъ день уже можно было предвидѣть, какой авторитетъ пріобрѣтетъ его слово. Рѣзкимъ и повелительнымъ тономъ онъ воскликнулъ: «Что же такое случилось, что давало бы право г. Лалли Толлендалю бить въ набатъ? Говорятъ о мятежѣ. Но этотъ мятежъ, господа, это свобода. Не обманывайте себя: борьба еще не кончена. Завтра, быть можетъ, возобновятся гибельныя попытки; и кто же отразитъ ихъ, если мы заранѣе объявимъ бунтовщиками тѣхъ, кто вооружился для нашего спасенія»⁴)?

¹) *Moniteur*, séance du 20 juillet 1789.

²) *Le Courier de Versailles à Paris*, № 18, p. 301.

³) Такъ мало, что почти во всѣхъ газетахъ той эпохи его называютъ Робертъ Пьеръ.

⁴) См. *Le Courier de Versailles à Paris*, № 18, p. 305, 306.

Рѣшительный жестъ Робеспьера, скрытый огонь, блестящій въ его глазахъ, судорожное подергиваніе его тонкихъ губъ, его страшно блѣдное лицо, его угрожающій призывъ къ силѣ оскорбленнаго народа,—все это, безъ сомнѣнія, произвело на Собраніе глубокое впечатлѣніе, потому что картина вдругъ совершенно измѣнилась. Никто болѣе не осмѣливался поддерживать проектъ прокламаціи, который сначала былъ встрѣченъ такими горячими знаками одобренія. Когда Лалли Толлендаль попробовалъ защищаться, мрачное молчаніе, затѣмъ ропотъ, были ему отвѣтомъ ¹⁾. «Милостивый государь,—крикнулъ ему чей-то голосъ съ трибунъ, вы злоупотребляете вашей популярностью»; тогда, смущенный Лалли Толлендаль предложилъ измѣнить его проектъ, сказавъ, что онъ далекъ былъ отъ мысли нападать на поведеніе парижанъ и что онъ беретъ назадъ слово *бунтовщики* ²⁾. Но собраніе не имѣло смѣлости принимать какія бы то ни было рѣшенія. Проектъ прокламаціи былъ переданъ на разсмотрѣніе отдѣленій (бюро), которыя совершенно измѣнили его ³⁾.

Было бы, впрочемъ, очень странно думать только о томъ, какъ вѣрнѣе сдерживать народъ, когда нужно было прежде всего спасать его отъ голодной смерти. Никогда еще положеніе не было болѣе печальнымъ, болѣе раздражающимъ. Ежедневно картины страшной нужды, не поддающіяся никакому описанію, приводили въ ужасъ многолюдные кварталы столицы. Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ тысячи людей въ мрачномъ отчаяніи просили какого-нибудь случая погибнуть въ битвѣ. «Все равно умирать,—говорили они,—такъ лучше умереть отъ пушки, чѣмъ отъ голода» ⁴⁾. Устроили сборъ доброхотныхъ пожертвованій; баронъ де Бомарше далъ въ пользу бѣдныхъ двѣнадцать тысячъ ливровъ ⁵⁾; архіепископъ парижскій щедро подписался на двадцать тысячъ; но эти частныя усилія доказывали только безсиліе благотворительности. Четырехъ-фунтовый хлѣбъ уже

¹⁾ Эта внезапная перемѣна настроенія Собранія констатирована даже въ *Moniteur'*ѣ, гдѣ, впрочемъ, ходъ этого важнаго засѣданія воспроизведенъ не только не совсѣмъ полно, но и не совсѣмъ вѣрно.

²⁾ *Le Courrier de Versailles à Paris*, № 19, p. 319, 321.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ Докладъ Бессена, командира городской милиціи въ округѣ Сентъ-Мери и прокурора въ Шателъ.

⁵⁾ Prud'homme, *Révolutions de Paris*, t. I, p. 34.

нѣсколько мѣсяцевъ продавался по пятнадцати су: собраніе избирателей понизило его цѣну до двѣнадцати съ половиною су. Смѣшное благодѣяніе! Вѣдь для бѣдныхъ хлѣбъ все равно былъ недоступенъ и по этой цѣнѣ, потому что имъ закрывали варварской рукой источники жизни, потому что скупщики ¹⁾, на которыхъ никто не имѣлъ мужества донести, свободно производили свои безсовѣстныя операціи и совершали преступленіе своего заговора убійць. Къ этимъ слишкомъ реальнымъ бѣдствіямъ присоединились ложныя слухи, которые еще усиливали тревогу, заставляя бояться какихъ-то воображаемыхъ опасностей. Вѣрили слуху, будто, настоятельница Монмартрскаго монастыря согласилась сдѣлать изъ своего монастыря тайный арсеналъ ²⁾; вѣрили, что существуетъ заговоръ отравлять французскихъ гвардейцевъ въ Урсинскихъ казармахъ, примѣшивая ядовитыя вещества къ ихъ пищѣ или питью ³⁾. Такъ что народъ видѣлъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ врагами. Если онъ прислушивался къ преніямъ Національнаго Собранія, онъ узнавалъ, что его третируютъ мятежникомъ. Если онъ бросалъ взоры кругомъ себя, онъ встрѣчалъ только зрѣлище голода, кладущаго роковой отпечатокъ на лица дѣтей и матерей. Если онъ вопрошалъ молву, приходившую свыше, она приносила ему только поводы къ тревогѣ. И если, выведенный изъ терпѣнія, онъ кричалъ: «*правосудіе!*»!—не оказывалось ни одного суда, гдѣ бы не царилъ еще старый духъ, ни одного судьи, котораго бы нельзя было подозрѣвать въ сообщничествѣ съ тѣми, кого слѣдовало наказать.

Мы говорили о смерти мельника Соважа: въ то время, когда этотъ несчастный погибалъ жертвою возбужденныхъ противъ него подозрѣній, Національное Собраніе предупредило, что такая же участь угрожаетъ одному богатому фермеру изъ окрестностей Сень-Жермена. Этотъ фермеръ, по имени Томасенъ, прослылъ скупщикомъ хлѣба; неразумныя мѣры предосторожности, принятыя имъ, послужили окончательной уликой его виновности. Его вездѣ конвоировалъ ⁴⁾ конный стражникъ,—не было больше сомнѣній, и смерть его была рѣшена. Онъ былъ заключенъ въ

¹⁾ Даже Монжуа признается въ этомъ. См. *L'Ami du roi*, 4-е cahier, chap. LVIII, p. 75.

²⁾ *Le Courrier de Versailles à Paris*, № 16, p. 264.

³⁾ *L'Ami du roi etc.*, 4-е cahier, chap. LVI, p. 54.

⁴⁾ *Le Courrier de Versailles à Paris*, № 15, p. 227.

обвиненій не было доказано, такъ какъ его богатство, хотя и очень значительное, не могло все-таки служить достаточнымъ доказательствомъ его вины¹⁾. Одно только несомнѣнно—это то, что революція была въ правѣ считать его въ числѣ своихъ злѣйшихъ враговъ. Его такъ хорошо знали при дворѣ, что когда поднялся вопросъ о томъ, чтобы духу свободы противопоставить силу, маршалъ Брольи поспѣшилъ потребовать его себѣ въ помощники. Фуллонъ отказался отъ этой должности, какъ слишкомъ тяжелой для его преклонныхъ лѣтъ; но онъ давалъ совѣты. По его мнѣнію, королю оставалось выбирать одно изъ двухъ: или, очертя голову, броситься въ объятія революціи; или уничтожить ее однимъ ударомъ²⁾. Въ послѣднемъ случаѣ нельзя было терять ни минуты: нужно было начать прямо съ главныхъ коноводовъ, назначить надъ ними судъ и убить революцію, поразивъ ее прямо въ голову. Тѣ, къ кому относилась его угроза, скоро узнали объ этомъ; и съ того момента приговоръ надъ нимъ былъ произнесенъ.

Послѣ взятія Бастиліи, гроза загремѣла вокругъ него съ такою силою, что 16-го іюля онъ пошелъ доставать себѣ паспортъ. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, онъ только уступилъ настояніямъ своей невѣстки³⁾; но когда на другой день она совѣтовала ему поскорѣе удалиться въ Муленъ, онъ отказался уѣзжать, вѣроятно, обманутый иллюзіями своей гордости или своей совѣсти.

Между тѣмъ опасность возрастала съ часу на часъ. 17 іюля, какъ мы видѣли, Людовикъ XVI пріѣзжалъ въ Парижъ, чтобы заключить союзъ съ буржуазіей. Онъ согласился украсить свою шляпу революціонной кокардой; поражение феодализма было полное, очевидное, непоправимое. Фуллонъ почувствовалъ, что почва колеблется у него подъ ногами. Случившаяся тѣмъ временемъ смерть его лакея внушила ему мысль прибѣгнуть къ стратагемѣ, способной отклонить гнѣвъ его враговъ и мщенье

¹⁾ Изъ подробной замѣтки, присланной намъ семействомъ Фуллона, къ которой мы отнеслись крайне недовѣрчиво, явствуетъ, что состояніе, оставленное Фуллономъ своимъ дѣтямъ, не равнялось суммѣ, которую представлялъ бы капиталъ и проценты, капитализированные, того имущества, какимъ онъ владѣлъ въ 1747 году.

²⁾ См. въ *Memoires de madame Campan* рассказъ о двухъ памятныхъ запискахъ, представленныхъ Фуллономъ королю.

³⁾ Записка, доставленная его семействомъ.

народа: онъ рѣшилъ выдать себя за умершаго ¹⁾. 19-го іюля онъ покинулъ Парижъ; 20-го утромъ онъ былъ у г. Сартина, въ Вири, деревнѣ, лежащей на дорогѣ въ Фонтенбло. Уѣзжая изъ своего замка Моранжи, куда онъ заѣзжалъ сначала, Фуллонъ распорядился, чтобы ему пересылали его письма. Поэтому почтальонъ принесъ адресованныя ему письма въ Вири, но тамъ ихъ принять не самъ Сартинъ, а его лакей. Ненависть къ Фуллону была такъ распространена, что, вмѣсто того, чтобы передать письма по назначенію, лакей отнесъ ихъ къ Грану, сельскому старшинѣ. Тотчасъ же ударили въ набатъ; сбѣжались крестьяне; Фуллонъ былъ открытъ и арестованъ.

Защитники его на судѣ оспаривали фактъ ареста *его собственными вассалами*. Извѣстно однако, что его имѣніе находилось недалеко отъ того мѣста, гдѣ его схватили, и даже у Монжуа встрѣчаемъ слѣдующее характерное признаніе: «Говорятъ, что его вассалы ненавидѣли его, и довольно правдоподобно, что онъ не былъ любимъ ими, судя по тому, что онъ не у нихъ искалъ убѣжища» ²⁾.

Какъ бы то ни было, едва только онъ былъ открытъ, сейчасъ же начались его муки. Крестьяне надѣли на него ожерелье изъ крапивы, прицѣпили ему въ петлицу букетъ изъ чертополоха, положили ему на плечи вязанку сѣна, и, привязавъ его къ задку телѣги, со связанными руками, потащили въ Парижъ. По дорогѣ со всѣхъ сторонъ сыпались на него оскорбленія. Онъ захотѣлъ пить: ему предложили стаканъ уксуса ³⁾.

22 іюля, около шести часовъ утра, онъ всходилъ по ступенькамъ городской ратуши. Внезапное появленіе этого человѣка,

¹⁾ Въ замѣткѣ, присланной намъ его семействомъ, этотъ фактъ категорически отрицается, что не мѣшаетъ намъ, однако, считать его достовѣрнымъ:

a) потому что о немъ говоритъ большинство писателей того времени;

b) потому что его не отрицаетъ даже Монжуа, называя его невинной *хитростію*, 4-е cahier, chap. LVIII, p. 79;

c) потому что народъ былъ такъ ловко обманутъ, что въ Палль-Роялѣ шутники говорили, что Фуллонъ самъ отправился въ преисподнюю;

d) наконецъ, потому что исторія была бы невозможна, еслибы для того, чтобы отвергнуть общезвѣстные факты, достаточно было простого отрицанія со стороны родныхъ, для которыхъ чувство, достойное, впрочемъ, уваженія, дѣлаетъ безпристрастіе столь труднымъ.

²⁾ *L'Ami du roi etc*, 4-е cahier, chap. LVIII, p. 79.

³⁾ *Mémoire de Grappe*.

нужны судьи.—Судите вы сами». Тогда былъ импровизированъ родъ трибунала, состоявшаго изъ семи членовъ, имена которыхъ были брошены на запискахъ, съ разныхъ концовъ зала, и между которыми находились выбранными два парижскихъ священника. Дюверье, назначенный для исполненія функціи публичнаго обвинителя, начинаетъ комедію судебного слѣдствія: «Въ какомъ преступленіи обвиняется Фуллонъ?—Онъ угнеталъ народъ; онъ сказалъ, что заставилъ бы его ѣсть траву; онъ совѣтовалъ банкротство; это барышникъ: онъ участвовалъ въ проектѣ». Оба священника встали: «Тутъ дѣло идетъ объ уголовныхъ преступленіяхъ. Долгъ повелѣваетъ намъ отказаться отъ участія въ судѣ, потому что церковь запрещаетъ проливать кровь».—«Да, да, они правы». Но коноводы во фракахъ, боясь, безъ сомнѣнія, что озлобленіе народа остынетъ, воскликнули съ негодованіемъ: «Берегитесь! Здѣсь злоупотребляютъ довѣрчивостью народа и думаютъ только о томъ, чтобы спасти виновнаго». Поднялся страшный шумъ и гамъ. Изъ залы Королевы Фуллонъ слышалъ все. «Какъ вы, однако, спокойны,—сказалъ ему одинъ изъ его стражей!»—«Только преступникъ можетъ смущаться»¹⁾—отвѣтилъ онъ. За нимъ пришли, чтобы отвести его въ большой залъ. Взявшись за руки, стоявшіе у входа люди образовали цѣпь для безпрепятственнаго прохода Фуллона²⁾. На одинъ изъ столовъ былъ поставленъ стулъ, и Фуллону велѣли сѣсть на него. Выставленный такимъ образомъ на-показъ, семидесяти-четырехъ-лѣтній обвиняемый могъ бы возбудить къ себѣ нѣкоторое состраданіе, если бы между обвинителями не нашлись люди, пылавшіе жаждою личной мести, или такіе, которымъ выгодно было, вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, похоронить какую-нибудь тайну, или, наконецъ, скрытые враги революціи, надѣявшіеся, что, разъ опьянѣвшая отъ пролитой крови, эта революція пойдетъ шатаясь и наконецъ упадетъ³⁾.

Появился Лафайетъ. Оправдать Фуллона было невозможно, принять въ немъ участіе опасно: Лафайетъ попробовалъ спасти его, притворившись безпощаднымъ: «Я не могу порицать,—гово-

¹⁾ Prud'homme, *Révolutions de Paris*, t. I., p. 23.

²⁾ *Memoires de Bailly*, t. II, p. 111.

³⁾ Что умерщвленіе Фуллона не было въ сущности дѣломъ рукъ народа это ясно даютъ понять и «*Протоколъ избирателей*», и «*Мемуары Балли*»; таково же было, какъ видно изъ «*Мемуаровъ 2-жи Кампани*», и мнѣніе королевы.

ритъ онъ,—вашего негодованія противъ этого человѣка. Я никогда не любилъ его. Я всегда считалъ его отъявленнымъ злодѣемъ, и нѣтъ такой казни, которая была бы слишкомъ жестока для него... Но онъ несомнѣнно имѣеть сообщниковъ; нужно узнать и разыскать ихъ. Я велю отвести его въ Аббатство. Тамъ мы произведемъ слѣдствіе, и онъ будетъ приговоренъ къ позорной смерти, которой вполне заслуживаетъ»¹⁾).

Тѣ, кто могъ разслышать эту рѣчь, покрыли ее рукоплесканіями. Къ несчастію, старикъ, котораго хорошо было видно изъ всѣхъ частей зала, отлично понялъ намѣреніе генерала Лафайета; онъ считалъ уже себя спасеннымъ, и машинально присоединилъ свои знаки одобренія къ аплодисментамъ аудиторіи. «Вы видите,—крикнулъ тогда кто-то,—они стоворились!» и какой-то хорошо одѣтый человѣкъ прибавилъ²⁾: «Какая нужда судить человѣка, осужденнаго уже тридцать лѣтъ тому назадъ?» Это былъ смертный приговоръ. Тщетно Лафайетъ дѣлалъ неоднократныя попытки задержать наступленіе рокового момента, но пришло извѣстіе, что поднялся Пале-Рояль, что двинулось Сентъ-Антуанское предмѣстье. Новая толпа напираетъ на толпу, уже наводняющую лѣстницы ратуши, коридоры, залу Сентъ-Жанъ. Избиратели, судьи, свидѣтели притиснуты къ бюро, столъ зашатался, стулъ, на которомъ сидѣлъ Фуллонъ, опрокинулся, и несчастнаго поволокли къ фонарю. Обвязавъ ему веревку вокругъ шеи, подняли его на нѣкоторую высоту. Два раза веревка обрывалась; два раза старикъ падалъ на колѣни, умоляя о пощадѣ! Нѣкоторые простолюдины, тронутые жалостью, предлагаютъ свои сабли, чтобы сократить эту агонію³⁾. Палачи противятся этому; позоръ казни—они требуютъ его, какъ своего права, и отправляются искать новую веревку, въ то время, какъ изнемогающій отъ страха, съ взоромъ, полнымъ тоски, съ связанными руками, Фуллонъ проситъ жизни и не можетъ получить даже смерти. Послѣ ожиданія, продолжавшагося чет-

¹⁾ Эта рѣчь изложена здѣсь въ томъ видѣ, какъ она была напечатана во всѣхъ газетахъ того времени, и какъ ее передають авторы *«Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté»*. Впослѣдствіи, по причинамъ, которые не трудно угадать, Бальи, избиратели, Лафайетъ, опубликовали эту рѣчь въ очень смягченной формѣ.

²⁾ См. II т. *Procès-verbal* и *L'Ami du roi* etc., 4-e cahier., chap. LVIII, p. 83.

³⁾ *L'Ami du roi*, 4-e cahier, chap. I.VIII, p. 84.—*Mémoires de Ferrières*, t. I, p. 160.

верть часа, его повѣсили въ третій разъ, и онъ наконецъ испустилъ духъ. На повѣшенномъ нашли золотую пряжку, двое золотыхъ часовъ, два кошелька, въ которыхъ было двѣнадцать луидоровъ; все это отнесли въ постоянный комитетъ, который выдалъ росписку въ полученіи этихъ вещей ¹⁾. Затѣмъ какой-то бѣшеный отрубилъ ему голову, всунулъ въ ротъ пукъ сѣна и понесъ на-показъ Парижу этотъ страшный трофей ²⁾. Туловище было отнесено въ моргъ, этотъ музей безымянныхъ труповъ.

Тотъ же самый день ознаменовался еще одной, не менѣе ужасной драмой. Фуллонъ совершилъ преступленіе, подстрекая къ заговору противъ революціи. Бертье де Савиньи, зять Фуллона, былъ интендантомъ конгръ-революціонной арміи и, въ качествѣ такового, долженъ былъ заботиться о продовольствіи войскъ, присутствіе которыхъ угрожало Парижу, оскорбляло его и увеличивало свирѣпствовавшій въ немъ голодъ. Бертье сильно подозрѣвали въ томъ, что онъ хотѣлъ, чтобы скосили хлѣбъ на корню, отчасти для того, чтобы кормить имъ лошадей кавалеріи, отчасти для повышенія цѣнъ на хлѣбный товаръ ³⁾. Его обвиняли также въ составленіи списковъ проскрипціи, въ раздачѣ солдатамъ лагеря въ Сентъ-Дени восьми тысячъ патроновъ и тысячи двухсотъ фунтовъ пороха ⁴⁾. Наконецъ, нѣсколько писемъ, найденныхъ въ его портфель и преданныхъ гласности посредствомъ печати ⁵⁾, указываютъ, къ какимъ фактамъ относились обвинения:

«5-го числа, графъ Ревельякъ проситъ подѣлить суммы, полученныя отъ казенной продажи хлѣба въ зернѣ. 11-го числа, отчетъ о числѣ солдатъ округа Пале-Рояля и имена ораторовъ. *Того же числа*, г. Ламбескъ увѣдомляетъ о полученіи трехсотъ

¹⁾ Charles Comte, *Histoire de la garde nationale*, p. 104.

²⁾ *Le cousin Jacques*, p. 124.—*Annales parisiennes*, p. 61.

³⁾ Фактъ этотъ отрицается въ запискѣ, присланной намъ семействомъ Бертье. Въ ней говорится, безъ приведенія, впрочемъ, какихъ-либо доказательствъ, что Бертье, напротивъ, противился косебѣ хлѣба на корню и что лошадей кормили сѣномъ. По словамъ этой записки, Бертье представлялъ маршалу Брольи, что косить хлѣбъ на корню было бы мѣрой *непопулярной и бесполезной*. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы сказать—*преступной*.

⁴⁾ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. II, p. 128, 129.

⁵⁾ Gorsas, *Courrier de Versailles à Paris et de Paris à Versailles*, № 17, p. 288, 289.

патроновъ, доставленныхъ въ часъ пополудни. 11-го числа, Безанваль жалуется на недостатокъ патроновъ, а Депре—на недостатокъ пуль.—12-го, дочь парижскаго интенданта жалуется на духъ вольномыслія, овладѣвающій умами, страшится послѣдствій и уговариваетъ покинуть Парижъ. *Того же числа*, г. де Баръ спрашиваетъ, гдѣ ему достать пуль. *Того же числа*, графъ Вассанъ проситъ прислать три тысячи патроновъ. Намѣреніе образовать лагерь въ Сень-Дени.—Косить несозрѣвшіе посѣвы, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ за убытки, и т. д.».

Бертъе былъ администраторъ умный и честный; но его грубость, высокомѣріе, наглость манеръ и языка¹⁾ создали ему много враговъ. Охотно припоминали, что онъ былъ достойный зять Фуллона, достойный сынъ бывшаго президента *парламента Мону*. Монжуа рассказываетъ²⁾, что однажды къ интенданту Парижа явился старый крестьянинъ изъ Венсена, съ просьбою вернуть ему сына, попавшаго въ рекруты, и, что, получивъ суровый отказъ, послѣ предложенія малой толики денегъ, какая у него имѣлась, послѣ тысячи слезныхъ моленій, старикъ этотъ обратился къ Бертъе со слѣдующими зловѣщими словами: «Мой сынъ пойдетъ, но вы, жестокій человѣкъ, каменное сердце, сами тоже отецъ семейства, припомните проклятіе, которое посылаетъ вамъ отецъ семейства. Вы умрете позорной смертью, умрете на Гревской площади, и день этотъ недалекъ».

Три мѣсяца спустя—это было 20-го іюля,—два каменщика увидѣли Бертъе, проходившаго по улицѣ въ Компьенѣ. Они тотчасъ же спускаются съ лѣсовъ, подходятъ прямо къ Бертъе и задерживаютъ его, сказавъ, что имѣютъ приказъ арестовать его, гдѣ бы онъ ни встрѣтился³⁾. Увѣдомленный объ этомъ арестѣ, постоянный комитетъ Парижской думы сначала не одобрилъ его. Сдѣлавшись властителями судьбы гражданъ, эти удивительные диктаторы захотѣли на этотъ разъ присвоить себѣ право помилованія; но, узнавъ, что если интендантъ будетъ выпущенъ на свободу, то муниципалитетъ Компьена не отвѣчаетъ за его жизнь, они рѣшили послать туда конный отрядъ въ 240 человѣкъ, подъ командой двухъ избирателей: Этьена

1) *L'Ami du roi*, авторъ котораго—самый рьяный защитникъ памяти Фуллона и Бертъе; 4-e cahier, chap. LIX, p. 87.

2) *L'Ami du roi*, p. 88.—Авторъ, сообщающій этотъ фактъ, увѣряетъ, что слышалъ о немъ отъ очевидца.

3) Записка, присланная намъ семействомъ Бертъе.

де ла Ривьеръ и Андре де ла Прель, съ порученіемъ взять Бертье и привести его въ одну изъ тюремъ Парижа ¹⁾.

Въ это время въ Версалѣ произошла трогательная сцена. Рано утромъ 22-го числа, прежде чѣмъ солнце появилось на горизонтѣ, Лалли Толлендаль былъ внезапно разбуженъ какими-то жалобными звуками. Онъ открываетъ занавѣси и видитъ передъ собою молодого человѣка съ мертвенно блѣднымъ лицомъ. Онъ протягиваетъ ему руки; посѣтитель бросается къ нему и голосомъ, прерывающимся отъ рыданій, говоритъ: «Ахъ, сударь! Вы въ теченіе пятнадцати лѣтъ защищали память вашего отца,—спасите теперь жизнь моего» ²⁾). Это былъ сынъ Бертье. Лалли Толлендаль повелъ его къ герцогу де Ланкуру, недавно назначенному президентомъ Національнаго Собранія. Но оказалось, что въ этотъ день нѣтъ засѣданія, а малѣйшее промедленіе въ этомъ случаѣ грозило смертью. Кажется, просьбы сына Бертье были доведены до свѣдѣнія Людовика XVI, который самъ продиктовалъ освободительное письмо ³⁾... Безполезное вмѣшательство! Людовикъ XVI не былъ уже королемъ.

Шествіе интенданта изъ Компьеня въ Парижъ походило на похоронную процессію. Конный эскортъ служилъ только къ возбужденію среди населенія недовѣрчиваго любопытства, и скоро собралось изъ разныхъ мѣстъ около шестисотъ человѣкъ, прискакавшихъ на лошадахъ, не столько для того, чтобы увеличить собою конвой, сколько для того, чтобы наблюдать за нимъ. Эти всадники окружили кабріолетъ, въ которомъ сидѣли Бертье съ Этьеномъ де ла Ривьеръ, въ то время какъ тысячи гражданъ ⁴⁾ шли по дорогѣ, на встрѣчу плѣннику. Тщетно избиратели прислали конвою приказъ переночевать въ Бурже, для того, чтобы прибытіе Бертье не совпало со смертью Фуллона: приказъ этотъ не могъ быть исполненъ—такъ многочисленна и грозна была сопровождавшая арестанта толпа! На всемъ пути раздавались проклятія и зловѣщіе крики. Въ Луврѣ толпа выбила стекла кабріолета, для того, чтобы ничто не мѣшало видѣть бывшего интенданта. Двадцать разъ прицѣливались въ Бертье, двадцать разъ избиратель защитилъ его своимъ тѣломъ. Былъ моментъ, когда толпа, не будучи въ

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. II, p. 91, 92.

²⁾ Записка, присланная семействомъ Бертье.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Quinzaine mémorable.—Lettre à M. le marquis de Luchet.*

состояніи различить въ кабриолетѣ, который изъ двухъ Бертье, потребовала, чтобы плѣнникъ снялъ шапку; но въ тотъ же мигъ, геройскимъ движеніемъ, Этьенъ де ла Ривьеръ обнажилъ свою голову. У Сень-Мартенской заставы появилась телѣжка со слѣдующими подписями на доскахъ, расположенныхъ въ видѣ этажей: *Онъ обокралъ короля и Францію.—Онъ былъ рабомъ богатыхъ и тираномъ бѣдныхъ.—Онъ измѣнилъ своему отечеству и т. д.*¹⁾... и другія обвинительныя фразы, редація которыхъ мало соответствовала обычному языку предметій, повидимому, принадлежала перу *прилично опытныхъ* личностей, которые въ теченіе этого кроваваго дня старались разжигать страсти народа. При видѣ и какъ бы подъ огнемъ этихъ позорящихъ надписей Бертье вступалъ въ Парижъ. Этотъ черный и твердый хлѣбъ, этотъ смертоносный хлѣбъ, которымъ бѣдняки должны были питаться,—куски его показывали ему, воткнутые на острія пикъ, или же ихъ швыряли въ экипажъ, съ криками: «Вотъ тотъ хлѣбъ, который ты заставлялъ насъ ѣсть!»²⁾

Горожане, съ лавровыми вѣнками³⁾ на головѣ, шли впереди экипажа, женщины пѣли подъ звуки военной музыки, барабаны гремѣли, и полсотни горящихъ факеловъ бросали на кортежъ печальный свѣтъ⁴⁾. Вблизи Сень-Мери группа людей поднесла Бертье, на концѣ пика, голову Фуллона, покрытую кровью и грязью. «Это голова де Лоне», успѣшилъ сказать великодушный Этьенъ де ла Ривьеръ. Бертье повѣрилъ этому. Однако онъ поблѣднѣлъ, и съ печальной улыбкой сказалъ избирателю: «Я считалъ бы эти оскорбленія непримѣрными, если бы Иисусъ Христосъ не перенесъ болѣе кровныя обиды. Онъ былъ Богъ, а я—только человѣкъ»⁵⁾.

Было около девяти часовъ вечера. Приведеннаго въ ратушу Бертье вводятъ въ залу Сень-Жанъ, предъ собраніе избирателей. Балли допрашиваетъ его. «Я повиновался приказаніямъ свыше»,—отвѣчаетъ онъ увѣреннымъ тономъ. У васъ находятся

¹⁾ *L'Ami du roi*, 4-e cahier, chap. LIX.

²⁾ *Ibidem*, p. 91.

³⁾ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. II, p. 131.

⁴⁾ Описаніе въ «*Lettre à M. le marquis de Luchet*» согласно съ современной гравюрой, изображающей въѣздъ Бертье въ Парижъ и находящейся у насъ передъ глазами.

⁵⁾ Разсказъ Этьена де ла Ривьеръ, приведенный у Балли въ его «*Mémoires*», t. II, p. 120.

мои бумаги, вы такъ же хорошо освѣдомлены, какъ и я». Балли продолжалъ, ради соблюденія формальности, незначительный допросъ, когда Бертъе попросилъ позволенія отдохнуть немного, говоря, что онъ провелъ четыре ночи безъ сна. Въ этотъ моментъ ужасные крики доносятся съ Гревской площади, и среди шума явственно слышны возгласы: «Вотъ Пале-Рояль, вотъ Сентъ-Антуанское предмѣстье!» Тотчасъ же буйная группа врывается въ залу, избиратели отѣснены къ бюро, и Балли, потрясенный до глубины души, лепечетъ невнятные слова... «Господа... результатъ... наши утреннія совѣщанія... Нужно отвести его въ Аббатство»¹⁾... Бертъе вышелъ, въ сопровожденіи Этьена де ла Ривьеръ. На лѣстницѣ онъ произнесъ слѣдующія слова, свидѣтельствовавшія или объ его удивительной увѣренности въ своей безопасности, или о какой-то озабоченности: *Боже мой, какой страшный этотъ народъ со своими криками!*²⁾ Затѣмъ, обращаясь къ Этьену де ла Ривьеру онъ промолвилъ: «Я иду въ тюрьму, а у меня нѣтъ денегъ». Этьенъ де ла Ривьеръ, слишкомъ хорошо понимавшій значеніе шума на Гревской площади, ничего не отвѣтилъ, только вздохнулъ глубоко и, вынувъ изъ кармана нѣсколько луидоровъ, далъ ихъ Бертъе³⁾. Но едва вступили они на площадь, какъ толпа набросилась на нихъ. Уже схватили плѣнника, уже тащатъ его къ фонарному столбу, на которомъ только что былъ повѣшенъ Фуллонъ; тогда Бертъе, внѣ себя отъ бѣшенства, выхватываетъ у кого-то ружье, бросается въ самую середину нападающихъ, наноситъ удары, въ свою очередь, и падаетъ, пронзенный пиками. Какой-то драгунъ, сказавшій, что онъ долженъ отомстить за своего отца, вѣроятно, сынъ того старика, о которомъ мы говорили выше, подошелъ къ трупъ, вскрылъ внутренности, вырвалъ сердце и понесъ его въ комитетъ ратуши, крича по дорогѣ: «Вотъ сердце Бертъе!»⁴⁾ При этомъ ужасающемъ зрѣлищѣ, одинъ избиратель лишился чувствъ. Балли оцѣпенѣлъ, словно пораженный громомъ, а Лафайетъ воскликнулъ: «Пусть меня освободятъ отъ должности, которая принуждаетъ меня быть свидѣтелемъ этихъ ужасовъ!»⁵⁾ Трепетъ негодованія пронесся

1) *Courrier de Versailles à Paris*, № 17, p. 285.

2) *Ibidem*, p. 286.—*Cousin Jacques*, p. 126.

3) *Courrier de Versailles à Paris*, № 17, p. 286.

4) *Memoires de Bailly*, t. II, p. 123.

5) *Courrier de Versailles à Paris*, № 17, p. 287.

также между народомъ, и кровожадный солдатъ былъ убитъ на дуэли въ ту же ночь своими товарищами ¹⁾, которые убѣдили его въ необходимости умереть.

Только что нарисованная нами картина представляетъ черты, которыя не могутъ не возмущать возвышенной души. Утонченная жестокость, медленно смакуемое мщеніе, нетерпѣливое желаніе держать въ своихъ рукахъ голову убитаго врага, жажда видѣть ее покрытою кровью и грязью,—это такія наслажденія, которыя нужно предоставить извергамъ, а народъ не долженъ никогда опускаться, даже въ самомъ закопномъ своемъ гнѣвѣ, до уровня своихъ угнетателей. Но здѣсь бесполезное варварство было дѣломъ лишь весьма небольшого числа бѣшеныхъ людей, удары которыхъ направляли нѣсколько человекъ изъ высшаго класса. Что же касается народа, взятаго въ цѣломъ, то вѣрно только, что онъ ненавидѣлъ Фуллона и Бертье; что онъ бурно выражалъ свою радость по поводу ихъ арестованія, и что смерть ихъ, помимо сопровождавшихъ ее гнусныхъ жестокостей, казалась народу не актомъ мщенія, но актомъ правосудія. Въ глазахъ этой толпы, угрожаемой, оскорбляемой, голодающей, доведенной до отчаянія, Фуллонъ и Бертье олицетворяли собою недавній заговоръ двора: въ ихъ лицѣ поражали контръ-революцію, какъ въ лицѣ де Лонэ поразили Бастилію. Слѣдуетъ также не забывать, что въ то время не было никакого правильнаго суда, передъ которымъ они могли бы предстать въ качествѣ обвиняемыхъ; что судебной власти, соответствующей происшедшимъ великимъ перемѣнамъ, еще не существовало; что старая судебная власть представляла собою именно одно изъ тѣхъ учреждений, которыя слѣдовало уничтожить; что со стороны революціи было бы безуміемъ прибѣгать къ судьямъ, которые были ея врагами.

Какъ бы то ни было, эти двѣ казни вызвали сильное волненіе. Лафайетъ подалъ въ отставку, которую округи отклонили. Мирабо написалъ о злодѣяніяхъ земныхъ узурпаторовъ, о слишкомъ долгомъ терпѣніи народовъ, о томъ, что имѣлъ законнаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, взрывъ общественнаго гнѣва,—страшныя, полныя сильнаго и грознаго краснорѣчія, прибавивъ, однако, что режимъ народныхъ вспышекъ не можетъ продол-

¹⁾ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. II, chap. V, p. 137.

жаться безъ того, чтобы не заставить, рано или поздно, смотрѣть даже на деспота, какъ на спасителя ¹⁾). Къ сожалѣнію, на ряду съ каментаріями, соединявшими съ горячностью серьезныя сужденія, появились памфлеты, полные гнуснаго глумленія, каковы: *Жизнь, смерть и чудеса г. Фуллона*.—*Вязанка сна, или трагическая кончина двухдневнаго министра*.—*Бѣисные въ аду*.—*Благодарственный адресъ господина Вельзевула парижскому народу*.—*Похороны сѣятельнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ синьоровъ Фуллона и Бертъе де Савиньи, скоропостижно скончавшихся на Гревской площади и погребенныхъ въ своемъ приходѣ*, и т. д. Одинъ выставленный эстампъ изображалъ человѣка, сидящаго за конторкой, держащаго перо въ рукахъ и дѣлающаго ариометическія выкладки. На конторкѣ лежатъ пять отрубленныхъ головъ, а на бумагѣ написано: *Кто изъ двадцати четырехъ уплатилъ пять, остается должнымъ еще девятнадцать* ²⁾). Что эти гнусныя шутки и кровожадныя изображенія входили въ расчетъ противниковъ революціи, это вполнѣ позволительно предположить, если представить себѣ единственныя возможныя послѣдствія подобнаго безстыднаго глумленія; тѣмъ болѣе, что между брошюрами, о которыхъ мы говоримъ, были и явно роялистскаго происхожденія, какъ, напр., слѣдующія: *Отставка парижскаго палача*.—*Письмо палача къ своимъ братьямъ*. Впрочемъ, революція не должна считать въ числѣ своихъ друзей даже тѣхъ, которые, увлекаясь ею, все-таки проявятъ по отношенію къ ней недостаточное уваженіе. Притомъ же нельзя судить о волнахъ моря по ихъ пѣнѣ.

Смерть Фуллона и Бертъе произвела на Національное Собраніе глубокое впечатлѣніе. Обуздать бурные порывы народа, укротить его бурный энтузіазмъ, привести къ молчанію Гревскую площадь, воспрепятствовать принесенію личной свободы въ жертву закону общественнаго спасенія,—вотъ чего многіе желали; но потокъ уже началъ прорывать сдерживавшіе его плотины.

Между тѣмъ Лалли Толлендаль вновь выступилъ со своимъ проектомъ прокламаціи. Съ цѣлью подѣйствовать, ради достиженія успѣха, на чувствительность своихъ слушателей, онъ представилъ патетическій разговоръ о своемъ свиданіи съ моло-

¹⁾ *Dix-neuvième lettre du comte de Mirabeau à ses commettants.*

²⁾ *L'Ami du roi* etc., 4-e cah., chap. LX, p. 98.

дымъ Бертье, стараясь такимъ образомъ перемѣнить на жалость къ сыну ненависть, которую внушалъ къ себѣ отецъ ¹⁾). Мирабо рѣзко прервалъ его рѣчь. «Вы умѣете только чувствовать—вскричалъ онъ,—когда нужно только думать»; и, сопровождая эти слова выразительнымъ жестомъ, онъ, самъ того не замѣчая, махалъ въ воздухѣ плерезами, которые были нашиты у него на рукавахъ ²⁾). Онъ былъ тогда въ глубокомъ траурѣ, такъ какъ самъ только что лишился отца ³⁾). Предложеніе Лалли Толлендаля, хотя слабо подержанное и хотя энергично оспариваемое, было принято, но съ такими поправками, которыя совершенно уничтожали его значеніе. Національное Собраніе призывало гражданъ къ спокойствію и объявляло, что одинъ только законъ долженъ наказывать носителей власти, которыя своими преступленіями причиняютъ несчастія народу. Подобный актъ былъ ошибкой, потому что ему недоставало санкціи. Парижъ не обратилъ никакаго вниманія, и едва ли даже зналъ о немъ.

Поведеніе Мирабо въ этомъ случаѣ заслуживаетъ быть замѣченнымъ. Въ концѣ іюня мѣсяца, какъ мы видѣли, онъ первый предложилъ адресъ, въ сущности совершенно сходный съ прокламаціей Лалли Толлендаля, который, говоря по правдѣ, только воскресилъ тотъ адресъ въ своемъ проектѣ. Эти народныя увлеченія, которыя Мирабо порицалъ тогда съ такою горячностью, теперь онъ ихъ одобрялъ: нужно сказать причину этой рѣзкой перемѣны.

Съ нѣкоторыхъ поръ при дворѣ шла рѣчь о томъ, чтобы призвать *плебейскаго графа* на помощь монархіи. Это было мнѣніе самыхъ искусныхъ совѣтниковъ Людовика XVI; это было мнѣніе двухъ его тетокъ, принцессы Аделаиды и принцессы Луизы, которыя обѣ вмѣшивались въ политику, одна—изъ своего замка Бельвю, другая—изъ глубины своего монастыря въ Сенъ-Дени ⁴⁾). Мирабо былъ увѣдомленъ объ этомъ расположеніи и, поддаваясь своему ненасытному властолюбію, онъ поручилъ графу Ламарку служить ему посредникомъ передъ коро-

¹⁾ *Courrier de Versailles à Paris*, № 20, p. 338.

²⁾ *L'Ami du ro*, etc. 4-e cahier, chap. LXIII, p. 143.

³⁾ Объявляя о смерти своего отца, Мирабо сказалъ: «Потеря моего отца, которая, смѣю сказать, повергаетъ въ печаль истинныхъ гражданъ міра».
19-е письмо.

⁴⁾ *Correspondance secrète de plusieurs grands personnages* etc., p. 109.

лемъ ¹⁾. Принять авансы Мирабо... Людовикъ XVI сдѣлалъ бы это, но королева воспротивилась. Неужели королевская власть опустилась такъ низко, что спасти ее можно было только цѣною подобнаго союза? Послѣ того какъ приходилось бояться Мирабо, какъ врага, было бы слишкомъ большимъ униженіемъ принять его въ союзники; не говоря уже о томъ, что такіе люди навязываются, когда они, повидимому, отдаются. Такъ думала, такъ говорила Марія-Антуанета. Она ненавидѣла Мирабо и, глубоко опечаленная недавнимъ принесеніемъ въ жертву своихъ привязанностей, раздражалась при мысли, что ей придется вдобавокъ пожертвовать и своею ненавистью. Итакъ, Мирабо былъ отвергнутъ еще разъ. Легко представить себѣ его гнѣвъ. Твердо увѣренный, что можетъ причинить много зла тѣмъ, кто имѣлъ неблагоразуміе пренебречь его услугами, онъ поклялся заставить ихъ преклониться передъ нимъ, дѣйствуя на нихъ страхомъ. Находя слишкомъ мало простора для своей жажды мщенія въ Национальномъ Собраніи, онъ рѣшилъ создать себѣ верховную власть площади. Онъ обѣгалъ всѣ округа, повсюду вливая ядъ своей злобы, повсюду оставляя воспламененный слѣдъ своего краснорѣчія, стараясь дискредитировать нерѣшительное царствованіе избирателей, подготавливая паденіе ихъ узурпированной власти и выставляя свою собственную кандидатуру. Главная цѣль его честолюбія состояла въ томъ, чтобы быть выбраннымъ въ мэры Парижа, и онъ твердо рѣшилъ, въ случаѣ, если дворъ не сдастся, вырвать власть изъ рукъ нерѣшительнаго Балби и сдѣлать изъ нея правительство буръ.

Но округа находились подъ вліяніемъ огромнаго большинства буржуа, которымъ его буйныя страсти внушали безпокойство, такъ что его усилія только ускорили наступленіе перемѣнъ, выгоды которыхъ ускользнули отъ него.

Вполнѣ естественно, послѣ долгаго рабства, осязать, такъ сказать, свое могущество, убѣдиться въ его существованіи. Едва только указали первичнымъ собраніямъ объ ихъ державной власти, какъ они заволновались. Съ другой стороны, олигархія городской думы далеко не была убѣждена въ своемъ правѣ. Поэтому, по приглашенію Балби, шестьдесятъ округовъ назначили новое собраніе изъ ста двадцати членовъ. На это собраніе была возложена забота о преобразованіи городского общественнаго

¹⁾ Droz, *Hist. du règne de Louis XVI*, t. II, p. 368.

управленія; но его первый порывъ увлекъ его далеко за предѣлы этой задачи: оно утвердило въ своихъ должностяхъ Балъи и Лафайета, выразило благодарность избирателямъ за ихъ усердіе, пригласивъ ихъ продолжать свои засѣданія; учредило полицейскую комиссію и продовольственный комитетъ; однимъ словомъ, оно взяло въ свои руки бразды городского управленія, и приняло названіе, сдѣлавшееся впоследствии столь трагическимъ: *коммуна*.

Между тѣмъ смерть Фуллона и Бергье вызвала такую панику въ высшемъ сословіи, что многіе изъ аристократіи эмигрировали, между прочимъ герцогъ Люксембургскій, герцогъ Куаньи, князь Ламбескъ, графъ Водрейль, княгиня Бофремонъ, графъ Кайла, маркизь Серенъ и другіе... Это бѣгство главныхъ представителей дворянства не прикрывало ли сигналъ къ войнѣ? Не было ли оно молчаливымъ, но зловѣщимъ призывомъ къ вмѣшательству иностранныхъ державъ? Народъ не обманывался на этотъ счетъ. Онъ понималъ, что если лица, привязанныя къ отечеству тысячею узъ богатства, счастья, гордости, привычекъ къ роскоши, бѣгутъ, вмѣсто того, чтобы покориться судьбѣ или защищаться,—то это не иначе, какъ съ намѣреніемъ вернуться во главѣ тѣхъ самыхъ иностранныхъ солдатъ, которыми они недавно угрожали Парижу. Оттого народъ былъ неумолимъ въ своей неусыпной бдительности. Такъ, барона Бахмана, майора швейцарскаго гвардейскаго полка, притащили въ ратушу единственно потому, что, спустившись съ Королевскаго моста, противъ Тюльери, карета его повернула налѣво, по направленію къ Версалю ¹⁾. Изъ Парижа недовѣріе скоро распространилось въ провинціяхъ. Подозрительность караулила дороги, стояла на-сторожѣ у воротъ городовъ, бунтовала деревни, растянулась вдоль границъ. Муниципалитетъ городка Вильено задержалъ Безанваля. Казалось, поспѣшно покинувшій Національное Собраніе, гдѣ ему суждено было прославиться въ битвахъ краснорѣчія, былъ арестованъ при вѣздѣ въ село Россадъ и, помимо своей воли, возвращенъ къ своей славі, отъ которой убѣжалъ. Аббатъ Мори бѣгалъ на Сѣверъ, сбросивъ свое духовное одѣяніе и подобравъ волосы; но когда онъ проѣзжалъ черезъ городокъ Пероннъ, крестьяне замѣтили, что у него нѣтъ кокарды на шляпѣ; его стали допрашивать, узнали

¹⁾ *L'Ami du roi*, etc. chap. LXI, p. 121.

и засадили подъ арестъ въ одну изъ комнатъ перонской ратуши. Почти въ то же самое время властямъ Гаира привели кикого-то подозрительнаго субъекта: онъ назвалъ себя Шевалье, по профессіи торговцемъ, и имѣлъ спутника, молодого человѣка, у котораго не оказалось паспорта; ихъ обоихъ арестовали ¹⁾. Этотъ торговецъ, этотъ заподозрѣнный путешественникъ, этотъ человѣкъ, задержанный какъ бродяга, былъ никто иной, какъ герцогъ Ла-Вогюйонъ, французскій посолъ въ Испаніи, бывшій гувернеръ Людовика XVI. Его компаньонъ былъ герцогъ Каранси, его сынъ. Подобные факты достаточно показываютъ, каково было тогда настроеніе умовъ на всемъ пространствѣ Франціи.

Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ все содѣйствовало тому, чтобы возбуждать и разжигать народную подозрительность. Повсюду разсыпались пагубныя посланія, по всеѣмъ дорогамъ сновали таинственные курьеры. Въ довершеніе всего, первыя власти, вышедшія изъ революціи, выказывали нерѣшительность; онѣ отказывались если не отъ заботъ, то по крайней мѣрѣ отъ отвѣтственности, и въ то время, какъ въ ратушѣ представители высшей буржуазіи не постѣснились внести обидныя ограниченія въ право разносной продажи сочиненій *неизвѣстныхъ* авторовъ ²⁾, представители Національнаго Собранія не осмѣливались оспаривать у *извѣстныхъ* заговорщиковъ право безнаказанно вести корреспонденцію со своими сообщниками внутри страны, право запечатывать свои интриги неприкосновенной печатью, свободу, наконецъ, злоумышлять противъ свободы.

Графъ д'Артуа, какъ мы видѣли выше, сдѣлался центромъ контръ-революціи. Когда нѣсколько адресованныхъ на его имя писемъ были захвачены у барона Кастельно, ихъ поспѣшили отнести въ городскую думу, откуда Бальи препроводилъ ихъ къ герцогу Ліанкуру, президенту Національнаго Собранія. Не зная, что съ ними дѣлать, Ліанкуръ отослалъ ихъ обратно въ парижскую ратушу. По этому поводу въ Собраніи возникли пренія. Когда отечество въ опасности, когда дѣло идетъ о торжествѣ самыхъ благородныхъ чувствъ, какія когда-либо волновали сердца людей, позволительно ли сломать печать явно опас-

¹⁾ *L'Ami du roi* etc., 4-e cahier, chap. LXI, p. 122.

²⁾ Постановленіе относительно разносчиковъ.

ной корреспонденціи? Дюпонъ де Немуръ, Ле Камюсъ, Лалли Толлендаль, Мирабо съ живостью высказались за отрицательный отвѣтъ. Противное мнѣніе было поддержано графомъ Шатенэ, Ребелемъ, Гуа д'Арси. Этимъ послѣднимъ епископъ лангрскій возражалъ примѣрами изъ древней исторіи, цитировалъ Цезаря; но Робеспьеръ, по выраженію Горза, разбилъ впрахъ аргументъ епископа лангрскаго ¹⁾. Не на древніе примѣры тутъ нужно ссылаться, а на верховный законъ общественнаго спасенія. Общественное спасеніе! Эти два слова въ устахъ Робеспьера, привели бы въ трепетъ собраніе, если бы оно могло предвидѣть тогда, сколько они заключали въ себѣ силы, ужаса и чудесъ. Споръ, впрочемъ, не привелъ ни къ чему: вопросъ не былъ вотированъ. Что говорилось въ перехваченныхъ письмахъ? Никто не зналъ, и это еще болѣе усиливало опасенія. Легко было понять мученія народа: вѣдь дѣло шло о самосохраненіи сокровища, которое было завоевано съ такимъ трудомъ!

Среди этого всеобщаго безпокойства вдругъ распространился слухъ, наполнившій всѣ сердца негодованіемъ. Какіе-то люди ходили изъ улицы въ улицу, выкрикивая: *Великій заговоръ, великая измѣна аристократовъ*; и газеты извѣстили, что дѣйствительно былъ гнусный умыселъ сдать Брестскій портъ англичанамъ ²⁾. Къ тому же слухъ этотъ имѣлъ официальный источникъ: онъ былъ не что иное, какъ отголосокъ конфиденціального сообщенія, сдѣланнаго англійскимъ посломъ Монморену, министру иностранныхъ дѣлъ, въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца. Оставалось узнать, не хотѣла ли Англія, вѣрная духу своей политики, только раздуть пламя нашихъ раздоровъ, извѣщая французскій дворъ о заговорѣ, безъ указанія именъ его авторовъ или какихъ-либо подробностей. Несомнѣнно то, что герцогъ Дорсэ старался преувеличить скандалъ. Онъ написалъ Монморену письмо, которое было прочитано въ полномъ Собраніи. Посолъ говорилъ въ этомъ письмѣ слѣдующее ³⁾:

«Ваше превосходительство помните, безъ сомнѣнія, неоднократно бесѣды, которыя я имѣлъ съ вами въ началѣ прошлаго іюня мѣсяца, помните также ужасный заговоръ, который былъ

¹⁾ *Le Courrier de Versailles à Paris*, № 21, p. 7.

²⁾ Нѣкоторые говорили: *сжечь. Prud'homme, Révolutions de Paris*, t. I, № 3, p. 39.

³⁾ *Moniteur*, засѣданіе 27 іюля.

предложенъ относительно Брестскаго порта, поспѣшность, съ которою я счелъ долгомъ предостеречь короля и его министровъ, отвѣтъ моего двора, вполнѣ соответствовавшій моимъ чувствамъ и отвергнувшій съ негодованіемъ сдѣланное ему предложеніе... Вы понимаете, насколько важно для меня, чтобы воздана была справедливость моему поведенію и поведенію моего двора».

Обвиненіе это, хотя неопредѣленное, было слишкомъ важно; оно исходило изъ слишкомъ высокихъ сферъ, оно отвѣчало слишкомъ живо возбужденнымъ опасеніямъ, чтобы не старались разслѣдовать его; и съ другой стороны, такъ какъ попытки того же рода могли возобновиться, то нужно было придумать средства узнавать на будущее время происхожденіе подобныхъ заговоровъ, ихъ виновниковъ, тайныя нити и конечную цѣль. Въ засѣданіи 28 іюля Дюпоръ попросилъ слова. Это былъ человекъ твердаго ума, смѣлый, смотрѣвшій прямо въ корень вещей, умѣвшій, когда нужно, наносить сильные удары. Уже ранѣе, по предложенію Вольнея, Собраніе учредило комитетъ изъ тридцати членовъ, имѣвшій назначеніемъ принимать и разсматривать памятные записки, жалобы, прошенія ¹⁾. Дюпоръ хотѣлъ бѣльшаго. Послѣ краткаго и нервнаго описанія бѣдствій страны, онъ предложилъ учредить комиссію изъ четырехъ лицъ для выслушанія доклада и уликъ относительно Брестскаго заговора и другихъ ему подобныхъ. Установить надъ свободой нѣсколькихъ надзоръ, необходимый для спокойствія всѣхъ; ограничить право индивидуальное во имя и въ пользу права общественнаго—такова была цѣль, но можно было предвидѣть, что она будетъ перейдена: отъ комиссіи, специально учрежденной для открытія заговоровъ, до комиссіи, специально назначенной для каранія ихъ виновниковъ, былъ всего только одинъ шагъ. Такъ было положено, рукою совѣтника парламента, первое основаніе знаменитаго революціоннаго трибунала. Оспариваемое, не столько съ авторитетомъ, сколько съ запальчивостью, графомъ Вирье, элегантнымъ кавалеромъ де Вуффле, предложеніе Дюпора нашло главную поддержку—обстоятельство, довольно замѣчательное—среди дворянъ, между прочимъ, со стороны виконта де Нойаль, графа Кастеляна, герцога Ла Рошфуко. Когда Ревбель нарисовалъ образъ временнаго трибунала, а Гуи д'Арси заговорилъ объ учрежденіи *тайной комиссіи*, собраніемъ уже овладѣлъ

¹⁾ *Moniteur*, séance du 28 juillet.

ужасъ; однако, представивъ проектъ въ искусно смягченной формѣ, Ле Шапелье успѣлъ собрать въ пользу мысли Дюпора большинство голосовъ. Д'Андрэ потребовалъ, чтобы число участвующихъ въ комиссіи лицъ было увеличено съ четырехъ до двѣнадцати, что должно было повести къ обезсиленію самаго учрежденія; эта поправка и облегчила принятіе проекта. Боязнь, внушаемая Парижемъ, довершила остальное. Въ члены комиссіи были избраны: Дюпоръ, епископъ шартрскій, герцогъ Ла Рош-фуко, де Глезанъ, Фрето, Тронше, Ревбель, д'Андрэ, Бушъ, Петионъ, Иверно и самый горячій противникъ проекта—графъ Вирье.

Дебаты, память о которыхъ мы только что воскресили, не отличались блескомъ большихъ ораторскихъ состязаній; но они имѣли капитальную важность, потому, что обрисовывали двѣ соперничавшія доктрины, которыя въ скоромъ времени должны были подѣлится между собою революцію, какъ онѣ подѣлили XVIII вѣкъ.

Съ Лалли Толлендалемъ, Мунье, Малузъ, ученики Вольтера и Монтескье утверждали, что кодексъ цивилизованныхъ націй есть прежде всего кодексъ гарантій; что никакія соображенія общественной пользы не должны брать верхъ надъ уваженіемъ къ священному праву личности; что давать слишкомъ много простора личному дѣйствию, даже когда отечество въ опасности, это значитъ давать оружіе для тираніи.

Робеспьеръ и ученики Жанъ Жака думали, напротивъ, что люди связаны между собою солидарностью, таинственною цѣпью, первое звено которой прикрѣплено къ престолу Всевышняго; что только счастье всего человѣчества должно служить основаніемъ, принципомъ, правиломъ, мѣрой, оправданіемъ правъ; что внѣ этого возможны только безстыдныя узурпаціи или несправедливыя претензіи; что такъ какъ права отдѣльныхъ лицъ могутъ опредѣляться не иначе какъ по ихъ соотношеніямъ съ выгодой всѣхъ, то приносить въ жертву этимъ правамъ, разсматриваемымъ въ отдѣльности, должное отечеству, находящемуся въ опасности, было бы прискорбнымъ безуміемъ, если не преступленіемъ.

Это значило поддерживать съ точки зрѣнія борьбы—какъ и нужно было въ то время,—доктрину, которая въ сущности есть доктрина мира. Ибо прогрессъ состоитъ въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе осуществлять, въ средѣ человѣческихъ обществъ,

законъ единства, который мы видимъ въ дѣлахъ Божіихъ, тотъ удивительный законъ, который проявляется въ человѣческомъ тѣлѣ взаимной зависимостью членовъ, и въ блистающемъ механизмѣ вселенной притяженіемъ міровъ.

Въ то время, какъ, подчиняясь закону событій, который на извѣстныхъ высотахъ, играетъ волею людей, Національное Собраніе давало себя увлечь на принятіе мѣръ предосторожности, почти пагубныхъ. Неккеръ возвращался изъ ссылки, съ душою, открытой мыслямъ и чувствамъ милости. Пріѣхавъ въ Базель 20 іюля, онъ велѣлъ приготовить себѣ квартиру въ гостиницѣ «*Treux королей*». На другой день, узнавъ, что герцогъ и герцогиня Полиньякъ остановились въ сосѣдней гостиницѣ, онъ не поколебался сдѣлать имъ визитъ; отъ нихъ-то онъ и узналъ свѣжія новости Парижа ¹⁾. Нѣсколько дней спустя Дюфренъ де Сенъ Леонъ принесъ ему письмо короля и постановленіе Собранія. Неккеръ тогда начиналъ уже испытывать ту душевную усталость, которая предвѣщаетъ упадокъ честолюбія; герцогиня Полиньякъ не преминула нарисовать ему ужасающую картину народныхъ буйствъ: одну минуту онъ видимо колебался. Его отвѣтъ королю дышитъ меланхолической серьезностью. Собранію онъ написалъ: «Считаю долгомъ, милостивые государи, принести вамъ мою благодарность. Вы не нуждаетесь въ моей преданности, но для меня важно доказать королю и французской націи, что ничто не можетъ ослабить рвенія, которое уже столь долгое время составляетъ весь интересъ моей жизни» ²⁾.

Возвращеніе Неккера было настоящимъ триумфомъ. Крестьяне, при его приближеніи, выбѣгали на дорогу, осыпали его путь цвѣтами, и когда онъ проѣзжалъ мимо, все снимали шапки и кричали: *Да здравствуетъ Неккеръ, отецъ народа!* Впереди экипажа его шла гражданская милиція; въ деревняхъ, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, звонили въ колокола. Въ Шомонѣ, въ Басиньи, онъ былъ встрѣченъ должностными лицами городского общественнаго управленія, которыя ожидали его съ чувствомъ какъ бы религіознаго нетерпѣнія, и угощали его, по нѣмецкому обычаю, винами своего города. Энтузіазмъ былъ до того необы-

¹⁾ Madame de Staël, *Considérations sur la Révolution française*, t. I, chap. XXIII, p. 243.

²⁾ Барьеръ рассказываетъ въ *Point du jour*, что это письмо было восторженно принято собраніемъ.

чайный, до того превосходившій всякую мѣру даже въ своихъ порывахъ, что въ тотъ моментъ, когда Неккеръ сѣлся за столъ, со своей семьей, одинъ изъ жителей города попросилъ чести прислуживать ему за столомъ; недостойное раболѣпство, которое г-жа Сталь отклонила, сказавъ: «Нѣтъ, сударь, вы вѣдь гражданинъ!»¹⁾ Когда Неккеръ удался къ себѣ, чтобы немного отдохнуть, городская милиція вся, въ полномъ составѣ, хотѣла сторожить его сонъ, а Дюрвиль, командиръ перваго корпуса пѣхоты, легъ спать въ его комнатѣ²⁾, такъ много было экзальтаціи въ глубинѣ тѣхъ идей, представителями которыхъ тогда казался Неккеръ.

Тотчасъ по прибытіи въ Версаль вновь призванный министръ отправился въ замокъ. Онъ нашелъ его мрачнымъ и пустыннымъ. Марія-Антуанета, недавно столь высококомѣрная столь грозная, имѣла теперь угнетенный видъ, обличавшій уныніе, упадокъ духа. У Людовика XVI не осталось даже силы быть беззаботнымъ, какъ прежде. На должность гувернантки при королевскихъ дѣтихъ, оставшуюся вакантною послѣ отъѣзда герцогини Полиньякъ, была назначена маркиза Турзель; портфель министра иностранныхъ дѣлъ былъ отданъ Монморену, а графъ де Сент-При занялъ мѣсто Вильдеиля въ министерствѣ королевскаго двора³⁾. Вышній видъ двора совершенно измѣнился.

29 іюля Неккеръ пошелъ благодарить Собраніе, гдѣ онъ былъ встрѣченъ необычайно бурными аплодисментами. На нѣсколько словъ, которыя онъ произнесъ дрожащимъ голосомъ—обѣщаніе преданности, вмѣстѣ съ выраженіемъ благодарности,—герцогъ Ліанкуръ отвѣчалъ рѣчью, въ которой были исчерпаны всѣ формулы восхищенія.

Впрочемъ, чтобы получить понятіе объ огромной популярности, которою пользовался Неккеръ въ эту эпоху, нужно читать современныя газеты. «Сердце сжимается,—говоритъ Горза⁴⁾, при — мысли о томъ, сколько онъ выстрадалъ, и какимъ страданіямъ могъ бы еще подвергнуться. Стараются угадать въ

1) «Описаніе происходившаго въ Шомонѣ, въ Бассини, во время прибытія туда г. Неккера», стр. 3.

2) Тамъ же.

3) *Notice sur M. le comte de Saint-Priest*, par M. de Barante, p. CVII.

4) *Courrier de Versailles à Paris*, № 23, p. 48.

его глазахъ движенія его души. Это отецъ, вернувшійся въ лоно своей семьи, которая его обожаетъ; хотя теперь ему нечего больше бояться, всё безпокоится еще, допрашиваютъ его, чтобы узнать, нѣтъ ли у него какой-нибудь скрытой раны, которую онъ не хочетъ обнаружить изъ боязни огорчить своихъ дѣтей».

Могъ ли человѣкъ, котораго окружали такого любовью, такимъ уваженіемъ, не возмнить о себѣ? Неккеръ считалъ себя рукою, тогда какъ онъ былъ только орудіе. Амнистировать пораженіе въ самомъ началѣ борьбы; декретировать забвеніе старыхъ обидъ, въ то время какъ увеличивались оскорбленія и умножались опасности; спасать виновныхъ, рискуя поощрить ихъ сообщниковъ; спасти Безанвала, воспретить революціи ея гнѣвъ, который былъ ея благоразуміемъ,—вотъ что замышлялъ Неккеръ. Одно обстоятельство должно бы было однако предостеречь его отъ слишкомъ смѣлыхъ надеждъ. Проѣзжая черезъ Вильено, онъ успѣшилъ написать, въ своей каретѣ, письмо мѣстнымъ властямъ, прося ихъ освободить Безанвала; однако ничего не добился. Но версальскій ѳиміамъ подѣйствовалъ на него опьяняющимъ образомъ. Онъ не понималъ, что во всемъ этомъ шумѣ, который дѣлалъ вокругъ его личности, было огромное недоразумѣніе; что раздававшіяся въ честь его рукоплесканія относились собственно къ идеямъ, далеко уже опередившимъ его взгляды. Кромѣ того, онъ не зналъ, что слава—это сѣти разставленныя дѣятельности избранныхъ; что репутація—это ливрея, въ которую народъ облакаетъ таланты, принимаемые имъ къ себѣ на службу, и что популярность хочетъ, чтобы былъ ея рабомъ тотъ, кого она, повидимому, избрала своимъ кумиромъ.

Итакъ, Неккеръ поѣхалъ въ Парижъ, въ его ратушу, по тому пути, который только что былъ свидѣтелемъ мучительной тоски Людовика XVI, и въ концѣ котораго находилась мостовая, обогрѣнная кровью де Лонэ, Бертье, Фуллона. Цѣлая армія предшествовала, окружала и слѣдовала за каретой министра. Столь же многочисленный, но болѣе блестящій, чѣмъ свита, сопровождавшая короля, дворъ Неккера состоялъ изъ маркизы Лафайетъ, княгини Любомирской, графини Потоцкой, баронессы Сталь, графа де Сентъ-При, маркиза Лафайета, Клермонъ Тюнера, Рошшуара, Люзиньяна ¹⁾ и т. д. Въ ратушѣ, двѣнадцать

¹⁾ *L'Ami du roi* etc., 5 cahier, chap. LXVIII, p. 43.

избирателей приняли ожидаемого гостя и проводили его до приготовленного ему кресла, среди грома рукоплесканий. Тогда Моро де Сеян-Мери поднесъ ему революціонную кокарду, со словами: «Эти цвѣта дороги вамъ, это цвѣта свободы». Послѣ привѣтствія, произнесеннаго де Ла Винемъ отъ имени коммуны, Неккеръ, въ полной достоинства и трогательной рѣчи, просилъ о помилованіи Безанвали. Въ то время, какъ онъ говорилъ, черты лица его измѣнились, глаза стали влажными. Онъ умолялъ даже. Эта печаль въ торжествѣ, эта униженность въ славѣ произвели глубокое впечатлѣніе. «Да, закричали со всѣхъ сторонъ, помилованіе, прощеніе, амнистія!» Порывъ былъ настолько сильный, что сейчасъ же было дано согласіе на общую амнистію, предложенную Клермонъ Тоннеромъ. Неккеръ вернулся въ Версаль съ сіяющимъ лицомъ и радостью въ сердцѣ.

Въ этой поѣздкѣ былъ, однако, подводный камень, о который и разбилась его популярность. Едва только постановленіе избирателей, санкціонировавшее амнистію, стало извѣстнымъ, какъ весь Парижъ воспламенился. Кто далъ избирателямъ право уничтожать декреты Національнаго Собранія, прощать явныхъ враговъ народа, располагать мщеніемъ или великодушіемъ Парижа? Этотъ баронъ Безанваль, сдѣлавшійся предметомъ столь странной заботливости, не тотъ ли самый человѣкъ, который долженъ былъ управлять дѣломъ избіенія парижанъ, не тотъ ли самый, который совѣтовалъ коменданту Бастиліи держаться стойко? Почему въ отношеніи темныхъ преступленій, вызванныхъ нищетою или голодомъ, не выказываютъ той снисходительности, которою прикрываютъ преступленія, порожденные безуміемъ честолюбія или опьяненіемъ гордости? Напрасная надежда: революція не дастъ себя обезоружить; и если она захочетъ проявить великодушіе, то это будетъ послѣ, а не передъ битвой. Негодованіе было всеобщее. Округъ Ораторіи послалъ двухъ изъ своихъ членовъ въ Вильено съ требованіемъ воспрепятствовать освобожденію Безанвали. Округъ Бланъ-Манто осаждалъ Національное Собраніе своими жалобами и угрозами. Тогда избиратели, охваченные ужасомъ, поспѣшили возвратиться къ своему предыдущему постановленію; они объяснили, что имѣли въ виду только воспретить акты насилія, внѣ-законныя наказанія. Со своей стороны, Національное Собраніе объявило, что оно одобряетъ объясненіе, данное избирателями, и что Безанваль остается подъ стражей закона.

Одного дня было достаточно, чтобы низвергнуть Неккера съ пьедестала. Когда онъ узналъ объ отказѣ избирателей, онъ поблѣднѣлъ и написалъ: «Мое счастье было непродолжительно».

Около этого времени произошло приключеніе съ Пинэ,—приключеніе кровавое, таинственное, которое слѣдуетъ рассказать, потому что оно тѣсно связано съ тѣми причинами, которыя удерживали народъ на наклонной плоскости строгостей.

Пинэ, биржевей маклеръ и секретарь короля, пользовался вообще большимъ уваженіемъ ¹⁾. Это былъ человекъ мягкаго характера, доброй души, отличавшійся самой скрупулѣзной точностью въ исполненіи своихъ обязательствъ. Однако, его состояніе, первоначально очень ограниченное, въ короткое время необыкновенно увеличилось. Какимъ образомъ? Это было неизвѣстно. Знали только, что онъ не былъ игрокомъ, не прельщался возможностью выигрыша въ лотереѣ, не занимался никакими ростовщическими операціями, и платилъ огромный процентъ съ фондовъ, привлекаемыхъ въ его кассу всеобщимъ довѣріемъ, которое онъ сумѣлъ внушить къ себѣ ²⁾. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ многими изъ главныхъ придворныхъ особъ, что увеличивало его кредитъ, который онъ, впрочемъ, употреблялъ, повидимому, благородно, предпочитая допускать къ участию въ своихъ барышахъ людей небогатыхъ, какъ бы для того, чтобы освятить добрымъ дѣломъ выпавшее на его долю счастье. Послѣ смерти Фуллона и Бертье онъ вдругъ впалъ въ мрачную задумчивость ³⁾. 29 іюля ему принесли какое-то письмо, которое онъ прочиталъ три раза подрядъ; во время обѣда, въ своей семьѣ, онъ имѣлъ совершенно спокойный видъ, и даже пригласилъ нѣсколькихъ друзей къ себѣ на ужинъ; но между шестью и семью часами вечера ушелъ изъ дому и болѣе не появлялся. На другой день, на опушкѣ Везинетскаго лѣса близъ Сенъ-Жермена нашли какого-то окровавленнаго человека: это былъ Пинэ. Перенесенный на постоянный

¹⁾ Prud'homme, *Revolutions de Paris*, t. I, № 3; p. 41

²⁾ *L'Ami du roi* etc., 5 cahier, chap. LXX p. 69.

³⁾ *Hist. de la Revolution par deux amis de la liberté*, t. III, chap. III, p. 92; édition de 1792.—Все, что пишетъ *Moniteur* относительно спекуляцій насчетъ голодовки, или насчетъ приключенія съ Пинэ, есть только точное воспроизведеніе разсказа *двухъ друзей свободы*, который и самъ нуждается въ исправленіи и дополненіи.

дворъ въ Пекѣ, онъ на разспросы отвѣчалъ, что ничего не понимаетъ въ этомъ ужасномъ приключеніи; что, приглашенный наканунѣ въ Елисейскія поля для совершенія финансовой операціи, онъ проснулся въ лѣсу у Везинэ, съ головою, прислоненною къ дереву, забрызганному кровью; что онъ не можетъ понять ни того, какимъ образомъ его ранили, ни того, какъ онъ очутился въ мѣстѣ, столь отдаленномъ отъ его пути. Поспѣшили послать за хирургомъ; послѣдній сказалъ Пинэ: «Рана у васъ не отъ ушиба о стволъ дерева, а отъ выстрѣла» ¹⁾. При этихъ словахъ Пинэ смутился, приложилъ палецъ ко рту и сдѣлалъ знакъ, что не можетъ говорить при свидѣтеляхъ. Въ концѣ концовъ онъ признался, что его хотѣли убить; что его дѣла въ хорошемъ состояніи; что никто бы ничего не потерялъ, если бы согласились войти въ любовную сдѣлку; что ему очень хотѣлось бы, чтобы его какъ можно скорѣе перенесли въ Парижъ,... и онъ особенно просилъ беречь его красный портфель. Три дня спустя онъ умеръ.

О заявленіяхъ умирающаго должны были составить протоколъ: протоколъ этотъ не былъ предъявленъ; красный портфель тоже никогда не былъ представленъ, несмотря на указанія, несомнѣнно данныя Пинэ. Наконецъ, еще одно странное обстоятельство: редакторы газеты *La Chronique* опубликовали точную цифру его несостоятельности двумя мѣсяцами раньше, чѣмъ она была провѣрена ²⁾. Она достигала пятидесяти милліоновъ. Это была пропасть, поглотившая полторы тысячи семействъ.

Разряженный пистолетъ, поднятый въ Везинетскомъ лѣсу, и другой пистолетъ, заряженный, найденный въ карманѣ Пинэ, навели сначала на предположеніе самоубійства. Но потомъ выяснилось, что въ послѣдніе дни передъ смертью несчастный биржевой маклеръ подвергался систематическому запугиванію. Возникли странныя подозрѣнія. Какъ на доказательство, ссылались на исчезновеніе портфеля, на собственное свидѣтельство умирающаго, на предшествовавшія угрозы, которыми его преслѣдовали, на многія обстоятельства, подтверждавшія, что до послѣдняго момента дѣла его были въ цвѣтущемъ состояніи. При болѣе близкомъ разсмотрѣніи, гипотеза убійства привела

¹⁾ *L'Ami du roi* etc., 5-е cahier, chap. LXX, p. 70.

²⁾ *L'Ami du roi* etc., 5-е cahier, chap. LXX, p. 70.

къ нѣкоторымъ важнымъ замѣчаніямъ. Припомнили, что Пинэ всегда окружалъ свои операціи непроницаемой тайной; что когда кто-нибудь, ввѣряя ему свой капиталъ, спрашивалъ относительно помѣщенія его, Пинэ обыкновенно тотчасъ же возвращалъ ввѣряемую сумму. Внимательно просмотрѣнный списокъ его друзей обнаружилъ подозрительныя имена. За помѣщаемыя у него деньги онъ платилъ чудовищный процентъ—до 75 процента ¹⁾: какого же рода была операція, могущая приносить такіе огромные барыши въ это время смутъ и подозрѣній, когда промышленность была въ застоѣ, когда торговля убѣгала передъ войной, когда поля оставались необработанными? Полагали, что разгадка будетъ найдена, если предположить, что Пинэ былъ банкиромъ хлѣбной монополіи, кассиромъ скупщиковъ хлѣба. Благотворительность его объясняли тѣмъ, что она служила ему средствомъ заглушать укоры совѣсти. Мы видѣли, что Національное Собраніе учредило продовольственный комитетъ. Хотя этотъ комитетъ держался въ тѣни, но не сомнѣвались, что онъ дѣятельно разыскиваетъ слѣды скупщиковъ. Общее мнѣніе остановилось на слѣдующемъ предположеніи: Пинэ вынуждали выдать гнусныхъ продолжателей той системы хлѣбнаго барышничества, которая, подъ именемъ *pacte de famine*, опозорила царствованіе Людовика XV ²⁾; виновные боялись разоблаченія, которое тотчасъ повлекло бы за собою ихъ смертный приговоръ; и, попробовавъ сначала предупредить это разоблаченіе угрозами, они рѣшились наконецъ заглушить его убійствомъ.

Больше ничего не удалось узнать. Лустало писалъ въ своей газетѣ, сообщая о смерти Пинэ: «Это событіе должно пролить много свѣта на нынѣшнюю революцію» ³⁾. Но многочисленность виновныхъ, ихъ рангъ, ихъ кредитъ, ихъ богатства, помѣшали полному обнаруженію истины.

Отсюда, между народомъ, усиленіе недовѣрія и гнѣва, такъ какъ, въ его глазахъ, громадность преступленія увеличивалась его безнаказанностью. Въ Парижѣ произошли грозныя демон-

¹⁾ *Hist. de la Revolution par deux amis de la liberté*, t. III, chap. III, p. 91. Edition de 1792.

²⁾ Подробности этой гнусной спекуляціи можно найти въ книгѣ, озаглавленной «*Le Prisonnier d'Etat ou tableau historique de la captivité de J. G. G, le prévot de Beaumont*, которая служила главнымъ источникомъ для всѣхъ авторовъ, писавшихъ о *pacte de famine*.

³⁾ *Révolutions de Paris* t. I, № 3, p. 42.

страціи. Жалобы разоренныхъ семействъ смѣшивались съ негодующими криками толпы, которая, чувствуя удары, наносимые ей невидимыми руками, кипѣла злобой, что не можетъ ни избѣжать бѣдъ, причиняемыхъ хлѣбнымъ барышничествомъ, ни добратся до барышниковъ. Дороговизна хлѣба вызвала, въ окрестностяхъ Парижа, сильныя волненія, которыя нашли отголосокъ въ Пале-Рояль. Шатель, мэръ города Сенъ-Дени, былъ зарѣзанъ ¹⁾ въ минуту слѣпого опьянѣнія разъяренной толпы.

Опасность и въ то же время силу Франціи составляетъ это нравственное электричество, которое тамъ, въ данный часъ, сообщаетъ всѣмъ умамъ одинаковое волненіе. Какой видъ приняла столица, такой же приметъ и все государство. Провинція имѣла свои трагедіи, не менѣе мрачныя, чѣмъ парижскія. Какъ Бертъ въ Парижѣ, такъ майоръ Бельзунсъ въ Канѣ искупилъ ужасной смертью свое презрительное отношеніе къ народному движенію. Онъ былъ ненавидимъ народомъ, потому что преслѣдовалъ революцію; потому что, разтѣзая верхомъ на конѣ, вооруженный съ головы до ногъ, сопровождаемый какимъ-то человѣкомъ съ зловѣщимъ лицомъ, онъ позволялъ себѣ насмѣхаться надъ торжествами по случаю возвращенія Неккера; потому что онъ оскорбительнымъ образомъ отнял у трехъ гренадеръ полка д'Артуа медаль, данную имъ за ихъ гражданскія добродѣтели; потому что его подозрѣвали въ намѣреніи побудить Бурбонскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ, на какое-нибудь внезапное нападеніе ²⁾. И вотъ, подъ влияніемъ этого озлобленія, толпа неожиданно ворвалась въ казармы, схватила его и потащила въ городскую ратушу, но по дорогѣ туда онъ былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ. Тотчасъ же набросились на его трупъ и разорвали его на куски, при чемъ къ публичному гнѣву присоединилась месть оскорбленной любви, и одна женщина вырвала у него сердце ³⁾.

Вотъ какъ одинъ нѣмецъ, пріѣхавшій во Францію въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него тогдашнимъ видомъ Франціи: «Не сумѣю передать волненіе, овладѣвшее мною, когда я въ первый разъ увидалъ французскую кокарду на шляпкахъ и фуражкахъ встрѣ-

¹⁾ *Cousin Jacques*, p. 144 et suiv.

²⁾ Prud'homme, *Révolutions de Paris*, t. I, № 7, p. 45;—*Mémoires de Dumouriez*, t. II, liv. III, chap. III, p. 53, 54.

³⁾ «Утверждаютъ, что она его съѣла, говоритъ Dumouriez, t. II, p. 55.

чавшихся намъ горожанъ и крестьянъ, дѣтей и стариковъ, священниковъ и нищихъ, и когда я читалъ на ихъ радостныхъ лицахъ какъ бы гордость въ присутствіи иностранцевъ. Миѣ хотѣлось обнять всякаго, кто попадался миѣ навстрѣчу. Это уже не были французы; мои спутники и я самъ перестали быть на мгновеніе бранденбуржцами, брауншвейцами; исчезли національные раздоры и интересы: «Я человѣкъ, говорилъ каждый изъ насъ, и ничто, касающееся челоѣчества, миѣ не чуждо»¹⁾.

Это было прекрасное зрѣлище, болѣе прекрасное, чѣмъ всѣ зрѣлища героическихъ временъ. Эта трехцвѣтная кокарда²⁾ которой Лафайетъ предсказалъ столько безсмертныхъ побѣдъ, и которая теперь блестяла на шляпѣ и землевладѣльца, и ремесленника, и дворянина, и священника, и солдата, и бродяги,—она служила эмблемой равенства, въ ожиданіи, пока она достигнетъ полного торжества. Достойно было также удивленія то, что многіе смиренные приходскіе пастыри вдругъ возвысились до пониманія Евангелія, этого кодекса освобожденнаго міра. Ибо не только въ Парижѣ нѣкоторые священники, какъ, напри- мѣръ, аббатъ Фоше, призывали Распятаго въ свидѣтельство святости новыхъ желаній; не только въ Парижѣ, при видѣ бѣлыхъ процессій молодыхъ дѣвушекъ, идущихъ молиться мѣстной покровительницѣ о спасеніи народа, можно было воскликнуть: «О, Блаженная! сколько разнообразныхъ желаній Ты выслушала! Людовикъ Святой просилъ Тебя о помощи для завоеванія Иерусалима, Людовикъ XI — о прощеніи ему его преступленій, Карль IX—о Варооломеевской ночи, Людовикъ XIV— о дарованіи ему побѣдъ, а наши дѣвы просятъ у Тебя свободы»³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, революція съ изумительной быстротой распространялась изъ города въ деревню, изъ деревни въ одинокія хижины, повсюду возбуждая энтузіазмъ. Да, революціонный энтузіазмъ—вотъ что раньше и лучше всякихъ законовъ измѣнило географическую карту Франціи. Изъ того же порыва къ царству правды вышло и единство территории. Свобода создала отечество.

¹⁾ «Письма, писанныя изъ Франціи въ эпоху Революціи», I. Г. Кампе (по-нѣмецки); письмо 1-е, стр. 11.

²⁾ Къ цвѣтамъ Парижа, красному и синему, былъ прибавленъ бѣлый,—чтобы почтить короля, по Алонвиллю; чтобы символизировать народъ, по Кампе.

³⁾ *Revolutions de Paris*, t. I, № 6, p. 26.

Они, впрочемъ, не трогали жилищъ бѣдняковъ, никому не дѣлали никакого насилія и, дѣйствительно, имѣли видъ мстителей за угнетаемый народъ. Замокъ въ Мезенѣ уцѣлѣлъ только потому, что они нашли въ немъ большую женщину, лежавшую въ постели. Они удовольствовались захватомъ владѣльческихъ документовъ, которые и сожгли посреди двора.

Одна современная брошюра, озаглавленная: «*Поджигатели въ Догинэ или Враги знати*», замѣчаетъ, что сейчасъ описанныя дѣйствія вовсе не были плодомъ мятежныхъ козней, и представляетъ:

«Вельможи, богачи, провинціальные сеньоры такъ долго, такъ жестоко притѣсняли народъ, что тутъ мы видимъ проявленіе старой, почти неизгладимой ненависти. У этого народа отнимали пропитаніе, заставляя превращать его въ деньги и нести, въ видѣ оброка, тиранамъ-помѣщикамъ; то это были барщины, то несправедливые судебные процессы, то насилія. Мечь накаплиется вѣками въ озлобленныхъ сердцахъ, и какъ только получить возможность дѣйствовать, является бурнымъ, не знающимъ никакого удержу, потокомъ».

Движеніе, побуждавшее сельскій людъ къ разрушенію феодальныхъ твердынь, получило къ тому же сильнѣйшій толчокъ вслѣдствіе одной неожиданной катастрофы. Въ окрестностяхъ Везуля находился замокъ, владѣлецъ котораго былъ извѣстенъ какъ горячій и злостный противникъ всѣхъ новыхъ идей. Соперникъ парламента, де-Месме, принадлежалъ къ числу тѣхъ дворянъ, которыхъ третье сословіе называло протестантами, потому что они протестовали противъ удвоеннаго представительства этого сословія. Не считая себя въ безопасности, онъ уѣхалъ въ половинѣ іюля мѣсяца, приказавъ своимъ слугамъ открыть замокъ для народнаго праздника. 19-го іюля, въ воскресенье, окрестные крестьяне веселились въ роцфѣ, прилегавшей къ замку, какъ вдругъ, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами ночи, раздался странный взрывъ, и въ тотъ же моментъ почва была усѣяна убитыми и ранеными. Взрывъ этотъ произошелъ отъ загорѣвшагося боченка съ порохомъ. Крестьяне разбѣжались, съ проклятіями на устахъ; крикъ «измѣна» пронесся изъ деревни въ деревню, смѣшанный съ звономъ набатнаго колокола; былъ составленъ протоколъ: верховые во весь опоръ, поскакали въ Версаль. Залитый кровью театръ патріотическаго праздника, валяющіеся члены человѣческихъ тѣлъ, факелы,

зажженные вокруг замка жаждущими мести руками, весь округ Везуль въ страшномъ волненіи—вотъ какую картину представилъ взорамъ Національнаго Собранія протоколъ, прочитанный депутатомъ провинці Франшъ-Конте, Прюнелемъ. Трепетъ ужаса пробѣжалъ по всѣмъ скамьямъ, и было рѣшено, что президентъ отправится къ королю съ просьбой приказать сдѣлать розыскъ виновниковъ или пособниковъ этого злодѣянія. Это значило санкціонировать подозрѣніе народа въ такое время, когда оно быстро превращалось въ ярость.

Позднѣе была доказана невинность владѣльца замка де-Месме¹⁾, но толчокъ былъ данъ. Быстро распространившаяся вѣсть о везульской трагедіи потрясла всю Францію. Во многихъ мѣстахъ эту катастрофу изображали какъ признакъ обширнаго заговора, какъ сигналъ къ Варооломеевской ночи для крестьянъ. А многіе сеньоры сдѣлались до того ненавистными, что никакое покушеніе съ ихъ стороны не казалось невѣроятнымъ.

Прибавьте къ этому всеобщее волненіе, производимое страхомъ передъ этой фантастической арміей разбойниковъ, о которой говорили, что она состоитъ на жалованьи у аристократовъ, и что ей поручено уничтожать хлѣбъ на поляхъ. Ибо такова была главная боязнь того года. Часто приходилось видѣть группы женщинъ, прибѣжавшихъ въ испугѣ въ деревни и кричавшихъ: «разбойники, разбойники!»—и этого было достаточно²⁾. Въ тотъ же мигъ бросались на колокольню, набатный колоколъ призывалъ на помощь, мужчины вооружались и бросались навстрѣчу врагу, всегда невидимому, но всегда ожидаемому. На дорогахъ постоянно можно было встрѣтить то шайки вооруженныхъ людей, шедшихъ, съ пѣснями, на разгромленіе господскихъ усадебъ, то группы напуганныхъ земледѣльцевъ, которые, гоня передъ собою свой скотъ, слѣшили въ города. Затѣмъ часто попадались бродячія кучки голодающихъ, которыхъ отчаяніе гнало на поиски хлѣбныхъ барышниковъ, или курьеры, которыхъ помѣщики посылали другъ къ другу съ взаимными увѣщаніями о неусыпной бдительности. Никогда не бывало большаго безпорядка, никогда не бывало безпорядка болѣе героическаго; ибо надъ воображаемыми страхами, надъ проявленіемъ ненависти, надъ нуждою, надъ голодомъ парилъ энтузіазмъ свободы.

¹⁾ Протоколъ засѣданія 5-го іюня 1791 г.

²⁾ Prud'homme, *Revolutions de Paris*, № 3, p. 12.

Крестьяне области Маконэ спустились со своихъ горъ и наводнили Бургундію. Въ Верхнемъ Эльзасѣ много замковъ было обращено въ пепель, многіе балыи принуждены были спасаться бѣгствомъ. Въ провинціи Франшъ-Конте банды крестьянъ осадили аббатства Клерфонтэнъ, Люра, Витэнъ, опустошили замокъ Маланъ, разрушили до основанія замокъ Вексвиле, принадлежавшій герцогинѣ Клермонъ Тоннеръ. При приближеніи нападавшихъ эта дама убѣжала: она спряталась въ хлѣбномъ амбарѣ, за мѣшками, и оставалась тамъ до прибытія роты егерей, которую прислала ей герцогиня Брольи, и которая отвела ее въ безопасное мѣсто ¹⁾). Нужно сказать, что гнѣвъ сельскаго населенія не былъ направленъ противъ лицъ; онъ вообще обрушивался только на эти горделиво стоявшія каменныя громады, видъ которыхъ напоминалъ о рабствѣ, да на жалованныя дворянскія грамоты, которыя, путемъ наслѣдованія, увѣковѣчивали феодальную тиранію.

Тѣмъ не менѣе было нѣсколько сценъ, гдѣ проявилось ожесточеніе междоусобныхъ раздоровъ. Такъ, маркизъ д'Орменанъ, разбитый параличемъ старикъ, былъ прогнанъ ночью изъ своего замка и принужденъ былъ бѣжать, поддерживаемый своими дочерьми. Барона Монжюстенъ собирались уже бросить въ колодезь, но проходившіе мимо солдаты спасли его. Въ Нормандіи управляющій одного сеньора, находившагося въ отсутствіи, отказался выдать бумаги своего хозяина: чтобы принудить его къ этому, стали жечь ему подошвы ногъ ²⁾). Въ Лангедокѣ маркизъ де-Барра былъ умерщвленъ на глазахъ его беременной жены ³⁾

Но этимъ вспышкамъ жестокости,—впрочемъ, очень рѣдкимъ,—можно противопоставить удивительныя черты преданности, акты трогательной заботливости. Во многихъ мѣстахъ деревенскій людъ не только пощадилъ, но даже защитилъ тѣхъ изъ синьоровъ, которые проявляли по отношенію къ нему справедливость и гуманность. Когда, на примѣръ, маркиза Монфермейля обвиняли въ барышничествѣ, жители его деревни пошли массою въ парижскую ратушу заявить, что этотъ сеньоръ былъ, напротивъ, благодѣтелемъ края.

¹⁾ *L'ami du roi* etc., 5-e cahier, chap. LXXII, p. 91.

²⁾ *Hist. de la conjuration de Louis-Philippe-Joseph d'Orleans*, p. 107. Paris, 1796.

³⁾ *Ibidem*—Droz, *Histoire du règne de Louis XVI*, t. II, p. 378.

Въ этомъ всеобщемъ возбужденіи умовъ буржуазія вела себя крайне неопредѣленно. Стоя между феодализмомъ, который она стремилась уничтожить, и народомъ, котораго она боялась, она поочередно употребляла свою милицію то для того, чтобы поддерживать революціонное движеніе, то для того, чтобы подавлять его. Узнавъ, что собираются поджечь Комартенскій замокъ, горожане Турнюса прибѣжали туда, напали на крестьянъ, однихъ убили, другихъ увели въ плѣнъ. Тотчасъ же былъ сформированъ военный судъ, и зачинщики были повѣшены¹⁾. Волонтеры Шалона-на-Сонъ также неоднократно дѣлали въ деревни вылазки, послѣдствіемъ которыхъ были кровавыя экзекуціи, произведенныя по приказу городского головы. Но особенно въ Ліонѣ буржуазія открыто отдѣлила свое дѣло отъ дѣла народа. Тамъ, на зарѣ революціи, различные молодые люди, сыновья хорошихъ фамилій, банкировъ, приказчики, приказные, организовались въ команду волонтеровъ, носили свою специальную форму, называли себя офицерами, съ претензіей сдерживать силою народныя волненія. Первый эшевенъ называлъ этихъ молодыхъ людей своей почетной стражей, а народъ далъ имъ прозвище *франтовъ*²⁾. И вотъ, когда въ Ліонѣ пришло извѣстіе, что замки гг. де Лоръ, де Лезъ, де Комбъ, де Сенъ-При, де Пюзинья разрушены или горятъ, и что Салетскому монастырю угрожаетъ опасность, волонтеры и драгуны двинулись въ походъ, подъ начальствомъ капитана милиціи. Крестьяне, энергично атакованные, разсѣялись оставивъ на мѣстѣ восемьдесятъ изъ своихъ убитыми; плѣнные же, въ числѣ шестидесяти человекъ, были уведены, со связанными руками, въ Ліонъ. При видѣ этого зрѣлища, Бильотьерское предмѣстье пришло въ волненіе; рабочіе взобрались на крыши и стали кидать оттуда камнями. Волонтеры отвѣтили ружейными выстрѣлами, которыми были убиты двое инсургентовъ; поспѣшно вызванные драгуны дали общій залпъ; наконецъ, консулы и синдикы города запугали бунтъ, объявивъ, что если крыши не будутъ очищены, все *предмѣстье будетъ истреблено огнемъ и мечомъ*³⁾. Такимъ образомъ, прежде даже, чѣмъ были разбиты общіе

¹⁾ *L'ami du roi* etc., 5-e cahier, chap. LXXII, p. 90.

²⁾ Balleydier, *Hist. du peuple de Lyon pendant la Révolution française*, chap. I, p. 7.

³⁾ *Ibidem*, p. I, 8, 9.

враги, буржуазія обратилась противъ своихъ союзниковъ. Это потому, что многіе видѣли еще въ грозѣ только разрушающую силу: они забывали, что сѣмена странствуютъ на крыльяхъ бури, и что буйнымъ вѣтрамъ дана власть разносить плодородіе.

Между тѣмъ при грохотѣ ихъ рушащихся башенъ, при свѣтѣ пламени, пожирившаго ихъ жалованныя грамоты, дворяне были охвачены невыразимымъ ужасомъ.

Насталъ моментъ распроститься навсегда съ старымъ порядкомъ, и нужно было рѣшиться на это. Національное Собраніе начало заниматься важными дѣлами, о чемъ мы вскорѣ дадимъ отчетъ. Въ засѣданіи 27-го іюля, послѣ доклада Клермонъ Тоннера о разборѣ депутатскихъ инструкцій, Мунье прочиталъ двѣ первыя главы конституціи, и въ засѣданіи 1-го августа оживленно обсуждался вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли во главѣ этой конституціи помѣстить *объявленіе правъ*; но въ то время, какъ утвердительный отвѣтъ поддерживали Монморанси, Мунье, Тарже, Каstellянъ, Лалли Толлендаль, Мирабо—противъ Кренъера, Грандена, Малуэ, герцога де Леви, епископа лангрскаго; въ то время, какъ Барнавъ произносилъ рѣшительное слово: *національный катехизисъ*¹⁾—изъ всѣхъ пунктовъ Франціи приходили въ Версаль тревожныя донесенія, рассказы, полные мрачныхъ картинъ. Очевидно, всѣ эти дебаты Собранія шли медленно, чѣмъ разгорались народныя страсти. Тогда, между тѣми дворянами, которыхъ наполовину подчинила себѣ философія XVIII вѣка, происходили тайныя собранія²⁾, на которыхъ господствовали пылкій виконтъ де-Ноайль, герцогъ д'Эгильонъ, старавшійся скрыть своего отца отъ глазъ потомства, герцогъ Ла-Рошфуко, Александръ де Ламетъ, аристократы, которыхъ Ривароль язвительно называлъ *демагогами демократіи*³⁾. «Чего намъ колебаться?—говорили они между собой,—вѣдь это судьба произносить свой приговоръ. Спасать феодальный порядокъ? Увы! намъ ничего болѣе не остается, какъ почтить возможно лучше его агонію»; и они рѣшили, что они сами первые предложать отмѣну феодальныхъ правъ.

¹⁾ *Le courrier de Provence, pour servir de suite aux Lettres du comte de Mirabeau à ses commettants*, t. II, № 22, p. 18.

²⁾ *Mémoires de Barère*, p. 31.

³⁾ *Mémoires de Rivarol*, p. 139.

Устроить почетныя похороны прошлому—это было теперь долгомъ чести для дворянства!

Писали, что въ этомъ рѣшеніи не было ничего добровольнаго; что оно было внушено страхомъ, вызвано необходимостью.. Что касается насъ, то мы не такъ низко цѣнимъ человѣческую природу, чтобы находить удовольствіе приписывать громкимъ фактамъ исторіи низменное происхожденіе. Мы покраснѣли бы отъ стыда, если бы намъ пришлось признать, что всегда, неизбѣжно, по степени силы справедливость уступаетъ эгоизму или страху. Нѣтъ, нѣтъ! это не такъ; и въ этомъ именно слава революціи, что она зажгла своимъ пламенемъ сердца враговъ, что даже тѣ, кому революція наносила удары, преклонялись передъ нею, проникнутые уваженіемъ и удивленіемъ.

Во вторникъ, 4 августа, въ восемь часовъ вечера, въ Версалѣ открылось одно изъ самыхъ замѣчательныхъ засѣданій, память о которыхъ сохранила исторія собраній. Предсѣдательствовалъ Ле Шапелье. Онъ былъ избранъ наканунѣ, вмѣсто Турэ, на котораго сначала упалъ выборъ Собранія, но котораго настоятельный ропотъ, исходившій изъ Пале-Рояля, принудилъ къ унижительной отставкѣ. Лица нѣкоторыхъ членовъ выражали необычайную озабоченность; на скамьяхъ дворянства разговаривали вполголоса; многіе искали глазами Мирабо и удивлялись его отсутствію ¹⁾.

Поднялся Таржэ. Ему поручено было прочесть проектъ прокламаціи, требовавшей уваженія къ личности и собственности гражданъ ²⁾. Едва Тарже кончилъ чтеніе, какъ виконтъ де Ноайль стремительно требуетъ слова. «Хотятъ защищать личность, гарантировать собственность, основать царство закона, потушить пожаръ, зажженный во всѣхъ концахъ Франціи?—Пора прекратить тщетныя увѣщанія. Спасеніе... въ справедливости, т. е. въ равенствѣ всѣхъ относительно несенія податныхъ тягостей; въ уничтоженіи привилегій, подавляющихъ народъ; въ отмѣнѣ феодальныхъ правъ посредствомъ выкупа; въ отмѣнѣ безъ выкупа господскихъ барщинъ, «мертворучности» крестьянскаго имущества, всѣхъ личныхъ повинностей.

¹⁾ *Mémoires de Mirabeau*: «Мы не будемъ долго останавливаться на вечернемъ засѣданіи 4-го августа, на которомъ онъ не могъ или не хотѣлъ присутствовать». Т. VI, р. 166.

²⁾ *Moniteur*, ночное засѣданіе 4-го августа.

Изобразить вѣрно то неудержимое увлеченіе, таинственная власть котораго проявилась въ эту памятную ночь 4-го августа 1789 г.,—тщетно пытались даже писатели, бывшіе его очевидцами. Это была горячка великодушія, это былъ бредъ самоотверженія, подобнаго которому никогда не было въ лѣтописяхъ никакого другого народа. Когда маркизь де Фуко сталъ жаловаться на злоупотребленія при раздачѣ пенсій отъ двора, герцоги де Гишъ и де Мортемаръ поспѣшили заявить, что высшее дворянство почтетъ себѣ за честь отказаться, ради общей пользы, отъ благодѣяній короля. Герцогъ дю Шателе предложилъ конвертировать десятины въ денежный оброкъ; виконтъ Богарне—провозгласить, что всѣ граждане допускаются къ занятію общественныхъ должностей; графъ Кюстинъ—назначить цѣну выкупа феодальныхъ правъ въ болѣе низкомъ размѣрѣ, чѣмъ *тридцать процентовъ*, указанныхъ герцогомъ д'Эгильонъ; герцогъ Ла Рошфуко—освободить черное населеніе колоній; г. Котенъ—упразднить вотчинные суды; г. де Рише—отмѣнить продажу должностей.

Всеобщее одушевленіе все возрастало. Нетерпѣніе, не отличавшееся отъ героизма, сближало сердца, соединяя ихъ общими желаніями. Число великодушныхъ пожертвованій было столь значительно, соревнованіе искупительныхъ предложеній столь сильно, что секретари не успѣвали записывать ихъ слишкомъ быстрое перечисленіе. Одинъ изъ совѣтниковъ парламента предложилъ уничтожить привилегіи магистрату. Бареръ подарилъ своимъ согражданамъ жалованье, которое онъ получалъ за исполненіе служебныхъ обязанностей¹⁾. Тѣ, кто не могъ принести никакой личной жертвы, громко выражали свое сожалѣніе по этому поводу. «У меня, какъ у Катулла, говорилъ графъ де Вирье, есть только воробей: его я и жертвую». «Здѣсь есть,—отвѣчалъ кто-то,—много Лесбій, готовыхъ принять его»²⁾. Это была грація въ энтузіазмѣ. Раздались продолжительные аплодисменты; уничтоженіе голубинаго спорта во всемъ государствѣ было вотировано единогласно.

«И мы тоже,—сказалъ священникъ Тибо³⁾,—хотимъ придти на помощь народу. То небольшое, что мы имѣемъ, мы предла-

¹⁾ *Mémoires de Barère*, p. 233.

²⁾ *Courrier de Provence*, t. II, № 23, p. 18, 19.

³⁾ *Ibidem*, p. 18.

гаемъ отъ всего сердца. Мы откажемся отъ платы за требы». Эти слова вызвали общее умиленіе: «Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчало множество голосовъ,—отечество благодарно за лепту бѣдняка, но оно не принимаетъ ее». По предложенію Дюпора, было рѣшено, что жалованье сельскихъ священниковъ будетъ увеличено. Уже не аплодировали болѣе, а плакали.

Президентъ пригласилъ духовенство высказаться: епископъ нантскій заявилъ, что онъ вполне одобряетъ выкупъ духовныхъ феодальныхъ правъ, съ условіемъ, чтобы полученный отъ выкупа капиталъ былъ употребленъ на образованіе фонда для вспомоствованія бѣднымъ. Епископъ шартрскій, въ свою очередь, въ яркихъ краскахъ обрисовалъ бѣдственное положеніе сельскаго населенія; онъ показалъ земледѣльца, вынужденнаго молчаливо смотрѣть на опустошеніе его полей сворами собакъ сосѣдняго сеньора; онъ погребовалъ отмѣны исключительнаго права охоты. Тотчасъ же со скамей дворянства раздался одобрительный крикъ, — крикъ могучій, страстный. Все собраніе поднялось въ непреодолимомъ восторгѣ. Влѣдность покрывала всѣ лица; глаза всѣхъ горѣли какимъ-то священнымъ огнемъ; всѣ взаимно поощряли другъ друга быть счастливыми справедливостью, быть сильными любовью: казалось, невидимая рука отдернула, по крайней мѣрѣ на одинъ мигъ завѣсу, которая скрываетъ отъ взора несовершенныхъ обществъ видъ свѣтлыхъ горизонтовъ. Засѣданіе это было священнымъ праздникомъ, трибуна алтаремъ, зала совѣщаній — храмомъ. Ахъ! Такія воспоминанія подавляютъ насъ, людей слабого поколѣнія; ибо гдѣ видимъ мы нынѣ что-либо подобное вашему величію, импонирующія сцены, составлявшія славу нашихъ отцовъ?

Внутреннія заставы, разрѣзывавшія королевство, окончательно сломаны; отдѣльныя области съ ихъ мѣстными сеймами или штатами (*pays d'états*) упразднены; особыя привилегіи городовъ уничтожены; честь принадлежать къ французской семьѣ единодушно поставлена выше гордости мѣстныхъ державствъ, прелести привычекъ, уваженія къ традиціямъ своего очага, благоговѣнія передъ воспоминаніями, — вотъ что увѣнчало безсмертное дѣло. Представители Дофинэ открыли путь: представители другихъ провинцій вступили на него, подавая другъ другу руки. Провансальцы, бургундцы, лотарингцы, нормандцы, лангедокцы, оверницы, франшконтенцы, эльзасцы, даже бре-

тонцы,—все эти народы исчезли. Остался только одинъ народъ: французы.

Герцогъ Лянкуръ предложилъ, для увѣковѣченія памяти объ этихъ плодотворныхъ часахъ, отчеканить особую медаль. Лалли Толлендаль напомнилъ о королѣ; уже всѣ сердца были обращены къ Богу.

Вотъ что было отвоевано у предразсудковъ, лжи, тираніи, смерти:

Уничтоженіе крѣпостной зависимости, подѣ какимъ бы наименованіемъ она ни существовала;

Разрѣшеніе выкупить феодальныя права;

Прекращеніе вотчинной юрисдикціи;

Отмѣна исключительнаго права охоты, содержанія голубятенъ и кроличьихъ садковъ; обращеніе десятины натурой въ денежный оброкъ, по опредѣленной таксѣ; возможный выкупъ всѣхъ десятинъ, какого бы рода и наименованія онѣ ни были;

Уничтоженіе всѣхъ денежныхъ привилегій и преимуществъ;

Равенство въ отношеніи налоговъ;

Допущеніе всѣхъ гражданъ къ занятію должностей на гражданской и военной службѣ;

Объявленіе установленія въ близкомъ будущемъ бесплатнаго судопроизводства и объ отмѣнѣ продажи должностей;

Прекращеніе особой привилегіи провинцій и городовъ.

Отмѣна права депорта и воката (полученія епископомъ перваго годового дохода съ вакантной бенефиціи), аннатовъ (папскаго дохода за посвященіе въ епископы или игумены), множественности бенефицій;

Отмѣна пенсій, полученныхъ не по заслугамъ;

Преобразование совѣтовъ цѣховыхъ присяжныхъ (*jurandes*¹⁾).

Было рѣшено, что будетъ отчеканена медаль; что будетъ торжественно отслуженъ благодарственный молебенъ, и что Национальное Собраніе пойдетъ депутаціей къ королю, чтобы поднести ему титулъ *Возстановителя французской свободы*, съ просьбою присутствовать на молебнѣ.

Послѣ этого собраніе разошлось.

Было два часа по-полуночи.

На слѣдующій день, когда депутаты проснулись, имъ казалось, что они только что видѣли волшебный сонъ. Они вдругъ очутились среди совершенно новаго общества.

¹⁾ *Le Moniteur*, séance de la nuit de 4

Быть можетъ, нѣкоторые думали тогда, что дѣло искупленія закончено. Какъ были бы поражены они, если бы имъ сказали, что это еще только первый актъ драмы! И какимъ другимъ, болѣе печальнымъ удивленіемъ была бы охвачена ихъ душа, еслибы имъ дано было предвидѣть, что нечеловѣческихъ усилій, бѣшеной борьбы, чудесъ воли, чудесъ преданности, цѣлаго поколѣнія, толкаемаго къ эшафоту и отъ эшафота гонимаго на войну, разума, вооружавшагося безуміемъ, генія въ изступленіи, міра, объятаго пламенемъ пожара, будетъ недостаточно для того, чтобы ниспровергнуть царство зла; что настанетъ день, когда, во Франціи, тысячи людей будутъ бороться изъ-за куска хлѣба; что промышленность будетъ имѣть свой, обогранный кровью, циркъ, своихъ свирѣпыхъ гладіаторовъ; что въ самомъ Парижѣ скопятся во множествѣ прокаженные нравственнаго міра, исхудалые герои нищенства и всѣ несчастные у которыхъ нищета заступаетъ мѣсто порока; что тамъ, въ вонючихъ кваргалахъ, въ улицахъ, полныхъ тайнъ, будутъ жилища, гдѣ будетъ продаваться ночлегъ за два су; что, въ извѣстные моменты, тамъ придется идти между затопленными печами укрывателей и кинжалами ночныхъ бродягъ; что надъ толпою раздраженныхъ рабочихъ будетъ обитать безпокойство между счастливыми и будетъ грызть ихъ сердце; что они будутъ вынуждены безпрестанно прислушиваться къ готовящимся втихомолку заговорамъ, и что грозный призракъ междусобныхъ войнъ будетъ присутствовать на всѣхъ ихъ нразднествахъ; что, однимъ словомъ, будутъ два общества—общество голода и общество страха.

Есть тиранія—мы уже сказали это въ другомъ мѣстѣ и да будетъ намъ позволено повторить это здѣсь—есть тиранія, состоящая въ невѣжествѣ, безпомощности, дурныхъ примѣрахъ, душевныхъ страданійхъ, не находящихъ утѣшителя, законныхъ желанійхъ, несправедливо отвергаемыхъ, человѣческой природѣ, брошенной на волю случая. Эта тиранія, неосязаемая, но слишкомъ реальная, и объ уничтоженіи которой революціонеры 1789 г. не могли помышлять, называется нищетою; жертвой ея становится всякій, кто съ трудомъ достаетъ себѣ пищу, одежду и кровь, въ странѣ, имѣющей обильныя жатвы, загроможденные дорогими тканями магазины и пустые дворцы; она порождаетъ не только горе, но и преступленіе.

Вотъ несчастный, который родился въ отчаяніи и порокѣ. Умъ его не вышелъ изъ потемокъ. Нужда вдохнула въ него пагубныя

искушенія. Рука его никогда не оцущала пожатія дружеской руки. Ничей голосъ не пробудилъ въ немъ отзвуковъ нѣжности, любви. Молодымъ онъ прожилъ, не наслаждаясь, возрастъ солнца и цвѣтовъ. Теперь, если онъ сдѣлался преступникомъ, зывайте къ вашему правосудію о наказаніи его: этого требуетъ наша безопасность. Но не забывайте, что вашъ социальный порядокъ никогда не оказывалъ этому несчастному поддержки, необходимой ему въ его слабости. Не забывайте, что его свободная воля была извращена съ колыбели; что несправедливый рокъ тяготѣлъ надъ его душой; что онъ терпѣлъ голодъ и холодъ; что его никто не научилъ добру... хотя онъ вашъ братъ, и хотя вашъ Богъ есть также Богъ бѣдныхъ, слабыхъ, невѣжественныхъ, всѣхъ страдающихъ и смертныхъ существъ.

Наканунѣ 4 августа, Малуэ, по вдохновенію, которое прославить его память, заклиналъ своихъ товарищей позаботиться о судьбѣ рабочихъ, открыть бюро вспомошествованія, устроить общественныя мастерскія. Глухой ропотъ былъ ему отвѣтомъ! ¹⁾

Мало того: Камюсъ хотѣлъ, чтобы къ *Декларации правъ* была прибавлена *Декларация обязанностей*. Предложеніе его было отвергнуто, и Мирабо писалъ, что «это была» софистика, «мало достойная политическаго собранія» ²⁾. То, что Мирабо называлъ софистикой,—это была тоже революція.

Такъ начали расходиться двѣ доктрины, между которыми впоследствии, какъ покажетъ продолженіе этого разсказа, возникъ ожесточенный антагонизмъ. Пока феодальный режимъ держался, ученики Вольтера и ученики Жанъ-Жака дѣйствовали дружно, соединенными усиліями. Но насталъ моментъ, когда недоразумѣнія становились явными. Индивидуализмъ только что далъ свою формулу, и уже можно было угадать, какова будетъ формула братства.

Вотъ почему, какъ ни блестяща, какъ ни плодотворна была буржуазная революція 89 года, неизбѣжна была вторая революція. Эта вторая революція, какъ мы увидимъ, подняла до невѣдомыхъ высотъ уровень человѣчества. Что касается того, сколько она стоила..., то это былъ нашъ выкупъ: теперь онъ уже уплаченъ, и будущее зоветъ насъ,—оно не угрожаетъ намъ.

¹⁾ *Moniteur*, séance du 3 août.

²⁾ *Courrier de Provence*, t. II, № 23, p. 8.

Но развѣ верховный законъ, страшный законъ не связалъ добро со зломъ, какъ абсолютное, неотвратимое условіе? Что такое одушевленный міръ?—Арена безконечной борьбы. Что есть истина?—Пламя, которое вѣчно вспыхиваетъ и свѣтитъ на могилахъ. Въ природѣ высшіе виды существуютъ только истребленіемъ низшихъ. Земля, на которой копошатся живущіе, сдѣлана изъ праха умершихъ.

Не торопитесь дѣлать выводъ! Горячій, непобѣдимый протестъ, исходящій изъ глубины человѣческаго сознанія, — вотъ что показываетъ, что *необходимость зла* есть ложь. Достоинство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить этому, его могущество въ томъ, чтобы доказать это.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

572394.

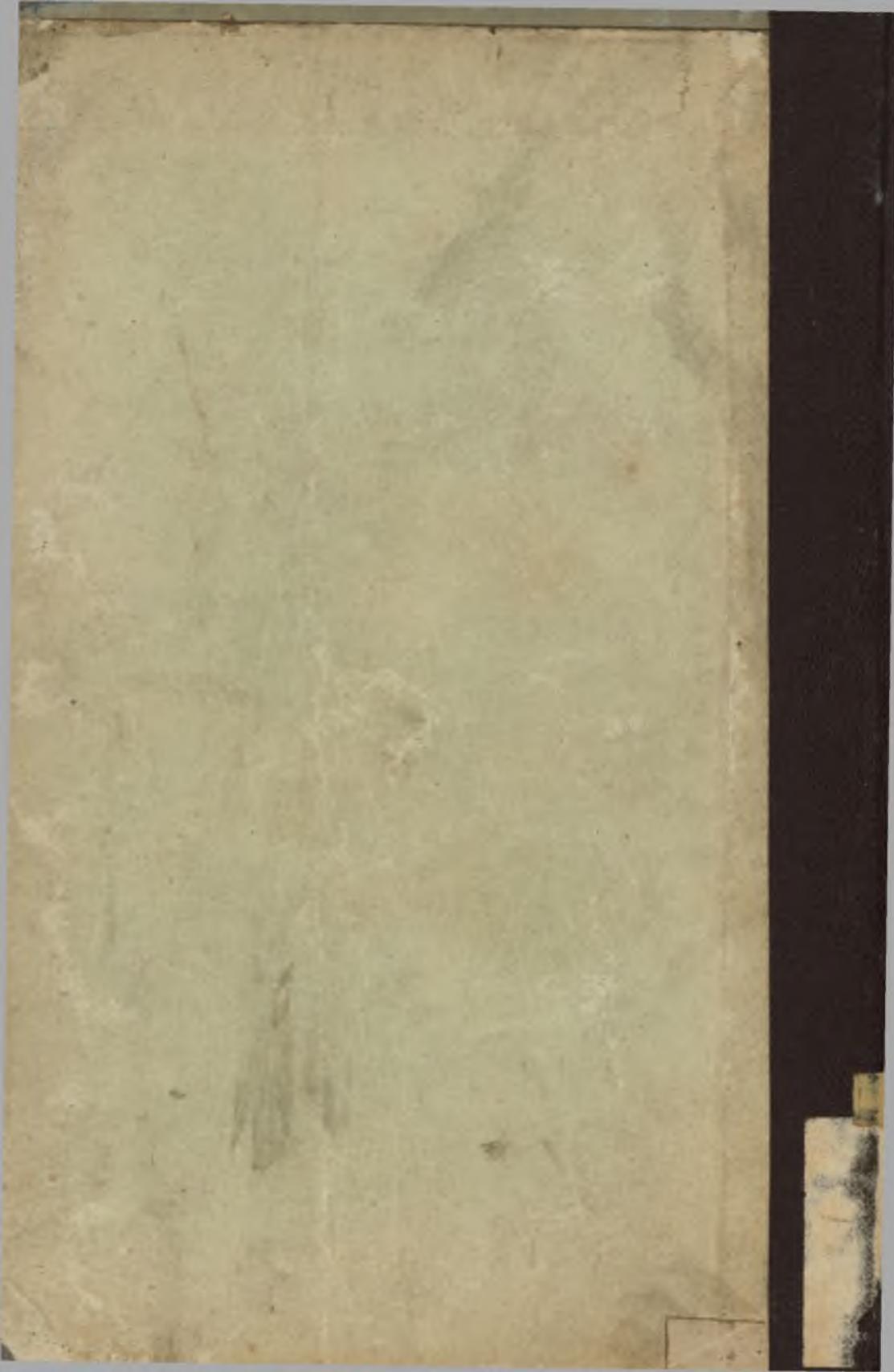


ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова



2 000001 626771



бранія—прообразъ генеральныхъ штатовъ.—Дальнѣйшія операціи Неккера.—*La chambre aux deniers*: скандалъ по поводу пенсій.—*Отчетъ о состояніи финансовъ*.—Финансовый парадоксъ и ловкая подтасовка цифръ этого знаменитаго отчета.—Чрезвычайное возбужденіе общественнаго мнѣнія.—Придворная интрига; паденіе Неккера.—Народное негодованіе.

35

ГЛАВА III.

Революціонеры-мистики.

Революціонеры-мистики.—Алхимики предмѣстья Сень-Марсо.—Историческая важность масонства.— Учрежденіе *высокихъ степеней*; ихъ революціонное дѣйствіе.—Филиппъ Орлеанскій, глава масоновъ.—Заговоръ *иллюминатовъ*; планъ Вейсгаупта; посвященіе въ степень эпюпта; глухая пропаганда.—Роль, предназначенная Калиостро; Калиостро въ Парижѣ; сцены въ улицѣ Сень-Клодъ.—Тройное число Сень-Мартена; возникновеніе и распространеніе секты *мартинистовъ*.—Месмеръ; его система, вѣтвь ученія Сень-Мартена, торжествующій месмеризмъ; приноса Ламбаль и Марія-Антуанета въ лабораторіи д'Эслона.—Влеченіе умовъ къ мистицизму.—Лафатеръ, обличаемый Мирабо.—Рекція противъ философіи Вольтера и энциклопедистовъ.—Вторая революція, подготовляемая въ тайныхъ обществахъ.—Пророчество Казота .

57

ГЛАВА IV.

Процессъ объ ожерельѣ.

Дѣло объ ожерельѣ.—Кардиналъ Роганъ и графиня Ла Моттъ.—Передача писемъ.—Сцена въ паркѣ.—Что происходило во дворцѣ во время переговоровъ о покупкѣ ожерелья.—Странная интерпелляція Маріи-Антуанеты португальскому послу; новыя объясненія.—Письмо ювелира Вемера, сожженное королевой.—Ла Моттъ, принятая Роганомъ.—Ла Моттъ у герцога Пантневръ.—Арестъ Рогана.—Арестъ Ла Моттъ въ аббатствѣ Клерво; оставленіе на свободѣ ея мужа.—Созывъ парламента.—Протесты высшаго духовенства.—Тайные допросы.—Публичное разбирательство.—Огромный скандалъ во Франціи и въ Европѣ.—Мемуаръ Калиостро; памфлетъ Мирабо противъ Калиостро и Лафатера.—Французскій посолъ и графъ Ла Моттъ въ Лондонѣ.—Слухи объ убійствѣ.—Оправданіе кардинала; энтузіазмъ публики; отчаяніе королевы.—Осужденіе Ла Моттъ; ея ярость. Визитъ принцессы Ламбаль въ Сальпетриеръ.—Бѣгство Ла Моттъ.—Герцогиня Полиньякъ на водахъ въ Батъ. Купленное и не сохраненное молчаніе

93

ГЛАВА V.

Появленіе дефицита.

Калоннъ; его портретъ и его планы.—Особенность и систематичность его сумасбродствъ.—Почему онъ сталъ сообщникомъ паредворцевъ.—Странныя иллюзіи двора.—Разсчитанная щедрость Калонна, его операціи; переплавка золотой монеты.—Внезапный созывъ нотаблей.—По-

явление дефицита.—Положение, занятое нотаблями, и их происки.—Калоннь, подвергающийся нападкамъ со всѣхъ сторонъ, послѣ того какъ онъ оподчился противъ злоупотреблений.—Что было великаго въ этой кажущейся неспослѣдовательности общественнаго мнѣнія.—Падение и отъѣздъ Калонна.—Изгнание Неккера. 123

ГЛАВА VI.

Предшествованіе генеральныхъ штатовъ.

Ломени-де-Бриенъ.—Онъ распускаетъ собраніе нотаблей.—Физиономія принцевъ въ этомъ собраніи.—Планы графа Прованскаго.—Требуютъ созыва генеральныхъ штатовъ.—Королевская власть въ борьбѣ съ парламентами.—Реформа различныхъ отдѣловъ королевской охоты.—Насмѣшки націи.—Бурная сцена между герцогомъ Куаньи и Людовикомъ XVI.—Королевское засѣданіе (Lit de justice) парламента 6 августа 1787 г.—Глашатаи.—Робертъ де Сень-Венсанъ.—Парламентъ въ Труа.—Переговоры.—Памятное засѣданіе 19 ноября 1787 г.—Король общааетъ созвать генеральные штаты.—Д'Эмпремениль.—Ссылка герцога Орлеанскаго.—Ночь 4 мая.—Королевское засѣданіе 8 мая.—Смуты.—Паденіе Бриенна и вторичный призывъ Неккера.—Судьба Людовика XVI 141

ГЛАВА VII.

Выборное движеніе.

Всеобщая агитация.—Духъ дворянства, духовенства, третьяго сословія.—Публичные споры.—Пале-Рояль.—Совѣтники Неккера.—Второе собраніе нотаблей.—Роль парламента кончена.—Королевское повелѣніе отъ 1 января; новогодніе подарки народу.—Регламентъ 24 января.—Выборы.—Борьба дворянства и буржуазіи въ Реннѣ.—Мирабо въ Провансѣ, его портретъ.—Робеспьеръ въ Аррасѣ; неизданное письмо Робеспьера.—Избраніе герцога Орлеанскаго.—Картина Парижа во время его выборовъ; празднества, нищета и голодъ.—Истинный характеръ перваго мятежа революціи.—Соціальная проблема, заключающаяся въ возстаніи рабочихъ. 169

ГЛАВА VIII.

Національное собраніе.

Открытіе генеральныхъ штатовъ.—Внѣшній видъ Версаля.—Собраніе.—Положеніе, занятое Неккеромъ.—Трагическіе инциденты.—Марія-Антуанета и Барнавъ.—Борьба по поводу провѣрки полномочій сообщая роли дворянства, духовенства и общинъ.—Партія Малуэ.—Робеспьеръ, его недовѣріе.—Сійесъ и Балли въ заѣвъ штатовъ.—Деревенскіе дворяне при дворѣ.—Послѣдовательныя побѣды общинъ.—Зловѣщее зрѣлище въ Парижѣ.—Общины образуютъ изъ себя собраніе.—Мирабо у Неккера.—Приходскіе священники присоединяются къ общинамъ.—Общины принимаютъ названіе Національнаго Собранія.—Двойственная и стран-

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Картина французскаго двора.

Картина французскаго двора передъ революціей.—Портретъ Людовика XVI.—Королевское достоинство, представляемое Маріей-Антуанетой.—Положеніе этой государыни при дворѣ; ея иллюзіи; ея ошибки.—Симпатіи, которыя она внушаетъ графу д'Артуа и герцогу Шартрекому.—Приски графа Прованскаго; онъ стремится къ королевской власти и старается погубить королеву; его притворство.—Людовикъ XVI, окруженный крамолой своего брата.—Тайныя причины, мѣшавшія сближенію Людовика XVI съ королевой.—Марія-Антуанета и графиня Полиньякъ; неосторожныя сцены.—Друзья королевскихъ удовольствій.—Іосифъ II во Франціи; Марія-Антуанета прозвана *австрійскою*.—Сѣти, бесполезно разставленныя Людовику XVI его братомъ.—Первоначальный источникъ нападокъ, направленныхъ противъ чести королевы; ея легкомысленныя поступки.—Общее нерасположеніе; угрожающее положеніе столичной думы; постепенное униженіе королевской власти.—Нравы придворныхъ; нравственное отреченіе дворянства.—Графъ де-Сенъ-Жерменъ; какъ онъ изолируетъ тронъ.—Придворная жизнь утрачиваетъ свой блескъ.—Версаль, нечувствительно покидаемый; возрастающая важность Парижа.

День, когда Людовикъ XVI сдѣлался королемъ, былъ отмѣченъ въ его сердцѣ мрачными предчувствіями. Въ этотъ день, вокругъ своего дѣда, постигнутаго заразительной болѣзнію, онъ видѣлъ только испуганныхъ служителей да царедворцевъ колебавшихся между искушеніемъ убѣжать и боязнію потерять, убѣжавъ, выгоды продолжительной низости. Восковая свѣча, изображавшая для находившихся на дворѣ жизнь умирающаго монарха, горѣла на одномъ изъ оконъ замка; и выстроенныя въ рядъ, готовые по первому знаку вскочить на коня, тѣлохранители, нажи, оруженосцы ожидали съ нетерпѣніемъ, чтобы погасшая свѣча дала вѣсть о желанной кончинѣ и сигналъ къ отъѣзду. Наконецъ, умирающій отдалъ Богу душу, все забѣ-

что если Людовикъ XVI умретъ бездѣтнымъ, то преемникомъ его будетъ графъ Прованскій. Поэтому разные честолюбцы, которымъ не удалось пристроиться въ другомъ мѣстѣ, начали группироваться вокругъ этого принца и возбудили въ немъ жажду царствовать, тѣмъ скорѣе готовые льстить его предвидимой фортунѣ, что онъ былъ выше своего старшаго брата по уму, по образованію, по твердости характера, и что самъ Людовикъ XVI признавалъ это превосходство, имѣя обыкновеніе говорить: «Спросите у моего Прованскаго брата».

Можно судить по этому, какъ жива была, въ извѣстномъ мѣрѣ, сенсация, произведенная прибытіемъ Маріи-Антуанеты въ Версаль. Проекты, которые ея бракъ грозилъ разстроить, обратились противъ нея въ глухую враждебность. Допускали, что Людовикъ XVI не можетъ имѣть дѣтей, и потому рѣшили, что если бы таковыя появились, то ихъ должно считать незаконными. Принципъ наслѣдственности и развращающъ, онъ уничтожаетъ въ корнѣ семейныя привязанности, и перспектива захвата короны порождаетъ ненависть между родственниками: такъ какъ Марія-Антуанета могла слѣлаться матерью, то ждали ея виновности. И вотъ началась гнусная интрига въ формѣ анонимныхъ обвиненій; во дворцѣ разбрасывались пасквили, описывавшіе чудовищное любострастіе, достойное безстыдной Юліи или необузданной любовницы Силіуса.

Такимъ образомъ изъ среды двора ¹⁾ — не нужно забывать этого — вышли первые удары, нанесенные Маріи-Антуанетѣ. Когда плебеи предали ее смерти, она уже давно была опозорена дворянами.

Мало того—въ планъ крамольниковъ входило возбудить подозрѣнія въ нерѣшительномъ умѣ Людовика XVI. Воровскимъ рукамъ удалось всунуть даже въ его письменный столъ страницы, пропитанныя ядомъ, и однажды, сядя за обѣденный столъ, онъ нашелъ подъ своей салфеткой строки, которыя вызвали краску на его лицѣ ²⁾. Вскорѣ, фатальное любопытство побудило его лично просматривать обвиненія, и Блезю, его

¹⁾ Montjoie, *Hist. de Marie-Antoinette*, p. 111, 112.—Это признаетъ и г-жа Кампанъ. И нужно замѣтить, что первые пасквили, направленные противъ Маріи-Антуанеты, не могли быть внушены герцогомъ Шартрскимъ, который въ то время былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей королевы.

²⁾ *Chronique secrète de Paris*, par l'abbé Baudeau, 1774 г., напечатан. въ *Revue retrospective*, № 9, p. 383.

мію позору тѣлесныхъ наказаній¹⁾, располагалъ военныхъ къ бунту, и косвенно, самъ того не подозрѣвая, подготовилъ тотъ союзъ простолюдина и солдата, который впослѣдствіи былъ заключенъ передъ подъемнымъ мостомъ Вастилии.

Но вотъ среди своихъ торопливо проводимыхъ реформъ этотъ странный государственный дѣятель подвергается головокруженію. Воображеніе его сбивается съ пути. Къ гарнизоннымъ воспоминаніямъ смутно примѣшиваются вдохновенія монаха, и изъ этой неожиданной смѣси выходятъ безчисленные проекты, чудовищные или пустые²⁾:—было запрещено капитанамъ давать балы въ гарнизонахъ, генераламъ — собирать за своимъ столомъ болѣе двадцати четырехъ офицеровъ; нужно, чтобы солдаты ходили процессіей къ обѣднѣ; воспитаніе учениковъ военнаго училища было поручено бенедиктинцамъ и т. п. Произошелъ взрывъ неудовольствія; появились брошюры, содержавшія ожесточенные нападки³⁾. Въ день разогнанія инвалидовъ, одинъ изъ перевозившихъ ихъ фургоновъ остановился на площади Побѣдъ, и проходившая публика видѣла, какъ бѣдные старики, сойдя съ экипажа, стали на колѣни вокругъ статуи Людовика XIV и жалобно вопили, что «потеряли своего отца». Указъ о введеніи въ арміи наказанія фухтелями вызвалъ еще болѣе потрясающія сцены. Чтобы избавиться отъ обязанности примѣнять наказаніе, противъ котораго возмущались всѣ чувства чести, многіе капралы по доброй волѣ нисходили въ разрядъ простыхъ рядовыхъ⁴⁾. Одинъ субалтернъ-офицеръ, принужденный дать одному изъ своихъ подчиненныхъ двадцать пять фухтелей, остановился на двадцать четвертомъ ударѣ, говоря: «Что касается послѣдняго удара, то я приберегъ его для себя», и вонзилъ себѣ саблю въ тѣло⁵⁾. «Французы,—сказалъ одинъ гренадеръ, любятъ въ саблѣ только лезвіе», и вся армія повторяла это геройское слово съ мрачной экзальтаціей. Атакуемый философами, которыхъ раздражало его хан-

¹⁾ Не по жестокосердію, ибо онъ отмѣнилъ смертную казнь, безразлично примѣнявшуюся до него ко всѣмъ дезертирамъ.—См. *Mémoires du comte de Saint-Germain*, p. 87.

²⁾ *Mém. secrets de Bachumont*, t. X, p. 5.

³⁾ *Requête des soldats à la reine*, и *Lettre d'un grenadier du régiment de Champagne à un de ses camarades de l'hôtel des Invalides*.

⁴⁾ *L'Espion anglais*, t. III, p. 428.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 429.

тическая сторона до того ослѣпила Верженна, что онъ проглядѣлъ сторону революціонную.

Впрочемъ, какая воля могла бы противиться этому кличу всего народа Франціи: «вооружимся за инсургентовъ»? Тщетно старый дворъ порицалъ добровольный отъѣздъ молодого маркиза Лафайета: всѣ сердца, какъ онъ выразился, «записались въ солдаты» ¹⁾ въ тотъ же день, какъ и его сердце. Въ Парижѣ, въ Версали, даже въ апартаментахъ короля, всюду чествовали скромнаго Франклина, котораго сравнивали съ мудрецами древности и допустили во дворецъ въ костюмѣ американскаго земледѣльца ²⁾. На глазахъ короля продавали медальонъ этого философа, съ надписью изъ всѣмъ извѣстнаго въ то время стихотворенія, гдѣ Тюрго прославлялъ его, какъ человѣка, «исторгнувшего громъ у неба и скипетръ у тирановъ».

Свершилось: Европа оповѣщена о рѣшеніяхъ версальскаго кабинета; маркизъ де-Ноайль, нашъ посоль, внезапно отозванъ изъ Лондона. Однако, нѣсколько мѣсяцевъ проходятъ безшумно. Но морскія верфи наполняются рабочими, арсеналы—боевыми запасами и оружіемъ. Франція собиралась выставить въ море 61 линейный корабль и 67 фрегатовъ или корветовъ ³⁾.

Война еще не была официально объявлена ⁴⁾, какъ вдругъ узнали о блестящей встрѣчѣ кораблей «*La Belle Poule*» и «*L'Arétuse*», о доблестномъ поведеніи офицера Шадо-де-ла-Клошетиери, который одинъ, въ виду англійскаго флота, отвѣтилъ всѣмъ галсомъ на первое ядро, пущенное съ иностраннаго, и съ этой минуты непріятельскаго, фрегата ⁵⁾. Эта прелюдія пробудила самыя мужественныя воспоминанія Франціи.

Проходитъ еще мѣсяць, и битва при Уэссанѣ открываетъ войну. По выходѣ изъ Брестскаго порта эскадры графа д'Орвиллье натолкнулись на флотъ адмирала Кеппеля. Старый и Новый Свѣтъ внимательно слѣдятъ за началомъ этой ссоры, цѣль которой—независимость націи республиканцевъ. Если французы не были вполне побѣдителями, то по крайней мѣрѣ честь битвы осталась за ними; и когда новость о послѣдней была при-

¹⁾ См. *Mémoires de Lafayette*, t. I, p. 9.

²⁾ *Mém. de m-me Campan*, t. I, p. 232.

³⁾ *L'Observateur anglais*, t. VIII, lettres IV et V.

⁴⁾ Ch. Botta, *Hist. de la guerre de l'indépendance des Etats-Unis*, t. III, p. 30

⁵⁾ *Ibid.*, t. III, p. 303.

Развѣ внуки не ходять отдыхать подѣ тѣнью дерева, посажаннаго ихъ дѣдами? Если правда, что американская война ляжетъ бременемъ на грядущія поколѣнія, то развѣ они взаимнѣ того не пожнутъ ея плодовъ? И развѣ ничего не стоитъ революціонная идея, пришедшая съ отдаленныхъ береговъ, какъ обѣщаніе освобожденія, принесенное бризой морей?

Любовь популярности была страстью Неккера, почти его суетвѣріемъ: онъ преслѣдовалъ свои планы.

Уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Мирабо сказалъ: «Нація безъ представительства подобна человѣку, лишенному слова: у него остаются только руки, чтобы показать, чего онъ проситъ»¹⁾.

Фенелонъ указывалъ на желательность провинціальныхъ собраній, Тюрго предлагалъ ихъ, Неккеръ установилъ ихъ.

Онъ представилъ королю конфиденціальный докладъ, гдѣ была подвергнута рѣзкой критикѣ администрація интендантовъ провинцій. Онъ нарисовалъ ихъ надменными въ отношеніи слабыхъ, робкими передъ сильными, отсутствующими по желанію, руководящимися случайно полученными свѣдѣніями, разыгрывающими государя съ высокоуміемъ, соразмѣрнымъ своему невѣжеству. Если ихъ административныя способности были сомнительны, то честолюбіе ихъ было несомнѣнно. Кромѣ случаевъ какой-нибудь громкой несправедливости, они управляли безконтрольно, и монархъ долженъ былъ смотрѣть глазами тѣхъ, кого слѣдовало бы судить²⁾. Такъ погибало дѣло Ришелье. Но, учрежденные въ цѣляхъ противодѣйствія дворянству, интенданты провинцій оказывались тогда уже исчерпавшими свою миссію. Ришелье создалъ ихъ въ пользу королевской власти, противъ дворянъ; Неккеръ хотѣлъ упразднить ихъ въ пользу третьяго сословія, противъ королевской власти.

Людовикъ XVI уступилъ: онъ согласился учредить, въ видѣ опыта, провинціальное собраніе въ Берри, считавшемся въ то время самой бѣдной провинціей Франціи и избранномъ именно

¹⁾ См. *Mémoire sur l'utilité des états provinciaux*, цитир. въ I томѣ этого сочиненія.

²⁾ *Mémoire sur les assemblées provinciales*,—записка, поданная секретно королю Неккеромъ; она была впоследствии предательски опубликована графомъ Морепа и много способствовала паденію министра финансовъ, вооруживъ противъ него парламенты, осуждаемые въ этой запискѣ.

Попытка въ этомъ направленіи была тѣмъ болѣе соблазнительна и плодотворна, что она не давала повода къ возбужденію тѣхъ страстныхъ вопросовъ, изъ которыхъ вышла первая буря: удвоеннаго числа представителей третьяго сословія, обсужденія дѣлъ въ общемъ собраніи, рѣшенія ихъ по большинству голосовъ. Работы начались; онѣ исполнялись среди глубокой тишины; и провинціальныя собранія беррійское и верхне-гіенское, открытое вскорѣ послѣ перваго, въ Монтобанѣ, подѣ председательствомъ епископа родезскаго, прошли не безслѣдно, отмѣтивъ свою дѣятельность полезными для края усиліями.

Въ бывшемъ герцогствѣ Беррійскомъ 517 приходовъ были ежегодно призываемы къ отправленію дорожной повинности. Они поставляли, на восемь дней, 40.000 работниковъ и 12.000 фуръ, съ 24.000 лошадей или паръ воловъ, что составляло въ сложности 320.000 рабочихъ дней для людей и 96.000 дней для упряжей. Эти рабочіе дни, оцѣниваемые въ 15 су для людей и въ 4 ливра для упряжей, налагали на обязанныхъ нести дорожную повинность бремя, равнявшееся, въ переводѣ на деньги, 680.000 ливровъ. Собраніе, узнавъ, что строилось ежегодно не болѣе шести льѣ новыхъ дорогъ, и разсчитавъ, что сооруженіе ихъ обошлось бы не дороже 240.000 ливровъ, отмѣнило натуральную дорожную повинность и обратило ее въ денежную, которую должны были нести почти все классы: народъ, однако, непосредственно, а духовенство и дворянство въ лицѣ своихъ арендаторовъ.

Такъ народъ знакомился съ преимуществами представительнаго режима, и каждое улучшеніе, вотированное въ провинціальныя собранія, толкало націю по наклонной плоскости, приводившей къ генеральнымъ штатамъ.

Тѣмъ временемъ Неккеръ выдерживалъ бремя войны, не будучи подавленъ имъ,—такъ велико было довѣріе заимодавцевъ, доставлявшихъ ему нужныя денежные средства. Доканчивать начатыя реформы, обдумывать новыя ¹⁾—въ этомъ состояла задача его жизни. То при возобновленіи договора объ общемъ податномъ откупѣ онъ сэкономилъ 14 милліоновъ; то онъ доставилъ государству нѣкоторую выгоду на подушной подати или на постороннихъ доходахъ казначеевъ соединеніемъ бесполезныхъ кассъ въ главномъ казначействѣ; то, наконецъ, по-

¹⁾ *Compte rendu de Necker*, p. 6.

отказа. Морена былъ того мнѣнія, что просьба о допущеніи въ совѣтъ можетъ быть удовлетворена, *если онъ отречется торжественно отъ заблужденій Кальвина*¹⁾. Онъ зналъ, что тотъ не способенъ на такую низость. Король принялъ поэтому, 19 мая, прошеніе директора финансовъ объ увольненіи его отъ службы. Прошеніе было написано на четвертушкѣ бумаги, безъ титула въ заголовкѣ, и форма его показалаь столь дерзкой Людовику XVI, что онъ поклялся не прибѣгать болѣе къ услугамъ Неккера²⁾.

Вѣсть объ этой неожиданный немилости была принята съ мрачнымъ гнѣвомъ. Нація считала себя оскорбленной. Публика толпилась въ общественныхъ садахъ, на улицахъ, въ кофейняхъ; но повсюду царилъ необыкновенная тишина³⁾. Бурбулона, автора брошюры *Observations sur le Compte rendu*, когда его замѣтили въ Пале-Рояль, народъ преслѣдовалъ угрозами. Неккеръ переселился на свою дачу въ Сентъ-Уанъ, близъ Парижа: длинная вереница каретъ провожала его туда. Всѣ наперерывъ спѣшили выразить ему свое сочувствіе. Архіепископъ парижскій первый подалъ примѣръ; и въ числѣ посѣтителей замѣтили герцога Орлеанскаго, герцога Шартрскаго, членовъ фамилій Ришлье и Люксембургъ, герцога Шуазеля, принца Конде. Какъ далеко ушла Франція отъ той эпохи, когда простымъ нахмуреніемъ бровей Людовикъ XIV могъ осуждать министра на одиночество среди всеобщей немилости!

Такова была первая администрація Неккера. Онъ имѣлъ за собой и тѣхъ, кто, считая революцію неминуемой, пугался ея, и тѣхъ, кто желалъ переворота сильнаго, обширнаго, рѣшительнаго. Одни рукоплескали въ его лицѣ человѣку, казалось, наиболѣе способному предупредить увлеченіе народныхъ страстей, оставляя кое-какіе выходы свободѣ. Другіе поощряли его открыть движеніе, при чемъ твердо рѣшились, если онъ откажется идти впередъ, оставить его на дорогѣ.

Что касается самого Неккера, то онъ, конечно, не предвидѣлъ, что однимъ прыжкомъ революція перешагнетъ черезъ него!

¹⁾ *Sur l'administration de M. Necker, par lui-même.*

²⁾ *Reponse du roi mémoire de M. de Castries en faveur de M. Necker.*

³⁾ *Correspondance de Grimm, t. X, p. 434.*

богатствами, которыя, какъ можно было предполагать, создавались ими¹⁾. Но у нихъ были главари, которые враждались въ большомъ свѣтѣ и поражали всѣхъ своимъ крезовскимъ богатствомъ и щедростью. Иной изъ этихъ главарей, не имѣвшій, сколько было извѣстно, ни имѣній, ни контрактовъ, ни рентъ, ни семейства, вель царскій образъ жизни и тратилъ на дѣла благотворительности больше, чѣмъ сколько принцы тратили на спектакли и балы²⁾.

Отсюда множество противорѣчивыхъ предположеній. «Это существа сверхъестественныя,—думалъ простой народъ:—ихъ нужно уважать и бояться, потому ихъ наука отъ ангеловъ или отъ демоновъ; природа повинуется имъ, и нѣтъ равнаго ихъ могуществу». Въ глазахъ другихъ, это были попросту обманщики, обязанные единственно глупости публики своей силой и богатствомъ. Иные, наконецъ, видѣли въ нихъ сектантовъ, поклявшихся уничтожить все тираніи: если они притворяются погруженными въ изученіе тайныхъ наукъ, то это только для отвода глазъ, для того, чтобы обмануть безпокойство правительства; если они окружаютъ себя таинственностью, то это для того, чтобы лучше господствовать, приманкой чудеснаго, надъ легковѣрной толпой; ихъ главари—это апостолы революціи, и золото, служащее къ приготовленію путей для пропаганды, это золото, которое воображаютъ выплавляемымъ въ волшебныхъ горнилахъ, получается изъ центральной кассы, пополняемой посредствомъ тайной и систематической подписки среди заговорщиковъ.

Тѣмъ временемъ въ Парижъ прибылъ человекъ, котораго уже окружала странная знаменитость. Наружность его соединила въ себѣ все выгоды: много достоинства въ осанкѣ, выразительная фізіономія съ примѣсью кротости, глубокой взглядъ, ротъ, гдѣ презрѣніе смягчалось нѣкоторой ласковостью и нѣжностью. Все въ немъ было странно. Какое мѣсто земного шара было мѣстомъ его рожденія? Кто были его родители? Гдѣ и какъ приобрѣлъ онъ познанія, которыми, повидимому, обладалъ, и свои богатства, которыя расходовалъ съ такой щедростью? Онъ называлъ себя графомъ Калиостро, но было ли это его настоящее имя? Даже возрастъ его былъ неопредѣленный—многіе приписы-

¹⁾ *Mémoires pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro*, note 3.

²⁾ *Ibidem*.

нирамъ былъ—Жакъ Моле, послѣдній гросмейстеръ; убійцы были—король Филиппъ Красивый, олицетвореніе политической тираніи, папа Климентъ V, олицетвореніе тираніи духовной, и судьи, которыхъ они преобразовали въ палачей; потерянное слово было *свобода*.

Вскорѣ въ средѣ масонства появились опасныя нововведенія. Такъ какъ три степени обыкновеннаго масонства заключали въ себѣ много людей, противившихся по своему званію и по принципу всякому проекту соціального переворота, то новаторы увеличили число ступеней мистической лѣстницы; они создали заднія ложи, предназначенныя для пылкихъ душъ; они учредили высшія степени: *избраннаго, рыцаря солнца, строгаго соблюденія устава, кадоша* или переродившагося человѣка, — темныя святилища, двери которыхъ открывались адепту лишь послѣ длиннаго ряда испытаній, рассчитанныхъ такимъ образомъ, чтобы удостовѣриться въ успѣхахъ его революціоннаго воспитанія, испытать твердость его вѣры, испробовать закалъ его сердца. Тамъ, среди множества обрядовъ, то пустыхъ, то зловѣщихъ, не было ничего, что бы не относилось къ идеямъ освобожденія и равенства.

Въ степени *рыцаря солнца*, напримѣръ, когда происходило принятіе, *почтеннѣйшій* начиналъ церемонію вопросомъ, обращеннымъ къ *первому надзирателю*: «Который часъ?» и тотъ долженъ былъ отвѣтить: «Часъ темноты между людьми». Спрошенный, въ свою очередь, о мотивахъ, приведшихъ его, вступающій отвѣчалъ: «Я пришелъ искать свѣта. Потому что я и мои товарищи — мы заблудились во тьмѣ ночи, покрывающей міръ. Облака затмили Венеру, звѣзду Европы. Они образовались изъ ладана, которымъ суевѣріе кадитъ деспотамъ»¹⁾.

Седьмая степень высшаго масонства, степень *рыцаря шаги* и *розенкрейцера*, давала поводъ къ не менѣе характернымъ сценамъ. Обряды и аллегоріи, относившіеся къ этой степени, были заимствованы изъ повѣствованія исторіи о плѣненіи іудеевъ въ Вавилонѣ, о разрушеніи ихъ храма и о позволеніи вновь построить его, данномъ царемъ Киромъ Іеровавелю²⁾. Одѣтый въ красный плащъ, препоясанный шотландскимъ передникомъ, закованный въ цѣпи, адептъ подводился къ трону

1) Robison, *Preuves de conspirations etc.*, t. I, p. 47.

2) *Testament de Cagliostro*, p. 36, 37.—*Le vrai rose-croix*, traduit de l'anglais. MDCCLXXIV.

ція ложъ; тамъ собирались и пребывали депутаты городовъ, охваченныхъ тайнымъ движеніемъ; оттуда исходили инструкціи, смыслъ которыхъ оставался скрытымъ отъ вражескихъ взоровъ, благодаря спеціальному шифру или загадочному языку, которымъ онѣ были написаны.

Съ этого момента масонство приняло въ себя, одного за другимъ, большую часть людей, которыхъ мы встрѣтимъ потомъ среди революціонной сумятицы. Въ ложѣ *Девяти Сестеръ* сгруппировались Гара, Бриссо, Балби, Камилль Демуленъ, Кондорсе, Шанфоръ, Дантонъ, донъ-Жерле, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Петіонъ. Фоше, Гупиль де Префельпъ и Бонневиль господствовали въ ложѣ *Жельзнаго Рта*. Сійесъ основалъ въ Пале-Роялѣ клубъ *Двадцати Двухъ*. Ложа *Непорочности* сдѣлалась, во время революціи, сборнымъ мѣстомъ сторонниковъ герцога Орлеанскаго: Лакло, Ла Туша, Сильери; между ними встрѣчаемъ также Кюстина, братьевъ Ламетъ, Лафайета¹⁾.

Но масонство, какъ мы видѣли, не имѣло однороднаго характера. Три первыя степени допускали всякія мнѣнія; выше, различіе обрядовъ соотвѣтствовало различію системъ, и, судя по именамъ Сійеса, Кондорсе, Бриссо, философія энциклопедистовъ и тенденціи буржуазіи имѣли широкое мѣсто въ ложахъ. Это поразило Вейсгаупта, профессора каноническаго права въ Ингольштадскомъ университетѣ, одного изъ самыхъ глубокихъ заговорщиковъ, какіе когда-либо существовали.

Одной только приманкой тайны, одной только силой ассоціаціи подчинить одной волѣ и одушевить однимъ вдохновеніемъ тысячи людей, взятыхъ въ каждой странѣ міра, но сначала въ Германіи и Франціи; сдѣлать изъ этихъ людей, при помощи медленнаго и постепеннаго воспитанія, существа совершенно новыя; пріучить ихъ слѣпо повиноваться невидимымъ и незнаемымъ начальникамъ; съ такимъ легиономъ оказывать тайно давленіе на курсы, окружить государей, руководить безъ ихъ вѣдома правительствами и довести Европу до такого состоянія, чтобы всякое суевѣріе было уничтожено, всякая монархія ниспровергнута, всякая привилегія рожденія объявлена несправедливой, самое право собственности отмѣнено и провозглашено равенство первыхъ христіанъ—таковъ былъ гигантскій планъ основанія *иллюминизма*.

¹⁾ Barruel, *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, t. V, p. 5.

Это значило налагать на себя страшныя необходимости. Не придется ли прибѣгать къ приемамъ, недостойнымъ цѣли? Не нужно ли будетъ снизойти отъ благоразумія къ коварству, отъ бдительности къ шпіонству? Вейсгауптъ чувствовалъ это и не колебался. Воспитанный иезуитами, онъ далъ себѣ обѣщаніе бороться съ ними и побѣдить ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ. Онъ держался того взгляда, что для достиженія благородныхъ результатовъ добрые должны прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыми злые пользуются для пріобрѣтенія пагубнаго господства¹⁾. Онъ оскорблялъ человѣческую природу, думая, что ее нельзя освободить иначе, какъ обманывая ее, и оказывая неуваженіе къ истинѣ, торжества которой онъ добивался, онъ помѣстилъ хитрость въ число своихъ шансовъ успѣха. «Всякое тайное обязательство,—говорилъ онъ,—есть источникъ энтузіазма. Безполезно разыскивать причины его: фактъ существуетъ, и этого достаточно»²⁾. И онъ потребовалъ у мистицизма самыхъ сокровенныхъ его ресурсовъ.

Обстоятельства, впрочемъ, благопріятствовали принятію тайныхъ пріемовъ. Умы въ Германіи съ нѣкотораго времени занимались только странными вещами. Одинъ приходскій священникъ, по имени Гаснеръ, изгонявшій бѣса изъ бѣсноватыхъ и исцѣлявшій больныхъ простыми формулами, насчитывалъ во всей католической Германіи около милліона приверженцевъ³⁾. Въ Лейпцигѣ однажды собралась огромная толпа на площади, посреди которой должна была явиться, въ назначенный моментъ, тѣнь чародѣя Шепфера⁴⁾, умершаго въ 1774 г. Сочиняли и издавали толкованія на Апокалипсисъ. Королева прусская и ея фрейлины утверждали, что видѣли *бѣлую даму*, которая появлялась, говорилъ народъ, каждый разъ, когда кто-нибудь изъ королевской фамиліи долженъ былъ умереть⁵⁾. Склонность къ чудесному овладѣла всѣмъ обществомъ.

¹⁾ Robison, *Preuves de conspirations contre toutes les religions et tous les gouvernements de l'Europe*, t. 1, p. 144.

²⁾ Изложеніе плана Вейсгаупта, въ собраніи бумагъ, найденныхъ въ Ландсгутѣ и въ замкѣ Запдерсдорфъ, въ 1786 и 1787 гг. и опубликованныхъ по повелѣнію курфюрста Баварскаго.

³⁾ *Lettre du comte de Mirabeau à M... sur Cagliostro et Lavater*, p. 33. Berlin, 1786.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ Luchet, *Essai sur la secte des illuminés*. Paris, 1789.

Вейсгаупту было едва двадцать-восемь лѣтъ, когда въ 1776 г. онъ набросалъ основы иллюминизма. Первые, кому онъ открылъ подъ секретомъ свой замыселъ, получили названіе *ареонамитовъ*. Условились, что Вейсгауптъ, извѣстный однимъ только ареонагитамъ, будетъ невидимый и всемогущій глава секты; что эта секта будетъ раздѣляться на два класса: приготовительный, обнимающій степени: *послужника, минервала, младшаго иллюмината, старшаго иллюмината*, и тайный, содержащій степени: *священника, регента, философа и человека-короля*¹⁾. Эти дѣленія и подраздѣленія имѣли цѣлью: во-первыхъ, соразмѣрять важность адента съ его усиліями въ наукѣ равенства и, во-вторыхъ, экзальтировать его воображеніе, давая ему надежду на сообщеніе секрета, когда онъ достигнетъ высшей степени. Рѣшено было, что иллюминаты будутъ примѣнять свои способности къ изученію и углубленію всѣхъ наукъ, будутъ изощряться въ искусствѣ объясненія шифровъ, въ сниманіи слѣшковъ съ печатей²⁾ и будутъ искать должностей только для того, чтобы, занимая ихъ, лучше служить интересамъ ордена. Заходила рѣчь объ учрежденіи школы *минервалей* женскаго пола³⁾ для того, чтобы привлечь къ дѣлу пропаганды женщинъ, обыкновенно столь впечатлительныхъ, столь склонныхъ къ самопожертвованію, столь способныхъ приводить другого и самимъ приходять въ возбужденное состояніе; но боялись ихъ нетерпѣнія, ихъ неосторожности⁴⁾, и эта часть проекта была на время отложена. Изъ предосторожности, основатель иллюминизма и его сообщники приняли вымышленныя имена: Вейсгауптъ назывался *Спартакомъ*, баронъ Книгге — *Филономъ*, Цвахъ — *Катонномъ*, маркизь де Констанца — *Диомедомъ*, книгопродавецъ Николай — *Лукианомъ*. Кто не презиралъ тщету славы, не отличался фанатизмомъ Брута или дерзостью Катилины, того объявляли неспособнымъ къ исполненію главныхъ должностей ордена⁵⁾. А что касается заботы о вербованіи учениковъ-заговорщиковъ, то она возлагалась на *вкрадчивыхъ*

1) *Écrits originaux dans les Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, t. III, p. 23.

2) Mounier, *De l'influence attribuée aux philosophes, aux francs-maçons et aux illuminés sur la Révolution de France*, p. 181.

3) *Lettre de Minos à Sébastien*, 1782.

4) *Ibidem*.

5) *Lettre de Spartacus à Caton*, 6 févr. 1778.

братъевъ, выбираемыхъ между самыми ловкими, и которымъ, въ инструкціяхъ внушалось держать себя съ важностью, вести образъ жизни правильный и способный утвердить ихъ вліяніе¹⁾; не обращаться ни къ людямъ съ дурной репутаціей, ни къ людямъ подозрительной нравственности²⁾; стараться въ особенности залучить чиновныхъ людей, служителей принцевъ, книгопродавцевъ, почтмейстеровъ и школьныхъ учителей. Вейсгауптъ хотѣлъ также, чтобы старались привлекать лицъ пріятной наружности. «Эти люди, говорилъ онъ, когда сумѣешь дать имъ надлежащую подготовку, болѣе пригодны для переговоровъ... Они не изъ тѣхъ, которымъ можно поручить поднять народъ, но надо выбирать подходящихъ людей... Глаза,—разсматривайте хорошенъко глаза, и не пренебрегайте въ вашихъ наблюденіяхъ обращать вниманіе на осанку, походку, голосъ»³⁾).

Послушникъ только послѣ внимательнаго надъ нимъ наблюденія производился въ минервали, и тотчасъ же къ нему приставляли *иллюмината-руководителя*, настоящаго наставника, который, не объясняя ни тенденцій сообщества, ни его конечной цѣли, старался постепенно освободить адепта отъ всякихъ предразсудковъ, указывалъ ему книги для чтенія, объяснялъ ихъ смыслъ, съ благоразумной осторожностью, показывая иногда видъ, что онъ раздѣляетъ мнѣнія, которыя было бы опасно опровергать слишкомъ рано, и вообще соблюдая строгую постепенность въ этомъ руководствѣ. Если аттестаци *иллюмината-руководителя* были благопріятны для минерваля, послѣдній переходилъ въ степень *младшаго иллюмината*. Только тогда онъ узнавалъ, что цѣль ордена—«сдѣлать изъ рода челоувѣческаго, безъ различія націи, званія, профессіи, добрую и счастливую семью». Однако, ему полагалось знать еще только своего наставника, нѣсколькихъ иллюминатовъ той же степени и минервалей. Но не упускали случая рассказывать ему о людяхъ, достигшихъ высшихъ степеней, какъ о выдающихся умахъ⁴⁾; хвалили ихъ знанія, ихъ положеніе въ свѣтѣ, ихъ кредитъ, ихъ богатство; ему внушали, играя въ его душѣ на

¹⁾ *Instructions de Weishaupt dans les Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, t. III, p. 26.

¹⁾ *Ibidem*, p. 27.

²⁾ *Lettre à Marius et à Caton*.

⁴⁾ Robison, *Preuves de conspirations etc.*, t. I, p. 173.

струнахъ честолюбія и гордости, желаніе сдѣлаться наперсникомъ добродѣтели или сообщникомъ генія.

Когда наступала пора перевести его въ степень *старшаго иллюмината*, его вводили въ темную комнату, убранную согласно предписаніямъ масонскаго обряда и наполненную эмблемами, способными растрогать его сердце. Тамъ онъ долженъ былъ, по произнесеніи страшной клятвы, подать, въ запечатанномъ пакетѣ, исторію своей жизни. Тотчасъ же раскрывали книгу, называвшуюся «Развѣдочной»; содержащіяся въ ней свѣдѣнія сравнивали съ общей исповѣдью, представленной адептомъ, и доказывали ему, что ничто изъ его жизни не осталось неизвѣстнымъ братьямъ. Самые сокровенные недостатки кандидата, его любимыя привычки, его предрасудки, его семейныя дѣла, его симпатіи и антипатіи, его любовныя связи, то, что *вкрадчивые братья* вывѣдали у него, пользуясь его довѣрчивостью, всякое безпокойство ума, всякое тайное волненіе сердца, обнаруженное имъ въ степеняхъ минерваля и младшаго иллюмината,—все было записано въ «Развѣдочной» книгѣ¹⁾. И тѣмъ не менѣ вызывали объ немъ его собственное свидѣтельство, чтобы испытать его искренность, его самоотверженіе, его вѣру. Что касается специальной обязанности старшаго иллюмината, то она состояла въ томъ, чтобы работать безъ устали въ пользу развитія общаго могущества, доставляя указаннымъ высшими членами секты должности, которыми онъ могъ располагать, или которыя зависѣли отъ его кредита²⁾.

Изъ этого видно, какъ искусно былъ организованъ заговоръ. Для какихъ цѣлей? Это становилось яснымъ посвященному только въ степени *священника* или *эпонта*. Въ назначенный день, въ условленный часъ, прозелита, съ завязанными глазами, проводили ложными дорогами къ преддверію храма таинствъ. Онъ оставался тамъ нѣкоторое время, преданный беспорядку въ мысляхъ и безпокойству ожиданія. Наконецъ, повязка съ глазъ его спадала; онъ ощущалъ мечъ въ своей рукѣ; какой-то голосъ кричалъ ему: «Войди, несчастный! но не забудь запереть дверь за собой!» и онъ вступалъ въ обширную, ярко освѣщенную залу. Впереди трона подъ великолѣпнымъ балдахиномъ

¹⁾ *Lettre de Spartacus à Caton*, 6 tévr. 1778.

²⁾ Mounier, *De l'influence attribuée aux philosophes, aux francs-maçons, aux illuminés*, etc., p. 177.

стоялъ столъ, покрытый драгоцѣнностями, червонцамъ, среди которыхъ блестяли корона, скипетръ, шпага. У стола лежали на пурпурной подушкѣ, епископскіе поясы и бѣлое одѣяніе. «Посмотри, — говорилъ тогда первосвященникъ, — если эта корона, этотъ скипетръ, если эти памятники людской глупости и униженія искупаютъ твою гордость; если къ нимъ лежитъ твое сердце; если ты хочешь помогать королямъ угнетать людей, мы можемъ помѣстить тебя такъ близко къ престолу, какъ ты пожелаешь, но наше святилище будетъ закрыто для тебя, и мы оставимъ тебя въ жертву послѣдствіямъ твоего безумія. Если же, напротивъ, ты хочешь посвятить себя дѣятельности, направленной къ тому, чтобы сдѣлать людей счастливыми и свободными, то добро пожаловать. Здѣсь атрибуты королевской власти; тамъ атрибуты добродѣтели: выбирай!»¹⁾

Если кандидатъ отвергалъ драгоцѣнности, червонцы, скипетръ, корону, его посвящали въ планы секты и ея доктрины. Въ пламенной, патетической рѣчи, словно вылившейся изъ негодующихъ устъ Жанъ-Жака, предсѣдатель собранія говорилъ, какъ много зла внесъ въ міръ «тотъ, кто, вбивъ первый колъ и выкопавъ первый ровъ, осмѣлился сказать: «это—мое» и нашелъ простаковъ, которые повѣрили ему. Ораторъ указывалъ на узурпаціи силы, послѣдовательно преобразованныя въ права; на тиранію, установившуюся сначала путемъ насилія, затѣмъ продолжавшуюся посредствомъ хитрости; на людей, полныхъ тѣлесной и умственной силы, доведенныхъ до такого умопомраченія, что они становились на колѣни вокругъ колыбели младенца и поклонялись новорожденнымъ божествамъ; на рѣзню между народами, почтенную именемъ патріотическаго мужества; на разбой въ большемъ размѣрѣ, называемые завоеваніями; на существованіе на землѣ проклятыхъ, — увы! — болѣе реальныхъ, чѣмъ обитатели міоологическаго ада; на связь съ природой, повсюду порванную. И пусть не останавливаются на революціи, которая ограничивалась бы ниспроверженіемъ троновъ. Начинаетъ развиваться новая сила, которой надо остерегаться: «Кто хочетъ поработить народы, тому стоитъ только вызвать къ жизни потребности, которыя онъ одинъ только могъ бы удовлетворить... Возведите въ іерархическую корпорацію кунечество (*die Kaufmannschaft*), и вы создадите, быть можетъ

¹⁾ Barruel, *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, t. III, p. 114.

самый страшный изъ деспотизмовъ. Ибо тотъ и господинъ, кто можетъ возбуждать или предвидѣть, подавлять или удовлетворять потребности. А кто можетъ сдѣлать это лучше, чѣмъ купеческая олигархія?»¹⁾

Такимъ образомъ иллюминизмъ подготовлялъ Анахарсиса Клоца и Бабѣфа.

Впослѣдствіи мы услышимъ Камилла Демулена взывающимъ къ Иисусу Христу. Точно также іерофантъ иллюминатовъ призывалъ имя Христа, говорившаго: «Вамъ дано знать тайны Царствія Небеснаго, другимъ же только въ притчахъ», и учившаго: «Вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними; но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою».

Итакъ, свободу, посредствомъ уничтоженія несправедливыхъ отличій, питающихъ ненависть, составляющихъ наглость однихъ, низость другихъ; равенство, посредствомъ союза сердець или братской любви,—вотъ что долженъ былъ *священникъ-иллюминантъ* стараться вводить между людьми, вотъ тотъ огромный и опасный триумфъ, достиженіе котораго секта поставила себѣ задачей.

По окончаніи рѣчи іерофанта, поднималась завѣса, скрывавшая алтарь, который былъ увѣнчанъ изображеніемъ Распятаго, того Иисуса изъ Назарета, котораго сектанты считали истиннымъ основателемъ иллюминизма. Тогда, преклонивъ колѣна, посвящаемый молился Богу бѣдныхъ и угнетенныхъ. Затѣмъ ему выстригали нѣсколько волосковъ на макушкѣ, облачали его въ ризы и подавали ему скуфью, говоря: «Надѣнь эту скуфью; она лучше королевской короны»²⁾.

Управляемая заговорщиками, въ одно и то же время страстными и глубокомысленными, секта быстро разрасталась. Безпокойныя воображенія и алчуція души легко давали себя увлечь странностью ея обрядовъ и тайной, которая ее окружала. Глубина ея замысловъ прельщала серьезные, образованные, но смѣлые умы. Она привлекла много лучшихъ людей своего времени. Это тогда установилась та невидимая и вездѣсущая администрація, о которой такъ часто говорятъ современные писатели³⁾.

¹⁾ Discours de l'hiérophante pour le grade de *prêtre illuminé*.

²⁾ Barruel, *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, t. III, p. 155.

³⁾ Voy. *Lettre du comte Mirabeau à M... sur Cagliostro et Lavater*;—*Testament de Cagliostro*;—Luchet, *Essai sur les illuminés*;—Robison, *Preuves de conspirations etc.*

Неуловимые доносчики быстро, словно по телеграфу, передавали из одного мѣста въ другое секреты, вывѣданные при дворахъ, въ коллегіяхъ, въ канцеляріяхъ, въ судахъ, въ консистеріяхъ ¹⁾. Въ городахъ подолгу проживали какіе-то неизвѣстные путешественники, присутствіе, цѣль, званіе и состояніе которыхъ были для всѣхъ загадками. Въ этомъ числѣ былъ и Калиостро, непостижимая смѣсь достоинства и коварства, образованности и невѣжества, впрочемъ великодушный, одаренный увлекательнымъ, хотя и варварскимъ краснорѣчіемъ, способный на энтузіазмъ, представлявшій, наконецъ, нѣчто среднее между миссіонеромъ и авантюристомъ.

Неутомимый путешественникъ, Калиостро мѣнялъ имя съ перемѣной страны своего пребыванія: здѣсь Ахаратъ, тамъ Пеллегрини, индѣ графъ Фениксъ ²⁾, и во всѣхъ мѣстахъ оставался его слѣдъ. Приѣхавъ въ Митаву (въ 1779 г.), онъ не замедлил очаровать тамошнее высшее общество. Двухъ часовъ ему было достаточно, чтобы подчинить своему вліянію знатныхъ и ученыхъ особъ, каковы были графъ Медемъ, графъ Ховенъ, майоръ фонъ-Корфъ. Одна дама, питавшаяся чтеніемъ Лафатера, графиня Элиза фонъ-деръ-Рекке, тоже была одно время восторженной поклонницей Калиостро ³⁾. Членъ секты алхимиковъ, врачъ школы розенкрейцеровъ и Парацельса, равный Лафатеру въ наукѣ фізіономики ⁴⁾, осторожный соревнователь знаменитаго астролога Сени, который господствовалъ надъ Валленштейномъ и похвалялся, что умѣетъ читать сверкающую книгу небесныхъ свѣтилъ, Калиостро пользовался, во время своего пребыванія въ Митавѣ, необычайной властью надъ умами и со всѣхъ сторонъ люди спѣшили къ этому *жрецу тайны* ⁵⁾. Онъ находился во Франкфургѣ-на-Майнѣ, когда депутаты иллюминизма встрѣтили его и рѣшили завербовать его въ свою секту.

Вейсгауптъ всегда проповѣдывалъ презрѣніе къ хитростямъ алхиміи и къ обманнымъ галлюцинаціямъ нѣкоторыхъ розен-

¹⁾ Luchet, *Essai sur les illuminés*, ch. VI, p. 25 et suiv.

²⁾ *Mémoire pour le comte de Cagliostro, contre M. le procureur général, accusateur*, dans la collection des mémoires relatifs à l'affaire du Collier. Edit. 1786.

³⁾ *Mémoire sur le séjour de Cagliostro à Mitau*, par m-me de Recke, p. 8, 9. Publié en allemand à Berlin, 1787.

⁴⁾ *Lettre d'un habitant de Strasbourg*, citée par m-me de Recke, p. 15.

⁵⁾ La comtesse de Recke, *Mémoire sur le séjour de Cagliostro à Mitau*, p. 7.

ему егермейстеру Миллинену просить у него аудиенции ¹⁾. Но насколько Каліостро былъ ласковъ и любезенъ въ отношеніи бѣдняковъ, рабочихъ, простолюдиновъ, настолько же любилъ онъ третировать свысока знатныхъ и богатыхъ. «Если это у князя пустое любопытство,—отвѣтилъ онъ рѣзко,—то я отказываюсь его видѣть; если же онъ имѣетъ надобность во мнѣ, то пусть скажетъ». Отвѣтъ этотъ не только не разсердилъ кардинала, но, напротивъ, понравился ему ²⁾. Его неотступныя просьбы побѣдили пренебреженіе гайнственаго иностранца; Роганъ искалъ его бесѣдъ, считалъ за счастье пользоваться его дружбой и сдѣлался его восторженнымъ почитателемъ.

Вотъ что знали о Каліостро, когда, послѣ перваго и кратковременнаго появленія, имѣннаго мѣсто въ 1781 г., онъ поселился въ Парижѣ на постоянное жительство. Его благородныя манеры, огромное вліяніе, которымъ онъ пользовался, его апокалиптическое краснорѣчіе, непонятная пышность его жизни, красота Лоренцы Феличіани, его жены, и даже то, что было загадочнаго въ его богатствѣ или подозрительнаго въ его добродѣтеляхъ,—все служило ему въ пользу: публика стремилась къ нему толпой.

Домъ, который онъ занималъ улицѣ Сень-Клодъ и въ которомъ впослѣдствіи жилъ Барра, былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ во всемъ кварталѣ. Въ салонѣ, убранномъ съ восточной роскошью и погруженномъ въ полумракъ, когда онъ не былъ залитъ свѣтомъ сотни канделябровъ, можно было по нѣкоторымъ предметамъ обстановки угадать думы философа и заговорщика рядомъ съ проектами чудотворца; тамъ стоялъ бюстъ Гиппократата, и въ черной рамѣ былъ написанъ золотыми буквами слѣдующій параграфъ всеобщей молитвы Иова: «Отче вселенной, Ты, Которому всѣ народы поклоняются подъ именами Іеговы, Юпитера и Господа! Верховная и первая причина, скрывающая Твою божественную сущность отъ моихъ глазъ и показывающая мнѣ только мое невѣдніе и Твою благость, дай мнѣ, въ этомъ состояніи слѣпоты, различать добро отъ зла и оставлять человѣческой свободѣ ея права, не посягая на Твои святыя заповѣди. Научи меня бояться пуще ада того, что мнѣ

¹⁾ *Mémoire pour le comte de Cagliostro, accusé, etc.*, p. 24.

²⁾ *Mémoire de l'abbé Georget*, t. II.

запрещаетъ моя совѣсть, и предпочитать самому небу то, что она мнѣ велитъ!»

Секта, представляемая Калиостро, не имѣла, въ самомъ дѣлѣ, другой религіи, кромѣ деизма; и то же можно сказать о всѣхъ сектахъ мистическихъ и революціонныхъ, возникшихъ въ концѣ XVIII столѣтія. Верховному Существу, отъ Котораго зависятъ и въ Которомъ сглаживаются столькія кажущіяся различія, развѣ не безразличны разнообразныя формы поклоненія народовъ? Такъ думали новаторы новѣйшей школы, которыхъ Калиостро былъ лишь недостойнымъ орудіемъ. Ибо, если, съ одной стороны, онъ служилъ дѣлу, основывая въ Парижѣ, подобно тому, какъ онъ эго дѣлалъ ранѣе въ Митавѣ, въ Петербургѣ, въ Варшавѣ, египетскія ложи, гдѣ были скрытно поносимы и колеблемы старыя учрежденія ¹⁾, то съ другой стороны онъ несомнѣнно переходилъ черту, отдѣляющую заговоръ отъ обмана. У него происходили какія-то тайныя сборища, гдѣ достоинство убѣжденнаго пронагандиста изглаживалось за фокусами некромантика. Чтобы замаскировать источникъ своихъ богатствъ, которыми онъ обязанъ былъ щедрости разсѣянныхъ по свѣту членовъ секты ²⁾, онъ притворно запирался у себя въ концѣ каждого мѣсяца и давалъ понять, будто по выходѣ изъ этого уединенія онъ посылаетъ продать золотыхъ дѣлъ мастерамъ слитокъ золота, проба котораго почти всегда была выше пробы луидоровъ ³⁾. Что еще сказать? Онъ подвергалъ какимъ-то суетвѣрнымъ карантинамъ физическое и духовное перерожденіе челоуѣка; разсыпался въ предсказаніяхъ; воображалъ себя состоящимъ въ сношеніяхъ съ семьєю ангелами, которымъ, по его египетскому обряду, поручено управленіе семьєю планетами, и приписывалъ власть вызывать духовъ молодымъ дѣвушкамъ, которыхъ онъ называлъ *голубицами* или *питомницами* и которыхъ, помѣщенныхъ въ скиніяхъ, среди великолѣпной обстановки, становились сообщницами его чародѣйствъ. Низкія средства, компрометировавшія указанную имъ самимъ цѣль! настоящее преступленіе въ отношеніи дѣла, которое онъ провозглашалъ

¹⁾ Приговоръ, произнесенный противъ Калиостро въ Римѣ, въ 1790 г., осуждаетъ его за *проповѣдываніе ученія, открывавшаю широкія двери мятежу*.

²⁾ Въ это же время одинъ испанецъ, по имени Хименесъ, развѣзжалъ по Европѣ по порученію и на средства иллюминатовъ.

³⁾ M. de Levis, *Souvenirs et portraits*, p. 154, 156.

лѣніе произвела книга «О заблужденіяхъ и истинѣ, сочиненіе неизвѣстнаго философа». Въ началѣ она вызвала крайнее удивленіе. Слѣдовало ли причислить къ мудрецамъ или къ сумасшедшимъ этого безымяннаго автора, у котораго убѣдительное краснорѣчіе соединялось съ неуловимымъ гениемъ сивиллы? «Небольшое число людей, хранителей возвѣщаемыхъ мною истинъ,—говорилъ онъ въ предисловіи,—должны, согласно даннымъ формальнымъ обязательствамъ, соблюдать благоразумную осторожность. Оттого я обѣщаль себѣ быть очень сдержаннымъ въ этомъ сочиненіи и прикрываться завѣсой, непроницаемой даже для зоркихъ глазъ, такъ что иногда я говорю здѣсь совсѣмъ не о томъ, о чемъ, повидимому, идетъ рѣчь». Зачѣмъ эти извороты и эта необходимость осторожности? Что означали эти формальныя обязательства? Кто были эти невидимые заговорщики, группировавшіеся вокругъ книги? Никогда не появлялось сочиненія болѣе трогательнаго и болѣе страннаго. Подобно картинамъ, представляющимъ рѣзкіе контрасты свѣта и тѣни, вся книга состояла изъ яркихъ проблесковъ или темныхъ мѣстъ, кажущихся и притворныхъ противорѣчій. Во имя благочестиваго спиритуализма, *неизвѣстный философъ* возставалъ противъ безумія человѣческихъ культовъ. Онъ преклонялся предъ властелинами и въ то же время колебалъ ихъ троны. Когда его считали блуждающимъ въ области призраковъ, онъ вдругъ появлялся среди живущихъ, и тогда онъ принимался разбирать соціальную неурядицу, раскапывать почву до ужасающей глубины.

Религіи? Уже самое ихъ разнообразіе осуждаетъ ихъ ¹⁾. Правительства? Уже по ихъ неустойчивости, по ихъ различію, по ихъ неразумныхъ ссорамъ можно видѣть, какъ ложна ихъ основа, такъ какъ истинное по самому существу своему неразруσιμο и никогда не производитъ результатовъ различныхъ или противоположныхъ ²⁾. Законъ гражданскій? Среди споровъ, вызываемыхъ незаконнымъ раздѣломъ общаго достоянія, законъ этотъ блуждаетъ въ поискахъ права, не зная, гдѣ утвердиться, и подъ именемъ *предписанія* называя справедливостью продолжающуюся несправедливость ³⁾. Законъ уголовный? Чудовищное

¹⁾ *Des Erreurs et de la Verité*, p. 206—209; des Fausses Religions.

²⁾ *Ibid.*, p. 301—309; de l'Instabilité, de la Différence, de la Rivalité des gouvernements.

³⁾ *Ibid.*, p. 317—318; de la Loi civile.

примѣненіе одинаковаго наказанія къ несходнымъ преступленіямъ; месть за дѣйствія, первоначальныхъ причинъ которыхъ не знаютъ; мечъ, который, убивая виновнаго, убиваетъ раскаяніе; мечъ, который прогуливается по тысячамъ головъ въ непроглядномъ мракѣ ночи ¹⁾).

И этой мрачной картинѣ философъ противопоставлялъ образъ былого утраченнаго счастья. Тропинками аллегоріи онъ приводилъ своего читателя въ таинственное царство, гдѣ люди жили въ своемъ первобытномъ состояніи. Тамъ не было никакого произвольнаго и искусственнаго отличія. Хотя одаренные, какъ существа разумныя, различными способностями, люди, въ своемъ первобытномъ состояніи, не раздѣлялись на властителей и подданныхъ; каждый изъ нихъ имѣлъ свое собственное величіе; всѣ были равны, всѣ были цари ²⁾, всѣ жили счастливо.

Но дурное начало отдѣлилось отъ добраго начала,—ибо, подобно манихеянамъ, *неизвѣстный философъ* не допускалъ, чтобы Богъ былъ виновникомъ зла ³⁾;—и, съ своей стороны человекъ, губельно воспользовавшись своей свободной волей, покинулъ свой первоначальный постъ. Отсюда бѣдствіе безъ числа и мѣры: незаконные государи, лживые культы, несправедливое распределеніе благъ земныхъ, слѣпое и глухое правосудіе ⁴⁾.

Однако, человекъ, падая, не пересталъ быть свободнымъ. Обреченный своимъ паденіемъ томиться въ тѣлесномъ рабствѣ и жестоко страдать отъ борьбы смѣшанныхъ въ немъ двухъ натуръ—интеллектуальной и чувственной, онъ не утратилъ отъ этого своего качества быть существомъ разумнымъ ⁵⁾. Но съ какимъ правиломъ сообразоваться? Къ какому маяку обратить взоры на этомъ кораблекрушительномъ морѣ?

По мнѣнію Сенъ-Мартена, нѣтъ спасенія для обществъ, пока они не подчинятся дѣйствию того, что онъ называлъ *дѣятельной и разумной причиной*. Причина эта, которую онъ не опредѣляетъ, но къ которой возвращается на каждой страницѣ своей

¹⁾ *Des Erreurs et de la Verité*, p. 328—351: de l'Administration criminelle; du Droit de punir; du Rapport des principaux délits; des Faux jugemens.

²⁾ *Ibid.*, 290—295: des Gouvernements légitimes; de l'Institution militaire de l'Inégalité des hommes.

³⁾ *Ibid.*, p. 5—10: du Bon et du Mal.

⁴⁾ *Des Erreurs et de la Verité*, p. 18—26: de la Liberté et de la Volonté

⁵⁾ *Ibidem.*, p. 50—51: de la Nouvelle enveloppe de l'homme; Deux êtres dans l'homme.

очень осторожными въ своихъ сужденіяхъ по этому предмету».

Всякая доктрина, прячущаяся за символами, подвергается себя случайности толкованій. Это была подводная скала мартинизма. Въ путяхъ, которые онъ начерталъ подъ тѣнью густой чащи, одни, какъ д'Эпремениль ¹⁾, остановились съ первыхъ же шаговъ; другіе, какъ Амаръ ²⁾, перешли крайній предѣлъ. Но тѣмъ не менѣе произведеніе его имѣло громадное значеніе. Ученикъ Мартинеса Пасхалиса и Іакова Вема, Сенъ-Мартенъ имѣлъ, въ свою очередь, много вѣрныхъ послѣдователей. Многіе любили его, не проникая вглубь его ученія. Герцогиня де Бурбонъ принимала его у себя и, говорятъ, со вниманіемъ прислушивалась къ его трезвымъ рѣчамъ ³⁾. Быть можетъ, она считала его впадшимъ въ тихое помѣшательство. Но, такъ же какъ Каліостро, онъ могъ бы сказать: «Послѣднее слово, окончательный выводъ остается въ моемъ сердцѣ». Ибо, окружая себя туманомъ, онъ слѣдовалъ не только внушеніямъ обыкновеннаго благоразумія, и мистицизмъ его былъ лишь расчетомъ глубокой души. Когда онъ писалъ: «Тѣнь и молчаніе—любимыя убѣжища истины» ⁴⁾, онъ зналъ, какими пружинами должна быть управляема въ несовершенныхъ цивилизаціяхъ человѣческая натура; онъ зналъ, что для того, чтобы упражнять умъ и рвеніе своихъ прозелитовъ, чтобы испытать ихъ постоянство, полезно задать имъ трудный урокъ; зналъ, что для того, чтобы сдѣлать имъ истину драгоцѣнной, нужно дать ее имъ какъ награду, которую они должны заслужить, какъ сокровище, которое они должны сами открыть ⁵⁾.

И, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ туманнѣе было слово учителя, тѣмъ болѣе властнымъ оно становилось. Мартинизмъ сдѣлалъ въ Парижѣ быстрыя завоеванія; онъ господствовалъ въ Авиньонѣ; въ Ліонѣ онъ избралъ себѣ центръ, откуда распространялся до Германіи и Россіи ⁶⁾. Примыкавшая къ масонству новая доктрина представляла обрядъ, состоявшій изъ десяти степеней или ступеней обученія, черезъ которыя должны были по-

¹⁾ Robison, *Preuves de conspirations* etc., t. I, p. 66.

²⁾ Mounier, *De l'influence attribuée aux philosophes* etc., p. 160.

³⁾ Oeuvres de Cazotte, *Notice sur les illuminés*, t. 1.

⁴⁾ *Des Erreurs et de la Verité*, p. 226.

⁵⁾ *Des Erreurs et de la Verité*.

⁶⁾ Clavel, *Hist. pittoresque de la franc-maçonnerie*, p. 170.

искусственное, выработанное ¹⁾»; и въ его афоризмахъ находимъ слѣдующее прекрасное опредѣленіе: «Жизнь человѣка есть часть всемірнаго движенія» ²⁾).

Что Месмеръ дискредитировалъ свою роль новатора грубыми продѣлками, что истинно благородная сторона его основной гипотезы была имъ упущена на половину,—это возможно. Что нужды? Развѣ необходимо, чтобы эго сознавало значеніе повторяемаго и распространяемаго имъ слова? Большинство тѣхъ, которые съ шумомъ проходятъ на землѣ, только хрупкіе рупоры. Когда звукъ изданъ, вы вольны разбить инструментъ. Мыслитель—это мысль.

Месмеръ приѣхалъ въ Парижъ въ 1778 г.; но, отвергнутый учеными, третируемый пренебрежительно Добантеномъ и Викъ-д'Азиромъ ³⁾, онъ ограничивался темными попытками, и уже уныніе овладѣло имъ, когда д'Эслонъ сдѣлался его ученикомъ. Врачъ графа д'Артуа, д'Эслонъ имѣлъ связи въ высшемъ обществѣ, красивую наружность, недюжинный умъ, смѣлость молодости. Иностраннѣй докторъ приобрѣлъ въ немъ пылкаго и полезнаго союзника. Первый мемуаръ Месмера рассказалъ публикѣ о его чудесныхъ врачеваніяхъ въ Германіи, о несправедливостяхъ, которыя онъ тамъ испыталъ, о холодномъ приѣмѣ, сдѣланномъ его открытію Берлинской академіей, о лигѣ, образованной противъ него вѣнскими учеными, и о томъ, какъ, взявъ въ свой домъ и вылечивъ одну почти совершенно слѣпую молодую дѣвушку, онъ увидѣлъ, что, благодаря внушеніямъ коварной интриги, признательность родителей измѣнилась въ неудовольствіе, въ озлобленіе, дошедшее до того, что въ одинъ прекрасный день отецъ пришелъ къ нему требовать обратно свою дочь, съ бранью на устахъ, со шпагой въ рукѣ ⁴⁾. Записка эта, имѣвшая цѣлью возбудить симпатію къ Месмеру, какъ къ преслѣдуемому гению, оканчивалась 27 предложеніями, содержащими главныя основы его системы. Въ свою очередь, д'Эслонъ возвысилъ голосъ. Не довольствуясь опубликованіемъ живого комментарія доктрины учителя, онъ не побоялся сдѣлать дерзкій вызовъ медицинскому факультету. Пусть выберутъ,—предлагалъ онъ,—24 больныхъ, съ тѣмъ, чтобы 12 изъ нихъ были поль-

¹⁾ *Mémoire et aphorismes de Mesmer, aphorisme 197.*

²⁾ *Ibid., aphorisme 198.*

³⁾ Foissac, *Rapport et discussions sur le magnétisme animal*, p. 220.

⁴⁾ *Premier mémoire de Mesmer, p. 35.*

винціи, перешла море, достигла Санъ-Доминго¹⁾; и, организовавшись по обряду масонства, общество магнетизеровъ приняло выразительное имя *ордена гармоніи*.

Казалось, впрочемъ, что настало время чудесъ; ибо братскій геній двухъ Монгольфьеровъ только что изобрѣлъ аэростатъ; и Пилатръ де Розье, въ сопровожденіи маркиза д'Арланжа, съ триумфомъ взлетѣлъ въ воздушныя пространства. Вскорѣ возвѣстили, что соревнователь Монгольфьеровъ, физикъ Шарль, построилъ новую машинну, которая, наполненная *воспламеняющимся воздухомъ*, тоже можетъ плавать среди вѣтровъ. И дѣйствительно, 27 августа 1784 г., въ присутствіи несмѣтной толпы народа, покрывавшей Марсово поле, въ дождливый и обѣщавшій грозу день, при громѣ пушекъ, палившихъ въ знакъ побѣды²⁾, и въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ раздавались крики удивленія, въ то время, какъ испуганныя женщины теряли сознание или съ молитвами воздѣвали руки къ небу, Шарль и Робертъ всходили въ свой воздушный корабль и поднимались, улыбаясь, въ область бурь. Какъ не признать по столь блестящимъ признакамъ громадность силы человѣка. Невозможное! Пустое слово, которымъ довольствовались вѣка невѣжества, но которое отвергала возмужалость человѣческаго рода. Вотъ какими зрѣлищами, какими рѣчами волновались пылкія души.

Вдругъ распространился слухъ, что въ Бюзанси, близъ Суассона, маркизь де-Пуисегюръ и графъ Максимъ, его братъ, сдѣлали изъ системы Месмера неожиданные, поразительные выводы. Дѣло идетъ, на этотъ разъ, не о чудесахъ *залы кризисовъ*, которые уже начали объявлять опасными,—увѣряютъ, будто подъ деревьями, покрытыми густой листвою и намагнетизированными, больные погружались въ чудный сонъ. Во время экстазовъ этого сна они, будто бы, читали въ своемъ собственномъ тѣлѣ, какъ въ открытой книгѣ; они сами указывали средства леченія, истинно спасительныя; они видѣли далѣе луча, который дано пробѣгать глазу; они имѣли даръ предвѣдѣнія. И чтобы производить эти необъяснимыя явленія, что нужно было? Пуисегюръ отвѣчалъ слѣдующими двумя словами въ вѣкъ Вольтера: *третье, хотите!*³⁾.

1) Deleuze, *Hist. critique du magnétisme animal*, t. I, p. 20. Paris, 1819.

2) Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXIII, p. 128.

3) Puységur, *Mémoires pour servir à l'histoire et à l'établissement du magnétisme animal*: épigraphe.

ниля ¹⁾ и въ своемъ протестѣ доходили до угрозъ. Все волновалось, все суенилось.

Если мы теперь окинемъ однимъ взглядомъ только что изложенные факты, мы замѣтимъ тамъ прежде всего сильную реакцію противъ философіи Вольтера и энциклопедистовъ. Эта философія воздвигла алтари сомнѣнію, умствованію, духу критическаго изслѣдованія и индивидуализма. Здѣсь, напротивъ, всецѣло предавались воображенію, верховенству вѣры, самымъ безпорядочнымъ внушеніямъ сердца и доводили до горячечнаго бреда чувство отношеній, долженствующихъ соединять людей.

Но, какъ ни страдало преувеличеніемъ, какъ ни близко было къ суевѣрію это послѣднее движеніе, оно, тѣмъ не менѣе, имѣло очень рѣшительное революціонное значеніе. Посредствомъ мистическихъ заговоровъ оно подкапывалось подъ старыя тираніи; посредствомъ тайной философіи оно заинтересовывало въ побѣдѣ равенства два могущественные двигателя человѣческой натуры: воображеніе и любовь къ невѣдомому; посредствомъ чудесныхъ исцѣленій, приписываемыхъ притягательной силѣ всемірной жидкости, оно изъ физической солидарности людей дѣлало доказательство и образъ ихъ нравственной солидарности. Это были тенденціи Жанъ-Жака, странно примѣняемыя, доводимыя слишкомъ далеко, затемняемыя. Ученики шли къ указанной цѣли окольными путями и скрывая подъ полой свѣтильникъ, зажженный учителемъ.

Все-таки усиліе, которое должно было помѣшать революціи угаснуть въ торжествѣ буржуазіи, было подготовлено работой тайныхъ обществъ. Тамъ были если не производящіе принципы, то по крайней мѣрѣ первые видимые зародыши того мужественнаго энтузіазма, того дикаго и сосредоченнаго героизма, той готовности къ жертвамъ, того безстрашія предъ лицомъ смерти, которые такъ энергично развились и проявились въ послѣдующей борьбѣ. Но они могли предвидѣть, и не будучи пророками, что нужно будетъ побѣдить яростное сопротивленіе, перейти море крови.

Около этого времени произошла сцена, которую можно бы было пройти молчаніемъ, если бы она не была рассказана за-

¹⁾ L'article de d'Épéménil: *Reflexions à l'occasion de la pièce des «Docteurs modernes», jouée sur le théâtre italien.*

великій милостынераздаватель Франціи (*grand aumônier de France*), уличаемый въ позорной солидарности, и королева, дочь Маріи-Терезіи, вынужденная предоставить случайностямъ полного скандаловъ судебного разбирательства свою оскорбленную честь и заподозрѣнную добродѣтель. Въ свою очередь, дворянство заняло враждебное положеніе. Рогановъ противопоставляли Бурбонамъ. Потомки рыцарей первые принялись пятнать репутацію своей государыни. Министры раздѣлились на двѣ партіи. Европа была наводнена пасквилями. Наконецъ, жизнь вельможъ, ихъ взаимная зависть, ихъ ссоры, ихъ интриги сдѣлались предметомъ комментаріевъ толпы, и презрѣніе усиливалось, вмѣсто того, чтобы ослабѣвать. Прибавимъ, что это парламентъ рѣшалъ между супругою короля и княземъ церкви, такъ что магистратура являлась третейскимъ судьей въ спорѣ двухъ властей, которымъ до того времени она могла только завидовать, служа имъ. И это было, конечно, угрожающее нововведеніе. Сопоставьте только даты: въ 1785 г.—процессъ объ ожерельѣ; въ 1789 г.—революція.

Принцъ Роганъ имѣлъ представительную наружность и отличался большимъ честолюбіемъ, умомъ¹⁾, жадной наслажденій и любовью къ роскоши.

Марія-Антуанета питала къ нему ненависть, причины которой объяснялись различно. Сторонники кардинала рассказывали, что, въ бытность его посломъ въ Вѣнѣ, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ герцогу д'Эгильонъ, которое было разглашено, благодаря придворной измѣнѣ, изображалъ Марію-Терезію проливавшей слезы надъ участію подвергнутой раздѣлу Польши въ тотъ самый моментъ, когда она присваивала себѣ долю этого дѣлежа. Другіе утверждаютъ²⁾, что Роганъ преслѣдовалъ Марію-Антуанету своимъ нескромнымъ ухаживаніемъ и съ нахальнымъ легкомысліемъ хвастался этимъ—версія, довольно правдоподобная, принимая во вниманіе наклонность этого прелата къ волокитству, его легкомысленное тщеславіе и его крайнюю самонадѣянность.

¹⁾ *Mémoires inédits du comte Beugnot.—Souvenirs et portraits*, par M. de Levis, p. 153.

²⁾ *Mémoires de l'abbé Georget*, t. II, p. 6. Paris, 1820.

³⁾ *Mémoires justificatives de la comtesse de La Motte* (подозрительный пасквиль). Londres, 1789.

Какъ бы то ни было, королева ненавидѣла его; а онъ, хотя и былъ послѣдовательно возведенъ, и каждый разъ противъ воли короля ¹⁾, въ санъ великаго милостынераздавателя Франціи, кардинала, настоятеля аббатства Сенъ-Вастъ-д'Арра, провизора Сорбонны, онъ не могъ примириться съ этимъ отвращеніемъ, которымъ онъ, однако, бравировалъ. Онъ пытался оправдываться, но его рѣзко оттолкнули. Надежды его начинали угасать, когда одно неожиданное обстоятельство снова оживило ихъ.

Ему была представлена женщина, происходившая по прямой линіи, черезъ графовъ Сенъ-Реми, отъ короля Генриха II ²⁾ и потому носившая фамилію Валуа. Женщина эта была одарена граціей и умомъ. До своего недавняго выхода замужъ за графа де Ла Моттъ, служившаго тогда въ жандармахъ, она испытала много превратностей судьбы, способныхъ прибавить романческій интересъ къ обаятельности ея особы. Отецъ ея, растративъ остатки богатаго наслѣдства, долженъ былъ покинуть свои проданныя имѣнія, и дѣйствительно онъ удалился ночью, оставивъ въ корзинѣ, подъ окнами сосѣдняго фермера, самаго младшаго изъ своихъ дѣтей. Таская за собою двухъ старшихъ дѣтей и беременную жену, онъ добрался сначала до Парижа, затѣмъ до Булони, гдѣ, какъ бродяга, и былъ принятъ, уже умирающій, въ больницу Hôtel-Dieu. Онъ оставилъ, вмѣсто всякаго наслѣдства, пергаментъ, доказывавшій, что въ его лицѣ скончался потомокъ Генриха II.

Дѣти, однако, не были брошены на произволъ судьбы: маркиза Буланвилье, тронутая ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, взяла ихъ къ себѣ на воспитаніе; и только недавно г-жа де Ла Моттъ, по представленіи доказательствъ своего происхожденія, выхлопала себѣ пенсію въ 800 ливровъ.

Таковы были рассказы, которыми ей удалось плѣнить Рогана. Онъ сдѣлался благодѣтелемъ молодой графини, ея другомъ и не замедлилъ сдѣлать ее своей наперсницей. Уже протежируемая принцессой Елизаветой, она стремилась къ болѣе высокому покровительству, она добивалась поддержки королевы; кардиналъ поощрялъ ее въ этой мысли, и вскорѣ онъ узналъ отъ графини что, будто бы, успѣхъ превзошелъ ихъ ожиданія, что, когда

¹⁾ *Mémoires de l'abbé Georget*, t. II, p. 6.

²⁾ *Mémoire sur la maison de Saint-Remy de Valois*, signé par d'Ozier de Serigny.

Кардиналъ имѣлъ ожерелье въ своихъ рукахъ, — теперь нужно было передать его королевѣ. Удавалось ему видѣть ее или нѣтъ, во всякомъ случаѣ свиданія могли быть лишь очень рѣдкими. 1-го февраля 1785 г. кардиналъ отправился въ Версаль. Онъ былъ переодѣтъ и Шрейберъ, его камердинеръ, сопровождалъ его, неся шкатулку съ драгоценнымъ ожерельемъ. Пріѣхавъ въ Версаль вечеромъ, Роганъ бѣжитъ къ ла Моттъ и у подъѣзда ея квартиры отсылаетъ своего слугу домой, взявъ отъ него шкатулку. Вскорѣ докладываютъ о приходѣ посланнаго отъ королевы. Кардиналъ удаляется въ альковъ, наполовину открытый. Посланный подаетъ записку, которую ла Моттъ передаетъ кардиналу, и въ которой было приказаніе вручить шкатулку подателю, что и было исполнено¹⁾. Посланный былъ камердинеръ королевы, Лекло, и надо полагать, что кардиналъ зналъ его хорошо, такъ какъ передалъ ему безъ колебаній, безъ всякихъ разспросовъ, не требуя никакихъ росписокъ, шкатулку, въ которой содержалось ни болѣе ни менѣе, какъ 1.600.000 ливровъ.

Естественно было, что если Марія-Антуанета получила ожерелье, то она извѣститъ объ этомъ посредника. Ла Моттъ предупредила Рогана, что на слѣдующій день въ Эль-де-Бефъ королева увѣдомитъ о полученіи ожерелья условнымъ знакомъ. И дѣйствительно, такъ и случилось²⁾.

Не прошло трехъ дней со времени передачи ожерелья, какъ Роганъ сталъ торопить ювелировъ идти благодарить королеву, — такъ мало онъ боялся, что отъ него отрекутся. Но ювелиры успѣли уже исполнить этотъ долгъ, не сообщивъ объ этомъ кардиналу, котораго они боялись оскорбить своимъ недовѣріемъ. Припомнимъ, что Вемеръ находился во дворцѣ въ день сцены съ португальскимъ посломъ. И въ самомъ дѣлѣ, Вемеръ былъ бы безумцемъ, если бы, имѣя удобный случай видѣть королеву, не воспользовался этимъ тотчасъ же, чтобы увѣриться въ передачу ожерелья по назначенію, тѣмъ болѣе, что ему должно было показаться страннымъ, что такое посредничество было поручено прелату, великому милостынераздавателю Франціи!

Вотъ въ какомъ положеніи находилось дѣло, когда въ концѣ іюня кардиналъ далъ знать ювелирамъ, что, какъ видно изъ

¹⁾ *Mémoire pour Louis de Rohan, par maître Target, p. 51.*

²⁾ *Mémoires de l'abbé Georgel. t. II, p. 65.*

Аббатъ Мори сказалъ правду: кардиналъ Роганъ былъ арестованъ. Извѣстно, какъ трагична была эта сцена. 15-е августа 1785 года, день Успенія, былъ выбранъ для ареста безпощадной злобой барона Бретейля. Дворъ собирался идти на богослуженіе. Великій милостынераздаватель Франціи былъ уже въ церкви, облаченный въ свое епископское одѣяніе. Вдругъ его призываютъ въ кабинетъ короля. Онъ входитъ и застаеть тамъ Людовика XVI, Марію-Антуанету, хранителя государственной печати и барона Бретейля. «Что это за ожерелье, которое вы, будто бы, доставили королевѣ?» спросилъ у него король. Вопросъ этотъ, котораго онъ никакъ не ожидалъ, былъ громовымъ ударомъ для кардинала. Смущенный и растерянный, онъ пробормоталъ, что его обманули.

Когда королева спросила, какъ могло это случиться, онъ, не отвѣчая ей ¹⁾, обратился къ королю и сталъ увѣрять въ своей невинности. Нѣкоторые рассказываютъ, что кардиналъ, когда королева задала ему этотъ вопросъ, бросилъ на нее мало почтительный взглядъ ²⁾, полный негодованія и упрека.

Получивъ разрѣшеніе отъ Людовика XVI, кардиналъ удалился въ сосѣднюю комнату для изложенія на бумагѣ своего оправданія и, по возвращеніи оттуда, узналъ, что его хотятъ арестовать. «Ахъ, государь!» воскликнулъ онъ тогда: «я всегда готовъ повиноваться приказаніямъ вашего величества, но избавьте меня отъ позора быть арестованнымъ въ архіерейскомъ облаченіи, на глазахъ всего двора».—«Такъ и должно быть», возразилъ Людовикъ XVI. И дѣйствительно, въ тотъ моментъ, когда Роганъ выходилъ отъ короля, раздался приказъ: «Арестуйте кардинала!» Это баронъ де Бретейль, узурпируя должность начальника дворцоваго караула, далъ волю нетерпѣнію своей ненависти. Отвести кардинала было поручено молодому поручику гвардіи. Проходя по галереѣ дворцовой церкви, великій милостынераздаватель встрѣтилъ своего гайдука, которому сказалъ нѣсколько словъ по-нѣмецки и, попросивъ карандашъ у офицера, быстро написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько строкъ и передалъ ее своему слугѣ. Послѣдній сломя голову поскакалъ въ Парижъ и прибылъ во дворецъ кардинала такъ скоро, что

¹⁾ По свидѣтельству Безанваля, увѣряющаго, будто онъ слышалъ отъ самой королевы сообщаемыя имъ подробности. См. II его мемуаровъ, стр. 164

²⁾ *Mémoires de l'abbé Georgel*, t. II, p. 192.

лошадь упала замертво, какъ только была отведена въ конюшню. Записка на клочкѣ бумагѣ была передана аббату Жоржелю, и портфель, въ которомъ хранилась корреспонденція Рогана, былъ спрятанъ въ надежное мѣсто ¹⁾. Къ обыску, котораго такъ настоятельно требовали обстоятельства, было приступлено только спустя четыре часа: «Это очень странно», замѣчаетъ Безанваль ²⁾. Не опасались ли узнать слишкомъ многое?

Въ тотъ же вечеръ Роганъ былъ отвезенъ въ Бастилію.

Парижъ вначалѣ былъ охваченъ однимъ только чувствомъ—изумленіемъ; но когда стало извѣстно, что король предложилъ обвиняемому на выборъ прибѣгнуть къ королевскому милосердію, или быть судимымъ парламентомъ, и что кардиналъ предпочелъ послѣднее, общественное мнѣніе раздѣлилось и различіе интересовъ высказалось радостью, огорченіемъ, досадою, тысячью одинъ другому противорѣчащихъ коментаріевъ.

Парламентъ торжествовалъ: ему дано было, наконецъ увидѣть церковь преклоняющейся передъ нимъ, въ лицѣ кардинала, и держать въ ожиданіи, въ страхѣ его приговора, самыя гордыя фамиліи королевства! Ему предстояло рѣшить вопросъ о чести короля! Съ своей стороны, по чувству противоположному, аристократія считала себя оскорбленной; затаеннымъ гнѣвомъ она измѣряла поприще, уже пройденное этими буржуа въ красныхъ тогахъ, и негодовала на королеву, изъ-за которой одинъ изъ ея членовъ былъ отданъ въ жертву насмѣшкамъ толпы. Велико также было негодованіе высшаго духовенства, какъ это выразилось въ его протестѣ отъ 18-го сентября 1785 года. Простые клирики, говорилось въ этомъ протестѣ, имѣютъ специальныхъ судей, указанныхъ въ законѣ, а епископскій чинъ, права котораго освящены столькими историческими памятниками, не пользуется такой же привилегіей! Епископъ, обвиняемый въ преступленіи, долженъ быть судимъ епископами же. Таковы были претензіи духовной аристократіи ³⁾, и хотя Роганъ заявилъ подобный же протестъ, папа грозилъ лишить его кардинальскаго сана за то, что онъ не отклонилъ формально и безусловно юрисдикцію парламента. Въ свою очередь разсудительные приверженцы монархическаго принципа не могли отдѣлаться отъ чувства страха. Могли ли они не имѣть смутнаго пред-

¹⁾ *Mémoires de l'abbé Georget*, t. II, p. 104.

²⁾ *Ibidem*, t. II, p. 166.

³⁾ *Lettre remise au roi le 18 sept. 1785.*

ство въ Вѣнѣ отличалось блестящимъ успѣхомъ¹⁾... Чтобы такой человѣкъ, сдѣлавшись игрушкой въ рукахъ вульгарной интриганки, думаль, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ рядъ, что видитъ то, чего на самомъ дѣлѣ не существовало, слышитъ то, чего ему не было сказано; чтобы успѣли измѣнить для него, и только для него одного, ненависть въ любовь; чтобы его держали въ продолжительномъ, добровольномъ невѣдѣніи того, что въ его интересахъ было немедленно провѣрить; чтобы, не возбуждая въ немъ ни малѣйшаго недовѣрія, увлекли его на свиданіе съ лже-королевой и побудили передать переодѣтому лакею ожерелье, купленное по довѣрію къ фальшивой подписи... вотъ чему публика отказывалась провѣрить.

Но если Роганъ не былъ жертвою обмана, то нужно было допустить одно изъ двухъ: или что онъ купилъ это ожерелье съ цѣлью присвоить его себѣ, или что онъ приобрѣлъ его отъ имени и по приказанію Маріи-Антуанеты. Альтернатива страшная и, однако, неизбѣжная.

Но изъ документовъ процесса и изъ показаній двухъ ювелировъ выяснилось, что письмо отъ 12-го іюля, въ которомъ они благодарили королеву за то, что она, наконецъ, согласилась на покупку ожерелья, было предложено и *продиктовано* самимъ кардиналомъ²⁾: неопровержимый аргументъ, говорили въ пользу его искренности, очевидное доказательство, что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ королевы.

Ясно—вопросъ былъ такъ поставленъ, что оправданіе кардинала не могло быть иначе разсматриваемо, какъ позорное клеймо для чести Маріи-Антуанеты. Поэтому образовались двѣ партіи: съ одной стороны Людовикъ XVI, Марія-Антуанета, первый президентъ д'Алигръ, два докладчика, Титонъ де Вильтранъ и Дюпюи де Марсе, совѣтникъ д'Амекуръ, баронъ Бретейль; съ другой—великій милостынераздаватель, дома Рогановъ, епископы, значительная часть магистратуры и, секретно, де Верженъ.

Каковъ можетъ быть исходъ? Имя г-жи ла Моттъ почти исчезло въ скандальной важности этой ссоры. Къ суду была

¹⁾ См. *Mémoires de l'abbé Georget u Mémoires hist. et politiques du regne de Louis XVI.*

²⁾ *Mémoires de Boehmer et. Bassange.*

хотѣлъ оставить въ ихъ рукахъ, нотабли должны бы были найти тамъ итоги или подсчеты, которые бы ясно показывали истинное положеніе дѣлъ; но они тщетно искали такого разъясненія. Дефицитъ не былъ извѣстенъ, и даже невозможно было опредѣлить его: гибельная неизвѣстность, позволявшая воображенію преувеличивать опасности государства. Одни говорили о 108 милліонахъ, другіе о 125, 130 и даже о 150 милліонахъ. При отсутствіи серьезнаго счетоводства и важныхъ документовъ, которые, по приказанію короля, исчезли изъ дѣла ¹⁾, нѣкоторые отрицали самое существованіе дефицита ²⁾, опасаясь, чтобы не пришлось прибѣгнуть къ рѣшительному средству: равномерному распредѣленію поземельнаго налога.

Между тѣмъ слышалось слово *генеральные штаты*. Лафайетъ и Кастильонъ, главный прокуроръ эскаго парламента, формально потребовали созыва ихъ въ бюро графа д'Артуа, къ великому скандалу этого принца: собраніе, чувствуя приближеніе момента, когда нужно будетъ высказаться относительно средствъ поправить бѣду, съ радостью ухватило за эту мысль о созывѣ государственныхъ чиновъ ³⁾, предпочитая лучше объявить себя некомпетентнымъ, чѣмъ вотировать свой патриотизмъ. Въ сущности нотабли все оуждали, ничего точно не опредѣляя, и Бріеннъ долженъ былъ распустить собраніе, такъ какъ ему надобно слушать ихъ рѣчи, не приводившія ни къ какому заключенію.

Въ день закрытія собранія, архіепископъ тулузскій произнесъ странную рѣчь, обнаружившую страшный беспорядокъ среди котораго жила старая монархія. Министръ благодарилъ нотаблей за то, что они констатировали значительность дефицита. Онъ вмѣнялъ имъ въ заслугу то, что было стыдомъ для королевской власти. Какъ! Нужно было съѣзжаться въ Версаль во всѣхъ концовъ Франціи для того, чтобы познать начальника королевскаго совѣта финансовъ съ состояніемъ казны, чтобы сообщить хранителю документовъ истину, заключающуюся въ этихъ документахъ! Бріеннъ допускалъ существованіе дефицита, взявъ для него среднюю цифру 140 милліоновъ ⁴⁾; и на

¹⁾ См. *Mémoires du baron de Besenval*, t. II, p. 233.

²⁾ Sallier, *Annales françaises*, p. 60.

³⁾ *Histoire du gouvernement français depuis l'assemblée des notables*, p. 100.

⁴⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des notables tenue en 1787*, p. 303.

этой основѣ планъ его былъ сейчасъ же готовъ: сократить расходы на 40 милліоновъ, найти 50 милліоновъ въ увеличеніи налоговъ, достать остальные 50 милліоновъ путемъ займа.

Нотабли, развѣхавшись по домамъ, повсюду сѣяли безпокойство. Но, видя ихъ вернувшимися съ собранія, которое не сумѣло ничего рѣшить, Франція поняла, что отнынѣ она одна только можетъ измѣнить свою судьбу и управлять ею.

Впрочемъ, собраніе нотаблей было своего рода театромъ, гдѣ обрисовались нѣкоторыя важныя фізіономіи. Каждый изъ принцевъ крови обнаружилъ тамъ свой характеръ. Герцогъ Орлеанскій ¹⁾ показалъ себя, какимъ онъ былъ тогда: слишкомъ любящимъ удовольствія, чтобы стараться играть роль, и въ то время, когда его предполагали засѣдающимъ въ Версали, во главѣ своего бюро, онъ проѣзжалъ черезъ Парижъ въ охотничьемъ костюмѣ, со сворами собакъ ²⁾. У графа д'Артуа замѣтили прямодушіе, смѣшанное съ высокоуміемъ. Но изъ всѣхъ принцевъ особенно привлекалъ къ себѣ вниманіе графъ Прованскій, про тайныя планы котораго здѣсь умѣстно будетъ рассказать. Внимательно слѣдя за совѣщаніями, онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы обратить на себя вниманіе общественнаго мнѣнія. Говоря о налогѣ на соль, онъ сказалъ, что «отъ этой *адской машины* должно остаться только воспоминаніе о минувшемъ злѣ» ³⁾. Онъ охотно повторялъ, что почтительное сопротивление приказамъ государя не заслуживаетъ порицанія; что позволительно просвѣщать его, не оскорбляя ⁴⁾. Ибо этотъ коварный принцъ, которому ранняя тучность ⁵⁾, казалось, позволила лишь расчеты медленнаго честолюбія, всегда имѣлъ взоры, устремленные на будущее. Онъ лелѣялъ въ тѣни проектъ дискредитировать мало-по-малу не монархію, но монарха. Въ публикѣ онъ говорилъ какъ возможный наслѣдникъ престола въ сторонѣ онъ дѣйствовалъ какъ нетерпѣливый преемникъ,

¹⁾ Вслѣдствіе смерти своего отца, послѣдовавшей въ 1785 г., герцогъ Шартрскій, о которомъ была рѣчь въ предыдущихъ главахъ, сталъ герцогомъ Орлеанскимъ.

²⁾ Bachaumont, *Mémoires secrets*, t. XXXV, p. 122.

³⁾ *Histoire du gouvernement français depuis l'assemblée des notables* etc., p. 67.

⁴⁾ Nougaret, *Règne de Louis XVI*, t. II, p. 35.

⁵⁾ *Le dernier jour de Paris sous l'ancien régime par Barère*, chap. XXXIII, à la suite des *Mémoires de Barère*.

придавая своимъ поступкамъ довольно смѣлости, чтобы сдѣлать ихъ популярными, и довольно осторожности, чтобы не быть вынужденнымъ отречься отъ нихъ, если ему придется когда-нибудь носить корону.

Возстановить феодальный режимъ въ его древнемъ блескѣ, т. е. повернуть обратно дѣло Рипплье, такова была затаенная цѣль его политики. Онъ хотѣлъ бы царствовать во главѣ избраннаго дворянства, которое, сосредоточивая въ своихъ рукахъ владѣніе территоріей, замѣнило бы парламентъ для регистраціи законовъ. Чтобы обезнечить свое господство надъ этой высшей аристократіей, онъ *закладывалъ* бы ей имѣнія, сохраняя за собой право брать ихъ обратно, по смерти владѣльца заложеннаго имѣнія: вѣрное средство ввести наслѣдственность въ раболѣпство. Его мечтой, однимъ словомъ, былъ возвратъ къ средневѣковымъ крупнымъ вассальствамъ ¹⁾. Будущій король хартіи замышлялъ тогда имитацию раздѣла Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ. Оттого онъ употреблялъ свое состояніе на приобрѣтеніе имѣній. Въ собраніи нотаблей онъ обнаружилъ кое-что изъ своихъ видовъ, когда въ послѣднемъ засѣданіи напомнилъ, что онъ *первый между дворянами* ²⁾.

Прежде чѣмъ столкнуться съ націей, монархія встрѣчала ее вездѣ, гдѣ была хоть тѣнь представительства. Теперь поле сраженія было перенесено въ парламентъ.

Различные, одобренные нотаблями, эдикты, касавшіеся провинціальныхъ собраній, свободы хлѣбной торговли, отмѣны натуральной повинности (*corvée*), были зарегистрированы безъ оппозиціи; но какъ только представили эдиктъ о гербовомъ сборѣ, поднялся сильный ропотъ, возвѣщавшій близкую битву. Сборомъ этимъ облагались накладныя, свидѣтельства объ ученіи, квитанціи рентъ, реестры негоціантовъ, адвокатскія записки, періодическія изданія, музыкальныя произведенія и даже росписки ломбарда. Почему архіепископъ тулузскій представилъ указъ объ этомъ налогѣ, который былъ непопуляренъ, прежде указа о поземельномъ налогѣ, который былъ справедливъ? Какъ совѣтники короны не сообразили того, что парламентъ имѣлъ простой предлогъ отвергнуть первый эдиктъ, тогда какъ онъ не могъ

¹⁾ Рукопись Сокера-Сулинъ и *Mémoires de Barère*.

²⁾ Рѣчь Monsieur, брата короля, въ послѣднемъ засѣданіи. *Procès-verbal de l'assemblée des notables*, p. 308.

отвергнуть второй, не возмущивъ общественнаго сознанія? Какимъ образомъ человѣкъ, если не гениальный, то во всякомъ случаѣ умный, не видѣлъ того, что было бы ясно ребенку? Это потому, что такъ хотѣла и такъ устроила высшая сила.

Чтобы отвлечь вниманіе и направить его къ дефициту, парламентъ, подобно нотаблямъ, потребовалъ сообщенія штатовъ или смѣтъ королевской казны; и тогда-то у аббата Сабатье вырвались слѣдующія слова: «Намъ нужны, милостивые государи, не *штаты финансовъ, а генеральныя штаты*»: знаменитое обличеніе, выражавшее мысль всего народа. Парижскій парламентъ и самъ принялъ благопріятно эту игру словъ, слишкомъ серьезную въ сущности, чтобы замѣтить ея шутовскую форму. Объявляя себя некомпетентнымъ санкціонировать налогъ, ссылаясь на неотъемлемое право націи, парламентъ, новидимому, повиновался чувству чести. «Уполномоченный,—говорилъ онъ,—государемъ возвѣщать его волю народамъ, парламентъ никогда не былъ уполномочиваемъ народами замѣнять ихъ» ¹⁾. Странное признаніе и слишкомъ запоздалое! Былъ ли парламентъ въ этомъ случаѣ искрененъ? Что послѣ того, какъ были зарегистрированы безпрекословно займы на общую сумму 1.250.000.000 ливровъ, онъ вдругъ почувствовалъ безпокойство совѣсти въ виду налога, угрожавшаго его привилегіямъ, тутъ, конечно, было чему подивиться; и Бриеннъ могъ бы сказать его членамъ: берегитесь! сегодняшнее безкорыстіе осуждаетъ вчерашнюю узурпацію. Но нѣтъ: такъ велика была растерянность этого человѣка, посланнаго, невѣдомо для него, устраивать похороны абсолютной власти, что онъ не догадался даже приподнять передъ внимательными взорами народа маску, которою прикрывались парламентаріи! Умѣли только волноваться, негодовать, горячиться.

6 августа 1787 г. парламентъ былъ призванъ въ Версаль, гдѣ король, возсѣдая на своемъ *lit de justice*, повелѣлъ зарегистрировать два эдикта: о гербовомъ сборѣ и о поземельномъ налогѣ. Но члены высшаго суда заранѣе протестовали противъ того, что они называли *призракомъ совѣщанія* ²⁾; и, вернувшись на слѣдующій день въ свои палаты, они объявили незаконными приказанныя записи эдиктовъ.

¹⁾ *Remontrances arrêtées au parlements de Paris les 16 et 21 juillet.*

²⁾ *Histoire du gouvernement français depuis l'assemblée des notables*, p. 173.

Королевская власть, страдавшая безденежьемъ, оказалась, такимъ образомъ, поставленной между банкротствомъ и насиліемъ; ей нужно было прибѣгнуть къ государственному перевороту или противъ своихъ кредиторовъ, или противъ парламента. Въ этой альтернативѣ, политика насилія была болѣе заманчива для легкомыслия Бріенна и тщеславія министра юстиціи Ламуаньона: принялись заготовлять втихомолку грамоты объ арестахъ.

Но, съ своей стороны, сообщая народу пылъ, которымъ они были одушевлены, парламентаріи воспламенили всѣ головы. Молодые совѣтники слѣдственной палаты, которые отправлялись на засѣданія словно на битву¹⁾, успѣли увлечь осторожныхъ старыхъ членовъ большой палаты. Парламентскіе клерки (*basoche*, какъ называлась ихъ корпорація) ворчали въ залѣ *Pas-Perdus*. Граждане, наполняя коридоры судебного зданія, ожидали, когда откроются двери, чтобы властно требовать сообщенія результата совѣщаній, которыя до того времени держались въ секретѣ. Одинъ совѣтникъ парламента, Адріанъ Дюпоръ, преобразовалъ свой домъ въ клубъ, гдѣ собирались Мирабо, Тарже, Редереръ, маркизъ Кондорсе, епископъ отенскій²⁾; и онъ объявилъ своимъ коллегамъ о формальномъ обвиненіи противъ Калонна, т. е. противъ двора. Кто высказывался за умѣренность, того сейчасъ же обвиняли въ государственной измѣнѣ, говорили, что онъ продался Бріенну. Публичные глашатаи, на улицахъ, вдругъ понизили голосъ, и воздерживались, какъ бы по чувству стыдливости, отъ произнесенія титула эдиктовъ, исходившихъ изъ королевскаго *lit de justice*.

Въ это время, чтобы успокоить умы, дворъ далъ зрѣлище маленькой внутренней революціи и надѣлалъ шуму регламентомъ, сокращавшимъ расходы короля и королевы³⁾. Марія-Антуанета уменьшила число своихъ лошадей, экипажей и лакеевъ; она осуществила на хозяйствѣ двора экономію около милліона. Различныя команды королевской охоты, на кабана, на волка, соколиной, подверглись преобразованію; упразднили придворныхъ жандармовъ, придворную легкую конницу⁴⁾; отданъ былъ

¹⁾ *Annales françaises*, par Sallier, ancien conseiller au parlement de Paris, p. 80.

²⁾ *Mémoires de l'abbé Morellet*, t. I, chap. XXVII, p. 336.

³⁾ *Règlement* publié le 9 août 1787.

⁴⁾ *Histoire du gouvernement français depuis l'assemblée des notables*, p. 167.

Второй эдиктъ вычеркивалъ изъ нашего уголовнаго кодекса послѣдніе слѣды эпохъ невѣжества и варварства. Это было какъ бы эхо, повторявшее голосъ философовъ. Лучъ генія Вольтера проскользнулъ, наконецъ, въ самую глубь этихъ темныхъ процедуръ, которыхъ смутныя, непонятныя формулы имѣли уже смыслъ только для палача. Мысль о терпимости проникла въ эти пріюты страха, гдѣ столько разъ случалось видѣть обвиняемыхъ, лишенныхъ гарангій, дрожащими передъ судьями, не имѣющими жалости. Ламуаньонъ отмѣнялъ своимъ эдиктомъ допросъ *на скамь подсудимыхъ*, игравшій и унижавшій обвиняемаго, и *предварительную пытку*, которая, вырывая у боли мнимые секреты совѣсти, заставляла несчастныхъ клеветать на свою душу, чтобы избавить отъ страданія свое тѣло. Онъ воспреещалъ употребленіе этихъ реченій убійственнаго лаконизма: *и друія вины, обнаружившіяся въ процессъ*, варварскихъ протоколовъ, слогъ которыхъ былъ еще менѣ французскимъ, чѣмъ диктовавшее ихъ чувство. Онъ приказывалъ судѣ подробно обозначать преступныя дѣянія для того, чтобы можно было по крайней мѣрѣ сравнивать ихъ съ налагаемыми наказаніями. «На будущее время, — говорилъ хранитель государственной печати, — преступленіе должно быть точно опредѣлено въ процессѣ. Если дѣяніе влечетъ за собой кару, то нужно показать это дѣяніе рядомъ съ карой». Онъ объявлялъ, наконецъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый будетъ признанъ невиновнымъ, король вознаградитъ его изъ собственной казны, при отсутствіи всякихъ другихъ источниковъ для такого вознагражденія. Такимъ образомъ редакція нашихъ уголовныхъ законовъ отражала въ себѣ свѣтлыя мысли Сервановъ, Дюпати, Бриссотовъ¹⁾, дивныя рѣчи защитника Каласа, безсмертную книгу Беккариі. Гуманность служила предисловіемъ къ правосудію.

Парламентъ долженъ былъ выслушать съ уваженіемъ и въ молчаніи эти новые законы, мудрость которыхъ была очевидна. Но третій эдиктъ вызвалъ негодованіе и ропоть, такъ какъ онъ снова призывалъ къ жизни одно средневѣковое учрежденіе старой монархіи — возстановлялъ *cour plenièrre*, верховный совѣтъ

¹⁾ См. *Discours sur l'administration de la justice criminelle*, publiés par Servan en 1766; *Mémoire pour trois hommes condamnés à la roue*, записка, которою адвокатъ Дюпати спасъ жизнь тремъ подсудимымъ; и *Théorie des lois criminelles*, par Brissot, 1780.

ментъ,—воскликнулъ ораторъ президіального суда въ Реннѣ,— это значить нарушать договоръ о соединеніи! ¹⁾ Нарушать договоръ о соединеніи! Это значить, что въ глазахъ дворянъ и провинціальныхъ парламентаріевъ преступленіе учредителей *сoug plénière* состояло собственно въ желаніи уничтожить анархическое разнообразіе мѣстныхъ юрисдикцій, въ желаніи создать для всѣхъ французовъ одно общее отечество. Странная вещь! учрежденіе *сoug plénière* имѣло одну только дѣйствительно неуязвимую сторону, и въ эту именно сторону и были направлены удары. Чего не могли простить одобрителямъ недавнихъ эдиктовъ, такъ это ихъ заявленія, что королевству нуженъ одинъ только законъ, одно только зарегистрированіе ²⁾». Такимъ образомъ тогда очутились лицомъ къ лицу два врага: съ одной стороны, министерскій деспотизмъ, съ другой—федерализмъ.

Изъ этихъ двухъ злотворныхъ силъ вторая, конечно, была не менѣе первой противна духу революціи; но монархія такъ надѣла королевству, все, что исходило отъ нея, казалось до того подозрительнымъ, ея министры до того времени такъ жестоко злоупотребляли произволомъ, что народъ не задумался принять сторону парламентовъ. Къ тому же дѣло федерализма скрывалось за вопросомъ права. Развѣ парламенты не замѣняли собою генеральныхъ штатовъ? Въ ожиданіи лучшаго, развѣ они не служили представителями націи? Упразднить ихъ не значило ли показать, что намѣрены поставить впредь монархію внѣ всякаго контроля? Вотъ какими предлогами провинціальный федерализмъ прикрывалъ свое возмущеніе. Народъ былъ введенъ въ заблужденіе, увлеченный, къ тому же, пылкой потребностью агитаціи, и вотъ мы видимъ странное, неслыханное зрѣлище революціонныхъ страстей, спѣшившихъ на службу къ контръ-революціонной мысли.

Въ Бретани этотъ союзъ проявился шумной демонстраціей. Едва только вѣсть объ эдиктахъ Ламуаньона достигла Ренна, какъ всѣ корпораціи этого города поспѣшили сгруппироваться вокругъ парламента: собраніе президіального суда, королевское

тельно смуть въ Бретани, составляютъ часть драгоценной коллекціи официальныхъ бумагъ, сообщенной намъ генераломъ Тіарь.

¹⁾ Discours de René-François-Drouin.—*Extrait du registre des deliberations de la compagnie du presidial de Rennes.*

²⁾ *Courrier de l'Europe.*

Гюрюжъ, вышедшій изъ Шарантона за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и говорящій о свободѣ съ гнѣвомъ тюрьмы, и Камиль Демуленъ, который своей пылкой юностью, остротой своего афинскаго ума начиналъ очаровывать эту революцію, которой онъ впоследствии былъ жертвой, остроумный, непослѣдовательный и легкомысленный вплоть до эшафота.

Два важныхъ вопроса занимали умы: третье сословіе на значить ли одно, съ столькими депутатами, какъ два другіе сословія вмѣстѣ? Въ собраніи генеральныхъ штатовъ подача голосовъ будетъ ли производиться по-сословно или по-головно?

Какъ! Возможно ли, чтобы двадцать пять милліоновъ французовъ не имѣли соразмѣрнаго числа представителей, какъ нѣсколько сотенъ привилегированныхъ! Какъ! Съ одной стороны—каста, одинъ только интересъ, въ двухъ формахъ; съ другой—тысяча различныхъ интересовъ: земледѣліе, торговля, промышленность, университеты, судъ и администрація; здѣсь нужно выслушать одинъ голосъ, самое большое два, тамъ—тысячу голосовъ... И осмѣливались оспаривать у этого столь многочисленнаго и многообразнаго, столь дѣятельнаго третьяго сословія право на представительство, численно равное представительству двухъ другихъ сословій, выразившихъ только идею алтаря и идею оружія!

Безъ сомнѣнія,—отвѣчали публицисты дворянства и духовенства,—можно бы было даровать третьему сословию равенство представительства, если бы это сословіе согласилось на совѣщаніе по-сословно; но вѣдь оно требуетъ совѣщанія сообща, вотированія по-головно, а въ такомъ случаѣ имѣло бы огромную важность это удвоеніе числа депутатовъ отъ третьяго сословія.

Понятно, какъ легко было Мунье, Малуэ и другимъ писателямъ буржуазіи опровергнуть эти аргументы. Удвоеніе числа депутатовъ отъ третьяго сословія, безспорно, будетъ имѣть рѣшающее значеніе; но развѣ справедливость и здравый смыслъ не говорятъ, что такъ и должно быть? Съ тремя палатами, совѣщающимися порознь и обладающими каждая правомъ *вето* въ отношеніи постановленій двухъ другихъ палатъ, какія злоупотребленія исправили бы? Дать тѣмъ, кто извлекаетъ выгоды изъ зла, возможность останавливать благо своей оппозиціей, развѣ это не было бы безразсудствомъ? Какимъ образомъ достигнуть единства черезъ столько непреодолимыхъ препятствій которыя создалъ бы антагонизмъ трехъ державныхъ палатъ? Это было бы полное безсиліе вслѣдствіе анархіи.

сословія составляли полный контрастъ съ собраніями двухъ другихъ сословіи. Тамъ было полное единодушіе, всѣ стремились къ свободѣ. Свобода! слово могучее и таинственное, соединяющее души, пока оно не опредѣлено точно! Но опредѣленіе должно было придти лишь позднѣе: тогда же, во время выборовъ, всѣ произносили его произносили съ одинаковымъ энтузіазмомъ.

И даже бывали случаи, что среди избирательной борьбы люди противоположныхъ взглядовъ обмѣнивались братскими надеждами и вѣжливостью. «Я нанялъ,—говорилъ Мори другому депутату, Балли,—квартиру въ Версали; для васъ будетъ каждый день накрытъ кувертъ у меня, и мы соединимся, чтобы дѣлать добро» ¹⁾. Они, однако, не соединились, остались противниками.

Впрочемъ во многихъ провинціяхъ выборы доводили классовую борьбу до междуусобной войны. Дворянство, смотрѣвшее на новый духъ, какъ на заговоръ, рѣшилось противопоставить ему свой заговоръ, и съ половины 1788 года провинціи Дофине, Бретань, Беарнъ завязали тайные переговоры объ образованіи лиги, которая должна была распространиться на всю Францію ²⁾. Но энергическое положеніе, занятое третьимъ сословіемъ, разстроило эти планы.

Бретань принадлежала къ числу провинцій, имѣвшихъ мѣстный сеймъ или штаты (états); и тамошній сеймъ собрался въ Реннѣ, 30 декабря 1788 г., по обычаю. Но какъ измѣнилась его фizioномія со временъ маркизы де Севинье, которая даетъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, такую характеристику тогдашнихъ провинціальныхъ сеймовъ: «Сессія не должна быть продолжительна, надо только спросить, чего хочетъ король — вотъ и все... Безконечное множество подарковъ, пенсій, ремонты дорогъ и городовъ, пятнадцать или двадцать большихъ обѣдовъ, постоянная игра, спектакли три раза въ недѣлю, большая роскошь и щегольство—вотъ каковъ сеймъ. Кажется, что всѣ улицы преобразились въ жантильмовъ» ³⁾. Теперь дворянство съвзжалось, исполненное ярости. Не было уже и рѣчи объ игрѣ и спектакляхъ, всѣ думали только о борьбѣ. И теперь, однако, какъ и въ дни маркизы, третье сословіе играло весьма скром-

¹⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 3.

²⁾ *L'ami du roi, des Français, de l'ordre*, etc., par Montjoie, I partie, chap. IX, p. 47.

³⁾ M-me de Sévigné, *Lettres écrites des Rochers*.

въ пользу бѣдныхъ ¹⁾). Передъ отелями зажигали большіе костры ²⁾).

Смертность, тѣмъ не менѣе, была ужасающая. Въ то время какъ городская дума, превоство и виконтство Парижа назначали своихъ депутатовъ, голодъ отмѣчалъ свои жертвы. На дорогѣ къ кладбищу, черезъ толпу бѣжавшихъ къ избирательнымъ урнамъ, встрѣчали не вынесшихъ голода и мороза, нѣмыхъ, оконченѣвшихъ представителей нищеты. Депутатами народа въ рублищахъ были мертвецы.

Впрочемъ, ни голодъ, ни заботы и наслажденія благотворительности, ни рокотавшая уже революція не прерывали въ салонахъ обычныхъ удовольствій и развлеченій. Съ непостижимой непредусмотрительностью наиболѣе угрожаемы были самими ревностными участниками въ литературныхъ собраніяхъ и на балахъ. 3-го февраля 1789 г., виконтъ де Сегюръ читалъ у графини де Сабранъ поэму объ «Искусствѣ нравиться». 13-го января, у того же виконта Сегюра, неизвѣстный молодой человекъ, рекомендованный Палиссо, читалъ трагедію, которая не растрогала никого и о которой, однако, всѣ кричали какъ о дивномъ произведеніи ³⁾). Заглавіе этой трагедіи, которая вскорѣ сдѣлалась оружіемъ партіи, было «Карлъ IX», а авторъ ея назывался Жозефъ де-Шенъе. Злобы дня охотно трактовались между дворянами въ шутливыхъ стихахъ. Иногда, правда, возвышались и серьезные голоса; такъ на примѣръ, герцогъ Бриссакъ сказалъ на одномъ великосвѣтскомъ обѣдѣ, гдѣ подали королевскій (крещенскій) пирогъ ⁴⁾): «Зачѣмъ выбирать по жребію въ короли? Вѣдь у насъ нѣтъ короля ⁵⁾»; но на подобныя пророчества смотрѣли еще какъ на шутки!

Между тѣмъ выборы въ Парижѣ организовались по особымъ правиламъ, принятымъ для столицы; противъ постоянного

¹⁾ *L'ami du roioire etc*, char. X, p. 57.

²⁾ Lacretelle, *Histâtea du XVIII siècle*, t. VI.

³⁾ *Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789*, t. I, p. 28.

⁴⁾ Во Франціи существуетъ обычай устраивать, въ крещенскій сочельникъ или въ самый день Богоявленія, забаву, состоящую въ томъ, что за обѣдомъ подается королевскій пирогъ (*gâteau des rois*, пирогъ «королей», т. е. волхвовъ, приходившихъ поклониться родившемуся Царю Іудейскому), въ начинку котораго положенъ бобъ, и тотъ изъ гостей, кому достанется этотъ бобъ, избирается королемъ (*roi de la fève*), которому всѣ присутствующіе должны повиноваться. *Прим. перев.*

⁵⁾ *Mémoires secrets du comte d'Allonville*, t. I, p. 133.

графа д'Артуа¹⁾. Поднялся сильный ропотъ. По выходѣ изъ этой жестокой зимы 1789 г. говорить о сокращеніи заработной платы значило бить въ набатъ. Притомъ начинало уже проявляться глухое недовѣріе; одна газета задавала вопросъ: «Кто можетъ сказать намъ, не смѣнить ли мнимую аристократію дворянъ деспотизмъ буржуазіи?»²⁾ Раздраженные банды расхаживаютъ по предмѣстью и стараются поднять также предмѣстье Сенъ-Марсо. По улицамъ носятъ съ гиканьемъ и свистомъ манекенъ, называютъ его Ревельономъ³⁾, украшаютъ въ на-смѣшку лентой ордена св. Михаила и бѣгутъ творить надъ нимъ судъ и расправу на Гревской площади. Тщетно пытаются прибывшіе изъ архіепископства новоизбранные депутаты, Аврильонъ, Шартонъ, Сантерръ, извѣстные фабриканты, утишить волненіе⁴⁾,—буйная толпа не слушаетъ ихъ увѣщаній и устремляется къ дому Ревельона. Это было 27 апрѣля.

Ревельонъ, встревоженный, обратился къ властямъ съ просьбой о помощи. Ему дали тридцать солдатъ для защиты его отъ возстанія.

На слѣдующій день, около полудня, домъ фабриканта подвергся нападенію. Самъ Ревельонъ едва успѣлъ спастись въ Бастилію. Горсть солдатъ тщетно пытается оказать сопротивленіе,—осаждающіе врываются въ домъ. Въ эту минуту на порогѣ появляется старая женщина, проживающая въ заведеніи Ревельона⁵⁾. Неустрашимая, она кричитъ, что народъ обманули, и проситъ о справедливости и пощадѣ. Ее почтительно отстраняютъ, и осаждающіе даютъ полную волю своей ярости. Они разсыпаются по аппаратамъ и дворамъ, ломаютъ мебель, зажигаютъ въ разныхъ мѣстахъ костры и бросаютъ въ огонь самыя дорогія вещи⁶⁾.

Неожиданный контрастъ присоединился къ этимъ вспышкамъ мятежа. Проѣзжали мимо щегольскіе экипажи, кавалькады дамъ и кавалеровъ, отправлявшіеся на празднество въ Венсеннъ.

¹⁾ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. I, p. 169.

²⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. I, p. 319.

³⁾ *Exposé justificatif pour le sieur Reveillon*, dans les *Mémoires de Ferrèrès*, aux *Eclaircissements historiques*, note A.

⁴⁾ *Vie politique et privée de Santerre*, p. 26.

⁵⁾ *Lettres écrites de Paris à l'époque de la Révolution*, par. J. H. Campe (на нѣмецкомъ языкѣ).

⁶⁾ *Exposé justificatif*.

Въ такомъ видѣ представляются эти смуты, которыя такъ невѣрно изображали. Это не былъ, какъ часто повторяли, продажный подвигъ шайки свирѣпыхъ авантюристовъ; нѣтъ, это было мщеніе, введенное въ заблужденіе ложными слухами, мщеніе прискорбное и необузданное.

Однако, Безанваль рассказываетъ, что когда, послѣ подавленія бунта, онъ показался при дворѣ, его приняли тамъ очень холодно. И это обстоятельство, имя довѣреннаго лица графа д'Артуа, примѣшанное къ происхожденію мятежнаго движенія, медленность, допущенная въ усмиреніи бунта, интересъ, который имѣли въ обогрени кровью выборовъ тѣ, кто намѣревался оклеветать вызванный ими энтузіазмъ,—все это указываетъ, съ какой стороны исходило подстрекательство къ безпорядкамъ. Но если вѣрно, что возбудили народную ярость, обманывая ее, то невѣрно, что она была куплена; если деньги раздавались, то эта раздача, вѣроятно, ограничивалась какими нибудь четырьмя или пятью негодьями; ибо люди, способные продавать свой гнѣвъ, не стали бы, среди кровоиролитія и передъ добычей, заботиться о сохраненіи своей чести. Впрочемъ, вотъ документъ, доказывающій, что эти люди не были *неизвѣстные разбойники*.

«Обвиняемые: Жанъ Лебланъ, шорный подмастерье; Никола Мари, писарь; Жанъ Ламаршъ, маляръ; Жозефъ Топенъ, печатникъ съ мѣдныхъ листовъ; Этьенъ Фарсель, ткачъ газа; Шьеръ Кантенъ, скульпторъ,—по приговору превотальнаго суда, признаны виновными, и пр...¹⁾ Шорные подмастерья, печатники, маляры, ткачи, скульпторы,—вотъ тѣ *неизвѣстные разбойники*, которыхъ постигла кара закона.

Такъ провозвѣстился издали трагическій вопросъ пролетаріата. Въ самый разгаръ выборной агитаціи заговорили о заработной платѣ; и одно это слово заключало въ себѣ революцію, гораздо болѣе глубокую, чѣмъ та, въ которую ринулась буржуазія. Но въ то время никто еще не предчувствовалъ этого, и всѣ называли мятежомъ проблему будущаго, вдругъ поставленную въ возстаніи рабочихъ.

¹⁾ Extrait des *Registres du greffe de la prévôté et maréchaussée générale de l'île de France*, à la date du 18 mai 1789.

жителя алтаря, или посвященіе себя защитѣ отечества на опасномъ поприщѣ битвъ... или подчиненіе своему кредиту и расчетамъ дѣятельнаго, предусмотрительнаго, сметливаго генія богатствъ и промышленности различныхъ народовъ земного шара; или та профессія, поставленная, наконецъ, на подобающее мѣсто въ мнѣніи истинныхъ мудрецовъ, занимающіеся которою оплодотворяютъ поля культурой, этимъ первымъ изъ искусствъ, отъ котораго зависитъ существованіе человѣческаго рода: всѣ граждане, каково бы ни было ихъ состояніе, не члены ли одной семьи? Если любовь къ порядку и необходимость опредѣлили различныя степени, которыя нужно сохранять въ монархіи, то уваженіе и признательность не допускаютъ этихъ различій и не раздѣляютъ профессій, которыя природа соединяетъ взаимными потребностями людей»¹⁾.

На послѣднемъ собраніи генеральныхъ штатовъ ораторъ дворянства сказалъ, съ одобренія двора: «Между нами и третьимъ сословіемъ такая же разница, какъ между господиномъ и слугой»²⁾. Теперь министръ юстиціи, въ своей рѣчи, поставилъ въ общественномъ уваженіи и признательности земледѣльца на ряду съ дворяниномъ.

По окончаніи рѣчи хранителя печати поднялся Неккеръ, и все собраніе обратилось въ слухъ: министръ сначала изложилъ, слишкомъ пространно, состояніе финансовъ; подробности дефицита, цифру котораго опредѣлилъ въ 56 милліоновъ; сдѣланныя уже попытки и предполагаемая мѣра къ устраненію этого явленія; ресурсы, которые должны быть приведены въ дѣйствіе. Въ благородныхъ выраженіяхъ онъ успокоилъ умы относительно опасности банкротства. Во главѣ реформъ, которыя надлежало выполнить генеральнымъ штатамъ, онъ поставилъ равномѣрное распредѣленіе общественныхъ тягостей, требуя, «чтобы отмѣнили навсегда тѣ налоги, которые сохраняли слѣды разъединенія, о которомъ необходимо изгладить самую память»³⁾. Мало того—неужели созвали торжественно націю только для того, чтобы дать ей цифры для обсужденія? Этого Неккеръ не думалъ. «Это значило бы,—сказалъ онъ,—смотрѣть на генеральные штаты съ очень ограниченной точки зрѣнія, если ви-

¹⁾ *Moniteur*, seance du 5 mai 1789.

²⁾ Florimond Rapine, *Assemblée des trois états en l'an 1614*.

³⁾ *Moniteur*, séance du 5 mai 1789.

зовались этой неблагоприятной оговоркой какъ предложомъ отказаться, возлагая на дворянъ вину отказа ¹⁾).

Пора была побѣдить. Парижъ ропталъ. Наблюдаемый немного издали, важный и медленный ходъ общинъ походилъ на неподвижность. Къ тому же народъ страдалъ; хлѣбъ былъ дорогъ; и если буржуазія требовала у генеральныхъ штатовъ только свободы, то народъ требовалъ у нихъ права жить. Когда, 19 мая продавщицы апельсиновъ и другія торговки, *dames de la halle*, приходили въ городскую ратушу привѣтствовать избирателей, онѣ не преминули крикнуть: «Подумайте о народѣ, господа!» И что же отвѣтили избиратели? Что именно народными интересами займутся въ генеральныхъ штатахъ и что торговки имѣютъ въ собраніи третьяго сословія защитниковъ, друзей, братьевъ ²⁾). И, однако, бѣдные продолжали жаловаться, хлѣбъ попрежнему былъ дорогъ. Несомнѣнно, поведеніе общинъ было искусно рассчитанное и твердое, и такое, наконецъ, какого требовали обстоятельства: прежде чѣмъ думать о томъ, чтобы сдѣлать побѣду плодотворной, надо было побѣдить. Но страсть не считается съ препятствіями, голодъ не ждетъ. Тѣмъ болѣе, что только что былъ произнесенъ приговоръ, которымъ буржуазія нисколько не интересовалась и который произвелъ на народъ зловѣщее впечатлѣніе. Арестованные въ недавнемъ бунтѣ, вызванномъ вопросомъ о заработной платѣ, были присуждены къ наказанію, рассчитанному на то, чтобы сильно подѣйствовать на воображеніе толпы. Подъ надзоромъ палача, осужденные были проведены черезъ городъ, босые, въ рубахѣ, съ веревкой на шеѣ, съ позорной надписью на груди, до главнаго портала парижскаго собора. И тамъ они должны были, стоя на колѣняхъ, съ горящимъ факеломъ въ рукѣ, повиниться въ преступленіи нищеты, приведенной въ ярость ³⁾.

Вожаки духовнаго сословія рѣшили извлечь выгоду изъ этихъ мрачныхъ обстоятельствъ. Они шумно возвѣстили о своемъ намѣреніи заняться вопросомъ о дороговизнѣ хлѣба и приглашали депутатовъ третьяго сословія позаботиться, въ свою очередь,

¹⁾ Rabant de Saint-Etienne, *Précis historique*, p. 77.

²⁾ *Mémoires de Bailly*, t. I, p. 65.

³⁾ Extrait des *Registres du greffe de la prévôté et maréchaussée générale de l'Île de France*, à la date du 18 mai 1789.

прыжкомъ, онъ перешелъ изъ дворца на площадь, не остановившись на промежуточномъ мѣстѣ, гдѣ буржуазія хотѣла разбить свой станъ. Большая часть членовъ собранія была охвачена ужасомъ; и видя вдали призракъ этой новой, неожиданной силы, къ которой Мирабо протягивалъ руку, она разразилась ропотомъ ¹⁾.

Наименованіе, которое, очевидно, наиболѣе подходило къ подобному собранію, было то, которое, будучи неопредѣленнымъ, эластичнымъ, могло суживаться до означенія только общинъ, или расширяться до означенія націи ²⁾, то которое уже неоднократно указывалось, то, которое предложилъ депутатъ Легрантъ: *Національное собраніе* ³⁾. Тщетно Мунье, поддерживаемый Рабо Сентъ-Этьеномъ и Барнавомъ, пытался убѣдить общины констигуироваться въ *Закононое собраніе представителей большинства націй, дѣйствующее въ отсутствіе меньшинства*: общины единогласно отвергли этотъ титулъ, непомерно длинный и сохранявшій слѣды розни сословій. Надо было, однако, вотировать: большое испытаніе, и страшное! Ибо узнали, что въ Версалѣ происходитъ необычный шумъ оружія и конскаго топота; что посланъ приказъ нѣмецкому войску двинуться; что многіе изъ дворянъ, приведенные въ ярость чрезмѣрной опасностью, говорили о необходимости прибѣгнуть къ оружію. Не возникалъ ли уже вопросъ объ арестованіи герцога Орлеанскаго ⁴⁾, о преданіи его суду, о вовлеченіи въ его гибель его сообщниковъ по революціи, объ устрашеніи умовъ? Начинается поименная перекличка. И тотчасъ же раздается тысяча смѣшанныхъ возгласовъ. Одни протестуютъ противъ этого ускореннаго, стремительнаго хода. Другіе, и во главѣ ихъ бретонцы, народъ необузданный, хотятъ, чтобы рѣшились тотчасъ же, чтобы не дали врагамъ націи времени соединиться, и чтобы, если дворъ осмѣлится нанести ударъ, ему пришлось бы нанести его не растерявшейся сходкѣ людей, но собранію, опирающемуся на свое право, представляющему народъ, являющемуся закономъ. Шумъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Вся зала на ногахъ. Здѣсь группа медлителѣй, составляющая меньшинство, тамъ группа нетерпѣливыхъ,

¹⁾ *Moniteur, séance du 16 juin au soir.*

²⁾ Bailly, *Mémoires*, t. I, p. 148.

³⁾ *Le point du jour*, journal de Barère, № 1.

⁴⁾ Beaulieu, *Essais historiques*, t. I, p. 206—207.

въ обморокъ ¹⁾). Въ палатѣ духовенства сенсація была столь же сильная и менѣе безплодная: приходскіе священники восторжествовали по вопросу о совѣщаніи сообща; и народная признательность, ожидавшая ихъ при проходѣ, осыпала ихъ шумными знаками одобренія ²⁾).

Въ это время дворъ находился въ состояніи головокруженія. Принимая гнѣвъ за силу, вожаки комитета Полиньякъ противопоставляли лишь легкомысленную вспылчивость постоянству Собранія и послѣдовательной смѣлости его дѣйствій, Что касается королевы, то она потеряла самоувѣренность, внушаемую счастіемъ, она не могла еще имѣть силу, которую даетъ почти всегда женщинамъ крайняя опасность, и болѣзненно переходила черезъ всѣ перемѣны слабости, то буйная и несговорчивая, то суетвѣрная и пугливая до такой степени, что проходила въ тревожное состояніе отъ погаснувшей свѣчи, какъ отъ страшнаго предзнаменовенія ³⁾). Съ своей стороны, младшій изъ братьевъ короля разсыпался въ угрозахъ, и, казалось, уже упражнялся въ насиліяхъ, которыя сдѣлали старость Карла X столь фатальной его дому.

Поставленное въ такое затруднительное положеніе, что предприметъ правительство? Неккеръ былъ того мнѣнія, что нужно дѣйствовать, притомъ быстро и демонстративно. Онъ хотѣлъ бы, не порывая съ двумя первыми сословіями, поставить короля во главѣ народной партіи ⁴⁾? Неужели оставить однимъ только общинамъ заслугу и честь завоеванія свободы? Въ ихъ популярности была, по мнѣнію министра, часть, которая должна была составлять долю короля ⁵⁾, и которую слѣдовало требовать его именемъ. Онъ совѣтовалъ, поэтому, дать приказъ о соединеніи сословій, но дать торжественно, съ высоты трона, въ выраженіяхъ, способныхъ увеличить цѣну королевскаго вмѣшательства и избавить дворянство отъ униженія преклониться передъ третьимъ сословіемъ.

Это не была, конечно, политика трибуна. Это желаніе перекупить энтузіазмъ въ пользу трона, это уваженіе къ претен-

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. I, p. 53.

²⁾ *Ibidem*, p. 54.

³⁾ *Mémoires de m-me Campan*, t. II, p. 38.

⁴⁾ Moutier, *De l'influence attribuée aux philosophes sur la Révolution française*, p. 88.

⁵⁾ Necker, *De la Révolution française*, t. I, 1 partie, sect. IV, p. 188.

жило бы эмблемою величія націи. Народъ сбѣжался: онъ окружаетъ, исполненный безпокойства и уваженія, священное убѣжище. Одни проникли въ галереи; другіе толкаются у оконъ. Вотъ прошелъ восьмидесятилѣтній депутатъ, больной, поддерживаемый подъ руки ¹⁾. Совѣщаніе начинается. Они припоминаютъ зловѣщія подробности этого утра, приказъ, данный часовымъ; припоминаютъ, что передъ залой штатовъ, когда депутаты тѣснились у рѣшетки, послышался крикъ: «къ ружью!» ²⁾ Жребій, значить, брошенъ! Надо готовиться къ кровавой игрѣ. Куда перенести отечество? «Парижъ зоветъ насъ», кричатъ самые пылкіе; идемъ туда!» Тогда нѣкоторые испугались, безъ сомнѣнія, не столько при мысли о возможной рѣзні на большой дорогѣ, сколько при мысли о возставшемъ Парижѣ и о народной ярости, могущей достигнуть въ одинъ прекрасный день своего крайняго предѣла. Тогда Мунье, наименѣе ревностный служитель революціи, предложилъ знаменитую клятву, извѣстную подъ именемъ клятвы въ залѣ для игры въ мячъ (*Serment du jeu de-raume*). Онъ предложилъ ее, какъ самъ сознается въ этомъ ³⁾, не предчувствуя ея важности, предложилъ по внушенію умѣренности, имѣя въ виду спасти королевскую власть, желая отворотить смѣлыхъ отъ ихъ плановъ, дать другое направленіе ихъ порывамъ! «Члены національнаго собранія,—говорилось въ постановленіи, составленномъ Мунье,—произнесутъ торжественную клятву не расходиться до тѣхъ поръ, пока конституція королевства и преобразование общественнаго порядка не будутъ установлены на твердыхъ основаніяхъ» ⁴⁾. Бальи читаетъ вслухъ эту формулу, и въ качествѣ президента, требуетъ для себя чести поклясться первому. И всѣ руки поднимаются, изъ всѣхъ устъ вырывается крикъ, самопроизвольный, непреодолимый. Мы можемъ созерцать на картинѣ эту сцену, воспроизвести героическій протоколъ которой учредительное собраніе поручило кисти Давида, и которая составляетъ славу нашихъ отцовъ. Вотъ они всѣ, какъ

¹⁾ *Précis historique*, par Rabaut-Saint-Etienne, p. 86.

²⁾ *Mémoires de Bailly*, t. 1, p. 185.

³⁾ Mounier, *Recherches sur les causes qui ont empêché les Français d'être libres*, p. 296.—*De l'influence attribuée aux philosophes sur la Révolution française*, p. 99.

⁴⁾ *Douzième lettre du comte de Mirabeau à ses commettans.—Le Point du jour*, № 3.

Такимъ образомъ, съ одной стороны—культъ права, гордая осторожность, надлежащая мѣра въ смѣлости; съ другой—много иллюзій и слѣпота презрѣнія. Не слѣдуетъ, поэтому, удивляться, если графъ д'Артуа думалъ подавить послѣдствія клятвы въ залѣ Жёдепомъ, приказавъ удержать эту залу, какъ нужную для игры принцевъ, и если отложили королевское засѣданіе до 23 іюня, для того, чтобы въ продолженіе цѣлаго дня общины, выброшенные на улицу, представляли зрѣлище недозволенаго скопища. Но, по выраженію г-жи Сталь, это значило противопоставить дѣтскія игрушки оружію, и эти вулгарныя оскорбленія со стороны двора были тѣмъ замѣчательны, что каждое изъ нихъ давало націи поводъ къ новому триумфу. Принцы могли, конечно, профанировать скандаломъ своихъ забавъ мѣсто, гдѣ только что стояла лагеремъ революція, но могли ли они запретить общій домъ, дворецъ народа, церковь? У кочующаго отечества отняли игорную залу: оно вошло въ храмъ.

22 іюня представители заняли церковь св. Людовика, доступъ въ которую пасторъ Жакобъ, хотя приверженецъ двора, не рѣшился преградить имъ. Вдругъ двери хоръ открываются, и входитъ собраніе духовныхъ особъ. Выступившій впередъ архіепископъ вѣнскій говоритъ, что духовенство пришло объявить о своемъ согласіи на совмѣстную провѣрку депутатскихъ полномочій. Религія и отечество, казалось, примирились: умиленіе было всеобщее и глубокое. Эти плебеи, до того времени столь высокоумѣрные, почтительно уступаютъ служителямъ алтаря почетныя мѣста: уваженіе, которое Бареръ сильно порицалъ въ своемъ «Разсвѣтѣ», спрашивая: «Это ли представители, которые хотятъ уничтожить сословныя различія?»¹⁾ Но въ данномъ случаѣ почтеніе, оказанное третьимъ сословіемъ духовенству, было не что иное, какъ учтивость патриотизма, скромность побѣды. Затѣмъ явились двое дворянъ: маркизь де Блаконъ и графъ Антуанъ д'Агу: они были приняты какъ нетерпѣливо ожидаемые братья. Въ числѣ 148 членовъ духовенства, присоединившихся къ національной семьѣ, было 134 приходскихъ священника, 5 прелатовъ, 2 главныхъ викарія, 6 канониковъ, 1 аббатъ-коммендатарій. «Отпечатаемъ этотъ списокъ», говорили представители общинъ, и прослезив-

¹⁾ *Le Point du jour*, № 6, p. 32.

Есть умолчанія, звучація какъ признанія. Таковы были умолчанія въ инструкціяхъ, данныхъ продовольственному комитету (*Mémoire instructif remis de la part du roi au comité des subsistances par le directeur général des finances*). Раздавались, впрочемъ, сильные протесты. Брошюра подъ заглавіемъ «*Le premier pas à faire*» требовала производства слѣдствія о барышнической скупкѣ хлѣба. «Безсердечные люди! — укорялъ авторъ этой брошюры барышниковъ, — наши плодоносныя поля вошли въ ваши парки» ¹⁾. Горзâ сталъ издавать газету «*Le Courrier de Versailles à Paris*», и въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ ея перепечаталъ изъ газеты «*Courrier de Dieppe*» письмо, изъ котораго явствовало, что въ Нормандіи скушаютъ даже хлѣбъ на корню, и что жители Дьеппа доведены до отчаянія. «Знаете ли, къ чему служатъ преміи, выдаваемые импортерамъ? Къ возбужденію алчности. Прибывшій сюда корабль съ грузомъ хлѣба получаетъ премію, затѣмъ тотъ же самый хлѣбъ украдкой грузится обратно и отправляется въ какой-нибудь портъ, гдѣ за него опять выдается премія; такъ что остается на складѣ или странствуетъ съ рынка на рынокъ лишь самое незначительное количество привезеннаго изъ заграницы хлѣба... Заявите же объ этомъ генеральнымъ штатамъ!» ²⁾. Съ своей стороны, наблюдатель, еще молчаливый, тайныхъ продѣлокъ, врачъ Маратъ занимался тогда собираніемъ матеріаловъ для своихъ будущихъ обвиненій, обвиненій часто клеветническихъ, но нерѣдко также вполне основательныхъ; благодаря своей привычкѣ вездѣ предполагать дурное, этотъ неумолимый умъ пріобрѣлъ замѣчательную проницательность. Если другіе олицетворяли мысль революціи, а иные ея гнѣвъ, то Маратъ изображалъ собою ея подозрительность.

Національное Собраніе не могло долѣе воздерживаться. Въ засѣданіи 4 іюля, когда, послѣ продолжительныхъ преній, рѣшили допустить къ участию въ собраніи депутатовъ отъ Сантъ-Доминго, въ числѣ шести ³⁾, поднялся Дюмонъ де Немуръ, докладчикъ продовольственнаго комитета. Минута была торжественная. Что сдѣлать для народа, лишеннаго работы и хлѣба, или, лучше сказать, что сдѣлать, чтобы на будущее время на-

¹⁾ *Le premier pas à faire*, p. 13.

²⁾ *Le Courrier de Versailles à Paris*, № 4.

³⁾ *Moniteur*, séance du 4 juillet 1789.

отрядъ королевско-нѣмецкаго полка. Одинъ солдатъ французской гвардіи схватилъ подъ уздцы лошадь драгуна и, счастливо увернувшись отъ направленнаго на него сабельнаго удара, штыкомъ закололъ всадника. Чужеземные солдаты просили позволенія поддерживать битву, но начальники подали сигналъ къ отступленію. Въ то же время въ казармы, занимаемыя французскомъ полкомъ, въ Зеленой улицѣ, явился какой-то человѣкъ невзрачнаго вида, съ красной, прыщавой фізіономіей, съ отталкивающими чертами, но гордо державшій себя и всегда говорившій о себѣ не иначе какъ въ третьемъ лицѣ¹⁾, человѣкъ, импонировавшій своей гордостью и смѣлостью. Это былъ Гоншонъ, Мирабо парижскихъ предмѣстій. Подстрекаемые имъ, французскіе солдаты шумно покинули казарму и ринулись на площадь Людовика XV, чтобы дать тамъ сраженіе иноземнымъ войскамъ. Но площадь оказалась уже очищенной, когда они туда пришли.

Передъ возмущившимся Парижемъ власть повсюду бездѣйствовала, пребывала въ какомъ то оцѣпенѣніи. Въ Домѣ Инвалидовъ директоръ де Сомбрейль, услыжавъ грохотъ отъ разгрузки телеги съ камнями, принялъ его за пушечную пальбу, и поспѣшилъ спросить министра, какъ оказать сопротивленіе этой воображаемой артиллеріи²⁾; на другомъ концѣ Парижа де Лоне, увидавъ съ высоты Бастиліи, что населеніе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья сильно волнуется, отправилъ курьера въ Версаль объявить, что онъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности³⁾; наконецъ, Безанваль, переходя отъ чрезмѣрной смѣлости къ противоположной крайности, увелъ свои войска съ площади Людовика XV и оставилъ столицу на произволь судьбы⁴⁾.

Въ этомъ критическомъ положеніи, узнавъ, что несмѣтная толпа, искавшая оружія, ворвалась въ большую залу городской ратуши, нѣсколько избирателей отправились туда, въ надеждѣ успокоить умы⁵⁾. Наканунѣ, когда депутатъ Гильотенъ пришелъ въ думу возвѣстить, что въ Версалѣ господствуетъ спокойствіе, и что нѣтъ никакого повода къ опасеніямъ, одинъ избиратель

¹⁾ *Les prisons en 1793*, par m-me la comtesse de Bohm, p. 159.

²⁾ *L'Ami du roi* etc., chap. XL, p. 60.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Mémoires de Besenval*, t. II, p. 363.

⁵⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs du tiers-état*, t. I, p. 175.

любящаго васъ народа, не забывайте никогда этотъ день томительной тревоги. Такъ живутъ тираны»¹⁾). Депутаты собрались рано, но въ числѣ, недостаточномъ для дѣйствительности постановляемыхъ рѣшеній, вслѣдствіе чего Національное Собраніе отложило до слѣдующаго дня свои совѣщанія, повторяя знаменитый стихъ Горациа: *Si fractus illabatur orbis...* («Если рушится міръ...»), который напомнилъ при этой оказіи аббатъ Грегуаръ.

Аббатъ Грегуаръ начиналъ тогда приковывать къ себѣ взоры. Это былъ человѣкъ, въ которомъ гармонически соединялись двѣ совершенно различныя натуры. Столь же гордый своимъ разумомъ, какъ философъ, столь же простой сердцемъ, какъ смиреннѣйшій изъ сельскихъ пастырей, онъ почерпнулъ изъ чтенія свѣтскихъ писателей—презрѣніе къ предрасудкамъ, изъ чтенія Евангелія—любовь къ бѣднымъ. Онъ былъ ясенъ, хотя трудно было распознать, къ кому онъ ближе подходилъ по своимъ воззрѣніямъ—къ Фенелону или къ Сень-Сирану. Отсюда происходило то, что этотъ священникъ, столь строгій къ земнымъ властямъ и часто имѣвшій вдохновенія, достойныя непреклоннаго генія Антуана Арно, посвятилъ, тѣмъ не менѣе, свою жизнь защитѣ евреевъ, негровъ, пролетаріевъ, всѣхъ отверженныхъ міра сего. Онъ носилъ, впрочемъ, въ своей личности явные знаки этихъ внутреннихъ контрастовъ, ибо имѣлъ въ одно и то же время суровое чело и вкрадчивыя манеры, смѣлый взглядъ и ласковую улыбку.

13 іюля, въ девять часовъ утра, Національное Собраніе открыло свое засѣданіе. Парижскія событія еще не были извѣстны: но узнали, что Ла Люзернъ, Сень-При, Монморенъ, получили приказъ оставить дворъ, и что новые министры были: баронъ Бретейль, маршалъ Брольи, г. Ла Глезьеръ, Ла Портъ, Фулонъ. Подобныя имена достаточно ясно обличали намѣренія двора: уныніе было всеобщее. Когда Муниѣ предложилъ послать депутацію къ королю просить его призвать обратно уволенныхъ министровъ и объявить, что отечество не можетъ имѣть никакого довѣрія къ ихъ преемникамъ, Лалли Толлендаль всталъ и грустнымъ тономъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Перенесемся въ эпоху августа мѣсяца прошлаго года. Законы были ниспровергнуты; двадцать пять милліоновъ людей были безъ судей и безъ правосудія, казна безъ денегъ;... един-

¹⁾ *Dix-neuvième lettre du comte de Mirabeau à ses commettans.*

обходимости этихъ мѣръ, и я не могу сдѣлать въ этомъ отношеніи никакой перемѣны».

Тогда-то, негодующее, однако спокойное, и возвышавшее до величія римскаго сената, угрожаемаго сосѣдствомъ непріятельскаго лагеря, Національное Собрание вотировало слѣдующее постановленіе:

«Собраніе, истолкователь націи, объявляетъ, что г. Неккеръ, такъ же какъ и другіе только что удаленные министры, уносятъ съ собой его уваженіе и сожалѣніе;

«объявляетъ, что, опасаясь гибельныхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собой отвѣтъ короля, оно не перестанетъ настаивать на удаленіи войскъ, необычно собранныхъ вблизи Парижа и Версаля, и на учрежденіи гражданской стражи;

«снова объявляетъ, что не должно существовать посредника между королемъ и Національнымъ Собраніемъ;

«объявляетъ, что министры и гражданскіе и военные агенты власти отвѣтственны за всякое предпріятіе, противное правамъ націи и декретамъ этого Собранія;

«объявляетъ, что министры и нынѣшніе совѣтники короля, какого бы чина и званія они ни были, или какую бы должность ни занимали, лично отвѣтственны за теперешнія несчастія и за всѣ тѣ, которыя могутъ послѣдовать;

«объявляетъ, что такъ какъ государственный долгъ поставленъ подъ гарантію французской честности, и нація не отказывается платить по нему проценты, то никакая власть не имѣетъ права произносить позорящее слово банкротство».

Въ то время, какъ въ Версалѣ представители буржуазіи оказывали сопротивленіе двору, въ Парижѣ они становились въ оборонительное положеніе противъ народа, оклеветаннаго ихъ подозрѣніями.

13 іюля многіе избиратели отправились въ городскую ратушу съ восьми часовъ утра, и чтобы импонировать толпѣ, которая уже наполняла думскія залы, они ложно объявили о существованіи гражданской милиціи¹⁾. Сформировать эту милицію и посредствомъ нея оказывать давленіе на народъ—сдѣлалось главной заботой избирателей. Испуганные звономъ набата, раздававшимся во всѣхъ концахъ города, испуганные крикомъ «къ оружію!», исходившимъ изъ всѣхъ устъ, они поспѣшно

¹⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 183.

«чтобы всякій, кто будетъ носить такую кокарду, не будучи записаннымъ въ одномъ изъ округовъ, былъ *предаваемъ суду постоянного комитета*»¹⁾.

При этомъ комитетъ сохранилъ за собой назначеніе высшихъ начальниковъ милиціи, оставивъ округамъ лишь опредѣленіе простыхъ офицеровъ²⁾. Главное командованіе было предложено герцогу д'Омону, который попросилъ двадцать четыре часа на размышленіе, а должность помощника главнокомандующаго предложили маркизу де ла Саль, который, не колеблясь, согласился пожертвовать своимъ состояніемъ и своей жизнью³⁾.

Нельзя не удивляться необыкновенной смѣлости, съ которой совершено было это присвоеніе державной власти горстью безвѣстныхъ избирателей или эшевенговъ⁴⁾. Организовать армію для служенія среднему сословію, приказать народу разойтись по домамъ, распоряжаться назначеніемъ высшихъ военныхъ чиновъ, предписать кокарду революціи, учредить изъ себя высшее судилище,—вотъ на что дерзнули нѣсколько буржуа и противъ верховной власти одного лица, и противъ верховной власти всѣхъ. Но въ жизни обществъ бывають бурные моменты, когда событія порождаютъ диктатуры.

Къ тому же эти люди, которыхъ безпокоила агитація, вначалѣ сами искусно разыграли роль агитаторовъ. Въ первые моменты это была ихъ сила. Къ ихъ партіи пристали многіе изъ клубовъ *Feuillants, Grands-Augustins, Enfants-Rouges, Blancs-Manteaux, Filles-Dieu, Minimes, Sepulcre...*, изъ всѣхъ округовъ. Питомцы Шателэ, воспитанники хирургической школы, французскіе гвардейцы, командиръ дозора являлись послѣдовательно къ новой власти, чтобы привѣтствовать ея установленіе⁵⁾. Самъ народъ, котораго стѣсняетъ слишкомъ большая независимость, поднесъ городской ратушѣ въ даръ двѣ серебряныя пушки, по-

1) *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 195 et suiv.

2) *Ibidem*, p. 197.

3) *Dusaulx, Oeuvre de sept jours*, p. 280.

4) Вотъ ихъ имена, изъ которыхъ только немногія пережили своихъ носителей: де Флесель, старшина кучества; Бюффо, Сажере, Вернь, Руанъ, эшевенн; Этисъ де Корни, прокуроръ; Вейтаръ, главный дѣлопроизводитель; маркизъ де Ла Саль, аббатъ Фоше, Тассенъ де Летръ, Катрмеръ, Дюманженъ, Жиру, Дюкло дю Френуа, Моро де Сенъ Мери, Банкаль дезъ Иссаръ, Гюпъ, Ледрашъ де Сенъ-Рене, Жаненъ, избиратели; Греле, гражданинъ.

5) *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 204—231.

которую ихъ гувернеръ женскаго пола (г-жа де-Жанлисъ) хочетъ привить имъ: и если бы удалось отдалить ихъ отъ отца, онъ имѣлъ бы меньше кредита въ глазахъ тѣхъ, которые основываютъ свои надежды на наслѣдникахъ. Одна только мадамъ Делиада (Аделаида) могла бы устроить это соединеніе. Наше положеніе довольно критическое; лотарингецъ (князь Ламбескъ) сдѣлалъ намъ много вреда своей торопливостью. Нужно, чтобы новые министры старались выиграть время; ничто не потеряно, если намъ удастся усыпить это волненіе... Въ особенности льстите новымъ администраторамъ; они люди и должны быть честолюбивы: ничто не должно сопротивляться Ирлѣ... Нужно не щадить никакихъ средствъ, чтобы организовать якобы національную гвардію на нашъ манеръ. Главное, чтобы командиры были преданы Торве Тесмасу (его величеству), тогда все можетъ поправиться».

Далѣе мы приведемъ, въ своемъ мѣстѣ, другой пассажъ изъ этого письма, гдѣ рѣчь идетъ о важныхъ бумагахъ, хранившихся у Флеселя. Достоверно то, что старшина купечества получилъ приказаніе медлить, забавлять толпу. Впрочемъ, его характеръ вполне подходилъ къ подобной роли. Свѣтскій человекъ, онъ почерпнулъ въ жизни салоновъ глубокое презрѣніе къ толпѣ; онъ думалъ, какъ и Безанваль, что главное нужно было усыпить агитацію; что народъ скоро утомится отъ своего собственного героизма. Оттого, въ то время, какъ новые олигархи городской думы не скрывали своего испуга, потому что они были люди прямые, искренніе,—онъ, спокойный, насмѣшливо улыбающійся, забавлялся вспышками Гревской площади съ холоднымъ нахальствомъ. Онъ обѣщалъ, что оружіе будетъ привезено съ Шарлевильскаго завода; и когда прибыли ящики съ надписью *артиллерія*, въ нихъ, по вскрытіи, оказалось только старое бѣлье ¹⁾. Онъ послалъ депутацію изъ Матюренскаго округа взять ружья въ картезіанскомъ монастырѣ; но депутаты принесли оттуда лишь бумагу слѣдующаго содержанія: «Я, нижеподписавшійся, игуменъ монастыря, симъ удостовѣряю, что у насъ нѣтъ и никогда не было никакого оружія,—ни холоднаго, ни огнестрѣльнаго» ²⁾.

¹⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 257.

²⁾ Buchez et Roux, *Hist. parlementaire*, t. II, 3 livraison, p. 99.

Очевидно, Флессель обманывалъ народъ: слово «измѣна» было произнесено; стоустая молва разнесла его по всему городу вплоть до самыхъ глухихъ закоулковъ и вскорѣ сбѣжалась безчисленная, негодующая толпа. Знали, что въ думу были привезены боченки пороха, и что они сложены въ бюро по уплатѣ рентъ: туда и устремились въ страшной сумятицѣ многіе, держа пистолеты, какъ будто не достаточно было одной искры, чтобы взорвать на воздухъ цѣлый кварталъ! Кто-то выстрѣлилъ изъ ружья въ боченки ¹⁾; началась раздача. Интересно, что на этой грозной раздачѣ предсѣдательствовалъ священникъ. Представитель религіи передъ отечествомъ, онъ выказывалъ, въ продолженіе четырнадцати или пятнадцати часовъ, непреодолимое мужество и непреклонное благоразуміе, болѣе геройское въ такіе моменты, чѣмъ самое мужество. Имя его достойно быть сохраненнымъ. Онъ назывался Лефевръ.

Наступила ночь. Утомленный старшина купечества велѣлъ приготовить себѣ постель въ думѣ ²⁾, гдѣ онъ тогда спалъ своимъ послѣднимъ сномъ. Что сулитъ завтрашній день? Какіе-то страшные люди были замѣчены бродящими вокругъ Бастиліи, которой они грозили жестомъ. Всѣ дома были ярко освѣщены, такъ что въ комнатахъ видно было, какъ среди бѣлаго дня. Большинство жителей бодрствовали,—одни, чтобы не быть захваченными врасплохъ, другіе, чтобы ковать орудія смерти. Кучки вооруженныхъ людей прокрадывались, правда, по улицамъ, но такъ тихо, какъ безмолвныя группы призраковъ, и въ затихшей столицѣ слышны были только шаги городскихъ патрулей, да звонкіе удары молотовъ о наковальни.

¹⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 234.

²⁾ *Dusaulx, Oeuvre des sept jours*, t. I, p. 287.

Полки изъ Сень-Дени приближаются, они дошли уже до Ла Шапель».

Вѣстники несчастія были, вообще, прилично одѣтые люди. Замѣтили одного изъ нихъ, въ синей одеждѣ, съ золотыми нашивками на петлицахъ; онъ былъ весь въ пыли, обливался потомъ и, казалось, прошелъ очень длинный путь. Когда комитетъ городской думы отдалъ приказъ по округамъ бить тревогу, на улицахъ была взломана мостовая, выстроены баррикады, выкопаны рвы: Парижъ превратился въ военный лагерь.

Огромная масса народа направилась къ Дому Инвалидовъ, въ надеждѣ достать тамъ ружья. Губернаторъ Собрель показывается у рѣшетки. Онъ проситъ, чтобы въ немъ уважали преданность долгу и совѣсть солдата. Курьеръ только что отправленъ въ Версаль: нельзя ли подождать, пока онъ вернется?

Нападающіе уже готовы согласиться¹⁾, какъ вдругъ кто-то крикнулъ: «Они хотятъ выиграть время для того, чтобы насъ заставить потерять его». При этомъ возгласѣ все приходитъ въ движеніе. Спрыгиваютъ во рвы, безоруживаютъ часовыхъ; прихожане церкви св. Стефана-на-Горѣ входятъ вслѣдъ за своимъ священникомъ, сдѣлавшимся начальникомъ банды; городской стряпчій, Этьенъ де Корни, самъ даетъ лошадей отъ своей кареты, чтобы стащить пушку; врываются въ подвалъ, въ которомъ хранилось оружіе. Вдругъ воздухъ оглашается столами и проклятіями. Оказывается, на лѣтницѣ скопилась такая масса людей, что изъ подвала невозможно было выбраться тѣмъ, которые успѣли уже заpastись оружіемъ; напоромъ толпы ихъ каждый разъ вновь отбрасывало внизъ, гдѣ они положительно задыхались. Ужасная катастрофа была неизбѣжна, такъ какъ давка все увеличивалась. Тогда наиболѣе сильные изъ спустившихся въ подвалъ раньше другихъ сомкнулись и стали напирать на входившихъ, грозя штыками и стараясь вытѣснить кверху невооруженныхъ еще людей²⁾. Въ этой страшной суматохѣ, факелы, которыми нападавшіе запаслись для освѣщенія себѣ пути подъ темными сводами, вдругъ погасли³⁾, крики усилились, приходилось бороться въ полномъ мракѣ, и нѣсколько

¹⁾ Rapport de M. Ethis de Corny, dans le *Procès-verbal de l'Assemblée des électeurs*, p. 299 et suiv.

²⁾ *Journée de Jean-Baptiste Humbert*.—Гюмберъ былъ въ числѣ нападавшихъ.

³⁾ *L'ami du roi* etc., 3-e cahier, chap. XLIII, p. 90.

которыхъ тридцать два были швейцарцы Салисъ-Самадскаго полка, а остальные восемьдесятъ два—инвалиды; но такая сильная крѣпость, какъ Бастилія, и не нуждалась въ большемъ числѣ защитниковъ¹⁾.

Чтобы достигнуть перваго подъемнаго моста, о которомъ мы говорили выше, нужно было идти по извилистой дорогѣ, обставленной справа—казармами, слѣва—рядомъ лавокъ. Такъ какъ эти лавки были расположены такимъ образомъ, что могли служить прикрытіемъ для осаждающихъ, то коменданту слѣдовало бы сломать ихъ, чтобы очистить подступы; но онъ этого не сдѣлалъ, потому что получалъ большой доходъ отъ сдачи лавокъ въ наемъ²⁾. Писатели его собственной партіи³⁾ обвиняли его также въ томъ, что онъ не хотѣлъ навести пушку въ сторону арсенала, изъ боязни, чтобы не пострадалъ его любимый домикъ, построенный въ той сторонѣ. Между тѣмъ тревоги буржуазнаго думскаго комитета раздѣлялись между Бастиліею и народомъ. Съ одной стороны нельзя было терпѣть, чтобы Сентъ-Антуанскій кварталъ оставался подъ угрозою пушекъ; а съ другой—боялись, чтобы народъ не вышелъ побѣдителемъ, потому что тогда онъ могъ сдѣлаться хозяиномъ положенія. Въ этомъ тревожномъ настроеніи, постоянный комитетъ такъ же усердно старался помѣшать борьбѣ, какъ народъ—вызвать ее. Поэтому думой были посланы Белонъ, стрѣлковый офицеръ, Вильфодъ, артиллерійскій фельдфебель, и Шатонъ, бывший сержантъ французской гвардіи, къ коменданту крѣпости съ порученіемъ сказать ему: «Уберите ваши пушки; дайте слово, что не прибѣгнете ни къ какимъ враждебнымъ дѣйствіямъ, а мы, съ своей стороны, ручаемся, что народъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и его окрестностей воздержится отъ всякаго пагубнаго предпріятія противъ крѣпости»⁴⁾. Это значило слишкомъ легко относиться къ народному негодованію; но постоянный комитетъ, въ своемъ нетерпѣннн вмѣшаться въ дѣло, не считался съ препятствіями.

¹⁾ Офицеръ, написавшій выше цитированную реляцію, соглашается съ этимъ. См. *Revue retrospective*, t. IV, p. 291.

²⁾ *Vie politique et privée de Santerre*, написанная А. Карро, по оставленнымъ Сантеромъ подлиннымъ документамъ и по замѣткамъ Огюстена Сантера, его старшаго сына, p. 38.

³⁾ *Memoires de Rivarol*, p. 46.

⁴⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 279.

готовы очистить аллею отъ мятежной толпы. Ни мало не смущаясь, Тюрьо потребовалъ, чтобы гарнизонъ сдался. Послѣдній ограничился тѣмъ, что поклялся не стрѣлять, пока на него не будетъ сдѣлано нападенія: клятва, которая была предложена комендантомъ и которую онъ произнесъ и самъ ¹⁾.

Тюрьо потребовалъ тогда, чтобы ему показали положеніе пушекъ на башняхъ. Новыя колебанія со стороны коменданта, новыя настоятельныя просьбы со стороны его офицеровъ; кончилось тѣмъ, что пошли на башню. Пушки дѣйствительно оказались отодвинутыми фута на четыре отъ амбразуръ, но были наведены въ томъ же направленіи и замаскированы. Когда взошли на самый верхъ башни, носившей названіе Ла Базиньеръ, одной изъ тѣхъ, которыя были обращены въ сторону арсенала, взорамъ представилось неожиданное, грозное зрѣлище. Все предмѣстье св. Антонія было въ движеніи; населеніе его направлялось къ Бастиліи. Де Лоне поблѣднѣлъ и, схвативъ Тюрьо за руку, воскликнулъ: «Что вы дѣлаете, милостивый государь? Вы злоупотребляете священнымъ титуломъ, чтобы предать меня». «Если вы скажете еще хоть одно слово,—возразилъ рѣшительнымъ тономъ Тюрьо,—объявляю вамъ, что одинъ изъ насъ полетитъ въ ровъ». Де Лоне замолчалъ ²⁾. Впрочемъ, едва спустившись внизъ, вмѣстѣ съ комендантомъ, Тюрьо громко сказалъ, въ присутствіи гарнизона, что онъ остался доволенъ и что онъ идетъ сдѣлать докладъ народу, который, безъ сомнѣнія, не откажется доставить городскую стражу для охраны Бастиліи совместно съ находящимся тамъ войскомъ ³⁾. Но народъ вовсе не желалъ охранять Бастилію и еще менѣе — охранять ее совместно съ швейцарцами полка Салисъ-Самада; онъ хотѣлъ только одного — чтобы она была разрушена. Тюрьо выражалъ здѣсь чувства буржуазіи; онъ говорилъ языкомъ городской думы. Оттого, когда, послѣ своего воззванія къ волновавшемуся народу, сдѣланнаго имъ изъ открытаго окна комендантскаго дома,

¹⁾ *Ibid.*—*Récit de la conduite de M. Thuriot.*—См. также *Procès-verbal de l'Assemblée des électeurs*, t. I, p. 309.

²⁾ Этотъ фактъ находится въ «Разсказѣ о поведеніи Тюрьо» и въ докладѣ, представленномъ постоянному комитету; онъ не записанъ ни въ *Декларации осажденныхъ*, ни въ *описаніи штурма Бастиліи однимъ изъ защитниковъ*—и понятно, почему.

³⁾ Это обстоятельство не упомянуто въ *Разсказѣ о поведеніи Тюрьо*: о немъ говорятъ защитники Бастиліи.

аббатъ Фуше, слабая голова, мощное сердце, одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ своемъ героизмѣ доходятъ до безумія. Онъ еще не произнесъ своей знаменитой фразы: «Это аристократы распяли Христа»¹⁾, но уже давно сталъ на сторону революціи. Впрочемъ, онъ явился не въ качествѣ солдата. Посланный, вмѣстѣ съ тремя другими избирателями, его коллегами, комитетомъ городской ратуши, онъ имѣлъ лишь миссію изобразить безпокойство, испытываемое послѣднимъ. Желанія постояннаго комитета сводились къ тому, чтобы убѣдить коменданта допустить къ участию въ охранѣ крѣпости, на ряду съ ея гарнизономъ, и городскую милицію, отдавъ, такимъ образомъ, Бастилію подъ начало города²⁾. Народъ же, въ возмездіе за пролитую имъ кровь, требовалъ большаго. Три парламентаря дѣлали коменданту знаки, которыхъ въ крѣпости не замѣтили: они обращались къ осаждающимъ съ миролюбивыми увѣщаніями, которыя не были выслушаны³⁾. Они уже хотѣли удалиться, какъ вдругъ въ концѣ улицы св. Антонія показалось развѣвающееся знамя. Это были новые парламентары, которыхъ велъ, съ барабаннымъ боемъ, Этисъ де Корни, думскій стряпчій. Прибывъ на комендантскій дворъ, они спѣшатъ подать сигналъ своимъ флагомъ; одинъ изъ нихъ машетъ бѣлымъ платкомъ, привязаннымъ на палку; другой кричитъ: «Мы пришли въ качествѣ парламентаревъ, прекратите огонь!» Инвалиды, стоявшіе на вершинѣ башенъ, сняли, въ знакъ мира, шапки и опустили ружья⁴⁾, но въ тотъ же моментъ послѣдовалъ убійственный залпъ изъ ружей—это выстрѣлили ничего не знавшіе о прибытіи парламен-

¹⁾ Paganel, *Essai historique et critique sur la Révolution*, t. I, p. 436.

²⁾ Вотъ текстъ относящагося сюда постановленія: «Постоянный комитетъ парижской милиціи, считая, что въ Парижѣ не должно быть никакой военной силы, которая бы не была подъ началомъ города, поручаетъ депутатамъ, отправляемымъ имъ къ маркизу де Лона, спросить у него, согласенъ ли онъ принять въ крѣпость войска парижскаго ополченія, которыя будутъ охранять ее совмѣстно съ войсками, находящимися тамъ теперь, и которыя будутъ состоять въ распоряженіи города». *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 318.

³⁾ Rapport de Delavigne, Chignard, Fauchet et Boletidoux въ *le Procès-verbal*, t. I, p. 334.

⁴⁾ Докладъ Этиса де Корни въ *Procès-verbal*, p. 336. См. также *Declaration des assiégés*, въ *Bastille dévoilée*, t. I, p. 96. Эта декларація, впрочемъ, неточна во многихъ мѣстахъ; такъ, напримѣръ, порядокъ событій тамъ извращенъ.

подвергается нападенію со всѣхъ сторонъ. Лепинъ пытается отстранить толпу, но получаетъ сильный ударъ; Легри, безстрашно стоявшій подъ выстрѣлами Бастиліи, не въ силахъ вынести приготовляющагося зрѣлища, — онъ лишается чувствъ¹⁾. Де Лонэ шелъ съ непокрытой головой и его узнавали по этому. Гюлленъ, въ благородномъ порывѣ, снимаетъ съ себя шляпу и надѣваетъ ее на голову коменданта²⁾. Съ энергіей, удесятеренной пыломъ великодушія, Гюлленъ до послѣдней возможности защищалъ несчастнаго, взятаго имъ подъ свою охрану, но, наконецъ, принужденъ былъ уступить многочисленному противнику; силы покидаютъ его; истомленный, залитый кровью, онъ безъ чувствъ падаетъ на мостовую. Ему предложили вина³⁾; онъ пришелъ въ себя... но, когда онъ поднялся, уже некого было защищать.

Писали, будто де Лонэ до конца сохранялъ умоляющее положеніе. Ему приписывали слова, въ которыхъ покорность судьбѣ трогательно смѣшивалась съ мольбой; но эта общераспространенная версія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Де Лонэ выказалъ, напротивъ, гордое мужество; по свидѣтельству аббата Лефевра, единственнаго человѣка, который рассказываетъ объ этой смерти, *какъ очевидецъ*, де Лонэ умеръ, «защищаясь какъ левъ»⁴⁾, и позволительно думать, что именно эта его твердость усилила негодованіе народа, котораго, можетъ быть, тронули бы мольбы.

Голову коменданта воткнули на пику и такъ носили по городу: страшный указатель чрезмѣрнаго озлобленія, накопляющагося отъ долгаго угнетенія въ средѣ поработенной націи. Было, къ сожалѣнію, не мало и другихъ трагическихъ эпизодовъ. Такъ, два инвалида были повѣшены на фонарѣ, противъ ратуши. Поручикъ Персонъ былъ убитъ на хлѣбной пристани⁵⁾. Секундъ-майоръ Мире, прибывъ въ улицу Турнель, гдѣ онъ жилъ, и найдя ее пустынной, имѣлъ неосторожность отослать конвой, который ему дали французскіе гвардейцы; онъ уже отворялъ свою дверь, какъ вдругъ изъ сосѣдней улицы вышла

¹⁾ *Le cousin Jacques*, p. 79.

²⁾ *L'ami du roi etc.* 3-e cahier, chap. XLV, 115.

³⁾ *Le cousin Jacques*, p. 71.

⁴⁾ Слова аббата Лефевра, приводимыя Дюсо, которому они были сказаны. См.—*Oeuvre des sept jours*, p. 301.

⁵⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 357.

Первое письмо заключало въ себѣ слѣдующія слова: «Посылаю вамъ, дорогой дю Пюже, приказъ, который вы считаете необходимымъ; вы его передадите. Парижъ, 14 іюля 1789 г.—Подписано: Баронъ де Безанваль». Второе письмо, вложенное въ тотъ же конвертъ, было слѣдующаго содержанія:

«Господинъ де Лонэ будетъ держаться до послѣдней крайности: я послалъ ему достаточное подкрѣпленіе. 14 іюля 1789 г. Подписано: баронъ де Безанваль» ¹⁾).

Тогда еще болѣе усилилось общее негодованіе. Стали подозрѣвать самую гнусную измѣну. Какой-то молодой человѣкъ, растолкавъ толпу, пробрался къ бюро и воскликнулъ: «Долой особый комитетъ ²⁾». Мы не хотимъ комитета!» и тысяча голосовъ, съ страшнымъ норывомъ, повторили эти слова. Только что одинъ старикъ проговорилъ: «Оставимъ тамъ этихъ измѣнниковъ!»—какъ прибѣжалъ комиссаръ Карре и второпяхъ разсказалъ о волненіи на Гревской площади ³⁾. Комитетъ былъ въ тотъ же моментъ упраздненъ ⁴⁾. Олигархи буржуазіи появились въ большомъ залѣ, и Флесель, взошедшій на эстраду, гдѣ стояло предсѣдательское кресло, привлекъ на себя испытующіе и недовѣрчивые взгляды многочисленной толпы.

Таковъ былъ внутренній видъ городской ратуши, когда громовый, ужасающій крикъ, одинъ изъ тѣхъ неистовыхъ возгласовъ несмѣтной толпы, отъ которыхъ у древнихъ испуганныя вороны падали на арену цирка, возвѣстилъ о взятіи Бастиліи. Вскорѣ прибыла масса людей всякаго возраста и званія, покрытыхъ всякаго рода оружіемъ. «Казалось, отъ этихъ потрясающихъ воздухъ смѣшанныхъ криковъ побѣды и измѣны, мщенія и свободы сейчасъ рухнутъ стѣны зданія ⁵⁾». Изъ середины толпы высовывалась чья-то окровавленная рука, махавшая буклемъ коменданта; но рядомъ съ этимъ гнуснымъ трофеемъ одинъ молодой рабочій несъ на концѣ своего штыка регламентъ Бастиліи; и, увѣнчанный лаврами, Эли подвигался впередъ, несомый на рукахъ своими товарищами ⁶⁾.

1) *Mémoire de Boucheron*, p. 8 и 9.—Certifié veritable par Thuriot de La Rosière, Piquot Sainte-Honorine, de Corny, de Milly, Buffault, de La Fleury, Coutans, Joannon.

2) *Mémoire de Boucheron*, p. 9.

3) *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 350.

4) *Mémoire de Boucheron*, p. 9.

5) Подлинныя выраженія въ *Procès-verbal*, p. 355.

6) См. *le Discours historique de Dusaulx*, p. 360; и *Procès-verbal*, p. 355.

лалъ ни малѣйшаго насилія ¹⁾. Спустившись на Гревскую площадь, онъ спокойно дошелъ среди толпы, не причинившей ему никакого зла, до угла набережной Пеллетье ²⁾. Тамъ какой-то незнакомецъ убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера; неизвѣстно, было ли то варварское нетерпѣніе со стороны врага, или, можетъ быть, убивая Флеселя, кто-либо изъ его сообщниковъ хотѣлъ похоронить вмѣстѣ съ нимъ какую-нибудь страшную тайну.

Распространился слухъ, что у старшины купечества нашли записку отъ него къ коменданту Бастили слѣдующаго содержанія: «Держитесь стойко! Я забавляю парижанъ обѣщаніями и кокардами». Справедливость требуетъ сказать, что никто не видалъ этой записки; что она не фигурировала ни въ какомъ протоколѣ, и что о существованіи ея говорила только народная молва.—Тѣмъ не менѣе, цитированныя слова совершенно вѣрно характеризовали поведеніе Флеселя. Онъ дѣйствительно забавлялъ парижанъ кокардами и обѣщаніями. Кто ему далъ такой приказъ?—Эту тайну онъ такъ и унесъ съ собою въ могилу.

Почти въ это же время притащили въ ратушу князя и княгиню де-Монбаррей. Княгиня упала въ обморокъ передъ грозными избирателями и безъ чувствъ была отнесена въ залу королевы. Что касается ея мужа, то, угрожаемый со всѣхъ сторонъ, припертый къ столу, совершенно растерявшійся, онъ навѣрное погибъ бы, если бы маркизь де Ла Саль не вывелъ его съ силой изъ середины раздраженной толпы и не далъ бы ему такимъ образомъ возможности сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе: «Господа, проговорилъ бывшій военный министръ, вы дѣлаете жестокую ошибку: вы хотите наказать меня, какъ аристократа, а между тѣмъ я одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ свободы... Князь де Сенъ-Морисъ, устроившій революцію въ Франшъ-Конте,—мой родной сынъ ³⁾».

Гнѣвные возгласы смѣнились бурными аплодисментами. И по мѣрѣ того, какъ отдалялись кровавыя впечатлѣнія битвы, великодушіе снова пріобрѣтало свою власть. Французскіе гвардейцы и Эли просили, чтобы народъ вознаградилъ ихъ за ихъ услуги проявленіемъ гуманности и великодушія. Защитники

¹⁾ Буквально воспроизведено изъ *Procès-verbal*, стр. 361. Авторъ цитированнаго выше разсказа говоритъ, съ своей стороны: «Могу подтвердить миролюбивое настроеніе толпы, какъ очевидно».

²⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 364.

³⁾ *Ibid.*, p. 365.

ренія, какъ это было двѣ недѣли тому назадъ?» ¹⁾ «Нѣтъ, отвѣчалъ король, я никогда ихъ не перемѣню». Этотъ эпизодъ былъ важнымъ фактомъ того дня, но онъ затерялся въ шумѣ торжественныхъ овацій. Королева, желая получить свою долю апплодисментовъ, вышла на большой балконъ, неся на рукахъ дофина, какъ бы для того, чтобы ввѣрить дѣло королевской власти сердцамъ матерей; но тогда, среди радостныхъ криковъ, послышался въ толпѣ угрожающій ропотъ. Когда узнали, во дворѣ замка, одну придворную даму, къ ней начали приставать съ разными оскорбительными разспросами. «Почему,—спрашивали съ ѣдкой ироніей, нѣсколько голосовъ,—герцогиня Полиньякъ не покажется вмѣстѣ со своей подругой?» Протянувъ руку къ одному изъ оконъ дворца, какой-то незнакомецъ воскликнулъ: «Вотъ гдѣ помѣщается этотъ тронъ, слѣды котораго скоро трудно будетъ отыскать» ²⁾.

Парижъ беспокоилъ Собраніе, но оно не отчаявалось привлечь его на сторону Людовика XVI. Отправили къ народу многочисленную депутацію, въ составъ которой вошли, между прочимъ, Лафайетъ, Мунье, Балли, Сійесъ, Лалли Толлендаль, Талейранъ, Бареръ, и которой поручено было рассказать парижанамъ о рѣчи короля, о мирѣ, восторженно привѣтствованномъ, о трогательныхъ сценахъ въ мраморномъ дворѣ. Лейбъ-гвардейцы вызвались конвоировать посланныхъ этого другого государя—Національнаго Собранія; но послѣдніе разсудили, что такой кортежъ не приличествуетъ представителямъ націи, вѣстникамъ мира, и, горячо поблагодаривъ лейбъ-гвардейцевъ, они совершили переѣздъ отъ Версаля до столицы между двумя живыми изгородами изъ народа, стекавшагося на всемъ пути слѣдованія депутатскихъ экипажей ³⁾.

Парижъ въ эту минуту, послѣ своей недавней побѣды, находился въ тревожномъ состояніи. На улицахъ господствовало большое оживленіе: заставы, охраняемыя народною бдительностью, запырились ⁴⁾ предмѣстья были перерѣзаны баррикадами, мостовая взломана, а на баррикадахъ поставлены пушки; наконецъ около

¹⁾ *Le cousin Jacques*, p. 103.

²⁾ *Mémoires de madame Campan*, t. II, p. 48, 49.

³⁾ *Le Point du jour*, № 25, p. 207.

⁴⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 294.

событія, узурпаторы вакантной власти, они искусно и энергично пользовались ею уже два дня, командовали милиціей, назначали на должности, отдавали приказанія. Предшествующимъ этими четырьмя выборными, шестнадцать депутатовъ отправились въ ратушу, при восторженныхъ крикахъ безчисленной толпы: «Всѣ простирали къ нимъ руки; цвѣты сыпались на нихъ изъ всѣхъ оконъ; у всѣхъ были слезы на глазахъ» ¹⁾.

Но среди этого общаго ликованія вожаки буржуазіи имѣли на умѣ одну только мысль: напомнить всѣмъ, что существуетъ король, такъ какъ начинали уже забывать о немъ.

Въ большой залѣ ратуши первымъ заговорилъ маркизъ Лафайетъ. Послѣ бѣглаго разсказа объ утреннихъ событіяхъ, онъ воскликнулъ: «Король былъ обманутъ, но теперь онъ выведенъ изъ заблужденія; онъ узналъ о нашихъ несчастіяхъ и сдѣлаетъ то, что они никогда болѣе не повторятся». Затѣмъ выступилъ Лалли Толлендаль, ораторъ краснорѣчивый, игищный, убѣдительный, умѣвшій, искусно маскируя свои расчеты, говорить съ чувствомъ и увлеченіемъ. Онъ притворно восхищался порядкомъ, соблюдаемымъ парижанами, чтобы не имѣть надобности совѣтовать его имъ; онъ восхвалялъ великодушіе, доброту короля французовъ, который сказалъ: «Полагаюсь на васъ»; словомъ, онъ легко расшевелилъ сердца слушателей. Всѣ пришли въ умиленіе, которое было такъ глубоко, что оратора увѣнчали цвѣтами. Затѣмъ его подвели къ окну, чтобы показать зрителямъ, покрывавшимъ Гревскую площадь. Нѣкоторые говорили между собой о превратностяхъ судьбы, которая устроила такъ, что теперь аплодировали Лалли Толлендалю на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ эшафотъ его отца; но толпа не подозрѣвала, что эти оваціи были отмщеніемъ за казнь его отца ²⁾.

Оставалось организовать управленіе вооруженными гражданами. Имъ предложили въ начальники того, на кого указывали избиратели, именно маркиза Лафайета. Бюстъ послѣдняго, подаренный городу Парижу американскимъ штатомъ Виргинія,

¹⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 446.

²⁾ Онъ, оказавшій множество услугъ въ Индіи, былъ несправедливо казненъ. *Ред.*

былъ на виду у всѣхъ, поставленный рядомъ съ бюстомъ Вашингтона, въ большой залъ городской ратуши, этомъ театрѣ столькихъ быстро мѣнявшихся сценъ. Въ это самое утро, когда избиратели говорили о замѣнѣ герцога д'Омонъ, отказавшагося отъ командованія парижской милиціей, Моро де Сень-Мери, ничего не говоря, указалъ пальцемъ на Лафайета, и при этомъ жестѣ всѣ избиратели подали голосъ за соратника американцевъ ¹⁾. Выборъ былъ подтвержденъ единогласнымъ одобреніемъ, и Лафайетъ отвѣтилъ на это, салютуя своей шпагой. Кого назначить преемникомъ старшины купечества? Указали на Балли. Но при этомъ послышался возгласъ: «Не нужно болѣе старшины купечества,—пусть будетъ мэръ Парижа!» ²⁾. И тотчасъ же на головѣ скромнаго Балли появился вѣнецъ, поддерживаемый рукою парижскаго архіепископа ³⁾. Этотъ прелатъ, желая тоже участвовать въ почестяхъ столь мирной популярности, уговорилъ собраніе отправиться въ соборъ Богоматери, обративъ такимъ образомъ на пользу церкви впечатлѣнія этого достопамятнаго дня.

Побѣдившій народъ охотно позабылъ бы о королевской власти, которая ничѣмъ не проявляла себя въ это время, но буржуазіи нужно было напомнить о ея существованіи. Буржуазія боялась, чтобы торжество предмѣстій не перешло въ анархію, во всякомъ случаѣ она дрожала за свое господство, и чѣмъ смѣлѣе становился народъ, тѣмъ опаснѣе онъ ей казался. Пребывающая въ своемъ Версалѣ, среди швейцарцевъ, венгерскихъ гусаръ, драгунъ Безанваля, королевская власть имѣла одинъ только престижъ въ глазахъ толпы—престижъ меча; но въ глазахъ собственниковъ король оставался верховнымъ главою общественнаго порядка: за представителемъ силы деспотической они искали, они хотѣли спасти, даже популяризировать представителя охранительной силы, консервативной. Бастилія была взята; чего лучше, какъ ловче воспользоваться этимъ событіемъ и привести Людовика XVI къ парижанамъ, такъ, чтобы это посѣщеніе столицы имѣло видъ, что онъ подписывается подъ своимъ пораженіемъ, благородно принимаетъ его, и прикладываетъ къ нему свою королевскую печать. Слабъ былъ государь:

¹⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. I, p. 422.

²⁾ *Ibidem*, p. 460.

³⁾ *Ibidem*, p. 461.

вѣрили, что дѣйствительно былъ злой умыселъ, угрожавшій жизни монарха. Другіе, идя дальше, не побоялись направить свои подозрѣнія на младшаго брата Людовика XVI¹⁾. Но тутъ ужъ неправдоподобіе было очевидно и доходило до абсурда.

Глупые предрасудки, которыми былъ пропитанъ графъ д'Артуа, родовое тщеславіе, возводимое имъ на степень права, естественно побуждали его конспирировать противъ свободы народа; но это былъ единственный заговоръ, на который онъ былъ способенъ. Постоянно предававшійся съ увлеченіемъ легкимъ удовольствіямъ, мало образованный, отличавшійся нравственной испорченностью, которая была безъ примѣси великодушія, графъ д'Артуа такъ мало былъ созданъ для дѣлъ большого размѣра, преступленій или доблестныхъ подвиговъ, что его ловкость въ физическихъ упражненіяхъ всегда казалась ему достаточной славой, и что въ двадцать три года онъ, ученикъ акробата Пласида, полагалъ свое честолюбіе въ приобрѣтеніи талантовъ канатнаго плясуна²⁾.

За извѣстнымъ предѣломъ нужно имѣть силу какъ для добра, такъ и для зла; у графа д'Артуа никогда не было другой силы, кромѣ упрямства, которое, когда къ нему присоединяется искренность,—есть лишь сила невѣжества.

Впрочемъ, ненависть враговъ герцога Орлеанскаго вооружилась, около того же времени, обвиненіемъ, не менѣе гнуснымъ и не менѣе несправедливымъ. Говорили, будто, нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда принцевъ, два человѣка ѣхали вмѣстѣ въ Туринъ и одинъ изъ нихъ замѣтилъ у своего попутчика, по имени Дюбуа, признаки болѣзненно сдерживаемаго безпокойства. По мѣрѣ приближенія къ Турину волненіе Дюбуа все усиливалось, перемѣна его въ лицѣ становилась все замѣтнѣе. Скоро, потому ли, что угрызеніе совѣсти помutilo его разсудокъ, или потому, что онъ не въ силахъ былъ долѣе хранить одну изъ тѣхъ тайнъ, которыя внезапно пробуждаютъ совѣсть, онъ имѣлъ неосторожность наполовину высказать причину своего страха. Приѣзжаютъ въ Шамбери. Тамъ незнакомецъ, все время внимательно наблюдавшій Дюбуа, предлагаетъ ему раздѣлить съ нимъ ужинъ, послѣ котораго несчастный упалъ въ сильныхъ конвульсіяхъ. Онъ былъ отравленъ.

¹⁾ См. по этому пункту брошюру, изданную въ 1789 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Le Fratricide sacrilège*.

²⁾ Pierre de Champrobert, *Le comte d'Artois et l'emigration*, p. 17.

Вотъ что разсказывали сначала. Но въ чемъ состоялъ секретъ этого Дюбуа? Зачѣмъ онъ ѣхалъ въ Туринъ? Зачѣмъ его спутникъ отравилъ его? Утверждали, не приводя однако никакого доказательства этого ужаснаго обвиненія,—что Дюбуа былъ негодяй, подкупленный Макиавелями партіи герцога Орлеанскаго для отравленія графа д'Артуа; что незнакомецъ, отравившій его, былъ соглядатай, которому поручено было наблюдать за поведеніемъ убійцы и умертвить его, въ случаѣ, если онъ будетъ колебаться и раскаяваться; что Дюбуа передъ смертью самъ признался во всемъ; что тотчасъ же былъ составленъ протоколъ о заявленіяхъ умирающаго; и наконецъ, что протоколъ этотъ, надлежаще засвидѣтельствованный, былъ посланъ министру, иностранныхъ дѣлъ, который сообщилъ его официально, но по секрету, французскому посланнику при Сардинскомъ дворѣ ¹⁾.

Нужно ли говорить, что еслибы дѣйствительно существовали какія-нибудь доказательства, то, конечно, не преминули бы предъявить ихъ. Дворъ не только не имѣлъ никакой причины упасть герцога Орлеанскаго, но, напротивъ, ему было бы выгодно изобличить его. Графъ д'Артуа, къ тому же, не имѣлъ титула, который могъ бы вызвать борьбу честолюбій. Удалившись изъ королевства, онъ не могъ быть для герцога Орлеанскаго серьезнымъ препятствіемъ. Какая же была цѣль покушенія? Это одно изъ печальныхъ свойствъ ненависти—легко предполагать преступленіе, когда оно должно быть выгоднымъ; но даже ненависти непозволительно вѣрить въ бесполезныя преступленія.

На самомъ дѣлѣ герцогъ Орлеанскій не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ сильныхъ качествъ характера, которыя могутъ породить жажду царствовать, поддерживать и объяснять ее.—Въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ взятія Бастиліи, было условлено между принцемъ и его приверженцами, что онъ явится въ королевскій совѣтъ, предложить себя въ посредники и въ награду за свое посредничество потребуетъ достоинства намѣстника королевства... а когда дѣло дошло до исполненія этого плана, герцогъ смутился до такой степени, что, вмѣсто заранѣе пригото-

¹⁾ См. *Histoire impartiale des révolutions de France*, t. I, p. 223, и *Mémoires particuliers de Clermont-Gallerande*, t. II, p. 190 и 191; цитированные Пьеромъ Шампроберомъ въ книгѣ *Comte d'Artois et l'émigration*, p. 162.

тюрьму Шуасси, вокруг которой уже ревяла толпа, когда пришла депутация отъ Национальнаго Собранія, которое желало его спасти. Епископъ шартрскій держитъ рѣчь къ разъяренной толпѣ, и ему уже удалось успокоить ее, но вдругъ кто-то вскричалъ: «Они не старались защищать Соважа, потому что онъ былъ бѣденъ; они хотятъ спасти Томасена, потому что онъ богатъ!» При этихъ словахъ ярость присутствующихъ снова пробуждается; толпа врывается въ тюрьму, вытаскиваетъ оттуда заключеннаго, и обнаженные мечи уже блестятъ въ воздухѣ. Епископъ шартрскій сталъ на колѣни посреди площади, депутаты послѣдовали его примѣру, и всѣ они простирали къ народу умоляюще сложенные руки. «Нѣтъ, нѣтъ, онъ долженъ умереть!» Тогда со слезами на глазахъ, епископъ шартрскій просилъ, какъ послѣдней милости, чтобы позволили жертвѣ исповѣдаться. Священникъ приблизился къ казнимому, народъ былъ тронуть и Томасенъ спасенъ ¹⁾).

Но изъ всѣхъ людей, обреченныхъ въ жертву народной злобѣ и жаднѣ мести, самымъ ненавистнымъ былъ Фуллонъ, человѣкъ грубый, угрюмый и жестокосердный. «Я помню,—говоритъ одинъ изъ его горячихъ апологистовъ ²⁾),—очень хорошо помню, что когда разнесся слухъ о предполагаемомъ назначеніи его министромъ, въ предмѣстьяхъ поднялась всеобщая тревога». Ему приписывали слѣдующія жестокія слова: «*Если бы я былъ министромъ, я заставилъ бы французовъ ѣсть сѣно*», и еще: «*Нужно было бы выкосить Парижъ, какъ косятъ луга*». Правда ли, что у Фуллона сорвались съ языка эти слова, достойныя наглой жестокости древнихъ императоровъ Рима? Большинство писателей ³⁾ того времени приписываетъ ихъ ему; и никто не считалъ его неспособнымъ ихъ произнести. Его обвиняли также въ томъ, что онъ запятналъ взяточничествомъ и хищеніемъ послѣдовательно занимаемыя имъ должности по интендантскому и финансовому вѣдомствамъ; что онъ совѣтовалъ объявить государство банкротомъ; что онъ изъ народныхъ бѣдствій сдѣлалъ себѣ средство къ обогащенію; что онъ спекулировалъ на голодѣ. Но справедливость требуетъ прибавить, что ни одно изъ этихъ

¹⁾ *Rapport de Le Camus à l'assemblée nationale.*

²⁾ *L'Ami du roi*, etc., 4-е cahier, chap. LVIII, p. 79.

³⁾ *Le cousin Jacques*, p. 122.—*Evénements de la semaine*, petite feuille du temps.—Gorsas, *Courrier de Versailles à Paris*.—*Hist. de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. II, p. 117.—*Lettre à M. le marquis de Luchet*, etc., etc.

уже осужденнаго на смерть, привело въ большое смущеніе членовъ постояннаго комитета. Какъ избѣгнуть отвѣтственности за его казнь? Какъ устранить опасность его безнаказанности? Комитетъ рѣшилъ перевезти его тайно въ тюрьму Сенъ-Жерменскаго аббатства. Но вѣсть объ арестованіи Фуллона быстро разнеслась по всему Парижу, и на Гревской площади появились группы народа, повидимому, подстрекаемыя хорошо одѣтыми свѣтскими людьми¹⁾. Толпа кричала: «Гдѣ Фуллонъ? Покажите намъ Фуллона!» Какой-то незнакомецъ подалъ членамъ комитета клочки письма, которое, какъ говорили, Фуллонъ разорвалъ зубами, когда его арестовали²⁾. Тогда, въ сопровожденіи двадцати избирателей, Балби вышелъ на крыльцо, желая обратиться съ рѣчью къ народу; но, не будучи въ состояніи сдѣлать такъ, чтобы слова его были услышаны всѣми, ни даже остановить на сколько-нибудь продолжительное время вниманіе тѣхъ, кто могъ его слышать, онъ вернулся назадъ въ отчаяніи. Положеніе становилось критическимъ. Грозилъ сжечь ратушу, въ случаѣ, если комитетъ выпуститъ Фуллона; ропотъ обратился въ яростныя крики... Что было дѣлать? Охваченные ужасомъ, наличные избиратели сами не знали хорошенько, гдѣ Фуллонъ, въ какомъ мѣстѣ спрятали его члены ночного бюро, или не помогли ли ему спастись бѣгствомъ. Избиратели обыскали все зданіе ратуши, и найдя, наконецъ, арестанта въ залѣ Королевы, предложили ему показаться народу. Фуллому было семьдесятъ четыре года. При видѣ этого лица, на которое старость наложила свой отпечатокъ, толпа успокоилась и, казалось, уже склонялась къ жалости, какъ вдругъ раздается крикъ: «Пусть его приведутъ сюда на судъ!»³⁾. Въ то же мгновеніе шайка разъяренныхъ людей проникаетъ въ ратушу, опрокидываетъ часовыхъ, ломаетъ барьеры и врывается въ залу комитета. Энергичный Моро де Сенъ-Мери требуетъ молчанія, и когда шумъ нѣсколько стихъ, избиратель Делануазъ, обращаясь къ толпѣ, воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ: «Всякій преступникъ долженъ быть судимъ. Я не допускаю мысли, чтобы между вами былъ хоть одинъ палачъ.—Да, сейчасъ же судить и повѣсить!—Но,—возражаетъ другой избиратель, Осленъ,—для того, чтобы судить,

¹⁾ *Procès-verbal de l'assemblée des électeurs*, t. II, p. 314.—*L'Ami du roi* etc., 4-e cahier, chap. LVIII, p. 83.

²⁾ *L'Ami du roi*, 4-e cahier, chap. LVIII, p. 80.

³⁾ *Mémoires de Bailly*, t. II, p. 111.

ГЛАВА XV.

Разрушеніе феодализма.

Возстаніе деревень.—Поджигатели въ Дофинэ.—Везульская трагедія.—Панический страхъ во всей Франціи.—Сцены мщенія.—Крестьяне сжигаютъ замки и дворянскія грамоты.—Буржуазія и крестьянство.—Тайныя собранія въ Парижѣ.—Ночь 4-го августа 1789 года.—Разрушеніе феодализма во Франціи.—Конецъ перваго акта буржуазной революціи.

Въ концѣ іюля мѣсяца трое крестьянъ прибѣжали въ городокъ Монлюэль сказать его жителямъ, что въ полмилѣ отсюда видѣли съ полсотни вооруженныхъ людей, собравшихся у опушки лѣса, вокругъ костровъ, на которыхъ что-то варилось, вѣроятно, ихъ грубая ѣда. «Вотъ разбойники!» — этотъ крикъ раздавался тогда по всей Франціи, съ одного конца до другого: страхъ овладѣлъ обитателями Монлюэля. Сборщикъ соляной пошлины, Андрэ, поспѣшилъ спрятать подальше казенныя деньги, и въ подзорную трубу, направленную къ указанному мѣсту сборища неизвѣстныхъ людей, разглядѣли, что они разматываютъ толстую веревку, разрѣзаютъ ее на куски и, обмокнувъ эти фитили въ растопленную древесную смолу, навязываютъ ихъ на палки, приготовляя нѣчто въ родѣ факеловъ ¹⁾. Когда появился какой-то всадникъ, повидимому, атаманъ шайки, послѣдняя быстро скрылась въ чащѣ лѣса. Съ наступленіемъ ночи эти подозрительные незнакомцы сдѣлали демонстрацію противъ города; но, найдя ворота запертыми, они направились прямо къ замку, расположенному въ окрестностяхъ Монлюэля. Тамъ жилъ только сторожъ; они велѣли ему собрать свои пожитки и удалиться, вмѣстѣ съ семьей. Затѣмъ они выломали двери, стали искать документы и бумаги, собрали ихъ вмѣстѣ и подожгли замокъ. Съ факелами въ рукахъ, они продолжали свое шествіе. Проходя черезъ деревни, гдѣ набатный колоколъ возвѣщалъ о ихъ приближеніи, они кричали: «Не бойтесь, добрые люди, мы хотимъ причинить зло только вашимъ врагамъ. Мы поклялись вести войну съ тиранами народа»...

Они сожгли одинъ за другимъ двѣнадцать замковъ, самый значительный изъ которыхъ принадлежалъ барону д'Антону.

¹⁾ *Memoires pour servir à l'histoire de l'année 1789*, t. III, p. 193.

Члены Бретонскаго клуба были крайне удивлены, потому что эту инициативу, которую взялъ на себя виконтъ де Ноайль, они наканунѣ поручили одному изъ своихъ, герцогу д'Эгильонъ, такъ что послѣднему теперь оставалось только поддержать предложеніе своего товарища, что онъ и сдѣлалъ съ силой, съ чувствомъ, какъ подобаетъ въ самоубійствѣ! Тогда начались треволненія этой плодотворной ночи. Требуя выкупа, вмѣсто безусловной отпѣны, личныхъ повинностей, которыя были не правомъ, а преступленіемъ, герцогъ д'Эгильонъ отступилъ передъ границей, которую смѣло перешагнулъ виконтъ де Ноайль. Но послѣдній, какъ младшій въ семействѣ, былъ бѣденъ, тогда какъ д'Эгильонъ, напротивъ, изъ всѣхъ сеньоровъ по богатству занималъ второе мѣсто послѣ короля¹⁾.

Оттого впечатлѣніе было глубокое. Ученая диссертація Леграна о различныхъ видахъ феодальныхъ правъ была едва выслушана. Достаточно долго наука говорила: теперь слово принадлежало энтузіазму—энтузіазму истины.

На трибуну взошелъ землепашецъ. У него были грубые манеры и суровое выраженіе лица; одѣтъ онъ былъ по-крестьянски; его звали Гуанъ де Керенгаль; раньше онъ никогда не говорилъ въ Собраніи. Всѣ наострили уши. Онъ выступилъ не за тѣмъ, чтобы произнести рѣчь, а затѣмъ, чтобы совершить актъ. «Пусть намъ принесутъ эти грамоты, оскорбляющія чувство стыдливости, надругивающіяся надъ челоуѣчествомъ, заставляющія людей запрягаться въ телѣжку, какъ рабочее животное. Пусть принесутъ намъ эти документы, въ силу которыхъ люди должны проводить ночи въ удареніи по водѣ прудовъ для того, чтобы не позволять лягушкамъ нарушать сонъ сластолюбиваго сеньора²⁾. — «Да, да!» — кричали волнующіяся трибуны.

Велѣдъ за бретонскимъ депутатомъ выступилъ депутатъ изъ Франшъ-Конте и раскрылъ передъ глазами собранія все, что заключали въ себѣ по части кровавыхъ воспоминаній архивы феодальнаго режима³⁾.

¹⁾ Alexandre Lameth, *Histoire de l'assemblée constituante*, t. I, p. 86, 96, 97. 1828.

²⁾ *Le Point du jour*, t. II, p. 30, № 42.

³⁾ *Ibidem*, № 44, упоминаетъ, не воспроизводя ее, о рѣчи этого депутата, по имени Ла Пуль. — Въ своемъ *Courrier de Provence*, t. II, № 23, p. 13, Мирабо только излагаетъ вкратцѣ эту рѣчь. — Что касается *Moniteur's* гдѣ, впрочемъ, засѣданіе 4-го августа передано очень неполно, то онъ не говоритъ ни слова о рѣчи франшконтенскаго депутата.